

Славянский АЛЬМАНАХ

Учредитель:
Институт славяноведения РАН

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-61134 от 30 марта 2015 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Д. Батакович, доктор исторических наук, профессор,
Институт балканистики САНУ, Сербия

Т. И. Вендина, доктор филологических наук, профессор

А. Влашич-Анич, PhD, Институт старославянского языка,
Хорватия

П. Женьюх, доктор филологических наук, профессор,
директор Института славистики САН, Словакия

А. Зуппан, академик Австрийской академии наук, Австрия

К. В. Никифоров, доктор исторических наук, директор
Института славяноведения РАН (отв. редактор)

М. Номати, PhD, доцент, Славяно-евразийский
исследовательский центр Университета Хоккайдо, Япония

В. Радева, доктор филологических наук, профессор,
Софийский университет, Болгария

М. А. Робинсон, доктор исторических наук

А. Розман, PhD, профессор, Университет Любляны, Словения

Н. Н. Старикова, доктор филологических наук

Е. С. Узенева, кандидат филологических наук, доцент

А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

РЕДАКЦИЯ:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

М. Ю. Дронов, кандидат исторических наук

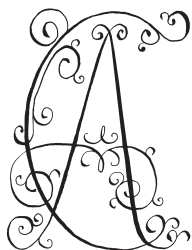
К. А. Кочегаров, кандидат исторических наук

М. М. Макарецев, кандидат филологических наук

Институт славяноведения РАН

Славянский Альманах

3-4 · 2015

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2015

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2015. Вып. 3–4. —
М.: Индрик, 2015. – 496 с.

ISSN 2073-5731

Очередной выпуск (№ 3–4) «Славянского альманаха» отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, общественных и национальных движений, международных отношений, истории славистики, истории культуры, литературы и фольклора, этнолингвистики, древних и современных славянских языков и диалектов. Часть статей выпуска посвящена 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Хронологический охват материалов – от Нового времени до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

The new issue (3–4) of «The Slavonic Miscellany» reflects main directions of complex academic slavistic studies. It also includes articles and publications on the topical problems of the history of Slavic peoples, social and national movements, international relations, the history of Slavic studies, the history of culture, literature and folklore, ethnolinguistics, ancient and modern Slavic languages and dialects. Several articles are dedicated to 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. The publications focus on the period from Modern History to contemporal events. The book may be interested not only to the scholars, but to the general reader as well.

© Институт славяноведения РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015
© Издательство «Индрик», 2015

Содержание

От редколлегии	11
----------------------	----

История

<i>Кочегаров К. А. (Москва). Как поспорил Иван Степанович со Львом Кирилловичем: к вопросу о неформальных взаимоотношениях украинских гетманов и царских вельмож .....</i>	13
<i>Фалькович С. М. (Москва). Польский вопрос в решениях Венского конгресса 1815 г. и причины краха венских договоренностей .....</i>	23
<i>Фролова М. М. (Москва). М. А. Хитрово – первый русский консул в Македонии (1860–1864) .....</i>	38
<i>Шемякин А. Л. (Москва). Русский человек на Балканах: сербская одиссея поручика Мамулова (1893–1915) .....</i>	57
<i>Крючков И. В. (Ставрополь). Русины Подкарпатской Руси в восприятии российских дипломатов – сотрудников генерального консульства в Будапеште в конце XIX – начале XX в. ....</i>	77
<i>Гром О. А. (Ростов-на-Дону). Дебаты о «молдавском сепаратизме» в период между Первой русской революцией и столетним юбилеем присоединения Бессарабии к России (1907–1912 гг.) .....</i>	87
<i>Субаев Р. Р. (Москва). Миссия Лимана фон Сандерса и младотурецкий режим накануне Первой мировой войны .....</i>	105
<i>Клопова М. Э. (Москва). «Больной вопрос». Анкета журнала «Украинская жизнь» 1912–1917 гг. ....</i>	122
<i>Булахтин М. А. (Пермь). Польско-украинские противоречия в Галиции в годы Первой мировой войны .....</i>	138
<i>Вабищевич А. Н. (Брест). Старообрядцы как этноконфессиональное меньшинство в Польше (1918–1939 гг.) .....</i>	157
<i>Фединец Ч. (Будапешт), Черничко С. (Берегово). Некоторые аспекты языковой политики Венгерского Королевства в отношении Подкарпатской территории (Закарпатья) в 1939–1944 гг. ....</i>	172
<i>Новосельцев Б. С. (Москва). Югославско-американские отношения и вмешательство США в конфликт во Вьетнаме (1965 – начало 1966 г.) .....</i>	186
<i>Валева Е. Л. (Москва). Мифы и память о социализме в Болгарии .....</i>	200

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

<i>Старикова Н. Н. (Москва)</i> . Вторая мировая война в судьбе и творчестве словенских писателей-эмигрантов	212
<i>Широкова Л. Ф. (Москва)</i> . Жанровое многообразие словацкой прозы о войне в динамике литературного развития (вторая половина XX – начало XXI в.)	224
<i>Адельгейм И. Е. (Москва)</i> . «Эта тема для тебя...» Проза «второго поколения детей Холокоста» в Польше 2000-х гг.	236
<i>Гусев Ю. П. (Москва)</i> . Война, победа, поражение. Взгляд с той стороны (Вторая мировая война в венгерской литературе)	253
<i>Пихурик Ю. (Сегед)</i> . Против «советского рая». Заметки венгерских солдат о целях войны и сталинском Советском Союзе	263

История культуры

<i>Бодрова А. Г. (Санкт-Петербург)</i> . «Что нас толкает в путь?» (интенции путешествий в югославских женских травелогах первой половины XX в.)	278
<i>Волокитина Т. В. (Москва)</i> . Советский фактор в литературной жизни Восточной Европы в 40-е гг. XX в.	295
<i>Королькова П. В. (Москва)</i> . Мифологическая проза как источник современной чешской литературной сказки (на примере «Словаря нечистой силы» И. Пехи)	311
<i>Шуберт Г. (Йена)</i> . «Тяжесть начала»: строительная жертва в интерпретации Иво Андрича	321
<i>Аганкина Т. А. (Москва)</i> . Сисиниева легенда в фольклорной традиции Южной Славии	335

Языкознание

<i>Ефимова В. С. (Москва)</i> . К определению статуса несколькихсловных наименований лиц в старославянских текстах	352
<i>Скорвид С. С. (Москва)</i> . О «культурных диалектах» и переселенческих говорах чехов на Черноморском побережье Северного Кавказа	368
<i>Пилипенко Г. П. (Москва)</i> . Словенцы в провинции Триест: социолингвистическая и этнокультурная ситуация	383
<i>Чешко Г. А. (Киев)</i> . Наречия, производные от имен числительных, в украинском восточнопопелеском диалекте	402

История науки

- Макарова Г. В. (Москва)*. Проблематика польского национально-освободительного движения середины XIX века в трудах
В. А. Дьякова 410

Публикации

- Стыкалин А. С. (Москва)*. Секретная миссия Ю. В. Андропова
и Б. Н. Пономарева в Белград в октябре 1957 г. (к истории
подготовки большого московского совещания компартий) 430

Обзоры и рецензии

- Косик В. И. (Москва)*. Из Сербии с любовью:
Алексей Борисович Арсеньев 449
- Усачева А. В. (Москва)*. Сегменты идентичности в творчестве
зарубежных славянских писателей 458

Хроника

- Богдашкин А. А., Теплухин В. В. (Воронеж)*. Круглый стол
«Актуальные проблемы Второй мировой войны и
Великой Отечественной войны» 462
- Кокунина Л. К., Новосельцев Б. С., Усачева А. В.,
Ясинская М. В. (Москва)*. Международная научная конференция
«Славянский мир: общность и многообразие» 468
- Пилипенко Г. П., Шатько Е. В. (Москва)*. Второй
боснийско-герцеговинский славистический конгресс.
Сараево, 28–30 мая 2015 г. 479
- Сведения об авторах 483

Content

Editorial	11
-----------------	----

History

<i>Kočegarov K. A. (Moscow)</i> . About the conflict between Ivan Stepanovič and Lev Kirillovič: some remarks about the private relationships of the Ukrainian hetmans and the Russian aristocrats	13
<i>Fal'kovič S. M. (Moscow)</i> . The Polish question in the decisions of the Congress of Vienna (1815) and why the agreements failed	23
<i>Frolova M. M. (Moscow)</i> . M. A. Hitrovo – the first Russian consul in Macedonia (1860–1864)	38
<i>Šemjakin A. L. (Moscow)</i> . A Russian in the Balkans: the Serbian odyssey of lieutenant Mamulov (1893–1915)	57
<i>Krjučkov I. V. (Stavropol)</i> . Ruthenians in Transcarpathia as seen by Russian diplomats – the members of the Consulate General in Budapest at the end of the 19 th – beginning of the 20 th century	77
<i>Grom O. A. (Rostov-on-Don)</i> . Debates on «Moldovan separatism» between the First Russian Revolution and the celebration of 100 years of Besarabia's ceding to Russia (1907–1912)	87
<i>Subajev R. R. (Moscow)</i> . Liman von Sanders' mission and the Young Turks before WWI	105
<i>Klopova M. E. (Moscow)</i> . «The painful issue». The questionnaire of the magazine «Ukrainian Life» in 1912–1917	122
<i>Bulaxtin M. A. (Perm)</i> . Polish-Ukrainian contradictions in Galicia during WWI	138
<i>Vabiščevič A. N. (Brest)</i> . Old Believers as an ethnoconfessional minority in Poland (1918–1939)	157
<i>Fedinec Cs. (Budapest)</i> , <i>Černičko S. (Beregovo)</i> . Some aspects of the language policy of the Kingdom of Hungary in Transcarpathia in 1939–1944	172
<i>Novosel'cev B. S. (Moscow)</i> . Yugoslav-American relations and the US taking part in the conflict in Vietnam (1965 – beginning of 1966)	186
<i>Valeva E. L. (Moscow)</i> . Myths and the memory of socialism in Bulgaria	200

70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War

<i>Starikova N. N. (Moscow)</i> . WWII in the life and works of Slovenian emigrant writers	212
<i>Širokova L. F. (Moscow)</i> . The variety of genres in Slovak prose and the dynamics of literary progress (second half of the 20 th – beginning of the 21 st century)	224
<i>Adel'gejm I. Je. (Moscow)</i> . «This topic is for you...». The prose of «the second generation of Holocaust children» in Poland in 2000s ..	236
<i>Gusev Ju. P. (Moscow)</i> . The war, the victory, the defeat. The view from the other side (WWII in Hungarian literature)	253
<i>Pihurik J. (Szeged)</i> . Against the «Soviet paradise». Notes of Hungarian soldiers about the goals of the war and the Stalinist Soviet Union	263

History of Culture

<i>Bodrova A. G. (Saint Petersburg)</i> . «What gives us the desire to travel?»: the intentions to travel in Yugoslav women travelogues of the first half of the 20 th century	278
<i>Volokitina T. V. (Moscow)</i> . The Soviet factor in the literary life of Eastern Europe in 1940s	295
<i>Korol'kova P. V. (Moscow)</i> . The mythological prose as a source for contemporary Czech literary tales (basing on «The Dictionary of Evil Forces» by J. Pecha	311
<i>Schubert G. (Jena)</i> . «The heavy beginning»: Walling up as interpreted by Ivo Andrić	321
<i>Agapkina T. A. (Moscow)</i> . Sisinnius' legend in South Slavic folklore tradition	335

Linguistics

<i>Efimova V. S. (Moscow)</i> . On the definition of status of multi-word nominations for persons in Old Church Slavonic texts	352
<i>Skorvid S. S. (Moscow)</i> . On «cultural dialects» and immigrant patois of Czechs on the Black Sea coast of the Northern Caucasus ..	368
<i>Pilipenko G. P. (Moscow)</i> . Slovenians in the Province of Trieste: the sociolinguistic and ethnocultural situation	383
<i>Češko G. A. (Kiev)</i> . The adverbial derivatives from numbers in a Ukrainian dialect of Eastern Polesia	402

 History of Science

- Makarova G. V. (Moscow)*. The problems of Polish national liberation movement in the middle of XIX century in the works of V. A. Dyakov 410

Publications

- Stykalin A. S. (Moscow)*. The secret mission of Ju. V. Andropov and B. N. Ponomarjov to Belgrade in October, 1957 (on the history of preparation of the big congress of Communist parties in Moscow) 430

Reviews

- Kosik V. I. (Moscow)*. From Serbia with love:
Aleksej Borisovič Arsen'jev 449
- Usačeva A. V. (Moscow)*. Segments of identity in the works of foreign Slavic writers 458

Academic Life

- Bogdaškin A. A., Tepluxin V. V. (Voronezh)*. The round table «Topical Issues of WWII and the Great Patriotic War» 462
- Kokunina L. K., Novosel'cev B. S., Usačeva A. V., Jasinskaja M. V. (Moscow)*. International academic conference «The World of Slavs: The Common and the Diversities» 468
- Pilipenko G. P., Šat'ko Je. V. (Moscow)*. The Second Bosnian-Herzegovinian Congress in Slavic Studies. Sarajevo, May 28–30th, 2015 479
- About the authors 488

От редколлегии

В очередном, сдвоенном выпуске (№ 3–4) «Славянского альманаха» представлены статьи и материалы, охватывающие самые разные области славистики – языкознание, литературоведение, историю и историю науки, подготовленные учеными различных научных центров России (Воронеж, Москва, Пермь, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Ставрополь) и стран Центральной и Восточной Европы (Брест, Будапешт, Йена, Киев, Сегед и др.).

Работы по истории и истории культуры охватывают главным образом период XIX–XX вв., касаясь истории дипломатии и внешней политики, в том числе русско-молдавских, русско-македонских и русско-сербских связей, германо-турецких и югославско-американских отношений. Затрагиваются и такие актуальные сюжеты, как осмысление современным болгарским обществом последствий посткоммунистической трансформации, роль советского фактора в литературной жизни Восточной Европы 1940-х гг., положение старообрядцев как этноконфессионального меньшинства в Польше межвоенного периода. Литературоведческий блок представлен также авторами, которые анализируют творчество венгерского писателя Иво Андрича, жанр чешской сказки, фольклорную традицию Южной Славии и т. д. В рубрике «Языковедение» помещены статьи, посвященные различным аспектам исследования старославянских текстов, диалектов словенского, чешского и украинского языков.

Вместе с тем можно выделить и магистральные, сквозные темы выпуска.

Содержание журнала в значительной степени связано с замечательным юбилеем, отмечаемым в нашей стране и мире, – 70-летием Победы над фашизмом во Второй мировой войне. Это событие коренным образом предопределило политическое и социальное развитие многих стран Европы и Азии, оставило глубочайший след в истории и мировой культуре. Целая серия статей выделена в специальную рубрику «К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне» и посвящена тематике отражения исторической памяти о войне в литературном творчестве писателей Словении, Словакии, Венгрии и Польши, а также в дневниках и мемуарах венгерских солдат.

Не без внимания остался и возросший в последние годы интерес отечественных и зарубежных ученых к украинской проблематике. В ряде работ освещены политические и социальные проблемы истории Подкарпатской Руси и Галиции в конце XIX – первой половине XX в.

Редколлегия надеется, что новый выпуск журнала встретит неизменный интерес читателей, включая как специалистов-исследователей, так и более широкий круг тех, кто интересуется славянской историей и культурой.

К. А. Кочегаров
(Москва)

Как поссорился Иван Степанович со Львом Кирилловичем: к вопросу о неформальных взаимоотношениях украинских гетманов и царских вельмож

В статье рассматривается конфликт между украинским гетманом И. С. Мазепой и боярином Л. К. Нарышкиным в рамках неформальных отношений русской и украинской элит.

Ключевые слова: *русско-украинские отношения, неформальные связи, И. С. Мазепа, Л. К. Нарышкин*

Неформальные взаимоотношения украинских гетманов и царских сановников в последнее время пользуются пристальным вниманием историков¹. Обращение к этому важному сюжету помогает лучше понять развитие и функционирование всей системы русско-украинских взаимоотношений второй половины XVII – первой четверти XVIII вв. Как правило, источники раскрывают нам стремление украинской элиты заручиться поддержкой русских вельмож, которая используется не только в личных, но и политических целях. Для российской стороны подобные контакты открывали дополнительную возможность укрепления своего влияния на Украине. Однако развитие системы неформальных взаимоотношений могло омрачаться и конфликтами. Одному из них и посвящена настоящая статья.

Одним из проявлений русско-украинского сближения во второй половине XVII в. стал заметный приток в Великороссию, и особенно в Москву, уроженцев Малороссии. Среди них были и те, кто добровольно или по принуждению пополнял ряды боярской челяди и слуг. Украинцы привлекали русскую знать по разным причинам: знакомством с притягательной для нее в отдельных аспектах латинской (западной) культурой, техническими навыками и т. д. Так, в письме от 9 декабря 1683 г. руководитель русской дипломатии В. В. Голицын просил тогдашнего гетмана Ивана Самойловича «постараться от ваших стран о млынаре добром, которой мне как внов к мелничному заводу, так и старых к насмотру зело надобен, о чем су-

---

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-01-00229 «Русско-украинские отношения накануне измены гетмана И. С. Мазепы. 1704–1708 гг.».

губо... прошу и обещаю о том отслужит»². Известна популярность при дворе царя, патриарха и знатных вельмож украинских мастеров партесного пения³. Среди любителей последнего был и дядя царя Петра Великого, в 1690-е гг. один из руководителей правительства страны, боярин Лев Кириллович Нарышкин. Известно, что служивших у него украинских певчих он без каких-либо препятствий отпускал домой по истечении срока службы⁴. Так, в 1703 г. им был отпущен на родину «черкашенин» Ефим Высоцкий, «которой несколько лет при дворе ево был и службу свою во чтении и пении церковном добре отправлял»⁵.

Однако зимой 1703–1704 гг. между украинским гетманом И. С. Мазепой и Л. К. Нарышкиным возник конфликт из-за служившей у последнего украинской челядницы.

Это была карлица Матрона Пучковская, которая оказалась при дворе Л. К. Нарышкина где-то в 1691 г. Она являлась не крепостной, а казачкой и считалась находящейся при боярине «на услугах». Отец ее был «на службе монаршеской последнего походу чигиринского на войне под Чигирином от турков убит и голову свою там положил» (1678). Карлы и карлицы пользовались популярностью при дворах знати, и, возможно, сам гетман отдал ее в услужение Нарышкину, чтобы заручиться поддержкой могущественного вельможи. В боярском доме Матрона, по-видимому, прислуживала и развлекала женщин семьи Нарышкиных.

К 1703 г., прожив в Москве все это время «безотходно», составившись, Матрона, жалуясь на болезнь ног и слабость зрения, стала хлопотать о своем отпуске на родину. К делу подключились ее многочисленные родственники, проживавшие в селе Поповка Конопотской сотни Нежинского полка (располагалось в трех милях от Батурина) и окрестных селениях. Накануне очередного визита Мазепы в Москву они, во главе с братом Матроны, составили «плачливую челобитную» с просьбой отпустить родственницу домой. Представитель рода (в источнике он определяется как «зять», возможно, брата карлицы) был включен в свиту прибывшего в столицу гетмана, где вручил прошение Нарышкину. Боярин согласился отпустить служанку домой, но только на время. С этой целью он выслал вместе с ней сопровождающего. Однако, приехав в Поповку, Матрона отказалась ехать в Москву под предлогом того, что «для крайней своей немощи не может больше служить в старости своей». Последние годы своей жизни она намеревалась провести в монастыре. Поповские жители и родичи вновь обратились к Мазепе, «не хотя оной

всконечно к Москве отпускати», чтобы гетман «им в том насилия не чинил». Среди челобитчиков, помимо «посполитых», были местные «казаки давные и заслуженные» и два священника. Мазепа уступил, и человек Нарышкина повез в столицу вместо карлицы челобитную ее родственников. Однако Л. К. Нарышкин посчитал себя оскорбленным, направив своего слугу с претензиями к Мазепе⁶.

В конфликт вмешался руководитель русской дипломатии – Ф. А. Головин, написавший гетману письмо в середине января 1704 г. Он ссылаясь на недавнюю, «в сих днях», встречу с царским дядей. Нарышкин обратился к Головину, «зело великую жалобу произнося» на гетмана об обиде, «которую он получил... увозом малой девицы карлочки». Утверждалось, что Мазепа ее «напред сего... ему подарил». Боярин настоял, чтобы Головин «нарочно» послал вместе со своим письмом подьячего Сергея Ляпунова для возвращения служанки на боярский двор. Словно понимая неловкость ситуации и неправоту Нарышкина, Головин «нижайше» просил Мазепу уступить настояниям царского родственника, обещая услужить взамен. Характерна зачеркнутая приписка к письму: «Прошу твоей любви, сие дело можешь упредить и того подьячего с тою девицею немедленно отпустить, для того, что послан тот подьячий по указу всемилостивейшаго царя нашего и государя»⁷.

В ответ гетман оправдывался: «А я Бога самага души и совести моей свидетеля представляю, что до той карлицы никакого не имею дела и подлинно она мне не потребна и ни на что не надобна, понеже я не имею ни жены, ни дочери, ни сестры для которой бы имел оную у себя удержать». Он заявлял, что будучи готов «прислужиться», послал в Поповку вместе с боярским слугой своего человека «наговаривать оных и самую [Матрону] всякими способами, дабы опять во двор боярина его милости возвратилась и хотя б еще два или три года послужила, а велел оную тем обнадеживати, что по совершении трилетняго времени опять сюда к сродником своим отпущена будет». «Сродникам» якобы было обещано денежное вознаграждение («десяток и другой рублев»), при этом казакам и посполитым – освобождение соответственно от воинской службы и «тягостей и повинностей» на срок службы Матроны в Москве. Священники были «обнадежены» передачей им части доходов с окрестных мельниц. Однако все оказалось тщетным. Род Матроны резко выступил против, подав гетману новую, уже третью челобитную, заявив, «что естли де ту нашу племянницу к Москве пошлешь, то и нас всех с нею скававши посылай». Оправдываясь, Мазепа писал Головину, что

«никакою мерою нельзя мне в свободном народе ни малого чинити насилия и неволи, чрез что бы на себя не толко от тех ее карлицыных свойственников, но и от посторонних людей в народе малороссийском навел поречения». «Если бы та карлица была сирота безродная, не имеющая так много, а наипаче знатных и заслуженных казаков родственников своих, тогда бы я для любви боярина его милости множество грехов покрывающей, хотя бы и совести моей христианской нарушил [понеже то есть небезгрешно кого неволею давати или даровати, когда ж она не есть бусурманка и не неволница], – писал Мазепа, – приказал бы я ту карлицу, поневоле в сани кинув, на двор его милости к Москве допроводити, но она хотя карлица, возрастом и образом самая безделица, однако роду доброго казацкого и заслуженного». Гетман соглашался исполнить требование Нарышкина о возврате челядницы и высылке в Москву ее протестовавших родственников только при получении именного царского указа⁸.

К письму Мазепа приложил последнюю, третью челобитную родственников Матроны (содержание ее в значительной мере отражено в гетманском письме). Они трактовали ее возможное «взятъе» в Москву к боярскому двору как нарушение «вольностей... казацких, которых особливо от Бога нам данным заступником». Вспоминая смерть под Чигириным отца Матроны, ее дядья-казаки заявляли: «А мы все братия ево и сродники в походах воинских житие и здорovie наше за достоинство монаршеское несем не для чего иного, толко для волностей». Если же Нарышкин Матрону «насилу возмет, пусть и всех нас сковав к себе куды хошет везет», – восклицали челобитчики. Прошение подписали дядья карлицы – Родион и Яков Пучковские, Максим Еремеевич, священник с. Митченки, Иоанн Максимович, священник с. Обмачев, Иван Кирченко, атаман с. Поповка и одновременно конотопский сотник, казаки той же сотни Семен Забияка, Мирон Юрьев и соседней бахмацкой Павел Матвеев и др.⁹

В нашем распоряжении недостаточно данных, чтобы однозначно идентифицировать родовые связи казачки Матроны. Возможно, что она приходилась родственницей Павлу Пучковскому, нежинскому протопопу, умершему в 1703 г., незадолго до описываемых событий. Известен также казацкий, а впоследствии дворянский род Пучковских, связанный в основном со Стародубщиной, где его представители (среди них – некий Яков Пучковский) занимали полковые должности, были значковыми и войсковыми товарищами, владели населенными имениями. Кроме того, В. Л. Модзалевский приводит как не вошедшего в родословную роспись Пучковских священника

уже упоминавшегося с. Митченки – еще одного Якова Романовича Пучковского (упоминается под 1731 г.)¹⁰. Так или иначе, Матрона, скорей всего, принадлежала к разветвленному роду, среди которого были представители как полковой и сотенной старшины, так и духовенства. От их коллективного прошения гетман Мазепа не мог так легко отмахнуться. Более того, отчасти он даже был заинтересован в лояльности отдельных представителей клана Пучковских.

Дело в том, что находившаяся совсем недалеко от Конотопа Поповка не была простым селом. Уже в 1654 г. в ней существовали две церкви, почти 400 дворов, примерно поровну казацких и «мещанских». Население тесно было связано с близлежащим Конотопом – центром сотни. Именно при И. С. Мазепе часть поповских казаков, по выражению А. Лазаревского, были взяты «в личную прислугу гетмана», в том числе для присмотра за гетманским обозом в походе и дома. Служба эта была несравненно более легкой, чем обычная сотенная казацкая служба. Местные селяне также были связаны тесно с Мазепой, платя налоги на гетманский двор в Батуринае¹¹. При гетманском дворе служил и брат Матроны Пучковской¹². Учитывая эти обстоятельства, становится понятно, что перед нами не просто заступничество гетмана за казацкую дочь, а поддержка собственных придворных, которых нельзя отождествлять с полностью зависимой от господина челядью.

Как уже отмечалось, в свое время Мазепа сам предложил Матрону в услужение Нарышкину именно как карлицу. Теперь же, когда в покровительстве отстраненного от дел боярина он уже не особо нуждался, гетман счел возможным поддержать просьбы своих слуг об отпуске Матроны домой.

Где-то в конце января 1704 г. в русскую столицу прибыл слуга Мазепы, знатный войсковой товарищ Самойло Васильев. Он привез специальные, периодически посылаемые подношения от гетмана на царский двор – дичь («зверину»): пять оленей, восемь лосей, шесть сарн (серн?) и несколько «сугаков» (сайгаков?). Помимо этого, отдельная порция «звериной» (лось, кабан и две серны) предназначалась лично Ф. А. Головину, «дабы ваша велможность, – как писал гетман, – при всецелом и добром здравии оную употреблял»¹³. Головин любезно благодарил Мазепу за угощение¹⁴.

С. Васильев имел также поручение приобрести «про его гетманской обиход» необходимые съестные припасы (бочку уксуса, бочку свежих сельдей, четыре ящика французских слив «теперешнего привозу», 10 фунтов свежего миндаля, два вида кураги: 5 фунтов

«мореліов в цукре смажоных» и столько же «мореліов сухих», полтораста копченых сельдей, кулек чечевицы, по полкулька «больших» бобов и гороха, по 4 фунта кедровых и других орехов и, наконец, 30 фляжек «цефаликовой водки, що на голову зливается») и промышленные товары (45 «блях железа белого», 20 пудов меди, олово, «юфти 200 кож»). Все это по просьбе хозяйственного Мазепы было разрешено вывезти на Украину беспошлинно на ямских подводах¹⁵. В Батурин гетманский слуга возвратился 27 февраля 1704 г.¹⁶

Поездка гетманского «мажордома» в Москву, имевшая хозяйственные и представительские цели, неожиданно обострила конфликт вокруг карлицы Матроны. Л. К. Нарышкин каким-то образом встретился с гетманским посланцем, в резких выражениях выругав его патрона. Как писал обеспокоенный Мазепа Головину, царский дядя «завше меня... лае и всячески гонор мой бедний гетманский поносит, навет и посланнику моему Самойлу, який со зверем к Москве был послан, говорыл, учиню мовит, ему такую беду я[кой] он никак на себе не сподевается; будет мовит тое и ему, що и иншим гетманом». Нарышкин, вспоминая недавнюю встречу с гетманом, обвинял его, что тот «з запорожцами... приехал еще от нас челяди отнимати», заявлял, что якобы знает о его поступках, по-видимому не совсем благовидных («знаем, мовит, мы тое, як гетман поступает»).

Характерно, что Мазепа здесь поставлен в один ряд с запорожцами, которые и в Москве, и в Батурине ассоциировались с понятиями «своеволия» и нередко даже и «измены». Угрозы Нарышкина, пусть и высказанные в порыве гнева, тем не менее показывают, что отдельные представители русских правящих кругов видели в гетмане несамостоятельную фигуру, которая могла лишиться своего положения по воле царского правительства.

Перед лицом таких оскорблений Мазепа выразил готовность смягчить свою предыдущую позицию. Вновь оправдываясь, что Матрона «хочь есть упирица малая... роду казацкого и много мае крвних значних» в Конотопской сотне, теперь гетман предлагал царскому дяде в качестве компромисса послать на Украину своих людей, которые «возмут ей в селе Поповци з двора ей отческого кгвалтом». При этом Мазепа обязался закрыть на преступление глаза: не «боронити» ее и не посылать за похитителями погоню¹⁷.

Между тем Нарышкин продолжал докучать Головину, и 3 марта было подготовлено очередное письмо Мазепе с просьбой вернуть Матрону господину, дословно повторявшее предыдущее¹⁸. В этот момент глава русской дипломатии, видимо, получил вышеописанные жалобы

Мазепы. Он потребовал от царского дяди, который, как писал Головин, «каким будто образом фукал на милость твою и выговаривал Самоилу твоему соображением недостойно гонора твоего», объяснений по поводу оскорбления гетманской чести. Нарышкин отрицал, что оскорбил Мазепу, «и утверждался в том свидетелством верным и толко де говорил о карлице, а что о запорожцах и о протчем никогда ничего не воспоминал». Головин ставил под сомнение показания мазепинского слуги, подчеркивая, что Нарышкин «воздержательный язык имеет» и вряд ли мог сказать что-то подобное. Но в то же время руководитель уверял Мазепу: «И вернее и впредь остерегать особу твою за верную твою службу к престолу монаршему буду». Все это содержалось в приложенной к письму от 3 марта цедуле¹⁹.

Особую пикантность ситуации, в которой Головин выступал медиатором в конфликте боярина и гетмана, придавало то, что в конце 1690-х гг. именно он сменил Нарышкина на посту руководителя российской внешней политики. Продолжая оставаться во главе Посольского приказа еще некоторое время, царский дядя утратил всякое реальное влияние в пользу нового фаворита. Известный своей ревностью и даже враждебностью в отношении политических соперников, Нарышкин вряд ли дарил Головина своей приязнью. Не исключено, что случай с карлицей был использован им, чтобы лишний раз добавить хлопот и без того перегруженному работой царскому сподвижнику²⁰.

В связи с вышеизложенным стоит обратить внимание на любопытную «цедулу», приложенную к письму Ф. А. Головина И. С. Мазепе от 9 марта 1704 г., отправленному спустя неделю после послания, поднимавшего вновь проблему Матроны. Текст ее стоит привести целиком: «Что изволил ты ко мне писать о фуканье дурака, изволь сие присмотреть, мочно знать, что говорит и сам не ведает, в такую пришел ныне знатную глупость, что сам после изволишь слышать»²¹. Т. Г. Таирова-Яковлева полагает, что это реакция Головина на известия Мазепы о лидере правобережного казачества Семене Палее²². Однако в подобном суждении есть некоторые противоречия. Во-первых, Головин писал о человеке, которого видел и знал не только Мазепа, но и он сам. Палея же русский вельможа никогда не видел. Кроме того, в упомянутом письме рекомендации Мазепе относительно Палея содержатся в другом месте, и текст о «фуканье дурака» с ними никак не связан. В-третьих, про «фуканье» Нарышкина идет речь в письме от 3 марта. Вероятно, перед нами несколько завуалированная (понять, о каком «дураке» идет речь, могли только

посвященные в дело люди) поддержка, которую Головин выразил Мазепе в конфликте с царским дядей, хотя на официальном уровне и призывал гетмана уступить его домогательствам.

К сожалению, доподлинно неизвестно, чем закончилось разбирательство и вернулась ли Матрона в Москву или осталась на Украине. Менее чем через год, в январе 1705 г., Л. К. Нарышкин умер, и весь инцидент, таким образом, должен был разрешиться сам собой. Тем не менее история с карлицей демонстрирует нам примечательную черту, характеризовавшую неформальные отношения гетмана и царских вельмож. Их, очевидно, нельзя сводить лишь к взаимным комплиментам и услугам. Чем больше связей заводил при царском дворе гетман, стараясь завоевать расположение того или иного аристократа, тем сложнее ему было сохранять нейтралитет в тех распрях и интригах, которые плелись вокруг царского престола, либо же избегать уступок, которые содержали потенциальную опасность умаления его авторитета в казацкой среде. И дело тут не только в оскорбительном для гетмана сопоставлении с запорожцами или малореальной угрозе Нарышкина организовать Мазепе то, что и «иным гетманом» (здесь уместно напомнить, что предшественник Мазепы, И. Самойлович, был свергнут в результате сговора русских властей, доверие которых он утратил, и казацкой старшины). Стремление завоевать расположение царского дяди в начале 1690-х гг. теперь оборачивалось для Мазепы перспективой скрытого недовольства со стороны его собственной казацкой прислуги, неминуемого, если бы предлагавшийся гетманом план похищения карлицы был осуществлен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: *Кочегаров К. А.* Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг. М., 2012; *Лазарев Я. А.* «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*. М., 2013. С. 408–432; *Таирова-Яковлева Т. Г.* Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011. Глава 8.

2 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 20. Л. 46.

3 *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 317–329.

4 Там же. С. 326.

5 Батурицкий архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / [рук. проекта и сост. д-р ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова]. СПб., 2014. С. 45.

6 И. С. Мазепа – Ф. А. Головину. 8 февраля 1704 г. Батурицкий архив // РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 95. Л. 146–148, 149 об., 151 об.

7 Ф. А. Головин – И. С. Мазепе. 15 января 1704 г. Москва // Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1704 г. Д. 2. Л. 36 – 36 об. В черновике указан только месяц, точная дата письма устанавливается по описи архива И. С. Мазепы. См.: Батурицкий архив... С. 95.

8 И. С. Мазепа – Ф. А. Головину. 8 февраля 1704 г. Батурицкий архив // РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 95. Л. 148–151 об.

9 Там же. Л. 152–154.

10 *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1914. Т. 4. П–С. С. 202–208.

11 *Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Киев, 1893. Т. 2. Полк Нежинский. С. 228–232.

12 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 95. Л. 146 об.

13 И. С. Мазепа – Ф. А. Головину. 14 января 1704 г. Батурицкий архив // РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 95. Л. 64–65.

14 Ф. А. Головин – И. С. Мазепе. 3 февраля 1704 г. Москва // Там же. Л. 121–121 об.

15 «Память, що треба мувити пану боярину» (Инструкция С. Васильеву о необходимости получить подводы и право на беспошлинный вывоз товара) // Там же. Л. 67–68; «Реестр покупки панской...» // Там же. Л. 70, 71; Память от 12 февраля в Ратушу о беспошлинном вывозе гетманских товаров // Там же. Л. 122.

16 Там же. Л. 199 и 217 об.

17 Цедула к письму И. С. Мазепы Ф. А. Головину. [1704 г.] // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 168. Текст попал в дело 1707 г. ошибочно.

18 Там же. 1704 г. Д. 2. Л. 55, 56, 58. Сохранилось два черновика письма, практически идентичных.

19 Там же. Л. 57.

20 *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 216–220 (описание скандала, устроенного пьяным Л. К. Нарышкиным сопернику, князю Б. А. Голицыну, на с. 213). О чрезмерной занятости Ф. А. Головина см.: Там же. С. 240–241, 245.

21 Батуринский архив... С. 110. После окончания цитаты, по моему мнению, должна стоять точка, тогда как в публикации предложение продолжено. Именно так текст разделен на «цедулы» в еще одном варианте чернового письма, неизвестном публикаторам. Причем «цедулы», судя по всему, написаны Ф. А. Головиным собственноручно. См.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1704 г. Д. 2. Л. 62.

22 *Таурова-Яковлева Т. Г.* Иван Мазепа и Российская империя. С. 257.

К. А. Kočegarov

The tale of how Ivan Stepanovič quarelled with Lev Kirillovič:
some remarks about the private relationships of the Ukrainian hetmans
and the Russian aristocrats

The paper discusses the conflict between Ivan Mazepa, the Ukrainian hetman and the Russian boyar Lev Naryškin within private relationships of the Russian and Ukrainian elites.

Key words: *Russian-Ukrainian relationships, private contacts, Ivan Mazepa, Lev Naryškin*

С. М. Фалькович
(Москва)

Польский вопрос в решениях Венского конгресса 1815 г. и причины краха венских договоренностей

Статья посвящена отношениям российских властей с обществом Королевства Польского, образованного по решениям Венского конгресса, в период с 1815 г. до начала польского восстания 1830–1831 гг. На конкретных фактах показано, что политика самодержавия входила в противоречие с настроениями польского общества, рассчитывавшего на сохранение и расширение прав и свобод.

Ключевые слова: *Россия, Польша, Венский конгресс, Королевство Польское, Польское восстание 1830–1831 гг., Александр I*

В начале XIX в. все надежды польского народа, который потерял независимость в результате разделов Речи Посполитой, совершенных Россией, Австрией и Пруссией в 1792–1795 гг., были связаны с Наполеоном Бонапартом. Но на самом деле французский император не собирался восстанавливать Польское государство. Создав в 1807 г. на части польской территории сателлитное Княжество Варшавское, он активно пользовался его экономическими ресурсами, поляков же использовал в качестве военной силы в своих завоевательных походах. С разгромом армии Наполеона союзными европейскими державами решением польского вопроса занялись победители, и он стал объектом внутренней борьбы на открывшемся в Вене осенью 1814 г. международном мирном конгрессе. Споры, начавшиеся еще в 1813 г., касались как самой возможности возрождения Польского государства в том или ином виде, так и его будущих территориальных границ и форм государственного устройства. Ш. Талейран утверждал, что Польша не готова к самостоятельности: получив независимость, она «будет предана на жертву анархии», так как «шляхта имеет свободу политическую». Вариант восстановления Польского королевства под эгидой русского царя не устраивал Австрию, которая опасалась усиления России, Англия видела в этом угрозу для спокойствия Европы. Прусский же канцлер князь К. А. Гарденберг, напротив, считал, что «сила России скорее ослабеет, чем увеличится от этого нового Польского королевства, под скипетром одного с нею государства находящегося», поскольку тогда к нему отойдут западные губернии

России, присоединенные ею в результате разделов Польши. А если в этом новом Королевстве будет действовать либеральная конституция, окажется, что «поляки будут пользоваться привилегиями, каких нет у русских», и «скоро дух двух наций станет в совершенной оппозиции»¹.

В переговорах по польскому вопросу претензии России подкрепились ее военной мощью и победами, одержанными над войсками Наполеона. Российский император хотел взять под свою эгиду Варшавское княжество и поддерживал план создания «вольных» городов Кракова и Торуни, хотя Австрия опасалась, что они станут «очагом недовольства, козней и мятежей». Российская делегация на Венском конгрессе подчеркивала, что Россия выступает за «дух времени, именуемый конституционным», ссылаясь на личную позицию Александра I, «чьи либеральные воззрения известны всей Европе». В соответствии с ними царь хотел одарить Польшу «национальной конституцией», «удовлетворить жителей Варшавского герцогства, дать им почетное существование». Намекая на «уроки истории», связанные с эпохой Наполеона, он рассчитывал, что конституционные дары сделают поляков «невосприимчивыми к внушениям какой-либо державы, испытывающей чувство зависти к России, и которая могла бы снова вооружить их против нее». Обещая дать полякам «хорошую национальную администрацию, основанную на определенных принципах, приспособленную к местным условиям, управляемую законами, а не произволом или волей правительства», Александр I выражал пожелание, «чтобы благородные чувства укрепили привязанность народа к своей родной земле и России, вернувшей ему эту землю и не потребовавшей, чтобы на ней он перестал быть собой»².

Александр I отвергал право держав вмешиваться в дело определения статуса как части Княжества Варшавского, намеченной для включения в состав Российской империи по решению Венского конгресса, так и той территории, которая была присоединена к России при разделах Речи Посполитой. Он предлагал и другим монархам дать конституционные блага присоединяемым ими польским землям и подчеркивал необходимость оказывать полякам «все знаки уважения, которых требует их национальность». Заявления и обещания русского царя не оставили равнодушными польское общество, но часть его приняла их «не за милость, но за опасение последствий от беглеца с Эльбы» – Наполеона, вновь выступившего против союзников в марте 1815 г. Это стало стимулом для активизации работы конгресса и поиска компромисса между его участниками. Развезть

как сомнения поляков, так и подозрения союзников должен был манифест Александра I, появившийся 9 (21) мая 1815 г. В нем разъяснялось, что присоединение к России Княжества Варшавского не станет «суетным любостязанием»: «Непреоборимая сила Империи Российской, на вере, на любви, на благополучии основанная, от внешних приобретений возрасти не сможет. Но соединение под единый скипетр обширнейшей части бывшего Герцогства Варшавского необходимым представилось к устроению всеобщего в Европе равновесия и порядка». Наряду с аргументом о необходимости охранения европейской безопасности приводилась и славянская мотивация: «возрождаются узы братства племен, взаимно между собой сопряженных единством происхождения». О желании поддержать «мир, согласие и единство, столь необходимое для их свободного существования и прочного счастья», царь заявил 25 мая (6 июня) 1815 г. в направленном полякам манифесте, объявлявшем о грядущем создании Королевства Польского и даровании ему Конституции. А 28 мая (9 июня) 1815 г. появился подписанный восемью державами заключительный Генеральный акт Венского конгресса, согласно которому часть территории Варшавского Княжества присоединялась к России «навсегда». Подчеркивалось, что новообразованное Королевство Польское «в силу своей Конституции будет в неразрывной с Россией связи и во владении Его Величества императора Всероссийского, наследников его и преемников на вечные времена». Царь мог дать «по своему благоусмотрению внутреннее распространение» этому Польскому государству, состоящему «под особенным управлением», за счет присоединения к нему других российских территорий. Россия, как и другие державы, должна была самостоятельно определить внутреннее устройство своих польских владений³.

В решении этой задачи принимали участие и польские политические деятели (В. Чарторьский, Т. Островский, С. Замоиский, Ф. Грабовский, С. К. Потоцкий, А. Линовский, Т. Матушевич, Л. Плятер, И. Соболевский), некоторые из них были в числе участников Венского конгресса, а затем вошли в Гражданский комитет по разработке принципов построения нового государства. Активное участие в работе над проектом «Основ Конституции Королевства Польского» принял и Н. Н. Новосильцев – доверенное лицо российского императора. В Конституции Королевства Польского, утверждавшей «наследственную монархию», прослеживался акцент на возрождение более ранней монархической традиции «Польши Пястов». Но вместе с тем эта «конституция, самая либеральная в Европе»,

провозглашала все конституционные свободы, предоставляла полякам гражданские права. Существование Королевства Польского и его Конституции возвращало само имя поляков, утраченное ими в результате разделов Речи Посполитой, польский язык становился государственным, признавался языком общественной и политической жизни. Суверенность польского народа подчеркивалась наличием у него собственной законодательной и исполнительной власти, национальной армии⁴.

30 июня (19 июля) 1815 г. было провозглашено «общее образование Временного правительства Королевства Польского». В его обязанности входило «исполнение трактатов и договоров Венских», стояла также задача «привести к присяге» власти Королевства и его жителей. Последние должны были ощутить и прочувствовать все «блага» Конституции. Этому способствовала пресса, разъяснявшая ценность конституционных прав и свобод. Появилось также много специальных брошюр, и одна из них, названная «Политический катехизис для Польши», призывала к «нескончаемой благодарности Воскресителю, неколебимой верности ему и Конституции, ревностному отстаиванию прав, гарантированных этой Конституцией». Подчеркивалось, что необходимым является «распространение и укрепление национального духа», при этом также следует готовить расширение правового пространства, совершенствовать «гражданские добродетели» польского народа. «Катехизис» обращал особое внимание на установленное Конституцией равенство поляков с основной нацией – русскими: «Север дает остальной Европе пример единства и согласия народов, такого объединения, которое превращает народы в братьев – членов одной семьи и дает равные права народам, соединенным под одним скипетром, которое, оставляя каждому народу свойственные его национальности черты, предоставляет обоим одинаковое место у сердца Правителя, не давая ни одному, ни другому преимущества». Подчеркивая значение уже приобретенных поляками «благ», авторы «Катехизиса» давали понять, что польский народ рассчитывает на их расширение – на присоединение к Королевству Польскому западных губерний России, отошедших к ней в результате разделов Речи Посполитой: «Мы надеемся, что зародыш воскрешенной Польши даст прекраснейшие плоды и что отеческая рука Опекуна поляков распространит благоденствия, которыми он нас одавил, и порадует возрожденную Отчизну прибавлением семейства»⁵.

Подобные надежды возникали и в связи с тем, что император афишировал свое расположение к новым подданным. В ноябре 1815

г. во время пребывания Александра I в Варшаве его восторженно приветствовали как польского короля, а он, облаченный в польский военный мундир и с польским орденом Белого орла, провозгласил: «Я прибыл сюда не как завоеватель, а как опекун, как ваш друг, желающий видеть всех счастливыми». Он очаровал польское общество «чрезвычайной добротой и приветливостью», и ему был оказан «сердечный прием». Позже, в 1818 г., значение фигуры российского императора для будущего российско-польских отношений подчеркнул ректор Варшавского университета В. Швейковский, заявив: «С одной стороны чувство благородного деяния, с другой – чувство благодарности, с обеих сторон убеждение в чистых намерениях и целях единства [...] превратили неприязнь в братскую любовь»⁶.

В. Швейковский говорил эти слова явно под впечатлением тронной речи Александра I на торжественном открытии первой сессии Польского сейма, проходившей в Варшаве в марте–апреле 1818 г. Подчеркнув, что Конституция и международные трактаты, заключенные на Венском конгрессе, обеспечили полякам «почетное место среди европейских народов», царь призвал их «явить на опыте» «великую и спасительную истину»: «Докажите своим современникам, что законно-свободные постановления [...] не суть мечта опасная, но что, напротив, таковые постановления, когда приводятся в исполнение по правоте сердца и направляются с чистым намерением к достижению пользы и спасительной для человека цели, то совершенно согласуются с порядком и общим содействием, утверждают истинное благосостояние народов». Царь обещал издать новые законы, чтобы «гарантировать самые ценные блага: вашу личную неприкосновенность, неприкосновенность вашей собственности и свободу ваших мнений». Говоря о созданных им формах государственного устройства, он заявил о своих далеко идущих целях. «Применяя на примере принципы либеральных институтов, являющихся предметом моих забот и благотворное влияние которых я надеюсь с Божьей помощью распространить на все края, доверенные Провидением моему правлению», – эти слова императора как бы подтверждали его намерение распространить блага Конституции на всю империю и давали полякам надежду на воссоединение с восточными территориями бывшей Речи Посполитой. И действительно, царь думал о том, чтобы осуществить эту польскую мечту, в частности, говорил об этом с Н. М. Карамзиным. В тексте тронной речи были обнадеживавшие поляков фразы, но они оказались изъяты по совету при-

ближенных императора, которые, как и Карамзин, занимали в этом вопросе отрицательную позицию⁷.

Тем не менее, в первые годы после Венского конгресса надежды поляков не исчезли, и в 1820 г. на торжестве в годовщину создания Королевства Польского звучала кантата, в которой были строки, содержавшие намек на соединение исторических гербов Польши и Литвы:

Может, нас могучей дланью Александр сплотить сумеет [...] Тот ведь, кто Орлом владеет, и Погоней тот владеет.

А позже, на второй сессии сейма, вновь говорилось о «дорогих надеждах» поляков. Несомненно, выступавшие ораторы, так же как авторы кантаты и Швейковский, опирались на первую тронную речь императора. Она в целом произвела на польскую общественность большое впечатление, в частности, известный деятель Просвещения К. Бродзинский оценил ее так: «Самодержец российский с трона некогда свободного народа [...] провозгласил либеральные основы, которым верила как Польша, так и Европа». Выступавшие на сейме депутаты подчеркивали, что «Конституция [...] является гарантией блестящего предназначения» народов, находящихся под властью царя⁸.

Однако в польской среде существовало и «недоверие», которое отмечал поэт Ю. У. Немцевич, писавший о «тихих раздорах» в гражданском обществе и «бурном ожесточении» среди военных. «Шепот сомнения и недоверия» возник, по свидетельству В. Лукасиньского, еще во время приезда Александра I в Варшаву в 1815 г., когда некоторые поляки заподозрили в «ловкой и умной» политике царя «хитрость и притворство». В последующие годы для таких подозрений появлялось все больше оснований, так как конституционные нормы в Королевстве Польском все чаще нарушались. Это касалось в первую очередь работы сейма, конфликтовавшего с правительством, боровшегося против влияния царской администрации, в среде которой были также русские чиновники во главе с всесильным Новосильцевым. В этой связи Немцевич писал в своем дневнике: «В мире думают, что у нас есть законы, а у нас есть только приказы», и Конституция существует «лишь для газет и похвальбы перед целым светом, будто мы любим либеральность и свободы». Поэтому, «смело и с доверием» обращаясь к императору с «наиважнейшей» просьбой о том, чтобы данная им Конституция, «этот святой девиз свободы и благополучия края, получила полное развитие и была

сохранена», депутаты сейма подчеркивали: всякое нарушение Конституции «угрожает продолжению навеки памятного Твоего дела и больно ранит сердца приверженного Тебе народа». «Хотим Конституции, всей Конституции!» – заявляла так называемая «калишская» оппозиция, возглавленная в сейме депутатами от Калиша братьями В. и Б. Немоёвскими. «Калишане» утверждали, что «кардинальные принципы» Хартии 1815 г. «остались неосуществленными или реализованными в совершенно противоположном духе». В связи с этим незадолго до открытия второй сессии сейма в 1820 г. в газете «Ожел Польский» было опубликовано письмо помещика М. Брониковского, призвавшего депутатов представить царю доклад о злоупотреблениях, касающихся Конституции, и «подробно обрисовать состояние края»⁹.

Существование оппозиции и ее выступления возмущали императора, ему не нравилось, что «сейм читает нотации правительству». Летом 1819 г. он говорил о «неблагодарности» поляков и пригрозил отнять Конституцию, а спустя год чуть было не подписал проект, предусматривавший преобразование Королевства Польского в одно из наместничеств без собственного органического статута и включение Войска Польского в состав российской армии в качестве ее «западной» части. В сентябре 1820 г. во время заседаний сейма звучали предупреждения Александра I депутатам, которые, в свою очередь, жаловались на угрозу для свободной дискуссии в сейме и указывали на необходимость «бороться с неприкосновенной властью». Приводя доказательства нарушения гражданских прав – создание жандармерии и осуществление полицейского надзора, факты произвола полиции, обысков, нарушений при призыве в армию, перлюстрации писем, цензуры печати и пр., депутаты заявляли, что народ, от имени которого они выступали, «ощущает обязанность соблюдать нерушимость Конституции и чувствует благородное призвание со всей силой и стойкостью преодолевать препятствия, которые его отделяют от тех свобод и того быта, что ему обеспечил Всемилостивейший монарх». Поскольку депутаты выступили против законопроектов правительства, одобренных царем, рассерженный Александр I обратился к ним при закрытии работы сейма, заявив: «...вы задержали продвижение дела восстановления [...] вашей родины», видимо, вновь намекая на вопрос о присоединении к Королевству Польскому «забранных провинций». А поскольку в казне Королевства образовался дефицит, царь и вовсе выразил сомнение насчет его «политического быта» и сохранения того статуса, который оно имело¹⁰.

После сейма 1820 г. власти в Королевстве Польском взяли курс на «усмирение самыми действенными средствами всякого предприятия, нацеленного на нарушение спокойствия или могущего дать повод для возмущения». Была закрыта оппозиционная пресса, аннулированы результаты выборов в ряде местных органов. В нарушение Конституции был на неопределенный срок отложен созыв третьей сессии сейма, и в результате депутаты собрались вместо 1822 г. лишь в 1825 г. Все это свидетельствовало о том, что под впечатлением происходившего в Европе революционного подъема и под влиянием Священного союза Александр I увидел в Конституции Королевства Польского «источник опасности», потенциальную возможность «мятежа». К такому выводу приходил Немцевич, а Лукасинский так определил произошедшие перемены: во время первого сейма «казалось, что народ начал ощущать себя собственником данной ему Конституции, но на втором сейме императору уже наскучило играть роль либерального и конституционного монарха, и он рассудил, что удобнее быть самовластным». В 1821 г. царь велел «придавить революционный дух» в Польше. Этим рьяно занимались 14 родов полиции, в том числе тайная полиция, находившаяся в ведении Тайной канцелярии. Ее шеф Новосильцев вызывал ненависть поляков. Такую же неприязнь вызывал курировавший Войско Польское великий князь Константин, позже ставший наместником Королевства Польского. Он выступал за урезание польской Конституции и установление в Королевстве «правильного порядка». Телесные наказания, введенные им в армии, факты «произвола и оскорблений», практика слежки и доносов – все это создавало, по словам А. Чарторьского, «систему страха и повиновения» и способствовало тому, что, как писал Лукасинский, старая антипатия поляков и русских «превратилась в ненависть»¹¹.

На протяжении 1820-х годов противостояние усиливалось. Правительство выслеживало крамолу при помощи огромной сети шпионов. Подозрения вызывали всякого рода объединения, запрету подлежали кружки, общества, носившие политический характер, причем военнослужащие должны были давать подписку о неучастии в таких организациях. Прежде всего были закрыты масонские ложи. Затем власти взялись за студенческие объединения, так как отмечали «беспокойный дух» молодежи, ее взрывоопасный характер. Их беспокоили выступления молодых патриотов в общественных местах с национальной символикой, культ национальных героев, патриотические манифестации во время торжественного празднования памя-

ных дат польской истории. Опасения правительства связывались с революционным влиянием, шедшим из Европы, и это влекло за собой запрет выезда студентов на учебу за границу. Планировалось также расформировать Варшавский университет как опасное гнездо вольнодумства и его отдельные части перевести в провинцию. Обстановка запретов, атмосфера тотальной слежки вела к созданию в Королевстве Польском тайных организаций, программа которых основывалась на антимонархических идеях, либеральных понятиях о правах человека и, наконец, на «революционных принципах». В уставах этих организаций, в стихах и песнях, распространявшихся среди их членов, выдвигался лозунг «Без свободы нет Отчизны!». Патриоты в Королевстве Польском требовали создания «объединенной и полностью независимой Польши», вступали в контакт с единомышленниками в Галиции и Познани. И не случайно власти России, Австрии и Пруссии сотрудничали в выявлении очагов, в которых обнаруживался «дух неприязни к существующему порядку»¹².

Одной из наиболее значительных тайных организаций в Королевстве Польском стало Патриотическое общество, возникшее в 1821 г. Его создатель и руководитель В. Лукасиньский особо подчеркивал, что Конституция в Королевстве не соблюдалась и, по существу, была заменена властью российского самодержавия: она «была спрятана и заперта в архивах, так как являлась либеральной, тирания же в особе великого князя Константина была ходячей и действенной». Члены Патриотического общества и объединившегося с ним Общества тамплиеров рассчитывали на восстание поляков не только в Королевстве Польском, но и в других частях Польши, где положение, возникшее в связи с решениями Венского конгресса, вызывало недовольство. Расчет был и на революционное движение в Европе, а также на революционный пожар в России, который сумеют разжечь декабристы. С ними Патриотическое общество вошло в сношения и заключило соглашение о совместных действиях в момент, подходящий для восстания¹³.

Этот момент приближался по мере роста недовольства в Королевстве Польском. Поляки тяготились необходимостью содержать в Польше русских военных, возмущались засильем русских чиновников, проявлениями неуважения русских к католической религии, постоянной слежкой, арестами и заключением в тюрьму без суда. Перед созывом третьей сессии сейма в 1825 г. прокатилась волна арестов либералов, а начавшаяся работа польского парламента проходила в закрытом режиме под надзором полиции, протоколы засе-

даний сейма не публиковались. Нарушения Конституции Королевства Польского коснулись не только сейма: все выходявшие в Королевстве издания подвергались цензуре, под ее властью оказалось и просвещение – в стране закрывались школы. Но именно сейм 1825 г. стал определенной вехой, обнаружив несовместимость конституционности и самодержавия. В частности, это нашло выражение в таком факте, как отказ польских депутатов участвовать в организованном после окончания работы сейма торжественном бале в честь короля Александра. И хотя царь в частных беседах продолжал говорить о перспективе расширения территориальных границ Королевства Польского, в эти обещания верили все меньше¹⁴.

После завершения работы сейма 1825 г. обстановка в Королевстве становилась все более напряженной, участились случаи уклонения от военной службы, в ряде поветов произошли выступления крестьян, требовавших отмены барщины. Атмосфера особенно обострилась после смерти Александра I и возникшей в этой связи неопределенности относительно как судьбы российского престола, так и последствий этого для Королевства Польского. События 14 декабря 1825 г. в Петербурге обнаружили связь Патриотического общества с декабристами. Его члены были заключены в тюрьму, их судьбу предстояло решать специальному Следственному комитету – органу, не предусмотренному Конституцией Королевства Польского. Антиконституционными были и такие действия власти, как закрытие ряда политических органов – местных собраний. Ходили слухи о готовящихся дальнейших шагах нового императора Николая I, направленных на ограничение автономии Королевства, – сокращении польской армии и аппарата чиновников, закрытии университета в Варшаве и ликвидации воеводских комиссий¹⁵.

В 1827–1828 гг. шла борьба за возвращение следствия по делу Патриотического общества в конституционные рамки, то есть передачу его в ведение следственной комиссии Сеймового суда – высшего судебного органа Королевства Польского. Польская общественность проявляла к судебному процессу огромный интерес, но власти постарались ограничить гласность судопроизводства, затруднив как доступ на заседания суда, так и возможность ознакомиться с материалами судебного дела. Характерно, что на заседаниях защита вновь напомнила об обещаниях Александра I расширить территорию Королевства за счет западных губерний России и утверждала, что именно это, а не независимость Польши, являлось целью подсудимых, стоявших в целом на позициях постановлений Венского кон-

гресса. В результате был вынесен приговор, снимавший с них обвинение в государственной измене, после чего взбешенный император объявил судьям «справедливое порицание» и повелел распустить судебную коллегия¹⁶.

Настроения польского общества, подогреты перипетиями судебного процесса, нашли выражение, в частности, во время похорон председателя Сеймового суда П. Белиньского в 1829 г. В том же году в Варшаве состоялась коронация Николая I в качестве польского короля, и часть либеральных депутатов сейма намеревалась представить ему петицию о гарантиях сохранения польской короны и Конституции Королевства Польского, об отмене цензуры и восстановлении открытого характера заседаний сейма, о ликвидации неконституционных чрезвычайных комиссий. Либеральная оппозиция была связана с возникшим в Королевстве в 1828 г. тайным Обществом подхорунжих, которое возглавлял П. Высоцкий. Общество стояло на позиции вооруженной борьбы за независимость Польши, и радикальная молодежь составила заговор с целью не допустить коронации без подписания Николаем I определенных условий. В случае его отказа должно было вспыхнуть восстание, но под влиянием консервативных политиков было решено отложить выступление, тем более что предстоящее открытие очередной сессии сейма сулило патриотам некоторые надежды¹⁷.

Однако сейм, собравшийся в 1830 г. и ставший последней попыткой польского общества договориться с царем о соблюдении Конституции, не оправдал этих надежд. С целью зажима оппозиции продолжалась практика нарушения норм ведения заседаний сейма, присутствовавшие на заседаниях «стенографисты» осуществляли слежку за депутатами. Последние требовали соблюдения своих прав, следования конституционному регламенту. Они вновь обличали существовавшие в Королевстве Польском произвол полиции и административных судов, распространение сети тайной полиции, выступали за независимость судей, соблюдение судебной процедуры и процедуры следствия. Депутаты протестовали также против урезания университетской автономии, вмешательства в процесс обучения духовной секции Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения. Они требовали в целом обеспечить устранение духовенства от светских дел. В выступлениях отмечались давление, которое власти оказывали на выборы местных органов, и произвол в отношении лиц, избранных в их состав и в состав сейма. Наиболее вопиющим примером такого произвола

стали изоляция и недопущение на заседания сейма оппозиционно-го депутата от Калиша В. Немоёвского. В своей тактике борьбы за конституционные права депутаты старались особо подчеркнуть их нерушимое единство с особой монарха. Отсюда возник звучавший на сейме лозунг «Да здравствует Король и Конституция!», с этим же была связана инициатива возвести «памятник национальной благодарности» «Воскресителю Польши» Александру I. Чарторьский в своем выступлении напомнил о борьбе, происходившей в 1815 г. на Венском конгрессе по польскому вопросу, когда царь пошел «наперекор мнениям и усилиям всех окружавших его особ и кабинетов» и «сам один спас имя и существование Польши»¹⁸.

Но сохранить Конституцию было уже невозможно, и это понимали как царь и имперские власти, так и польские патриоты. М. Мохнацкий, занявший влиятельные позиции в Обществе подхорунжих, подчеркивал, что Конституционная хартия – лишь одно название, и необходимо завоевание независимости путем национальной революции – «социальной, внутренней, наступательной». В результате агитации, которую вели члены Общества подхорунжих, возникло брожение в солдатских казармах, волновалась и варшавская улица, воодушевленная доходившими до нее слухами о начавшейся в Париже революции. В Варшаве и других городах Королевства Польского звучали патриотические песни, появлялись революционные плакаты и надписи на домах, призывавшие поляков «пробудиться», идти на революционную борьбу за свободу и независимость, неся «смерть угнетателям». В этой атмосфере происходили расправы с чиновниками, было осуществлено покушение на великого князя Константина, стоявшего во главе гражданского управления Королевством Польским. Обстановка в столице была столь напряженной, что, как в середине ноября отмечал один из ее жителей Л. Дембовский, «все говорили о неминуемой революции в Варшаве, хотя все ее боялись». Зажженной спичкой, поднесенной к этому горючему материалу, стало известие о намерении царя послать Войско Польское в Европу для подавления революционного движения. Это заставило Общество подхорунжих ускорить сроки выступления на борьбу за независимость, и 29 ноября 1830 г. в Королевстве Польском началось восстание. С конституционной конструкцией, сооруженной на Венском конгрессе, было покончено, она не выдержала испытания временем и теми силами, которые на нее давили¹⁹.

Такой результат был неизбежен, если учесть, что в 1815 г. в Вене в роли вершителей судеб народов Европы, и в частности польско-

го народа, выступали реакционные монархии, движимые собственными интересами. В эти интересы не вписывались либеральные ценности, конституционные построения и формы. Либеральная Конституция Королевства Польского, дарованная полякам самодержавным императором Александром I в качестве личного широкого жеста просвещенного монарха, являлась чужеродным элементом в структуре самодержавной власти и потому была обречена на гибель. Не удивительно, что сразу после восстания 1830–1831 гг., осмысляя период автономного существования Королевства Польского и причины повстанческого взрыва, польская политическая эмиграция, которая единственная могла свободно выразить мнение национальной демократической общественности, заявила «Протест против трактатов, разрывавших Польшу с 1772 по 1815 годы». В документе, адресованном европейским народам, утверждалось, что Венский трактат, «убийственный для Европы», стал продолжением политики «насилия над Польшей», новым разделом польской территории. Авторы «Протеста» подчеркивали, что восстание 1830–1831 гг. не было лишь ответом на нарушение постановлений Венского конгресса, а явилось выражением духа независимости, к которой стремятся поляки²⁰.

Эта декларация демократически настроенных польских эмигрантов противоречила позиции консервативного лагеря в эмиграции, возглавленного князем А. Чарторьским, одним из участников разработки Конституции Королевства Польского. Выступая в английском парламенте, князь призывал европейские державы встать на защиту нарушенных венских договоров, восстановить Королевство Польское и его Конституцию. Консерваторы направили европейским правительствам памятные записки «О Венском конгрессе» и «Цель и основания вмешательства в пользу Польши», где вновь утверждалось, что «Польша встала на бой, потому что не соблюдалась Конституция», и подчеркивалось, что подавление восстания Россией «противоречит справедливости и международным трактатам». Из всего этого следовало, что сторонники Чарторьского были готовы вернуться под власть царя при условии восстановления автономии Королевства Польского и возвращения его Конституции. Такая позиция консервативной аристократической партии Чарторьского сохранялась вплоть до начала 1860-х годов, и это являлось одним из серьезных оснований расхождения консерваторов с демократической частью польской эмиграции. Так венские соглашения 1815 г. стали одним из важных факторов идейной борьбы, происходившей в польском национально-освободительном движении в середине XIX в.²¹

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Соловьев С. М. Венский конгресс // Русский вестник. 1865. № 2. С. 430–434; Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 82–83, 89.

2 Внешняя политика России в XIX – начале XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. М., 1972. Т. 8. С. 145–147; Польша и Россия... С. 86–87.

3 Внешняя политика России. Т. 8. С. 200, 217, 322, 332; Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 33. С. 117–118; Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира в 1814 году до конгресса в Вероне 1822 г., изданные Министерством иностранных дел. СПб., 1823. Ч. 1. Т. 1. С. 157–255; Польша и Россия... С. 89–92, 94, 331–332; Филатова Н. М. Польский политический либерализм в 1815–1820 гг. // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1995. С. 51.

4 Польша и Россия... С. 92, 262, 332; Филатова Н. М. Польский политический либерализм... С. 51.

5 Польша и Россия... С. 95–96, 334–335.

6 Там же. С. 335–336; Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski. Warszawa, 1911. Т. 2. S. 770–771.

7 Dyariusz Sejmu Królestwa Polskiego 1818 roku. Warszawa, 1818. S. 10–11; Obraz Królestwa Polskiego w okresie konstytucyjnym. Warszawa, 1984. S. 100; Польша и Россия... С. 337, 341.

8 «Orzeł Biały». Т. 6. № 12. 21.VI.1820. S. 177–182; Польша и Россия... С. 337–338, 341; Филатова Н. М. Польский политический либерализм... С. 49–50.

9 Łukasiński W. Pamiętnik. Warszawa, 1960. S. 62–63; Niemcewicz J. U. Pamiętniki. 1803–1820. Poznań, 1871. Т. 2. S. 220, 225–226, 228, 244, 246, 262, 286, 313; Głosy posła Kaliskiego na Sejmie Królestwa Polskiego. Poznań, 1818; «Orzeł Biały». Т. 6. № 12. 23.VIII.1820. S. 216–217. См. также: Польша и Россия... С. 335–336, 340, 343, 346.

10 Sejm Królestwa Polskiego o działalności Rządu i Stanu kraju. 1816–1830. Warszawa, 1995. S. 60–61, 144–145; Discours prononcé par Sa Majesté l'Empereur et Roi à la séance deux chambres reunies à la cloture de la diète le 13 Octobre 1820. P. 3–4; Польша и Россия... С. 340, 349, 351–354.

11 Łukasiński W. Pamiętnik. S. 66–68, 71, 73–76; Niemcewicz J. U. Pamiętniki czasów moich. Warszawa, 1957. Т. 2. S. 203, 367; Беседы и частная переписка между императором Александром I и князем Адамом

Чарторижским, опубликованная князем Ладиславом Чарторижским (1801–1823 гг.). М., 1912. С. 292, 294–297, 304–307; Польша и Россия... С. 355–357.

12 Польша и Россия... С. 358–361, 364–365, 370, 373.

13 Там же. С. 380–383; *Lukasiński W.* Pamiętnik. S. 11, 69, 80–85.

14 *Kozłowski W.* Autonomia Królestwa Polskiego (1815–1831). Warszawa, 1907. S. 160–161; Польша и Россия... С. 384–389.

15 Там же. С. 385, 400.

16 Там же. С. 400, 403.

17 Там же. С. 402, 408–409.

18 Там же. С. 413–414; *Obraz Królestwa Polskiego...* S. 290; *Sejm Królestwa Polskiego...* S. 402; *Skowronek J.* Adam Jerzy Czartoryski. 1770–1861. Warszawa, 1994. S. 252, 267–268.

19 Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVIII – 60-е годы XIX в. М., 1984. С. 187–188, 195; *Mochnicki M.* Pisma krytyczne i polityczne. Kraków, 1996. Т. 2. S. 11, 14, 17–18, 36; *Łojek J.* Opinia publiczna o genezie Powstania Listopadowego. Warszawa, 1982. S. 202–203. См. также: Польша и Россия... С. 419–421.

20 *Huard A.* Le reveil de la Pologne. Histoire de la l'insurrection polonaise. Paris, 1864. P. 206–207; *Heltman W., Janowski J. N.* Demokracja polska na emigracji. Warszawa, 1965. S. 316–321.

21 *Heltman W., Janowski J. N.* Demokracja polska... S. 316; *Król M.* Konserwatyści i niepodległość. Warszawa, 1985. S. 68–69; *Kukiel M.* Książę Adam. Warszawa, 1993. S. 115–117; *Handelsman M.* Nicolas I-er et Czartoryski. Paris, 1932. P. 255–258.

S. M. Fal'kovič

The Polish question in the decisions of the Congress of Vienna (1815)
and why the agreements failed

The article dwells upon the relations of the Russian authorities with the society in the Kingdom of Poland, that was created according to decisions of the Congress of Vienna, between 1815 and the beginning of the Polish Uprising in 1830–1831. The facts show that the politics of tsarist autocracy contradicted to the state of public opinion in Poland that was looking forward to preserving and broadening of their rights and freedoms.

Key words: *Russia, Poland, Congress of Vienna, Kingdom of Poland, Polish Uprising in 1830–1831, Alexander I*

М. М. Фролова
(Москва)

М. А. Хитрово – первый русский консул в Македонии (1860–1864)

В статье на основе опубликованных и впервые вводимых архивных документов выявляются основные направления деятельности М. А. Хитрово как первого дипломатического представителя России в Битоле, рассматриваются его взаимоотношения с турецкой администрацией, а также раскрываются его личные качества.

Ключевые слова: *русское консульство в Битоле, М. А. Хитрово, А. А. Мустоксиди, Л. В. Березин, Е. М. Тимаев, митрополит Венедикт, Соретич, эллинизация, исламизация*

Михаил Александрович Хитрово (1837–1896), будучи яркой и неординарной личностью, внес свою лепту в историю российской дипломатии: он стал первым русским консулом в г. Битоле, служил генеральным консулом в Константинополе (Стамбуле), Салониках, Софии, Александрии (Египет), представлял Российскую империю в качестве ее посланника в Румынии, Португалии и Японии, был пожалован званием гофмейстера (III класс). Он был поэтом, переводчиком, публицистом. Без сомнения, жизненный путь и дипломатическая служба М. А. Хитрово заслуживают специального монографического исследования. В настоящее время в историографии имеется всего одна статья советского историка И. Г. Сенкевич¹, ныне малоизвестная, да краткие биографические справки в энциклопедических изданиях. В данной работе ставится задача на основе комплекса документов из Архива внешней политики Российской империи, опубликованных архивных материалов рассмотреть более внимательно деятельность М. А. Хитрово на дипломатическом поприще в г. Битоле.

М. А. Хитрово принадлежал к старинному дворянскому роду, восходившему к XIV в. и внесенному в VI часть родословных книг Владимирской, Курской, Калужской, Московской, Орловской, Тверской и др. губерний. Атмосфера семьи, где традиционно почитались слава и доблесть предков, оказала большое влияние на формирование личности Хитрово. Его прадедом был генерал-фельдмаршал светлейший князь М. И. Голенищев-Кутузов Смоленский: вторая из пяти его дочерей фрейлина Анна Михайловна (1782–1846) стала супругой

Н. З. Хитрово (1779–1826), участника войн 1805–1809 гг., вышедшего в отставку в связи с ранением под Браиловым в чине генерал-майора. В войне 1812 г. Н. З. Хитрово не принимал участия, так как попал в опалу и в 1810 г. был выслан под надзор полиции в Вятку. В 1813 г. благодаря хлопотам перед Александром I его знаменитого тестя он был прощен², вновь принят на военную службу генерал-майором «с состоянием по кавалерии» (то есть он не получил никакой должности), в 1816 г. уволен в отставку. Хитрово запомнился жителям Тарусы, где его выбрали уездным предводителем дворянства, благотворительной деятельностью в пользу просвещения, поскольку на свой счет он построил и устроил уездное народное училище, в котором бесплатно учились дети из бедных семей. В 1824 г. в Москве он приобрел у погорельцев разрушенные пожаром 1812 г. участки, на свои деньги отстроил торговые ряды, обустроил площадь, получившую впоследствии название Хитровской, и подарил все постройки городу. За свои исторические исследования (труды по истории Вятки и ее достопримечательностей, сочинение «Перемышльский Лютиков монастырь» и др.) Н. З. Хитрово был избран действительным членом Московского общества истории и древностей российских и почетным членом Московского университета (1825–1826).

Отец М. А. Хитрово, А. Н. Хитрово (1805–1865), как и полагалось дворянам, начал свою службу государю и отечеству на воинском поприще в 1818 г., дослужился до корнета и вышел в отставку в 1823 г. На статской службе А. Н. Хитрово занимал должность калужского вице-губернатора (1839–1846) и затем смоленского вице-губернатора (1846–1849). В жены он взял княжну Елизавету Николаевну (1807–1867), дочь князя Н. Г. Вяземского, предводителя Калужской губернии, сенатора, действительного тайного советника.

М. А. Хитрово, чтя традиции семьи, в 14 лет после сдачи обязательных экзаменов поступил в Школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, срок обучения в которой с 1838 г. увеличился до 4 лет. Следует подчеркнуть, что в отличие от Пажеского корпуса, в котором при воспитании и образовании учащихся особое внимание уделялось элегантности, изысканным манерам и безупречной французской речи, бессменный директор Школы генерал от инфантерии А. Н. Сутгоф (1843–1863) «высоко ставил развитой интеллект» и к своим аристократическим питомцам предъявлял высокие требования, поощряя «в них стремление к общему развитию». В Школу поэтому «нанимали лучших из наличествующих в Петербурге учителей»³. Кроме того, за годы пребывания в Школе

молодые дворяне должны были приобрести навыки отличных наездников.

По окончании Школы гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров 11 июня 1855 г. М. А. Хитрово был произведен в прапорщики и определен в 4-й резервный дивизион лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, куда прибыл 5 июля 1855 г. Шла Крымская война (1853–1856), в мае 1855 г. англо-французский флот в составе 67 судов появился в Балтийском море перед Кронштадтом, но выманить русские корабли им не удалось, поэтому противник ограничился набегами на побережье и 25 июля (6 августа) в течение 45 часов бомбил Свеаборг. Полк Хитрово входил в состав войск, охранявших морское побережье Санкт-Петербургской губернии и Выборгского уезда от вторжения неприятеля. В память об этой войне Хитрово получил медаль светлой бронзы на Андреевской ленте⁴. В 1857 г. он уволился с военной службы «по домашним обстоятельствам», а 22 января 1859 г. поступил в Азиатский департамент МИД России переводчиком, 11 августа 1860 г. был произведен в титулярные советники (IX класс). 20 декабря 1860 г. Хитрово был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. В его формулярном списке нет пояснений, за какие именно отличия молодой дипломат удостоился этой награды. В докладе австро-венгерского вице-консула в Битоле Соретича от 24 марта (4 апреля) 1861 г. содержится сведение о том, что Хитрово в качестве секретаря комиссии, отправленной в Иерусалим российской миссией в Константинополе, совершил путешествие по Палестине⁵. Вероятно, за успешное выполнение этой экспедиции Хитрово и получил орден. 31 декабря 1860 г. он был назначен управляющим консульства в Битоле, в 1862 г. – консулом.

Поражение в Крымской войне поставило перед российской дипломатией целый комплекс задач, среди которых немалое значение приобрела задача восстановления утраченного влияния Российской империи у христиан, прежде всего у славянских народов Османской империи. Для ее решения необходимо было значительно расширить консульскую сеть на Балканском полуострове. Но финансовые затруднения вынуждали избирательно подходить к этому вопросу и учреждать российские дипломатические представительства только в тех городах, где уже действовали консульства других государств (Франции, Англии и Австрии) и где проявлялся наибольший накал противоречий между народами, их населявшими. В конце 1860 г. из длинного списка балканских городов был выбран македонский город Битола, так как в Азиатский департамент поступила информация о том, что там во

время четырехмесячной инспекционной поездки по Балканам в 1860 г. великого визиря Мехмеда Кипризли-паши (Кюпрюлю-паши) (1854, 1859–1861) был раскрыт очаг заговора христиан. Они образовали общество, названное «Казино». В МИД России было высказано предположение, что «нити замышляемых южными славянами движений сходятся, быть может, в Битоле»⁶, административном центре Битольского (Румелийского) эялета, где располагалась Главная квартира Военного командования Румелии (III-го военного округа), в сферу действия которого входили Македония, Герцеговина, Босния, Албания, Эпир, Фессалия. Вероятно, не случайно в Битоле был направлен чиновник, который имел военное, а не университетское образование.

В Санкт-Петербурге Хитрово получил секретное и весьма деликатное задание от директора Азиатского департамента Е. П. Ковалевского (1856–1861): прозондировать взгляды консула в Салониках А. А. Мустоксиди (1780–1861) и оценить его деятельность. Мустоксиди, русскоподданный, грек по национальности, занимал этот важный дипломатический пост с 1830 г. и вполне справлялся со своими служебными обязанностями⁷. Однако после Крымской войны требования к личным качествам и к деятельности дипломатических представителей Российской империи на Балканах повысились, поскольку в привычные консульские заботы по содействию в торговле, защите экономических интересов России и ее подданных, а также по оказанию покровительства христианам Турции (начиная с Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г.) добавился национальный (славянский) фактор и усилилась политическая составляющая. К тому же Мустоксиди «проглядел» конфликт болгар из городка Кукуш с митрополитом Мелетием, а также успешные действия католической пропаганды, в результате которых 12 июля 1859 г. кукушане подали специальное «Прошение» папе Пию IX, врученное капеллану католической церкви в Салониках Тьюроку и французскому консулу Ш. Тисо. Мустоксиди сообщил об этом происшествии российскому посланнику в Константинополе князю А. Б. Лобанову-Ростовскому (1859–1863) только в донесении от 1 (13) сентября 1859 г. Благодаря решительному вмешательству российской миссии Вселенский патриарх Кирилл VII (1855–1860) пошел на уступки и назначил в Полянскую епархию архимандрита Парфения Зографского, болгарина, получившего высшее духовное образование в России⁸, тем самым жители Кукуша были отклонены от унии.

Хитрово прибыл в Салоники 8 марта 1861 г. Мустоксиди принял его ласково, но «от разговора о современном положении России на

Востоке» постоянно уклонялся, из чего Хитрово делал вывод, что «он совсем чужд этому делу и оно его нисколько не интересует». Мустоксиди, писал Хитрово Ковалевскому, «не смотрит и не может смотреть симпатично на сочувствие наше славянам и на осуждение поступков греческого духовенства, высказанное в циркуляре 3 января № 10». Хитрово подчеркивал: «Нельзя ожидать полезной деятельности от русского консула-грека в стране славянской» и «невозможно требовать энергии от 80-летнего старика». Молодой дипломат, настоятельно рекомендуя назначить на эту должность энергичного человека, чтобы воздействовать на генерал-губернатора Хюсни-пашу, «человека весьма крутого и деятельного», тем не менее просил не увольнять Мустоксиди, обремененного большим семейством и живущего одним жалованьем, так как ему «вероятно, недолго еще суждено быть полезным или бесполезным». Хитрово полагал, что было бы «совершенно достаточно назначить ему дельного секретаря и ждать его отставки от воли провидения»⁹. Хитрово не ошибся, земные дни престарелого консула были сочтены, и в 1861 г. вице-консулом в Салоники был назначен А. Е. Лаговский, генеральный консул в Александрии (1858–1861). Таким образом, название данной статьи, где Хитрово указан как первый русский консул Македонии, вполне оправданно, поскольку в XIX в. должность российского консула в Салониках, портовом городе в южной Македонии, исполняли проживавшие здесь иностранцы: Массоль (1796–1803), Р. Грациани (1804–1814), английский торговец из Левантской компании Г. Ф. Абот (1815–1818), Рубо де Понтеве (1818–1825), Пьяцца, управляющий австрийским консульством в Салониках, который выполнял и обязанности российского консула (1826–1827).

По дороге из Салоник в Битолу Хитрово лошадей не гнал, ехал не торопясь, собирая информацию о Македонии, этническом составе населения, настроениях жителей. В Битолу он приехал 17 (29) марта 1861 г., остановился на частной квартире. Город встретил русского дипломата настороженно. Христиане избегали всякого общения с ним, даже не решались отдать ему «дом внаймы из страха навлечь на себя неприязнь и гонения турок»¹⁰. Дело в том, что накануне приезда Хитрово был арестован в Струге и посажен в битольскую тюрьму замечательный учитель и просветитель Д. Миладинов (1810–1862), который был обвинен в тайных сношениях с русскими агентами. Хитрово опасался, чтобы его неосторожное заступничество перед турецкими властями не скомпрометировало болгарского учителя еще больше. Он поэтому попытался привлечь пелагонийского митро-

полита Венедикта, обладавшего реальным авторитетом у турецкой администрации, и через него повлиять на турецких чиновников, но митрополит не пожелал вмешиваться в это дело. А в ночь на 11 мая Миладинова тайно отправили в Константинополь. Хитрово просил князя Лобанова-Ростовского оказать ему помощь, но действовать, как советовал сам Миладинов в письме к Хитрово, которое, к сожалению, не сохранилось, нужно было чрезвычайно осторожно¹¹. Ничьи ходатайства не имели воздействия на Порту, в январе 1862 г. Д. Миладинов скончался в тюремном госпитале от тифа.

На перемену в настроениях состоятельных христиан, которые боялись посещать Хитрово, повлияла пышная церемония официального открытия русского дипломатического представительства в Битоле с торжественным поднятием российского флага, которую Хитрово приурочил к празднику Светлого Воскресения 23 апреля (5 мая) 1861 г. Сам митрополит Венедикт в полном облачении и в сопровождении 8 священников совершил молебствие на славянском языке с окроплением флага. На празднике присутствовали начальник Генерального штаба Халиль-бей, представлявший гражданскую и военную администрацию города, многие турецкие чиновники и офицеры, все иностранные консулы в мундирах, известные еврейские торговцы, поэтому и состоятельные христиане «теперь явились выразить свое сочувствие императорскому правительству»¹², – общал Хитрово.

Сдержанным было отношение к русскому дипломату и его австро-венгерского коллеги, которого неприятно раздражали награды 24-летнего Хитрово. Соретич желчно писал, что Россия щедро награждала своих молодых консулов на Востоке не за реальные заслуги, а для того только, чтобы через внешний блеск, на который так падки в Турции, доставить живые доказательства о блеске, щедрости и величии России и возбудить тайное желание в восточных христианах стать подданными такой внушительной империи¹³. Правда, позднее, когда Соретич узнал, что Хитрово служил в гвардии и награды получены заслуженно, он поменял тон.

Хитрово снял красивый дом за 1000 пиастров в месяц, нанял 2 кареты за 300 пиастров, то есть потратил в два раза больше, чем обычно платили иностранные консулы, и это произвело огромное впечатление на местный дипломатический корпус, не говоря уже о турецких властях и городском населении¹⁴. Непонятно, как это ему удалось сделать, так как в Санкт-Петербурге он получил «на обзаведение» в Битоле только положенные 2 тыс. руб. за удержанием 10%¹⁵,

а на наем дома из казначейства ежегодно выделялось 500 руб. Эта сумма, уплачиваемая за аренду здания для дипломатических представительств России в Османской империи, была практически для всех одинаковой (Адрианополь, Видин, Смирна, Янина, Тырново, Дамаск и др.)¹⁶. Хитрово собственных дополнительных денежных средств не имел, и когда запаздывало его жалование, выплачиваемое по третям, ему приходилось обращаться за кредитом к банкирскому дому братьев Робеви¹⁷. Соретич считал, что Хитрово получал 5 тыс. руб. в год, но в сохранившихся ведомостях по Азиатскому департаменту за 1864 г. указана гораздо меньшая сумма – 2940 руб. в год¹⁸. Кроме того, Хитрово за 40 руб. в месяц нанял драгомана (переводчика) А. Лаппе, болгарина из Велеса, и суруджи (курьера) «для верного доставления» корреспонденции из Азиатского департамента «и прямого сношения с управляющим консульства нашим в Янине»¹⁹. Соретич подозревал, что Хитрово имел секретное задание исследовать страну, преследуя не столько торговые цели, сколько военные и стратегические²⁰. Впрочем, все европейские дипломатические представительства в Битоле имели явный политический характер: в 1861 г. в этом регионе проживали 10 подданных Австро-Венгрии, причем 5 из них де юре и 5 де факто, 1 английский подданный и 1 русскоподданный²¹.

Непросто складывались отношения Хитрово с турецкой администрацией. Мушир Абдул Керим-паша, генерал-губернатор Румелийского эялета, принял русского дипломата с большими почестями: во время его первого визита батальон стоял под ружьем на дворе его резиденции (сарая). Однако Хитрово понимал, что это только наружное доброжелательство, а в душе он смотрел «весьма недоверчиво на учреждение русского консульства в нынешних обстоятельствах»²². А вот турецкий генерал (лива) Али-паша поначалу оказывал Хитрово необъяснимые для Соретича знаки внимания: в полной униформе сам посетил русского консула, приглашал его на обеды и уже через месяц подарил ему отличное албанское ружье. Впрочем, вскоре за такие подчеркнuto близкие контакты с русским дипломатом лива, которому пришлось давать объяснения, получил соответствующее внушение²³.

Не располагала к выстраиванию нормальных отношений представителя России с турецкой администрацией Битолы, как указывал Хитрово, и сама обстановка в регионе: разгоралось восстание в Герцеговине во главе с Л. Вукаловичем, которое было поддержано Черногорией. Летом 1861 г. успех сопутствовал повстанческой ар-

мии Герцеговины, поскольку она пополнялась силами черногорцев. Молодой князь Черногории Никола Петрович (1860–1918) активно готовился к войне с Турцией. Шли переговоры с Сербией о взаимопомощи. В начале 1862 г. Порта получила заем от Англии, который был направлен на подготовку 54-тысячной армии. Несмотря на стойкость и отчаянную храбрость черногорцев, Омер-паша, используя численное превосходство, лучшее вооружение (новые штуцеры и дальнобойную горную артиллерию), подошел к Цетинье. От полного разгрома княжество спасли дипломатические демарши Австрии и России, 29 августа 1862 г. черногорский князь Никола подписал тяжелый для страны мирный договор.

В 1861 г. Македония была превращена в плацдарм для наступления на повстанцев, а Битола, по словам Хитрово, представляла собой «вид совершенно военного лагеря»²⁴. Русский дипломат, несмотря на повышенную секретность со стороны военных властей, старался оперативно добывать сведения о составе, движении и расположении турецких войск, об их оснащенности и вооружении: «Громадны приготовления турок – содрогаешься за участь Черногории и Герцеговины»²⁵. Австро-венгерские вице-консулы Заксл, сменивший Соретича, а затем Зелнер отмечали чрезвычайную активность Хитрово, который оживленно обменивался шифрованными сообщениями по телеграфу, письменной корреспонденцией с российскими дипломатами в Константинополе, Скутари (Шкодре), Мостаре, Янине²⁶. Весной и летом 1862 г., в разгар черногорско-турецкой войны, на телеграфной станции в Битоле не однажды отказывались принимать от Хитрово шифрованные телеграммы, и, чтобы устранить препятствия, приходилось срочно вмешиваться российской миссии в Константинополе²⁷.

Хитрово необходимо было собрать информацию о возможных инсургентах в Битольском крае. Он выяснил, что тайное общество «Казино» являлось подобием «читалищ» – своеобразным клубом, где его члены, молодые люди, получившие образование в Афинах, читали и обсуждали книги, периодику. Их деятельность «ограничивалась одним ропотом», их идеи – идеи эллинизма – встретили «сочувствие лишь со стороны» «влахов и греков, принадлежавших к богатому сословию», народу они были чужды. Посещение великого визиря в 1860 г., закрытие «Казино», казнь одного из его членов «убили в самом основании зародыши свободных стремлений»²⁸, – подчеркивал консул. В самой Битоле и ее окрестностях обстановка была мирная, «со стороны здешних христиан, удаленных от всякого

внешнего влияния, не заметно никаких приготовлений»²⁹. Предположение Азиатского департамента о том, что Битола являлась центром готовившихся повстанческих выступлений южных славян, не оправдалось. Хитрово полагал, что «скорее можно ожидать чего-нибудь в Фессалии и Эпире, где, по-видимому, издавна что-то готовится под тайным греческим покровительством»³⁰. После приезда (12 июня 1861 г.) в Битолу Л. В. Березина, назначенного секретарем и драгоманом консульства, Хитрово смог покинуть консульство надолго. Он стал интенсивно изучать южное направление, несколько раз встречался с А. С. Иониным, российским консулом в Янине, они вместе посещали многие села Эпира и Фессалии. В 1862 г. эти поездки умножились. Хитрово неоднократно встречался с консулами А. С. Иониным, А. Е. Лаговским, а также вице-консулом Н. Геровым из Пловдива. В июле 1862 г. в русском консульстве появился второй драгоман Г. Цаца, торговец из Битолы, поскольку свои разъезды Хитрово совершал в сопровождении драгомана Лаппе. Заксл отмечал, что Лаппе был болгаро-славянином, а Цаца – греко-славянином, благодаря чему русское консульство теперь имело посредника как среди болгаро-славян, так и среди греко-славян, которые более склонялись к Греции³¹.

Еще весной 1860 г. на донесении русского консула в Дубровнике (Рагузе) К. Д. Петровича, который сообщал о готовности христиан Балканского полуострова к выступлению, Александр II сделал помету: «Это новое доказательство, что надобно ожидать общего восстания, если нам не удастся предупредить мерами, нами предложенными»³². В историографии утвердилось мнение, ставшее практически аксиомой, что после Крымской войны Петербург опасался большого конфликта в Юго-Восточной Европе и выступал за мирное урегулирование герцеговинского вопроса³³. Однако частное письмо Хитрово директору Азиатского департамента П. Н. Стремоухову от 10 сентября 1864 г.³⁴, донесения самого битольского консула, составленные в период весны–лета 1862 г., свидетельствуют, что позиция Азиатского департамента была не столь однозначна. Многие русские дипломаты, в том числе Стремоухов, тогда вице-директор Азиатского департамента (1861–1864), Хитрово, Ионин и др., желали масштабных восстаний христиан на Балканах вслед за Герцеговиной. Консулы старались установить контакты с потенциальными руководителями движений и, похоже, предпринимали попытки на местах подтолкнуть их к решительным действиям, особенно во время войны Черногории с Турцией. Хитрово считал, что «как только двинутся

греческие капитаны по отрогам Пинда и Олимпа на север, к ним, без сомнения, пристанет все народонаселение южных пределов Македонии, уже давно подготовленное эпиротскими эмиссарами к будущим событиям. Отряды их будут усиливаться по мере движения вперед, а появление их в здешней местности неминуемо поднимет всю страну»³⁵. Но сулиотские капитаны*, огорчился русский дипломат, проводили время «в бесплодных спорах и составлении обширных планов, вряд ли удобоисполнимых», а между тем «христиане Черногории и Герцеговины предоставляются пока одни на борьбу против всей Турции»³⁶. Хитрово с сожалением отмечал недостаток «замечательных личностей», которые могли бы увлечь за собой народ. Исследование конкретной ситуации в Румелийском эялете заставило его сделать реалистичный вывод о том, что «без внешней инициативы тамошние христиане не могут и не должны ничего предпринимать. Пока Эпир и Фессалия спокойны, всякая попытка жителей Македонии может иметь самые пагубные для них результаты». Несмотря «на чрезвычайное настроение умов» среди христиан, Хитрово нигде не видел «никаких серьезных приготовлений, никаких обдуманных предположений». И тем не менее, Хитрово все же не мог расстаться с иллюзиями возможности восстания. Сам себе нередко противореча в донесениях, он все же сохранил уверенность в том, что «ничтожнейшее восстание в одной из провинций Турции могло бы привести события к совершенно иным результатам»³⁷.

Частые поездки Хитрово по Македонии в «гнетущую жару», которая не могла «способствовать дальним экскурсиям»³⁸, как подчеркивал Заксл, требовали большой физической выносливости, а также храбрости, поскольку разбой на дорогах в 1861–1862 гг. усилился, так как к шайкам разбойников прибавились толпы дезертиров и башибузуков, которые бежали из турецких войск и по дороге домой промышляли грабежом. Собираясь поехать в начале лета 1862 г. в Дебар, откуда доходили слухи, что «средняя Албания готова подняться», Хитрово писал Стремоухову: «Если поколотят – пожалейте – славный будет случай придраться к турецкому правительству»³⁹. В Османской империи российскому дипломату помимо профессиональных знаний, опыта и интуиции должно было обладать значительной долей отваги, чтобы пускаться в опасные в

* Сулиоты – греко-албанское православное население горного района Сули, расположенного на юге Эпира. Сулиоты внесли значительный вклад в освободительную борьбу греческого народа против Османской империи в конце XVIII – XIX в.

том крае путешествия. Отсутствие или недостаток этого качества в характере чиновника заметно влияли на выполнение им служебных обязанностей. Например, Хитрово в частном порядке хлопотал о переводе своего секретаря Березина на открывшуюся вакансию в вице-консульстве в австро-венгерском городе Фиуме (Риеке). Хитрово рекомендовал его как отличного помощника. Однако он не был создан для Турции: «Здесь недостаточно одних бюрократических способностей, здесь нужно, чтобы под селезенкой что-нибудь да билось, а у моего храброго Березина и не хватает», – констатировал Хитрово. Кроме того, он не мог поручить Березину управление консульством на время своей длительной отлучки в случае предоставления отпуска в Россию. «В Турции необходима некоторого рода смелость, пожалуй, хоть нахальство, без которого ничего не успеешь, и вам всякий сядет на шею»⁴⁰. Хитрово не ошибся, назначенный в ноябре 1862 г. в Фиуме Березин «под благодетельнейшим покровительством австрийских законов и европейской безопасности» оказался на своем месте. Здесь устроилась его личная жизнь благодаря женитьбе на хорватке, здесь раскрылся его талант историка и этнографа. В 1879 г. Березин опубликовал в двух томах книгу «Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница» (СПб.), которая включала исследования, «уникальные для своего времени по объему и богатству содержания»⁴¹.

Дипломат в Османской империи должен был быть наделен крепкими нервами и устойчивой психикой, в противном случае с ним могла случиться такая же беда, как с Е. М. Тимаевым (1838–?), выпускником Санкт-Петербургского университета по факультету восточных языков (1860), воспитанником Учебного отделения МИД (1860–1862). В августе 1862 г. он был назначен секретарем консульства в Битоле⁴². Хитрово отзывался о нем очень положительно. В 1866 г. Тимаева назначили в Призрен первым российским вице-консулом. Обстановка в Призренском санджаке была тяжелой из-за анархии и самоуправства албанцев, которым потворствовали турецкие власти. Демонстрация агрессии со стороны мусульман города по отношению к российскому вице-консулу, нежелание турецкой администрации Призрена обеспечить его безопасность, бесконечность фактов насилия албанцев над христианами рождали постоянный страх, которого психика Тимаева не выдержала: у него начала развиваться мания преследования. 12 декабря 1869 г. больного дипломата срочно вызвали в Петербург. О его дальнейшей судьбе ничего не известно⁴³.

Важным направлением в деятельности русских консулов на Балканах было смягчение греко-болгарского церковного конфликта, оказание содействия в деле национального просвещения болгарского населения, а также противоборство с католической пропагандой. В Битоле Хитрово не обнаружил столкновений между греками и болгарами на почве церковного вопроса, христианскую общину раздирала вражда отдельных группировок. В единственной церкви города служба шла на греческом языке, преподавание в училищах ориентировалось не на болгарскую школу, а на образовательную систему Греческого королевства, здесь даже не знали о существовании кириллицы. Болгарский язык впервые зазвучал в церкви и школе, которые были устроены при католической миссии Св. Лазаря, появившейся в Битоле в 1856 г. В 1861 г. Хитрово констатировал, что усилия аббата Лепавека, руководившего миссией, не поколебали приверженности христианского населения города православию⁴⁴. Только в 1863 г. при переносе пропаганды в отдаленные христианские селения возникло подобие униатского движения. Энергичные меры Хитрово приостановили его рост, и далее шла его постепенная деградация: в 1871 г. последнее село в Тыквешском уезде вышло из унии⁴⁵.

Хитрово также попытался воспрепятствовать эллинизации болгарского населения, однако митрополит Венедикт не соглашался вводить славянский язык в литургию и не разрешал преподавать болгарский язык в училищах. Хитрово много ездил по краю, дарил церковную одежду, утварь, книги, говорил о необходимости ведения литургии и обучения в училищах на родном, понятном языке. С его подачи В. Манчев организовал частную школу, в которой преподавался болгарский язык и которая получала из России ежемесячное пособие в 600 пиастров⁴⁶. Хитрово не раз защищал частную школу Мустрева и его сына Николая, занимавшихся изготовлением деревянных вьючных седел, от преследования охридского митрополита Мелетия и турецких властей. В школе Мустревых, основанной в 1859 г. в бедном квартале Охрида, по вечерам бесплатно преподавался болгарский язык и детям, и взрослым⁴⁷. В 1864 г. русский дипломат посетил эту школу, которая была преобразована в училище «Кирилла и Мефодия», и исходатайствовал ей ежегодное денежное пособие в 300 руб. серебром. Эти деньги из России охридское училище получало с 1 января 1865 г. вплоть до 1885 г.⁴⁸ Семена, посеянные Хитрово, дали и в Битоле добрые всходы: перед Рождеством Христовым 1865 г. в центральном греческом училище Битолы была открыта «кафедра болгарского языка»⁴⁹. В 1868 г. сбылась многолетняя мечта

болгар: в городе были основаны училища для мальчиков, а затем и для девочек⁵⁰.

Получило всемерную поддержку у Хитрово и стремление болгарского населения иметь свою церковь, которая была построена в 1863 г. на окраине города и освящена в честь св. мученицы Кириакии Никомидийской, известной на Балканах как св. Неделя. Здесь летом 1864 г., в отсутствие митрополита Венедикта, впервые стали петь по-славянски, что вызвало драку в церкви, а присутствие Хитрово на последующих воскресных службах помогло поборникам национальной литургии продолжать петь по-славянски⁵¹.

В обязанности консулов на Балканах входила забота о наборе молодых людей, а затем и девушек для учебы в Россию, где были выделены значительные денежные средства на образование славян из Турецкой империи в русских гимназиях и университетах⁵². Для Битола ориентация юношества на Россию, а не на Грецию свидетельствовала о появлении признаков уменьшения привлекательности идеологической доминанты этого района – эллинизма, а также об успешности деятельности русского дипломата. Поэтому Хитрово встретил серьезные препятствия там, где он даже представить себе не мог. Просьба жителя села Магарово Николаки Бояно⁵³ «о доставлении сыну его Стерио безвозмездного воспитания в России» была удовлетворена, и счастливый отец упросил Хитрово, уезжавшего в отпуск в начале января 1863 г. в Петербург, взять с собой его 13-летнего сына. Однако в день отъезда мальчику отказали в выдаче необходимого для поездки паспорта – тескере, а Н. Бояно заставили подписать просьбу (арзухал), в которой он просил турецкие власти не выдавать его сына русскому консулу. Хитрово пришлось задержаться в городе, но все его протесты были напрасны, и тогда русский дипломат не побоялся пойти на открытый конфликт с битольским вали (генерал-губернатором) Хаджи Али-пашой (1862–1864). «В течение двух лет я постоянно имел дело с явным нерасположением и неприязненностью к нам местных властей, но примирительным и осторожным образом действий всегда успевал устранить поводы к открыто неприязненным столкновениям. В течение этого времени здесь переменялось 4 паши, и мне удавалось сохранять с ними, хотя по внешности, удовлетворительные отношения, но с нынешним пашой такие отношения вряд ли возможны. Неприязненность его ко всем европейцам вообще и к нам в особенности слишком откровенна и бесцеремонна. Я льщу себя надеждой, что императорская миссия одобрит мой образ действий»⁵⁴, – писал Хитрово Е. П. Новико-

ву, временно исполняющему должность российского посланника в Константинополе. Хитрово вернулся в Битолю в сентябре 1863 г., имея с собой два письма великого визиря Мехмед Фуад-паши, которые предписывали Хаджи Али-паше оказывать консулу уважение, достойное его званию, и делать «по возможности ему облегчения в встречающихся затруднительных обстоятельствах»⁵⁵.

Не только эллинизация, но и исламизация представляла серьезную угрозу для славянского населения Битольского эялета. Хитрово бил тревогу, поскольку факты обращения христиан в ислам отмечались все чаще⁵⁶. По турецким законам мусульманин, который смог уговорить христианина принять его веру, освобождался от рекрутской повинности⁵⁷. До 1860 г. христианин, решившийся на этот шаг, должен был провести несколько дней в митрополии, где священники имели возможность вести с ним беседы, и только тогда в меджлисе окончательно решался его вопрос. Если мусульмане похищали женщину или девушку, то приводили ее в меджлис Битолы, откуда митрополит имел право забирать похищенных и помещать их в дома христиан до рассмотрения их дел в меджлисе. Теперь это право было аннулировано. Похищенных девушек или женщин скрывали в мусульманских домах, несмотря на протесты родственников, а меджлис утверждал положительно их переход в ислам⁵⁸. С подобным облегчением условий при перемене веры число ренегатов заметно увеличивалось, а митрополит Венедикт смотрел на все с равнодушием и апатией, что очень возмущало Хитрово. Со своей стороны он пытался бороться с этим явлением. Так, в начале 1864 г. он организовал кампанию в защиту христианского мальчика 9 или 10 лет, мать которого, оставшись вдовой, вышла замуж за турка и перешла в ислам. Хитрово и греческий консул Андреас протестовали против насильственного обращения ребенка в ислам. Русский дипломат убедил своих коллег выступить демаршем перед пашой. Впрочем, австро-венгерский вице-консул Окули не согласился присоединиться к этой акции. Английский консул Кальверт также вскоре пошел на попятную. Согласно уговору между дипломатами ребенок должен был находиться в английском консульстве до получения ответа из Порты, но Кальверт, желая сгладить впечатление от совместного выступления иностранных дипломатов, уступил и отдал мальчика его матери с условием, что его будет навещать священник. Хитрово не доверял туркам и требовал, чтобы ребенка отдали или митрополиту, или в греческое консульство, чтобы затем отправить его к родственникам-христианам, которые проживали в другом городе⁵⁹.

Решительность Хитрово победила: из Порты пришло приказание передать ребенка митрополиту, чтобы он воспитывался под его надзором до совершеннолетия⁶⁰.

В русское консульство нередко обращались за помощью попавшие в беду люди. В начале июля 1862 г. Хитрово получил «на раздачу вспомошествований страждущим единоверцам» сумму в 5 тыс. руб. серебром, присланную в консульство по секретному распоряжению Азиатского департамента МИД от 30 апреля 1862 г. Из ежегодных отчетов видно, что Хитрово к двум христианским праздникам – Рождеству Христову и Святой Пасхе передавал эпитропам** христианской общины Битолы под расписку каждый раз значительную сумму⁶¹. Русский консул оказывал поддержку деньгами церквям, священнослужителям, школам, учителям, бедным невестам, сиротам, вдовам, престарелым, больным... Деньги шли на раздачу милостыни нищим при посещении Хитрово церковей и монастырей Битольского эялета. Он стал ежегодно пересылать вдове Д. Миладинова «под роспись» денежную субсидию (в 1863 г. – 5 полуимпериалов или 440 пиастров⁶²). Особую статью ежемесячного расхода консульства составляли пожертвования в тюремную кружку и отдельно в большую кружку христианской общины города.

Деятельность М. А. Хитрово, который «в короткое время сумел поставить» консульство в г. Битоле «на степень, соответствующую его достоинству», была вполне оценена в МИД России. Отмечались также полнота и ясность его донесений, которые знакомили министерство с краем «весьма малоизвестным». Князь А. М. Горчаков поэтому «нашел справедливым войти со всеподданнейшим докладом к государю императору о награждении» Хитрово «за усердную и ревностную службу», и «Его Величеству благоугодно было сего 17 апреля 1862 г. пожаловать Хитрово чином коллежского асессора с отличием» (VIII класс, что соответствовало чину майора). Министр иностранных дел тогда же приказал утвердить Хитрово консулом в Битоле⁶³. В апреле 1864 г. султан Абдул-Азиз изволил пожаловать Хитрово Орден Меджидие 4-й степени⁶⁴. Александр II 19 апреля наградил Хитрово орденом Св. Станислава 2-й степени⁶⁵. В сентябре того же года новый посланник в Константинополе Н. П. Игнатьев вызвал Хитрово в столицу Османской империи, а в ноябре он был

* Эпитропия (греч. Ἐπιτροπή – комиссия) – в греческом церковном праве являлась структурой самоуправления. Члены комиссии (эпитропы), избиравшиеся путем голосования, осуществляли исполнительную власть.

назначен младшим секретарем миссии. В мае 1865 г. Хитрово вместе с Н. Ф. Якубовским, которого направили консулом в Битолу, приехал в город, чтобы сдать дела (шифры, печати консульства, архивы, консульские книги, депозиты, кассу). Однако связь с Битолой и ее населением Хитрово не терял: донесения Якубовского, особенно те, в которых содержались сложные вопросы, передавались Хитрово как специалисту по этому региону. Личный архив Хитрово хранит письма, посланные ему болгарами из Битолы, Охрида, Велеса и других городов и сел с самыми разными просьбами о помощи. Интенсивная дружеская переписка со многими консулами (Н. Ф. Якубовским, К. Н. Леонтьевым, А. Е. Лаговским, А. С. Иониным и др.), которая из-за кочевой жизни Хитрово сохранилась фрагментарно, убеждает, что Михаил Александрович был человеком с горячим сердцем: отзывчивым, деликатным, чутким к чужим бедам, всегда готовым прийти на помощь, умеющим дружить и высоко ценившим дружбу.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Хитрово заведовал Дипломатической канцелярией при Главнокомандующем. Он выступил с предложением использовать болгарские четы для партизанской войны, ведения разведки и для охраны болгарского населения от башибузуков⁶⁶. Согласно VI статье Сан-Стефанского договора 1878 г. в княжество Болгария должна была входить большая часть территории Македонии с г. Битола, Велес, Охрид и др. В Македонии предполагалось ввести русское управление, аналогичное учрежденному в Северной Болгарии. На должность губернатора для Македонии была предложена кандидатура Хитрово. Но Берлинский договор не позволил реализовать эти планы.

Открытие в Битоле русского консульства явилось заметным событием в жизни христианского населения Македонии. Оно впервые встретило искреннее сочувствие со стороны иностранного дипломата к их тяжелому положению райи в мусульманском государстве. Это сочувствие выражалось не только на словах, но и в реальной помощи (как материальной, так и по дипломатическим каналам). Энергия Хитрово, направленная на пробуждение национального чувства у славян этого региона, оказала немалое влияние на состоятельных болгар, на деятельных людей из христианской общины Битолы, которые также стали ратовать за преподавание болгарского языка в училище и за литургию на славянском языке. Деятельность Хитрово во многом способствовала сложному процессу самоидентификации болгарского населения Битольского эялета.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Сенкевич И. М. А.* Хитрово – прв руски конзул во Битолскиот крај (1861–1864) // Гласник на Институт за национална историја. Скопје, 1966. XI/1. С. 171–188.
- 2 *Бессонов В. А.* Николай Захарович Хитрово (материалы к биографии) // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы VI-й Всероссийской научной конференции. Москва, 24 апреля 2003 г. М., 2003. С. 6, 8.
- 3 *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815–1911. СПб., 2000. С. 211–212.
- 4 АВП РИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 3514. Л. 2–3 об.
- 5 Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. София, 1994. Т. 1. С. 122.
- 6 АВП РИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 137.
- 7 *Муравьев А. Н.* Письма с Востока в 1849–1850-х годах. СПб., 1851. С. 385.
- 8 *Маджуров Н.* Кукуш и българският църковен въпрос // 100 години от учредяването на Българската екзархия. София, 1971. С. 239.
- 9 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 356. Д. 362. Л. 5 об. – 6, 8.
- 10 АВП РИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 32 об.
- 11 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 112.
- 12 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1415. Л. 23–23 об.
- 13 Македония през погледа... С. 122–123.
- 14 Там же. С. 123.
- 15 АВП РИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 13. Л. 13, 18.
- 16 Там же. Ф. 154. Оп. 710/1. Д. 624. Л. 45–45 об., 94, 103, 166, 195, 200, 208, 215.
- 17 Там же. Ф. 161/2. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 58–59.
- 18 Там же. Ф. 154. Оп. 710/1. Д. 624. Л. 166.
- 19 Там же. Ф. 161. Оп. 119. Д. 17. Л. 5, 6.
- 20 Македония през погледа... С. 137.
- 21 Там же. С. 192.
- 22 АВП РИ. Ф. 161/2. Оп. 181/2. 1861. Д. 1184. Ч. 1. Л. 32.
- 23 Македония през погледа... С. 138.
- 24 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1861. Д. 1415. Л. 5 об.
- 25 Там же. Д. 1423. Л. 83.
- 26 Македония през погледа... С. 197, 215.
- 27 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1861. Д. 1416. Л. 110–111.

- 28 Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 50.
- 29 Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. 1861. Д. 1415. Л. 33.
- 30 Там же. Л. 34.
- 31 Македония през погледа... С. 223.
- 32 Цит. по: *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70-х годах XIX века. М., 1979. С. 162.
- 33 Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986. С. 189.
- 34 АВП РИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 17. Л. 51.
- 35 Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 325–325 об.
- 36 Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 87–88.
- 37 Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 447 об.
- 38 Македония през погледа... С. 231.
- 39 АВП РИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 17. Л. 12 об.
- 40 Там же. Л. 11–12.
- 41 *Фрейдзон В. И.* Л. Березин. Путешествие по Хорватии и Военной границе (1863 год) // Славяноведение. 2004. № 5. С. 93; *Ващенко М.* Тесная связь на бытовом начале. Русский консул Березин и хорваты // Родина. 2011. № 3. С. 66–68.
- 42 АВП РИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 23. Л. 1, 3, 10, 16.
- 43 *Анисимов М. Ю.* Косово и Метохия в донесениях первого русского вице-консула в Призрене Е. М. Тимаева (1866–1869) // Вестник Тверского университета. Серия: История. 2010. Вып. 1. С. 1–14.
- 44 АВП РИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 21.
- 45 Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. София, 1998. Т. 2. С. 280. См. подробнее: *Фролова М. М.* Развитие униатского движения в Западной Македонии. Планы и действительность. (1856–1871 гг.) // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М., 2014. С. 33–60.
- 46 Македония през погледа... Т. 2. С. 36.
- 47 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. София, 1990. Т. 2. С. 76–77; *Сенкевич И. Г.* Новые документы по истории южных славян (Из рукописного наследия М. А. Хитрово) // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1963. С. 250–251.
- 48 АВП РИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 6684. Л. 44.
- 49 *Косев Д.* Русия, Франция и българското освободително движение 1860–1869. София, 1978. С. 165.
- 50 См.: *Фролова М. М.* К вопросу о содействии русских дипломатов болгарам г. Битола в организации национального образования (60-е гг. XIX в.) // Славянский альманах. 2013. М., 2014. С. 100–115.

- 51 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1418. Л. 133–134.
- 52 Русия... Т. 1. Ч. 1. С. 118, 448, 471.
- 53 В консульских донесениях данная фамилия периодически писалась и через «а» (Баяно).
- 54 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 20–21.
- 55 Там же. Л. 87. См.: Фролова М. М. «Дело Стерио Бояно»: к вопросу об отправке молодежи из Османской империи на учебу в Россию (60-е гг. XIX в.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. М., 2012. С. 61–73.
- 56 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 169.
- 57 Там же. Д. 1418. Л. 228 об.
- 58 Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 187, 190.
- 59 Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1418. Л. 12–17 об.
- 60 Там же. Л. 95–96.
- 61 Там же. Ф. 161. Оп. 119. Д. 17. Л. 21 об.
- 62 Там же. Д. 17. Л. 24.
- 63 Там же. Д. 13. Л. 28–28 об.
- 64 Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1418. Л. 98.
- 65 Там же. Л. 101.
- 66 Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964. Т. 2. С. 186, 273.

М. М. Frolova

М. А. Hitrovo – the first Russian consulate in Macedonia (1860–1864)

М. А. Hitrovo is the first diplomatic representative of Russia in Bitola. On the basis of both already published as well as first described archive data the main fields of his work are shown. His relationships with the Turkish administration as well as his personal qualities are described.

Key words: *Russian consulate in Bitola, M. A. Hitrovo, A. A. Mustokside, L. V. Berezin, E. M. Timaev, Metropolitan Benedict, Soretic, hellenisation, islamization.*

А. Л. Шемякин
(Москва)

**Русский человек на Балканах:
сербская одиссея поручика Мамулова
(1893–1915)**

В статье делается попытка реконструировать биографию Иосифа Гавриловича Мамулова – поручика кавалерии в запасе, прожившего в Сербии 22 года (1893–1915), из которых 13 лет он прослужил в Российской дипломатической миссии внештатным драгоманом. Автор опровергает мнение сербских историков о его участии в подготовке «Иванданского атентата» (покушения) 1899 г. на экс-короля Сербии Милана Обреновича и старается восстановить его доброе имя.

Ключевые слова: *И. Г. Мамулов, «Иванданский атентат», Милан Обренович, Александр Обренович, полковник А. И. Будзилович (Грабо), П. Б. Мансуров, Российская дипломатическая миссия*

Среди российских подданных, волею судеб (военной, служебной, эмигрантской) осевших в независимой Сербии, встречаются самые разные типы. Большинство из них – русские добровольцы Серботурецкой войны 1876 г., публика довольно пестрая. В этой колонии русских обитателей Белграда (в основном временных) особняком стоит фигура Иосифа Гавриловича Мамулова, прибывшего в Сербию в 1893 г. и навсегда связавшего с ней свою жизнь. В конце 1915 г. в составе императорской миссии он прошел полную трагизма «Сербскую Голгофу», перебравшись затем, вместе с остатками армии, королем и правительством, с албанского побережья на остров Корфу, откуда в начале 1916 г. вернулся в Россию. И это последнее, что о нем достоверно известно. Именно ему, резервному «армейской кавалерии поручику» (позднее – отставному штабс-ротмистру), занесенному на Балканы житейскими вихрями, и посвящена наша статья.

Но сначала следует объяснить, почему мы обратились к соотечественнику не из первого эшелона (уровня посланника, поверенного в делах или, на худой конец, консула), а к скромному офицеру запаса, не раз попадавшему в отчаянные положения в поисках куска хлеба, и

тринадцать лет (из двадцати двух проведенных в Сербии) исполнявшему малопрестижную должность внештатного драгомана.

Причин тому две. Первая: весьма почтенный срок пребывания в Королевстве. Ведь если об А. П. Хитрово – втором по балканскому «стажу» российском долгожителе, прожившем здесь более 15 лет, в исторической литературе написано немало, то о Мамулове в ней нет ни единого слова – *хорошего!* Из чего прямо следует и вторая причина: в сербской историографии Иосиф Гаврилович однажды-таки упомянут, но в крайне непривлекательном свете – как человек, который, может, и не входил в число непосредственных организаторов знаменитого «Иванданского атентата» («Покушения в Иванов день») на бывшего короля Милана Обреновича, совершенного в 1899 г., однако точно обеспечивал его «логистику»¹. Такая вот «подмоченная» историческая репутация сложилась у него с подачи белградских коллег. И никак не постоять за себя! А потому восстановить честное имя человека, где оно, несомненно, того заслуживает, есть святой долг...

Итак, перед нами – «жизнь и приключения» внештатного драгомана и страстного любителя лошадей Иосифа Мамулова в Сербии.

Из времени юности И. Г. Мамулова точно известно одно – он являлся уроженцем Кавказа*, происходя из потомственных дворян. В 1886–1891 гг. служил в 14-м драгунском Литовском полку. Уволился в запас поручиком. В 1893 г. приехал в Сербию, по всей видимости, в связи с женитьбой: его супруга – Эмилия Мамулова (урожденная Станишевская) была по отцу поляка, а по матери сербка². В 1894 г. начал собирать рекомендации для обустройства на новой родине, которые заслуживают внимания. Так, бывший командир эскадрона, где в свое время числился Мамулов, полковник Гофман сообщал о нем: «Нравственных качеств образцовых, в политических и денежных делах всегда благонадежен, по служебным качествам выдающийся офицер, особенно по строю, отличной верховой езде, знанию и выездке лошадей»³. И командир литовских драгун, генерал-майор барон Криденер, вторит ему – в его передаче Мамулов предстает «очень хорошим строевым кавалерийским офицером, отличным ездоком, лично выезжавшим лошадей и знавшим хорошо лошадей, и любимым в полку товарищами»⁴.

Явный синхронный акцент, сделанный в аттестациях экс-начальников на конную подготовку лихого поручика и прекрасное

* Скорее всего И. Г. Мамулов был осетин или грузин, поскольку исповедовал православную веру.

знание им лошадей, – не случаен. В том же 1894 г. тот поступил на сербский казенный конный завод в селе Любичево (под Пожаревацем), основанный еще князем Милошем Обреновичем, где прослужил до июня 1898 г., когда новый российский посланник В. В. Жадовский пригласил его на должность внештатного драгомана императорской миссии. И вот тут начинается самое интересное!..

Конец XIX в. – не лучшее время в истории российско-сербских отношений. Еще в 1894 г. бывший король Милан Обренович, нарушив данное Александру III обещание навсегда покинуть Сербию, вернулся в страну и стал фактическим соправителем сына – юного тезки императора. Негодованию Петербурга не было предела. Русские открыто называли короля-отца «злодеем» и «обычным треплом»⁵. Не отставал и государь, не раз «приложивший» его в сердцах⁶. В 1897 г. Милан возглавил сербскую армию, приступив к ее глубокой реформе, в чем весьма преуспел. Войска в руках яркого австрофила, вкуче с возросшим влиянием Вены, – это тревожило Россию. Она начала «давить» на Белград (с целью добиться его удаления), причем давление принимало порой довольно грубые формы. Особо «прославился» этим благодетель Мамулова Жадовский, который вел себя столь вызывающе и с таким презрением относился к местным властям, нарушая всякий дипломатический такт, что те пошли на экстравагантный шаг – пригласили на прием по случаю праздника секретарей российской миссии, обойдя посланника. В марте 1899 г. он был отозван; управлять миссией остался временный поверенный в делах П. Б. Мансуров. Межгосударственные отношения быстро скатывались к точке полного замерзания⁷.

А 24 июня (в Иванов день) на Милана Обреновича, возвращавшегося из крепости Калемегдан во дворец, произошло покушение. Стрелял боснийский серб Стеван Кнежевич, но не попал и был схвачен. Уцелевший экс-монарх сразу же объявил, что за атентатом стоят радикалы – давние враги династии. И в тот же вечер нескольких деятелей Радикальной партии арестовали. Ну, а затем в его воображении возник образ России, которая, при известном ее к нему отношении, конечно, не могла остаться в стороне. Очень скоро эта мысль трансформировалась в уверенность, и схема русского участия в заговоре сложилась: его организатором объявлялся начальник балканской агентуры Департамента полиции полковник А. И. Будзилович (псевдоним «Грабо»). В своем доме в Бухаресте он якобы передал Кнежевичу две тысячи империалов. Показанное фото его резиденции преступник тут же «опознал» – да, в ней проходила встреча! В Белграде

же соучастником Будзиловича будто бы и являлся Мамулов, которому поручалось найти «легкого на руку» человека⁸.

О Будзиловиче-Грабо скажем здесь кратко. Только то, что в донесении начальству от апреля 1900 г. он по-военному четко написал, как отрезал: «Что касается Кнежевича, то таковой мне совершенно неизвестен»⁹, чему не верить у нас нет оснований (к «проверке» и подтверждению его слов мы еще вернемся)... А теперь подробнее о нашем герое.

В июле 1899 г. префект полиции Белграда Риста Бадемлич заявил П. Б. Мансурову, что в организацию покушения был вовлечен драгоман русской миссии И. Г. Мамулов, и это, по словам дипломата, – «первый случай, когда высший сербский чиновник осмелился утверждать подобное» в лицо русскому представителю¹⁰. Тогда же король Александр по секрету сообщил британскому посланнику о наличии у него данных о том, что «отдельные русские [...] если и не являлись инициаторами атентата, то в любом случае были в нем замешаны или, по крайней мере, знали о подготовке»¹¹. Этими данными, судя по всему, считались «изобличившие» Мамулова показания Стевана Лацковича, бывшего служителя российской миссии, уволенного за кражу! Так, по словам прокурора Василие Симича, «он утверждал, что Мамулов уговаривал его участвовать в покушении, причем не на Милана, а на Александра»¹². Схожий мотив прозвучал и в письме Р. Бадемлича премьер-министру Владану Джорджевичу («Стеван говорит, что Мамулов предлагал ему бросить бомбу в королей»¹³), а тот намекнул французскому посланнику, что в заговоре, кроме внутренних, участвовали и внешние силы¹⁴. Наконец, министр финансов Вукашин Петрович записал в дневнике лично им слышанное от Лацковича: «Мамулов предлагал мне деньги с целью убийства короля Милана»¹⁵.

Как видим, признания бывшего сослуживца для бедного Иосифа Гавриловича – поистине расстрельные. Однако все не так страшно: их подлинную (не)«весомость» наглядно иллюстрирует случай с И. Содомским, единственным подданным России, оказавшимся в связи с атентатом в тюремной камере, причем очень оперативно – вечером того же дня! Так вот, с его слов, во время очной ставки Лацкович врал ему «в глаза самым нахальным образом», утверждая, между прочим, что в здании миссии он «исправлял г. Мамулову какую-то машину»¹⁶. (Уж не ту ли самую бомбу, ведь арестант имел степень доктора химии?)* А что дальше? Невероятно, но факт – через неделю

---

* Понятно, что мы куда больше доверяем почтенному доктору наук, чем изгнанному с позором неудачливому вору, который, в связи с

ему объявили, что он «ни в чем не виновен и свободен», а затем выпустили из тюрьмы и депортировали в Земун¹⁷.

30 июня 1899 г. П. Б. Мансуров докладывал министру иностранных дел графу М. Н. Муравьеву: «Против нештатного драгомана миссии Мамулова, близко знакомого с членами Радикальной партии, был, по достоверным сведениям, издан приказ об аресте, но не решились его исполнить»¹⁸. С одной стороны, интересно, почему? А с другой – вот оно, еще одно его «преступление»: общение с сербскими радикалами, «назначенными» сверху быть виновными в покушении. И впрямь, Иосиф Гаврилович хорошо знал вождей Радикальной партии, особенно двух главных фигурантов дела – с Костой Таушановичем он познакомился еще в бытность на Любичевском конном заводе¹⁹, а с Николаем Пашичем попозже: тот сохранил в своем архиве две визитки с надписью: «J. Mamoulow. Secetaire-interprete de la Legation imperiale de Russie (Belgrade)»²⁰... И что, за это надо сажать?

Тем временем прошел год, и 6 июня 1900 г. экс-король Милан отбыл в Вену для завершения переговоров о браке сына с одной из провинциальных немецких принцесс (Шаумбург-Липпе). Сын же, король Александр, преисполненный радости от того, что под благовидным предлогом папеньку удалось выпроводить из страны, вовсю готовился к обручению с гражданкой Драгой Машин. Надвигались большие перемены!

18 июня монарх пригласил П. Б. Мансурова, поведа с ним долгий разговор, в котором (впервые при Павле Борисовиче) затронул вопрос о покушении на короля-отца и «участии» в нем российских подданных. Касаясь Мамулова, он, в передаче Мансурова, подчеркнул, что «если здание миссии подвергнуто особенно тщательному надзору, то это вызывается не подозрением ко мне, а тем, что в нем проживает личность, внушающая к себе, действительно, недоверие властей, а именно – нештатный драгоман миссии Мамулов». И затем «король изложил причины, на которых основывается это недоверие». Однако, «убежденный заранее в беспочвенности подозрений властей, я с радостью увидел, что они действительно не имеют никакого другого основания к обвинению нашего нештатного драгомана, кроме совершенно голословных, весьма нетрудно объяснимых заявлений удаленного за кражу бывшего канцелярского служителя

подвернувшейся возможностью, получил шанс реализовать свое желание отомстить изгнавшим (в данном случае – оговорить их). Мотив его поступка предельно прозрачен!

миссии». А посему и «отвечал королю, что никак не могу признать убедительными обвинения против нашего нештатного драгомана. Сам король, насколько я мог заметить, *несмотря на свое предубеждение, не считал возможным особенно на них настаивать* (здесь и далее выделено нами. – А. Ш.). Я сказал однако, что, признавая г. Мамулова вполне неповинным в возводимых на него обвинениях, я тем не менее не упустил из виду, что он, к сожалению, навлек на себя нерасположение его величества, и что поэтому я уже думал о подыскании ему другого занятия. Король заметил, что было бы очень хорошо, если бы можно было устроить ему перевод куда-либо, *хотя бы с повышением*».

Во второй части беседы «его величество перешел к вопросу об участии в деле покушения г. Грабо (полковника Будзиловича). При этом считаю нелишним заметить, что *как в этом случае, так и весьма часто во время разговора король упоминал о своем убеждении в том, что никто из ответственных представителей императорского правительства никакого причастия к делу не имел*. Относительно участия г. Грабо точкой исхода для такого мнения является показание преступника. Кнежевич заявил на допросе, что он имел свидание в Бухаресте с русским [...]. Он описал при этом наружность дома, служившего местом свидания, вполне отвечающую наружному виду дома, занимаемого г. Грабо. Для проверки показаний преступника ему показаны были несколько фотографий», в том числе резиденции русского полковника, «и он без колебания указал на фотографию последней как на фотографию дома, в котором он был». И наконец, в конце беседы Александр выразил желание, «чтобы вышеизложенные сведения повергнуты были на высочайшее воззрение государя императора»²¹.

Этот разговор (а точнее, его тональность) крайне занимателен. В нем отсутствует былое ожесточение – еще 1 августа 1899 г. тот же Мансуров писал графу М. Н. Муравьеву, что «по общему впечатлению, озлобление проявляется сильнее у короля Александра, чем у короля Милана»²². Ныне же, благодушно не настаивая на обвинении русского драгомана и, мало того, желая его «перевода с повышением», молодой монарх предстает эдаким воплощением христианского всепрощения – ведь, не забудем, «злодей» Мамулов «замышлял» убийство *обоих* королей, а такое не забывается! Да и намеренно повторяемое, что «никто из ответственных представителей императорского правительства никакого причастия к делу не имел», звучало умиротворяюще. Добавим и критику многих неправильностей в ходе

процесса, к примеру, в действиях председателя суда и прокурора, которого коронованный собеседник Мансурова «осуждал в самых резких выражениях»²³, и это не могло не вызвать у него удивления, поскольку «ни для кого не тайна, что делом руководили личности, гораздо выше стоящие, чем прокурор»²⁴. Здесь же – яркий психологический штрих: «Король признал недостатки ведения дела, и когда я указал на то, что обвинение в чисто политической части заговора построено было на явно ложных показаниях [...], его величество заявил, что эти показания были в конце концов отвергнуты, и добавил, *с известным стеснением*, что не все было в них ложным»²⁵. Такая оговорка предельно логична: ведь сразу трудно признаться в том, что весь «иванданский» процесс изначально являлся инсценированным сверху «спектаклем»!

Как бы то ни было, этот важнейший, на наш взгляд, диалог монарха с Мансуровым нес в себе два смысла. Во-первых (и в главном) успокоительные рассуждения Александра означали ясный сигнал Петербургу – возможен отказ от ассоциировавшегося с личностью Милана Обреновича жесткого курса. Что, накануне помолвки с мадам Машин, выглядело опять же логично. Отсюда и желание донести этот сигнал непосредственно до государя. И во-вторых (на микроуровне), своим снисходительным отношением к Мамулову (который, по версии следствия, покушался и на его жизнь) король косвенно признавал, что ничего подобного, в общем-то, и не было! Иного объяснения у нас нет.

А в начале июля в Белграде началась суматоха, связанная с помолвкой Александра Обреновича с Драгой Машин, попытками (успешными) заручиться поддержкой России в этом политически не столь однозначном деле и, наконец, свадьбой, на которой Николая II в качестве августейшего кума представлял П. Б. Мансуров. Однако за аудиенциями и разговорами с королем о браке, активной перепиской с Петербургом и последовавшими за тем торжествами Павел Борисович не забывал о своем внештатном драгомане. И когда все улеглось, он (10 августа 1900 г.) отправил новому министру иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу послание, где, обеспокоенный уготовленной ему судьбой, описал все его злоключения. Ввиду важности этого, никем не использованного, документа мы позволим себе обширно его процитировать.

«Я имел уже неоднократно честь доносить вашему сиятельству о затруднительном положении, созданном нештатному драгоману императорской миссии, поручику кавалерии в запасе Мамулову, а

отчасти и самой миссии, возведенным на г. Мамулова вполне неосновательным обвинением в участии его, будто бы, в подготовке покушения на жизнь короля Милана и даже короля Александра. Это обвинение [...] основано единственно на доносе бывшего канцелярского служителя миссии, удаленного за воровство. К сожалению, при чрезвычайной легковесности принимавшихся прежним правительством оснований к обвинению заподозренных им лиц и такое ничтожное по своей внутренней цене показание послужило для него достаточной опорой к привлечению имени г. Мамулова к делу покушения. Главным побуждением к этому служило [...] *подозрение в участии в деле императорского правительства* (здесь и далее выделено нами. – А. Ш.) [...]. С обвинениями против наших официальных представителей сербское правительство, не получившее, впрочем, никаких к ним положительных данных, выступить не решилось. Против же г. Мамулова [...] *высказался мне сам король Александр*, пытаясь объяснить положение, принятое сербским правительством в прошлогоднем процессе [...]. Я заявил его величеству, по ознакомлении с сообщенными мне имевшимися у правительства данными, что не могу признать никакого значения в единственном основании к обвинению г. Мамулова, заключающемся в доносе удаленного канцелярского служащего миссии [...]. *Его величество после того на своем обвинении более не настаивал* [...].

Такое, *высказанное прежде и другим иностранным представителям*, обвинение создало для г. Мамулова, *без всякой с его стороны вины*, чрезвычайно затруднительное положение. Оно лишало его возможности, например, расписаться в книге по случаю приносимых поздравлений с бракосочетанием его величества, что при уважаемом занимаемом им в обществе положении не могло не быть замечено как самим королем, так и в общественных кругах. С своей стороны, *я не считал себя вправе требовать этого от русского потомственного дворянина и офицера*. Нельзя не считать присутствие г. Мамулова стеснительным и для короля Александра, главным образом в виду сделанных его величеством неосторожных заявлений [...]. Все вышеизложенное приводит меня к убеждению, что пребывание при миссии г. Мамулова представляет такие стеснительные стороны, которые могут быть нежелательными, в особенности при вступлении в управление ею нового представителя (после отзыва В. В. Жадовского. – А. Ш.).

Г. Мамулов лично вполне сознает это положение и готов подчиниться вытекающему из него решению. При этом возникает, одна-

ко, вопрос, возможно ли допустить, чтобы в награду за *ревностную, самоотверженную службу* его можно было, так сказать, выбросить на улицу [...]. Нужно принять при этом во внимание, что на службу при миссии г. Мамулов поступил с обеспечивавшего его места, открывавшего ему возможность на получение пенсии, при сербском государственном коннозаводстве. На службу при миссии он поступил в июне 1898 г., ко времени, когда наступили особенно тяжелые обстоятельства. Вовлеченный при исполнении возлагавшихся на него начальством поручений в особенно близкие отношения с представителями здешней оппозиции, г. Мамулову пришлось затем претерпеть неосновательные заподозривания, видеть своих друзей арестованными и лишаемыми мест, единственно по обвинению в общении с ним, наконец, знать, что местные власти изыскивают способ арестовать его самого. Понятно, через какие ему приходилось проходить нравственные потрясения, отразившиеся на его здоровье...» И, наконец, ознакомив адресата с тем, «*какую г. Мамулов проявлял в этих трудных обстоятельствах нравственную выдержку* (как тут не вспомнить эскадронного командира: «Нравственных качеств образцовых»! – А. Ш.) и какое оказывал мне при всем этом содействие», автор послания ставил точку: «Позволю себе высказать в заключение надежду, что вашему сиятельству угодно будет обратить милостивое внимание на мое ходатайство в пользу г. Мамулова, в настоящее время женатого, в смысле оказания ему денежного пособия при разрешении его от занимаемой им должности нештатного драгомана миссии»²⁶.

В Петербурге должным образом оценили положение и поведение внештатного драгомана, а равно его «ревностную, самоотверженную службу», что, как мы увидим далее, всегда являлось отличительной чертой его отношения к делу. Ламздорф принял меры, и 18 января 1901 г. последовало соизволение императора на выдачу Мамулову двух тысяч рублей²⁷. 14 февраля он получил высочайшее вспомоществование, о чем в МИД была отправлена расписка²⁸.

А совсем незадолго до этого на сцене вновь появился полковник Грабо.

Брак Александра с Драгой Машин навсегда расстроил его отношения с отцом. Мало того, молодой король не на шутку опасался поселившегося в Вене родителя. Импульсивный, популярный в чиновных и военных кругах, Обренович-старший мог устроить любую каверзу, особенно новоиспеченной королеве, которую ненавидел до глубины души. Так, по крайней мере, казалось августейшему молодому. И, чтобы держать ситуацию под контролем, он попросил

начальника балканской агентуры Департамента полиции полковника Будзиловича (еще недавно обвинявшегося *им же* в подготовке «Иванданского атентата») организовать тайную охрану королевской четы, а также слежку за отцом в Вене. Сочтя предложение сербского монарха выгодным для себя, Петербург дал добро, и жандармский полковник зачастил из Бухареста в Белград.

И здесь приведем подробный отрывок из донесения П. Б. Мансурова графу В. Н. Ламздорфу от 21 ноября 1900 г. о его планах в данной связи: «Основным началом постановки всего дела полковник Будзилович положил то, что *он может иметь доверительные сношения лишь с самим королем, без посредства кого бы то ни было из столь неустойчивых представителей королевского двора или государственного управления* (здесь и далее выделено нами. – А. Ш.). По мысли полковника, при дворе должно было бы состоять лицо по личному его выбору для доклада королю сообщений агентов, которые имеют быть назначены г. Будзиловичем. Выбор его остановился на поручике в запасе Мамулове, нештатном драгомане миссии. Последний согласился на это, в виду обещания зачисления его на государственную нашу службу и с *известными условиями касательно характера требований, которые имели быть ему предъявлены по роду предполагавшегося его занятия*. При дворе г. Мамулову предполагалось дать официальное место по заведованию конюшенной частью, в виду бывшей его службы кавалерийским офицером и известных в Сербии специальных знаний его по этой отрасли.

Король, которому г. Будзилович сообщил о своей мысли, сначала охотно, как будто, на нее согласился, но, приняв меня впоследствии, высказал мне, что стесняется осуществить ее. Известные происшествия в прошлом году, к которым, к сожалению, сам король Александр так неосторожно привлек имя г. Мамулова, служат достаточным к тому объяснением. Я просил поэтому г. Будзиловича не настаивать более на этой мысли [...]. Г. Будзилович вполне с этим согласился, но в виду того, что у него нет теперь под рукой лица, которое совмещало бы в себе те знания местных условий и языка и те *нравственные обеспечения*, которые представляются со стороны личности г. Мамулова, он заявил, что полная организация дела должна быть им отложена на некоторое время. Полковник Будзилович предполагает пока назначить для наблюдения за королем Миланом специальных агентов, о результатах же своих наблюдений сообщать королю приезжая лично или припосылая своего агента из Софии (А. М. Вейсмана. – А. Ш.)»²⁹.

Из приведенного текста следует несколько важных выводов. Во-первых, очевидно, что на конец ноября 1900 г. И. Г. Мамулов – еще внештатный драгоман миссии, то есть человек с куском хлеба. Во-вторых, он снова подтверждает свои нравственные качества и достоинство, которые проявил год назад в критический для себя момент. И, в-третьих, уже одно пожелание полковника Будзиловича – вчерашнего «заговорщика»! – иметь «*доверительные сношения лишь с самим королем*» (причем по инициативе последнего, иначе зачем тогда обращаться к нему с крайне деликатной просьбой, доверив жизнь королевы) наглядно показывает, что все разговоры об участии России в «Иванданском атентате» и обвинения «господина Грабо» в его организации суть не что иное, как, выражаясь народным языком, «липа»!

Однако, не ограничиваясь этим, мы желаем привлечь еще несколько столь же (а может быть и более) убедительных аргументов в пользу данного тезиса – дабы сделать его совсем неуязвимым.

Итак, для организации «дела», по словам Будзиловича, «король приказал министру полиции оказывать мне полное содействие и исполнять все мои требования, а равно открыть мне все карты, могущие иметь для меня интерес»³⁰. Этим человеком оказался начальник Управления полиции Министерства внутренних дел Сербии Таса Миленкович, «первый сербский ученый полицейский»** и, что для нас поистине драгоценно, *писатель*. Кроме того, он был настоящим профессионалом (принципиально стоя в стороне от всяких партий и камарильи), и это признавалось единогласно; а потому в МВД его приглашали все – и либералы, и напредняки, и радикалы, и сам королевский двор. Что в политической практике Сербии являло собой редчайший случай, ибо партия, пришедшая там к власти, немедленно увольняла с государственной службы *всех поголовно* чиновников из партии проигравшей и их людей (вплоть до курьеров), считая казенные должности законным трофеем в политической борьбе и сатисфакцией за принесенные в оппозиции «жертвы».

Очевидно, что Миленкович не принадлежал к числу тех «неустойчивых представителей королевского двора или государственного управления», посредничества которых так опасался Будзилович. Его редкая в белградском политическом бомонде гражданская независимость и отсутствие партийной (придворной) сервильности

---

* См. название его книги: *Миленковић Т. Дневник Тасе Миленковића*, првог српског ученог полицајца. Т. I–II. Београд, 2000.

вполне позволяет, как нам кажется, довериться дневнику «ученого полицейского».

Вводя начальника полиции в курс «дела» и заочно знакомя его с Будзиловичем, король окончательно раскрыл карты: «Генерал Грабо – хороший искренний человек. Пользуется полным доверием своего начальства. Передает себя в мое распоряжение и весь к моим услугам. Я могу на него смело рассчитывать. Папа его ненавидит. Знаете про это? Слышали? Папа его подозревает, будто он был замешан в «Иванданском атентате». Папа тогда очень негодовал и жаловался на Россию». Ответ Миленковича однозначен и говорит сам за себя: «Зря он жаловался, не имея на то оснований. Если б Россия действительно хотела устроить покушение, она подошла бы к этому гораздо серьезнее. И никогда не привлекла бы слабака Кнежевича, у которого не оказалось даже нормального оружия»³¹.

Во время следующего приема монарх вернулся к теме покушения, коснувшись «механизма» расследования: «Знаете ли вы, господин Таса, что папа многие вещи скрывал от меня. Я догадывался, что через Ристу Бадемлича он вмешивается в ход следствия. Уже в первую ночь после покушения радикалы были арестованы по его приказу. А я только на завтра узнал, кто оказался в тюрьме. Мне говорили, что вот-вот вспыхнет восстание. Папа постоянно требовал, видя в том единственное спасение, введения военно-полевого суда. И я был вынужден согласиться. Вы хорошо знаете, как папа ненавидел радикалов»³². Почему и «назначил» их главными виновниками! Столь же сильно ненавидя Россию, он «произвел» в оные и ее – напомним, И. Содомский был арестован в тот же вечер, что и радикалы. Все логично: экс-король лично участвовал в «расследовании», не забываясь о доказательствах и откровенно обманывая сына, а тот, «надувая щеки» перед дипломатами, подписывал акты, порожденные в *воспаленном мозгу отца**. Такой вот незаконный «законный порядок» – как же: следствие, очные ставки, процесс, приговор!

И далее еще одно свидетельство Тасы Миленковича, которое, с одной стороны, даже забавно (идея русского участия в покушении дезавуирована окончательно и весьма цинично), но с другой – недостойно короля. Рассорившись с отцом, тот в разговоре с новым

---

* И это отнюдь не саркастическая метафора автора. Живой свидетель П. Б. Мансуров также писал о «болезненном воображении короля Милана» (см.: *Раденић А. Прогони политичких противника у режиму Александра Обреновића 1893–1903. Београд, 1973. С. 759*).

русским фаворитом мстит ему как-то уж очень мелко. Со слов Будзиловича (в передаче Миленковича), Александр во время беседы с ним «начал подробно рассказывать о покушении и о том, как король Милан подозревал его (Грабо)» и даже «показывал фотографию его дома в Бухаресте, о котором говорилось, что именно здесь ковался заговор, и т. д.»³³.

А что же наш внештатный драгоман? В феврале 1901 г. в сербскую столицу прибыл очередной российский посланник Н. В. Чарыков (данные ему в МИДе инструкции датируются 17 января). Он и уволил Мамулова, как это было запланировано ранее (Мансуров оказался почтенным человеком, додержав «обреченного» на жалованье до приезда нового «хозяина»). И что дальше? Опять же невероятно, но факт, в донесении поверенного в делах В. В. Муравьева-Апостола-Коробьина от 29 июля 1903 г., которое мы еще процитируем, читаем: «Почти одновременно с приездом действительного статского советника Чарыкова в Белград г. Мамулов был приглашен покойным королем занять должность заведующего придворной конюшенной частью и был представлен в качестве такового его сиятельству графу Ламздорфу в декабре минувшего года»³⁴. Таким образом, скромный поручик запаса занял таки должность обер-штальмейстера двора его величества, как бы то звучало по русской «Табели о рангах». Причем, что следует особо отметить, его «приглашение покойным королем» означало одно: данное назначение не было политически ангажированным – как предполагалось ранее Будзиловичем, и он не вошел в число агентов Департамента полиции, определенных для охраны, поскольку, во-первых, все исследователи, изучавшие данный сюжет (Сюзанна Раич, Я. В. Вишняков, В. Б. Каширин), никогда не обнаруживали его имя в списках означенной структуры, а во-вторых, когда охрана русскими сербского монарха была снята, Мамулов оставался на месте – вплоть до Майского переворота 1903 г., покончившего с Обреновичами. Как видим, былая «стеснительность» короля Александра быстро исчезла, а вместе с ней и последние намеки на участие нашего героя в «Иванданском агентате». Тем самым вопрос был исчерпан, вот и мы его закрываем.

---

* В декабре 1902 г. министр иностранных дел России граф В. Н. Ламздорф посетил Сербию и провел переговоры с королем Александром в Нише. Во время краткой остановки в Белграде ему, кроме всего прочего, был представлен и «управляющий конюшенной частью Иосиф Мамулов», получивший по случаю министерского визита орден Св. Станислава 2-й степени (АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 9622. Л. 2 об.).

А теперь бросим взгляд на дальнейшее пребывание И. Г. Мамулова в Сербии. Как мы уже упомянули, с начала 1901 и по май 1903 г. он являлся начальником конюшенной части двора сербского короля. Свершился Майский переворот, и Муравьев-Апостол-Коробьин пишет товарищу министра иностранных дел князю В.С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому: «Между разными лицами, невинно пострадавшими от недавней насильственной перемены династии Обреновичей, находится, между прочим, и один русскоподданный, а именно – некто И. Г. Мамулов, русской армии поручик в отставке (неверно, пока в запасе. – А. Ш.). Судьба забросила его в Сербию десять лет назад. Скоро оцененный здесь по достоинству, и в особенности за свои познания и опыт в деле коневодства, г. Мамулов до самого последнего времени пользовался расположением как русской миссии, так и двора. Приглашенный в смутное милановское время сначала тайным советником Жадовским, а за сим статским советником Мансуровым выполнять обязанности драгомана при нашей миссии, г. Мамулов заслужил полное доверие и одобрение этих лиц, не раз имевших случай высказываться в этом смысле и позднее (выделено нами. – А. Ш.) [...]. Однако события 29 мая принесли ему самые горькие плоды. Весь личный состав двора был немедленно смещен (а как же, новые хозяева пришли! – А. Ш.), и такая же участь постигла г. Мамулова. Лишившись своего насущного хлеба, уже немолодой, женатый на бедной сербке, и имея двух детей, наш единственный соотечественник очутился почти в отчаянном положении. Как не сербский подданный, он не имеет права на пенсию и принужден в настоящее время жить со всей семьей на 200 динар в месяц.

В таком-то состоянии г. Мамулов обратился ко мне за помощью, предлагая вновь свои услуги для служебных дел миссии. Не считая себя вправе оставить единственного русскоподданного, бывшего здесь на королевской службе, без помощи, я позволил себе на время отсутствия г. посланника и второго секретаря миссии, т. е. на два месяца, пригласить г. Мамулова, за ежемесячную плату в 200 динар, помогать мне по особо секретным делам и справкам. Его опыт и обширные знакомства в военных и гражданских кругах Сербии являются, в настоящее трудное время в Белграде, особенно ценными для императорской миссии»³⁵. Разрешение задействовать Мамулова на два месяца из российской столицы было получено.

Ну, а затем как Тасу Миленковича при всех режимах звали на службу в сербское МВД, так и Мамулова, после переворота и временной подработки в русской миссии, вновь пригласили на пост

шталмейстера (уже при новом монархе Петре Карагеоргиевиче). Варшавский обер-полицейстер в отношении от 15 апреля 1904 г. с просьбой к Мамулову «сообщить место своего проживания» (речь шла о воинском учете) так и означил его «состоящим в должности заведывающего конюшенной частью двора его величества короля сербского»³⁶.

Служба Иосифа Гавриловича в «конюшенной части» короля Петра длилась, однако, недолго. Уже 4 апреля 1905 г. сменивший Н. В. Чарыкова на посту посланника К. А. Губастов доносил в МИД: «Четыре года назад [...] г. Чарыков, уволив г. Мамулова от должности драгомана, не заменил его другим лицом. Отпускаемая же сумма на этот предмет (ставка внештатного драгомана. – *А. Ш.*) была предоставлена командированным в Белград для усиления личного состава миссии чиновникам министерства. Ныне [...] я признаю необходимым для пользы службы восстановить должность драгомана миссии, как она была прежде, и желаю пригласить для этого г. Мамулова, *известного мне с самой хорошей стороны* (выделено нами. – *А. Ш.*), прекрасно владеющего сербским языком и знакомого со всеми местными условиями. Одновременно с драгоманскими обязанностями он будет, без особого вознаграждения, заведовать хозяйственной частью миссии и смотреть за исправным состоянием дома»³⁷.

На полях донесения Губастова директор Азиатского департамента и будущий начальник Иосифа Гавриловича Н. Г. Гартвиг начертал: «Препятствий не встречается»³⁸. Таким образом, состоялось второе вхождение нашего героя в дипломатическую службу (по технической ее части). Отныне и до конца 1915 г. он без лишних стрессов трудился в российской миссии на привычной должности внештатного драгомана, одновременно исполняя обязанности ее коменданта.

Как протекала его служба до Великой войны, мы не знаем. Но, когда загремели «августовские пушки», имя Мамулова вновь всплывает в источниках, в частности, в мемуарах секретаря миссии и поверенного в делах В. Н. Штрандтмана и сменившего на посту посланника внезапно умершего в июле 1914 г. Гартвига князя Г. Н. Трубецкого. Оценки его личности и деятельности – все те же, в суперлативе.

Так, Штрандтман, переправив в том же июле 1914 г. российскую миссию из Белграда в Ниш – временную столицу Сербии в 1914–1915 гг., пребывал в страшной запарке (что диктовалось внешнеполитическими обстоятельствами). Мамулов же, отпущенный покойным Гартвигом на отдых, находился в России. Его возвращения в Ниш ждали как манны небесной. И, наконец, дождались! Штран-

дтман пишет: «В четверг, 9 августа, из отпуска приехал дельный и работающий драгоман Иосиф Гаврилович Мамулов. При количестве нашей работы, его появление было очень отрадным событием, которое приподняло дух моих сотрудников, изнемогавших под тяжестью бесконечного количества шифрованных телеграмм, получаемых из разных концов Европы и отправляемых мною, главным образом, в Петербург»³⁹.

25 ноября 1914 г. в Ниш на должность посланника прибыл князь Г. Н. Трубецкой. А в сентябре 1915-го бывший поверенный в делах В. Н. Штрандтман выехал в Рим, где занял пост первого секретаря российского посольства. Знакомясь с личным составом миссии, новый шеф писал позднее в мемуарах (в части, нас касающейся): «Очень ценным для меня человеком был драгоман миссии Мамулов, кавказец, бывший кавалерийский офицер, уже двадцать лет пробывший в Сербии и знавший всю ее подноготную. Он говорил по-сербски как серб, знал всех, и все его знали, и был прекрасный знаток лошадей, что впоследствии сослужило мне немалую службу при нашем отступлении из Сербии»⁴⁰.

Само же это отступление осенью-зимой 1915–1916 гг. («Сербская Голгофа») было крайне тяжелым. Для всех – остатков сербской армии, беженцев, русской миссии. Ее глава, кстати говоря, получил из Петербурга предписание «разделить участь сербского правительства» и «не покидать последнего, оставаясь все время при нем»⁴¹. Что означало, по словам историка, «готовность пожертвовать собственной жизнью»⁴². Однако приказы не обсуждаются, и князя Трубецкого в переходе через албанские горы под непрерывными обстрелами сопровождали двое – экс-консул в Белграде Емельянов и драгоман миссии Мамулов, который держал себя геройски. Всего один пример. Как вспоминал Трубецкой, на пути по Албании «нам был оставлен грузовой автомобиль, но никто не решился ехать в нем ночью, и все заночевали в хане, кроме Мамулова, который, забрав все наши вещи, храбро пустился в путь на грузовике, у которого не было даже фонаря. Когда он мне рассказывал про свое путешествие, то мне казалось, что это один из самых жутких эпизодов нашей дороги...»⁴³

16 января 1916 г. министр иностранных дел России С. Д. Сазонов, явно с подачи князя Г. Н. Трубецкого, обращался к военному министру А. А. Поливанову: «Военные действия, происходившие на Балканском полуострове, создали особенно тяжелые условия деятельности для чинов учреждений Министерства иностранных дел в пределах Сербского королевства [...]. К числу таковых чинов отно-

сятся консул в Белграде, надворный советник Емельянов, нештатный драгоман императорской миссии в Сербии, штабс-ротмистр в отставке, переименованный в чин коллежского секретаря*, Мамулов».

И далее: «Во время наступления австрийцев на сербскую армию им приходилось при эвакуации сербского правительства и дипломатического корпуса, сопровождая главную квартиру, пробираться по узким тропинкам, проходившим по склонам гор, через расположение находившихся в восстании албанских племен, постоянно подвергаясь, наряду с отступавшей сербской армией, действию неприятельского огня [...]».

И наконец: «Ввиду таковых исключительных обстоятельств, при коих названные гражданские чины, верные служебному долгу, проявили подвиги мужества, я полагал бы справедливым всеподданнейше ходатайствовать перед его императорским величеством о пожаловании» им «ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами, но без банта**»⁴⁴. Высочайшее пожалование состоялось, и *гражданин* Мамулов стал кавалером *боевой* награды. Случай в истории дипломатии уникальный!

Почти весь 1916 год он провел в Петрограде, служа канцелярскими чиновником Второго политического (Ближневосточного) отдела МИД. Наконец, 16 ноября состоялось решение министерства об откомандировании его «в российскую императорскую миссию при сербском правительстве». Но высшее начальство мыслило иначе – на тексте решения красным карандашом начертано: «А. А. Нератов (товарищ министра иностранных дел. – *А. Ш.*) на это не согласился»⁴⁵. Не желая лишаться столь ценного сотрудника...

И это последнее упоминание об Иосифе Гавриловиче. Что с ним было дальше и как сложилась его судьба после октября 1917 г., нам пока неизвестно.

Когда-то, описывая убийство во время Майского переворота сербского военного министра и *георгиевского кавалера*, генерала

---

* Судя по всему, достигнув предельного для пребывания в запасе возраста, Мамулов был уволен в отставку, причем с повышением в чине, что являлось поощрением. Воинское же звание штабс-ротмистра (эквивалентное штабс-капитану в пехоте и артиллерии) соответствовало гражданскому чину X класса – коллежский секретарь.

** С 1857 г. офицеры за боевые подвиги получали знаки ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, в отличие от находившихся на театре военных действий гражданских чиновников, награждавшихся означенными знаками только с мечами (без банта).

Милована Павловича, оболганного затем новой властью и лояльной Карагеоргиевичам историографией, мы констатировали, что русские источники позволили «восстановить подлинную картину трагедии, и из-под наслоений клеветы “победителей”, будто водяной знак на бумаге, проявился лик храброго боевого генерала, уже смертью своей доказавшего, что отнюдь не зря в свое время он был удостоен высшей военной награды России»⁴⁶. Вот и сейчас мы старались подтвердить доброе имя И. Г. Мамулова – «русского потомственного дворянина и офицера», кавалера высокого *боевого* отличия! Уже одни эти «анкетные данные» говорят о многом, что, думается, следует учитывать и нашим сербским коллегам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Приведем только два примера. Из классики: *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. 2 // Сабрана дела Слободана Јовановића. Т. VII. Београд, 1990 (1-е изд. – Београд, 1931). С. 106–107. И из новейшей литературы: *Рајић С.* Александар Обреновић: владар на прелазу века. Сукобљени светови. Београд, 2011. С. 262–263.

2 *Шевцова Г. И.* Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913). М., 2012. С. 225.

3 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Славянский стол. Д. 8811. Л. 13 об.

4 Там же. Л. 15 об.

5 *Миленковић Т.* Дневник Тасе Миленковића, првог српског ученог полицајца. Т. I. Београд, 2000. С. 326, 327.

6 См.: *Шемякин А. Л.* «Что за подлец и мерзавец этот Милан». Александр III и политическая элита независимой Сербии // Родина. 2015. № 2. Специальный выпуск. С. 65–68.

7 Подробнее о российско-сербских отношениях в конце XIX в. см.: *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. 2; *Војводић М.* Србија у међународним односима крајем XIX – почетком XX века. Београд, 1988; *Рајић С.* Александар Обреновић: владар на прелазу века...; *Данченко С. И.* Развитие сербской государственности и Россия (1878–1903 гг.). М., 1996; и т. д.

8 *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. 2. С. 102, 107.

9 Цит. по: *Вишняков Я. В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012. С. 145.

10 АВПРИ. Ф. Канцелярия (1899 г.). Д. 17. Л. 93 (П. Б. Мансуров –

графу М. Н. Муравьеву. Белград, 22 июля 1899 г.); *Данченко С. И.* Развитие сербской государственности и Россия... С. 362–363.

11 *Ристић Љ.* Србија у британској политици 1889–1903. Београд, 2014. С. 308.

12 *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. 2. С. 107.

13 *Ђорђевић В.* Крај једне династије. Београд, 1905. Књ. 2. С. 357.

14 *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия... С. 363.

15 *Ђорђевић В.* Крај једне династије. Београд, 1906. Књ. 3. С. 94.

16 *Раденић А.* Прогони политичких противника у режиму Александра Обреновића (1893–1903). Београд, 1973. С. 751.

17 Там же. С. 768; *Вишняков Я. В.* Военный фактор... С. 142.

18 *Раденић А.* Прогони политичких противника... С. 753.

19 Там же. С. 335.

20 Архив Србије. Заоставштина Николе Пашића (несређена грађа). Фасц. 8.

21 *Раденић А.* Прогони политичких противника... С. 830–831.

22 Там же. С. 773.

23 Там же. С. 829.

24 Там же.

25 Там же.

26 АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 8811. Л. 6–11 об.

27 Там же. Л. 21.

28 Там же. Л. 26–27.

29 Там же. Ф. Политархив. 1900 г. Д. 489. Л. 334–336 об.

30 Цит. по: *Вишняков Я. В.* Военный фактор... С. 154.

31 *Миленковић Т.* Дневник Тасе Миленковића... Т. I. С. 325.

32 Там же. С. 338.

33 Там же. С. 326.

34 АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 8811. Л. 29 об.

35 Там же. Л. 29–30.

36 Там же. Л. 59.

37 Там же. Л. 32.

38 Там же.

39 *Штрандтман В. Н.* Балканские воспоминания / Подгот. текста А. Л. Шемякина. М., 2014. С. 342.

40 *Трубцевої Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 80.

41 Цит. по: *Кузнецов А. И.* Предисловие редактора // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник доку-

ментов / Председ. ред. колл. С. В. Лавров. Тула, 2014. С. 13; *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. С. 238.

42 *Кузнецов А. И.* Предисловие редактора... С. 13.

43 *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия... С. 208.

44 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны... С. 752–753.

45 АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 57. Л. 1.

46 *Шемякин А. Л.* Убиение генерала Павловича. Как расстреливали в Белграде георгиевского кавалера // *Родина*. 2007. № 9. С. 68.

A. L. Šemjakin

A Russian in the Balkans: the Serbian odyssey of lieutenant Mamulov (1893–1915)

The article attempts at reconstruction the biography of Iosif Gavrilovič Mamulov – cavalry lieutenant in the reserve, who lived in Serbia 22 years (1893–1915), 13 of which he worked in the Russian diplomatic mission as supernumerary dragoman. The author opposes the idea of some Serbian historians about Mamulov's taking part in «Ivandanski atentat», an attempted assassination of ex-king of Serbia Milan Obrenović in 1899 and tries to restore his reputation.

Key words: *I. G. Mamulov, «Ivandanski atentat», Milan Obrenović, Aleksandar Obrenović, colonel A. I. Budzilovič (Grabo), P. B. Mansurov, Russian Diplomatic Mission*

И. В. Крючков
(Ставрополь)

**Русины Подкарпатской Руси в восприятии
российских дипломатов –
сотрудников генерального консульства в Будапеште
в конце XIX – начале XX в.**

В статье рассматривается восприятие сотрудниками генерального консульства России в Будапеште положения русин Подкарпатской Руси. Они подчеркивали экономическую и культурную отсталость региона, приведшую к бедности и политическому бесправию русин. В тоже время дипломаты отмечали определенные усилия правительства Венгрии, направленные на улучшение ситуации в регионе, сомневаясь в их эффективности.

Ключевые слова: *русины, дипломаты, эмиграция, крестьяне, духовенство, генеральное консульство*

Российское генеральное консульство в Будапеште внимательно следило за развитием ситуации в Подкарпатской Руси*. Социально-экономические и политические процессы, происходившие в данном регионе, вызывали большой интерес в России. Поэтому от собственных дипломатических миссий в Австро-Венгрии Санкт-Петербург требовал представления подробной информации о жизни венгерских русин. В этих условиях особая роль отводилась генеральному консульству в Будапеште, имевшему возможность черпать информацию из венгерских источников. Кстати, на территории королевства Св. Иштвана находилась еще одна дипломатическая миссия России – консульство в Фиуме (Риеке), но оно находилось далеко от Подкарпатской Руси и ориентировалось в большей степени на сбор информации о югославянских землях империи Габсбургов.

Генеральное консульство в Будапеште подчеркивало, что в Венгрии о русинах, в отличие от представителей большинства национальных меньшинств, сложились положительные представления. В публицистике и в научной литературе среди основных качеств, присущих русинам, выделялись трудолюбие, выносливость, кротость¹.

---

* Основываясь на терминологии источников, автор подразумевает под Подкарпатской Русью не отдельно взятую территорию современного украинского Закарпатья (в межвоенный период – Подкарпатской Руси в составе Чехословакии), а все этнически русинские районы Венгерского королевства (*Прим. ред.*).

Консульство в начале XX в. относило регион к числу наиболее отсталых территорий не только Венгрии, но и империи Габсбургов в целом. В конце 1908 г. в отчете, отправленном в посольство России в Вене, консульство отмечало вопиющую бедность русин, даже по меркам невысокого уровня жизни сельского населения Венгрии².

В донесениях генерального консульства отмечалось, что основная проблема бедственного положения русин заключалась в их малоземелье. В силу сложного географического ландшафта в регионе отсутствовали в достаточном количестве пахотные земли³. Имевшиеся пашни в основном принадлежали венгерской аристократии и ростовщикам. Еще одна причина малоземелья крестьян крылась в наличии так называемых заповедных земель. В комитате Берег они составляли 52,56% земельных ресурсов, пригодных для ведения сельского хозяйства, в комитате Унгвар 43,7% и т. д.⁴

В условиях роста населения регион столкнулся с «аграрным перенаселением». Положение дел могло улучшить льготное кредитование крестьян и повышение их агрономических и ветеринарных познаний. Однако на протяжении всего XIX в. правительство относилось с пренебрежением к проблемам Подкарпатья. В других регионах Австро-Венгрии лишние рабочие руки из села уходили в промышленность и ремесло. В Подкарпатья промышленное и ремесленное производство находились на низком уровне развития. В то же время дипломаты отмечали одну важную особенность крестьянского менталитета русин. Они полностью были привязаны к своему клочку земли, крестьяне ни в коем случае не хотели с ним расставаться. Данная тенденция наблюдалась практически во всех государствах Центральной и Восточной Европы, но в Подкарпатской Руси она проявлялась наиболее рельефно. Поэтому только небольшая часть крестьян уходила в другие сектора народного хозяйства (животноводство, промышленность). В результате, по мнению российских дипломатов, русинские крестьяне, брошенные на произвол судьбы, оказались в кабале у ростовщиков, в основном евреев⁵. По данным известного венгерского историка Й. Перени, до 60–70% земли и скота в Подкарпатской Руси находилось под контролем ростовщиков⁶.

Следует отметить, что российские дипломаты постоянно подчеркивали «еврейский фактор» в качестве одной из причин бедственного положения русин. Генеральный консул князь В. Львов, рассуждая о причинах эмиграции русин, отмечал, что приток евреев из Румынии, Галиции и Буковины в Подкарпатскую Русь осложнял

и без того тяжелое положение местного населения⁷. Евреи, кроме ростовщичества, активно занимались скупкой земли, сдавая ее в аренду крестьянам на невыгодных условиях. Кроме этого извечным сюжетом являлось спаивание евреями-шинкарями русинских крестьян.

По свидетельству российских дипломатов, ситуация в Подкарпатской Руси способствовала распространению антисемитских настроений среди местного населения и части политического истеблишмента Венгрии. В качестве примера приводились парламентские прения 1903 г. по поводу эмиграции населения из страны, когда представители консервативных партий потребовали немедленно запретить въезд из Галиции и Румынии евреев в Венгрию, в том числе и в Подкарпатскую Русь⁸. Венгерские консерваторы тесно связанные с католической церковью, объясняли экономические проблемы региона «засильем» евреев, эксплуатировавших местное население.

Многие русины, особенно молодежь, не видели перспектив на родине, поэтому они пополняли ряды эмигрантов, отправлявшихся в поисках лучшей доли в другие регионы Венгрии, в Австрию, в Россию, но основной поток русин Подкарпатской Руси направлялся в Северную Америку, главным образом в США. В регионе ходили устойчивые слухи о сытой жизни в Северной Америке, об обилии пахотной земли и «блестящих условиях труда»⁹. По данным генерального консульства, с 1870 по 1908 г. из Подкарпатской Руси уехало более 100 тыс. чел., а назад вернулось всего 6 тыс. чел.¹⁰ Этот показатель у русин являлся одним из самых низких среди народов Австро-Венгрии.

Вернувшиеся на родину эмигранты привозили с собой заработанные средства и знания, приобретенные в США. Они выкупали собственное хозяйство и даже его расширяли, но ничтожное количество вернувшихся эмигрантов не могло изменить ситуацию к лучшему. Российские дипломаты много рассуждали о последствиях эмиграции, отмечая резкое сокращение населения в ряде районов Подкарпатской Руси, его старение, падение морального облика женщин и т. д.

В конце XIX в. правительство Венгрии обратило внимание на необходимость принятия решительных шагов, направленных на улучшение положения русин и других народов, населявших Подкарпатскую Русь. Инициатором данной политики становится талантливый министр земледелия И. Дарани. На взгляд дипломатов, Дарани преследовал три основных цели в проведении своей политики в регионе, включая повышение культурного уровня населения, борьбу с

пьянством и развитие промышленности и ремесла. По инициативе министерства земледелия правительство выкупило в Подкарпатской Руси 12,6 тыс. йохов (1 йох = 0,57 га) земли и передало ее на выгодных условиях крестьянам. Генеральный консул В. Львов обратил внимание, что через год все крестьянские семьи вовремя выплатили государству необходимые платежи¹¹.

В феврале 1900 г. в Мункаче (Мукачево) состоялось совещание, на котором присутствовали мукачевский епископ Ю. Фирцак и представитель венгерского правительства, курировавший экономическое развитие области, Э. Эган. Данное совещание привлекло внимание В. Львова, и он отправил подробное донесение по этому поводу в Санкт-Петербург. На совещании все присутствующие высоко оценили действия правительства по улучшению положения русинских крестьян. Участники совещания поддержали план Э. Эгана, направленный на развитие Подкарпатской Руси. Кроме экономических аспектов, консул обратил внимание на заявление епископа о том, что реформы в регионе следует проводить очень осторожно, чтобы не спровоцировать распространение в Подкарпатской Руси антисемитизма¹².

В 1916 г. в Париже бывший секретарь генерального консульства в Будапеште князь Г. Д. Маврокордато издал книгу «Описание Венгрии», в ней он довольно подробно описывал результаты политики И. Дарани и его коллег. Г. Д. Маврокордато в целом положительно оценивал усилия правительства Венгрии по улучшению ситуации в сельском хозяйстве Подкарпатской Руси. По его данным, с 1898 г. правительство выделило в качестве помощи русинам около 36 млн. крон, из которых крестьяне вернули обратно в виде различных платежей всего 1,5 млн крон¹³. Еще 1,3 млн крон пошло на аренду земель графов Шенборнов, они на льготных условиях распределялись среди крестьян. Дополнительно средства выделялись на закупку племенного скота (658 тыс. крон), элитных семян (70,7 тыс. крон), организацию промысловых курсов (207 тыс. крон), создание образцовой государственной молочной фермы в Нижних Верецках (620 тыс. крон) и т. д. В то же время Г. Д. Маврокордато был далек от идеализации экономической политики Будапешта в регионе. По его мнению, несмотря на все усилия, правительству так и не удалось коренным образом переломить ситуацию в Подкарпатской Руси, поскольку успехи носили локальный характер. Удалось улучшить ситуацию в отдельных селах, поправить дела в животноводстве, создать основы для развития кооперации, наносившей серьезный удар по интересам ростовщиков¹⁴.

Бедность сочеталась с еще одной негативной тенденцией. Русины теряли собственную идентичность. Наибольшие потери русины, по мнению российских дипломатов, несли в результате естественной ассимиляции. По их данным, значительное число русин пополнило ряды словаков и румын¹⁵. Некоторая часть русин подвергалась мадьяризации. Даже там, где русины сохраняли собственную идентичность, в их языке нарастало количество заимствований из венгерского и других языков.

Главным маркером, формирующим идентичность русин, являлись религия и отношение к церковным институтам. Религия спасла русин от их поглощения соседними народами. Одновременно с конца XIX в. русинское духовенство, по мнению дипломатов, начинает представлять значительную опасность для идентичности русин. С этого времени набирает силу процесс мадьяризации клира¹⁶. Он перенимает венгерский язык, образ жизни венгерской половины населения. Более того, он стыдится своего русинского происхождения, стараясь лишний раз не рассуждать на эту тему.

Ситуация с точки зрения возможного развития национальной идентичности у русин Подкарпатской Руси усугублялась практически полным отсутствием собственной интеллигенции. Русины, пополнявшие ряды интеллигенции и государственного аппарата, подвергались быстрой мадьяризации¹⁷. Они отказывались от своих национальных корней во имя карьеры и социального достатка.

Одной из бед региона становится низкий уровень образования. Подкарпатской Руси катастрофически не хватало школ и высокообразованных учителей, материально-техническое оснащение большинства имевшихся школ не выдерживало никакой критики. Нередко в качестве учителей выступали малообразованные словацкие крестьяне¹⁸.

Предметом отдельного внимания российских дипломатов являлись действия правительства Венгрии в политической сфере в отношении русин. По их мнению, Будапешт стремился любыми путями не допустить дестабилизации положения в регионе. Опасность для правящих кругов Венгрии в Подкарпатской Руси могла исходить от развития национального самосознания русин и роста их симпатий к православию и к России. Поэтому они пытались бороться с любыми проявлениями данных явлений¹⁹.

Российским дипломатам приходилось внимательно отслеживать действия подданных в Подкарпатской Руси. Генеральное консульство старалось использовать официальные каналы, согласовы-

вать собственные действия с венгерскими властями. В 1893 г., после длительных консультаций с Будапештом, дипломаты содействовали доставке 3 ящиков церковной утвари в православную церковь Равноапостольных Константина и Елены в Унгваре (Ужгороде)²⁰.

С 1901 г. в Подкарпатской Руси отмечаются случаи перехода русин в православие. Власти первоначально видели в этом процессе социальную подоплеку. Неслучайно И. Тиса потребовал от униатского духовенства снизить стоимость церковных обрядов, а от чиновников – разработать ряд мер, направленных на снижение арендной платы за землю. В 1907 г. отмечается новый всплеск интереса русин к православию. В данных условиях власти меняют свое отношение к этим действиям русин, уже расценивая их как проявление панславизма. В декабре 1913 г. начинается второй Марамарош-Сиготский процесс против крестьян, принявших православие, и священников, их поддержавших.

Генеральное консульство в Будапеште попыталось дать свой взгляд на проблему. По его мнению, интерес русинских крестьян к православию объяснялся только социальными причинами, и прежде всего «...непосильными поборами униатского духовенства, беспощадно взимаемыми с населения»²¹. Униатское духовенство, по мнению российских дипломатов, оценивало переход крестьян в православие главным образом с точки зрения собственных фискальных интересов, оно боялось потерять доходы²². Поэтому верхушка униатского духовенства решила привлечь к разрешению возникшей проблемы венгерские власти. Она составила меморандум, в котором вся суть проблемы сводилась к усиленной агитации православия в Подкарпатской Руси, проводимой российскими агентами при существенной материальной поддержке из России. Правительство Венгрии, встревоженное возможным ростом среди русинских православных сепаратизма, решило вмешаться в ситуацию.

Дипломаты предполагали, что в возникшей ситуации часть правящих кругов Венгрии допускала возможность создания отдельной Венгерской православной епархии, используя ее для борьбы как с возможным распространением русофильского православия, так и для оказания давления на униатское духовенство, особенно при росте его контактов с украинофильскими силами Галиции.

В то же время генеральное консульство признавало факт получения православными Подкарпатья денежных переводов из России. Санкт-Петербург требовал разобраться в происхождении данных средств. По сведениям генерального консульства, на счет в одном

из банков Венгрии приходили средства в российской валюте. Оно полагало, что за этими деньгами стояли румыны, также заинтересованные в распространении православия в Буковине и Подкарпатской Руси. Однако они не хотели афишировать свои действия, придумав прикрытие в виде «русского следа»²³. По данным генерального консульства, крупный бессарабский помещик из Хотинского уезда В. Строеску оказывал помощь румынской оппозиции в Венгрии. Возможно, часть средств В. Строеску уходила в Подкарпатскую Русь. В целом российские дипломаты признавали, что деньги из России в область могли поступать и от других частных лиц. Однако их объем не был значительным, польза от них была мизерной при больших политических потерях России в Венгрии. Поэтому они предлагали принять меры по выявлению лиц, отправлявших из России в Подкарпатскую Русь деньги, и пресечению данных действий впредь²⁴. К тому же генеральный консул России в Будапеште М. Приклонский обращал внимание на очень важный момент: правительство Венгрии не сомневалось в непричастности официального Санкт-Петербурга к агитации среди русин, подозревая в таких действиях Синод и графа В. Бобринского²⁵.

К февралю 1913 г. становится очевидной надуманность многих обвинений в адрес православных крестьян, выдвинутых на втором Марамарош-Сиготском процессе. В это же время М. Приклонский дает свою оценку происходившим событиям. По его мнению, венгерское общество не проявляло к процессу никакого внимания, на нем были аккредитованы всего три журналиста: два из Венгрии и один из России. Отдельных комментариев консула заслужили действия прокурора, который вел процесс предвзято и с явными нарушениями процессуальных норм. Особо консул обратил внимание на публику, присутствовавшую на процессе. Она в основном состояла из «злорадствующих» представителей униатского духовенства²⁶.

Второй Марамарош-Сиготский процесс вызвал бурю негодования в России. Пресса и общественно-политические деятели страны не скрывали симпатий к русинам, осуждая действия униатского духовенства и венгерских властей. М. Приклонский призывал российскую общественность и тем более официальные структуры к предельной сдержанности, чтобы не навредить необдуманно действиями православным русинам²⁷.

Параллельно М. Приклонский проводил соответствующую работу в Венгрии. В январе 1913 г. во время доверительной встречи с венгерскими журналистами он отмел все обвинения в адрес Рос-

сии по поводу спонсирования и поощрения панславизма в Подкарпатской Руси. М. Приклонский отметил, что «в России, несомненно, существует большой интерес к нашим соплеменникам за Карпатами, но этот интерес чисто культурный, основанный на общности происхождения, языка и общности веры... и русские внимательно следят за процессом в Прикарпатье, а желание русин принять православие вполне оправданно и не несет преступлений и не нарушает закон 1868 г. (о нациях. – *И. К.*)»²⁸. Консул привел венгерским журналистам пример Японии, где местные жители, приняв православие, оставались патриотами своей страны. Он акцентировал внимание общестственности Венгрии на отсутствии политической подоплеки в самом факте принятия русинами православия. Причины данного явления он усматривал в тяжелой экономической ситуации в Подкарпатской Руси и в алчности униатского духовенства.

М. Приклонский объяснял МИД цель встречи с венгерскими журналистами. По его мнению, необходимо было всеми силами привлечь внимание общественности, в том числе прессы Австро-Венгрии и других государств, к процессу, тем самым организаторы суда попадали в сложную ситуацию, их возможности для фальсификации фактов снижались. По мнению консула, ему полностью удалось выполнить поставленную задачу. В качестве подтверждения он приводил публикацию его интервью с венгерскими журналистами в ведущей газете Швейцарии «*Temps*»²⁹. Правда, швейцарское издание не указывало автора интервью, сохранив его анонимность.

В своей книге «Описание Венгрии» Г. Д. Маврокордато также отмечал социальную подоплеку перехода русин в православие. По его мнению, российская пропаганда в Подкарпатской Руси носила незначительный характер. Главным образом, ее распространителями являлись русины, побывавшие в США и вернувшиеся на родину³⁰. Г. Д. Маврокордато отмечал несколько возможных вариантов развития национальной идентичности русин, включая русинский и украинский проекты. По его мнению, дальновидные представители правящей элиты Венгрии начинали осознавать мнимость православного сепаратизма, их все больше волновали набирающие силу контакты местного униатского духовенства с украинским национальным движением в Галиции³¹.

Таким образом, сотрудники российского генерального консульства в Будапеште уделяли русинам Венгрии значительное внимание, хотя словацкая, румынская, хорватская и сербская тематика доминировала в отчетах консульства, отодвигая на второй план пробле-

мы русин. Дипломаты признавали бедственность их положения, в то же время констатируя, что в политическом плане Подкарпатская Русь являлась самой спокойной национальной окраиной Венгрии. Данный момент во многом объяснялся запоздалым процессом развития национальной идентичности у русин. Неслучайно, на взгляд дипломатов, что в условиях неразвитости национальной идентичности и низкого уровня политической культуры переход в православие становится одной из разновидностей социального протеста русин. Генеральное консульство относилось отрицательно к попыткам частных лиц и общественно-политических организаций России проводить активную агитацию в Подкарпатской Руси, полагая, что данные действия нанесут больше вреда России и православному населению региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 АВПРИ. Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Д. 51. Л. 26.
- 2 Там же. Л. 22.
- 3 Там же. Л. 25.
- 4 Эмигрантское движение в Венгрии (Донесение генерального консула в Будапеште В. Львова) // Сборник консульских донесений за 1902 г. СПб., 1902. Вып. 1–6. С. 118.
- 5 АВПРИ. Ф. 217. Оп. 1015. Д. 51. Л. 26.
- 6 *Перени Й.* Из истории закарпатских украинцев (1849–1914 гг.). Будапешт, 1957. С. 79.
- 7 Эмигрантское движение... С. 118.
- 8 АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 578. Л. 13.
- 9 Заметки об эмиграции из Северной Венгрии (Донесение генерального консула в Будапеште кн. В. Львова) // Сборник консульских донесений за 1899 г. СПб., 1899. Вып. 4. С. 292.
- 10 АВПРИ. Ф. 217. Оп. 1015. Д. 51. Л. 23.
- 11 Заметки об эмиграции... С. 292.
- 12 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 575. Л. 114.
- 13 *Маврокордато Г. Д.* Описание Венгрии. Париж, 1916. Т. 1. С. 141.
- 14 Там же.
- 15 АВПРИ. Ф. 217. Оп. 1015. Д. 51. Л. 22.
- 16 Там же. Л. 28.
- 17 Там же.

- 18 Заметки об эмиграции... С. 292.
- 19 АВПРИ. Ф. 217. Оп. 1015. Д. 51. Л. 28.
- 20 Там же. Д. 24. Л. 1.
- 21 Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 585. Л. 98.
- 22 Там же.
- 23 Там же. Л. 100.
- 24 Там же. Л. 101.
- 25 Там же. Ф. 131. Канцелярия. Оп. 470. Д. 14. Л. 101.
- 26 Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 586. Л. 2.
- 27 Там же.
- 28 Там же. Л. 3.
- 29 Там же. Л. 2.
- 30 *Маеркордато Г. Д.* Описание Венгрии. Париж, 1916. Т. 1. С. 150.
- 31 Там же. С. 147.

I. V. Krjučkov

Ruthenians in Transcarpathia as seen by Russian diplomats – the members of the Consulate General in Budapest at the end of the 19th – beginning of the 20th century

The article treats the way the members of Russian Consulate General in Budapest saw the situation with the Ruthenians in Transcarpathia. They underlined the economical and cultural backwardness of the region that led to poverty and political lawlessness of Ruthenians. At the same time the diplomats remarked upon certain efforts of the Hungarian government aiming at the improvement of the situation in the region, while doubting their effectivity.

Key words: *Ruthenians, diplomats, emigration, peasants, clergy, consulate general*

О. А. Гром
(Ростов-на-Дону)

Дебаты о «молдавском сепаратизме» в период между Первой русской революцией и столетним юбилеем присоединения Бессарабии к России (1907–1912 гг.)

В статье рассматриваются публичные дискуссии по «молдавскому вопросу» в начале 1910-х гг., ставшие реакцией на появление в период революции 1905–1907 гг. молдавского национального движения в Бессарабии. Ключевой проблемой этих дискуссий стал вопрос о наличии и распространенности среди молдаван сепаратизма и румынского ирредентизма.

Ключевые слова: *Бессарабия, национализм, сепаратизм, молдаване, пресса*

Молдавское национальное движение, зародившееся в Бессарабии в годы Первой русской революции, после 1907–1908 гг. фактически сошло на нет: газеты, издававшиеся национальными активистами, перестали выходить, а большая часть националистов отошла от публичной общественно-политической деятельности. Тем не менее манифестации националистического характера периода революции заставили общественное мнение как в Кишиневе, так и в Петербурге обратить внимание на «бессарабский вопрос», вызвав к жизни дебаты о судьбах молдавской народности и наличии в Бессарабии «сепаратизма» и ирредентизма в пользу Румынии. В данной статье обращается внимание на три сюжета, относящиеся ко времени спада активности национального движения; они имели заметный резонанс в Бессарабии и за ее пределами и во многом повлияли на дальнейшую эволюцию бессарабского молдавского национализма. Это, во-первых, газетная полемика, инспирированная публикацией анонимной статьи по «бессарабской проблеме» во влиятельной петербургской газете «Россия» в конце 1909 – начале 1910 гг., во-вторых, обсуждение в Государственной думе вопроса о введении в Бессарабии школ с преподаванием на молдавском языке в конце 1910 – начале 1911 гг. и, в-третьих, празднование столетнего юбилея присоединения Бессарабии к Российской империи в 1912 г.

В декабре 1909 г. газета «Россия», издававшаяся негласно на деньги правительства П. А. Столыпина, опубликовала статью «Нужды Бессарабии», подписанную псевдонимом «Проезжий». В статью проводилась мысль, что Бессарабия ввиду своей разноплеменности

и слабости в ней «русского элемента», представленного в основном пришлыми чиновниками и старообрядцами, находится под угрозой сепаратизма. Автор поставил под сомнение лояльность большинства населяющих Бессарабию народностей, таких как болгары и греки, однако главной его мишенью стали молдаване:

В 1905 году [...] румынская интеллигенция направила свои усилия к тому, чтобы возбудить в русских молдаванах, совсем забывших о своем близком родстве с румынскими валахами, сознание национального единства с Румынией. Левые «товарищи» и «евреи» встретили это течение сочувственно, но в народной массе оно отклика не нашло, по причине крайней малоразвитости молдаван и полной неподготовленности почвы¹.

«Проезжий» воспроизводил широко распространенную в правых кругах самой Бессарабии оценку событий 1905–1907 гг., согласно которой крестьяне оставались безразличными к националистической агитации, а появление молдавского национализма объяснялось происками внешних и внутренних врагов. Уверив читателя в верности царю основной массы молдавских крестьян, автор статьи переходит к духовенству, которое, по его мнению, «стараясь как бы составить противовес румынофильским тенденциям, начало деятельную работу по переводу богослужебных книг на молдаванский язык, по изданию особого журнала на молдаванском языке». Духовенству вменялось в вину, что авторами и переводчиками молдавских религиозных изданий «явились румыны», из-за чего язык их начал приближаться к румынскому, став малопонятным молдаванам. «Проезжий» не обвинял напрямую бессарабское духовенство в «сепаратизме», однако считал его косвенно виновным в «подчеркивании национальной обособленности», что в конечном итоге наносило вред «русскому делу» в крае.

Для решения «молдавского вопроса» «Проезжий» предлагал ввести в Бессарабии всеобщее образование на русском языке, что избавило бы от необходимости в целях просвещения прибегать к «искусственному созданию какой-то небывалой особой молдаванской культуры, ибо, кроме вреда для государства и для культуры местного края, этот сепаратизм ни к чему не приведет». Из приведенной цитаты видно, что для анонимного корреспондента петербургской газеты «сепаратизм» – это не только и не столько форма ирредентизма или стремление к политической независимости, но любое по-

кушение на этнографическую обособленность, любое отклонение от курса на полное слияние инородцев с русским народом. Кроме русской школы, по мнению «Проезжего», решить «бессарабский вопрос» можно было также путем переселения в болгарские и молдавские уезды Бессарабии «возможно большего числа коренного русского населения»². Таким образом, из статьи следовало, что «русское дело» в Бессарабии состояло, в первую очередь, в ограждении молдаван от всего, что напоминало бы об их отличии от русских, равно как и о родстве с запрутскими румынами; это в отдаленной перспективе предполагало культурно-лингвистическую гомогенизацию населения губернии через ассимиляцию и колонизацию.

Подобного рода статья не могла не вызвать откликов заинтересованных лиц. Буквально через неделю в «Санкт-петербургских ведомостях» появился ответ Н. Н. Дурново³, под заглавием «Новые сепаратисты». Автор прежде всего указывал на сходство некоторых идей «Проезжего» с представлениями о «молдавском вопросе» кишиневского епископа Серафима (Чичагова), часто выступавшего объектом критических статей Дурново. Далее Дурново пускается в общие рассуждения о русификации:

Винить каждую народность России в сепаратизме, требовать насилий над нею – не только негосударственно, но и безнравственно. Чем более будет государство проявлять насилий над инородцами, тем более они будут сплываться и объединяться.

Применительно к молдаванам это означало, что молдавские активисты в конечном счете используют русское образование для достижения истинно сепаратистских целей, так как «изучив русский язык, они будут знать, кто они и кто живет за рекой Прутом, каким образом они попали под власть России»⁴. В качестве альтернативы насильственной русификации инородцев Дурново предлагает следование «Божественному учению, которое объединяло различные народности путем религии, но не одноплеменности и языка».

Наиболее примечательным бессарабским откликом на статью в «России» можно считать статью священника и общественного деятеля Иеремии Чекана «Клевета на бессарабское духовенство», помещенную в его собственном журнале «Наше объединение». Чекан первым делом указывает на полное незнание «Проезжим» реального положения в Бессарабии. Саму идею бессарабского сепаратизма, которая понималась Чеканом как желание присоединиться к Румынии,

он отвергал как несостоятельную. Румыния в ее современном виде представлялась ему малопривлекательной страной, управляемой «иностранцами»⁵, а на ее дальнейшем национальном существовании бессарабский священник ставил крест⁶. Чекан заявлял, что молдаване гордятся тем, что они «русские», сопричастные великой семье Русского государства. Более того, отец Иеремия выражал надежду, что когда-нибудь и «родственная Румыния» присоединится к панславянской империи, созданной на основе России⁷.

Идея существования «сепаратизма» в Бессарабии казалась Чекану настолько нелепой, что истинной целью «Проезжего» он считал желание обратить внимание высшей власти на Бессарабию и провести в ней «благопопечительные реформы, клонящиеся как бы к обрусению этого будто бы “нерусского” и при этом “сепаративного” края». Это стремление Чекан увязывал с общей тенденцией поиска национализма всех народностей и страхами того, что под предлогом введения образования на родном языке будет проводиться пропаганда сепаратизма⁸.

Чекан высказывал мысль, что молдавский язык не имеет будущего, по причине отсутствия у молдаван собственной интеллигенции. Для скорейшего «слияния» он предлагал оставить молдавский язык в покое, дав ему умереть естественной смертью. Репрессии по отношению к языку виделись Чекану крайне нежелательными и несвоевременными, так как ввиду угрозы сектантства⁹ отказ говорить с населением на его языке мог закончиться тем, что молдавское духовенство осталось бы без паствы. Наконец, Чекан предостерегал от неосторожного вмешательства в бессарабские дела «высших сфер», знавших Бессарабию «по бумагам и газетным статьям», так как русификаторские эксперименты, проводившиеся над Бессарабией в течение сорока лет (этот пассаж явно заимствован Чеканом из идеологического арсенала молдавских националистов. – О. Г.), только тормозили развитие края¹⁰.

В начале января 1910 г. редактор рупора бессарабских крайних правых, газеты «Друг», В. Якубович опубликовал ответную статью под заглавием «Искажение истины». На этот раз обвинения в незнакомстве с «истинным положением дел» посыпались в адрес Дурново. Отвечая на выпады в адрес епископа Серафима, Якубович заявлял, что преосвященный – «горячий сторонник богослужения на родном языке прихожан и поэтому не только никогда не вел борьбы против молдавского языка, но, наоборот, именно он отстаивает чистый **молдавский** (выделено Якубовичем. – О. Г.) язык, всемерно борясь про-

тив тех, кто пытается заменить этот простой, звучный, красивый и понятный народу язык каким-то совершенно непонятным волапюком, именующимся почему-то румынским языком». По мнению редактора «Друга», все обвинения в адрес Серафима происходили от непонимания столичными публицистами разницы между пропагандой румынского и молдавского языков. Румынский язык он характеризовал как «приглаженный», «отшлифованный», «переполненный французскими и итальянскими словами и оборотами» и малодоступный пониманию народа. Естественно, что обучать этому языку крестьян, заменяя им народный говор, нежелательно, особенно ввиду того, что «большинство молдавского населения уже настолько свыклось с русским языком, что для него этот язык несравненно более близок и понятен, нежели язык румынский»¹¹.

Посвятив много места традиционным для правых декларациям о верноподданничестве молдавских крестьян, Якубович пришел к выводу о том, что о «сепаратистических наклонностях» не могло быть и речи. В то же время он указывал на «кучку интеллигентов», мечтавших о румынизации Бессарабии «с целью подготовить ее отложение от России». Эту кучку и поддержала часть молдавского духовенства, начавшая «усиленную пропаганду румынского языка» и «насильственное» введение его в обиход¹². Якубович не называет конкретных имен, но можно догадаться, что речь идет об издателях церковного журнала «Луминэторул» («Просветитель»).

Примечательно, что сторонники «чистого молдавского языка», вроде Серафима или Якубовича, в отличие от советских и современных «молдовенистов», не настаивали на конструировании особого литературного молдавского языка, а лишь пытались законсервировать «народный» диалект в его «примитивных», «не имеющих будущности» формах, оградив его от «вредных» влияний со стороны Румынии, но открыв дорогу для «полезных», то есть русских. Аналогичные представления о просвещении «инородцев» можно встретить у известного миссионера и педагога Н. И. Ильминского, негативно относившегося к использованию литературного татарского языка вместо местных наречий тюркоязычными народностями Поволжья и Средней Азии. Схожая логика действовала, например, и по отношению к украинскому языку, когда за «народным наречием» (малороссийским) признавалось право на жизнь (как правило, недолгую), но ни о каком самостоятельном литературном языке (украинском) не могло быть и речи. Якубович фактически повторял риторику и даже фразеологию противников украинофильства, объ-

являя украинский язык (как и румынский) искусственным, нелепым, полным чужеродных влияний, сознательно отдаленным от славянских языков и русского в частности. Даже само сравнение модернизированного литературного языка с искусственными языками вроде эсперанто или волапука, вероятнее всего, было заимствовано им из антиукраинского дискурса.

Статья Дурново глубоко задела и самого епископа Серафима, обычно не склонного лично отвечать на выпады в прессе. Возражение Дурново по телеграфу, получившее благодаря публикации в справочнике П. Драганова широкую известность, надолго закрепило в глазах бессарабских националистов и сочувствующих им образ Серафима как епископа-русификатора и румынофоба: «Борюсь, – писал Серафим, – против сепаратистов, стремящихся обучать молдаван культурному румынскому языку, неизвестному молдаванам, которые сердечно преданы царю и России»¹³.

Вновь «молдавский вопрос» стал предметом публичных дебатов в конце 1910 г., когда в Государственной думе обсуждался проект закона о всеобщем образовании. Бурные споры среди депутатов вызвала октябристская поправка к статье 16, согласно которой для ряда народностей разрешалось учреждение одноклассных начальных училищ с природным языком преподавания. В этом контексте неожиданно в центре внимания оказалась проблема молдавской школы, поднятая благодаря выступлению бессарабского депутата Д. П. Гулькина¹⁴. Поводом для демарша Гулькина стало заявление другого бессарабского депутата, священника из села Староказачье Аккерманского уезда¹⁵ Николая Гепецкого, о том, что молдаване с гордостью смотрят, как их ребенок читает в церкви по-церковнославянски. Постулирование особой любви молдаван к славянскому богослужению было одной из составных частей правого мифа о молдаванах, оспаривавшегося националистами¹⁶.

Гулькин предложил дополнить октябристский список народностей молдаванами, заявив, что бессарабские молдаване «обрусели духом уже давно», но язык у них никто отнять не в состоянии¹⁷. При этом он несколько раз отметил, что его слова, как слова русского человека, а не инородца, должны восприниматься с большим доверием. Он выступил против «насильственной русификации», которая, по его мнению, осуществлялась в Бессарабии. Сепаратизм, по мысли Гулькина, порождает русификация, а поддержка молдавского языка в народной школе должна стать гарантией от его распространения¹⁸.

Отец Гепецкий выступил категорически против предложения Гулькина, прося Думу освободить «в высокой степени благородную

окраину» от действия октябристской поправки. Его аргументация строилась на том, что молдаване благодаря стараниям духовенства уже пользуются молдавским языком, а принятие октябристской поправки будет означать, что только на «верноподданнических» окраинах, вроде Бессарабии, сохранилась русская государственность¹⁹. «Инородческая» школа для Гепецкого – это ужасное оружие в руках левых, которое может вызвать в сознании молдаван переворот, а исключение русского языка как языка преподавания приведет к тому, что молдаване не будут владеть государственным языком, единственным средством истинного просвещения²⁰.

Следующим оратором, затронувшим «молдавский вопрос», стал известный лидер правых В. М. Пуришкевич, предложивший пополнить «список народностей», нарочито внеся в него как можно больше языков малочисленных этнических групп, а также эсперанто, волапюк и жаргон мазуриков²¹. Не менее категорично отреагировали на поправку Гулькина другие депутаты от Бессарабии. Так, П. Н. Крупенский заявил, что в Бессарабии сепаратизма, безусловно, нет, а молдаване не желают преподавания по-молдавски²².

В защиту поправки Гулькина выступил грузинский депутат-меньшевик Е. П. Гегечкори, которому накануне киевские студенты-молдаване послали телеграмму с просьбой отстаивать в Думе права молдавской народности²³. Также поддержал Гулькина граф А. А. Уваров, сделавший акцент на «ренегатстве» бессарабских депутатов-молдаван, изображающих себя больших русских, чем сами русские²⁴. В результате голосования поправка Гулькина была отклонена 141 голосом против 125²⁵.

Первым бессарабским откликом на события в Думе стала публикация в газете «Бессарабец», руководимой националистом Алексеем Ноуром. Комментируя телеграмму Гулькина, Ноур называет бессарабских депутатов (прилагая список с указанием их «национальностей») «предателями народа» и «фальсифицированными представителями Бессарабии», похоронившими «дух целой народности»²⁶. Затем «Бессарабская жизнь» опубликовала письмо Гулькина, в котором тот представил свою версию произошедшего в Думе. Общественное мнение, сформированное «прогрессивной» прессой, заставило Гепецкого парировать. Он поместил в «Друге» серию статей под общим заглавием «К бессарабскому обществу». Священник настаивал, что разногласия между депутатами – это разногласия по вопросу об инородческой школе вообще, а не по молдавскому языку в частности. По мнению Гепецкого, инородцы России хотят изучать

русский язык, в то время как законопроект Союза 17 октября лишает их этой возможности. Принятие закона, якобы лоббируемого поляками, татарами, латышами и грузинами «во имя сепаратических целей», негативно скажется прежде всего на самих инородцах, которым по причине плохого знания русского языка будет закрыт доступ к дальнейшему образованию²⁷.

Гепецкий допускал, что молдавский язык мог использоваться в преподавании на начальных ступенях, как вспомогательное средство, но выступал резко против полностью инородческой школы²⁸. Говоря о депутатах-инородцах, к которым примкнул Гулькин, он уверял читателей «Друга», что все они проникнуты «исключительным духом сепаратизма» и лишь одна Бессарабия, в лице ее представителей (за исключением Гулькина), вносит диссонанс в этот «стройный, спевшийся хор инородцев, раздобревших под русским владычеством за счет истощенного, темного центра России». Бессарабия, продолжал он, это «бельмо в глазу инородцев. Этим господам чрезвычайно важно приобщить Бессарабию к своему хору»²⁹. Здесь Гепецкий вновь попытался создать образ Бессарабии как последнего бастиона русскости на окраинах, не поддавшегося пока сепаратистским веяниям эпохи.

Повторное обсуждение поправки к 16-й статье состоялось в марте 1911 г. Гулькин снова внес свое предложение, касавшееся молдаван. Его аргументация в целом осталась прежней. Примечательно здесь привлечение Гулькиным «верноподданнической» риторики, сопровождающей послание, содержавшее положения, идентичные лозунгам молдавских националистов. Говоря о правах молдаван, он апеллировал к таким традиционным для правого дискурса примерам, как лояльность молдаван правительству и монархии, отсутствие аграрных беспорядков во время революции 1905–1907 гг., героизм и патриотизм, проявленные бессарабскими солдатами в годы Русско-японской войны, а также широкое участие молдаван в деятельности русских националистических организаций³⁰. Впоследствии, в 1913–1914 гг., подобную тактику «верноподданнического национализма» попытаются адаптировать и сами деятели молдавского национального движения.

В ответной реплике отец Гепецкий фактически озвучил перед Думой то, что писал несколькими месяцами ранее в газете «Друг», подкрепив свои доводы чтением телеграмм «от народа», судя по их однотипности и стилистическим особенностям, написанных им самим же. Гепецкий также выразил мысль, что Гулькин как бы присво-

ил себе славу истинного защитника молдаван, которая на самом деле принадлежала бессарабскому духовенству³¹.

Следствием думских дебатов об «инородческой школе» стало принятие законопроекта в редакции Г. Х. Еникеева, по которой вместо создания списка народностей предлагалось допустить возможность открытия школ с преподаванием на языках, имеющих письменность. Таким образом, поправка Гулькина потеряла смысл³². В дальнейшем думцам и Государственному совету не удалось согласовать позиции по вопросам, вызывавшим ключевые разногласия; в 1913 г. законопроект вновь был передан в думскую комиссию, но окончательного законодательного решения по нему так и не было вынесено³³.

Важной вехой в истории Бессарабии начала XX в. стал столетний юбилей присоединения ее к России, отмечавшийся 16 мая 1912 г. Начало XX в. по праву получило название эпохи «юбилеемании». По подсчетам К. Н. Цимбаева, в конце XIX – начале XX в. в Российской империи было отмечено более 160 значимых юбилеев³⁴. Среди этих событий отдельное место занимали празднования по случаю вхождения в состав России различных национальных окраин: Финляндии, Грузии, Эстляндии и т. д.³⁵ Все «окраинные» юбилеи происходили по схожему сценарию: местные представители империи создавали юбилейные комитеты, издавали памятные книги «для народа», в которых находили отражение история губернии или региона и обстоятельства вхождения его в состав России; организовывались молебны, парады, произносились торжественные речи и т. д. Важно отметить, что юбилеи других окраин были проведены гораздо скромнее как в плане идеологических посланий, так и по размаху самих торжественных мероприятий. Бессарабская элита стремилась представить свою губернию как образцово-показательную с точки зрения лояльности местного населения, не воспринявшего революционную и сепаратистскую идеологию и, более того, предрасположенного к обрусению. Причиной этого может служить слабость бессарабского общественно-политического движения, в том числе и молдавского, с чем приходилось бы считаться организаторам юбилея. Однако в Грузии в 1903 г. были аналогичные попытки заигрывать с местным населением, подчеркивая его лояльность и склонность к «обрусению»³⁶. Но, как и в случае с Бессарабией, здесь мог сыграть свою роль конфессиональный фактор, религиозное единство аборигенного населения и великороссов, с которыми ассоциировали себя имперские элиты.

Инициатива и организация празднования юбилея принадлежала во многом епархиальным властям, в первую очередь епископу Серафиму. Подготовка к торжествам началась еще в 1911 г., когда был создан юбилейный комитет и совет по празднованию, включавший в себя епископа Серафима, Н. В. Лашкова, В. Гуму, преосвященного аккерманского Гавриила (Чепура) и И. Пархомовича³⁷.

Организаторы праздника особо подчеркивали ориентированность торжеств на молдавское население Бессарабии. В программе, составленной лично Серафимом, в варианте, опубликованном Н. В. Лашковым, в качестве одной из целей праздника значилось: «через чтение приспособленной к пониманию народа юбилейной книги, церковные беседы и раздачу листовок утвердить в сознании молдавского населения, какую цену со стороны России куплены его свобода и благоденствие»³⁸. Примечательно, что в более ранней редакции программы вместо «молдавского населения» речь шла о «местном населении» и о цене освобождения «христианских народов»³⁹. Необходимость сделать явным «национальный» акцент празднования появилась, вероятно, позже.

На собрании представителей администрации и сословий 15 мая 1912 г. епископ Серафим подчеркнул особое значение юбилейных церемоний как важного средства «русификации» молдаван. По его мнению, правда о подвиге русского народа и его «Верховных Вождей» должна закрепиться в молдаванах и передаваться через поколения, «научая молдаван не только говорить и молиться на русском языке, но и как думать, чувствовать и действовать по-русски»⁴⁰. В другой своей речи, произнесенной 17 мая уже для широкой публики, Серафим шел еще дальше в заигрываниях с молдаванами, объявляя именно «благодарный молдавский народ» главным инициатором сооружения памятника Александру I⁴¹. Таким образом, молдаване в видении владыки выступали одновременно и «слившимися» с русским народом, «почти русскими», и объектом формирования соответствующей идентичности.

Юбилейные торжества породили целую серию откликов в прессе. Так, в юбилейном номере «Бессарабской жизни» была опубликована статья А. Болдура⁴² «Под знаком уравнения», в которой автор сквозь призму истории права пытался показать, как на протяжении XIX в. Российская империя изменила политику по отношению к молдаванам от поддержки до русификации. Одну из основных причин бедственного положения молдавской народности Болдур видел в ее сословной неполноте. Молдавские высшие классы довольно

быстро смирились с новым положением и пошли по пути русификации, изменив своей народности. «Национальность» же оказалась полностью сосредоточена в крестьянстве. Процесс будущего национального возрождения Болдур связывал с эмансипацией крестьян и изменением отношения властей к молдаванам. Обращаясь к властям, он писал:

Для мирного в будущем развития национальной культуры национальной политика в Бессарабии должна быть изменена. Дух игнорирования должен смениться духом терпимости. Введение языка в школах и факультативное применение его в судах и управлении должны явиться очередными задачами дня⁴³.

В этом же номере газета опубликовала фельетон «О чем говорил Юбилей». Его автор, Михаил Недолин (Михаил Исаакович Гросман), оживляет «Юбилей», от имени которого размышляет о происходящем в Бессарабии. Основным вопросом, поставленным торжествами, автор называет вопрос о том, что приобрела Бессарабия от присоединения к России. Очерчивая возможные альтернативы, Недолин приходит к выводу, что как бы ни малы были приобретения населения края, «променяв Румынию или Турцию на Россию, – Бессарабия очень мало потеряла». Румыния же, по версии автора, ничего не сделала для Молдавии, а следовательно, и реакция румын на бессарабские торжества была безосновательной⁴⁴.

Более остро ставит вопрос о молдаванах автор анонимной статьи «На чужом пиру». Несмотря на усилия организаторов праздника, молдавское население осталось к нему равнодушным. Автор задается вопросом: «почему эти учителя, священники, администрация раньше молчали, ставя молдаван ни во что, а теперь... вдруг... так много говорят об их истории, так много заботятся о них?» Общий вывод состоял в том, что народ изолирован от интеллигенции и идет не по пути прогресса, а скатывается в темноту и суеверия⁴⁵.

Даже консервативная пресса была далека от официозных трактовок торжеств и печатала не вполне свойственные ей статьи. Так, в статье «1812–1912» в «Друге» корреспондент газеты откровенно от обвинений молдаван в сепаратизме: «Сепаратизм, естественный в Финляндии и Польше, не коснулся этой этнографически румынской страны по очень простой причине: из населения Бессарабии в 1812 году не было никого, кто бы был уязвлен ее присоединением к России». «Сепаратизм» периода революции представлялся автору

статьи «инсценировкой», которую отдельные политические силы (видимо, имелись в виду левые и кадеты) пытались использовать в своих целях. В современных же условиях ни о каком сепаратизме молдаван не могло быть и речи, так как «лозунг даже местных “крайних националистов”: через родной язык к языку государственному, русскому!»⁴⁶.

В газете «Дружок» в редакционной статье было высказано еще более радикальное видение праздника, согласно которому истинный смысл события – это «день скорби» по погибшим в войнах 1806–1812 гг. и недавней Русско-японской войне, а устраивать радостные гулянья в стране, которая недавно потерпела поражение в войне и пережила революцию, – неуместно⁴⁷. Подобная трактовка юбилея в некоторой степени перекликалась с румынскими траурными настроениями.

Официально румынское правительство дистанцировалось от каких-либо акций, связанных со столетием присоединения Бессарабии к России. Румынский король, как сообщал бухарестский корреспондент «СПб. ведомостей», заявил: «Мы находимся в самых прекрасных дипломатических отношениях с Россией, и эти отношения ничто не может нарушить! Кому же понадобилось опечалить тяжелыми воспоминаниями ту искреннюю дружбу, которая связывает Румынию с Россией?»⁴⁸

Неофициально же середина мая была отмечена в стране широко-масштабными мероприятиями, призванными показать символическую принадлежность Бессарабии к Румынии и скорбь румынского народа по ее утрате.

Надо отметить, что румыны использовали аналогичные коммеморативные практики, что и бессарабские организаторы юбилея (декорирование зданий черными лентами вместо государственных триколоров, публичные чтения, молебны и т. д.), но придавали им противоположное значение. Координацией румынских акций, приуроченных к годовщине «потери Бессарабии», занималась «Культурная лига за объединение всех румын».

Отношение к празднику и к событиям, послужившим его причиной, можно понять из формулировок, которые встречаются в официальной программе празднования: «...члены общества должны присутствовать в церкви Антима в Бухаресте на Святой Литургии в помощь и для укрепления в борьбе, которую ведут бессарабские молдаване против москальских (muscăleşti) стремлений денационализировать и изничтожить их, стремления, которое с такой яростью

проявлялось в течение всего века с момента отторжения этой провинции от тела Молдовы»⁴⁹. Иными словами, в памяти румынских националистов тотальная русификация, начало которой может быть прослежено не ранее 60–70-х гг. XIX в., проецировалась на весь период российского господства.

Еще одной важной акцией, которую планировалось провести в этот раз в Бессарабии, должно было стать распространение по бессарабским селам «Молитвы» на румынском языке, но написанной кириллическими буквами. В ней со ссылками на Священное писание (то есть в привычных религиозных терминах) бессарабским крестьянам пояснялась пагубность иностранного господства и забвения родного языка⁵⁰.

Авторитетный румынский историк Николае Йорга по случаю юбилея издал несколько сборников, посвященных Бессарабии, в которых пытался показать принадлежность провинции к румынскому культурному пространству. Период с 1812 по 1912 г. изображался в них как время стойкости «румынского духа» пред лицом колонизации и ассимиляции. Выступая в общем русле румынского общественного мнения, Йорга, тем не менее, оказался одним из немногих, кто пытался критически посмотреть на прошлое Бессарабии и высказал ряд сомнений в успешности реализации здесь румынского национального проекта. Так, о событиях 1812 г. он писал:

Румынии не существовало, и в той части Румынии, которая была Молдовой, никто и не думал, что Румыния наберет силу, что она станет благом для тех, кто страдает от угнетения. Господарь был греком, бояре были греко-румынами, говорившими на двух языках... Им было жаль потерять большую часть Молдовы, богатую садами и пастбищами. Особенно им было жаль, что поместья окажутся разрезанными границей. Никто не вступил в отчаянную борьбу, чтобы мы могли выразить ему нашу священную благодарность⁵¹.

На фоне публичных торжеств бессарабской элиты и траурных мероприятий в Румынии участие местных молдавских националистов в празднованиях оставалось весьма скромным, если не сказать пассивным. Пожалуй, единственной крупной манифестацией местных интеллектуалов, связанной с юбилейными торжествами, стала попытка издания листка «Фэклия Цэрий» («Факел страны»). Инициаторами этого предприятия выступили Константин Константинович

и Йоргу Тудор (Георгий Тодоров). Издание позиционировалось как «литературное, политическое, экономическое и общественное». Предполагалось, что газета будет выходить 2–3 раза в месяц, «если даст разрешение господин Губернатор». «Фэклия Цэрий» вышла без ответственного редактора и разрешения властей, при этом печаталась в кишиневской епархиальной типографии⁵². Издатели рассчитывали на широкое участие читателей, безразличных к национальной проблематике: «Пишите, румыны, обо всем, о чем можете. Мы напечатаем»⁵³.

В статье «Сто лет» говорилось о том, что население не было подготовлено к празднованию юбилея присоединения Бессарабии и по этой причине осталось безучастным. Праздновали только чиновники, немцы, евреи и другие, которые не имеют никакой связи с Бессарабией. Кроме того, авторы заявляли, что «запрутские молдаване – народ образованный, послали России протест за то, что угнетает молдавские язык и школу»⁵⁴. Статья вызвала негодование властей и послужила формальным поводом к закрытию листка, имевшего «несомненной целью внести среди молдавской части населения губернии недоверие к правительству и поколебать среди молдаван испытанную столетием верноподданническую их преданность Престолу и Отечеству»⁵⁵.

Губернская жандармерия завела дело на редакторов листка и на Константина Урсу, начальника епархиальной типографии. Им вменялись в вину сепаратистские румынофильские идеи, что сами подследственные отрицали, заявляя, что вся информация, напечатанная в листке, почерпнута ими из местных газет – «Друга» и «Бессарабской жизни». В конечном итоге Тудор и Костинович были отпущены, но весь тираж листка уничтожен, а дальнейшее его издание запрещено⁵⁶. Согласно Т. Памфиле (румынский писатель, обосновавшийся после 1918 г. в Кишиневе), в деле закрытия газеты активное участие принял бессарабский архиепископ Серафим. По легенде, связка с конфискованной газетой несколько лет пролежала под кроватью в епископских покоях, пока ее, наконец, не обнаружил высокопреосвященный Никодим (Мунтяну), румынский епископ, управлявший в 1918–1919 гг. Кишиневской и Хотинской епархией⁵⁷.

По всей вероятности, инцидент с «Фэклия Цэрий» не был известен широкой публике в Бессарабии. Если верить Тудору, то нежелание предавать огласке случившееся исходило от губернатора; только несколько сохранившихся номеров издания было подарено близким друзьям издателя⁵⁸. Лишь в 1914 г. сам Тудор в фельетоне «Огни в ночи» упоминает запрещенный листок среди прочих молдавских периодических изданий⁵⁹.

В период между 1908 и 1912 гг. активно формируется дискурс «бессарабского сепаратизма». Это стало возможным благодаря публикациям в местной и петербургской прессе на тему «молдавского вопроса», национального движения и угрозы ирредентизма. Часть авторов, писавших о «молдавском вопросе», видела в желании местной интеллигенции и духовенства говорить с населением на «природном» языке угрозу сепаратизма. Лояльность бессарабских молдаван, прежде всего крестьян, не ставилась под сомнение, но и не исключалась возможность влияния националистической агитации на массы в будущем. Оппоненты «охранителей», напротив, считали слухи о сепаратизме преувеличенными, а влияние национальных активистов ничтожным. Обсуждение законопроекта о всеобщем образовании в Думе на время сделало «молдавский вопрос» предметом обсуждения не только в Бессарабии, но и за ее пределами. Молдаван упоминали преимущественно в рамках более общего вопроса об инородческой школе, и прежде всего вопроса о том, какие национальности будут пользоваться «национальными правами» в сфере образования.

Дискуссии начала 1910-х гг. подготовили почву для выстраивания «молдавской линии» в праздновании столетия присоединения Бессарабии к России. Церковные и светские власти обратили на молдаван пристальное внимание, а значительная часть юбилейных мероприятий была направлена на развитие и укрепление среди «аборигенов» Бессарабии русского патриотизма. Общественное мнение отреагировало на юбилей очередной серией дебатов о «сепаратизме» в Бессарабии и о судьбах молдавской народности. Юбилей заставил обратить внимание на молдавское население губернии не столько как на угрожаемое, сколько как на нуждающееся в попечительстве и охране. В то же время он показал и обособленность молдавских крестьян, не всегда соответствовавших сложившимся стереотипным представлениям о них. За декларациями о лояльности молдаван читались скрытые опасения, что они недостаточно сознательны в своих верноподданнических чувствах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Россия. 1909. № 1251.
- 2 Там же.
- 3 *Дурново Николай Николаевич* (1842–1919) – российский публицист, отец известного лингвиста, академика Николая Дурново. В 1879–

1886 г. был редактором-издателем московской газеты «Восток». Из-за своих публикаций на Балканах приобрел репутацию сербофила и болгарофоба. В 1902 г. издавал в Румынии газету на русском и французском языках. В 1900–1910-х гг. был постоянным корреспондентом «СПб. ведомостей», выступая со статьями по церковным вопросам. Приобрел известность как защитник православных «инородцев» Российской империи, в том числе и бессарабских румын. В Бессарабии Дурново считали румынофилом и сторонником передачи Бессарабии «единоплеменной» Румынии, в обмен на дружеские отношения ее с Россией.

4 Санкт-петербургские ведомости. 1909. № 290.

5 Под «иностранцами» Чекан понимает представителей румынской аристократии греческого происхождения и короля Карла I.

6 Чекан И. Клевета на бессарабское духовенство // Наше объединение. 1910. № 2. С. 4.

7 Там же. С. 6.

8 Там же.

9 В 1909–1910 гг. среди молдаван набирало популярность религиозно-сектантское «балтское движение» или «иннокентиевщина». Подробнее см.: Гром О. А. Иннокентиевское движение и «молдавский вопрос» в Бессарабии в начале XX века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 4. С. 86–106.

10 Чекан И. Клевета на бессарабское духовенство... С. 6–7.

11 Друг. 1910. № 3.

12 Там же.

13 Драганов П. Bessarabiana: Ученая, литературная и художественная Бессарабия: Алфавитный библиотечный указатель. Кишинев, 1911. С. 165.

14 Гулькин Дионисий Петрович (1861 – ?) – житель села Теленешты Оргеевского уезда, происходил из общины бессарабских старообрядцев-липован. Избран депутатом III Государственной думы от крестьянской курии, пройдя в имперский парламент в качестве представителя «Союза русского народа», но впоследствии выходит из его рядов и позиционирует себя как независимого депутата. См.: Гросу А. К. Молдавский великоросс. Бессарабский феномен в Государственной думе Российской империи. Кишинев, 2011. С. 18.

15 Примечательно, что село, в котором с 1893 г. служил отец Гепецкий, выступавший от имени молдавской паствы, было населено почти исключительно украинцами: по данным В. Н. Бутовича, в 1907 г. в с. Староказачьем насчитывалось 4 050 малороссов и 115 евреев. См.: Бутович В. Н. Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев, 1916. С. 51.

- 16 *Cubolteanu P.* Scrisori din Basarabia // *Viața Românească*. 1911. № 2. P. 274–275.
- 17 Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия IV. СПб., 1910. Ч. I. С. 1086.
- 18 Там же. С. 1087.
- 19 Там же. С. 1239–1240.
- 20 Там же. С. 1241–1242.
- 21 Там же. С. 1245–1246.
- 22 Там же. С. 1249.
- 23 Бессарабская жизнь. 1910. № 264.
- 24 Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия IV. Ч. I. С. 1262.
- 25 Там же. С. 1279.
- 26 Бессарабец. 1910. № 157.
- 27 Друг. 1910. № 283.
- 28 Друг. 1910. № 285.
- 29 Друг. 1910. № 287.
- 30 Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия IV. СПб., 1911. Ч. II. С. 1159–1160.
- 31 Там же. С. 1165.
- 32 *Гросу А. К.* Молдавский великоросс... С. 45.
- 33 Программа реформ П. А. Столыпина. Документы и материалы. М., 2011. Т. I. С. 752.
- 34 *Цимбаев К. Н.* Феномен юбилеямии в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // *Вопросы истории*. 2005. № 11. С. 108.
- 35 Там же. С. 102.
- 36 *Джанелидзе О.* Завоевание или добровольное присоединение? // *Некоторые вопросы грузино-русских взаимоотношений в современной историографии*. Тбилиси, 2011. С. 198–199.
- 37 Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 208. Оп. 3. Д. 4548. Л. 4.
- 38 *Лашков Н. В.* Празднование столетнего юбилея присоединения Бессарабии к России. Кишинев, 1914. С. 2.
- 39 НАРМ. Ф. 208. Оп. 3. Д. 4548. Л. 4 об.
- 40 *Лашков Н. В.* Празднование столетнего юбилея... С. 21.
- 41 Там же. С. 92.
- 42 *Boldur Al.* Contribuții la studiul istoriei românilor. Istoria Basarabiei. Chișinău, 1940. Vol. III. Sub dominațiunea rusească (1812–1918). P. 175.
- 43 Бессарабская жизнь. 1912. № 111.

- 44 Там же.
- 45 Бессарабская жизнь. 1912. № 112.
- 46 Друг. 1912. № 112.
- 47 Дружок. 1912. № 8.
- 48 Санкт-петербургские ведомости. 1912. № 136.
- 49 *Negru Gh.* Țarismul și mișcarea națională a românilor din Basarabia. Chișinău, 2000. P. 183.
- 50 Ibid. P. 180–183.
- 51 *Iorga N.* Pagini despre Basarabia de astăzi. Vălenii-de-Munte, 1912. P. 81.
- 52 НАРМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9263. Л. 5 об.
- 53 *Poștarencu D.* O istorie a Basarabiei în date și documente. Chișinău, 1998. P. 137.
- 54 НАРМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9263. Л. 4 об. – 5.
- 55 Там же. Л. 10.
- 56 *Pop I. A., Bulei I, Petrencu A.* et al. 200 ani din istoria românilor dintre Prut și Nistru, 1812–2012. Chișinău, 2012. P. 101–102.
- 57 *Pamfile T.* O gazetă moldovenească basarabeană zugrumată: „Făcliea Țării” // Școala Basarabiei. 1919. № 12. P. 30–32.
- 58 *Tudor I.* Sub ruși. Amintiri din anii mișcării naționale, 1905–1918 // Moldova de la Nistru. 1926. № 6–10. P. 45.
- 59 Друг. 1914. № 137.

O. A. Grom

Debates on «Moldovan separatism» between the First Russian Revolution and the celebration of 100 years of Besarabia's ceding to Russia (1907–1912)

The article focuses on the public discussions of the «Moldovan question» in the beginning of 1910s, that were a result of the Moldovan national movement in Besarabia that emerged during the revolution of 1905–1907. The key problem of these discussions became the presence and spread of separatism and Romanian irredentism among the Moldovans.

Key words: *Besarabia, nationalism, separatism, Moldovans, media*

*Р. Р. Субаев
(Москва)*

Миссия Лимана фон Сандерса и младотурецкий режим накануне Первой мировой войны

В статье рассматриваются вопросы пребывания в Турции военной миссии генерала Лимана фон Сандерса весной 1914 г. после завершения острого дипломатического кризиса по ее поводу и провокационные приемы французской пропаганды, направленные на ее дальнейшую дискредитацию. Автор также указывает на ряд ошибок зарубежной и отечественной историографии, восходящих к некритичному восприятию этой пропаганды.

Ключевые слова: *О. Лиман фон Сандерс, А. Н. Щеглов, Г. Хальгартен, В. И. Шеремет, политические провокации Первой мировой войны*

2 марта 1913 г. «садриазам и сераскер империи»¹ генералиссимус Махмуд Шевкет-паша впервые поставил на заседании кабинета министров Османской Порты вопрос о приглашении в Турцию «видного германского генерала». Волею судеб им стал генерал-лейтенант Отто Лиман фон Сандерс, командир 22-й кавалерийской дивизии, стоявшей в Касселе, имя которого на протяжении вот уже более ста лет является своеобразным клише истории предвоенных дипломатических кризисов кануна Первой мировой войны. При этом оно обросло таким наростом мифов, плоских пропагандистских штампов и просто фальсификаций и лжи, что пришла пора навести в этом вопросе некоторый порядок.

Большинство работ, посвященных миссии Лимана фон Сандерса, рассматривают ее исключительно как военное соглашение между Турцией и Германией, продолжающее длинный ряд аналогичных соглашений начиная с 30-х гг. XIX в.² Исключительность же этой миссии придает назначение ее главы не просто инструктором турецкой армии, а командующим 1-м армейским корпусом, расквартированным в Константинополе и его окрестностях. Этот факт вызвал острый дипломатический кризис, последний из тех, которые еще

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00145а.

были урегулированы перед Первой мировой войной. Факт командования Лиманом фон Сандерсом в Константинополе, с точки зрения русской дипломатии и лично министра С. Д. Сазонова, означал переход военного контроля над турецкой столицей и Проливами в руки немцев.

Но эта миссия имела и ряд специфических задач в контексте кампании реформ всех сфер государственного аппарата, предпринятой турецким руководством после поражения в Балканских войнах; а главное – она, радикально отличаясь от всех прежних германских военных миссий от Мольтке до фон дер Гольца, была призвана провести политическую реформу в турецком офицерском корпусе. Дипломатическому же аспекту проблемы, достаточно хорошо изученному³, уделено минимум внимания и только в той степени, в какой это необходимо для освещения главной задачи статьи, которая состоит в освещении событий и особенно их оценок в историографии в период весны 1914 г., после окончания острой фазы кризиса вокруг миссии Лимана фон Сандерса.

Дипломатия Антанты по-разному отнеслась и к обстоятельствам, и к причинам кризиса. Англия, весьма жестко противившаяся какому-либо изменению режима Проливов в пользу России вплоть до 1915 г., отнюдь не восприняла факт назначения германского генерала командующим корпусом, размещенным в столице, с той же нетерпимостью, которую продемонстрировал Санкт-Петербург. Франция же рвалась в бой, хотя в 1914 г. она были едва ли не большей противницей изменения режима Проливов, чем Англия. Клика Р. Пуанкаре, Т. Делькассе и М. Палеолога сыграла в эскалации кризиса весьма активную роль. Это обстоятельство необходимо учитывать при рассмотрении проблем как острой стадии дипломатического кризиса вокруг миссии Лимана фон Сандерса (декабрь 1913 г. – январь 1914 г.), так и особенно его последствий, продолжавших влиять на европейскую дипломатию на Балканах вплоть до сараевского выстрела.

Традиционно считается, что с прибытием в Турцию миссии Лиман фон Сандерса, как явного доказательства германского проникновения и нарушения исконных российских интересов в зоне Проливов, вопрос вступления Турции в кильватер германской политики был окончательно решен. Тема миссии Лимана фон Сандерса стала неким штампом. Но у нее есть и другой, псевдонаучный аспект – удивительно легковесное обращение некоторых историков с фактами, поразительно доверчивое, некритичное отношение к источникам

(часто при сознательном манипулировании ими) и столь же непо-стижимое игнорирование достаточно широко известных положений историографии, хотя бы в части фактологии. Данное «направление» историографии, отягощенное склонностью к сенсационности при отборе и подаче фактов, до сих пор следует устаревшим пропагандистским клише с упором на отдельные документы, выдернутые из общего огромного массива, воспринимаемые как откровение (но часто выступающие в роли «передернутой карты»), вместо комплексного анализа всех фактов и обстоятельств для получения объективных непротиворечивых выводов. Речь в данном случае идет о книгах немецкого историка Г. Хальгартена и отечественного турколога В. И. Шеремета и некоторых их последователей.

В том, что касается выхода проблемы миссии Лимана фон Сандерса за пределы границ предвоенного дипломатического кризиса и придания ей некой эсхатологической роли в сползании мира к мировой войне, большую негативную роль сыграло исследование Хальгартена. До сих пор весьма популярное среди германистов и историков кануна Первой мировой войны и во многом сохранившее свое значение, оно совершенно неудовлетворительно в части освещения миссии Лимана фон Сандерса. Сам Хальгартен признается, что данный раздел был в свое время опубликован в «Ревю д'истуар де ла герр мондиаль» в январе 1935 г.⁴ Данный раздел не только морально устарел уже к выходу основного издания книги в 1949 г., но и является, по сути, не исследованием, а заказным памфлетом. И заказали его, по всей видимости, французские пацифисты.

В примечании 6 на с. 627–628 Хальгартен делает поистине очаровательное для крупного ученого замечание, вероятно, достойное самой высокой оценки современных адептов документалистского фетишизма: «В дальнейшем мы будем все чаще называть только отдельные документы вместо несчетного числа документов и авторов, которых нужно и можно было бы цитировать. В конце концов, истина не становится истинней благодаря частым ссылкам на документы»⁵. Но парадокс заключается в том, что Хальгартен ценен и любим многими отечественными авторами именно за обилие ссылок и пусть кратких, но цитат из комплексов послевоенных дипломатических документов, которые избавляют их от тяжелого труда рыться в многотомных собраниях документов, да и еще поддерживать несколько иностранных языков в рабочем состоянии. Зачем, когда есть Хальгартен? Такой милый и непосредственный; и в части собственных оценок и выводов, и в части щедрости, с которой он рассыпает

многочисленные ссылки на комплексы германских, французских, австрийских, русских и английских документов, как августейшая особа рассыпает золотые на своей короне.

Беда только в том, что не всегда эти ссылки соответствуют реальным документам, а иногда документы просто отсутствуют под указанными номерами и датами, и читателю, который имеет нескромность не поверить Хальгартену на слово, приходится гадать, что же это такое: легкость мысли необыкновенная, полет фантазии автора или фальсификация источника.

Например, на стр. 628 Хальгартен эффектно «отдуплился в паре» с Сазоновым по поводу пресловутой миссии Лимана фон Сандерса: «...А весной он (Сазонов) с большой силой и убедительностью заверял одного немецкого собеседника: “Шестьдесят четыре (или пятьдесят четыре) прусских офицера в Турции! Вы знаете, как мы заинтересованы в Босфоре – какое это для нас чувствительное место. Вся Южная Россия зависит от него, и вот вы высаживаете прусский гарнизон у нас под носом!”»⁶. Оставим пока в стороне замечание, что термин «пруссский» совершенно не свойственен языку русской дипломатии и вообще политическому лексикону начала века. Это французский политический жаргон, как мы увидим ниже.

Важнее то, что документа № 1531 от 11 апреля 1914 г. (Люциус в МИД) нет в природе. То есть его нет в указанном ранее (до того момента, пока Хальгартен не перешел на указания только номеров документов) томе 36/2 германских документов, где он, согласно ссылке, должен быть. И нет к нему никаких приложений, в которых содержались бы сенсационные эскапады Сазонова. Зато есть документ № 14 351 (тоже Люциус в МИД), только от 10 апреля 1914 г. И в этом документе нет ни слова из того, о чем нам столь пафосно поведал Хальгартен. Вот этот документ.

«Документ № 14 351. Временный поверенный в делах в Петербурге барон фон Люциус в Министерство иностранных дел. Г-н Сазонов через английское посольство уже проинформирован о нашем мнении о необходимости совместного демарша всех держав в Афинах и полностью к этому готов. Франция и Англия тоже присоединятся. Он полагает, что для греческого демарша вовсе не нужно ждать, когда отвод войск произойдет сам собой. Люциус»⁷.

Я, правда, имел дело с советским изданием книги Хальгартена 1961 г., но полагаю, что в то время вероятность редакционной или издательской ошибки была минимальной. Так что маститый ученый-германист, сформировавший представления о предмете своих науч-

ных изысканий у двух-трех поколений отечественных историков, должен нести полную ответственность за неточности изложения источника.

В следующей фразе (даже без абзаца) Хальгартен не менее важно вещает нам, что «миссия Лимана, как сообщали единодушно все частные и официальные наблюдатели, положила начало ухудшению официозных (sic) русско-германских отношений. “Чепуха”, – заметил по этому поводу Вильгельм II»⁸. Опять обратимся к научному аппарату научного авторитета. Для подтверждения своей мысли Хальгартен вновь отсылает нас к несуществующему приложению к документу № 1531⁹ и к депеше посланника в Бухаресте фон Вальдхаузена рейхсканцлеру Т. Бетман-Гольвегу якобы от 16 апреля 1914 г.

Депеша Вальдхаузена – документ знаменитый. Он знаменателен не только своим упоминанием об «обиде» Сазонова, но и весьма характерными ремарками кайзера, ярко оттеняющими интеллектуальный уровень двух кузенов-императоров, Вилли и Ники, и подлинный характер их взаимоотношений. В целях экономии места ограничимся его изложением.

Военный атташе в Бухаресте майор Бронсарт фон Шелендорф в ходе аудиенции у румынского короля Карла I узнал от того об обиде Сазонова на кайзера Вильгельма II. Ему де не сообщили в ходе его осеннего 1913 г. визита в Берлин о предстоящей отправке миссии Лимана фон Сандерса в Турцию. Узнал он об этом уже в Петербурге и «был этим известием просто поражен» (*durch die Nachricht überrascht worden*). Эта неискренность, а вовсе не отправка миссии как таковой (как, по крайней мере, следует из текста документа), и послужила, согласно Сазонову, «до некоторой степени началу ухудшения отношений между обоими правительствами». Именно на эту жалобу Сазонова кайзер начертал на полях: «Бред!» (*Blödsinn!*)¹⁰. Чуть ранее он пишет на полях свою знаменитую ремарку, что он еще весной рассказал обо всем Николаю, а если тот не уведомил своего министра, то это не его, мол, дело. При этом Сазонову достается еще один эпитет – «прожженный лжец» (*der alte Lügner*). Сазонов побывал в Берлине осенью 1913 г., возвращаясь домой после лечения. Вильгельм мог сообщить о миссии Николаю только в мае того же года на свадьбе своей дочери принцессы Луизы; ведь, насколько известно, больше два императора уже не встречались.

Идея приглашения германской миссии была выдвинута министром иностранных дел Турции Г. Норадунгияном втайне от и вопреки мнению военного министра либерального кабинета генерала

Назима паши¹¹ 5 января 1913 г., и первая телеграмма посла Вангенхайма по этому вопросу датирована именно 5 января 1913 г.¹²

Через 18 дней произошел младотурецкий переворот, вернувший их к власти, а Назим-паша был предательски убит. После этого идея приглашения принципиально новой по характеру военной миссии была воспринята новым великим визирем и военным министром, полуставленником-полуоппонентом младотурок маршалом Махмудом Шевкетом-пашой. 2 марта 1913 г. Махмуд Шевкет-паша поставил на заседании кабинета вопрос о приглашении германской миссии. Согласие на этот запрос было получено из Берлина 2 апреля, а сама миссия прибыла в Константинополь 14 декабря.

Но Хальгартен снова допускает странную ошибку. Он помечает депешу Вальдхаузена из Бухареста 16-м апреля 1914 г., между тем как мы хорошо знаем, что она была отправлена 16 июня 1914 г. Еще одна ошибка редакции? Не слишком ли их много для книги столь авторитетного автора, и не имеем ли мы дела с банальным плутовством? Депеша была отправлена в разгар попыток Сазонова (а ранее Николая II) сторговаться с румынами. 16 июня Сазонову уже не было особой нужды сожалеть об ухудшении русско-германских отношений из-за миссии Лимана фон Сандерса. В Констанце и Синае речь шла уже о войне между Россией и Австро-Венгрией. И контекст жалоб Сазонова был совсем другим. А вот 16 апреля, за два месяца до сараевского¹³, албанского и эгейского кризисов, вопрос миссии еще не утратил актуальности. И не хочет ли Хальгартен с подачи своих французских заказчиков акцентировать ее?

Шлейф дальнейших ошибок Хальгартена тянется как хвост кометы, и назвать их все в одной статье невозможно. Укажем только на некоторые. В своих выводах он прикрывается авторитетом Р. Кернера, автора серии статей в «Славоник ревью» 20-х гг., имеющих монографический характер. Но Кернер никогда не говорил, что причина войны – в «турецкой политике Вильгельма II и его военного окружения»¹⁴. Напротив, по его мнению, главный поджигатель – это Сазонов¹⁵. Согласно Хальгартену инициатором отправки миссии Лимана фон Сандерса был военный атташе майор Штремпель, он же¹⁶ выступал и автором идеи продажи Турции линейных крейсеров «Гебен» и «Мольтке», и состоявшаяся продажа (sic!) привела к вступлению Турции в мировую войну¹⁷. Турецкого министра финансов Джавидабея (или Давида, как он его «разоблачает») он считает «представителем еврейской финансовой буржуазии из Салоник»¹⁸.

Но у Хальгартена есть и пассаж, от которого нельзя просто отмахнуться, – это описание борьбы за турецкие заказы двух произво-

дителей артиллерии, немецкого Круппа и французского Шнейдер-Крезо, методами финансового шантажа, инспирированных газетных кампаний и политических провокаций. «Для Франции назначение немца на пост инспектора армии означало окончательное устранение Шнейдера-Крезо от участия в строительстве укреплений Босфора. Компромисс, достигнутый в начале января, вскоре привел к обострению борьбы французского империализма против германской военной миссии. То, чего нельзя было достигнуть политическими средствами, теперь пытались добиться путем финансового давления»¹⁹. Финансовый бойкот Турции, инспирированный Сазоновым и Извольским, чтобы сделать ее сговорчивее в вопросе статуса миссии, совпал с намерениями французов добиться от нее выгодных заказов на перевооружение. Интриги вокруг французского займа длились всю зиму и закончились только в апреле 1914 г. (к которому Хальгартен и относит депешу Вальдхаузена)²⁰.

«В начале февраля 1914 года, – пишет Хальгартен, – в парижской газете “Эко де Пари” появилась поджигательская статья против якобы существующего плана предоставления Круппом Турции двухсотмиллионного займа. Вскоре после этого великий визирь горько жаловался германскому посланнику на то, что Париж наихудшим образом использует финансовые затруднения Турции, оставшейся без средств в результате балканских войн»²¹. В данном случае Хальгартен в принципе прав (кроме технической детали, что займ был бы предоставлен, разумеется, не Круппом, который сам получил бы аванс, рефинансированный одним из уполномоченных Вильгельмштрассе банков).

Привожу эту статью целиком. Думаю, современному читателю будет интересно проникнуться ароматом эпохи 1914 г. и ощутить неприглядную и тогда роль СМИ как рупора власть предержавших. Статья называется «Германское предложение Турции» и подписана инициалами «J. H.».

В Константинополе уверены, что оттоманское правительство в лице Джавида-бея, старающееся прокотировать в Париже первый транш займа в 450 млн франков, получило от Германии предложение другой кредитной сделки.

Турция заключит в Берлине долговое соглашение на 200 млн франков. Значительная часть этой суммы будет выплачена дому Круппа, который получит новые заказы, а остаток будет предоставлен в распоряжение оттоманского казначейства. На первом этапе эта операция не будет называться займом, чтобы держатели облигаций

не могли потребовать их погашения, которое было им обещано в рамках первого транша. Благодаря скорому поступлению ресурсов, которые правительство в Константинополе обеспечит себе подобным образом, оно надеется на несколько месяцев преодолеть трудности своего казначейства. Ситуация в империи, а именно – эпидемия в провинции Ван, побудит турок принять германское предложение, если выпуск займа по парижскому курсу не будет согласован в течение 8–10 дней.

Эта информация, которую одна сторона уже сообщила на прошлой неделе французскому правительству, не вызвала в Париже никаких эмоций. Начиная с того момента, когда заключение мира позволило думать о восстановлении страны, Франция стремилась помочь туркам, однако их проблемы не из тех, что решаются подобными методами. Если Турция поставит оказываемую ей финансовую помощь в зависимость от урегулирования инцидента Лимана фон Сандерса и от проведения армянских реформ, это будет в интересах самой Турции, ибо она не может бесконечно находиться в состоянии неурегулированных отношений с Россией и под постоянной угрозой катастрофы в Восточной Анатолии. Когда наше правительство настаивает, что острова Хиос и Митилена не могут служить поводом к новой войне, оно действует в интересах всего цивилизованного мира; интересах, отрицая которые, Турция ничего не выигрывает. Это хорошо понимают в Константинополе, поскольку там уже говорят, что проблема островов есть проблема чисто дипломатическая. Когда и более сложные проблемы могут быть разрешены подобным образом в момент, когда остается один шаг до того, чтобы уничтожить все, чем являлся все это время французский рынок в качестве единственного средства облегчения бремени, которое несет Турция, – в ее ли интересах ставить все на карту? Нужно ли ей прислушиваться к германским предложениям, принятие которых настроит против нее французское общественное мнение? Нужно ли ей подписывать соглашение, подготовленное в Берлине, что сразу и надолго закроет для нее парижский рынок? Нужно ли ей, словом, чтобы после таких испытаний и таких усилий оттоманское правительство не получило бы ничего, кроме жалкого утешения, изготовленного «во славу прусского короля»? Очевидно, нет. Поэтому не нужно воспринимать германское предложение трагически. Сегодня мы делаем более чем достаточно для того, чтобы повлиять на здравомыслие турок, чтобы не принимать его всерьез.

Остается только один вопрос, который требует прояснения. Как германская группа, которая, как известно, шагу ступить не может без поддержки Вильгельмштрассе, могла предложить Блистательной Порте аванс, явным образом имеющий целью увеличить риск конфликта на Востоке? Могло ли быть сделано подобное предложение без одобрения имперского правительства? В таком случае непонятно, чего могли бы стоить подобные обязательства? Или они были бы выпущены по принудительному курсу при официальной поддержке? В таком случае возьмем себе на заметку, что в глазах германской дипломатии интересы импорта Круппа порой стоят выше интересов сохранения мира²².

В принципе статья и правда «поджигательская». Более того – дуэльная. И дуэль, только не между журналистами и бенефициарами, а между государствами, и разразилась ровно полгода спустя. Но мы хотим привести пример еще одной поджигательской статьи, вышедшей ровно через месяц после этой и тоже направленной против миссии Лимана фон Сандерса, а вернее сказать, против него лично. Вокруг этой второй статьи до сих пор не рассеяно облако какой-то мутной отвратительной интриги, инициированной, судя по всему, одновременно в Париже и Петербурге. Тем удивительнее, что этот воистину «бред» по сей день служит источником вдохновения некоторых историков.

В книге под броским названием «Босфор: Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны» историк-турколог В. И. Шеремет, опираясь, по его собственному утверждению, на донесения русского морского агента капитана 2-го ранга А. Н. Щеглова, делает фундаментальное научное открытие:

До сих пор оставалось загадкой как для современников, так и для историков сегодня, почему вдруг собрался и в двадцать четыре часа покинул Турцию главный советник младотурок по военным вопросам германский генерал К. Лиман фон Сандерс, окруженный почетом и уважением, причем вполне заслуженно. Тайну его практически бегства прояснил Щеглов в своей очередной депеше на Дворцовую, 6. Жена и дочь генерала неосмотрительно затеяли прогулку на азиатском берегу Босфора. Вдвоем, без сопровождения и охраны... Женщины были изнасилованы туземными солдатами. Эта депеша Щеглова оказалась столь высокого уровня засекречивания, что появилась на свет из хранилища только в 1992 г.

И не было ни военной, ни дипломатической тайны в смене германских советников в Стамбуле. Была глубокая личная драма. И такие сведения тоже ценны, тем более через 80 лет домыслов и догадок²³.

В данном пассаже все сказанное нуждается в комментариях. Во-первых, загадкой «внезапный» отъезд Лимана фон Сандерса оставался столько лет только для самого Шеремета. Специалистам же хорошо известно, что генерал дважды отбывал из Константинополя: первый раз для доклада кайзеру 16 февраля 1914 г. о результатах работы своей миссии, проблемах, с которыми она сталкивалась, и ее дальнейших задачах,²⁴ второй – в отпуск в апреле, из которого вернулся 12 мая, в разгар так называемого дела майора Кубеля²⁵.

Во-вторых, Лиман фон Сандерс отнюдь не был окружен по прибытии в Турцию «почетом и уважением», а, напротив, умудрился сразу настроить против себя всех кого только можно: немецких офицеров, членов бывшей военной миссии генерала фон дер Гольца, военного атташе майора фон Штремпеля, военное руководство Турции, дипломатический корпус, включая послов Германии и Австро-Венгрии, Вангенхайма и Палавачини. Бестактное, а порой просто вызывающее поведение генерала создало вокруг него в дипломатическом обществе в Константинополе атмосферу скандала и нетерпимости, не уступавшую по своей напряженности дипломатическому кризису, разыгравшемуся зимой 1913–1914 гг. в русско-германских отношениях на межгосударственном уровне по поводу его миссии в целом.

В-третьих, не было и не могло быть никакой смены германских советников в Константинополе. Лиман фон Сандерс оставался на своем посту до начала Первой мировой войны, в ходе которой он занимал высшие командные посты в турецкой армии вплоть до самого ее окончания. В-четвертых, первое имя Лимана фон Сандерса было Отто, а Карл (что, очевидно, предполагалось под инициалом «К.») было даже не вторым, которым было Виктор, а третьим. И в историю Лиман фон Сандерс все-таки прочно вошел с именем Отто.

Но квинтэссенция истории состоит, конечно же, в ее криминальной подоплеке – в сексуальном насилии над женой и дочерью генерала. При этом из текста книги Шеремета совершенно очевидно, что эта «история» глубоко поразила обоих «знатоков Востока»: и самого Шеремета, и его «информатора», Щеглова, о «разведывательных способностях» которого Шеремет был столь высокого мнения. Отбросим налет сенсации и попытаемся разобраться в сути данной истории. Реальная «ценность» разведдонесения «рыцаря плаща и кинжала» Щеглова о насилии над женой генерала в глазах посвященных состояла в том, что к тому времени Лиман фон Сандерс уже давно был вдовцом²⁶. Накануне назначения главой военной миссии к 25-летнему юбилею правления кайзера Вильгельма II ему было по-

жаловано дворянство, и только тогда он присоединил к своей фамилии – Лиман²⁷ – родовое имя своей *покойной* жены – фон Сандерс. В принципе, для историков этот вопрос уже давно не представлял никакого секрета, будучи освещен в донесении английского военного атташе в Берлине²⁸.

Вероятно, именно осведомленность об этих фактах из других (более достоверных) источников и побудила ответственных лиц на Дворцовой площади, б²⁹ упрятать донесение Щеглова надолго под сукно (присвоив ему «высокий уровень засекречивания»), где его спустя 80 лет откопал-таки исследователь Шеремет.

«Откопав» подобный источник, Шеремет как исследователь, в соответствии с общепринятыми правилами научной дисциплины, должен был бы его атрибутировать – указать архив, фонд, опись, дело, лист. Однако по какой-то причине он этого не делает. Перечень источников – архивных материалов и опубликованных документов и историографии – указан в конце книги. В других случаях атрибуция архивных источников указывается четко, а ряд архивных документов приводится в приложении. Читателю предлагается верить историку на слово, тем более что «история» ведь и в самом деле презанимательная. Однако подозрения, что «разведка доложила неточно!», остаются, и поскольку из книги Шеремета понять, кто виноват, мы не можем, то подозрения падают на обоих: и на Щеглова, и на Шеремета. Но на каждого по-разному.

Если военно-морской атташе в Константинополе капитан 2-го ранга Щеглов, возможно, и черпал «разведывательную» информацию из сомнительных источников (пока не доказано!), то бывший член Ассоциации ветеранов разведки и контрразведки, историк-востоковед Шеремет допускает очевидную ошибку. Потому что разобратся в сути произошедшего с генералом Лиманом в действительности для историка (и даже для разведчика) не составляло ни малейшего труда. Для этого достаточно было бы открыть любую из немногих специальных работ, посвященных истории германской военной миссии, тем более что в библиографии Шеремет указывает книгу американского историка Ф. Вебера.

Вопрос состоит в том, как и для каких целей он использовал факты, приводимые в ней? А в ней сообщается, что какой-то инцидент и в самом деле произошел на одной из стамбульских улиц между *двумя дочерьми* генерала Лимана и группой забывших о дисциплине турецких солдат, праздно слонявшихся возле офиса миссии и оказавших повышенное внимание двум молодым немкам. Вебер пишет, что

солдаты к ним «приставали» (*his daughters were molested*)³⁰. Однако далее он говорит, что французский журналист, почувствовав запах скандала, поместил заметку, что дочери Лимана были изнасилованы. Возбешенный генерал ворвался в редакцию и, наставив на незадачливого писаку револьвер, потребовал опровержений и извинений, что тут же и было исполнено. Другой американский историк Ч. Хэйли называет имя этого корреспондента – Депрэ (*Desprez*) и газету – парижскую «Матэн» («*Le Matin*»), но при этом пишет, что в и заметке говорилось только о том, что «к дочерям приставали» (*harassed*)³¹.

Разумеется, у современного читателя не может не возникнуть вопрос, а могло ли вообще быть возможным приставание «туземных солдат» к европейским женщинам в Константинополе зимой 1914 г.? Оказывается, вполне могло.

Корреспондент журнала «Нью Эйдж» М. Пиктхелл в своей книге «С турками во время войны» дает характерную зарисовку нравов европейской части Константинополя – Перы зимой 1912-1913 гг., то есть ровно за год до периода, который нас интересует. «Радость созерцания прекрасных видов значительно омрачается несносным поведением населения, которое, как бы модно ни было одето, кажется, целиком состоит из постыдных и одиозных личностей. Для них ничего не составляет столкнуть вас плечом с мостовой или, грубо схватив руками, оттащить в сторону. Ни одна женщина, как уверяли меня и турецкие, и европейские дамы, как бы скромны ни был ее внешний вид, не может избежать риска подвергнуться оскорблениям на этих улицах. Стамбулу (т. е. турецкой части города. – Р. С.) в этом отношении следует отдать решительное предпочтение. [...] Пера и ее сосед Галата – это огромный источник заразы, который угрожает Турции разложением»³². Население Перы состояло в основном из греков, армян и левантинцев³³. Офис германской военной миссии располагался в Пера в нескольких кварталах от высокого помпезного здания германского посольства, и, согласно Веберу, злополучный инцидент и произошел в Пера, а не на азиатской стороне Босфора. Но об азиатской стороне речь еще впереди...

Из книги Вебера, вышедшей на двадцать пять лет раньше книги Шеремета, пошла также гулять в историографии версия о заметке об изнасиловании немецких женщин. Но это такая же ложь, как и та, что содержится в якобы донесении Щеглова, изложенном Шереметом. Указание Хэйли помогло найти искомую заметку. Ввиду ее исключительной роли в нашей истории приведу ее целиком.

Заголовок: «К дочерям генерала фон Сандерса приставали турецкие солдаты».

«Константинополь, 3 марта. – Телеграмма собственного корреспондента “Матэн”. – Во время прогулки у тихих вод Азии дочери Лиман-паши, главы германской военной миссии, сопровождаемые германскими офицерами, стали объектом нападения со стороны нескольких турецких солдат.

Различные версии циркулируют по поводу этого нападения, которое вызвало сегодня демарш Лиман-паши перед великим визирем».

Подзаголовок внутри заметки: «Нападавшие расстреляны».

«Берлин, 3 марта. – От собственного корреспондента “Матэн” (по телефону).

Согласно телеграмме из Константинополя в “Локаль Анцайгер”, трое солдат, которые сегодня приставали к дочерям генерала Лиман фон Сандерса, расстреляны»³⁴.

Первое впечатление, которое возникло у автора после прочтения заметки, было – жалкая газетная утка. Второе – грязная провокация. И ключевым моментом второго было даже не совпадение дат, которые должны были бы расходиться на сутки, а упоминание германских офицеров, якобы сопровождавших молодых женщин. Ведь как ни относиться к нашему противнику в двух мировых войнах, никогда ни под каким видом невозможно представить, чтобы германские офицеры допустили в своем присутствии «приставание» турецких солдат к дочерям их генерала (да и просто к европейской женщине).

Достоверность всей этой истории вместе с возмущением, что Лиман фон Сандерс поддался на гнусную провокацию, была оспорена по горячим следам в телеграмме посла Вангенхайма в МИД от 21 марта 1914 г. Вангенхайм писал, что все было понятно изначально, и саркастически добавил, что «единственной оставшейся неясной вещью во всей этой истории был револьвер в руке ротмистра Мюльмана» (пистолет, оказывается, приставлял к голове писаки не сам Лиман, а его адъютант)³⁵.

Поскольку Шермет по какой-то причине не указал точное наименование своего источника, ознакомиться с подлинным текстом донесения Щеглова (или убедиться в его наличии в принципе) для целей настоящей статьи не представляется возможным. Не желая обвинять автора в худшем – в искажении источника (хотя подозрение в этом присутствует), рискнем предположить, что морской агент Ще-

глов, не разобравшись в ситуации, мог связать заметку из «Матэн», о которой ему каким-то образом стало известно³⁶, со слухами о предстоящем отъезде высшего чина германской миссии. Но «внезапно уехал» из Константинополя не генерал Лиман, а майор Штремпель, германский военный атташе и одновременно начальник штаба военной миссии, и уехал по причине острого конфликта с Лиманом фон Сандерсом³⁷. И отбыл он в марте, а Лиман отъезжал в Берлин в феврале, в то время как пик дипломатического кризиса пришелся на декабрь-январь. Но что никак не укладывается ни в какие умозаключения и чего уже не спросить ни со Щеглова, ни с Шеремета – это то, каким образом одна из дочерей генерала преобразовалась в его покойную супругу? Ясно, что кто-то из них двоих вводит в заблуждение, что никак не служит к чести обоих «разведчиков»³⁸.

Теоретически из книги Вебера Шеремет должен был знать, что Лиман фон Сандерс после целой серии конфликтов и скандалов, «последней соломинкой» в которой был газетный инцидент, несмотря на намерения, так никуда и не уехал, а продолжал работу в миссии³⁹. Впрочем, справедливости ради отметим, что Шеремет и не связывает причину отъезда Лимана с развязкой дипломатического кризиса. Он связывает его с пресловутым изнасилованием, а не просто со скандальным происшествием. *Но об этом он мог узнать только из книги Вебера.* Ибо для Щеглова, будь он даже знаком с заметкой Депрэ, никакого «изнасилования» не существовало (если только он сам его не выдумал).

Разумеется также, что для Щеглова в помине не могло существовать никакой «жены генерала», ибо он прекрасно видел, что на протокольных мероприятиях дипломатического корпуса и просто на прогулках по городу Лиман фон Сандерс появлялся без жены, скончавшейся восемь лет назад. Для Шеремета же «жена генерала» стала поистине *deus ex machine* для создания эффектной, но насквозь фальшивой конструкции. Но при этом совершенно непонятно редкое совпадение места происшествия в заметке Депрэ и в депеше Шеремета: «тихие воды Азии» и «азиатский берег Босфора». Воистину, точку в этой мутной и крайне неприятной истории ставить рано.

Миссия Лимана фон Сандерса продолжает и поныне влиять на научные выводы в псевдонаучном пропагандистском ключе. На эту приманку попадались и продолжают попадаться и крупные, и только набирающие вес ученые. Последним хочется особенно порекомендовать быть осторожнее – вокруг вопроса о миссии Лимана фон Сандерса очень много лжи⁴⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Великий визирь и военный министр в Османской империи.
- 2 *Wallah J. L.* Anatomie einer Militärhilfe: die preussischen-deutschen Militärmissionen in der Türkei, 1835–1919. Düsseldorf, 1976.
- 3 *Liman von Sanders O.* Fünf Jahre Türkei. Berlin, 1920. S. 9–29; *Адамов Е. А.* (ред.). Константинополь и Проливы. По секретным документам б. министерства иностранных дел. М., 1925. Т. 1. С. 58–83; *Kerner R. J.* The Mission of Liman von Sanders // *Slavonic and East European Review*. 1927–1928. Vol. VI–VII. P. 12–27, 344–363, 543–560; 90–112; *Kroger M.* Letzter Konflikt vor der Katastrophe: Die Liman-von-Sanders-Krise, 1913–14 // *Vermiedene Kriege: Deeskalation von Konflikten der Großmächte zwischen Krimkrieg und Erstem Weltkrieg, 1856–1914*. München, 1997. S. 657–671.
- 4 *Хальгартен Г.* Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны. М., 1961. С. 623, прим.
- 5 *Хальгартен Г.* Империализм... С. 627–628, прим. 6 на с. 627.
- 6 *Хальгартен Г.* Империализм... С. 628.
- 7 *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914*. Berlin, 1926. Bd. 36. T. 2. No 14351. S. 556.
- 8 *Хальгальтер Г.* Империализм... С. 628.
- 9 Документ № 1531 существует в кодексе германских документов, но он представляет собой донесение посланника в Копенгагене барона фон дер Бринкена рейхсканцлеру графу Каприви от 13 октября 1893 г. и находится в 7-м, а не в 36-м томе собрания документов.
- 10 Именно «Бред!», а не «Чепуха!», что совершенно несвойственно грубому стилю Вильгельма и было бы по-немецки «*Unsinn!*».
- 11 Назим-паша отрицательно относился к приглашению военных инструкторов, считая это напрасной тратой скудных средств министерства. Кроме того, он был выпускником французской военной школы Сен-Сир и учеником будущего маршала Ф. Фоша. С другой стороны, бесспорно то, что именно немецкие волонтеры, особенно офицеры-артиллеристы, помогли Назим-паше выиграть сражение за Константинополь (при Чаталдже) 17–18 ноября 1912 г.
- 12 *Die Grosse Politik*. Bd. 38. No 15453. S. 193, Note.
- 13 Автор считает свидание Сазонова, Братиану и прибывшего к ним Пашича зондажем позиции Румынии на случай войны с Австрией на фоне уже известного им плана (по крайней мере двоим из троих участников) убийства Франца-Фердинанда, а поездку Сазонова и Братиану в Трансильванию – гнусной провокацией.

- 14 *Хальгартен Г.* Империализм... С. 628, прим.
- 15 *Kerner R. J.* The Mission of Liman von Sanders. Vol. VII. P. 97.
- 16 Вопрос, где был при этом гросс-адмирал А. Тирпиц, требовавший сосредоточения всех боевых единиц в Северном море и жестко конфликтовавший с кайзером из-за создания Средиземноморской эскадры. Автор явно путает факты – «Гебен» и *легкий крейсер* «Бреслау» были фиктивно проданы Турции уже в ходе войны.
- 17 *Хальгартен Г.* Империализм... С. 626, прим.
- 18 Там же. С. 627.
- 19 Там же. С. 626.
- 20 *Aksakal M.* The Ottoman Road to War in 1914. Cambridge, 2008. P. 80–81, 84–85. Особенно ссылка 118.
- 21 *Хальгартен Г.* Империализм... С. 626.
- 22 Une offre allemande à la Turquie // *L'Écho de Paris*. 2 février 1914. P. 3.
- 23 *Шеремет В. И.* Босфор: Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. М., 1995. С. 41.
- 24 *Fischer F.* War of Illusions. London, 1975. P. 335–336.
- 25 *Haley Ch. D.* The desperate Ottoman: Enver Pasa and the German Empire. Part I: Power politics between the Ottoman Empire, Germany and Italy shortly before World War I // *Middle Eastern Studies*, 1994, January 1. «Дело майора Кубеля» – конфликт между военной миссией и дирекцией Багдадской железной дороги.
- 26 Первая жена Лимана – Амелия, урожденная фон Сандерс (1855–1906). В браке родились три дочери. Вторично генерал женился в 1923 г. на Елизавете, урожденной Альберти (1884–1936).
- 27 Генерал Лиман происходил из семьи крещеных евреев – весьма редкий случай в прусском генералитете. См.: *Kaznelson S.* (ed.) *Juden im deutschen Kulturbereich: ein Sammelwerk*. Berlin, 1959. S. 816.
- 28 Lieutenant-colonel Russell to E. Goschen. Berlin, October 31, 1913 // *British Documents on the Origins of the War 1914–1918*. London, 1926. Vol. X. P. 339.
- 29 Как с особым пафосом и душевным трепетом называет Шеремет почтовый адрес Генерального штаба и военного министерства России, действительно знаменитого здания, творения К. И. Росси.
- 30 *Weber F. G.* Eagles on the Crescent: Germany, Austria and the Diplomacy of the Turkish Alliance, 1914–1918. Ithaca, 1970. P. 49.
- 31 *Haley Ch. D.* The desperate Ottoman...
- 32 *Pickthall M.* With the Turk in Wartime. London; Toronto, 1914. P. 12–13.
- 33 Потомков смешанных браков (часто «временных») европейцев с турецкими женщинами.

34 Les filles de général von Sanders molestée par des soldats turcs // *Le Matin*. 4 mars 1914. P. 3. Опровержения данной публикации автору найти так и не удалось в ходе просмотра буквально всех заметок и объявлений на всех восьми страницах газеты за март 1914 г. Поиски по возможности будут продолжены.

35 *Haley Ch. D. The desperate Ottoman...*

36 Хотя «*Le Matin*» читали и в Петербурге, куда французская пресса доставлялась примерно в то же время, что и в Константинополь.

37 *Fischer F. War of Illusions*. P. 336–337.

38 Разумеется, если Щеглов невиновен, то вина Шеремета удваивается и наоборот.

39 But Liman did not depart, though not only the Pera embassy but also the Berlin Foreign Ministry would probably welcomed his passing. *Weber F. G. Eagles on the Crescent*. P. 49.

40 Например: *Лулева Ю. В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914)*. М., 2010. С. 196, 198.

R. R. Subajev

Liman von Sanders' mission and the Young Turks before WWI

The article focuses on the activities of General Liman von Sanders' military mission in Turkey in the spring of 1914, when the acute diplomatic crisis initiated by it was already over. The provocative techniques of the French propaganda aiming at bringing it into discredit are also dwelt upon. The author shows several mistakes of Russian and foreign studies in history caused by the uncritical approach to the propaganda.

Key words: *O. Liman von Sanders, A. N. Ščeglov, G. Halgarten, V. I. Šeremet, political provocation during the WWI*

М. Э. Клопова
(Москва)

«Больной вопрос». Анкета журнала «Украинская жизнь» 1912–1917 гг.

В статье исследуется проблема восприятия актуальных для украинского движения в России вопросов представителями российских общественных кругов. В центре внимания – ответы на анкету журнала «Украинская жизнь», выходявшего на русском языке в Москве. Ответы позволяют выявить основные противоречия во взаимоотношениях между русской интеллигенцией и представителями украинского движения в России.

Ключевые слова: *украинское движение, общественное мнение, украинский вопрос, русское общество*

В 1912 г. к многочисленным периодическим изданиям Москвы прибавилось еще одно – журнал «Украинская жизнь». Идея издания украинского журнала на русском языке возникла в 1911 г. среди членов украинской секции московского общества славянской культуры¹. Обосновывая необходимость подобного издания, организаторы журнала ссылались на успешный опыт журнала «Ukrainische Rundschau» («Украинское обозрение»), выходявшего с 1903 г. в Вене на немецком языке. Московские украинцы хотели использовать опыт венского издания для решения задач, стоявших перед украинским движением в России. Один из создателей нового журнала А. Ф. Саликовский писал, что «в России нет в настоящее время издания, которое соответствовало бы по своим задачам немецко-украинскому журналу... а между тем, потребность в этом журнале нельзя считать меньшею, чем в Австрии»². В то же время упомянутый венский журнал издавался в принципиально иных условиях. Он выходил при активной поддержке не только официальных кругов Австро-Венгрии, заинтересованных в развитии украинского движения, но также пользовался поддержкой из Германии. Ориентирован он был преимущественно на иностранных читателей, представителей дипломатических и журналистских кругов, являлся печатным органом Украинского клуба в австрийском парламенте и обладал авторитетом не только в Австро-Венгрии, но и за ее пределами. Очевидно, что в российских условиях подобное издание вряд ли было возможно.

Редакция первоначально располагалась на Большой Дмитровке, 14, затем переехала на Новинский бульвар, 103. Интересно, что недалеко, на Арбате, 55, поселился переведенный осенью 1916 г. под надзор полиции в Москву из Симбирска М. С. Грушевский, активно сотрудничавший с журналом с начала его существования³. Официальным издателем и редактором был Яков Андроникович Шеремецинский. В реальности с момента создания журнала основную редакторскую работу выполнял Александр Фомич Саликовский. В 1913 г., когда Саликовский переехал из Москвы в Ростов-на-Дону, где работал в газете «Приазовский край», во главе редакции журнала встал Симон Васильевич Петлюра. После того как Петлюра, работавший в годы войны в «Союзе городов», в 1915 г. переехал по служебной необходимости в Минск, Саликовский вновь возглавил редакцию «Украинской жизни». Список лиц, принимавших участие в работе журнала, содержит 60–80 имен, однако точно установить, кто из перечисленных лиц был постоянным сотрудником редакции, довольно сложно⁴.

И в российской, и в украинской исторической литературе журнал рассматривается преимущественно как издание, задачей которого было развитие украинского национального сознания⁵. В то же время «Украинская жизнь» представляет интерес не только как собственно украинский журнал, но и как явление российской общественной мысли. На его страницах наряду с М. Грушевским, В. Винниченко, В. Липинским, депутатом австрийского парламента Е. Олесницким или молодым журналистом, будущим идеологом интегрального национализма Д. Донцовым публиковались многие российские ученые и общественные деятели, как сочувствующие украинскому движению, так и его противники.

Более того, именно к общероссийской читательской аудитории обращались создатели журнала. В статье «Наши задачи», открывавшей первый номер «Украинской жизни», А. Саликовский важнейшей задачей журнала называл ознакомление широкой российской аудитории с историей и культурой украинского народа, а также современным состоянием «украинского вопроса». Он подчеркивал, что современное российское общество «утратило представление об Украине как о национальном организме и стало трактовать украинство как простой «вариант русской культуры»⁶. Преодоление подобного заблуждения и ставили своей задачей организаторы издания: «“Украинская жизнь” желала бы, в пределах, возможных для нее, пополнить этот пробел, и потому главной своей целью она ставит

ознакомление русского общества и русской прессы с национальными интересами малорусского племени»⁷. В этих словах сосредоточена основная концепция журнала – убедить русского читателя в том, что Украина всегда существовала как самостоятельный «национальный организм» со своими проблемами и потребностями и лишь ход истории заставил забыть об этом. Эту идею была призвана подтвердить статья М. С. Грушевского, опубликованная непосредственно после первой редакционной статьи. Она, несомненно, имела целью создать у читателя ощущение величия Украины: «Перед нами огромная сплоченная территория, единая географически, опирающаяся о море и горные кряжи, прорезанная мощными системами рек. К этому надо присоединить, во-первых, устойчивость коренного населения, сильно растущего, высылающего в сторону свои излишки... в весьма слабой степени принимающего посторонние примеси и сильно ассимилирующего их, а во-вторых, своеобразность и ярко выраженную оригинальность народной культуры, ее законченность и стройность»⁸. Излагая далее свою концепцию истории украинских земель, Грушевский подчеркивал, что благодаря притеснениям со стороны российских властей Украина лишилась государственной самостоятельности и утратила собственную культурную традицию. Обе статьи, Саликовского и Грушевского, вкуче можно рассматривать как манифест нового издания. Украинский народ не только существует как самостоятельный участник исторического процесса, не только обладает развитой культурой и уже во многом сформировавшимся языком, но и имеет большой политический и культурный потенциал. Более того, национальные интересы «малорусского племени» не тождественны общерусским интересам. Интересно, что Саликовский употребил понятие «малорусское племя», что было более привычно русскому читателю, но вызывало критику со стороны сторонников украинского национального движения.

Организаторы журнала обращались к «русскому прогрессивному обществу», хотя сам Саликовский признавал, что выражения «прогрессивное общество», «передовая интеллигенция» слишком широки, неопределенны и расплывчаты, чтобы можно было применить к ним единую характеристику. Отсутствие единства в русском обществе Саликовский проиллюстрировал конкретным примером: «...наряду с империалистом Струве, считающим украинство вредною интеллигентскою выдумкой, вы встретите в этой партии членов союза автономистов-федералистов. Вслед за лидером кадетов, выступающим против украинизации народной школы, следует...

тот же лидер, заявляющий с думской трибуны, что родной язык в украинской школе необходим»⁹. Особенно отмечалось негативное отношение к украинскому движению со стороны российской социал-демократии и ее полное невежество в этом вопросе¹⁰. Отмечая, что «интеллигенция, не исключая ее литературных представителей, проявляет крайне смутное знакомство с украинским национальным возрождением и его историей», Саликовский предпринял попытку определить рамки этого незнания и одновременно выяснить, насколько вообще украинский вопрос представляет собой интерес для «русского прогрессивного общества». Он предложил читателям журнала ответить на составленную им анкету. Среди представителей «русского прогрессивного общества», которому она была адресована, анкета вызвала заметный интерес. Свои ответы прислали такие видные общественные деятели, как философ, правовед, публицист, создатель «Партии мирного обновления» князь Е. Н. Трубецкой, один из создателей Конституционно-демократической партии князь Д. И. Шаховской, активный деятель той же партии, депутат I Государственной думы В. П. Обнинский, социал-демократ А. В. Луначарский, государственный и общественный деятель С. Д. Урусов. На вопросы анкеты ответили крупные ученые, филологи Ф. Е. Корш и И. А. Бодуэн де Куртенэ, экономист М. И. Туган-Барановский. Отозвался на анкету «Украинской жизни» и М. Горький. Свои ответы прислали и другие представители «прогрессивного общества». Всего опубликовано было 14 ответов.

Степень знакомства с украинским вопросом среди приславших ответы на анкету была различной. Отвечая на первый вопрос анкеты, «Интересовались ли вы украинским вопросом? В чем выражался и выражается интерес?», М. Горький, например, написал, что с украинским вопросом знаком недостаточно, чтобы ответить на подробные вопросы анкеты¹¹. В негативном ключе высказался кн. Е. Н. Трубецкой, для которого «самый вопрос о существовании украинской национальности подвержен сильному сомнению». По его мнению, «мы здесь имеем два разветвления одного русского народа и два очень близких наречия русского языка»¹². В основном же отвечавшие признавали не только существование украинского вопроса, но и его значимость для всего общества. Так, К. К. Арсеньев, редактор «Вестника Европы», отметил, что «не изучая его (украинский вопрос. — М. К.) подробно, видел в нем одну из важнейших сторон общего вопроса о народностях, населяющих Россию»¹³, а Д. И. Шаховской высказал убеждение, что «ни один сознательно живущий русский не

может не интересоваться украинским вопросом»¹⁴. Говоря о времени возникновения интереса к украинскому вопросу, многие отметили, что интерес этот возник годы учебы в гимназии или университете. Так, Н. В. Чехов, педагог, деятель земского движения, отметил, что «знал о существовании украинского вопроса еще в гимназии. Он был связан с моими славянофильскими тенденциями, которых я не чужд до сих пор. С годами в университете и в земской работе этот интерес укрепился еще более»¹⁵. В юности с украинским вопросом познакомились и С. Д. Урусов, Ф. А. Корш. «Не чуждым украинскому народу» считал себя видный экономист М. И. Туган-Барановский: «В ранней юности и на университетской скамье чувствовал себя украинским патриотом, затем несколько охладел к украинству и теперь скорее чувствую себя вообще русским»¹⁶. О возникшей еще в ранней юности привязанности к Украине писал А. В. Луначарский. Он «еще гимназистом перечел всю значительную украинскую литературу, с трепетом восторга вслушивался в музыку несравненно-го Кобзаря, жил, можно сказать, в атмосфере чудной малорусской песни и являлся усердным посетителем украинского театра с его гениальными комиками и его царственным талантом – Зеньковецкой»¹⁷. Существенную роль в формировании интереса респондентов, например, Д. И. Шаховского, к украинскому вопросу сыграли статьи А. Н. Пыпина, опубликованные в возглавляемом им «Вестнике Европы». О том же написал К. К. Арсеньев, который, будучи «товарищем Пыпина по редакции, не мог не интересоваться украинским вопросом»¹⁸. В. П. Обнинский познакомился с украинским вопросом в ходе заседаний I Государственной думы. При этом практически все респонденты на вопрос о знакомстве с современной украинской литературой и деятельностью украинских научных и культурно-просветительских организаций ответили отрицательно. Исключением стал Ф. А. Корш, который признался, что более или менее знаком с современной украинской литературой и имеет понятие о «культурных учреждениях современной Украины на стремления и чаяния украинцев российских»¹⁹.

Большинство авторов отметили, что существование отличительных особенностей, которые «выделяют украинцев из среды других славянских народов, в частности отличают от державной народности – великороссов» (второй вопрос анкеты), у них не вызывает сомнения. По мнению Д. И. Шаховского, сама постановка вопроса вызывает удивление, поскольку наличие подобных особенностей совершенно очевидно. С. Д. Урусов отметил, что «в народном, а осо-

бенно в простонародном сознании особенность эта подчеркнута чрезвычайно наглядно»²⁰. Ф. А. Корш отметил отличия украинцев «в языке, физическом складе, особенностях духовных, бытовых чертах», Н. В. Чехов назвал «самую важную отличительную особенностью украинцев их национальную психологию, совершенно отличную от великорусской, польской и всякой иной славянской». Также психологию украинцев, особенности их мировоззрения, и прежде всего своеобразный юмор, отметил А. В. Луначарский. И. А. Бодуэн де Куртене настаивал на том, что основным критерием для определения степени самобытности народа является его язык, и современный украинский язык дает достаточно оснований говорить о существовании самостоятельного украинского народа²¹. Туган-Барановский, отметив, что «общие суждения об обширных общественных группах всегда гадательны и субъективны», не стал выделять какие-либо отличительные особенности украинцев.

Ряд вопросов анкеты касался таких актуальных, поднимавшихся в прессе и обсуждавшихся на заседаниях Государственной думы, проблем, как введение украинского языка в школу, а также в делопроизводство и судебную практику. На вопрос о целесообразности создания украинской школы авторы ответов высказались достаточно единодушно. Практически все были согласны с необходимостью введения украинского языка в начальной школе. Н. В. Чехов подчеркнул, что «начальная украинская школа – это просто необходимое условие школы, правильно поставленной в педагогическом отношении. Украинская школа должна и может быть двуязычной, так же, как это необходимо для еврея, татарина, латыша в России». Стоит отметить, что Чехов имел опыт преподавания в школах Екатеринославской губернии и таким образом, ближе других был знаком с проблемой обучения детей, для которых русский язык не являлся «материнским языком». С ним были согласны и Корш, и Арсеньев. Д. И. Шаховской, согласившись с необходимостью создания украинских школ, заметил, что особого внимания при обсуждении этого вопроса заслуживает соотношение русского и украинского языков в таком учебном заведении. Украинский язык в народной школе не вызывал возражений и у автора, скрывшего свое имя под псевдонимом «Журналист»: «...школа, народная, в которой дети говорят и учатся на чужом языке, вздор. Хохлацким детям нужен хохлацкий букварь»²². Е. Н. Трубецкой, считая преподавание украинского языка в школе «полезным и даже необходимым», все же настаивал на единстве школы. Если преподавание украинского языка в началь-

ной школе большинством признавалось желательным, то вопрос о средней и высшей школе вызвал большой разброс мнений. Если Арсеньев и Туган-Барановский считали, что создание «всех типов высшей школы» желательно, то «Журналист» прямо заявил, что «хохлацкий университет стал бы центром хохлацкого движения». Н. В. Чехов подчеркнул, что «создание украинской средней и высшей школы должно быть не орудием, а результатом национального возрождения». Это отметил и Ф. А. Корш, по мнению которого, против «введения украинского языка в средние и высшие учебные заведения Украины» трудно возразить, однако здесь не стоит «упреждать естественный ход вещей из подражания Галиции». Вообще галицийский опыт украинского движения и степень его влияния на украинское движение в России респонденты оценивали достаточно высоко. Туган-Барановский придавал «первенствующее значение в украинском возрождении образованию культурного центра за пределами России». Ф. А. Корш, также отмечая высокую степень влияния галицийского украинского движения, предостерегал его российских участников от «слепого увлечения этим зарубежным примером». В вопросе о применении украинского языка в суде, церкви, «государственных и общественных установлениях» авторы ответов также придерживались различных позиций. Если Трубецкой был убежден в том, что «язык в государственных и общественных установлениях должен быть понятный всему населению. Этому требованию соответствует великорусское наречие русского языка», то Н. В. Чехов был убежден в том, «что родной язык в суде необходим», и ссылаясь на печальный случай, когда из-за непонимания судом слов свидетелей «ряд лиц провели даром более года в тюрьме». При этом оба основывались на личном опыте: Трубецкой некоторое время выполнял обязанности присяжного заседателя в Киеве, а Чехов, как уже отмечалось, работал в Екатеринославской губернии. Говоря о наиболее актуальных задачах, стоящих перед украинской интеллигенцией, практически все отвечавшие на вопросы анкеты отметили необходимость культурной работы, просвещения и, как написал Д. И. Шаховской, «непосредственного обслуживания народных потребностей». Шире других сформулировал задачи украинской интеллигенции Н. В. Чехов: «заставить русское общество уважать себя как культурную силу и считаться с собой как с силой политической». Большинство же отвечавших предостерегали представителей украинской интеллигенции от чрезмерного увлечения политической деятельностью.

Другие вопросы анкеты касались таких вопросов, как политика государства в отношении украинского народа, в том числе меры, направленные на его ассимиляцию и денационализацию. Авторы ответов единодушно заявили о своем негативном к ним отношении. Прежде всего, денационализацию большинство авторов считали антикультурным проектом, вредным как для украинского народа, так и для Российской империи в целом. С. Д. Урусов, по его самоопределению, «консерватор-националист», отметил, что, относясь «бережно и любовно к охране национального культурного богатства», любит встречать такие же чувства у представителей других народностей, особенно тех из них, «с которыми связан единством интересов государственных и международных». Именно поэтому он рассматривал «возможность поглощения украинского национального коллектива другой народностью как явление печальное и совершенно нежелательное. Это было бы проявлением слабости и разложения, а я желал бы видеть все народности, входящие в состав российского государства, сильными духовно и материально». Ф. А. Корш, отметив, что украинская культура доказала свою жизнеспособность, высказал убеждение в том, что «всякая жизнеспособная народность привносит нечто свое в общечеловеческую культуру, исчезновение такой народности под напором внешних сил есть прямой ущерб для человечества». В вопросе об ассимиляции респонденты также высказались единодушно. Общее мнение можно выразить словами Е. Н. Трубецкого, который, несмотря на свое негативное отношение к украинству, отметил, что попытки ассимиляции не только вредны, но и бессмысленны. Более того, практически все авторы опубликованных ответов, вне зависимости от их отношения к украинскому движению, были единодушны во мнении, что именно грубая, неуклюжая политика властей создает предпосылки для развития сепаратистских настроений среди украинцев. Как писал Бодуэн де Куртенэ, «все насильственные государственные меры приносили до сих пор самые плачевные результаты, конечно, не с точки зрения личных выгод притеснителей, а с точки зрения общественной и государственной пользы. Такие меры являются самым действенным подстрекательством и провокацией». В этом же ключе высказывался и Е. Н. Трубецкой. Он был убежден, что «если русский народ сведется к одним великороссам, а из великороссов за русских будут признаваться только чиновники и помещики, то ничего кроме разрушения России отсюда не произойдет. Если бы я поверил этим господам, что русский народ олицетворяется ими и только ими, я бы, может быть,

тоже поспешил провозгласить себя отдельной нацией. Нет ли такого же оптического обмана в современном украинском движении?» Подобные опасения высказывал Д. И. Шаховской, отметивший, что «у угнетенных народностей еще легче, чем у народностей привилегированных, может развиваться одностороннее развитие узко-национальных чувств». М. Горький также был склонен видеть причиной «отщепенства» политику государства в отношении всего русского общества, поскольку «ни одна страна не выбрасывает прочь столь огромного количества “лишних” людей, как наша Русь». По его убеждению, «русский народ всегда понимал необходимость областной самостоятельности, областного самоуправления; современные “сепаратизмы” являются оправданным историей, естественным стремлением к свободе деяния». «Наиболее нормальными, справедливыми и желательными в интересах России как целого и Украины как части» (так был сформулирован пятнадцатый, последний вопрос анкеты) формами взаимоотношений русского государства и его украинского населения должны были стать, по мнению большинства отвечавших, те или иные виды национально-культурной автономии. С. Д. Урусов видел будущее России как совокупность «автономных областей с широко развитым самоуправлением, с самостоятельным законодательством местного характера, с представительством в общих законодательных учреждениях и с равными для всех правами на участие в составе центрального правительства». Об автономии и одновременном развитии всех форм самоуправления писали также Шаховской, Туган-Барановский. Одновременно неоднократно высказывалась мысль о том, что только общие для всего государства демократические преобразования сделают возможным осуществление украинских стремлений. Эту мысль четко выразил Н. В. Чехов: «...в интересах Украины жить одной общей политической жизнью со всей Россией, добиваться того лучшего строя, при котором только и возможно осуществление национальных стремлений». В том же ключе прозвучали и слова Е. Н. Трубецкого о том, что подобный разговор «имеет смысл только на почве всеобщего освобождения всех племен и наречий России – от внутренних монголов». В условиях самодержавия никакие успешные преобразования в области межнациональных отношений не осуществимы – эта мысль была общей для всех отвечавших.

Вопрос, имевший особое значение для составителей анкеты, был сформулирован следующим образом: «Усматриваете ли вы достаточные основания для высказываемых иногда в украинской пе-

чати по адресу представителей прогрессивного русского общества в равнодушном, неприязненном, предвзятом отношении к украинским национальным интересам?». Вопрос этот вызвал живую реакцию среди отвечавших. Одним из первых на него ответил М. Горький, чья статья «О русской интеллигенции и национальных вопросах»²³ была опубликована одной из первых. Горький в молодости бывал на Украине, состоял в переписке с украинскими писателями, в том числе с М. Коцюбинским, однако заявил, что с украинским вопросом знаком недостаточно, поэтому в статье речь шла не об украинском вопросе и даже не об отношении к нему со стороны русского прогрессивного общества, а именно о самом русском обществе. Горький, озабоченный ростом националистических настроений в России, особенно заметных на фоне приближавшегося 300-летия Дома Романовых, был убежден, что «шум о великой России... направлен против одной из немногих устойчивых традиций нашей демократической интеллигенции... способен задержать благодатный рост сознания русским народом единства его политических задач». Он вообще выразил сомнение в том, что государство полностью сложилось: «... иначе зачем бы проповедовать необходимость построения “Великой России?”»²⁴ Заостряя свою мысль, Горький высказался еще резче: «... государства, пожалуй, еще нет, просто “Митька брюхом навалился” на огромную землю, сам, сверху, придавлен к ней, и, будучи лишен свободы движений, свободы деяний, изнывает в тоске и в мечтах»²⁵. Писатель высказал глубокое убеждение в том, что «русский интеллигент-демократ никогда не считал себя человеком, призванным командовать племенами, входящими в состав его империи»²⁶. Главнейшей из традиций демократической интеллигенции он считал отказ от эгоистических национальных претензий ради борьбы за единое общее дело. По мнению Горького, «проповедь национализма в эпоху гигантских интернациональных организаций капитала» нелепа сама по себе. Статья, а она была опубликована также и в газете «Русское слово», вызвала неоднозначную реакцию, была многими не понята. Журналист Амфитеатров, многолетний корреспондент Горького, писал: «Имею на Вас некоторый зуб за Вашу статью во славу малороссов. Давай им бог всякого здоровья, успеха, равноправия, многоправия, гениальных государственных людей и литераторов, но свое-то племя за что же принижать? И уж если проповедовать подобное, то надо кафедру подмостить посолиднее, чтобы историческое доказательство было ясно и твердо, а то выходит какая-то отсебятина по капризу»²⁷. Сам Горький в письме к Коцюбинскому признавался: «...»

статью для “Украинской жизни” я написал плохо, и это мне стыдно. Но как меня ругают за нее патриоты великорусские!»²⁸ Статья Горького, столь неоднозначно воспринятая русскими читателями, одновременно противоречила принципиальным установкам не только сотрудников «Украинской жизни» или иных деятелей украинского движения, но и взглядам представителей других национальных движений, для которых борьба за национальные права принципиально была важнее борьбы против «общего врага, вполне определенного для “хохла”, “кацапа” и “ягута”»²⁹. В качестве примера можно привести слова В. Жаботинского, одного из лидеров сионистского движения в России: «... для нас, инородцев, все освободительное движение, вся перспектива обновления России имеет смысл лишь поскольку она несет нам нашу национальную свободу»³⁰. Таким образом, Горький практически доказал правоту тех украинских деятелей, кто считал невозможным полноценное сотрудничество с «русским прогрессивным обществом».

Сотрудничество М. Горького с журналом «Украинская жизнь» продолжились и в дальнейшем. В декабре 1916 г. в редакции журнала состоялась встреча Горького с видными представителями украинского движения, такими как М. С. Грушевский, В. К. Винниченко. Об этой встрече остались воспоминания одного из ее участников – филолога А. Е. Крымского, опубликованные уже в 1940 г. Крымский вспоминал, что «в начале своей речи он (Горький. – М. К.) говорил об ужасах империалистической войны, о политическом положении России. Сейчас, сказал Горький, бушует война, гибнут сотни людей, всюду всеобщее озверение и одичание». Далее Горький, говоря о том, что «украинский народ переживает сейчас великую драму, царские палачи не дают развиваться сейчас языку, литературе, творчеству»³¹, перешел к практической части своего выступления, предложив создать своего рода украинскую энциклопедию, где «ознакомить в популярной форме с прошлым украинского народа, с его настоящим, залитым слезами и кровью. Нужно ярко и красочно отобразить думы, стремления и чаяния украинского народа, настоящих народных героев»³². В это время издательство «Парус» уже готовило сборник произведений украинской литературы, и Горький стремился развить это начинание. Однако на участников встречи, особенно М. Грушевского, планы Горького не произвели сильного впечатления³³, и в конечном итоге они не были реализованы.

О причинах сдержанного или равнодушного отношения «передовой русской интеллигенции», а именно русских марксистов, к

украинскому вопросу написал в своей статье, также являвшейся ответом на анкету журнала, А. В. Луначарский³⁴. Он признал, что упрек справедлив, «марксисты относятся с известной подозрительностью ко всякому проявлению национализма. Но дело в том, что для этой подозрительности у них есть весьма законные и благородные причины». С одной стороны, это «недоверие людей, имеющих уже великую цель, требующую напряжения всех сил и опасаящихся растраты этих сил на цели побочные, быть может, при известных условиях парализующие единство стремлений того класса, в котором они видят носителя всеобщего освобождения». С другой – это недоверие к двум группам, являющимся движущей силой национального возрождения: интеллигенции и торгово-ремесленной мелкой буржуазии, поскольку само национальное возрождение быстро вырождается в борьбу за корпоративные интересы этих групп. В результате интеллигенция пользуется «всею накопившейся ненавистью долголетнего подавления, чтобы вырыть пропасть между своим народом и остальным миром, они разжигают культурный сепаратизм и воспитывают смешное и вредное самодовольство всяким доморощенным продуктом». Для «мелкобуржуазных националистов» национализм «оказывается почти сплошь организацией мелких и микроскопических капиталов для конкуренции с себе подобными». Луначарский отметил, что в современном украинском движении вполне заметны именно эти вызывающие настороженность моменты. При этом Луначарский считал недальновидным отказ от сотрудничества с наиболее прогрессивными представителями украинского движения. По его мнению, в программу РСДРП должен быть включен и ряд культурно-национальных требований. Определенную справедливость обвинений со стороны представителей украинского движения в адрес русского общества отметил, в частности, Бодуэн де Куртенэ. Пренебрежительное отношение к украинскому движению он объяснял спесью «державной национальности»³⁵.

С. Д. Урусов, отметив, что неприязни в русском обществе по отношению к украинским требованиям он не видит, признал, что упрек в равнодушии заслужен, и равнодушие это вызвано в значительной степени малой информированностью русского общества. Он задался вопросом, существуют ли вообще в русском обществе враждебные украинским интересам поползновения. По его мнению, «Русский национальный союз» не может считаться выразителем ни национального духа, ни национальных традиций, поскольку является «разноплеменной группой, связанной лишь личными интересами

и поддержкой правительства». Политика, вдохновляющая «помянутый союз», по мнению Урусова, не только не является проявлением русского духа, но и является ему чуждой. При этом он отмечал, что «искусственно возбуждаемое антинациональное движение представляет собой известную опасность для России как целого государственного организма»³⁶.

На общем фоне неожиданно выглядит позиция Н. В. Чехова. По его мнению, «украинская печать права, обвиняя русское общество в равнодушном, пренебрежительном и неприязненном отношении к украинским интересам. Оно существует, и оно гораздо значительнее, чем кажется». По его убеждению, социал-демократы «и все примыкающие к ним сторонники материалистического взгляда на историю и политику» отбрасывают все национальные и религиозные идеи как не вписывающиеся в их идеологию. В свою очередь «либералы всех мастей» (Чехов имел в виду кадетов, прогрессистов и левых октябристов. – М. К.) стремятся к решению своих политических задач, а именно к захвату власти. В случае успеха либералы станут такими же государственниками, как их предшественники. Чехов подчеркнул, что русским либералам, государственникам по своим убеждениям, «чужда идея свободной федерации национальностей, а вне ее национальный вопрос не может быть разрешен»³⁷. Правые к национальным движениям народов империи всегда относятся отрицательно. В результате среди сочувствующих национальному украинскому движению Чехов называет только часть эсеров, анархистов, а также представителей уже практически сошедшего с политической сцены народничества. Мысль, высказанная Чеховым, радикально отличалась от мнения большинства отвечавших, однако вполне соответствовала внутреннему убеждению сотрудников «Украинской жизни», прежде всего С. В. Петлюры, с 1913 г. ставшего во главе издания. В отличие от Саликовского, убежденного в возможности сотрудничества с русской либеральной интеллигенцией, Петлюра в этом вопросе был настроен пессимистично. Видимо, именно подобное настроение редактора стало причиной того, что публикации ответов на анкету в начале 1914 г. прекратились. По словам редакции журнала, в редакционном портфеле находился еще ряд анкет, содержавших «ответы членов Государственной думы Булата, Чхеидзе, Калугина»³⁸, однако они так и не были опубликованы. Дискуссия с представителями российской общественной мысли постепенно была свернута, а со страниц журнала все чаще звучали обвинения в адрес русских интеллигентов в равнодушии к интересам украинского народа или даже шовинизме.

Подводя итоги первых пяти лет существования журнала в декабрьском номере за 1916 г., А. Саликовский пришел к неутешительному выводу: «...равнодушное и пренебрежение, объясняемое полным невежеством широких кругов»³⁹ журналу преодолеть не удалось. В отличие от «русской националистической прессы», уделявшей изданию «неизменно враждебное внимание», либеральная общественность не изменила своего отношения к украинскому движению. По мнению Саликовского, первая из задач, которую издатели журнала поставили перед собой, осталась не выполненной. В то же время нереализованность основной задачи объяснялась во многом самим содержанием «Украинской жизни». Как отметила Н. М. Пашаева, «журнал не ставил вопросов социальных, которыми тогда дышала российская действительность. Национальные вопросы ограничивались узким кругом языковых требований, взаимоотношения украинского и русского народов, их исторические и культурные связи в прошлом и настоящем совершенно не интересовали журнал»⁴⁰. Таким образом, журнал сознательно устранился от обсуждения наиболее насущных вопросов российской современности, что неизбежно сужало его читательскую аудиторию. «Украинской жизни» не удалось занять того места, на которое рассчитывали его создатели: места рупора украинского движения, его представителя в среде прогрессивной общественности. Создатели журнала поспешили обвинить в этом само русское общество, однако многочисленные и весьма интересные ответы на вопросы анкеты, присланные видными представителями этого общества, доказывают обратное. Для большинства из них украинский вопрос был глубоко безразличен, его решение было неотъемлемой частью преобразования всего русского общества в демократическом духе. Основное противоречие, однако, заключалось именно в том, что для российских читателей журнала борьба за решение украинского вопроса была лишь частью общей борьбы, в то время как редакция журнала, да и многие другие участники украинского движения, стремились выделить украинский вопрос из ряда других аналогичных «вопросов», придать ему исключительность. Это противоречие между общероссийскими и собственно украинскими интересами и стало причиной взаимного непонимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Саликовский А. Пять лет // Украинская жизнь. 1916. № 12. С. 9–17.
- 2 От редакции. Наши задачи // Украинская жизнь. 1912. № 1. С. 5–10.
- 3 Жулинский Н. Украина на Арбате // День. Киев. 24 мая 2004 г.
- 4 Пашаева Н. М. Журнал «Украинская жизнь» // Библиотека и история. М., 1994. Вып. 3. С. 81–102.
- 5 Гайда Ф. А. Историческая справка о происхождении и употреблении слова «украинцы» // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2012. С. 2–29; Миронюк Д. І. Симон Петлюра як редактор журналу «Украинская жизнь» (1912–1917). Автореф. дис. ... канд. наук із соціальних комунікацій. Київ, 2011.
- 6 От редакции. Наши задачи... С. 5–10.
- 7 Там же.
- 8 Грушевский М. Украина и украинство // Украинская жизнь. 1912. № 1. С. 11–29.
- 9 Саликовский А. Большой вопрос (Несколько мыслей об украинской идее и русской интеллигенции) // Украинская жизнь. 1912. № 2. С. 22–31.
- 10 Там же.
- 11 О русской интеллигенции и национальных вопросах. Ответ на анкету «Украинской жизни» М. Горького // Украинская жизнь. 1912. № 7–8. С. 7–15.
- 12 К нашей анкете // Украинская жизнь. 1913. № 12. С. 21–26.
- 13 Ответы на анкету. К. К. Арсеньев // Украинская жизнь. 1912. № 12. С. 57–59.
- 14 Ответы на анкету. Кн. Д. Шаховской // Украинская жизнь. 1913. № 11. С. 24–27.
- 15 Чехов Н. В. Ответ на анкету об украинском национальном возрождении // Украинская жизнь. 1914. № 4. С. 70–78.
- 16 К нашей анкете. Ответы проф. Туган-Барановского // Украинская жизнь. 1914. № 1. С. 15–17.
- 17 Луначарский А. В. О национализме вообще и украинском движении в частности // Украинская жизнь. 1912. № 10. С. 9–15.
- 18 Ответы на анкету. К. К. Арсеньев... С. 57–58.
- 19 Корш Ф. А. Об украинском национальном возрождении (Ответ на анкету «Украинской жизни») // Украинская жизнь. 1913. № 1. С. 14–17.
- 20 Чехов Н. В. Ответ на анкету... С. 70–78.

- 21 *Бодуэн де Куртене И. А.* Украинский вопрос с вненациональной точки зрения // Украинская жизнь. 1913. № 7–8. С. 35–52.
- 22 К нашей анкете... С. 20–29.
- 23 О русской интеллигенции и национальных вопросах... С. 7–15.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 Литературное наследство. Т. 95. М., 1988.
- 28 *Горький М.* Собрание сочинений. М., 1955. Т. 29. С. 279.
- 29 О русской интеллигенции и национальных вопросах... С. 7–15.
- 30 *Жаботинский В.* О русском либерализме // Украинская жизнь. 1912. № 7–9. С. 47–55.
- 31 *Крымский А.* Незабываемый вечер // Советская Украина. 24 июня 1940 г.
- 32 *Луначарский А.В.* О национализме...
- 33 *Михутина И. В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003. С. 229.
- 34 *Луначарский А. В.* О национализме... С. 9–15.
- 35 *Бодуэн де Куртене И.А.* Украинский вопрос... С. 35–52.
- 36 *Чехов Н. В.* Ответ на анкету. С. 70–78.
- 37 Там же.
- 38 К нашей анкете... С. 48–57.
- 39 *Саликовский А.* Пять лет... С. 9–17.
- 40 *Пашиева Н. М.* Журнал «Украинская жизнь»... С. 81–102.

М. Е. Клопова

«The painful issue». The questionnaire of the magazine
«Ukrainian Life» in 1912–1917

The key problem in the article is how the Russian public perceived the important issues of the Ukrainian movement. In the focus are the answers to the questionnaire of the magazine «Ukrainian Life» that was published in Russian in Moscow. The answers help in showing the main contradictions in the relations between the Russian intelligentsia and the members of Ukrainian movement in Russia.

Key words: *Ukrainian movement, public opinion, Ukrainian question, Russian society*

М. А. Булахтин
(Пермь)

Польско-украинские противоречия в Галиции в годы Первой мировой войны

В статье рассматриваются усилия польских политиков по сохранению целостности Галиции и противодействию устремлениям украинцев и планам венского правительства создать в ее восточной части отдельную автономную провинцию. Большое внимание автор уделяет анализу мотивов такой политики, а также аргументации, которая приводилась польской стороной в контактах с представителями центральной власти для обоснования своей позиции.

Ключевые слова: *Австро-Венгрия, Восточная Галиция, польская политическая элита, украинская национальная автономия*

Рубеж XIX и XX вв. был ознаменован подъемом украинского национального движения. Особенно ярко он проявился в Австро-Венгрии, где украинцы составляли значительную часть населения восточных областей империи. Заметно укрепилось национальное представительство украинцев в австрийском парламенте, избранном в 1907 г. на основе всеобщего избирательного права. Существенное влияние в украинском политическом лагере приобрела Украинская национально-демократическая партия (УНДП), активно выступавшая за создание автономной украинской провинции в составе монархии Габсбургов на основе объединения Восточной Галиции и Буковины¹. Однако стремление украинцев получить политическую самостоятельность хотя бы в форме национально-территориальной автономии в составе Австрии наталкивалось на сопротивление поляков. Осуществление этого плана предполагало отторжение от Галиции ее восточной части, которую поляки считали важнейшим центром своей национальной жизни.

Еще накануне Первой мировой войны польские политики предлагали украинцам найти такое решение проблемы, которое бы устроило оба народа. Они, в частности, были готовы согласиться с расширением украинского представительства в органах краевой власти Галиции, дополнительно поддержать украинские школы, создать украинский университет, увеличить экономическую помощь украинскому населению. Со стороны же украинцев ожидалось признание

политического и административного единства Галиции, что, однако, было отвергнуто².

Летом 1915 г. австрийское правительство подготовило проект создания украинского коронного края в монархии Габсбургов³. 25 августа и 7 сентября 1915 г. премьер Австрии К. Штюргк официально заявил украинским политикам о намерении правительства создать в составе Австрии отдельную украинскую провинцию⁴. В октябре того же года это предложение было поддержано на заседании австро-венгерского совета министров с участием К. Штюргка и премьера Венгрии И. Тисы⁵.

Поляки с тревогой воспринимали сообщения о переговорах украинцев с венским правительством. Они добивались объединения «русской» Польши с Галицией в единое государственное образование в составе монархии Габсбургов, и вероятность раздела Галиции вызывала у них серьезное беспокойство. Руководитель Главного национального комитета (ГНК) В. Л. Яворский сообщал депутату верхней палаты парламента, председателю партии «краковских консерваторов» З. Тарновскому о том, что в Вене обсуждается вопрос о создании «какого-то украинского государства и отделения Восточной Галиции от Польши» и что в Вене и Берлине один из лидеров украинцев, Н. Василько, «неустанно ведет работу в этом направлении»⁶.

З. Тарновский считал необходимым противодействовать осуществлению этих планов⁷. Так, на встрече с премьером К. Штюргком 25 ноября 2015 г. он заметил, что в Галиции ходят слухи о том, что правительство задумывается о создании отдельного края или украинского княжества, Восточная Галиция будет отделена от будущего польского государства, и что захваченные в ходе войны территории, заселенные украинцами, будут включены в этот край⁸. «Я отметил, – записал З. Тарновский в своем дневнике, – что не только с польской, но и с точки зрения монархии [Габсбургов] это была бы самая неправильная, опасная и вредная политика. Одним из аргументов я привел и тот, что русины (украинцы. – М. Б.) не являются зрелым элементом для того, чтобы они могли сами собой управлять»⁹. По словам польского политика, К. Штюргк отвечал лишь общими фразами, не опровергая и не признавая слухи о планах создания украинской провинции. Тем не менее премьер заметил, что «это внутренний вопрос», в который поляки вмешиваться не должны, и венское правительство решит его самостоятельно. Однако К. Штюргк добавил, что он «полностью уверен, что русины не являются зрелыми для того, чтобы быть в состоянии сами собой управлять»¹⁰.

Такой ответ З. Тарновский посчитал недостаточным и даже «весьма подозрительным». «Если он [Штюргк] признает, – писал польский политик, – что [украинцы] не являются зрелыми для этого (самостоятельного управления. – М. Б.), и не говорит, кто должен править, то думать нужно именно о немецком управлении, чего, впрочем, по-видимому, Василько и украинцы и хотят, и даже в Берлин должны были с таким проектом ездить. Следовательно, я пытался и дальше напирать, но не получил ничего позитивного, и видя, что он [Штюргк] становится только нервным и отвечает банальными общими фразами, я перешел на другую тему»¹¹.

Беседа с премьером произвела на руководителя «краковских консерваторов» неблагоприятное впечатление. Он посчитал необходимым «привести в движение все пружины», чтобы устранить для Польши «страшную угрозу». З. Тарновский предполагал поговорить по этому вопросу лично с императором Францем Иосифом¹².

В конспекте своей речи перед монархом «краковский консерватор», в частности, записал, что отделение Восточной Галиции от Польши было бы тяжелейшим ударом для поляков, поскольку в этом случае проживавший там уже много веков «польский элемент» был бы потерян для Польши. Он считал такую политику «фатальной» и для самой Австро-Венгрии, поскольку украинцы неспособны к самостоятельному управлению. З. Тарновский полагал, что автономный украинский коронный край станет территорией для «вредных русофильских происков», потому что национальное самосознание проживавшего там населения являлось очень слабым и, «как теперь видно, и народ, и интеллигенция, и духовенство [на этих территориях] склоняются в пользу национального и конфессионального единства с православной Россией»¹³. Политик собирался убедить австрийского монарха в том, что территориальное и политическое единство Восточной Галиции с Польшей облегчит ведение борьбы с русофильскими тенденциями, поскольку «польский элемент» является для них сильным противовесом. З. Тарновский полагал, что поляки в будущем Польском королевстве будут иметь достаточное благоразумие, чтобы понять, что украинцы должны получить в составе польского государства широкую национальную автономию¹⁴.

Однако З. Тарновскому не удалось высказаться по этой проблематике на встрече с императором. Беседа началась с приятных тем, и ему не захотелось огорчать Франца Иосифа обсуждением столь острого вопроса.

Для укрепления своей позиции поляки стремились заручиться поддержкой Венгрии. В разговоре с венгерским премьером И. Тисой

З. Тарновский заявил, что образование украинской провинции в Восточной Галиции было бы ошибочным и опасным как с польской, так и с венгерской точек зрения. Он попросил И. Тису поддержать неделимость Галиции¹⁵. Судя по дневниковым записям З. Тарновского, премьер Венгрии в целом согласился с этим предложением¹⁶.

З. Тарновский сообщил о переговорах украинцев с правительством председателю польской фракции в австрийском парламенте Л. Билиньскому. В скором времени Л. Билиньский подготовил обширную докладную записку по украинскому вопросу, передав ее министру иностранных дел Австро-Венгрии И. Буриану, а также руководителю канцелярии императора с расчетом на то, что Франц Иосиф будет ознакомлен с содержанием этого документа¹⁷. Л. Билиньский, в частности, сообщал, что получил достоверную информацию о том, что руководители галицких украинцев вручили венскому правительству меморандум, в котором они, в случае создания в составе монархии Габсбургов Польского королевства, требовали отделения Восточной Галиции и образования на ее основе отдельной, или «в соединении с другими старыми или новыми областями востока», австрийской провинции с немецким управлением. Польский политик не сомневался в том, что в действительности этот план был нацелен на то, чтобы усилить «русинский элемент» и в перспективе подготовить его к взятию власти в этой восточной области. Он был убежден, что осуществление этого плана было бы большим несчастьем для Австро-Венгрии и правящей династии¹⁸.

Л. Билиньский отмечал, что польские политики хорошо понимают, что Центральные державы ведут мировую войну не ради возрождения Польши. Если польскому государству и суждено возродиться, то это произойдет не для того, чтобы реализовать национальные и политические устремления поляков. Восстановление польской государственности будет обусловлено прежде всего исторической необходимостью и внешнеполитическими потребностями Центральных держав¹⁹. Он полагал, что события в Европе накануне войны убеждают Центральные державы в том, что их жизненные интересы требуют создания устойчивой обороны против России посредством строительства «политической стены», которая должна сократить до минимума весьма протяженную, выступающую в виде колоссальной подковы границу России в направлении Германии и Австро-Венгрии и «всею силой национальных чувств и физических сил» народов Центральной Европы оберегать обе державы от вторжения России. Такой стеной, по его мнению, должно было стать польское государство.

Однако Польша способна успешно выполнять свою историческую миссию лишь в том случае, если польский народ будет в полной мере удовлетворен уже в самом начале возведения своего государства. Это государство не должно иметь «несовершенную и недоброкачественную конструкцию», предрасположенную к политической дезинтеграции или иностранному влиянию. В случае полного удовлетворения своих чаяний поляки будут «на вечные времена» хранить горячую и верную преданность монархии Габсбургов²⁰.

Соответственно, такая связь с Австро-Венгрией станет невозможной, если Восточная Галиция окажется за пределами Польши. Если это произойдет, то польскому народу будет «причинена глубокая боль и смертельная обида»²¹. Оформление Восточной Галиции в отдельную провинцию под немецким управлением означало бы реализацию на практике распространенного накануне войны мнения о якобы «русофильском образе мыслей» поляков и их предательстве во время войны. Л. Билиньский пояснял, что нынешняя Восточная Галиция досталась польскому народу в середине XIV в. Средневековое польское государство рассматривало эту и другие смежные области в качестве предмета своей культурной деятельности. Поэтому все, что было создано на этих землях под руководством польских, а затем австрийских правительств, являлось «к моменту культурного пробуждения русинского народа» заслугой поляков. Польский характер имеют искусство и наука в Восточной Галиции. В древней столице Червонной Руси – городе Львове – 86% населения являются поляками²². Индустрия региона обязана своим возникновением польским техникам и содействию польского сейма. Самые крупные кредитные учреждения – тоже польские и находятся во Львове. Города на востоке провинции являются центрами национальной и экономической жизни поляков. Крупные землевладения с высоким уровнем технического оснащения являются польскими. Еврейские крупные землевладельцы также чувствуют себя в национальном смысле поляками. То же самое можно сказать о значительной части еврейского городского населения.

Л. Билиньский напоминал, что согласно переписи 1910 г. в Восточной Галиции 39,8% населения составляли поляки и 58,9% – украинцы (по терминологии того времени – русины). Большая часть поляков проживала в сельской местности смешанно с украинским населением. Поэтому в случае реализации предложенного украинскими политиками проекта «все эти дорогие польскому сердцу» элементы будут отделены от будущего польского государства, и

можно легко предположить, какая судьба их ожидает. Около 1,5 млн польских крестьян лишится значительной части польских школ и римско-католических приходов, поскольку поляки в результате организации власти в новой провинции по-немецки или по-украински будут отдалены от прежнего покровительства их народа и церкви. Польская аристократия даже при самом благосклонном отношении к ней немецких властей будет вынуждена покинуть эту землю из-за травли, которая будет организована против нее на местном уровне²³. Л. Билиньский замечал, что все это произойдет «не сразу и не вдруг», потому что сила польского сопротивления с патриотической стойкостью будет сдерживать эти процессы. Однако конечный результат станет негативным для поляков, поскольку «исконное буйство русинов как народа воинствующего» ничем не остановить²⁴.

Л. Билиньский отмечал, что такой образ будущего все же не должен препятствовать полякам объединиться с государством, которое, возможно, собирается причинить им обиду и боль, «в братской любви для совместного противодействия заклятому врагу Центральных держав и поляков». Тем не менее он выражал опасение в том, что главной цели войны – «длительному оттеснению России» – и главному средству для достижения этой цели – «польской оборонительной стене» – из-за такого образа будущего может быть нанесен значительный ущерб²⁵.

Обосновывая свои возражения против отделения Восточной Галиции, политик привел и такой аргумент. По его мнению, истинной причиной войны между Австро-Венгрией и Россией являлась не конкурентная борьба двух держав за влияние на Балканах, а «наша русинская политика в Галиции». Л. Билиньский отмечал, что при выборе между русофильским и так называемым украинским течением (по-видимому, имелась в виду УНДП) ни один преданный Австро-Венгрии человек не может колебаться ни минуты и должен высказаться за то течение, которое стремится к национальному развитию «русинского народа» в противовес пророссийскому направлению²⁶. Политик подчеркнул, что он сам никогда не отказывал «так называемым украинцам» в своей поддержке, хотя у него как консерватора радикальные манеры этой партии нередко вызывали беспокойство.

Л. Билиньский замечал, что чем больше Австрия в последние годы проводила именно такую политику в украинском вопросе, тем с большим негодованием и гневом эта политика воспринималась в России, в составе которой имеются огромные области с украинским населением. Именно поэтому Россия развернула широкомасштаб-

ную антиавстрийскую агитацию в Галиции среди украинцев, опасаясь образования отдельной украинской провинции, способной стать опасным очагом для распространения идеи создания украинского государства, угрожающей жизненно важным интересам России.

Польский политик был убежден, что образование из Восточной Галиции отдельной провинции, управляемой немцами или украинцами, рано или поздно приведет к новой войне с Россией. Такая война станет или ответом Австро-Венгрии на неизбежную агитацию России, или будет ответом России на противодействие этой агитации. Следовательно, писал Л. Билиньский, если мы не хотим ставить своей ближайшей целью такую войну и тем самым подпитывать «очень сомнительное осуществление мечты, увиденной однажды во сне, о большом украинском государстве», то мы не можем приступить к разделу Галиции²⁷.

Он затронул также вопрос о том, какие действия могли бы смягчить враждебную позицию России к Австро-Венгрии, если бы последняя, вместо того чтобы создавать украинскую провинцию, решила включить Восточную Галицию и, возможно, другие украинские области, приобретенные в будущем, в состав Польского королевства. Л. Билиньский подчеркивал, что далек от мысли говорить о «наверно, очень приятной для русских» политике денационализации украинцев в будущем польском государстве²⁸. Напротив, если украинцы войдут в состав Польши (при гарантии широкой национальной автономии), то Россия не будет видеть в украинцах, которые вместе с поляками станут работать на благо национального и культурного развития своего народа, очага агитации за создание самостоятельного украинского государства. Эта часть украинского народа, рассуждал политик, к тому же католическая его часть, которая «волей-неволей примирилась с существованием польского государства», будет восприниматься русскими в политическом плане лишь как часть Польши, которой украинцы должны будут подчиниться.

Убеждая австрийских политиков в правоте своих слов, Л. Билиньский обращал внимание на то, что в течение 50 лет автономного развития Галиции польское большинство местного сейма не жалело краевых средств на экономические и культурные нужды украинского народа. Он указывал на то, что по состоянию на 1911 г. в Галиции существовало 3118 польских и 2514 украинских народных школ. В крае имелись также средние школы с украинским языком обучения. Их воспитанники после окончания Львовского университета способствовали формированию украинской интеллигенции, которая, опи-

раясь на многочисленные и субсидируемые сеймом культурные и научные объединения, стала политической силой в крае и государстве. Яркой демонстрацией позитивного отношения поляков к украинцам Л. Билиньский считал реформу 1914 г. в сфере избирательного законодательства Галиции, которая сделала украинское представительство фактически «повелителем сейма на все времена»²⁹. Если прежде украинцам из 161 мандата причиталось всего 22, то теперь из 227 мандатов (рост на 37%) количество мандатов, предназначенных для украинцев, было увеличено до 62 (рост почти на 200%). Л. Билиньский считал это примером, который вряд ли где еще можно встретить в Австрии³⁰.

Более значительной ему представлялась перспектива для украинцев, если бы польский народ получил большое польское государство. В этом случае поляки, «побуждаемые своим долгом и естественными чувствами к родственному и близкому русинскому народу», предложат последнему широкую национальную автономию³¹. Однако политик подчеркивал, что такое решение станет возможным лишь тогда, когда будет удовлетворена потребность самих поляков в собственном национальном государстве³².

Раскрывая свое видение украинской автономии в составе Польши, Л. Билиньский предлагал поделить Галицию на шесть воеводств. В западной ее части с преобладанием польского населения могли бы быть созданы два чисто польских воеводства. В Восточной Галиции, являющейся в этническом плане смешанной территорией, предлагалось создать четыре воеводства. Два из них, где преобладает польское население, были бы «польско-русинскими» (с центрами во Львове и Перемышле), а два других – с преобладанием украинцев – «русинско-польскими» (с центрами в Станиславе и Тернополе). Национальный состав населения должен быть учтен при организации органов власти, чтобы административные структуры способствовали удовлетворению политических, экономических и культурных потребностей обоих народов. «Польско-русинские» воеводства, считал Л. Билиньский, могут быть организованы с учетом обеспечения прав украинского меньшинства, а «русинско-польские» воеводства – с учетом «полного, даже буквально равного обеспечения прав польского меньшинства». В этнически смешанных воеводствах выборы в воеводские сеймики должны проводиться на основе национального кадастра, основные принципы которого были разработаны в законе о реформе краевого избирательного законодательства Галиции³³. Официальным языком администрации в «польско-русинских» воеводствах Л. Билиньский предлагал сделать

польский, и, соответственно, в «русинско-польских» воеводствах – украинский язык³⁴. Защита этнических меньшинств при назначении государственных служащих, по его мнению, обеспечивалась бы тем, что все административные и судебные учреждения в «польско-русинских» воеводствах имели бы председателя-поляка и заместителя-украинца, соответственно, в «русинско-польских» воеводствах – председателя-украинца и заместителя-поляка. Во всех смешанных воеводствах должны быть служащие, владеющие письменно и устно языком национального меньшинства и немецким языком³⁵.

Предложения Л. Билиньского относительно организации украинской автономии негативно оценил председатель ГНК В. Л. Яворский. Он полагал, что этот проект превращает два воеводства в чисто украинские, где польский элемент совсем исчезнет³⁶. Политик был убежден, что основой автономии должны быть поветы (уезды), а не воеводства. Он утверждал, что «нельзя законодательно навсегда отдавать русинам органы управления».

В последующих дискуссиях с польскими коллегами В. Л. Яворский будет отстаивать точку зрения, согласно которой проблема официального языка может быть урегулирована только на уровне малых территорий. Признание же украинского языка на уровне воеводств опасно тем, что таким образом будет подготовлено отпадение «русинских воеводств», чего и желают украинцы³⁷.

Угроза раздела Галиции беспокоила поляков и в последующий период. Оценивая окружение нового императора Австро-Венгрии Карла I, польские политики отмечали, что значительное влияние на него оказывал князь К. Гогенлоэ, «друг русинов»³⁸. С большой тревогой была воспринята новость о том, что перед планировавшейся в феврале 1917 г. поездкой в Галицию император принял первыми не польских представителей, а украинских политиков³⁹. Министр по делам Галиции М. Бобжиньский, который должен был обеспечить «нужную» очередность, оправдывался тем, что эту встречу организовал К. Гогенлоэ в обход правительства⁴⁰.

Для украинцев встреча с императором имела большое значение. Они изложили свои национальные требования, в том числе о создании галицко-буковинской автономии со своей администрацией и сеймом. По воспоминаниям одного из лидеров галицких украинцев, К. Левицкого, император заявил, что «после войны все это будет урегулировано в интересах украинского народа»⁴¹.

В мае 1917 г. представители Польской национально-демократической партии, Польской крестьянской партии (людовцы) и Поль-

ской социалистической партии приняли резолюцию, провозглашавшую «единственным стремлением польского народа восстановление независимой объединенной Польши с выходом к морю»⁴². Это заявление было негативно воспринято в Вене. «Краковские консерваторы» отмечали, что национальные демократы, социалисты и людовцы сделали это под влиянием русской революции и своим «непатриотическим постановлением» пошатнули позиции поляков в монархии⁴³. При формировании нового правительства премьер Австрии Г. Клам-Мартиниц, ссылаясь на пожелание императора, заявил о намерении ввести в его состав министров – представителей отдельных народностей, в том числе и украинца. В. Л. Яворский назвал такой сценарий развития событий «полным поражением» поляков, поскольку это могло привести к разделу Галиции⁴⁴. «Боже мой! – писал политик в своем дневнике. – Полувековой труд пошел прахом. Позиция поляков провалилась. Ее займут русины и словенцы»⁴⁵. М. Бобжиньский в ряде своих публикаций высказался против назначения министров без портфеля, представляющих отдельные народности Австрии. Особенно решительно он выступил против назначения министра-украинца, потому что это привело бы к понижению значения должности министра по делам Галиции⁴⁶. Угрозой польскому делу З. Тарновский назвал назначение украинца на пост австрийского министра, по-видимому, имея в виду назначение в августе 1917 г. И. Горбачевского на должность министра без портфеля⁴⁷.

В конце 1917 г. на переговорах в Брест-Литовске об условиях заключения мирного договора с Центральными державами представители Украинской народной республики (УНР) поставили вопрос о разделе Галиции и создании отдельной австрийской провинции из Восточной Галиции и Буковины. Это предложение стало предметом специального обсуждения на заседании венского правительства с участием императора. Министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин отмечал, что «принятие украинского постулата должно иметь тяжелые последствия при дальнейшем развитии польско-австрийского вопроса». «Но зато украинцы, – указывал министр, – должны оказать нам громадную услугу в смысле немедленного подвоза муки»⁴⁸. Действительно, Австрия испытывала колоссальные продовольственные трудности в рассматриваемый период, что делало ее более сговорчивой на переговорах с украинцами.

На упомянутом выше заседании председатель правительства Э. Зейдлер отметил, что раздел Галиции является «внутренним делом Австрии» и несмотря на то, что «со стороны поляков следует

ожидать резкой оппозиции, он рассчитывает, что большинство в две трети голосов палаты [депутатов парламента] поддержит соответствующий законопроект»⁴⁹. Император Карл I высказался в том духе, что «прежде всего необходимо стремиться к миру с Россией и Украиной и что с последней необходимо вступить в переговоры на основе раздробления Галиции»⁵⁰. Министр финансов Австро-Венгрии И. Буриан высказал предостережения по поводу раздела Галиции, однако заметил, что если победит именно эта точка зрения, то «установление соответствующей формы этого раздробления будет иметь большое значение». «Буриан посоветовал ввести соответствующий параграф не в официальный договор, а в секретное добавление, – отметил О. Чернин в своем дневнике. – Буриан считает, что единственная возможность ослабить тяжелые последствия линии поведения, намеченной австрийским правительством, заключается в применении именно такой тактики»⁵¹.

В соответствии с этим планом во время очередного раунда переговоров с украинцами О. Чернин отказался упоминать в официальном мирном договоре Восточную Галицию и Буковину. Он заявил, что австрийское правительство готово взять на себя секретное обязательство после получения украинского хлеба внести в парламент законопроект о выделении соответствующих земель в отдельную провинцию⁵². Министр сообщал в Вену, что в случае точного выполнения украинцами своих обязательств австрийское правительство должно подготовить к 20 июля 1918 г. законопроект об образовании нового коронного края⁵³. Однако он заранее рассчитывал, что это обязательство удастся отменить из-за несвоевременных поставок продовольствия украинской стороной⁵⁴. Вскоре появилась возможность иным способом нейтрализовать это условие. После того как правительство УНР было изгнано большевиками из Киева, австрийцы попросили украинских политиков подписать дополнительный секретный протокол, ослаблявший действие договора по важным для украинцев вопросам⁵⁵. Протокол повышал степень секретности австрийского обязательства создать новую провинцию и предусматривал передачу украинцами своего экземпляра договора на хранение в ведомство иностранных дел Германии до выполнения Австрией своего обязательства, которое должно наступить лишь после выполнения украинской стороной принятых на себя условий договора⁵⁶.

Тем не менее даже публикация официальной части соглашения между Центральными державами и Украиной вызвала возмущение в польском обществе. Договор предусматривал передачу в пользу

украинского государства Холмщины и Подлесья, которые поляки считали своей национальной территорией. «Новость о мире с Украиной, – писал в дневнике В. Л. Яворский, – потрясла меня до глубины души. Почва уходит из под ног... Для нас мир с Украиной является поражением и ударом из-за потери Холмщины и морального унижения. Однако зло возрастет из-за ирреденты, которая вспыхнет в Галиции, из-за конфликта с украинцами в Восточной Галиции, из-за упадка концепции польско-австрийского решения [польского вопроса], из-за... нового раздела Польши. Однако это и начало распада Австрии. Поляки [будут] в оппозиции, а это сделает невозможной работу парламента и делегаций. Поляки пойдут рука об руку с чехами. Следовательно, это конец Австрии»⁵⁷. В. Л. Яворский делал вывод о том, что министр О. Чернин нанес ущерб собственной стране. Тем самым он являлся слугой Германии, а не Австрии. Чернина обвинили в предательстве поляков⁵⁸.

Польские политики продолжали предпринимать попытки выяснить содержание всех достигнутых с украинцами договоренностей. Так, в беседе с польским депутатом Е. Баворовским председатель правительства Э. Зейдлер заявил, что не существует проекта раздела Галиции, однако в любой момент он может появиться, как, например, проект раздела Чехии. На вопрос о том, какую бы он занял в этом случае позицию, премьер уклонился от ответа⁵⁹. По словам министра по делам Галиции Ю. Твардовского, на одной из встреч Э. Зейдлер говорил о «сроках и границах раздела» Галиции как о вещах, ему неизвестных. Поляки делали вывод, что тем самым премьер не отрицал самого существования данного вопроса. Кроме того, новый министр иностранных дел Австро-Венгрии И. Буриан на встрече с президиумом Польского коло тоже не захотел дать прямого ответа на вопрос о разделе Галиции⁶⁰. На основе бесед с императором Ю. Твардовский также полагал, что глава государства «не дал бы ответа на наш вопрос, который бы нас удовлетворил». «Если я не напираю на Зейдлера, – отмечал Ю. Твардовский в разговоре с В. Л. Яворским, – чтобы он сказал, заключил ли он соглашение о разделе Галиции, то это происходит потому, что в случае, если бы он это подтвердил, то я должен буду уйти в отставку, что по ряду причин было бы сейчас нежелательно»⁶¹. В целом у польских политиков все больше складывалось впечатление, что Э. Зейдлер все же подписал соглашение о разделе Галиции⁶².

Поляки собирались искать поддержки Германии по вопросу о целостности Польского королевства и Галиции, а также надеялись

привлечь на свою сторону венгерские правящие круги. В материалах З. Тарновского хранятся черновики его письма влиятельному венгерскому политику, предположительно И. Тисе. Автор послания, в частности, отмечал, что у поляков и венгров есть общий интерес в сохранении целостности Польского королевства и Галиции⁶³. Он обращал внимание на то, что сильная Украина представляет опасность для Венгрии, и особенно «ирредентистская русинская Восточная Галиция». Распространение этой ирреденты на венгерскую сторону Карпат З. Тарновский называл лишь вопросом времени⁶⁴. Сложно сказать, удалось ли убедить адресата в правоте польской позиции. Судя по воспоминаниям О. Чернина, когда под давлением продовольственных трудностей он был вынужден уступить украинским требованиям о разделе Галиции на две части, то И. Тиса против этого не возражал⁶⁵. Однако З. Тарновский в последующих контактах с австрийцами уверял их в том, что венгры не будут поддерживать раздел Галиции.

Трудность сложившейся ситуации описал В. Л. Яворский: «Зейдлер заключил соглашение с русинами о разделе Галиции и не может двинуться: если он разорвет соглашение, то потеряет русинов, а как одни [русины], так и другие [поляки] ему нужны для большинства [в парламенте]»⁶⁶. Попытки смягчить польскую позицию в отношении правительства предпринимал И. Буриан. Однако поляки считали принципиально важным условием для установления диалога «отказ центрального правительства от мысли разделить Галицию» и хотели видеть И. Буриана своим союзником в этом вопросе.

В июне 1918 г. Э. Зейдлер в контактах с польской стороной все же признался, что соглашение о разделе Галиции входит в состав Брестского договора и что он должен был его подписать. При этом премьер заметил, что этот договор ему прислали лишь через две недели после его заключения⁶⁷. Польские политики потребовали от Э. Зейдлера выступить с заявлением, что Галиция не будет разделена. Однако он отказался это сделать, утверждая, что министру, который сказал бы что-то подобное, «император дал бы пинка»⁶⁸. Премьер был готов заявить лишь о том, что раздел Галиции, откуда бы он ни исходил, может быть осуществлен только конституционным путем. В дальнейшем Э. Зейдлер старался защититься от польских обвинений в двуличной политике и заявлял, что «не вел переговоров о разделе Галиции». В. Л. Яворский назвал эти слова «правдой, но коварной»⁶⁹.

В записях выступления З. Тарновского перед императором содержится развернутое изложение польской позиции по вопросам,

создавшим напряжение между австрийскими властями и польским политическим лагерем. Он, в частности, подчеркивал, что раздел Галиции приведет польскую фракцию в оппозицию к правительству. Однако поляки не хотят идти в одном ряду с чехами и южными славянами против государства и не желают давать странам Антанты повод для триумфа⁷⁰. Политику О. Чернина и Э. Зейдлера он называл вредной для династии и отмечал, что эти господа при выборе между поляками и украинцами сделали выбор в пользу последних без веских на то оснований. З. Тарновский обращал внимание на то, что крестьяне на Украине настроены «великорусски и желают лишь возвращения царя». Число украинской интеллигенции настолько мало, что даже министры УНР не могут говорить и писать по-украински. Ссылаясь на мнение австрийцев, побывавших на Украине, он утверждал, что «там есть Россия и нет Украины», и выражал свое непонимание причин, которые побудили австрийских высших чиновников отдать предпочтение украинцам. «Поляки, – писал З. Тарновский, – являются старейшей культурной нацией, все слои польского народа сформированы, польское дворянство было и остается консервативно и монархически настроенным. Поляки имеют политическую традицию, и в качестве доказательства я приведу 50 лет отношений с династией Габсбургов. Однако прежде всего я делаю акцент на католицизме поляков и существенных интересах католической церкви в сохранении и развитии польского народа»⁷¹.

З. Тарновский полагал, что польско-украинские взаимоотношения могут быть урегулированы только путем согласия этих двух народов, и «любое забегание правительства вперед», как это случилось с тайным договором о разделе Галиции, польская сторона решительно отвергает и требует аннулировать данный договор. Отказ от договора создаст основу для польско-украинского диалога. З. Тарновский также заметил, что в осуществлении украинской политики Э. Зейдлера не станет принимать участие Венгрия.

Лидер «краковских консерваторов» полагал, что нужно сделать все для того, чтобы создать условия для польской фракции поддержать государство, включая новые предложения по бюджету. Он прямо предложил Карлу I отправить Э. Зейдлера в отставку. Если же монарх посчитает необходимым оставить его на посту премьер-министра, то тогда Э. Зейдлеру следует сделать ясное заявление о том, что раздел Галиции «не содержится в его программе».

В заключении З. Тарновский собирался обратить внимание монарха на ситуацию в России. По его мнению, немцы опираются в

этой стране почти исключительно на партию большевиков, которая «клонится к упадку». Антанта же имеет влияние на все другие русские национальные силы. Поэтому если большевистское правительство падет, то это будет равнозначно поражению Германии. В такой ситуации значение польского народа и всех других «окраинных народов» значительно возрастет. Следовательно, и по этой причине Центральные державы нуждаются в поддержке поляков⁷².

З. Тарновский сообщил о содержании беседы с императором своим польским коллегам. Он, в частности, отметил, что осудил министра О. Чернина за договор с украинцами, сослался на свидетельства австрийских генералов, побывавших на Украине, которые «только там осознали, что такое Украина и что там, среди православия и восточных устремлений, католическая династия и монархия не может искать опоры». «Мы, как я сказал [императору], очень хотим согласия с Украиной, но так, чтобы никто между ними и нами не вмешивался. Пусть правительство поступает по отношению к полякам лояльно, пусть откажется от политики (и здесь у меня вырвалось) “divide et impera” (здесь я прикусил язык из опасения, что император плохо это воспримет, но он как-то это снисходительно принял, поэтому я продолжал), и что если русинам скажут, что они должны договариваться с поляками, и что правительство не будет между нами влезать, сталкивая одних с другими, то мы (постепенно, потихоньку) достигнем согласия», – заключил З. Тарновский⁷³.

Согласно записям польского политика, император заявил, что тайный договор о разделе Галиции не будет выполнен ни Э. Зейдлером, ни кем бы то ни было⁷⁴. Близкий к правительственным кругам А. Тарновский сообщил польским коллегам, что данный договор был аннулирован⁷⁵. Как отмечает российский исследователь И. В. Михутина, австрийское правительство обвинило украинских участников переговоров в разглашении секрета галицким украинцам, и оригинал тайного договора был уничтожен 16 июля 1918 г. в Берлине, что освободило тем самым Австро-Венгрию от соответствующих обязательств⁷⁶. Новый австрийский премьер М. Гусарек пообещал полякам, что не будет проводить никаких изменений в Галиции без согласия поляков и украинцев и что раздел Галиции исключен⁷⁷.

Тем не менее у польской стороны по-прежнему сохранялась тревога относительно судьбы Восточной Галиции. В сентябре 1918 г. Австрия признала «14 пунктов» президента США В. Вильсона (в том числе и право народов империи на самоопределение) как основу для переговоров о мире с Антантой⁷⁸. В одной из бесед с польским предста-

витель в середині жовтня 1918 г. імператор Карл I відзначив, що в відповідності з пропозицією В. Вільсона «повинно бути щось зроблено для русинів», однак він поки не знає, що саме слід здійснювати⁷⁹. Швидко наслідком став стрімкий розпад Австро-Угорщини. «В відношенні того, що відбувається, – писав в щоденнику В. Л. Яворський, – вважаю угоду [поляків] з русинами першочерговою задачею. Ніхто нас не захистить від анархії, якщо така угода не буде здійснена. Потрібні переговори з русинами»⁸⁰. Підйом польського патріотизму на фоні падіння Дунайської монархії викликав у Яворського протирічливі почуття. «Сьогодні вислали польський прапор на караул, – записав він 31 жовтня 1918 г. – Військові прикріпили на фуражки польських орлів. Однак ця велика хвилинка не вразила мене і багатьох [інших], тому що це відбувається серед проявлень анархії і передвісників громадянської війни, і війни з русинами... з русинами ніхто не говорив; це війна з русинами»⁸¹. Наступні події в Східній Галиції підтвердили правоту цих слів.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Левичківський К.* Історія політичної думки галицьких українців 1848–1914: на підставі спогадів. Львів, 1926. С. 446–447, 579.

2 Там же. С. 488–489.

3 *Яремчук В. Д.* Загальна Українська Рада (1915–1916 рр.) як вияв системних дій українських політичних сил Наддніпрянської та Надністрянської України // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України: Збірник наукових праць. Київ, 2009. Вип. 43. С. 34. URL: http://www.ipiend.gov.ua/img/scholarly/file/nz_43_47.pdf/; *Он же.* Українська багатопартійність Наддніпрянської і Західної України: компаративний аналіз (1899–1918 рр.). Київ, 2012. С. 349. URL: http://www.ipiend.gov.ua/img/monograph/file/yaremchuk_site_168.pdf/.

4 *Яремчук В. Д.* Загальна Українська Рада... С. 34.

5 *Яремчук В. Д.* Українська багатопартійність... С. 378.

6 Archiwum Narodowe w Krakowie (ANK). Zesp. Tarnowskich z Dzikowa. Jedn. 625. K. 1171. URL: <http://www.szukajwarchiwach.pl/29/639/0/2.53/625?q=Archiwum+Dzikowskie+Tarnowskich+Diariusz+XARCHro:29+XNRZESPro:639+XCDNUMERUro:0&wynik=4&rp=15&page=1#tabSkany/>.

7 *Ibid.* К. 1183.

- 8 Ibid. K. 1205.
- 9 Ibid. K. 1206.
- 10 Ibidem.
- 11 Ibid. K. 1207.
- 12 Ibid. K. 1211.
- 13 Ibid. K. 1315.
- 14 Ibidem.
- 15 Ibid. K. 111, 213.
- 16 Ibid. K. 117.
- 17 *Jaworski W. L.* Diariusz. 1914–1918. Warszawa, 1997. S. 75.
- 18 ANK. Zesp. Tarnowskich z Dzikowa. Jedn. 632. K. 3. URL: <http://www.szukajwarchiwach.pl/29/639/0/2.53/632?q=Archiwum+Dzikowskie+Tarnowskich.+Varia+polityczne++XARCHro:29+XNRZESPro:639+XCDNUMERURo:0&wynik=5&rpp=15&page=1#tabSkany/>.
- 19 Ibid. K. 5.
- 20 Ibid. K. 7.
- 21 Ibid. K. 9.
- 22 Ibidem.
- 23 Ibid. K. 11.
- 24 Ibidem.
- 25 Ibid. K. 13.
- 26 Ibid. K. 15.
- 27 Ibid. K. 17.
- 28 Ibid. K. 19.
- 29 Ibid. K. 21.
- 30 Ibid. K. 23.
- 31 Ibidem.
- 32 Ibid. K. 25.
- 33 Ibid. K. 31.
- 34 Ibidem.
- 35 Ibid. K. 33.
- 36 *Jaworski W. L.* Diariusz... S. 76.
- 37 Ibid. S. 85.
- 38 Ibid. S. 157.
- 39 Ibid. S. 166, 168.
- 40 Ibid. S. 167.
- 41 *Яремчук В. Д.* Українська багатопартійність... С. 399.
- 42 *Jaworski W. L.* Diariusz... S. 194.
- 43 Ibid. S. 201, 209; ANK. Zesp. Tarnowskich z Dzikowa. Jedn. 627. K. 785. URL: <http://www.szukajwarchiwach.pl/29/639/0/2.53/627?q=Archi->

wum+Dzikowskie+Tarnowskich.+Diariusz+XARCHro:29+XNRZESPro:639+XCDNUMERUro:0&wynik=1&rpp=15&page=1#tabSkany/.

44 *Jaworski W. L.* Diariusz... S. 200.

45 Ibidem.

46 Ibid. S. 210.

47 ANK. Zesp. Tarnowskich z Dzikowa. Jedn. 627. K. 839. URL: <http://www.szukajwarchiwach.pl/29/639/0/2.53/627?q=Archiwum+Dzikowskie+Tarnowskich.+Diariusz+XARCHro:29+XNRZESPro:639+XCDNUMERUro:0&wynik=1&rpp=15&page=1#tabSkany/>.

48 *Чернин О.* В дни мировой войны. М.; Пг., 1923. С. 260.

49 Там же; *Czernin O.* Im Weltkrieg. Berlin; Wien, 1919. S. 228. URL: <https://archive.org/details/imweltkriege00czer/>.

50 *Чернин О.* В дни мировой войны... С. 262.

51 Там же. С. 263.

52 *Мухутина И.* Украинский Брестский мир. М., 2007. С. 219.

53 Там же. С. 232.

54 Там же.

55 Там же. С. 248.

56 Там же.

57 *Jaworski W. L.* Diariusz... S. 246–247.

58 Ibid. S. 248–249; ANK. Zesp. Tarnowskich z Dzikowa. Jedn. 633. K. 799. URL: <http://www.szukajwarchiwach.pl/29/639/0/2.53/633?q=Archiwum+Dzikowskie+Tarnowskich.+Varia+polityczne++XARCHro:29+XNRZESPro:639+XCDNUMERUro:0&wynik=2&rpp=15&page=1#tabSkany/>.

59 *Jaworski W. L.* Diariusz... S. 257.

60 Ibid. S. 257, 262.

61 Ibid. S. 257.

62 Ibid. S. 258.

63 ANK. Zesp. Tarnowskich z Dzikowa. Jedn. 633. K. 957, 965. URL: <http://www.szukajwarchiwach.pl/29/639/0/2.53/633?q=Archiwum+Dzikowskie+Tarnowskich.+Varia+polityczne++XARCHro:29+XNRZESPro:639+XCDNUMERUro:0&wynik=2&rpp=15&page=1#tabSkany/>.

64 Ibid. K. 971.

65 *Чернин О.* В дни мировой войны... С. 150.

66 *Jaworski W. L.* Diariusz... S. 266.

67 Ibid. S. 266.

68 Ibid. S. 267.

69 Ibid. S. 270.

70 ANK. Zesp. Tarnowskich z Dzikowa. Jedn. 633. K. 335. URL: <http://www.szukajwarchiwach.pl/29/639/0/2.53/633?q=Archiwum+Dzi->

kowskie+Tarnowskich.+Varia+polityczne++XARCHro:29+XNRZESPro-
:639+XCDNUMERUro:0&wynik=2&rpp=15&page=1#tabSkany/.

71 Ibid. K. 337.

72 Ibid. K. 341.

73 Ibid. K. 59, 903.

74 Ibid. K. 53, 903.

75 *Jaworski W. L.* Diariusz... S. 271.

76 *Михутина И.* Украинский Брестский мир... С. 249.

77 *Jaworski W. L.* Diariusz... S. 272.

78 *Яремчук В. Д.* Українська багатопартійність... С. 423.

79 *Jaworski W. L.* Diariusz... S. 286.

80 Ibid. S. 292.

81 Ibidem.

M. A. Bulahtin

Polish-Ukrainian contradictions in Galicia during WWI

The article dwells upon the efforts of Polish politicians to keep the territorial integrity of Galicia and to counteract to the wishes of Ukrainians and the plans of the government in Vienna to establish in the eastern part of the region a separate autonomous province. Special attention is given to the analysis of the motives for such a policy as well as to the arguments of the Poles during contacts with the central authorities.

Key words: *Austria-Hungary, Eastern Galicia, Polish political elite, Ukrainian national autonomy*

А. Н. Вабищевич
(Брест)

Старообрядцы как этноконфессиональное меньшинство в Польше (1918–1939 гг.)

В статье проанализирована проблема самосохранения старообрядцев в Польше (и на западнобелорусских землях, которые были включены в ее состав) между Первой и Второй мировыми войнами. По сравнению с православными старообрядцы не подвергались насильственной дерусификации и полонизации, но имели ограниченные возможности для сохранения традиционной культуры, языка, религии.

Ключевые слова: *старообрядцы, этноконфессиональное меньшинство, польские власти, конфессиональная жизнь, социокультурная деятельность*

В возрожденном в 1918 г. Польском государстве вместе с украинцами, белорусами оказались и русские. Согласно переписи населения 1931 г., всего там насчитывалось 138,7 тыс. русских. Наибольшим русское присутствие было в восточных воеводствах, в состав которых были включены западнобелорусские и западноукраинские земли. Русское население в Виленском воеводстве составляло 3,5%, в Белостокском – 2%, в Полесском – 1,4%, Новогрудском – 0,6%, Волынском – 1,1%. В остальных воеводствах доля русских не превышала 0,2% от общей численности населения¹. В пределах всего Польского государства отчетливо выделялись 3 группы русского населения: русские и их потомки, которые оказались там в XIX – начале XX вв. (чиновники, мещане, интеллигенция); эмигранты; русские старообрядцы. Среди русского сельского населения преобладали старообрядцы в Виленском и Белостокском воеводствах. Особенно выделялся Браславский повет (уезд) Виленского воеводства, где еще в XVII–XVIII вв. началась история старообрядческих общин.

Положение русского меньшинства в межвоенной Польше было противоречивым. С одной стороны, русские получили наряду с другими этническими общностями конституционные гарантии в области образования, культуры, конфессиональной жизни, с другой стороны, местные власти всячески препятствовали практической реализации этих прав и свобод. Антирусские настроения среди местной администрации были довольно распространённым явлением. Рус-

ские не могли создать государственные школы на родном языке. Из-за своей малочисленности, дисперсного расселения они в основном не достигали 25% присутствия среди жителей определённой местности, как требовалось по закону о языке и организации школьного дела для национальных меньшинств от 31 июля 1924 г. Русский язык не был включен в перечень языков национальных меньшинств.

Русские старообрядцы постепенно адаптировались к существованию в условиях Польского государства. Часть старообрядцев, которая во время Первой мировой войны оказалась в беженстве в России, в начале 1920-х годов возвращалась назад. Старообрядцы традиционно продолжали заниматься земледелием (выращивали лен, овес, ячмень), животноводством, строительными промыслами, заготовкой и обработкой древесины. Среди них распространенным явлением было отходничество на сезонные работы в города, соседнюю Латвию². Происходила постепенная стабилизация конфессиональной жизни русских старообрядцев, восстановление их храмов. У старообрядцев сохранялся традиционный уклад жизни, церковная обрядность, русский язык.

Исключительную роль в налаживании полноценной конфессиональной жизни, социокультурной деятельности старообрядческого меньшинства выполняла ее немногочисленная интеллигенция, особенно в Вильно, где старообрядцы появились в 1825 г., а в окрестностях города – еще в XVIII в.³ Известными общественными и политическими лидерами старообрядцев Вильно являлись представители влиятельной и состоятельной семьи Пимоновых⁴. Авторитетный глава семьи Арсений Моисеевич Пимонов являлся руководителем Виленской старообрядческой общины⁵. До Первой мировой войны А.М. Пимонов проявил себя талантливым ремесленником, предпринимателем. Вместе с братом Василием основал в Оренбурге лесоперерабатывающий завод, учредил акционерное общество «Октан», занимался государственными подрядами, что позволило сколотить крупное состояние⁶. Именно ему царские власти доверили строить в Вильно памятники М. Муравьеву и Екатерине II. На постройку памятника императрице Екатерине II он лично пожертвовал 10 тыс. руб.⁷ Заинтересованность проблемами общественной жизни проявляли сыновья А.М. Пимонова – Борис и Георгий. Вместе с другими деятелями Пимоновы выступили инициаторами проведения представительного съезда старообрядцев-беспоповцев.

I Всепольской съезд старообрядцев-беспоповцев (Вильно, 15–17 октября 1925 г.) продемонстрировал абсолютную политическую

лояльность к польским государственным структурам. Были направлены благодарственные телеграммы президенту, премьер-министру, министру внутренних дел, министру вероисповеданий и общественного просвещения, местной администрации. Заседания съезда проходили в Свято-Покровском старообрядческом храме, что располагался в Новом мире, предместье Вильно. Всего на съезде присутствовало 87 делегатов. Выступая с приветственным словом, посол (депутат) польского сейма Н. Серебренников следующим образом охарактеризовал перспективы взаимоотношений старообрядцев с польскими властями: «Входя сейчас в состав Польского государства, старообрядцы честно, лояльно и смиренно выполняют гражданские обязанности и в отношении этого государства, конституция которого гарантирует защиту национальных и религиозных чувств»⁸. В состав избранного на этом съезде Высшего старообрядческого совета (ВСС) вошли 14 человек – Пимонов Борис Арсеньевич, Пимонов Георгий Арсеньевич, Андреев Осип Матвеевич, Голубев Петр Иванович, духовный наставник Егупёнок Симеон Федорович, Самозванов Дмитрий Киприанович, Артемьев Фёдор Киприанович, Матвеев Онисим Ефимович, Никитин Григорий Сафонович, духовные наставники Яковлев Тимофей Кузьмич, Кузнецов Фёдор Силантьич, Егупёнок Максим Семёнович, Елисеев Ефим Евстафьевич, Бартошкин Онисифор Петрович. Председателем ВСС в Польше стал авторитетный лидер старообрядцев А. М. Пимонов.

В ходе работы I Всепольского съезда старообрядцев-беспоповцев были обсуждены актуальные вопросы их общественной и конфессиональной жизни⁹. Основные задачи ВСС в области культуры и просвещения сформулировал в своём докладе на съезде Б. Пимонов. Необходимо было добиваться от польского правительства издания отдельного приложения к закону о всеобщем образовании. Выдвигалось требование об увеличении количества часов для уроков Закона Божьего. Именно старообрядческие школы должны давать молодежи знания по религии, обрядам и истории церкви, основам старообрядческого мировоззрения. Важным являлось изучение вместе с польским и родного для детей старообрядцев русского языка, преподавание по-русски («но с польской терминологией») всех предметов, кроме польского языка, истории и краеведения. При изучении русского языка предусматривалось придерживаться новой орфографии. К преподаванию Закона Божьего, церковнославянского языка, чтения, церковного пения необходимо было привлекать духовного наставника общины или светское лицо (с согласия правления общи-

ны). На ВСС возлагался подбор обязательных учебников и учебных пособий, а также решение кадрового вопроса при согласовании кандидатур на учительские должности со школьными инспекторами. Требовалось также уравнивать старообрядческие начальные школы с польскими не только в правах, но и по материальному обеспечению. В тех местностях, где было недостаточное количество детей старообрядческого вероисповедания для открытия самостоятельной школы (менее 40), нужно было преподавание религии, церковнославянского языка, пения проводить в существующих польских или других национальных школах (при помощи местных духовных наставников или согласованных светских кандидатов)¹⁰.

После проведения съезда значительно ускорился процесс урегулирования правового положения старообрядческих общин. Согласно проекту устава, старообрядческой общиной признавалось «объединение лиц старообрядческого вероисповедания, целью которого является удовлетворение религиозных, нравственных, просветительских и благотворительных нужд членов данного церковного прихода»¹¹. Польское правительство не собиралось допускать усиления влияния православной церкви. На фоне неопределённого статуса православной церкви и дискриминационных мер по отношению к ней поддержка старообрядческой церкви означала, что польские власти предполагали в перспективе преобразовать ее в конкурента и противовес православной церкви¹². ВСС осуществлял активные меры по реализации принятых на съезде решений. Для обеспечения старообрядческих школ подготовленными кадрами его лидеры добивались открытия курсов. О выделении денежных средств на такие курсы в октябре 1927 г. подавалось ходатайство виленскому воеводе. Вскоре в Вильно были организованы соответствующие курсы¹³. Правовой статус Восточной старообрядческой церкви без духовной иерархии (таким было её официальное название) был закреплён распоряжением президента Польши от 22 марта 1928 г., а её устав был утверждён распоряжением польского правительства 29 августа 1928 г. Согласно уставу, общины старообрядцев имели право проводить религиозную, культурно-просветительскую, благотворительную деятельность¹⁴. Обучение религии для детей старообрядцев должны организовать сами представители этого меньшинства при помощи духовных лиц.

Кроме вопросов конфессиональной жизни, ВСС добивался открытия отдельных школ для детей старообрядцев, преподавания Закона Божьего во всех государственных школах¹⁵. Урегулирова-

ние правового статуса старообрядцев способствовало открытию для них государственных начальных школ. Одобренная духовным судом, программа преподавания Закона Божьего в государственных школах для детей старообрядцев была утверждена ВСС на его пленарном заседании 16 октября 1928 г.¹⁶ Из русских учебных заведений только начальные школы для старообрядцев в Вильно получили государственное финансирование. Учебная программа виленской 7-классной начальной старообрядческой школы, которая содержалась за государственный счет и располагалась в отдельном помещении, выделенном Виленской общиной, была базовой для других школ, где занимались дети старообрядцев. При этом ситуация в школьном деле была довольно сложной, так как остро ощущалась нехватка педагогических кадров, учебных пособий. По результатам проверки приходских школ Виленского воеводства, где для детей старообрядцев преподавалась религия, О. М. Андреев докладывал 28 июля 1929 г. в ВСС следующее: «Идя на урок в школу, многие из законоучителей являются туда без иконы, которую нужно иметь при себе для проведения молитвы перед началом урока Закона Божьего»¹⁷. Из русских учебных заведений к началу 1930-х годов в Вильно осталась только 7-классная начальная старообрядческая школа и гимназия имени А.С. Пушкина, созданная в результате объединения гимназии Л. Поспеловой и гимназии Виленского русского общества.

Результаты организационной работы ВСС были подведены на II Всепольском старообрядческом съезде (соборе) в Вильно 15–16 октября 1930 г. Участниками съезда являлись 92 делегата, из них 30 духовных наставников¹⁸. Печатным органом ВСС был утвержден журнал «Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше», редакционный совет которого возглавил А.М. Пимонов. По состоянию на октябрь 1930 г. в Виленском воеводстве насчитывалось 40 общин старообрядцев, в которых было объединено 38 024 человека¹⁹. Наибольшим присутствием старообрядцев выделялся Браславский повет – 18 общин, объединявших 17 461 верующего. Из общин Браславского повета выделялись Кублицинская (2260 человек), Барсучинская (1972 человека), община в Видзах (1960 человек), а также Нивникская (1539 человек), Бувевская (1446 человек) общины. В Свенцянском повете в 10 общинах насчитывалось 10 563 человека. В Виленско-Трокском повете из 5239 верующих 4000 приходилось на самую многочисленную старообрядческую общину в Вильно, в трех остальных было от 316 до 468 человек. В Дисненском повете 4 общины объединяли 2751 старообрядца, из них самой крупной была

Германовичская (930 верующих). В Ошмянском повете было только 2 общины (1040 верующих), в Поставском повете – также 2 общины (970 верующих). В Белостокском воеводстве существовало в то время 8 общин (5741 верующий), которые располагались преимущественно в Сувалковском (Сувалковская, Александровская, Водзилковская, Глубокоровская, Погорелецкая и Штабинковская общины) и частично в Августовском поветах (Габово-Грондская и Пиявно-Русская общины), где старообрядцы-беспоповцы появились ещё в XVIII в.²⁰

Старообрядцы занимали неоднозначную позицию во взаимоотношениях с другими группами русского населения. Если в 1920-е годы старообрядцы не допускали их отождествления с другими группами, держались обособленно от них, то в 1930-е годы наблюдалось сотрудничество для защиты своих конфессиональных, этнокультурных интересов. В пределах Польского государства старообрядцы с самого начала проявляли политическую лояльность, что во многом способствовало приобретению ими польского гражданства. Своим правовым статусом старообрядцы отличались от других групп русского населения. Менее политизированные старообрядцы также выделялись в социально-психологическом плане из русских эмигрантских кругов.

Социально-культурная жизнь русского меньшинства в Польше осложнялась идейно-политическими противоречиями между представителями различных русских объединений. Польская полиция в 1928 г. в своих отчётах отмечала спор между тремя группами – эмигрантами, местными русскими и руководством Русского народного объединения (РНО), каждая из которых претендовала на лидерство в деле защиты интересов русских в Польском государстве. Во время парламентских выборов в Польше в 1930 г. ВСС пошел на сотрудничество с пилсудчиками. «Нельзя не оценить достойно этот призыв Беспартийного блока, который предложил нам, русским старообрядцам, возможность принятия реального участия в государственной жизни Польского государства [...] и таким образом способствовать сближению русского меньшинства с поляками» (из обращения Центрального избирательного старообрядческого комитета в ноябре 1930 г.)²¹. Заместитель председателя ВСС Б. Пимонов был избран послом польского сейма.

В начале 1930-х годов именно группа русских деятелей во главе с Б. Пимоновым, которая выступала за взаимодействие и сотрудничество с польским правительством, составила серьезное политическое соперничество лидерам РНО (Н. Серебренникову и др.), ко-

торые публично выступали с резкой критикой политики польских властей относительно русского населения. Выдвижение Б. Пимонова на положение лидера русского меньшинства происходило по инициативе министерства внутренних дел Польши. На I съезде Союза организаций русского меньшинства в Польше, который состоялся 28–29 июня 1931 г. в Варшаве, было заявлено об отказе от великодержавных идей, которых ранее придерживался РНО²². На новую организацию, председателем которой стал Б. Пимонов, возлагалась задача по координации деятельности всех объединений русского меньшинства в Польше. Среди ряда принятых резолюций одна касалась культурно-просветительских интересов русского меньшинства (о подготовке в государственных учебных заведениях кадров для средних и начальных русских школ; об изучении в польских школах русского, церковно-славянского языков, Закона Божьего на русском языке и др.). Несмотря на декларирование аполитичности, новая организация развивала сотрудничество с государственными структурами. Хотя Союз организаций русского меньшинства принимал участие в выборах совместно с Беспартийным блоком сотрудничества с правительством, однако его общественно-политическая активность была ограниченной. Главное внимание было обращено на поддержку немногочисленных русских учебных заведений, социокультурной и религиозно-просветительской деятельности. Как и РНО, Союз организаций русского меньшинства настойчиво добивался придания русскому языку статуса языка национального меньшинства²³. Сам Б. Пимонов быстрое утверждение устава организации считал знаменательным событием, так как ранее русское меньшинство в Польше официально не признавалось. Выступая на VII конгрессе национальных меньшинств в Женеве (1931 г.), он назвал хорошими условия существования старообрядцев в Польше²⁴.

В деятельности старообрядческих общин внимание обращалось на заботу о храмах, об обучении детей. Решение о преподавании Закона Божьего принималось польскими властями по каждой школе отдельно. В Залесской школе Дисненского повета было разрешено вне расписания выделять для детей старообрядцев 2 часа религии²⁵. Как сообщал в ВСС в конце 1930 г. А. Ильинов, школьные власти не допускали преподавания «русской грамоты» в Ластовичской общине того же повета, хотя в деревнях Ластовичи, Заповолье, Новое Королево, Передалы было 58 учеников. «Просим хотя бы преподавать Закон Божий (церковнославянский язык) по 2 часа ежедневно»²⁶. Вскоре все-таки разрешение было получено. В ноябре 1933 г. Вилен-

ское школьное попечительство сообщало ВСС о том, что невозможно открыть общественную начальную школу для детей старообрядцев в Нивниках и Матевках Браславского повета, поскольку к этим школам приписаны дети других вероисповеданий и они не могут быть присоединены к другим школам, находящимся на расстоянии 3–4 км от места проживания детей²⁷. Учёба детей старообрядцев осложнялась бедностью их родителей. Большая часть старообрядцев принадлежала к незажиточному крестьянству, которое не имело возможности учить своих детей. К тому же местные власти всячески препятствовали им в приобретении земли²⁸. Поэтому ВСС выделял стипендии для обучения, оказывал некоторую материальную поддержку малоимущим ученикам. Например, в 1935/1936 учебном году 15 учеников-старообрядцев были зачислены в качестве стипендиатов в Виленскую русскую гимназию имени А.С. Пушкина²⁹.

Кроме школ, в некоторых общинах под руководством ВСС в середине 1930-х годов создавались библиотеки-читальни. В начале 1937 г. библиотеки-читальни действовали в 11 старообрядческих общинах: в Браславском повете – 5, Виленско-Трокском – 2, Свенцяном – 2, Сувалковском – 1, Дисненском – 1. Их общий книжный фонд являлся небольшим – всего 3 417 книг³⁰. Это объясняется как отсутствием сильной собственной полиграфической базы, так и особенно бедностью старообрядческих семей. Одна из первых библиотек-читален была открыта в сентябре 1931 г. в Воронковской общине Браславского повета (727 книг)³¹. В 1933 г. библиотеку-читальню организовали старообрядцы Кирилинской общины³². Более половины старообрядческих библиотек-читален возникло в 1935–1936 гг.

Пользовались популярностью среди старообрядцев также и религиозно-просветительские кружки молодежи. Основными задачами данных кружков (на примере кружков в местечке Дукшты Свенцянского повета) были следующие: изучение священных книг, христианских догматов, церковного песнопения, русского языка, литературы, истории России и старообрядчества, проведение лекций, создание библиотек-читален³³. Религиозно-просветительские кружки старообрядческой молодежи действовали также в Виленской, Нивникской, Турмонтской и других общинах. Кружок старообрядческой молодежи в Виленской общине существовал с февраля 1933 г. Кружок в Видзах организовал работу библиотеки-читальни, услугами которой бесплатно пользовались все желающие, проводил беседы на религиозно-духовные темы. Драматическая секция кружка в августе 1935 г. показывала пьесу А. Островского «Не в свои сани

не садись». 13 апреля 1936 г., на второй день Пасхи, для детей старообрядческого вероисповедания был организован праздник «Красное яйцо». Материальные трудности препятствовали плодотворной культурно-просветительской работе. Как отмечал в одном из писем в ВСС председатель правления данного кружка А. Артемьев, «материальный недостаток препятствует полноценному развитию кружка... Драматическая секция готовит пьесу Островского “Свои люди – сочтемся”, но до спектакля еще далеко, нет денег»³⁴.

Злободневные вопросы конфессиональной жизни, социокультурной деятельности старообрядцев затрагивались на III Всепольском старообрядческом съезде (соборе) (Вильно, 17–18 февраля 1936 г.), участниками которого были 119 делегатов и духовных наставников. В списке насчитывалось 49 старообрядческих общин³⁵. В среде старообрядцев до конца 1930-х годов наблюдалась устойчивая тенденция к сохранению этноконфессиональной самобытности в пределах Польского государства. Исходя из данных, изложенных в секретном отчете виленского воеводы в министерство внутренних дел Польши в середине 1937 г., общее количество старообрядцев составляло 50 257 человек. В некоторых источниках указывается на 60 тыс. верующих³⁶, а польский исследователь Е. Томашевский называл цифру 80 тыс. старообрядцев, которая приводилась в одном из парламентских выступлений Б. Пимонова³⁷. Количественные показатели подтверждают то, что наиболее населенным старообрядцами был Браславский повет (19 118 верующих или 38% от общего количества). Анализ количественных данных показывает, что прирост по сравнению с 1930 г. составлял в целом в пределах Польского государства 14,8%. Данные по отдельным воеводствам являются следующими: в Виленском воеводстве прирост верующих составлял 12,5% (общее число верующих достигло 42 777 человек), в Белостокском – 30% (7480 человек). Положительная динамика наблюдалась по всем поветам Виленского воеводства: в Браславском повете – 9,4%, Свенцянском – 15,4%, Виленско-Трокском – 14,4%, Ошмянском – не менее 11%, Дисненском – 8,8%, Поставском – 14%³⁸. Только в Браславском и Дисненском поветах проживало около 25 тыс. старообрядцев³⁹. Анализ различных источников позволяет утверждать, что общее количество старообрядцев в Польше в конце 1930-х гг. составляло не менее 50 тыс. человек. Однако ни документы ВСС, ни материалы министерства вероисповеданий и общественного просвещения не подтверждают цифру 80 тыс. старообрядцев. При этом можно согласиться с мнением Е. Томашевского о том, что в межвоенной

Польше русских было относительно мало. Они действительно не создавали такой проблемы, как украинцы и белорусы, поэтому не было мотивов для того, чтобы использовать методы по уменьшению их количества⁴⁰. В польской литературе местами компактного поселения старообрядцев в межвоенной Польше называются регионы городов Вильно и Сувалки. Однако к ним нужно добавить и Браслав (как уже упоминалось выше, на Браславский повет приходилось 38% от общего количества старообрядцев в Польше). Не случайно, что из Браславщины происходит ряд деятелей поморской старообрядческой церкви XX в. Уроженец местечка Видзы С.Ф. Егупёнок был духовным наставником Виленской Свято-Покровской церкви в 1906–1915, 1918–1934 гг., членом президиума ВСС в Польше в период между Первой и Второй мировыми войнами, одним из лучших знатоков истории старообрядчества. На Браславщине родились другие известные общественные деятели старообрядчества – члены Духовного суда Высшего старообрядческого совета Литвы Евфимий Кудряшов, который был наставником Мостишской общины, наставник Прокопий Стрелков, наставник Краславской общины в Латвии Иван Зуев, наставник Видзовской общины Михаил Бирюлин.

Кроме старообрядцев-беспоповцев, которые доминировали в составе данной этноконфессиональной общности в Польше, там же имелись и немногочисленные старообрядцы-поповцы. Ещё в середине XIX в. в Варшаве возникла небольшая группа старообрядцев-поповцев Белокриницкой иерархии. В межвоенный период в польской столице не было их отдельной общины. Из-за отсутствия духовного наставника они пользовались услугами православного священника Александра Субботина⁴¹. Небольшая группа старообрядцев-поповцев была разбросана в Вильно, Виленско-Трокском и Свенцянском поветах. В апреле 1936 г. Дорофей Ранцев предложил Виленскому воеводскому управлению собственный проект устава старообрядческой церкви, которая признавала иерархию (старообрядцев-поповцев)⁴². Культовых построек у них не было. Они молились в двух частных часовнях – в помещении Морозовой в Вильно и в д. Окмяна Виленско-Трокского повета в доме единственного упомянутого выше священника Д. Ранцева. В Вильно насчитывался 31 человек, в Подберезской общине Виленско-Трокского повета (д. Окмяна) – 46 человек, в деревнях Зусино и Геладня – 18⁴³. Предложенный устав не вызвал серьезной заинтересованности со стороны польских властей, его приняли лишь в качестве инициативы частного лица. Во время приезда в Вильно в феврале 1938 г. главы старообрядцев-поповцев

Румынии и Польши епископа Иннокентия также предпринимались попытки по урегулированию их положения на Виленщине. Составленный в марте 1938 г. очередной проект устава был отклонен министерством вероисповеданий и общественного просвещения Польши. Виленский воевода отказался зарегистрировать общину старообрядцев-поповцев. Отказ польских властей признать старообрядцев-поповцев объясняется как малозначительностью данной этноконфессиональной группы⁴⁴, так и нежеланием вносить разлад в имеющееся позитивное сотрудничество польских государственных структур и старообрядцев-беспоповцев.

Парламентское представительство русского меньшинства в Польше было довольно скромным, не могло оказывать решающего влияния на правительственную национальную политику. Однако Б. Пимонов, который избирался послом на парламентских выборах в 1930, 1935 и 1938 гг., как убежденный сторонник демократических ценностей и национального равноправия отстаивал интересы не только русских старообрядцев, но и других меньшинств. Именно он представлял польскому сейму законопроект о Мусульманском религиозном союзе. В мае 1938 г. посол Б. Пимонов во главе делегации представителей русского меньшинства был принят польским премьер-министром Ф. Славой-Складковским, которому была вручена докладная записка о нуждах русского населения. Ряд требований (прежде всего в области школьного образования) был удовлетворен⁴⁵. 9 февраля 1937 г. при обсуждении плана инвестиций на 1937/1938 хозяйственный год посол Б. Пимонов затрагивал вопрос о безработице и вынужденной трудовой эмиграции в Латвию старообрядческого населения Браславского, Дисненского, Свенцянского, Поставского поветов. 20 февраля 1937 г. при обсуждении бюджета министерства вероисповеданий и общественного просвещения Б. Пимонов также поднимал целый ряд вопросов – о меньшинствах и школьной политике, родном языке детей в школе, образовательных потребностях русского меньшинства, русских школах в Польше⁴⁶. Предложенный Б. Пимоновым проект резолюции не содержал радикальных требований и имел больше рекомендательный характер, однако и он не был принят.

Государственная поддержка старообрядцев со стороны Польского государства в конце 1930-х годов уменьшилась. На протяжении 1928–1938 гг. старообрядческая церковь получила государственных дотаций на сумму 339 877 злотых: 1928/1929 г. – 18 000, 1929/1930 г. – 32 000, 1930/1931 г. – 47 900, 1931/1932 г. – 34 700, 1932/1933 г. –

34 700, 1933/1934 г. – 35 900, 1934/1935 г. – 31 677, 1935/1936 г. – 42 000, 1936/1937 г. – 34 000, 1937/1938 г. – 29 000⁴⁷. Несмотря на определенную государственную поддержку, так и не удалось решить проблему просвещения русского меньшинства. Из 14 русских школ (2 296 учеников), действовавших в Польше в 1923/1924 учебном году, к 1937/1938 году осталась только одна старообрядческая школа в Вильно (292 ученика)⁴⁸. Кроме того, в 1937/1938 учебном году в 153 государственных польских школах преподавался Закон Божий для детей старообрядцев⁴⁹.

В целом положение старообрядцев в межвоенной Польше нельзя оценить однозначно. С одной стороны, по отношению к русскому меньшинству польскими властями проводилась ассимиляционная политика. С другой стороны, старообрядцы получили юридические основания для конфессиональной жизни, сохранения этнокультурных особенностей. Старообрядцы в Польском государстве являлись отдельным этноконфессиональным меньшинством, которое насчитывало по различным оценкам к концу 1930-х годов не менее 50 тыс. человек. У них был отдельный государственный статус, было довольно быстро урегулировано их правовое положение (к примеру, правовой статус православной церкви в Польше был окончательно утвержден лишь в 1938 г.). По сравнению с православной церковью, которая подвергалась дерусификации и полонизации, терпела от ревиндикации и закрытия храмов, старообрядцы имели более благоприятные условия для сохранения собственной традиционной культуры, языка, конфессиональных ценностей. В обмен на идейно-политическую лояльность они получали поддержку со стороны Польского государства. ВСС в Польше активно помогал религиозным общинам, занимался организацией культурно-просветительской работы (созданием школ, библиотек-читален, молодежных религиозно-просветительских кружков и др.), хотя к концу 1930-х годов его возможности в деле сохранения духовной культуры, традиций и обычаев старообрядцев стали ограниченными. Несмотря на своеобразный, отчасти стесненный характер общественной, конфессиональной жизни старообрядцев, их лояльное отношение к польским властям, они шли на контакты с представителями русского меньшинства. Во взаимоотношениях старообрядцев с другими группами русского меньшинства выделялись 2 периода: 1920-е годы – обособленное существование, эпизодические контакты; 1930-е годы – разрывание сотрудничества для совместного отстаивания социальных, конфессиональных, культурных интересов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Zaleski W.J.* Międzynarodowa ochrona mniejszości. Warszawa, 1932. S. 78.
- 2 *Горбацкiй А.А.* Старообрядчество на белорусских землях. Брест, 2004. С. 170–171.
- 3 *Iwaniec E.* Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w. Warszawa, 1977. S. 70.
- 4 *Urbański Z.* Mniejszości narodowe w Polsce. Warszawa, 1932. S. 135.
- 5 Lietuvos Centrinis Valstybinis Archyvas (LCVA). F. 1681. Ap. 1. B. 414. L. 41, 53.
- 6 *Барановский В., Потащенко Г.* Староверие Балтии и Польши. Вильнюс, 2005. С. 289–290.
- 7 Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). Zespół 14. Sygn. 1270. K. 332.
- 8 LCVA. F. 1681. Ap. 1. B. 414. L. 14.
- 9 Труды Первого Всепольского Старообрядческого съезда, состоявшегося в г. Вильне 2/15, 3/16 и 4/17 октября 1925 года. Вильно, 1925. С. 36.
- 10 LCVA. F. 1681. Ap. 1. B. 414. L. 34–36.
- 11 Ibid. L. 61.
- 12 *Krasowski K.* Związki wyznaniowe w II Rzeczypospolitej: studium historycznoprawne. Warszawa; Poznań, 1988. S. 195; *Ogonowski J.* Uprawienia językowe mniejszości narodowych w Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939. Warszawa, 2000. S. 223.
- 13 LCVA. F. 1681. Ap. 1. B. 60. L. 1–2.
- 14 AAN. Zespół 9/1. Sygn. 1079. K. 1–3, 7–19.
- 15 *Добжинская Т.В.* Роль Высшего старообрядческого совета в Польше в довоенный период (1927–1937 гг.) // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава. 2004. № 2. С. 39.
- 16 LCVA. F. 1681. Ap. 1. B. 124. L. 1–8; Программа преподавания Закона Божия в правительственных школах Польши для детей христиан-старообрядцев, одобренная 4 сентября 1928 г. Духовным Судом и утвержденная Высшим Старообрядческим Советом на пленарном заседании 16-го октября 1928 г. Вильно, 1928.
- 17 LCVA. F. 1681. Ap. 1. B. 61. L. 56.
- 18 Ibid. B. 59. L. 180.
- 19 Ibid. B. 420. L. 96–97; B. 435. L. 5, 91.
- 20 *Вабішчэвіч А.М.* Грамадска-культурная і рэлігійна-асветніцкая дзейнасць рускіх стараабраднакаў у Польшчы ў 1920–1930-я гады // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. 2008. № 1. С. 104.

- 21 LCVA. F. 1681. Ap. 1. B. 85. L. 24.
- 22 Государственный архив Брестской области. Ф. 114. Оп. 1. Д. 2. Л. 8–10.
- 23 Sprawozdania z życia mniejszości narodowych. Warszawa, 1934. S. 48.
- 24 Sprawy narodowościowe. 1931. Nr 4–5. S. 476, 478.
- 25 LCVA. F. 1681. Ap. 1. B. 27. L. 31.
- 26 Ibid. B. 29. L. 94.
- 27 Ibid. B. 124. L. 13.
- 28 *Iwaniec E.* Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w. S. 74.
- 29 LCVA. F. 1681. Ap. 1. B. 105. L. 166.
- 30 Ibid. B. 435. L. 22.
- 31 AAN. Zespół 14. Sygn. 1270. K. 329.
- 32 LCVA. F. 1681. Ap. 1. B. 468. L. 135.
- 33 Ibid. B. 125. L. 1, 123, 135.
- 34 Ibid. L. 68v., 80.
- 35 Ibid. B. 432. L. 31–32.
- 36 AAN. Zespół 14. Sygn. 1270. K. 308–310, 326.
- 37 *Tomaszewski J.* Ojczyzna nie tylko Polaków: mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa, 1985. S. 149.
- 38 *Вабишчэвіч А.М.* Грамадска-культурная і рэлігійна-асветніцкая дзейнасць рускіх стараабраднікаў у Польшчы ў 1920–1930-я гады. С. 105.
- 39 *Эберхард П.* Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1897–1989. Брэст, 1997. С. 116.
- 40 *Tomaszewski J.* Ojczyzna nie tylko Polaków: mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939. S. 47.
- 41 *Iwaniec E.* Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w. S. 74.
- 42 AAN. Zespół 14. Sygn. 1272. K. 58–66.
- 43 Ibid. K. 67.
- 44 *Krasowski K.* Związki wyznaniowe w II Rzeczypospolitej: studium historycznoprawne. S. 196.
- 45 *Михайлов В.С.* Видзы и Видзовщина. Очерки и документы: история, культура, жизнестроение, цивилизация, экономика. Вильнюс, 2000. С. 101.
- 46 Речи депутата Б.А. Пимонова, произнесенные в польском сейме в 1937–1938 гг. Изложено по газетным отчетам и официальным стенограммам. Вильно, 1938. С. 6–8, 13–17.
- 47 AAN. Zespół 14. Sygn. 1270. K. 135.

48 *Mauersberg S.* Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce w latach 1918–1939. Wrocław, 1968. S. 124.

49 LCVA. F. 1681. Ap. 1. B. 435. L. 11–14.

A. N. Vabiščević

Old Believers as an ethnoconfessional minority in Poland (1918–1939)

The article analyses the problem of self-preservation of Old Believers in Poland (and Western Belarusian territories that were incorporated into the Polish state) between WWI and WWII. As compared to the Orthodox Christians, the Old Believers were not subject to forced derussification and polonisation, but they had limited opportunities for preserving their traditional culture, language and religion.

Key words: Old believers, ethnoconfessional minority, Polish authorities, confessional life, sociocultural activities.

Ч. Фединец (Будапешт),
С. Черничко (Берегово)

**Некоторые аспекты языковой политики
Венгерского Королевства в отношении
Подкарпатской территории (Закарпатье) в 1939–1944 гг.**

Долгосрочная выживаемость языковых, национальных или этнокультурных сообществ в большей мере зависит от решений центральных или региональных властей, а также языкового контекста и системы мер формирования языковой и культурной интеграции национальных, этнических или языковых меньшинств, автохтонных или иммигрантских общин. В статье рассматриваются этно- и национально-политические цели Венгрии на территории Подкарпатья (Закарпатской области) в 1939–1944 гг.

Ключевые слова: *Венгрия, Подкарпатская территория (Закарпатье), русины, языковая политика*

В период между 1939 и 1944 гг. в Венгрии был всего один регион, который административно не входил в систему комитатов, а составлял отдельную административно-территориальную единицу. Это были земли, на которых большинство населения составляли русины, то есть территория современного Закарпатья (область Украины). Официальным названием края было «Регентский комиссариат Подкарпатской территории».

Периоду Регентского комиссариата Подкарпатской территории посвящено много работ по истории, праву, языковой политике и др. Общим недостатком широкой палитры исследований остается то, что до сих пор предметом изучения не была внутренняя история региона на уровне местного нормотворчества. В данной статье анализируются направления, сферы и, прежде всего, содержание локальной политики в контексте целей и задач Венгерского государства. В частности, прослеживается, соответствовала ли указанная административная единица своему особому статусу в рамках административно-территориального деления Венгрии только по названию, или также на деле.

В Венгрии в период между двумя мировыми войнами законодательческую деятельность с 1920 по 1926 г. осуществляло однопалатное Национальное собрание, а в 1927–1945 гг. – двухпалатный парламент (Палата депутатов и Верхняя палата). В Национальное со-

брание, и позднее в Палату депутатов, избирали путем всенародного голосования, а в Верхнюю – рекрутировали из рядов высшей бюрократии и клира¹.

В межвоенный период всего было проведено шесть парламентских выборов: в 1920, 1922, 1926, 1931, 1935 и 1939 гг. Победителем на всех выборах становилась одна и та же партия, которая неоднократно подвергалась преобразованию и меняла название: в 1922–1932 гг. – Единая партия (*Egységes Párt*), в 1932–1938 гг. – Партия национального единства (*Nemzeti Egység Pártja*), а в 1939–1944 гг. – Партия венгерской жизни (*Magyar Élet Pártja*). На всех выборах партия получала твердое парламентское большинство и формировала правительство².

Последние выборы этого периода состоялись в конце мая 1939 г., после них до конца войны проходили только довыборы. На территориях, присоединенных к Венгрии в период ревизии границ, в том числе и в Закарпатье, выборы не проводились.

Часть Подкарпатской Руси, населенная венграми, отошла к Венгрии в ноябре 1938 г. после Первого венского арбитража, а территории, заселенные русинами, – в марте 1939 г. в результате венгерского военного вмешательства. В венгерское законодательство решение Первого венского арбитража было введено Законом № XXXIV от 1938 г. «О воссоединении с государством территорий Верхней Венгрии, возвращенных Венгерской Святой Короне», а присоединение русинских территорий – Законом № VI от 1939 г. «О воссоединении с государством Подкарпатских территорий, возвращенных Венгерской Святой Короне»³. Обоиими законами предполагалось, что члены Верхней палаты от этих территорий – так же как и по всей Венгрии – приглашаются, а депутатов нижней палаты – кооптируют.

Параграф 2 Закона № XXXIV от 1938 г. гласил: «Из сенаторов и депутатов, избранных [в 1935 г. – Ч. Ф., С. Ч.] населением Верхней Венгрии [территория Чехословакии, которая в результате Первого венского арбитража была присоединена к Венгрии. – Ч. Ф., С. Ч.], данным законом депутатами венгерского парламента, созданного 27 апреля 1935 г., станут те, кого по представлению премьер-министра Венгерской короны пригласят в обе палаты парламента». Депутаты Верхней Венгрии (включая и шестерых закарпатцев) стали членами венгерского парламента 5 декабря 1938 г. Они составляли «группу депутатов Верхней Венгрии». Все были членами Объединенной венгерской партии (*Egyesült Magyar Párt*), созданной в 1936 г. в чехословацких Новых Замках. 15 марта 1940 г. эта партия влилась в состав правящей Партии венгерской жизни.

Параграф 2 Закона № VI от 1939 г. предписывал: «До тех пор, пока [не] станет возможным провести выборы депутатов Государственного собрания на Подкарпатской территории, данным законом депутатами Государственного собрания, членами венгерского парламента, созванного 10 июня 1939 г., станут те из сенаторов и депутатов, избранных [в Чехословацкой Республике. – Ч. Ф., С. Ч.] населением Подкарпатской территории, или избранных по спискам партий или во время довыборов, или те из членов Национального совета, избранных коренным населением Подкарпатской территории, кого по представлению премьер-министра пригласят в обе палаты парламента. Количество приглашенных таким образом человек не может превышать десяти». Десять человек из Регентского комиссариата Подкарпатской территории были кооптированы в венгерский парламент после введения гражданского управления краем от 7 июля 1939 г.

Параграф 4 Закона № VI от 1939 г. гласил: «Министерству поручается организовать проведение выборов депутатов Государственного собрания на Подкарпатской территории 30 июня 1940 г.». Однако этого не произошло. 31 декабря 1939 г. был опубликован Закон № XVIII «О выборах депутатов Государственного собрания на территориях Верхней Венгрии и Подкарпатского региона, присоединенных к Венгерской Святой Короне», которым для Подкарпатской территории предполагалось выделение 11 мандатов (по количеству районов Регентского комиссариата Подкарпатской территории)⁴. Но и этот закон не был исполнен. 19 июня 1940 г. во время выступления в парламенте премьер-министр Венгрии Пал Телеки отметил, что до 30 июня на Подкарпатской территории необходимо провести выборы, однако из-за войны их пришлось отложить на неопределенное время. Вместо выборов были продолжены полномочия приглашенных ранее депутатов⁵.

Начиная с 1867 г. законы и официальные постановления в Венгрии публиковались в официальном печатном органе правительства. В 1867–1944 гг. это был еженедельник «*Budapesti Közlöny*» («Будапештский Вестник»). Кроме этого, существовал отдельный сборник законов «*Országos Törvénytár*» («Государственный свод законов») и сборник постановлений «*Magyarországi Rendeletek Tára*» («Свод постановлений Венгрии»). Оба издания выходили с 1867 по 1945 г.⁶

В течение нескольких лет после Соглашения 1867 г. между Австрией и Венгрией законы объявлялись непосредственно в парламенте, а начиная с 1881 г. их размещали в «Государственном своде

законов». Они публиковались на одном языке – венгерском, однако международные договоры, которые тоже печатались здесь же, выходили на языке оригинала и в венгерском переводе. В эпоху дуализма (1867–1918) все законы в Венгрии публиковались в отдельных сборниках на языках национальных меньшинств (немецком, хорватском, румынском, словацком, сербском, русинском и итальянском). Постановления в течение всего периода появлялись в «Будапештском вестнике», их вступление в силу не зависело от публикации в «Своде постановлений Венгрии». Этот сборник выходил раз в год и включал в себя избранные постановления⁷.

Постановление премьер-министра № 6200 от 1939 г. «О временном упорядочении административного управления Подкарпатской территории, возвращенной Венгерской Святой Короне» предусматривало, что административное управление Регентского комиссариата Подкарпатской территории будет состоять из трех уровней: органы государственного управления, районы и отдельные населенные пункты⁸. Регентский комиссариат возглавлял комиссар, которому в работе помогала комиссия из восьми членов под председательством главного советника. Комиссия заседала на регулярной основе и «давала отзывы и вносила предложения». Регентского комиссара, главного советника и членов комиссии назначал премьер-министр, руководителей органов государственного управления и их заместителей – министр внутренних дел. Полномочия регентского комиссара отвечали полномочиям главы комитатской администрации. В сфере его компетенции входило также управление образованием. В случае комитатов его осуществлял директор по вопросам образования.

Параграф 11 Постановления № 6200 предусматривал, что на территории комиссариата официальными языками являются венгерский и «угрорусский». Определялось, что регентский комиссар должен выпускать официальное издание, где на двух языках параллельными колонками должны печататься государственные законы и постановления, «действие которых распространяется и на Подкарпатскую территорию», а также приказы регентского комиссара, приказы и объявления руководителей органов государственной власти. В параграфе также говорилось, что министерские постановления вступают в силу с момента публикации в официальном печатном органе – «Будапештском Вестнике», «однако упомянутые постановления – по возможности одновременно с их публикацией в “Будапештском Вестнике” – необходимо публиковать в официальном печатном органе Подкарпатской территории на венгерском и угрорусском языках».

Двуязычный официальный печатный орган Регентского комисариата «*Kárpátaljai Közlöny – Подкарпатский Вѣстникъ*», как и «Будапештский Вестник», выходил раз в неделю, по воскресеньям. Впервые газета вышла в свет 30 июля 1939 г., а последний номер – 24 сентября 1944 г. Издателем газеты выступал регентский комиссар Подкарпатской территории. Ответственным редактором издания стал д-р Вильмош Болаш. Выписывать газету могли как органы власти, так и частные лица. Объем издания колебался от 20 до 40 страниц. Печаталась газета в ужгородской государственной типографии (официальное название: Ужгородский отдел Венгерской королевской государственной типографии). Ответственным за выпуск был директор типографии Йозеф Тороцкой.

О Й. Тороцкой сохранилось очень мало сведений. Его имя дважды встречается в протоколах Совета министров Венгрии межвоенного периода. На заседании 12 декабря 1936 г. ему было присвоено звание «ведущего служащего Венгерской королевской государственной типографии» и он был зачислен в VIII тарификационный разряд⁹. На заседании 27 июня 1939 г. Тороцкой был назначен «руководителем отдела государственной типографии с переводом в VII тарификационный разряд»¹⁰. Это указывает на то, что летом 1939 г. он был переведен в Ужгород (административный центр Подкарпатской территории) из Будапешта.

Мало мы знаем и о В. Болаше. Он был одним из основателей Литературно-культурного общества комитатских служащих им. Иштвана Дендеша, созданного в Будапеште в 1932 г. (просуществовало до 1948 г.). Целью общества было развитие национальной культуры на территориях, утраченных Венгрией в результате Трианонского мирного договора (1920). В год основания общества Болаш был будапештским «писателем, историком, а также почетным нотариусом»¹¹. В 1942 г. Подкарпатское общество наук издало этнографическую работу В. Болаша¹².

Если наши предположения верны, то Болаш и Тороцкой были «варягами», «парашютистами» – чиновниками, направленными из метрополии на «возвращенные территории».

С точки зрения содержания газета «*Kárpátaljai Közlöny – Подкарпатский Вѣстникъ*» состояла из трех частей. Основное место занимала так называемая «Официальная часть», где публиковались постановления центральной власти. Между 1939 и 1942 гг. законы печатались в приложении к газете. Она была двуязычной, но в приложении законы публиковались только на «угрорусском» языке. В

некоторых номерах также встречался раздел «Распоряженія регентского комиссара». В конце помещались объявления («Объявленіе»): о продаже движимого и недвижимого имущества, вакансии, аренда, курсы подготовки для служащих и т. п.

В исследованиях, посвященных этому периоду, как правило, говорится, что газета публиковала законодательные акты центральной власти и местные правовые документы, однако еще никто не анализировал, насколько это утверждение соответствует действительности. Мы тщательно просмотрели все номера и можем утверждать, что местные приказы встречаются всего несколько раз в год, притом они не содержат особую местную проблематику, просто обращают внимание на некоторые общегосударственные распоряжения. Например, в № 20 от 11 мая 1941 г. регентский комиссар обращает внимание должностных лиц органов местного самоуправления и начальников отрядов противовоздушной обороны на приказ Министерства обороны № 102 955/eln.35 от 1941 г., который регулировал порядок действий при воздушной тревоге.

Причины такой ситуации раскрываются среди прочего и в высказываниях регентского комиссара Миклоша Козмы, который публично выступал как сторонник автономии. Однако на самом деле он считал, что обещание о введении автономии выполнить невозможно и «рутенское Подкарпатье» также нужно включить в систему комитатов. В конфиденциальном письме к министру внутренних дел Ф. Керестеш-Фишеру он писал: «Это было бы идеальным решением, которое вывело бы нас из тупика, куда мы политически попали, пообещав автономию»¹³. Уже при назначении на пост 22 сентября 1940 г. в Ужгороде Козма отметил: «Языковые и культурные права населения Подкарпатского края, для которых венгерский язык не является родным, определяют венгерские законы и однозначная позиция венгерского правительства [...] Я хочу обратить на эти вопросы преимущественное внимание, однако сразу же замечу, что культурная свобода для рутенов или других нацменьшинств не может означать политической свободы и сепаратизма. Как в соответствии с намерениями правительства я гарантирую им языковую и культурную свободу, так же я гарантирую, что любой отход от венгерской государственной идеи и верности государству будет строго наказываться»¹⁴.

Премьер-министр Пал Телеки постоянно лоббировал принятие закона об автономии Подкарпатского воеводства, однако этот законопроект так и не был принят будапештским парламентом. В конце концов сам Телеки, учитывая существующие внутренние политиче-

ские обстоятельства и обстоятельства мировой войны, отказался от намерения предоставить автономию славянскому народу, проживающему вдоль восточной границы страны.

Во время дискуссии на заседании правительства 23 июля 1940 г., в частности, прозвучало: «На территории воеводства, согласно предложению, рутенский язык будет официальным языком, равноправным с государственным языком. Однако с равноправием рутенский не становится государственным языком; равноправие означает, что на территории воеводства рутенский язык такой же официальный, как и венгерский»¹⁵.

Участники приводили политическую аргументацию по поводу этнонима местного славянского населения. В письме 2 августа 1939 г. премьер-министр писал: «Надо понимать, что на Подкарпатье угрорусский язык является не языком национального меньшинства, а вторым государственным языком. Языковой вопрос необходимо рассматривать как практический, и ни при каких обстоятельствах нельзя из него делать политический вопрос»¹⁶.

Юрист Иштван Едед, поверенный Пала Телеки по вопросам Подкарпатского воеводства, суммировал мнения, прозвучавшие на заседании, посвященном использованию этнонима: «До и во время Первой мировой войны официальное название было “рутены” [...] При чехословацком правлении начали использовать этнонимы “русский”, “малорусский” [...] На использование этнонима влияет и международное положение. Учитывая политику Польши и возможное создание Украины, использование слова “украинский” является нежелательным. По моему мнению, также надо хорошо подумать над использованием слова “русский”. Нам нужно подтвердить то, что этот народ говорит на вполне самостоятельном языке, что это совершенно отдельный от других народ, поэтому с такой точки зрения наибольшее преимущество имеет название “рутенский”, использовавшееся и до войны, так как рутенов в других государствах нет. А вот название “угрорусский” намекает на братство с венгерским народом». Наконец, Едед добавил: «Собственно, этот вопрос уже решен. Закон № VI от 1939 г. говорит только о населении Подкарпатья, а постановление премьер-министра № 6200 от 1939 г. уже использует название “угрорусский”»¹⁷.

При администрации регентского комиссара было создано бюро переводов, которое за короткое время подготовило двуязычный вариант всех типовых формуляров, бланков, деловых бумаг, официальных и почтовых штампов, расписания движения поездов и тому

подобное. Здесь переводили и тексты, которые публиковал региональный официальный орган «*Kárpátaljai Közlöny – Подкарпатский Вестник*».

Введение официального двуязычия и ежедневное применение двуязычного делопроизводства снова актуализировало языковой вопрос, что уже долгое время разделяло местную интеллигенцию. Ведь венгерская власть должна была определить, какой язык наряду с венгерским она считает в регионе вторым государственным: великорусский, украинский (малорусский) или, возможно, литературный языковой вариант, который основывался бы на местных славянских говорах (русский, русинский). Из трех конкурирующих языковых направлений в крае Венгрия однозначно поддержала русинский, терпимо относилась к великорусскому и практически запретила украинскую языковую линию, препятствуя украинофильскому движению. В таком контексте неудивительно, что язык переводов в Вестнике имел свои особенности.

В первых номерах официального органа тексты основывались на грамматике Августина Волошина 1907 г.¹⁸ Летом 1940 г. в Ужгороде регентским комиссаром была издана «Грамматика угрорусского языка для средних учебных заведений», что должно было служить целям кодификации русинского литературного языка¹⁹. Редколлегию возглавлял Александр Ильницкий, главный советник регентского комиссара Жигмонда Перени. В письме к премьер-министру П. Телеки регентский комиссар отметил, что грамматика, «с одной стороны, остановит языковую борьбу на Подкарпатье, которая длится уже более двух десятилетий (и которую часто искусственно подогревали чешские власти), и таким образом даст рутенам возможность дальше совместно развивать родной язык, с другой – поставит барьер перед отчуждающим влиянием, которое ощущалось в результате пользования иностранных языков (украинского, великорусского)»²⁰. Предисловие к изданию написал начальник отдела религии и образования Юлий Марина (поэтому издание многие называли «грамматикой Марины»). Автор предисловия отдельно остановился на языковых правах местных русинов, подчеркнул значимость грамматики и высказал мнение о необходимости вернуться к принципам, которые содержатся в грамматиках, изданных А. Волошиным в 1907 и 1919 гг.²¹

Приказ № 8888 регентского комиссара от 20 августа 1940 г. предусматривал обязательное использование «грамматики Марины» в подкарпатских общеобразовательных учреждениях начиная с 1940/1941 учебного года²². С этого времени именно эта грамматика

составляла основу для переводов. Однако «Грамматика Марины», в адрес которой нередко звучала критика, не смогла решить проблемы ни стандартизации и кодификации, ни преподавания языка в школе. Например, в грамматике кое-где перемешивались местные и великорусские языковые нормы²³. Поэтому уже в 1941 г. увидела свет новая «Грамматика русского языка» Ивана Гарайды²⁴. Регентский комиссар своим распоряжением и министр религии и образования приказом № 27300 от 1941 г. признали ее официальным учебным пособием.

В «Предисловии» автор отмечал, что трудно написать грамматику такого языка, который уже имеет многочисленные грамматики различных направленностей, каждую из которых немало критиковали, поскольку интеллигенция до сих пор не смогла достичь единой позиции в языковом вопросе. Задекларированная автором цель – создание такой грамматики, которая смогла бы кодифицировать наиболее понятный для народа языковой вариант на основе общих диалектов и одновременно стать образцом для книгоиздательства. Ведь ранее, как отмечает И. Гарайда, писали тексты для народа такими вариантами языка, которые ему было трудно понять.

Из «Предисловия» следует, что языковой вариант, который автор хочет нормировать, является своеобразным компромиссом между местными языковыми разновидностями. Главный редакционный принцип – этимологический, и только в окончаниях автор следует разговорному языку. Образцом послужила живая разговорная речь, на которой общаются местные жители. Автор также отмечает, что никто не препятствует местной интеллигенции осваивать другие славянские языки, но никто не может запретить и изучение родного языка.

Проанализировав язык грамматики Гарайды, приходим к неожиданному выводу. Теоретики отдельного русинского литературного языка считали, что эта норма должна базироваться на местных подкарпатских говорах (прежде всего на мараморошском), на языке художественных произведений XVIII в., а также церковнославянском языке и, главное, приближаться к народной разговорной речи. И хотя в местных славянских диалектах до сих пор наблюдается сильное влияние венгерского языка (в первую очередь в лексике, но также и на других уровнях), ни язык грамматики Гарайды, ни тексты газеты «*Kárpátaljai Közlöny – Подкарпатский Вѣстникъ*» не отражают последствий контакта с венгерским языком. Среди языковых явлений, кодифицированных грамматикой Гарайды, нет ни одного такого, изоглосса которого не выходила бы за пределы тогдашнего (и нынешнего) Закарпатья²⁵.

Гораздо меньше удалось избавиться от влияния норм русского (великорусского) литературного языка, поэтому строение предложений в текстах, размещенных в официальной газете, очень похоже на русский синтаксис. Так, например, текст объявления под названием «Объявление о конкурсѣ» в номере 19 от 4 мая 1941 г. начинается практически на русском языке: «Объявляю конкурс на освободившееся мѣсто участкового врача...»

Также на первой странице следующего, 20-го, номера журнала от 11 мая 1941 г. в тексте распоряжения министерства № 2620 от 1941 г. читатель находит предложения, сформулированные в соответствии с кодифицированной нормой упомянутой грамматики. Норма этого текста далека от местной русинской народной речи, но близка к великорусской литературной норме: «Если для цѣли обезпеченія сельско-хозяйственныхъ работъ [...] не обходимо использованіе исполненій для народной обороны, то по распоряженію оногo предпринимае мѣры министр ъ народной обороны въ согласіи съ министромъ земледѣлія...»

Доказательством того, что грамматика Гарайды не решила все вопросы кодификации, служат переводы в официальной газете. В номере 52 от 26 декабря 1943 г. находим фрагмент министерского распоряжения в таком изложении: «Тотѣ лѣкарѣ, которымъ на приключенныхъ назадъ, респективно занятыхъ назадъ территорияхъ оправненость къ уживанню титула лѣкаря-спеціалиста уже была признана на основѣ правовыхъ нормъ, дѣйствующихъ подчасъ чужой окупаціѣ, суть оправненѣ и дальше къ уживанню титула отповѣдного лѣкаря-спеціалиста, ос колько были принятѣ до дакотрой отечественной лѣкарской коморы».

Если в 1941 г. газета объявляла работу для «участкового врача», то в 1943 г. уже речь идет о «лѣкаре-спеціалисте». Лексика переводов приближена к народной разговорной речи, но чувствуется влияние русского языка.

На основе анализа текстов еженедельника «*Kárpátaljai Közlöny – Подкарпатский Вѣстникъ*» можем согласиться с мнением украинского лингвиста Юрия Шевелева, который по поводу языковой войны в Закарпатье первой половины XX в. утверждает: «Языковой хаос, конечно, существовал, но не следует придавать ему слишком большого значения. Три группы – русины, украинцы и русские – в действительности не стояли так далеко друг от друга, как может показаться из полемических суждений. На чистом литературном украинском языке не издавалось почти ничего, на литературном русском

очень мало, в основном произведения авторов не местного происхождения. Практически все печатное слово несло в себе элементы местных говоров, разница заключалась в удельном весе этих примесей. С этой точки зрения, отмирание традиционной формы “русинского языка” зависело не от того, что она синтезировалась в разных текстах с разными языками. Это был закарпатский способ перехода к настоящему литературному языку, то ли украинскому, то ли русскому»²⁶.

В своей статье белорусский русинист Олег Казак считает, что «сознательная поддержка локальной русинской идентичности Будапештом являлась попыткой заблокировать участие населения региона в более мощных русофильских и украинофильских национальных проектах. Венгерские власти пытались убедить интеллигенцию Подкарпатской Руси в том, что развитие самобытной культуры населения края возможно лишь под опекой “Короны Святого Стефана”»²⁷. Но автор не дает ответ на вопрос, каковы были мотивации такой политики Венгрии.

Ответ мы находим у М. Козмы. В рукописи, датированной 1938 годом, Козма писал: «Русинско-венгерские связи являются опорной башней и защитой против православного и панславистского политического давления, делают жизнеспособными Русинию и сильнее Венгрию. [...] Принцип *divide et impera*, который применяется против панславистской идеи, прямо желает, чтобы неукраинский русинский народ не присоединился к Украине, поскольку присоединение этого шестисоттысячного народа и территории, простирающейся по южную сторону Карпат, превратило бы Украину в мощного европейского игрока, который влиял бы на политику в долине Дуная»²⁸. В статье «Украинский вопрос на Закарпатье» Козма пишет: «Не в интересах Венгрии вести политику сомнений, потому что карпато-рутенский народ в силу исторических, географических и религиозных обстоятельств сформировался как самостоятельный народ, и мы не хотим развивать его ни в великорусском, ни в украинском направлении, поскольку оба направления политически ведут за границу»²⁹.

Рассмотрев попытки разработки русинской языковой нормы, можем сделать вывод, что за этой работой стояли геополитические цели венгерского государства. Язык и культуру местного славянского населения и политически, и материально поддерживали как центральная, так и местная венгерская власть. Таким образом, в 1939–1944 гг. в Закарпатье сложилась интересная ситуация: хотя на официальном уровне использование украинского языка было запре-

щено, речь местного славянского населения (как бы ни называть ее) имела значительную государственную поддержку и статус официального языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Püski L.* A magyar parlament szerkezete a Horthy-korszakban – kelet-közép európai kitekintésben. // *Magyarság és Európa – tegnap és ma.* Debrecen, 2006. 153–167. old.; *Idem.* Választási rendszer és parlamentarizmus a Horthy-korszakban // *A magyar jobboldali hagyomány 1900–1948.* Budapest, 2009. 73–101. old.; *Idem.* Parlamenti ciklusok, ülészakok, ülések a két világháború közötti Magyarországon // *Újragondolt negyedszázad – tanulmányok a Horthy-korszakról.* Szeged, 2010. 35–45. old.

2 *Romsics I.* Nyíltan vagy titkosan? A Horthy-rendszer választójoga // *Rubicon.* 1990. № 2. Текст доступен по адресу: http://www.rubicon.hu/magyar/oldalak/nyiltan_vagy_titkosan_a_horthy_rendszer_valasztojoga/ (дата последнего обращения 05.05.2015); *Választójog-történeti forrásgyűjtemény* // http://majt.elte.hu/Tanszkek/Majt/TantargyiProgramok/segedanyag_doc/kepes/A_magyar_valasztojog_jogforrasok.pdf (дата последнего обращения 05.05.2015).

3 1938. évi XXXIV. törvénycikk a «Magyar Szent Koronához visszacsatolt felvidéki területeknek az országgal egyesítéséről». Текст доступен на сайте «1000 év törvényei» по адресу: <http://www.1000ev.hu/index.php?a=3&param=8089> (дата последнего обращения 05.05.2015); «1939. évi VI. törvénycikk a Magyar Szent Koronához visszatért kárpátaljai területeknek az országgal egyesítéséről» // *Ibid.* <http://www.1000ev.hu/index.php?a=3&param=8100> (дата последнего обращения 05.05.2015).

4 1939. évi XVIII. törvénycikk «A Magyar Szent Koronához visszacsatolt felvidéki területeken és a Magyar Szent Koronához visszatért kárpátaljai területen országgyűlési képviselők választásáról». ». Текст доступен на сайте «1000 év törvényei» по адресу: <http://www.1000ev.hu/index.php?a=3&param=8112> (дата последнего обращения 05.05.2015).

5 *Horváth L.* Kárpátalja képviselete a magyar országgyűlésben, 1938–1945. Budapest, 2002.

6 «Budapesti Közlöny», 1867–1944. Текст доступен на сайте «Digitalizált Törvényhozási Tudástár» по адресу: <http://dt.ogyk.hu/hu/gyujtemenyismertetok/jogforrasok/hivatalos-kozlonyok/item/416-budapesti-kozlony-1867-1944> (дата последнего обращения 05.05.2015); «Magyarországi Rendeleték Tára». Текст доступен на сайте «Digitalizált Törvényhozási Tu-

dástár» по адресу: <http://dt.ogyk.hu/hu/gyujtemenyismertetok/jogforrasok/rendeletek-tara/item/404-magyarorszag-rendeletek-tara> (дата последнего обращения 05.05.2015).

7 A magyar hivatalos közlöny 150 éve. Budapest, 1998. 17–27. old.

8 *Fedinec Cs.* Iratok a kárpátaljai magyarság történetéhez 1918–1944. Dunaszerdahely – Somorja, 2004. 528–534. old.

9 Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest. K 27. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek 1867–1944. 1936.XII.12. Текст доступен по адресу: <http://adatbazisokonline.hu/adatbazis/minisztertanacsi-jegyzokonyvek-1867-1944/adatlap/59848> (дата последнего обращения 05.05.2015).

10 *Ibid.* 1939.VI.27. Текст доступен по адресу: <http://adatbazisokonline.hu/adatbazis/minisztertanacsi-jegyzokonyvek-1867-1944/adatlap/59905> (дата последнего обращения 05.05.2015).

11 *Jankovics J.* Az irodalmi társaságok mint a Gyöngyösi-kultusz ápolói. // *Ghesaurus*. Budapest, 2010. 625–636. old.

12 *Balás V.* Az Erdős Kárpátok és a Nagy-Alföld, ruszinok és magyarok. Ungvár, 1942.

13 *Vasas G.* Az elaltatott alkotmány: a kárpátaljai vajdaság ügye 1939–1940-ben. // *Kárpáti Ukrajna: Vereckétől Husztig*. Pozsony, 2014. 90. old.

14 *Kozma M.* Beszédek, cikkek, előadások, 1935–1940. Budapest, 1940. IV. k. 281–282. old.

15 Magyar Tudományos Akadémia Kézirattára. Egyed-iratok. Ms 10.734/9.

16 *Ibid.* Ms 10.734/15.

17 *Ibid.* Ms 10.734/23.

18 *Volosin Á.* Gyakorlati kisorosz (rutén) nyelvtan. Ungvár, 1907.

19 Грамматика угрорусского языка для средних учебных заведений. Унгварь, 1940.

20 *Marina Gy.* Ruténsors – Kárpátalja végzete. Nagyszőlős, 1977/1999. 86. old.

21 *Volosin Á.* Gyakorlati kisorosz (rutén) nyelvtan. Ungvár, 1907; *Волошинь А.* Методическая грамматика карпато-русского языка для народных школ. Для I и II классов народной школы. Унгварь, 1919.

22 Русинський дайджест 1939–1944. Кроника. Ніредьгаза, 2010. Т. III: Тексты з ужгородських новинок «Нова Недфля» и «Карпатска Недфля» 1939–1941 гг. С. 133.

23 *Капраль М.* Русский язык в Подкарпатье (1938–1944) // *Studia Russica*. 2003. Vol. XX. С. 178–179.

24 *Гарайда И.* Грамматика руського языка. Унгварь, 1941.

25 *Балецкий Э.* Венгерские заимствования в лемковском говоре села Комлошка в Венгрии // *Studia Slavica*. 1958. Vol. IV. С. 23–46;

Дзендзелівський Й. До питання про мадяризм в говорах Закарпатської області. На матеріалах Лінгвістичного атласа. Част. I // Доповіді та повідомлення УжДУ. Серія Філології. 1959. № 2. С. 61–64.

26 *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Київ, 1987. С. 254.

27 *Казак О.* Етнокультурная политика Венгрии в отношении Подкарпатской Руси (1939–1944 гг.) в свете теории символической природы национализма // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія «Культурологія». 2014. № 1. С. 226.

28 *Черничко С., Фединец Ч.* Наш місцевий Вавилон: Історія мовної політики на території сучасного Закарпаття у першій половині ХХ століття (до 1944 року). Ужгород, 2014. С. 163.

29 Там же.

Ch. Fedinec, S. Černičko

Some aspects of the language policy of the Kingdom of Hungary
in Transcarpathia in 1939–1944

The long-term survival of language, national or ethnocultural communities to a large extent depends on the decisions of the central or regional authorities, as well as on the language context and the system of measures for shaping language and cultural intergration of national, ethnic or language minorities, autochthonous or migrant communities. The article dwells upon the ethnic and national-political goals of Hungary in Transcarpathia in 1939–1944.

Key words: *Hungary, Transcarpathia, Ruthenians, language policy*

Б. С. Новосельцев
(Москва)

Югославско-американские отношения и вмешательство США в конфликт во Вьетнаме (1965 – начало 1966 г.)

В статье, написанной на основе неопубликованных материалов сербских и российских архивных источников, автор особо останавливается на позиции югославского руководства в связи с вмешательством США во вьетнамский конфликт.

Ключевые слова: *Югославия, США, внешняя политика, война во Вьетнаме, Йосип Броз Тито*

Вмешательство США во вьетнамский конфликт* стало одним из важнейших событий в международных отношениях середины 1960-х годов. Это не только отразилось на взаимоотношениях сверхдержав, но и повлияло на изменения во внешней политике других государств, в том числе – Югославии. Вокруг Вьетнама, и в целом Юго-Восточной Азии, развернулась геополитическая игра, главными участниками которой были США, СССР и Китай. Ее смыслом, как и всегда, была борьба за сферы влияния в регионе. Любопытно, что все три стороны избрали схожую тактику: поспособствовать

---

* Со второй половины XIX в. Вьетнам входил в состав колониальных владений Франции. В ходе Второй мировой войны он был оккупирован Японией, а после ее окончания Франция предприняла попытку восстановить там свою власть, что спровоцировало вооруженный конфликт. В 1954 г. в Женеве состоялась мирная конференция, признавшая независимость Вьетнама. На его территории, согласно Женевскому договору, было образовано два государства – Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ) на севере и Республика Вьетнам на юге. Коммунистический Северный Вьетнам получил поддержку со стороны Советского Союза и Китая, а Южный Вьетнам оказался в сфере влияния США, которые стремились «заполнить вакуум» после ухода Франции и не допустить там усиления позиций своих противников. На юге, где начиная с 1960 г. при поддержке ДРВ действовала организация Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ) или Вьетконг, вспыхнула гражданская война. В начале 1965 г., после нападения партизан Вьетконга на американскую военную базу в Плейку, президент США Л. Джонсон принял решение начать бомбардировки Северного Вьетнама. Соединенные Штаты фактически превратились в одного из участников конфликта.

эскалации конфликта двух других государств и, оставшись в роли «смеющегося третьего», укрепить свои позиции.

Соединенные Штаты, учитывая напряженное состояние советско-китайских отношений, оказались, как им представлялось, в выигрышном положении. По их оценкам, американское вооруженное вмешательство должно было привести не к совместному противодействию СССР и Китая, но еще больше обострить противоречия между ними. В Вашингтоне продолжали проводить осторожную политику там, где существовал риск спровоцировать конфликт с Советским Союзом. Прежде всего это касалось европейского региона. Там же, где была возможность добиться усиления своих позиций и при этом избежать критического ухудшения отношений с Москвой, американцы активно применяли политическое и экономическое давление и даже готовы были осуществить вооруженную интервенцию. Югославские аналитики иронично называли такую тактику «выборочным мирным сосуществованием»¹.

Целью американской политики во Вьетнаме было добиться «молчаливого признания сторонами ситуации “фактического тупика” (так называемый “греческий путь” – по аналогии с затуханием партизанской борьбы в Греции в 1949 г.) с постепенным свертыванием военных действий до полного их прекращения, без каких-либо формальных переговоров»², так чтобы оставить Вьетнам разделенным по 17-й параллели на неопределенное время. Согласно Женевскому договору, еще в 1956 г. должны были состояться выборы, по итогам которых произошло бы воссоединение Вьетнама. Однако в таком случае власть в стране практически неизбежно перешла бы к коммунистам, поэтому премьер-министр Южного Вьетнама Нго Динь Зьем заявил, что всеобщих выборов не будет.

По мнению советских аналитиков, США поначалу не стремились во что бы то ни стало разгромить Вьетконг и ДРВ. Конфликт был в большей степени поводом для создания широкой сети американских военных баз в Южном Вьетнаме, Тайланде и т. д.³ Так Соединенные Штаты добились бы укрепления своих позиций в Юго-Восточной Азии (в непосредственной близости от границ Китая), а свое военное присутствие там объясняли бы мировому сообществу необходимостью защиты своих южновьетнамских союзников⁴. Любопытно отметить, что и сегодня США разыгрывают похожий сценарий, защищая Южную Корею от «агрессивного северокорейского режима».

Китай в 1965 г. потерпел ряд крупных внешнеполитических неудач: в связи с революцией в Алжире была отложена II конференция

стран Азии и Африки, которую в Пекине считали инструментом расширения своего влияния в регионе⁵, попытка военного переворота в Индонезии и его подавление армейскими частями под командованием генерала Сухарто привели к фактическому отстранению от власти сторонника ориентации на Пекин, президента Сукарно, хотя он еще некоторое время оставался на своем посту. Ухудшились отношения с Кубой⁶ и некоторыми африканскими странами, традиционно близкими Пекину (например, с Гвинеей⁷). Кроме того, война во Вьетнаме, вопреки надеждам китайских экспертов, не привела к серьезному обострению советско-американских отношений.

Через неудач во внешней политике стала одной из причин переориентации китайского руководства. Основной упор был сделан на внутреннее развитие страны. Лидер страны Мао Цзэдун объявил о начале культурной революции. В международных отношениях Китай теперь концентрировал свои усилия в основном на Юго-Восточной Азии: именно в этом регионе он пытался действовать как великая держава и надеялся реабилитироваться за свои прошлые поражения⁸.

Расчет китайцев состоял в том, чтобы «спровоцировать Советский Союз [...] встать на путь активных действий против США в Европе и других частях света». Они надеялись «довести дело до вооруженного конфликта между СССР и США, а самим остаться в стороне и “сидя на горе, наблюдать за борьбой двух тигров”»⁹. Целью Пекина было добиться признания со стороны США Юго-Восточной Азии зоной китайских интересов. Кроме того, предполагалось создать в этом регионе «систему государств, которые полностью шли бы в фарватере китайской политики»¹⁰.

Китаю дипломатическое урегулирование ситуации во Вьетнаме было невыгодно. Пекин, наоборот, оказывал «сильнейшее давление на вьетнамцев», чтобы те продолжали вооруженные действия. Так, 20 декабря 1965 г. китайский премьер-министр Чжоу Эньлай на приеме в посольстве ДРВ заявил: «Единственный выбор для вьетнамского народа – это продолжать сражаться до тех пор, пока американские агрессоры не уберутся из Вьетнама»¹¹.

В Москве не верили в возможность объединения Вьетнама военным путем и считали, что исход конфликта (как и в случае с Кореей) сведется к признанию статус-кво. При таком развитии событий ДРВ была бы отброшена к положению 1954 г., а в экономическом отношении еще более разорена. Поэтому советское руководство, желая минимизировать потери, стремилось к политическому урегулированию конфликта¹².

С другой стороны, в СССР тоже надеялись максимально использовать противоречия своих соперников, что не только гарантировало преимущества в Юго-Восточной Азии, но и «ослабляло американский империализм, отвлекая его силы от Европы»¹³.

В этой связи Москва заняла умеренную позицию, оказывала политическую, дипломатическую и экономическую помощь ДРВ и Вьетконгу и начала пропагандистскую кампанию, квалифицируя американскую агрессию как преступление против мира¹⁴. Как и предполагали американские политики¹⁵, начало бомбардировок не привело к эскалации конфликта двух сверхдержав.

После начала американских бомбардировок советский премьер-министр А. Н. Косыгин отправился с визитом на Дальний Восток, побывал в КНР, КНДР и ДРВ, где вел переговоры о совместном выступлении социалистических стран в поддержку Ханоя и оказании ему материальной и политической помощи. Корейские и вьетнамские лидеры поддержали его предложения, китайцы обещали их подробно изучить и дать свой ответ.

24 февраля 1965 г. глава правительства Северного Вьетнама Фам Ван Донг подготовил проект совместной резолюции, «которая осуждала агрессию американского империализма на Демократическую Республику Вьетнам и подчеркивала, что нападение на Вьетнам означает нападение на весь социалистический лагерь». Однако китайское руководство выступило против этой инициативы, так как «все правительства социалистических стран уже высказали свои позиции по этому вопросу»¹⁶. Кроме того, Китай не предоставил советским самолетам свое воздушное пространство для доставки оружия и мирных грузов в Северный Вьетнам, предложив перевозить их по железной дороге, что существенно замедляло доставку¹⁷.

Учитывая, что краеугольными принципами внешней политики Югославии были неприсоединение и мирное сосуществование, вооруженное вмешательство США во вьетнамский конфликт должно было резко негативно сказаться на развитии югославско-американских отношений и привести к большему сближению между СФРЮ и СССР. Однако этого не произошло. Белград и Вашингтон обладали богатым опытом преодоления взаимных противоречий. Югославские политики старались избегать слишком острых заявлений, а правительство Соединенных Штатов выражало высокую степень понимания мирных инициатив Югославии¹⁸.

Позиция СФРЮ по вьетнамскому вопросу была исключительно гибкой, и в зависимости от того, с кем велись переговоры, на первый

план выходили те или иные ее аспекты. На встречах с советской стороной югославы представляли бескомпромиссными противниками американского империализма, подчеркивали необходимость оказания помощи Северному Вьетнаму¹⁹, рассказывали, как они пытаются убедить глав неприсоединившихся стран осудить политику США²⁰. В ходе консультаций с американскими политиками и дипломатами югославы превращались в сторонников достижения мирного и взаимоприемлемого выхода из кризиса. Так, в начале 1965 г. Йосип Броз Тито отправил письмо президенту США Л. Джонсону, в котором настаивал на мирном разрешении конфликта путем прямых переговоров. Осуждение американской интервенции и призыв к выводу войск из Вьетнама в нем, разумеется, отсутствовали²¹.

Действия США, по сути занимавшихся спекуляциями вокруг прекращения боевых действий и одновременно все больше увеличивавших свое военное присутствие в Юго-Восточной Азии, заметно осложняли попытки Югославии балансировать между двумя своими ключевыми императивами: политикой мирного сосуществования и стремлением сохранить достигнутый уровень экономического и политического сотрудничества с Вашингтоном²².

Вместе с тем международная обстановка давала надежду на усиление влияния Югославии и неприсоединившихся стран: призыв к миру актуальнее всего во время войны. Мобилизовав внеблоковые государства с целью оказания давления на сверхдержавы и достижения дипломатического решения вьетнамского конфликта, Й. Броз Тито и его сторонники надеялись вывести неприсоединение из кризиса, в котором оно оказалось в 1965 г.²³

15 марта 1965 г. в Белграде состоялось заседание, на котором присутствовали делегации 15 государств*. Главной темой повестки дня стала ситуация во Вьетнаме. По итогам переговоров стороны подписали «Призыв 17 неприсоединившихся стран»**, в котором они осуждали «иностранный вмешательство» и требовали найти мирное решение конфликта в духе Женевской конференции по Индокитаю (1954 г.) и Каирской конференции неприсоединения (1964 г.).

Под обтекаемой формулировкой «иностранный вмешательство» могла пониматься как американская интервенция, так и поддержка

* Во встрече участвовали представители Алжира, Афганистана, Ганы, Гвинеи, Индии, Ирака, Кубы, Кипра, Мали, Сирии, ОАР, Туниса, Цейлона, Эфиопии и Югославии.

** Куба и Мали отказались подписывать этот документ, однако к «Призыву» присоединились Кения, Непал, Судан, Танзания и Уганда.

партизан НФОЮВ со стороны Северного Вьетнама. Интересно отметить, что в югославском проекте итогового документа фигурировало «осуждение американской агрессии»²⁴. Тито был недоволен результатами конференции, которая еще раз продемонстрировала расхождения между неприсоединившимися странами и невозможность их выступления с единых позиций. Некоторые участники встречи, в частности Индия, не желая обострения отношений с США и стремясь избежать прямого осуждения одной из сторон, настояли на смягчении формулировок.

Позиция Югославии по Вьетнаму отличалась как от американской, так и от советской. Белград не поддержал программу мирного урегулирования, предложенную 8 апреля 1965 г. премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом, которая сводилась к выводу американских войск из Южного Вьетнама и воссоединению страны в соответствии с программой НФОЮВ²⁵. В отличие от представителей стран советского лагеря, в СФРЮ неоднократно заявляли, что так называемые «4 пункта Фам Ван Донга» «нереалистичны, представляют собой программу-максимум и исключают переговоры по урегулированию»²⁶. Югославские руководители полагали, что данный вопрос может быть решен только в рамках Женевских соглашений, а для этого необходимы политические решения и консультации. По их мнению, в целях создания благоприятных условий для мирной конференции США должны прекратить бомбардировки и не увязывать это с выводом северовьетнамских войск из Южного Вьетнама. Кроме того, они настаивали на том, чтобы на переговорах в качестве полноправного участника присутствовала делегация Вьетконга²⁷.

Предложения Югославии вызвали негодование у руководства ДРВ. В официальных заявлениях и в печати Тито и его сподвижники именовались не иначе как «современные ревизионисты», «предатели», «лакеи американского капитализма», «мальчики на побегушках при Джонсоне» и т. д.²⁸ Однако югославам было гораздо важнее, что их позиция встретила понимание в Москве и Вашингтоне. СФРЮ, как и сверхдержавы, стремилась не столько к урегулированию ситуации во Вьетнаме, сколько к укреплению своего международного положения, сохранению баланса между США и СССР и реанимации политики неприсоединения.

В начале лета Тито предстоял важнейший визит в СССР, от которого в значительной степени зависело будущее советско-югославских отношений²⁹. Необходимо было подготовить благоприятную почву для поездки. Близость внешнеполитических позиций Белгра-

да и Москвы, как всегда, была одной из тех карт, которые умело разыгрывала югославская дипломатия.

9 мая 1965 г. на выступлении, посвященном Дню Победы, Тито вопрошал: «Не существует ли аналогии между событиями, которые предшествовали Второй мировой войне, и тем, что сейчас происходит в международных отношениях? [...] Гитлер и Муссолини, желая подчинить себе весь мир, прикрывались заявлениями о коммунистической опасности»³⁰. На Западе это выступление назвали острейшим начиная с 1948 г.³¹ 19 июня на встрече с советскими руководителями в Москве Тито не преминул напомнить им об этой речи. Американцы, по его словам, «очень разозлились и даже отказали в выдаче кредита»³².

Судя по документам Секретариата иностранных дел СФРЮ, «в первом полугодии 1965 г. югославско-американские отношения сохраняли положительные тенденции, двустороннее экономическое сотрудничество достигло высшего уровня в послевоенной истории». Югославский экспорт в США составил 60 млн долл., с успехом прошли переговоры о предоставлении зерна по программе поставок сельскохозяйственных излишков*, возобновилось сотрудничество с Экспортно-импортным банком, обнадеживающие сведения приходили в связи с запрошенными кредитами у Международного банка и Международного валютного фонда. При этом ни президент, ни Конгресс, ни американские масс-медиа не допускали негативных высказываний в адрес Югославии³³.

Однако после речи Тито на праздновании Дня Победы и успеха его визита в СССР в отношениях с Соединенными Штатами возникли определенные трудности. Американцы затягивали подписание договора о сельскохозяйственных излишках и не говорили ничего

* «Закон о сельскохозяйственных излишках» (Public Law 480) был принят Конгрессом США в 1954 г. Он служил для регулирования торговли американским зерном, не находившим спроса в Соединенных Штатах, помощи нуждающимся странам в непредвиденных случаях, а также для предоставления некоторым государствам бесплатной продовольственной помощи. Закон предполагал возможность расплачиваться за поставки американского зерна в кредит, как в долларах, так и в местной валюте. Сроки возврата кредита колебались от 10 до 30 лет, предусматривались низкие годовые проценты и отсрочка платежей до 5 лет. Югославия подписала с США договор о предоставлении излишков сельскохозяйственной продукции 30 августа 1955 г. Согласно ему, часть зерна поставлялась в виде безвозмездной помощи, а часть необходимо было покупать в кредит в динарах.

конкретного в ответ на просьбу СФРЮ об отсрочке выплаты государственного долга³⁴. Такова была цена, уплаченная югославским лидером за удачные переговоры в Москве.

В конце июля 1965 г., вскоре по возвращении Тито из Советского Союза, в Югославию прибыл специальный посланник президента США Уильям Аверелл Гарриман. Визит в Белград опытного американского дипломата означал, что в Соединенных Штатах были обеспокоены сложившейся ситуацией. Готовность Вашингтона к компромиссу, даже в условиях улучшения советско-югославских отношений и учитывая резкие заявления Тито в адрес американской внешней политики, объяснялась тем, что президент Джонсон видел в Югославии возможного посредника между сверхдержавами, а также между США и странами «третьего мира». В случае невозможности решения вьетнамского конфликта военным путем СФРЮ и другие неприсоединившиеся государства должны были помочь начать мирные переговоры по урегулированию ситуации³⁵.

Переговоры между Тито и Гарриманом состоялись 28 и 31 июля 1965 г. Центральными темами стали ситуация во Вьетнаме и югославско-американские отношения. В ходе первого раунда стороны представили свои позиции по вьетнамскому вопросу. Гарриман раскритиковал просоветское восприятие конфликта руководством СФРЮ. Он подчеркнул, что США лишь оказывают помощь жертве агрессии со стороны Северного Вьетнама и Китая, так же как в 1948 г. они помогали Югославии. Соединенные Штаты выступают за мирное решение спорных вопросов, но президент ДРВ Хо Ши Мин отвергает всякую возможность переговоров. В ответ Тито заметил, что в случае немедленного прекращения бомбардировок Северного Вьетнама и отказа ДРВ вести переговоры вся вина за дальнейшее развитие событий была бы возложена на них, а США продемонстрировали бы свое стремление к мирному решению конфликта. Кроме того, он высказался за выполнение Женевского договора 1954 г. и проведение в Южном Вьетнаме выборов, которые Сайгон постоянно откладывал. НФОЮВ, по мнению югославского лидера, следовало допустить к участию в переговорном процессе³⁶.

В конце разговора, зная, что Тито улетает на переговоры с индийским премьер-министром Л. Б. Шастри в свою резиденцию на Бриони, Гарриман попросил его обсудить возможность выступления Югославии и Индии в качестве посредников в переговорах по вьетнамскому вопросу³⁷. Опытнейший американский дипломат не случайно прибыл в Югославию в то самое время, когда там находился

индийский лидер. В случае необходимости в Вашингтоне надеялись привлечь к совместному посредничеству во вьетнамском конфликте две наиболее авторитетные неприсоединившиеся страны. Индия сильно зависела от американских кредитов и экономической помощи, поэтому в Дели придерживались умеренных позиций по вьетнамскому конфликту. В частности, там выступали против признания Вьетконга законным представителем южновьетнамского народа и участия делегации НФОЮВ в мирных переговорах³⁸. Таким образом, американские эксперты полагали, что Шастри должен уравновесить временами чересчур резкую позицию Тито.

31 июля 1965 г. в ходе второго раунда переговоров с А. Гарриманом югославский лидер еще раз изложил свою точку зрения по вопросу урегулирования ситуации во Вьетнаме. Также он подчеркнул, что Югославия и Индия не поддерживают проектов Хо Ши Мина и Мао Цзэдуна по созданию единого вьетнамского государства, так как в этом случае оно неизбежно попало бы под влияние Китая. Белград и Дели выступают за независимый и демократический Южный Вьетнам³⁹.

Несмотря на то, что под независимым и демократическим Южным Вьетнамом Тито, очевидно, понимал участие в выборах Вьетконга и следование женевающим договоренностям 1954 г., США восприняли это заявление как поддержку своих позиций. Вскоре после переговоров Л. Джонсон отправил Й. Тито письмо, в котором благодарил его за стремление найти мирное решение вьетнамской проблемы и обещал, что в ближайшем будущем просьба Югославии о помощи в реализации ее программы экономического развития будет рассмотрена⁴⁰.

Во второй половине 1965 г. США пошли навстречу югославским пожеланиям. Были отсрочены выплаты по государственному долгу, предоставлен кредит в 117,2 млн долл. на закупку пшеницы и достигнута договоренность о еще одном кредите на сумму 174 млн. долл. В то время американская администрация видела в Тито одного из главных инициаторов переговоров об окончании войны во Вьетнаме⁴¹.

Вмешательство во вьетнамский конфликт оказалось для США экономическим и политическим балластом. Быстрой победы не произошло. Затраты на ведение войны возрастали, в Юго-Восточную Азию перебрасывались все новые и новые армейские части. Все больше американских солдат отправлялось воевать во Вьетнам. Среди них росли потери. Это привело к падению рейтинга Линдона Джонсона внутри страны, началу антивоенных манифестаций, а также ухудшению международного положения США. Их агрессивную

внешнюю политику осуждали теперь не только социалистические страны, но и нейтральные государства и даже бывший союзник американцев по НАТО – Франция.

23 декабря 1965 г. США прекратили бомбардировки Северного Вьетнама и разослали своих представителей во все страны, которые, по их мнению, могли повлиять на Пекин и Ханой в плане прекращения боевых действий и начала мирных переговоров⁴².

Позиции Соединенных Штатов содержались в программе «14 пунктов», которую в конце 1965 – начале 1966 гг. представил руководителям ведущих мировых держав (среди них была и Югославия) американский вице-президент Хьюберт Хамфри.

Соединенные Штаты выражали готовность прекратить бомбардировки Северного Вьетнама, если другая сторона «сообщит, что это за собой повлечет». Они подчеркивали, что не добиваются создания военных баз в Юго-Восточной Азии и не стремятся к дальнейшему присутствию своих войск в Южном Вьетнаме, высказывались за проведение свободных выборов в Южном Вьетнаме и за воссоединение вьетнамского народа, если это будет осуществлено путем его свободного волеизъявления. Кроме того, США допускали, что позиции Вьетконга могут быть представлены за столом переговоров⁴³, однако непонятно, предполагала ли эта формулировка прямое участие в переговорах делегации НФОЮВ.

1 января 1966 г. в Белграде состоялась новая встреча между Тито и Гарриманом. Американский дипломат попросил помочь мирной инициативе его правительства. Для этого югославы должны были использовать свои связи с Москвой, чтобы СССР оказал давление на Хо Ши Мина и заставил его пойти на переговоры. В ответ Тито пообещал ознакомить советское руководство с предложением Соединенных Штатов и заметил, что прекращение бомбардировок – это важный шаг на пути к мирному решению вопроса, однако он не должен быть ультиматумом для ДРВ. США, по его мнению, следовало отказаться от возобновления бомбардировок, даже в том случае, если Ханой откажется идти на уступки⁴⁴.

Руководители СФРЮ, так же как лидеры стран советского блока, Китая и Северного Вьетнама, увидели в мирной инициативе США пропагандистский маневр, целью которого было показать всему миру, что Америка сделала все, что могла, для достижения мира, и ей ничего не остается, кроме как продолжить войну⁴⁵. Это предложение не встретило реальной поддержки у СССР или неприсоединившихся стран. Северовьетнамское руководство оставило его без ответа.

31 января 1966 г. Джонсон в письме Тито сообщил о своем намерении возобновить бомбардировки ДРВ. Он констатировал, что их приостановка не принесла желаемых результатов: военная активность северовьетнамской стороны только возросла. Джонсон поблагодарил правительство Югославии за усилия, направленные на мирное решение конфликта, и выразил уверенность в том, что тесные американско-югославские консультации по вьетнамской проблеме будут продолжены⁴⁶.

Возобновление бомбардировок Северного Вьетнама означало, что США изменили свою позицию и теперь намереваются одержать во Вьетнаме военную победу и именно так, а не за столом переговоров, решить данный вопрос. Американцы теперь не нуждались в Югославии как в посреднике и организаторе мирной конференции, к тому же они убедились, что неприсоединившиеся страны не способны помочь начать переговорный процесс. Теперь Вашингтон не был склонен, как прежде, идти на уступки или компромиссы в отношениях с Белградом.

Югославское руководство, оценив изменения в международной конъюнктуре, окончательно перешло на позиции, совпадавшие с позициями стран советского блока: оно безоговорочно осуждало американскую агрессию во Вьетнаме и требовало вывода вооруженных сил США из Юго-Восточной Азии. Так, например, в январе 1967 г. на VII пленуме ЦК СКЮ подчеркивалось: «Война во Вьетнаме является самым выразительным примером агрессивной политики США и представляет собой постоянную угрозу миру во всем мире»⁴⁷.

С начала 1966 г. югославское руководство постепенно теряло возможность лавирования между сверхдержавами. Начавшееся охлаждение отношений с США при продолжавшемся сближении с Советским Союзом наложило свой отпечаток на внешнюю политику Югославии вплоть до 1968 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Diplomatski arhiv spoljne politike Jugoslavije. Politička arhiva (DASMP. PA). 1966. SAD. f-176. 435973. Odnosi SSSR – Kina – SAD. 13.10.1966.

2 Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 079. Оп. 21. П. 55. Д. 29. Л. 81. Политика США в Индокитае.

3 Там же. Л. 58. Вьетнамский конфликт и советско-американские отношения. 5.2.1966.

4 Й. Броз Тито прямо указал на это во время переговоров с Л. И. Брежневым 23 сентября 1966 г. в Югославии: «США хотят сохранить свои базы в Южном Вьетнаме. Эти базы направлены против Китая». См.: Российский государственный архив Новейшей истории (РГАНИ). Ф. 80. Оп. 1. Д. 926. Л. 167. Запись четвертой беседы Л. И. Брежнева с И. Броз Тито во время визита Л. И. Брежнева в Югославию.

5 DASMIP. PA. 1965. Jugoslavija. f-74. 425275. Izvod iz zapisnika sa kolegijuma kod državnog sekretara druga Marko Nikežića. 13.7.1965.

6 Ibid. 446102. Izveštaj državnog sekretarijata za inostrane poslove o radu za 1965. godinu.

7 Ibid. 496394. Zabeleška o razgovoru predsednika Savezne Skupštine E. Kardelja sa ambasadorom SSSR A. Puzanovim. 12.10.1965.

8 Ibid. 1966. SAD. f-176. 435973. Odnosi SSSR – Kina – SAD. 13.10.1966.

9 АВП РФ. Ф. 079. Оп. 21. П. 55. Д. 29. Л. 14. Перспективы развития обстановки в Индокитае в связи с особым курсом китайского руководства. 12.1.1966.

10 Там же. Л. 15.

11 Там же. Л. 17–18.

12 Там же. Л. 57–58. Вьетнамский конфликт и советско-американские отношения. 5.2.1966.

13 Там же. Л. 20. Перспективы развития обстановки в Индокитае в связи с особым курсом китайского руководства. 12.1.1966.

14 АВП РФ. Ф. 079. Оп. 21. П. 55. Д. 30. Л. 67–68. Вьетнамский вопрос и предстоящая XXI сессия Генеральной Ассамблеи ООН. 15.9.1966.

15 См. DASMIP. PA. 1965. SSSR. f-158.45785. Telegram iz ambasade u Vašingtonu. 13.2.1965; Ibid. 46361. Telegram iz ambasade u Vašingtonu. 17.2.1965.

16 DASMIP. PA. 1965. SSSR. f-158. str. pov. 174. Zabeleška o razgovoru druga Predsednika sa ambasadorom SSSR Puzanovim. 15.3.1965.

17 Ibid.

18 *Bogetić D.* Početak vijetnamskog rata i jugoslovensko-američki odnosi // Istorija XX veka. 2007. № 1. S. 92.

19 Arhiv Jugoslavije. Kabinet Predsednika Republike (AJ. KPR). I-2/26-3. Put druga J.B. Tita u SSSR. 18.6–1.7.1965 // Zabeleška o jugoslovensko-sovjetskim razgovorima 19.6.1965.

20 DASMIP. PA. 1965. SSSR. f-158. str. pov. 174. Zabeleška o razgovoru druga Predsednika sa ambasadorom SSSR Puzanovim. 15.3.1965.

21 AJ. KPR. I-1/1101. Poruka Predsednika SFRJ Josipa Broza Tita – Predsedniku SAD Lindonu Džonsonu.

- 22 *Bogetić D.* Početak vijetnamskog rata i jugoslovensko-američki odnosi. S. 98.
- 23 *Ibid.* S. 93.
- 24 *Bogetić D.* Početak vijetnamskog rata i jugoslovensko-američki odnosi. S. 95.
- 25 См.: АВП РФ. Ф. 079. Оп. 21. П. 55. Д. 30. Л. 159. Об отношениях в странах мира к позиции ДРВ по урегулированию, изложенной в 4-х пунктах.
- 26 Там же. Л. 92. Позиции стран по вьетнамскому вопросу и их предложения по урегулированию во Вьетнаме. 16.9.1966.
- 27 Там же.
- 28 Там же. Оп. 20. П. 49. Д. 25. Л. 122. Отношения ДРВ с социалистическими странами Восточной Европы. 31.8.1965.
- 29 Визит Тито в СССР состоялся с 18 июня по 1 июля 1965 г. Подробнее см.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. М., 2014. Т. 1: 1946–1964.
- 30 *Tito J. B.* Govori i članci. 1969. Knj. XX. S. 158–159.
- 31 *Bogetić D.* Početak vijetnamskog rata i jugoslovensko-američki odnosi. S. 101.
- 32 АЖ. КРР. I-2/26-3. Put druga J. B. Tita u SSSR. 18.6–1.7.1965 // Zabeleška o jugoslovensko-sovjetskim razgovorima 19.6.1965.
- 33 *Bogetić D.* Početak vijetnamskog rata i jugoslovensko-američki odnosi. S. 103.
- 34 См.: DASMIP. PA. 1965. SAD. f-150. 420335. Telegram iz ambasade u Vašingtonu. 4.6.1965; *Ibid.* 422341. Telegram iz ambasade u Vašingtonu. 18.6.1965; *Ibid.* 425963. Telegram iz Vašingtona. 22.7.1965.
- 35 DASMIP. 1965. str. pov. f-10. O izgledima za dalje održavanje dobrih odnosa između Jugoslavije i SAD.
- 36 АЖ. КРР. I-3-a/SAD. Zabeleška o razgovoru druga Predsednika sa specijalnim ambasadorom SAD A. Harimanom. 28.7.1965.
- 37 *Ibid.*
- 38 *Ibid.* I-3-a/38-44. Poseta Predsednika Vlade Indije Lal Bahadur Šastrija Jugoslaviji. 28–31.7.1965 // Informativno-politički materijal // Neki aspekti spoljne politike Indije.
- 39 *Ibid.* I-3-a/SAD. Zabeleška o razgovoru Predsednika Republike Josipa Broza Tita sa specijalnim ambasadorom SAD Harimanom. 31.7.1965.
- 40 *Bogetić D.* Početak vijetnamskog rata i jugoslovensko-američki odnosi. S. 109.
- 41 *Ibid.* S. 109–110.
- 42 *Ibid.* S. 110.

43 АВП РФ. Ф. 079. Оп. 21. П. 55. Д. 29. Л. 8–13. Сравнительный анализ позиции США по вопросам урегулирования во Вьетнаме. 4.1.1966.

44 *Bogetić D.* Početak vijetnamskog rata i jugoslovensko-američki odnosi. S. 111.

45 *Ibid.*

46 АЖ. КРР. I-1/1103. Poruka Predsednika SAD Lindona Džonsona Predsedniku Republike Josipu Brozu Titu. 31.1.1966.

47 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 53. П. 214. Д. 24. Л. 50. Позиция Югославии по основным международным проблемам. 29.8.1967.

B. S. Novosel'cev

Yugoslav-American relations and the US taking part in the conflict
in Vietnam (1965 – beginning of 1966)

In the article that is based on previously unpublished data from Serbian and Russian archives the author especially dwells upon the position of the Yugoslav authorities with the respect to the US intervention into the conflict in Vietnam.

Key words: *Yugoslavia, USA, foreign policy, Vietnam War, Josip Broz Tito*

Е. Л. Валева
(Москва)

Мифы и память о социализме в Болгарии

Статья посвящена характеристике современного восприятия болгарским обществом «бархатной революции» 1989 г. и последующей трансформации коммунистического режима. Социологические опросы фиксируют достаточно высокий уровень разочарования ходом и результатами демократических и рыночных реформ на фоне заметного ослабления коллективной памяти и мифологизации представлений о социалистической Болгарии.

Ключевые слова: *история Болгарии, социологический опрос, «реальный социализм», трансформация, переходный период, 10 ноября 1989 г.*

Четверть века назад, в ноябре 1989 г., за одну ночь пала Берлинская стена. Менее чем за год рухнули коммунистические режимы в Центральной и Юго-Восточной Европе. Для граждан этих стран 25-летний юбилей стал поводом для подведения итогов: что не удалось и что было успешным в годы перехода от тоталитарных / авторитарных режимов к политическому плюрализму и рыночной экономике? Не составляет исключения и Болгария – болгарскому переходу (или, как его еще называют, транзиту) было посвящено около 100 мероприятий, прошедших в 2014 г. под лозунгом «25 лет свободной Болгарии». Инициативный комитет с таким же названием выступил основным организатором и координатором этих мероприятий (см. подробней: <http://25freebg.com>). Многие из них имели популярные форматы, доступные для каждого гражданина, такие как концерты, кино, выставки, публичные дискуссии, теле- и радиопередачи.

Цель этих мероприятий заключалась, в частности, в том, чтобы сделать еще один шаг к восстановлению доверия в болгарском обществе, которое редко было столь поляризованным, а политические дебаты настолько лишены базы для национального консенсуса по ключевым вопросам.

Особое внимание инициативный комитет уделил молодому поколению, родившемуся после 1989 г.: теме «Переход» была посвящена серия открытых уроков по истории с участием видных болгар-

ских общественных деятелей и ученых. Прошло несколько научных конференций (в том числе международных) с участием историков, политологов, бывших и нынешних политиков из Болгарии и Европы, которые дискутировали о периодизации болгарского транзита, его месте в истории Центральной и Юго-Восточной Европы. Инициативный комитет продолжил свою работу и после 2014 г., поскольку даты, связанные с годовщиной, отмечаются и в 2015 г.

В рамках инициативы «25 лет свободной Болгарии» было проведено репрезентативное социологическое исследование социально-политических взглядов болгарских граждан и их оценок относительно изменений, начавшихся в 1990 г. Оно и послужило стимулом для написания данной обзорной статьи, задача которой состоит в том, чтобы познакомить широкие круги российских славистов с современным отношением болгарского общества к противоречивой, не поддающейся однозначной оценке эпохе, именуемой «реальным социализмом», а также к последовавшему за ним периоду системной трансформации.

Вопросы анкеты основывались на аналогичных исследованиях, проведенных Национальным центром по изучению общественного мнения (НЦИОМ) в 2002, 2006 и 2008 гг., и структурировались вокруг таких проблем, как: «Что вы помните о жизни в Болгарии до 1989 года?», «Какой была бы жизнь сегодня, если бы все еще существовала Народная Республика Болгария?», «Что было худшим / лучшим из того, что произошло в Болгарии за последние 25 лет?».

Опрос на тему «25 лет демократических перемен в Болгарии» проводился среди 1200 граждан страны в возрасте старше 16 лет с выборкой по основным социально-демографическим показателям: пол, возраст, образование. Следует согласиться с мнением исследовательской группы, что сбалансированная оценка коммунистического режима и переходного периода не сводится к коллективным воспоминаниям и взглядам в какой-то определенный период времени и не исчерпывается ими. Она может быть выработана только в результате целостного анализа архивных документов, конституционных и правовых рамок, законодательства, экономической модели, пластов культуры, средств массовой информации и т. д. за весь этот период. Подобный комплексный анализ еще только предстоит провести. Поэтому данное исследование отнюдь не претендует на истину в последней инстанции, а лишь выявляет ряд «белых пятен», диаметрально противоположных взглядов и интерпретаций недавней истории Болгарии, которые требуют своего объяснения и поднимают насущные вопросы.

Проанализировав результаты опроса, болгарские социологи пришли к заключению, что спустя двадцать пять лет после начала демократических перемен коллективная память о социалистической Болгарии постепенно бледнеет, а знание о «реальном социализме» исчезает. Трудно найти другой период в болгарской истории, память о котором стиралась бы так быстро. Сегодня лишь 32% граждан признают, что хорошо знакомы с развитием Болгарии в период 1944–1989 гг. Почти столько же (31%) утверждают, что они не знают о нем ничего. Особенно драматична ситуация с молодежью: 94% представителей самого молодого поколения (16–30 лет) сообщили, что почти ничего не знают о жизни при социализме. 40% из них не смогли сказать, падение какой стены символизировало конец коммунизма – Берлинской, Московской, Софийской или Китайской. Треть не знает, что переход к демократии в странах Восточной Европы начался в 1989 г. 92% не осведомлены ни в реальном, ни в метафорическом смысле о границах коммунистического блока. Познания об эпохе «реального социализма» в основном базируются на личных впечатлениях и разговорах. Весьма незначительна доля людей, получивших информацию об этом периоде из книг (10%), кинофильмов, публицистических передач (16%), в школе или университете (10%). Половина детей, которые знают что-то о социализме, почерпнули свои познания главным образом из рассказов старших родственников (36%), друзей или знакомых (18%). Эпоха, воссоздаваемая на основе семейных рассказов, неизбежно представляется более житейской, отрывочной, воспроизводящей опыт индивидуального жизненного пути. Такое прочтение эпохи понятно. Непонятно, однако, почему в Болгарии передача систематизированных знаний об этом периоде крайне неэффективна. В результате лишь небольшая часть современного молодого поколения приобрела познания из публицистических передач и фильмов (10%) или из статьи или книги об этом периоде (6%). Только 14% сообщили, что эта тема изучалась во время учебных занятий в школе или университете.

У более старших поколений знание о социализме, естественно, базируется на личном опыте – у 73% лиц в возрасте 31–60 лет и у 98% тех, кому за 60. Как и у молодежи, доля знаний, сформированных при помощи образовательных учреждений и публицистики, очень низка (между 6 и 15%). Но и у «живых свидетелей» историческая память быстро стирается. Например, 46% людей в возрасте от 31 до 60 лет не имеют понятия, кто такой Лех Валенса, 28% не припоминают

Николае Чаушеску, 25% не знают почти ничего о Фиделе Кастро, а 44% не слышали о Георгии Маркове**.

Недостаточность дебатов в СМИ и в публичном пространстве, как и неэффективность освещения тем, затрагивающих этот период, учреждениями культуры и образования лишают новые поколения знаний об идейно-политическом характере коммунистического режима, о его масштабах и крахе. В результате постепенно «реальный социализм» забывается, а неудачи переходного периода способствуют его мифологизации. Для исторической памяти значительной части болгарских граждан оказалось характерным замещение крупных политических фигур и событий конца 1990-х годов бытовыми воспоминаниями. Имена политиков, благодаря которым стали возможны перемены, сегодня неизвестны большинству выпускников болгарских школ или университетов. Большинство молодых болгар в возрасте 16–30 лет не знают, кто такая Маргарет Тэтчер (68%), Рональд Рейган (73%), Гельмут Коль (89%), Михаил Горбачев (76%) и даже Тодор Живков (51%). Польшу, Чехию, Венгрию и Словакию относят к коммунистическому блоку 65%, но этим исчерпывается восприятие его границ. Например, о принадлежности к нему Кубы и бывших советских республик – Грузии, Азербайджана, Армении, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана и других – не знают практически ничего.

С дистанции в 25 лет оценка эпохи социализма в Болгарии оказалась сильно поляризованной и практически полностью детерминированной идеологическими убеждениями людей. Например, граждане с левыми политическими взглядами видят в этом периоде в первую очередь спокойствие, безопасность и уверенность в завтрашнем дне. Отсутствие безработицы (79%), бесплатное здравоохранение (69%), хорошее образование (57%) и индустриализация страны (47%) являются самыми сильными аргументами в пользу позитивных оценок этого периода. Их выразителем является в основном самое

* Марков Георгий (1929–1978) – болгарский писатель, автор пьес с острой проблематикой. В 1969 г. эмигрировал из Болгарии, сотрудничал с радиостанциями «Би-Би-Си» и «Свободная Европа», резко выступая против коммунистического режима и критикуя Т. Живкова. Широкий международный резонанс получило убийство Маркова в Лондоне путем укола зонтиком, в котором была спрятана капсула с ядом. Считается, что убийство было совершено болгарскими спецслужбами по заказу высшего коммунистического руководства, хотя точка в этом уголовном деле до сих пор не поставлена.

старшее поколение, причем в данном случае левые и поколенческие убеждения совпадают. Наложение романтики молодости на социальную политику воображаемого равенства на фоне вызовов, с которыми встретилось сегодняшнее болгарское общество, в значительной степени объясняет четко выраженные положительные оценки и ностальгию по социализму.

В отличие от левого, правое прочтение коммунизма / социализма гораздо более критично, но и более гетерогенно: его основными характеристиками являются ограничения, несправие, отсутствие свободы, диктатура, цензура. Для людей с правыми взглядами это строй, при котором ограничены основные права и свободы, период утопии и общественных заблуждений. И в то время как левое прочтение не видит на социализме никаких темных пятен, правое все же признает некоторые социальные достижения – доступное здравоохранение (43%), низкий уровень безработицы (49%), уверенность в завтрашнем дне. Таким образом, социальная политика в годы социализма, независимо от ее цены и вынужденных ограничений для ее реализации, является устойчивой базой для восприятия этого периода, прежде всего у левого электората, но также и у более широких социальных слоев.

Несмотря на отсутствие единого словесного символа коммунизма / социализма среди граждан с правыми убеждениями, различные характеристики этого строя имеют у них общую и четко выраженную ценностную основу – это «несвобода» во всех ее проявлениях: запрет на выезд за границу (58%), обязательные демонстрации, призванные создать ощущение единства между народом и партией (57%), дефицит товаров, характерный для стран с плановой экономикой (46%), силовая поддержка режима – органы государственной безопасности, милиция, репрессии (47%), привилегии членов Болгарской компартии (41%).

В целом же, приходят к выводу болгарские социологи, почти диаметрально противоположное прочтение социализма гражданами как с левыми, так и с правыми политическими взглядами ясно демонстрирует отсутствие консенсуса в болгарском обществе относительно недавнего прошлого. В конце 2014 г. болгарское общество металось между идеализацией понятий «молодые годы», «работа для всех», «бесплатная медицинская помощь», мозаичными воспоминаниями о «демонстрациях», «товарном дефиците», «ограничениях на выезд за рубеж», «отсутствии свободы» и «подавлении инакомыслия».

Категоричную оценку развитию Болгарии в 1944–1989 гг. решились дать примерно 69% людей в возрасте старше 16 лет. Сегодня эта

оценка явно положительная – 44% опрошенных считают этот период скорее успешным для страны и лишь 14% называют его неблагоприятным. Почти треть затруднилась ответить из-за отсутствия жизненного опыта или неосведомленности о том, что же происходило в тот период.

Учитывая разницу между левым и правым прочтением коммунизма / социализма, неудивительно, что именно политические пристрастия стали фактором, в наибольшей степени повлиявшим на мнения и отношение людей к развитию Болгарии в тот период. Понятно, что положительные оценки значительно чаще встречаются у людей с левыми политическими убеждениями. Около 78% из них считают развитие Болгарии в 1944–1989 гг. успешным. Среди них скептики и настроенные негативно составляют только 14% (8% затруднились ответить). Это, как правило, представители старшего поколения (более 61 года), проживающие в небольших городах и селах.

Негативные оценки гораздо чаще встречаются среди респондентов с четко выраженными правыми политическими взглядами. Чаще всего это представители среднего поколения (31–60 лет), живущие в крупных городах и в столице. Их память и оценка существенно отличаются от левых респондентов – только 27% из них находят развитие Болгарии в период между 1944 и 1989 гг. успешным, в то время как 36% называют его неудачным, а 29% видят как положительные, так и отрицательные моменты.

Помимо политической предвзятости, другим ключевым фактором, влияющим на оценку социализма, является крушение ожиданий переходного периода, надежд, что Болгария быстро достигнет свободы, справедливости и экономического процветания. Одним из самых любопытных результатов данного исследования стала констатация «переоценки» личностей и событий прошлого в свете углубляющегося сегодня тотального кризиса общественного доверия к институтам, политикам, судебной системе и чувства потери перспектив.

Агентство социально-политических исследований «Alpha-research» сравнило оценки развития Болгарии в 1944–1989 гг., полученные в октябре 2014 г., с ответами на аналогичный вопрос, заданный НЦИОМ в 1992 г. Если 22 года назад положительные и отрицательные мнения были почти паритетными, то сегодня негативные оценки этого периода уменьшились вдвое (с 30% до 14%), а положительные увеличились на 10%. Таким образом, в 2014 г. при соотношении 43%: 14% доминирует ностальгически идеализированный образ социализма.

Еще более радикальным оказалось изменение оценки личности последнего генерального секретаря ЦК БКП Тодора Живкова. Через два года после краха социализма, пока еще была жива и рельефна память о жизни в тот период, 76% анкетированных НЦИОМ совершеннолетних граждан давали Живкову негативную оценку. Сегодня отрицательные оценки снизились до 25%, а положительные возросли с 16% до 55%. 1980-е годы запомнились в Болгарии главным образом Чернобыльской аварией и отставкой Живкова. Однако сегодня они существуют как две параллельные реалии, не связанные между собой. Ответственность ЦК БКП и ее генерального секретаря за сокрытие информации о радиоактивном облаке и загрязненных продуктах уже давно стерлась из общественной памяти. На фоне трудностей переходного периода, его антигероев и отсутствия ценностных дебатов ныне общественные настроения реабилитируют людей и события, которые еще совсем недавно вызывали возмущение.

Таким образом, переоценка через идеализацию – такова динамика общественного мнения о социализме за последние 25 лет. Левое и правое его прочтение демонстрируют два совершенно разных облика этого строя. Социализм теряет свою политическую оценку, продолжая питать старые и новые мифы, связанные с восприятием недавнего прошлого.

Мнения участников опроса разделились и при оценке исходного момента демократических преобразований – что же произошло 10 ноября 1989 г., революция или переворот*?

Диаметрально противоположные оценки в данном случае также опираются, во-первых, на политические биографии и пристрастия людей и, во-вторых, – на личные воспоминания о том времени. Например, у людей с левыми политическими взглядами доминируют ощущения переворота (30%) и заговора внешних сил (20%), в то время как мнения болгар с правыми убеждениями расходятся между переворотом (27%), победой демократических ценностей (19%) и освобождением от коммунизма (14%). 10 ноября остается, однако, «чуждой» и «нелюбимой» датой, не имеющей своей четкой символики. Для левых – потому что тогда была нарушена целостность строя, в который они верили в течение многих лет, а для правых – потому

* Напомним, что события 10 ноября 1989 г., когда пленум ЦК БКП отстранил от власти многолетнего руководителя страны Т. Живкова, знаменовали собой начало трансформационных процессов в болгарском обществе и государстве, приведших к смене в Болгарии общественного строя.

что они интерпретируют эту дату как внутривнутрипартийный переворот и связывают ключевую фигуру в нем, Андрея Луканова, с позднейшей неудачей демократических реформ. 73% молодых людей в возрасте от 16 до 35 лет не имеют никакого представления о процессах, связанных с этой датой.

Реконструкция с сегодняшних позиций вопроса «куда идти после 1989-го?» четко очерчивает пять сфер представлений о свободной и процветающей Болгарии – открытие границ и свобода передвижения (30%), рост доходов и благосостояния (27%), развитие рыночной экономики и новые возможности профессиональной деятельности (20%), укрепление прав и свобод человека (19%), возвращение частной собственности (18%), выбор руководителей путем свободного волеизъявления (15%). Несмотря на то, что, объективно говоря, большинство из этих ожиданий стало фактом – Болгария является членом ЕС и НАТО, обеспечена свобода передвижения, в результате реституции возвращена частная собственность, существуют многопартийная система и свободные выборы и т. д., все же налицо субъективное ощущение, что ожидаемое и реальное совпадают лишь в трех направлениях – вступление в ЕС, свобода передвижения и частная собственность. Только 2% болгар считают, что сбылись ожидания относительно реализации принципа верховенства закона, 5% – создания демократических институтов, 10% – избрания представителей власти различных уровней путем действительно свободных и демократических выборов.

Если отношение к коммунизму поляризовано и сильно детерминировано индивидуальными биографиями и политическими взглядами, то баланс оценок последовавшего переходного периода в целом гораздо более однозначен и гомогенен. И, к сожалению, со знаком минус: 50% населения в возрасте старше 16 лет оценивают развитие Болгарии после 1989 г. как неуспешное против 10% положительных отзывов. Однако производит впечатление, что оценки на микроуровне, в личном плане, менее пессимистичны (29% относят себя к «проигравшим» за годы перехода), чем оценки на макроуровне. Налицо очень четкая тенденция – чем более конкретным и обозримым является период оценки, тем более умеренны и нюансированны мнения. Люди учитывают как отрицательные, так и положительные стороны своей жизни. И наоборот, чем выше уровень обобщения, тем строже приговор о неуспехе и провале болгарского переходного периода.

Одна из самых больших проблем, выявленных в ходе анкетирования, – почему люди в личном плане дают гораздо более нюан-

сированную оценку эпохе трансформации, принимая во внимание и выгоды, и потери, но в общественном плане видят в ней преимущественно неудачи? Ответ можно найти в способе, при помощи которого болгары определяют «победителей» и «проигравших» в переходный период: путем противопоставления «политики – обычные люди». Несмотря на произошедшее за последние 25 лет расслоение общества, это противопоставление не экономическое, не поколенческое, не этническое, а чисто политическое. Оно создает ощущение формирования «класса летящих по скоростной трассе», на которых не распространяются законы и правила, и «класса пешеходов», причем пути этих двух классов не пересекаются. Этим противопоставлением общественное мнение выражает свое ощущение фундаментальной проблемы перехода – провала реализации принципа верховенства закона, существования неэффективных и коррумпированных институтов, обеспечивающих злоупотребление властью. Ряд политических феноменов недавней истории Болгарии показывает последствия этого процесса – постоянное и все более усиливающееся падение доверия к политикам и основным институтам представительской власти, политическая апатия, привыкание к покупке голосов избирателей, усиливающаяся роль популизма, играющего на недовольстве народа.

Убеждение и левых, и правых, людей с высоким и низким социальным статусом заключается в том, что переход облагодетельствовал в первую очередь политиков и преступников. Именно по этой причине сегодня его в равной степени «недолюбливают» и слева, и справа.

Не только данный опрос, но и все анкетирования последних лет показывают, что после 25 лет трансформаций, после выборов 9 составов парламента и 15 правительств неизменно самыми проблемными сферами остаются здравоохранение, судебная система, безопасность, экономика и сельское хозяйство. Если люди и отмечают некоторые успехи и перемены к лучшему по сравнению с периодом до 1989 г., то это в основном касается развития средств массовой информации и инфраструктуры. Хотя есть небольшие нюансы в оценках, исходящих от разных социальных групп, в целом мнения весьма схожи. Пессимизм, надолго охвативший болгарское общество, и чувство проигрыша в годы перехода почти полностью стерли из его сознания ощущение кардинально новой социальной атмосферы в первые постсоциалистические годы.

В опросах НЦИОМ за 1990–1997 гг. можно найти по крайней мере три фундаментальных отличия по сравнению с нынешними

общественными настроениями. Во-первых, тогда существовала широкая поддержка перехода к рыночной экономике, конкуренции, экономическим и политическим реформам, даже в тех областях, где большинство населения не имело прямого интереса. Например, сторонников реституции в 1992 г. было 54% (противников – 19%, затруднились ответить – 27%), хотя лишь 9% населения указали, что на тот момент имели прямую заинтересованность и личную выгоду от этой реформы. В то же время 63% поддерживали приватизацию в той или иной ее форме (14% были против, 23% затруднились ответить). Сегодня нет практически ни одной сферы, где необходимость реформ встретила бы такую высокую поддержку. Это произошло потому, что во многих из этих областей «реформы» зашли в тупик и были дискредитированы еще до своей реализации.

Во-вторых, если в 1990-е годы среди многих сторонников Болгарской социалистической партии* преобладали страхи, вызванные неуверенностью в будущем, политикой «шоковой терапии», обнищанием, рыночной экономикой и отказом от социализма, то среди городских жителей и более молодых граждан с правыми взглядами преобладали оптимистические ожидания: конкуренция, свобода, инициатива, процветание были ключевыми словами для этой части болгарского общества.

И в-третьих, в первые годы перехода, несмотря на кардинальные различия во взглядах и острую политическую конфронтацию, существовала большая степень доверия к представительным институтам, правительству и политикам. Об этом свидетельствовал высокий процент голосовавших на выборах, интерес к политическим дебатам и участие в них, опросы того времени, показывающие степень одобрения основных институтов в рамках немислимых сегодня 50–60%. При этом в начале 1990-х годов значительная часть людей не имела четких представлений, каким образом можно построить будущее общество благоденствия (ни масштабы изменений, ни способы их реализации не казались им ясными и последовательными), однако в начале перехода общественная энергия и желание перемен казались общими и подчиненными четко определенной цели – развитию демократического общества и рыночной экономики.

---

* Болгарская социалистическая партия (БСП) – наследница Болгарской коммунистической партии (БКП), управлявшей страной в 1944–1990 гг. После проведенного в марте 1990 г. общепартийного референдума БКП была переименована в БСП.

Сегодня же большинство болгарского населения живет с чувством обманутых ожиданий. Сравнение между ожиданиями и реальностью лежит также в основе оценки успехов и неудач перехода. Результаты показывают почти ту же картину – успехи в открытии Болгарии внешнему миру и провалы в сфере трансформации внутри страны.

Анализ общественного восприятия неудач ясно демонстрирует, что они делятся на две основные группы: экономические (безработица, инфляция, банкротства банков), а также политические и институциональные (коррупция, преуспевание силовых группировок, подчинение государства олигархам). При этом различные социальные группы акцентируют внимание на разных сторонах неудач: люди с более низким уровнем образования, доходов и социального статуса называют прежде всего экономические просчеты и коррупцию, а лица с более высоким образованием и социальным статусом, также указывая на коррупцию, говорят и о неудачах в развитии демократического государства и его институтов. Тем не менее в целом они описывают две стороны одной медали. В результате попрания принципа верховенства закона, несовершенства государственных институтов и некомпетентности администрации общественные ресурсы перераспределяются таким образом, который не только не гарантирует процветания, но и порождает всеобщее чувство неравенства и потери смысла существования. Неудивительно в этом контексте, что общий баланс мнений болгарского общества по поводу переходного периода также отрицателен.

При этом позитивные и негативные оценки перехода находятся в различном соотношении, с одной стороны, у лиц свободных профессий (23% к 47%), администрации (17% к 47%) и частных собственников (12% к 42%), и, с другой стороны, у безработных (3% к 58%), пенсионеров (10% к 71%) и рабочих (8% к 53%). Эти различия в оценках соответствуют, как правило, личным и семейным жизненным траекториям за истекшие 25 лет. Например, лишь каждый десятый респондент, представляющий лиц свободных профессий или частный бизнес, признает, что в целом его семья «проиграла» за годы перехода, в то время как каждый четвертый считает себя «выигравшим» (24% для обеих групп). Радикально отличаются результаты опроса пенсионеров и безработных. В этих двух группах считающие себя «выигравшими» – редкость (соответственно 6% и 1%), а большинство видят свое место среди «проигравших» (48% и 41%). Таким образом, образование, социальный статус и профес-

сия сильно влияют на различия в оценках перехода, в то время как политические предпочтения – в меньшей степени. Во всех случаях идеологические ориентации влияют на общую оценку переходного периода гораздо меньше, чем на оценку социализма и на ожидания начала 1990-х годов.

На основании проведенного анкетирования социологи пришли к выводу, что массовая негативная оценка переходного периода не означает тем не менее отрицания целей перехода. Исследование ясно показывает, что люди не отказались бы от достижений последних 25 лет. Однако интуитивным, повседневным способом они нащупали суть проблемы: болгарские граждане обвиняют не конкретного политического деятеля или правительство, не левую или правую политику, а плохо функционирующую государственную машину, которая преуспела лишь в высасывании ресурсов из общества, а не в создании механизмов, гарантирующих соблюдение законности, поддерживающих профессионализм и честность. Так, после 25 лет трансформации, болгарское общество вновь стоит перед политическим вызовом – созданием эффективных и некоррупцированных институтов, обеспечением верховенства закона и политического представительства, которое будет гарантом ограничения злоупотреблений властью со стороны чиновников, а не средством для их обогащения и взаимного продвижения по службе.

E. L. Valeva

Myths and the memory of socialism in Bulgaria

25 years after the beginning of the democratical reforms the collective memory about Socialist Bulgaria is fading away and the knowledge about «real socialism» is vanishing. Its leftist and the rightst interpretations show two completely different faces of this system, but basing on personal memories, nostalgia over the lost feeling of being secure about the days to come and the fading knowledge about its negative side, socialism is losing its political dimension, continuing to support old and new myths.

Key words: *history of Bulgaria, sociological survey, «real socialism», transformation, transitional period, November, 10th, 1989*

Н. Н. Старикова
(Москва)

Вторая мировая война в судьбе и творчестве словенских писателей-эмигрантов

В статье рассматриваются в течение нескольких десятилетий игнорировавшиеся в Словении литературные произведения представителей послевоенной словенской политической эмиграции, в творчестве которых тема Второй мировой войны и ее последствий для словенского общества является одной из главных.

Ключевые слова: *литература словенской эмиграции, Вторая мировая война, гражданская война, политические репрессии, ностальгические мотивы*

Вторая мировая война на территории Югославии началась 6 апреля 1941 г., когда германские войска без объявления войны начали наступление на югославских границах. В течение нескольких дней территория Словении была оккупирована и разделена между Италией, Венгрией и Германией, которой отошла большая часть словенских земель. В германской и венгерской зонах общественная и культурная жизнь полностью остановились, итальянские же оккупационные власти поначалу уделяли некоторое внимание просвещению и культуре, поэтому в Любляне продолжали работать школы и университет, ряд издательств (Словенская Матица, Общество Св. Мохора, Общество Водника), выходили журналы и книги на словенском языке. Одни словенские писатели уходили в партизаны (в июле 1941 г. Освободительный фронт словенского народа, во главе которого стояла Коммунистическая партия Словении, активизировал партизанское движение), другие публиковались в легальной печати, игнорируя лозунг «молчания культуры», провозглашенный на подпольном пленуме ОФ в сентябре 1941 г. солидарной с освободительным движением творческой интеллигенцией. Это идейное размежевание во многом обусловило специфику литературной жизни военного времени и повлияло на ее послевоенное состояние.

Ситуация внутри Словении осложнялась расколом, произошедшим в обществе и фактически повлекшим за собой гражданскую войну. Лидеры ряда политических партий «заняли компромиссную позицию по отношению к оккупантам, а впоследствии открыто встали

на сторону новых властей, определив своей главной задачей спасение народа от “коммунистической чумы”»¹. По инициативе Словенской народной партии и при поддержке оккупационного режима в Люблянской покраине были созданы военизированные формирования («Словенский легион»), выступавшие на стороне коллаборационистских сил, затем появились отряды «добровольной антикоммунистической милиции» («*milizia volontaria antikomunista*»), в состав которых входило словенское сельское население. В 1943 г. после капитуляции Италии и захвата Германией значительной части «освободившихся» областей были организованы добровольческие вооруженные подразделения домобранцев для борьбы с партизанами и частями народно-освободительной армии, находившиеся в подчинении Вермахта.

После изгнания оккупантов в мае 1945 г. Словения изъявила желание стать частью новой Югославии, в которой руководящую роль взяла на себя Коммунистическая партия. Одной из самых трагических страниц начала нового социалистического этапа национальной истории стала расправа народной власти над участниками воинских соединений, воевавших на стороне ее противников. Находившиеся на довоенной границе с Австрией в районе Бляйбурга и Ветриня десятки тысяч человек были в конце мая переданы английскими военными Югославской Народной Армии и массово расстреляны без суда. Деятели культуры, которые во время оккупации не последовали лозунгу «молчания культуры» и публиковали свои произведения в изданиях, находившихся под контролем оккупационных властей, опасаясь преследований, были вынуждены покинуть родину. Находясь в перевалочных лагерях в Австрии и Италии, они продолжали писать и печататься. В 1948 г. в Аргентину, куда после войны из США переместился центр словенской эмиграции*, уехали Т. Дебеляк, С. Коципер, В. Житник, Ф. Папеж, З. Симчич, Р. Юрчек и др. Они сразу же начали тесно сотрудничать с земляками из других стран, с католическими кругами довоенных эмигрантов в Южной Америке и их

---

* Диаспора словенцев в Аргентине сформирована тремя волнами эмиграции: первое переселение восходит к 1878 г., тогда аргентинское правительство в поисках свободных рабочих рук обратилось за помощью к Вене. Вторая волна пришлась на 1920-е гг., когда словенское население бежало из оккупированного фашистской Италией Приморья. Третью волну составили главным образом политические беженцы, те, кто после окончания Второй мировой войны оказались неугодными новой власти СФРЮ.

главным журналом «Духовно живljenje» (основан в 1933). Расцвет словенской литературы в Аргентине пришелся на 1950–1960-е гг. В это время начали выходить периодические издания аргентинских словенцев: литературно-критический журнал «Меддобье» (с 1954), научный ежегодник «Вредноте» (1951–57, 1968), появилась первая антология эмигрантской прозы «Дни смертников» (1960). Важную роль в сохранении национальной самоидентификации выходцев из Словении сыграла международная организация «Словенская культурная акция» («СКА»), созданная в 1954 г. в Буэнос-Айресе и объединившая деятелей словенской культуры из разных стран мира. Высокий интеллектуальный уровень и творческая одаренность послевоенных эмигрантов способствовали развитию национальной культуры в иноязычной и инокультурной среде, поддержанию качественного художественного уровня литературных произведений.

Поэзия послевоенной словенской эмиграции развивалась в русле идейных и эстетических традиций, заложенных одним из ведущих литературных журналов Словении, выходившим в Любляне в годы оккупации, католическим изданием «Дом ин свет» (1888–1944). Изначально она была ориентирована на образцы религиозной лирики XIX в., тяготела к традиционным формам, в частности к сонету. В метафизически окрашенной лирике поэт-эмигрант, переживая боль войны, горечь послевоенных расправ победителей над побежденными, утрату родины, ищет успокоения в вере. Сильным творческим стимулом для всех поэтов-эмигрантов было чувство патриотизма (при этом патриотический пафос часто оказывается сильнее их художественных возможностей). Тоска по дому более выражена в рефлексивной лирике, отражающей особое положение перемещенных лиц: их оторванность от корней, столкновение с миром и неприятие уготованной судьбы, одиночество, скитальчество. Постепенно в лирических стихотворениях авторов-эмигрантов становится заметнее движение от классических форм к новаторским, экспериментальным, свободный стих усложняется элементами символизма и экспрессионизма. В прозе преобладает реалистический рассказ, часто нравоучительного содержания, восходящий к традициям крестьянской дидактической повести XIX в., социальный и психологический роман, а также автобиографические и мемуарные жанры. Ее тематика связана с событиями Второй мировой войны и судьбами беженцев на чужбине, проблематика – с патриотическим спектром. Жизнь на родине, как правило, идеализируется. В целом проза представлена двумя художественными векторами: традиционным реалистическим и

модернистским, при этом многие авторы в своих произведениях используют элементы обеих поэтик. В центре внимания драматургов – эпизоды недавнего прошлого, кардинально изменившие их судьбу (гражданская война, домобранство, репрессии, эмиграция), произведения для театра – наиболее идейно тенденциозный и тематически локализованный сегмент эмигрантской литературной продукции.

Ключевой фигурой словенской послевоенной эмиграции является Тине Дебеляк (1903–1989). Поэт, переводчик, литературный критик, общественный деятель, он в 1938–1944 гг. возглавлял журнал «Дом ин свет», старейшее на тот момент литературно-критическое издание Словении. В нем в годы войны публиковались переводы из итальянской, русской, польской, французской литературы (Данте, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. Мицкевич, Ф. Вийон), произведения национальных классиков (С. Грегорчич, Й. Юрчич и др.), информация о литературных и научных новинках, событиях культурной жизни Любляны. Главную миссию печатного слова в условиях вынужденной изоляции национальной культуры Дебеляк видел в возвращении к национальным духовным истокам, к движению «от социального противостояния к единению и взаимной любви всех слоев общества»², поэтому в годы итальянской оккупации сознательно не приостановил работу журнала. Из-за этого после окончания Второй мировой войны он оказался неугоден новой власти и был вынужден бежать в Южную Америку, где стал видным деятелем аргентинской диаспоры, соучредителем и первым заместителем председателя «Словенской культурной акции», публиковал произведения авторов, запрещенных на родине (Ф. Балантича, К. Маусера и др.). Благодаря усилиям Дебеляка не были забыты многие известные ранее литературные имена. Так, в 1954 г. в Буэнос-Айресе увидели свет заметки видного прозаика межвоенного периода И. Прегеля (1883–1960) «Мой мир и мое время», в которых автор с большим скептицизмом рассуждал о перспективах социалистического строительства на родине. Дебеляк преподавал в украинском католическом университете Буэнос-Айреса, стоял у истоков университетской словенистики в Аргентине – в 1967 г. на философском факультете этого университета была открыта кафедра словенского языка.

В эмиграции Дебеляк выпустил несколько поэтических сборников – «Великая черная месса по убиенным словенцам» (1949), «Поцелуй» (1951), «Марии» (1954). Его произведения включены во все антологии послевоенной эмигрантской поэзии и прозы. Дебеляк много переводил с итальянского, испанского (кастильского) и

славянских языков, занимался литературоведением и литературной критикой. Важное значение для осмысления литературы эмиграции имеют его обзорные работы «Панорама словенских писателей в эмиграции» (1955) и «Тридцать лет литературы в эмиграции» (1973–1975). Совместно с Ф. Папежем он подготовил первую «Антологию поэзии словенской эмиграции» (1980). В 1980-е гг. в период подготовки словенской «бархатной» революции Дебеляк как общественный деятель и поэт был вновь востребован на родине. Сборник его избранных стихотворений «Лодочник издалёка» вышел в Словении уже посмертно, в 1992 г.

Первой книгой словенской политической эмиграции в Аргентине стала «словенская фреска» – эпическая поэма «Великая черная месса по убиенным словенцам», по драматизму и художественности образов сравниваемая критиками с поэмой Ф. Прешерна «Крещение у Савицы»³. В этом произведении через призму религиозного таинства нравственно и художественно осмысливается трагедия словенского братоубийства – массовое уничтожение домобранцев в мае–июне 1945 г. Поэт первым открыто обвинил новый режим в неоправданной жестокости:

Кровь по Словении разлилась,
кровотóчит открытая рана...

и привлёк внимание всего мира к «постыдному клейму на челе Европы» – лагерю Ветринь близ Целовца (Австрия), откуда были депортированы на родину и там расстреляны без суда и следствия несколько тысяч бойцов домобранской армии. Дебеляк связал этот эпизод национальной истории с историей христианской европейской цивилизации, с бесконечным конфликтом Добра и Зла.

Второй сборник, «Поцелуй», автор посвящает интимной лирике; его стихи – это ностальгическая исповедь человека, тоскующего по родине, близким, жене. Драматическим вехам в судьбе поэта – расставанию с любимой, прощанию с домом – подчинена и композиция книги. Мотивы разочарования, одиночества, страдания сменяются фиксацией чувственных настроений, когда «руки горячи», «глаза глубоки», «звезды высоки». Лирический герой говорит о своих переживаниях, тоске и надежде. Его голос – это крик души тысяч других потерявших семью и родину, он говорит от их имени.

Единомышленником и соратником Дебеляка в Буэнос-Айресе был Руда Юрчец (1905–1975). Выпускник Высшей политической

школы в Париже (1931), он в 1941–1945 гг. был главным редактором католической газеты «Словенец», выходившей в Любляне. В 1947 г. переселился в Аргентину, выступил соучредителем и первым председателем «СКА» (1954–69), участвовал в создании ряда эмигрантских печатных изданий («Вредноте», «Меддобья», «Глас СКА», «Сий словенске свободe» и др.). Литературный дебют Юрчеца состоялся в Аргентине, здесь он опубликовал свои новеллы о жизни в эмиграции и психологический роман «Люблянский триптих» (1957), в котором, по мнению Й. Погачника, продолжает эстетические традиции литературного журнала «Модра птица», выходившего в Любляне в 1929–1941 гг.⁴ Судьбы трех героев: Симоны и Янеза Павлин, а также Хелены Верник лежат в основе трех частей произведения. Действие начинается в конце войны и захватывает годы так называемых дахауских процессов в Югославии (1947–1949), в ходе которых шла политическая расправа над бывшими узниками фашистских концентрационных лагерей Дахау и Заксенхаузен, которым инкриминировалось сотрудничество с оккупантами. Иногда автор использует прием реминисценций, чтобы рассказать о довоенных и военных событиях. Духовное опустошение, разочарование и отчуждение, испытываемые героями, – следствие не только пережитого в годы войны, но и атмосферы послевоенной действительности, олицетворением которой является ярый коммунист Луча, представленный в романе как сатана во плоти. Главный герой мечется между двумя женщинами, женится на одной, поддается обольщению другой. Его жена Симона кончает с собой, его любовница Хелена, изначально бывшая орудием в руках Лучи, порывает с партийцем, принимает католичество и остается с Янезом до конца. В ходе развернутой в стране кампании по борьбе с «предателями» оба попадают на скамью подсудимых и оказываются приговоренными к смерти. Перед казнью католический священник тайно причащает их, «освобождая души от греха и неверия». Известность получили также три книги мемуаров Юрчеца «Свозь свет и тени» (1964; 1966; 1969), рассказывающие о военной и послевоенной жизни автора и привлекающие читателей убедительностью трактовок и красотой слога.

Прозаик и драматург Станко Коципер (1917–1998), юрист по образованию, во время войны, будучи личным секретарем и зятем одного из лидеров домобранства генерала Л. Рупника, работал у него в отделе пропаганды. Роман Коципера «Горец», вышедший в Любляне в 1942 г., был удостоен премии Прешерна города Любляны. Уцелел во время отступления и затерявшись среди беженцев в лагерях для

перемещенных лиц на территории Австрии, Коципер избежал ареста и в 1948 г. переселился в Буэнос-Айрес. В 1956 г. на основе своей неопубликованной пьесы «Рассвет» (1936) он создал одноименную агитационную криминальную драму, в которой сделал попытку идейно и этически обосновать феномен словенского домобранства. Это подчеркнута христианская идеалистическая драма, резко критикующая материализм и нигилизм, целью которой, по мнению критика Т. Кермаунера, является оправдание автором словенских антикоммунистов, «и прежде всего своего тестя, генерала Рупника, как лидера оборонительного движения против коммунистического дьявола»⁵. В эмиграции тема малой родины становится для Коципера ведущей. Созданные до войны произведения о местах, где прошло его детство, автор печатает в книге «Мертик^{*}: рассказы Словенских Горниц» (1954). В них показана тяжелая жизнь наемных работников-виноградарей, людей простых и сильных духом. Вершина его литературного творчества – социально-психологический роман «На божьей ладони» (1957), первый из задуманного, но не реализованного цикла произведений «И мир вертится дальше» о жизни родного края писателя – Прлекии (область на северо-востоке Словении между реками Драва и Мура). Повесть «Тьяшек Гомез отдыхает в Пампе» (1992) рассказывает о судьбе сына словенского виноградаря из Прлекии, во время оккупации мобилизованного в немецкую армию, служившего в подразделениях домобранцев, чудом избежавшего ареста в мае 1945 и нашедшего прибежище и новую родину в аргентинской пампе. При жизни Коципера на родине вышли сборник «Иерусалимский звонарь: истории бывших людей» (1995), куда вошли рассказы 1948–1956 гг., и книга мемуаров «Как я жил» (1996), содержащая ценный документальный материал об истории словенского домобранства.

Среди немногих авторов-эмигрантов, вернувшихся на родину и продолжающих там творческую деятельность, важное место занимает прозаик, поэт и драматург Зорко Симчич (род. 1921). Чуть менее полувека – с 1948 по 1994 г. – он прожил в Аргентине. Находясь в Южной Америке, писатель много сделал для развития культурного пространства словенской эмиграции, был соучредителем «СКА», возглавлял секцию художественной литературы, редактировал журнал «Меддобье». Он первым среди писателей-эмигрантов получил официальное признание на родине – премию фонда Прешерна (1993), в 2005 г. был избран членом-корреспондентом Словенской академии

* Десятая часть зерна, которую молотильщики получали за работу.

наук и искусств, в 2013 г. награжден премией Прешерна за вклад в национальную литературу. Писать Симчич начал в гимназические годы, во время войны вышли его роман из жизни гимназистов «Пробуждение» (1943) и сборник сатирических рассказов «Трагедия столетия» (1944). В радиодраме «Печальная песня» (1946) писатель одним из первых после войны поднял вопрос о необходимости национального примирения. В эмиграции важным способом самовыражения для него стала поэзия, воплощенная в свободных формах. Тема трагической судьбы словенских домобранцев легла в основу произведений, вошедших в поэтический сборник «Корни вечности» (1974). Лирический герой стихотворения «Ночь» говорит от имени всех словенцев, вынужденных покинуть родину, отождествляя свою личную трагическую участь с национальной судьбой:

Во мне Само. Предан.
Во мне Трубар. Прогнан.
Во мне весь батальон
солдат из Ветриня
в могилу послан.

Эта книга Симича по идейному содержанию и настроению близка поэме Дебеляка, однако, в отличие от автора «Мессы...», он использовал более современную афористичную «рубленую» форму стиха.

В 1957 г. выходит самое известное произведение Симчича – психологический роман «Человек по обе стороны стены». Его герой – «пример духовного и нравственного противостояния словенцев во время оккупации»⁶ – молохом истории занесен в Аргентину, он одновременно бежит от себя, имеющего «две чужбины, но ни одной родины», и ищет свое место в чужом для него окружающем мире. Действие начинается в Буэнос-Айресе, где герой ждет приезда жены, но мысли и чувства его в прошлом. Ассоциативно связанные воспоминания выхватывают из памяти картины не самого счастливого детства (строгий отец, нелюбящая мачеха), военного времени, когда происходит самая важная встреча в его жизни – знакомство на похоронах брата-домобранца с его невестой Катей. Любовь к ней, «девушке с другого берега», сочувствующей партизанам, не прошла, особую горечь ей придает политическая безысходность создавшейся ситуации. Картины лагеря для беженцев в Каринтии сменяют эпизоды прощания с Катей в Триесте, а потом на корабле в Гибралтарском

проливе – расставания с Европой. Форма внутреннего монолога, свободное перемещение реминисценций, иногда на грани потока сознания, – все это усложняет повествовательную технику, приближает авторскую манеру к модернистской. Книга Симчича – экзистенциальная по мироощущению и автобиографическая по материалу – обращена к теме изгнанничества (внешнего – бегство от коммунистического режима и внутреннего – поиск героем самого себя), которая воплощается прозаиком с помощью техники самоанализа. Через ощущение метафизической драмы человечества, всеобщей трагичности бытия он стремится раскрыть реальные проблемы людей, запутавшихся в исторических противоречиях. Героя Симчича часто сравнивают с персонажами Камю и Сартра, его личная история – это своего рода метафора жизни современного человека, аутсайдера реальности. Судьба романа (и его автора) отражает общую тенденцию постепенного сближения литературы эмиграции с национальным литературным процессом – публикация в 1991 г. этого «одного из самых актуальных словенских романов XX века»⁷ на родине стала не только политическим, но и литературным событием. Проза Симчича представлена также повестью для юношества «Три музыканта или возвращение Красавицы Виды» (1980) и сборником рассказов, новелл и эссе «Пройденные следы» (1993). Среди текстов для сцены выделяются мистерия «Рано наступившая молодость» (1967, поставлена в словенском театре в Торонто в 1970) и драма «Такой долгий август» (1992). В последней на фоне резкой критики словенской политической эмиграции представлен окончательный распад семьи и человеческих отношений. Идея мистического искупления, заявленная в «Рано наступившей молодости» (невиновный должен жертвовать собой ради виновного), в «Августе» через абсурд, отчаяние и пустоту трансформируется в череду тяжелых испытаний. Автор не приемлет коммунизм и капитализм и ищет выхода в концепции мистического христианства, которое существует вне общества и общественных отношений. В этом заключается главное идейное новаторство и даже вызов Симчича как писателя-эмигранта, поскольку словенская политическая эмиграция к такому пути была не готова. В Словении Симчич продолжает активную литературную деятельность – в 2000-е гг. вышли книги краткой прозы «Римские рассказы» (2006), «Сквозь раздвоенность» (2006), роман «Последние десятые братья» (2012).

Поэта и драматурга Франце Папежа (1924–1996) также можно отнести к выдающимся деятелям словенской диаспоры в Аргентине. Во время Второй мировой войны он перешел на сторону домобран-

цев и впоследствии был вынужден покинуть родину, учился в Италии, затем в 1948 г. уехал в Аргентину, где завершил образование. С 1970 г. до своей кончины был редактором «Меддобий», выступал как переводчик и литературный критик. Книга мемуаров в форме эссе «Записки из эмиграции» (1977) интересна своим взглядом на ситуацию в рядах аргентинских переселенцев из Словении изнутри. В драматургию он вошел как автор трилогии «Три поэтические драмы» (1995), включающую пьесы «Лес» (опубликована в 1970), «Святыня», «Крещение у Серебряной реки». Папеж одним из первых начал экспериментировать с драматургической формой, обратился к жанру поэтической драмы, однако в идейно-содержательном плане его произведение ограничено типичными для драматургов-эмигрантов проблемами, связанными с расколом словенского общества в период войны и первые послевоенные годы.

Значительный вклад в литературу эмиграции Папеж внес как поэт. Его лирика, восходящая к поэтике экспрессионизма, – это одновременно исповедь словенца, оторванного от родных корней, и голос человека, сохраняющего волю к жизни, стремящегося поддерживать в земляках национальный дух. Лирический герой воплощает в себе черты коллективного и личного самосознания через переплетение рационального и метафорического начал. Двигаясь от традиционных форм к свободному стиху, с помощью воссоздания событий, мест, судеб автор вступает с читателем в диалог, пробуждая в нем чувство сопереживания. Один из важных мотивов его поэзии – мотив примирения «братьев и городов», «дома и чужбины». Это нашло отражение в сборниках «Основное говорение» (1957), «Два мира» (1985), «Избранные стихотворения» (2001).

Военные и послевоенные события радикально повлияли на судьбу прозаика Карла Маусера (1918–1977). Во время войны он был взят в плен партизанами, посажен в тюрьму, затем выпущен на свободу. В мае 1945 г. его семья была выслана из Словении. Далее известный путь: австрийские лагеря для беженцев, отъезд в США. Публиковаться в журналах прозаик начал еще до войны; находясь в Австрии, активно сотрудничал в журнале «Каринтийская хроника». Тема войны и ее последствий получает развитие в трехчастном романе «Люди под кнутом» с подзаголовком «Словенская художественная трилогия времен оккупации и первых послевоенных лет, написанная на чужбине» (1963; 1964; 1966), где много внимания уделяется психологической прорисовке характеров. В центре сюжета – история жизни сельского учителя Жалара, испытавшего все ужасы концен-

традиционных лагерей, как фашистских (Дахау), так и югославских (Голи Оток). Повествование мозаично, усложнено документальными вставками, авторскими комментариями и медитативными отступлениями. Реалистичность изображения местами переходит в излишнюю натуралистичность. Читательский резонанс имели его романы о жизни крестьян «Часы с кукушкой» (I часть – 1959; II часть – 1960), «Мертвый род» (1963) и «Капеллан Клемен» (1965), опубликованные в Австрии. Там же в 1991 г. вышел роман «Сердце никогда не лжет» (впервые издан в Кливленде в 1954 г. под названием «Вечная связь»). Занимательны социальные и психологические зарисовки из жизни словенских эмигрантов в США, печатавшиеся в периодических изданиях США, Канады и Аргентины.

Путь произведений авторов-эмигрантов к словенскому читателю был труден. Еще в период позднего социализма со стороны историков литературы делались отдельные попытки противостоять взятому властью курсу игнорирования литературы словенской послевоенной эмиграции. Так, в 1972 г. в Триесте была опубликована монография видного словенского литературоведа Й. Погачника «Литература словенского зарубежья и эмиграции»⁸, отдельные персоналии были включены им и в вышедший в том же году восьмой том «Истории словенской литературы»⁹. Тем самым художественное наследие словенских политических эмигрантов постепенно становилось частью культурного сознания словенского общества. Реальная легитимизация их творчества произошла с появлением на рубеже веков первого комплексного историко-литературного научного труда «Литература словенской эмиграции» (1999), три тома которого посвящены, соответственно, творчеству словенских авторов Европы, Австралии, Азии; Северной Америки и Южной Америки¹⁰. Еще одним доказательством того, что на карте словенской литературы больше нет белых пятен, стало включение главы о литературе эмиграции в монографию по истории национальной литературы XX в.¹¹ Большой вклад в изучение и популяризацию на родине литературы эмиграции внесла Х. Глушич (1934–2014). В книгу «Словенская проза во второй половине XX века» (2002) она включила разделы о творчестве З. Симчича и К. Маусера, без которых картина современного национального литературного процесса была бы неполной. Первая антология аргентинских авторов-эмигрантов «Это дерево растет на чужбине» вышла на родине за год до провозглашения независимости Словении – в 1990 г. За ней последовали «Под южным крестом. Антология эмигрантской прозы 1945–1991» (1992) и «У серебряной реки. Краткая проза аргентинских словенцев» (1993).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Словенская литература XX в. М., 2014. С. 106.
- 2 *Debeljak T.* Duh medvojne književnosti // Zbornik Zimske pomoči. Ljubljana, 1944. S. 262.
- 3 *Poniž D.* Spremnna študija // *Debeljak T.* Čolnar iz seldaljav. Maribor, 1992. S. 131.
- 4 *Pogačnik J.* Slovensko zamejsko in zdomsko slovstvo. Trst, 1972. S. 87.
- 5 *Kermauner T.* Dramatika // Slovenska i zseljenska književnost 3. S. 294.
- 6 *Zadravec F.* Slovenski roman dvajsetega stoletja. Prvi analitični del. Ljubljana, 1997. S. 244.
- 7 *Čander M.* Akvarij // Delo. Književni listi. 10.08.2000. S. 14.
- 8 *Pogačnik J.* Slovensko zamejsko in zdomsko slovstvo. Trst, 1972.
- 9 *Pogačnik J.* Leposlovna dejavnost v nematičnem prostoru // Pogačnik J. Zgodovina slovenskega slovstva 8. Maribor, 1972.
- 10 Slovenska izseljenska književnost I–III. (Ur. Janja Žitnik s sodelovanjem Helge Glušič). Ljubljana, 1999.
- 11 Pogačnik J. Književnost v zamejstvu in zdomstvu // Slovenska književnost III. Ljubljana, 2001.

N. N. Starikova

WWII in the life and works of Slovenian emigrant writers

The article dwells upon the literary movements of the Slovenian political emigration after the war, that were neglected in Slovenia during the last decenies. In the works of these literary circles the WWII and its effects are still among the most important.

Key words: *the literature of Slovenian emigration, WWII, civil war, political repressions, nostalgic motives*

Л. Ф. Широкова
(Москва)

Жанровое многообразие словацкой прозы о войне в динамике литературного развития (вторая половина XX – начало XXI в.)

Тема Второй мировой войны и Словацкого национального восстания стала основой для одной из важных литературных традиций Словакии второй половины XX в. Рассматривая хронологию становления военной прозы, можно проследить специфику развития словацкой литературы, в том числе – в области жанров. Обретая различные модификации, жанровые и идейно-художественные воплощения, проза о войне продолжает сохранять актуальность и в наши дни.

Ключевые слова: *словацкая литература, тема войны, прозаические жанры, сюжет и фабула*

События Второй мировой войны и Словацкого национального восстания во многом определили послевоенный облик Словакии, оказали большое влияние не только на социально-политическую сферу жизни общества, но и на идеологию и культуру. В литературе также произошли значительные изменения.

Перемены в словацкой литературе первых послевоенных лет отразились, в частности, в целой волне произведений на самую животрепещущую для того времени тему войны и Словацкого национального восстания. Написанные под непосредственным впечатлением от недавних событий произведения принадлежали к разным литературным родам и жанрам. В поэзии это сборники «Я некто другой» (1946) Рудольфа Фабры, «Неодолимость скорби» (1946) Яна Костры, «Шествие» (1947) Павла Горова, «Огни на горах» (1947) Андрея Плавки и др. В драматургии – драмы «Башня» (1947) Юлиуса Барча-Ивана, «Пьеса о свободе» (1946) Штефана Кралика, «Поэт и смерть» (1946) Ивана Стодолы и др. После 1945 г. тема войны и Восстания заняла центральное место и в словацкой прозе. Она привлекала к себе писателей разных идейно-художественных направлений, творческого и жизненного опыта. Рассматривая хронологию становления словацкой военной прозы, можно проследить определенные закономерности развития литературы, которые проявились в том числе и в жанровом отношении.

Для начального, послевоенного этапа 1945–1948 гг. было характерно идейно-стилевое и жанровое разнообразие прозы. К теме

войны обращались начинающие писатели, многие из которых сами побывали в боях. Это В. Минач (роман «Смерть ходит по горам»), К. Лазарова (повесть «Друзья») и др. Писатели, уже имевшие к тому времени определенный литературный опыт, воплотили военную тему в стилистически близком для себя ключе. Среди них – Ф. Швантнер (рассказы «Крестьянин», «Священник», «Дама», «Письмо»), П. Илемницкий (роман «Хроника»), Я. Боденек (сборник рассказов «Из волчьих дней»), К. Горак (роман «Горы молчат»).

Литературным дебютом Владимира Минача (1922–1996) стало произведение крупного жанра – роман «Смерть ходит по горам» (1948), в котором он художественно переосмыслил собственный трагический опыт партизана и узника фашистского концлагеря. Автобиографическими чертами он наделил двух центральных героев романа – братьев Яна и Петера Лотаров, разделив при этом сюжет романа на две фабульные линии. Военные судьбы братьев складываются по-разному, но одинаковым для них становится постоянное ощущение экзистенциальной угрозы, балансирования на краю гибели.

Критика конца 1940-х гг., ориентирами для которой служили каноны социалистического реализма, ставила молодому писателю в вину пессимистический настрой романа, индивидуализм с оттенком чуждого экзистенциализма. Впоследствии, в трилогии «Поколение», Минач изобразил восстание в крупном эпическом формате, несравненно более широком по охвату социальных, политических и личностно-типологических параметров. Но его дебютный роман, благодаря эмоциональной непосредственности и достоверности в изображении психологических состояний человека в антигуманных условиях войны, остается одним из лучших произведений послевоенной словацкой прозы.

С 1945 г. в периодической печати начали появляться рассказы с военной тематикой уже известного к тому времени писателя Яна Боденка (1911–1988). Позднее они вошли в сборник, получивший название «Из волчьих дней» (1947). В пяти рассказах книги представлены различные проблемные и художественные аспекты изображения событий войны и восстания. Так, в рассказе «Первая атака» автор в экспрессионистской манере, резкими контрастными мазками создает обобщенный образ партизанской группы, совершающей свою первую акцию. Персонажи безымянны и лишены каких бы то ни было индивидуальных черт, они выступают как единый организм, монолитная масса, руководимая общим чувством ненависти к врагу.

Социально-критический пафос, характерный для ранних произведений Боденека, звучит и в самом большом по объему рассказе сборника «Злость». Оказавшись в фашистской тюрьме, бывшие члены повстанческого комитета, среди которых – представители местной буржуазии, в ожесточенных спорах выясняют, по чьей инициативе началась «эта безумная затея» – восстание. Лишь один, партизан Вронч, от лица которого ведется повествование, сохраняет человеческое достоинство, а в финале – единственный из арестованных спасается благодаря своей неистребимой «злости» по отношению к оккупантам. Ненависть к врагу помогает ему выжить: «Я хочу жить!... Жить назло тем, у кого нет для нас никаких законов! Не просто так жить – назло им хочу жить!»¹ Писатель использовал в ряде рассказов сборника и гротесково-фантастические приемы («Живой человек»), и элементы психологического детектива («Ночной допрос»).

Йозеф Горак (1907–1974) выступил в послевоенный период как продолжатель линии лиризованной прозы. В его романе «Горы молчат» (1947) черты, присущие словацкому натуразму (одушевление и поэтизация природы, мифологизация сил добра и зла, цельные, сильные характеры) используются автором для изображения нового для этого направления социального конфликта. Старый горец Бугала-Ваган, чью жизнь с ее патриархальным укладом разрушила война, воспринимает нашествие фашистов-карателей как осквернение родного дома, вмешательство дьявола в «божье дело». Объявив им свою собственную, личную войну, он становится союзником и помощником партизан, в которых видит преемников легендарного «справедливого разбойника» Юрая Яношика.

Глубиной социально-психологического анализа отличаются написанные в первые послевоенные годы рассказы Франтишека Швантнера (1912–1950). Один из ярких представителей натуразма, чьи книги («Малка», «Невеста горных лугов») стали значительным явлением в словацкой литературе, Швантнер ощущал необходимость внутренней творческой перестройки, расширения своего художественного видения мира за счет социально-нравственных сторон человеческого бытия, которые отчетливо и обостренно выразились в пору войны. Человек – дитя природы, средоточие отвлеченных, мифологизированных воплощений добра и зла уступил в новых произведениях Швантнера место другому герою, чьи поступки и весь облик определялись во многом его социальным статусом, о чем говорят сами названия рассказов («Крестьянин», «Священник», «Дама»). События первых двух рассказов происходят во время вос-

стания. Место действия традиционно для натурализма – это удаленные от большого мира деревеньки, затерянные среди гор. Но центральные герои существенно отличаются от прежних своим реальным жизненным содержанием, «приземленностью». Крестьянин из одноименного рассказа – «молодой и здоровый», один из множества себе подобных, доволен своей упорядоченной, зажиточной жизнью. Но вдруг ее спокойное течение нарушает непонятная и в высшей степени чуждая ему война с вылазками партизан и акциями карателей в непосредственной близости от его хутора. Страх и неприязнь вызывают у крестьянина и те, и другие; он мечтает только об одном – любой ценой избавиться от пришельцев и вернуть свою жизнь в привычную колею. Писатель прослеживает процесс стремительной нравственной деградации своего персонажа, приводящей его в финале к преступлению – крестьянин убивает больного, обессиленного человека, оставленного партизанами на его попечение. «В эту ночь крестьянин спокойно спал»², – так звучит финальная фраза рассказа. Иная социальная психология и иная развязка драматической ситуации представлена в рассказе «Священник». Его герою также непонятна «чужая», еще недавно столь далекая война, ворвавшаяся вдруг в тихий сельский мирок; странными кажутся ему отчаянные «бунтовщики», которые посмели восстать против немецкой военной мощи, нарушив устоявшийся уже порядок. Священник предпочел бы оставаться в стороне от чужих «мирских» споров, но угроза жизни и благополучию его прихожан, долг пастыря побуждают его к активным, даже самоотверженным при всей их практической бесполезности действиям.

С кратких рассказов, схожих по жанру с очерком, начал разработку темы народного сопротивления фашизму Петер Илемницкий (1901–1949) – один из ярких представителей другого направления словацкой литературы – социалистического реализма. Посвященный событиям восстания роман «Хроника», написанный им в 1947 г., долгое время считался эталонным; непрменные атрибуты народности и партийности сочетались в нем с достойным художественным уровнем. В изображении движущих сил восстания Илемницкий был далек от патетики, от идеализации и монументализации повстанцев. При почти полной документальности события и персонажи в романе глубоко индивидуализированы, привязаны к родной почве. Особенности повествовательной конструкции – «аутентичный» рассказ от лица местного жителя, лесничего Гондаша – обусловила способ отбора и изложения фактов. Название романа отражает и его жан-

ровую специфику: в повествовании прослеживается поступательное движение исторических процессов (пусть и показанных в местных масштабах), их нарастание и кульминация.

Период 1949–1955 гг. отличался усилением политического и идеологического давления на культуру, выразившегося в литературе внедрением метода социалистического реализма. Итогом стало создание целого ряда произведений, как правило, крупных прозаических жанров, отмеченных элементами схематизма (романы Д. Татарки «Первый и второй удар», П. Карваша «Это поколение», «Поколение атакует»). Первые попытки преодоления шаблонов в военной прозе относятся к середине 1950-х гг. (роман А. Беднара «Стеклянная гора» и его сборник новелл «Часы и минуты»).

Своего апогея развитие военной темы достигло во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., когда были созданы крупные эпические произведения о Второй мировой войне и Словацком национальном восстании В. Минача (трилогия «Поколение», 1958–1961), Р. Яшика (роман «Площадь святой Альжбеты», 1958 и незавершенная трилогия «Мертвые не поют», 1961), Л. Тяжкого (роман «Аменмария. Только хорошие солдаты», 1964), Л. Мнячко (роман «Смерть зовется Энгельхен», 1959). Разные по идейной концепции и способу ее художественной реализации, они отразили поколенческий и личный опыт современников и участников исторических событий. При большем или меньшем соответствии принятым в тот период в литературе нормам социалистического реализма, лучшие произведения этого времени сохранили свою художественную привлекательность до наших дней благодаря жизненной достоверности характеров и судеб, психологизму в передаче состояния и мотивов поступков персонажей.

Эталонным произведением этого периода стала трилогия В. Минача «Поколение» («Долгий час ожидания», 1958; «Живые и мертвые», 1959; «Колокола возвещают день», 1961). В. Минач, сторонник социалистических идеалов, в художественной практике не следовал жестким стереотипам и догмам начала 1950-х гг. В трилогии он трансформировал собственный жизненный опыт и, что не менее важно, – воплотил свои представления и политические убеждения в живой беллетристической форме. При этом созданная им система персонажей подчинена центральной авторской идее – идее воспитания поколения революцией (восстанием), коммунистической партией, стоящей во главе борьбы за национальную свободу и социальную справедливость.

Действие трилогии развивается по нескольким сюжетным линиям, группируемым вокруг того или иного центрального персонажа. При этом в каждой линии сохраняется тональность, заданная этим персонажем. Так, в сюжетной линии Марека Угрина на протяжении всех трех романов, при наличии выраженного любовного мотива, преобладает идейно-воспитательная направленность. В главах, связанных с фигурой Янко Крапа, преобладает героический пафос (подпольная партийная работа, сцены в партизанском отряде). Развитие «женских» линий (Ольга Феркодичева, Эмма Бурьянова) связано со становлением и классовой «перековкой» характеров, сопровождающимися эмоциональными потрясениями и любовными переживаниями героинь. Сатирическими тонами окрашены сюжетные линии представителей буржуазии, приспособленцев и карьеристов – архитектора Феркодича и поэта Августина Шернера. И убийственно-обличительно звучит авторский голос в сценах, где появляются враги – фашисты, «людаки», «гардисты», такие как Филип Грахо или Винцент Ульрих. Все сюжетные линии, развивавшиеся в первом томе почти параллельно, переплетаются во втором романе, где описываются события Словацкого национального восстания – с первых его дней августа 1944 года и до момента прихода в Словакию Красной Армии. Повествование в целом изобилует массовыми сценами, описаниями эпизодов партизанской войны.

Публицистический пафос сочетается в финале трилогии с несколько поспешным благополучным завершением личных судеб героев, что снижает общее художественное впечатление. Однако в целом трилогия В. Минача остается значительным памятником и поколению участников Словацкого национального восстания, и своей литературной эпохе.

Центральное место занимает тема войны и в творчестве Ладислава Тяжкого (1924–2011). Человек военного поколения, он сам пережил многое из того, что отразилось впоследствии в его книгах. Особенно трагическим был его опыт участия в войне против СССР в составе одной из двух действовавших там словацких дивизий. Тема участия словаков в войне гитлеровской Германии против Советского Союза затрагивалась в литературе и прежде, например, в произведениях Д. Татарки, Р. Яшика, В. Минача. Однако именно Тяжкому удалось отразить антигуманную, жестокую сущность войны, которая ломала судьбы и калечила сознание людей – как словацких солдат, пришедших на советскую землю в рядах фашистов, так и жителей оккупированных городов и деревень. В произведениях, созданных

им в 1960-е гг., – а это романы, повести и новеллы – писатель детально, часто натуралистично, показывает войну в ее почти бытовой, деморализующей повседневности и одновременно обобщенно-антигуманной сущности, когда врагами оказываются представители двух близких славянских народов.

Роман Л. Тяжкого «Аменмария. Только хорошие солдаты» (1964) – первая книга из цикла романов с главным, во многом автобиографическим, героем Матушем Зразом, именно здесь описаны события на Восточном фронте, свидетелем и участником которых он стал. Еще два романа – «Евангелие от ротного Матуша» (I, II) вышли в 1979 г. – в них герой продолжает свои военные злоключения уже в составе интернированной и разоруженной фашистами словацкой части в Румынии и Австрии. Известный словацкий литературовед Ян Штевчек обозначил жанровую специфику этого произведения Л. Тяжкого, назвав его «роман-странствие». В своем исследовании «История словацкого романа» (1989) он подчеркивает: «Определение “только хорошие солдаты” звучит иронически, противореча действительности. Мотив несправедливостей по отношению к украинскому населению, насилия над ним постепенно приобретает балладный характер»³. В схожей тональности представлена война и в новеллах «Дунайские могилы» (1964), «Грешница обвиняет тьму» (1965), «Стая диких Адамов» (1965). В сложном по идее и композиции романе Л. Тяжкого «Погреб, полный волков» (1969) повествователем выступает юная рассказчица – сельская девочка Доминика Перунова, через образное, хотя и фрагментарное восприятие которой пропущены все события романа.

Всплеск интереса словацких прозаиков к военной тематике отмечается и в середине 1970-х – начале 1980-х гг., что было во многом связано с широким празднованием 40-летия Словацкого национального восстания. Некоторым писателям удалось благодаря этому опубликовать свои произведения после вынужденного молчания (В. Шикла «Мастера», М. Дзвоник «Пепелища»), а другим, начинающим, – ярко заявить о себе (Ю. Балцо «Восково-желтое яблоко», 1976; В. Швенкова «Кедровый лес» и др.).

Молодые авторы, дебютировавшие в 1960-е гг., противопоставляли догмам предшествующего периода свое мировосприятие и представления о литературе, обратившись к современной тематике, к проблемам своих сверстников, в сфере поэтики – к малым жанрам, к субъективности повествования, к поиску новых средств художественной выразительности. Винцент Шикла

(1936–2001), начинавший свой творческий путь в рамках этого течения, в 1970-е гг. вступил в полемику с идеологией социалистического реализма на традиционной для того почве большого эпического произведения.

Трилогию Шиккулы составляют романы «Мастера» (1976), «Герань» (1977) и «Вильма» (1979), объединенные общей фабулой, центральными героями и др. Помимо этих «материальных», очевидных черт взаимосвязи частей трилогии, существует еще и множество внутренних признаков их общности, относящихся к художественной концепции писателя, к оригинальному способу повествования и развития сюжета, к уровню поэтики в целом. Во многом справедливо суждение словацкого критика В. Шабика о том, что новизна романа «Мастера» по сравнению с предыдущими произведениями В. Шиккулы обусловлена усилением роли автора-повествователя: «Новым представляется то, что рассказчику принадлежит гораздо более значительное место, он берет на себя важнейшие функции организатора романного процесса, мира своего романа. “Мастера” – это роман рассказчика»⁴.

Своеобразие сюжетного построения романа отмечали и другие исследователи. Так, Я. Штевчек подчеркивал функциональность отступлений автора от прямой событийной линии: «Шиккулу интересует вопрос, являющийся для эпики центральным: как оценивать и представлять поступки человека. На поступке строится фабула, однако если она сводится только лишь к поступкам, она банальна. [...] Отступления в “Мастерах” продуманны и необходимы»⁵. Мотивы и содержание этих авторских отступлений, разбросанных по всей трилогии, самые разные, однако можно выделить несколько наиболее значимых тематических узлов – это рассуждения о мастерстве (а по сути – об искусстве и творчестве в разных сферах человеческой деятельности), об истории и нации, полемические рассуждения о литературе и ее предназначении.

Сюжет второго романа трилогии, «Герань», разделен на два фабульных русла: в чередующихся главах автор повествует попеременно то о событиях в деревне, то о перипетиях партизанского отряда. Помимо иного по сравнению с первым романом – «сдвоенного» фабульного построения (фабула «Мастеров» при всей сложности сюжета – линейная), роман «Герань» отличается и более выраженным повествовательным, эпическим планом. Ритмическое чередование глав «о доме» с главами «о войне» придает повествованию не только дополнительный драматизм, но и эпический объем. Третий роман

трилогии, «Вильма», отличается от предыдущих и содержательно, и композиционно. Время действия – первое послевоенное десятилетие, что определяется скорее хронологией личных переживаний героев, чем социально-историческими приметам, лишь изредка обозначаемыми автором.

«Роман идей» и «внутренний роман внешних событий» – так характеризует произведения Минача и Шиккулы Ян Штевчек в своем фундаментальном исследовании «История словацкого романа». В основе трилогии Минача, по убеждению словацкого литературоведа, лежит «типичная проблематика литературного развития пятидесятых годов, когда главной составляющей произведения была оценка писателем действительности, его мировоззрение и твердая жизненная позиция»; при этом полемический по отношению к нему «роман Шиккулы далеко не исчерпывает всю общественно-политическую проблематику восстания, зато наполняет ее внутренним содержанием и – парадоксальным образом – в определенном смысле выходит за ее пределы»⁶.

С конца 1980-х гг. и вплоть до начала 2000-х тема Второй мировой войны надолго ушла из словацкой литературы, возникая лишь эпизодически. В это время в словацкой прозе преобладали малые жанры, что в определенной мере было связано со сменой писательских поколений, с приходом молодых прозаиков, дебютировавших, как правило, новеллами и сборниками рассказов. Они открывали для литературы нового героя, предлагали новое видение действительности и ее новое, постмодернистское отражение. Главное внимание уделялось современности или общим вневременным проблемам человеческого существования. Однако в последнее время писатели вновь заговорили об истории и событиях военных лет, делая акцент на общегуманистических нравственных аспектах. Жанр романа обретает при этом все больший удельный вес, усложняясь и видоизменяясь на основе новейших литературных тенденций.

В ряду этих произведений – книга Павла Виликовского (р. 1941) «Первая и последняя любовь» (2013), жанр которой сам автор определяет как «двойной роман» (такую же жанровую форму имела и предыдущая его книга – «Автобиография зла», 2009). Писатель «складывает» свое произведение из двух относительно автономных частей-романов – с разными фабулами и героями, однако связанных между собой общей, хотя и неявно сформулированной нравственной проблемой, скрытым мотивом, авторской интонацией.

Такой проблемой в книге «Первая и последняя любовь» стала историческая память, хранящаяся глубоко в сознании человека, которому порой бывает необходимо оживить угасающие образы прошлого для понимания настоящего. Сюжет второй части романа, имеющей название «Четвертый язык», связан с темой войны. Он развивается по двум фабульным линиям – условно «правдивой», написанной в стиле «*oral history*» (рассказ старого русского эмигранта о пережитом в гражданскую войну), и условно «вымышленной», представляющей отрезок жизни историка-любителя Габриэла, который записывает речь старика. Фрагменты рассказа старика чередуются со все более обширными психологическими пассажами о жизни Габриэла, «одинокого мужчины пенсионного возраста», чье увлечение «устной историей» приводит его к теме Холокоста в Словакии. «Воскрешая» в своем воображении молодую женщину Эму Шлезингер, одну из прочитанного им списка братиславских евреев, увезенных в Освенцим, он пытается восстановить ее внешность, домыслить характер и привычки. На какое-то время Эмма даже почти материализуется в сцене их встречи на людной площади в центре Братиславы, но вскоре Габриэл понимает безнадежность своих попыток и оставляет Эму «и дальше лежать в неизвестной братской могиле»⁷. Финал романа открыт, фабула не завершена: выбор Виликовский оставляет за своим «соавтором» – читателем.

Тему исторической памяти, памяти войны поднимает в своих романах и Павел Ранков. Действие романа «Матери» (2011) начинается в 1944 г., в дни восстания. Сюжет разворачивается параллельно в двух временных пластах, вокруг двух главных героинь – репрессированной и сосланной в конце войны в советский лагерь молодой словачки Зузаны Лауковой и современной студентки-дипломницы Луции Герлианской. Основная сюжетная линия романа – это подробный, динамично развивающийся рассказ о судьбе Зузаны, которую несправедливо обвинили в предательстве и гибели советского партизана, ее возлюбленного, и депортировали в Советский Союз. Зузана с трудом выживает в условиях лагеря и рождает сына, ради которого идет на многие лишения и жертвы. Светлый образ ее нареченного мужа Алексея сопровождает ее на этом пути, она каждый день молится за него, чудом сохранив свой молитвенник. Вторая линия связана со злоключениями студентки Луции Герлианской, которая пишет магистерскую работу по методу «*oral history*» на основе повествования уже состарившейся Зузаны. Личные невзгоды студентки усугубляются резкой критикой со стороны педантичного научного

руководителя за привнесение в научное исследование элемента художественности. Прием своего рода «романа в романе» обнаруживается не сразу, однако делает структуру и композицию произведения более объемной и многослойной.

Прихотливое построение сюжета характерно и для романов Мирослава Биелика (р. 1949), в частности, для его дебюта в прозе – «Действительность. Венецианский диптих I» (2007). В центре его – блуждание главного героя между трагическим прошлым, неопределенным будущим и суетным настоящим. Повествование разворачивается на нескольких уровнях: прослеживается событийная фабула из повседневной жизни героя, закручивается вторая, детективная линия, связанная с пропажей старинных картин, и пунктирно обозначается третья, связанная с мысленным возвращением героя в военное прошлое, к сценам карательной акции фашистов в его родной деревне.

Тема, связанная со Второй мировой войной и Словацким национальным восстанием, стала основой для целой линии в развитии словацкой литературы, одной из литературных традиций XX в. По мере своего развития, обусловленного и эстетическими, и идеологическими факторами, она приобретала различные модификации, жанровые и идейно-художественные воплощения, продолжая сохранять актуальность и в наши дни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Bodenek J.* Zapálené srdce. Z vlčích dní. Bratislava, 1971. S. 277.
- 2 *Švantner F.* Dáma. Bratislava, 1984. S. 296.
- 3 *Števček J.* Dejiny slovenského románu. Bratislava, 1989. S. 518.
- 4 *Šabík V.* Čítajúci Titus. Bratislava, 1982. S. 63–64.
- 5 *Števček J., Bagin A.* Obrazy a myšlienky. Bratislava, 1979. S. 129.
- 6 *Števček J.* Dejiny slovenského románu. S. 486, 531.
- 7 *Vilikovský P.* Prvá a posledná láska. Bratislava, 2013. S. 191.

L. F. Širokova

The variety of genres in Slovak prose and the dynamics of literary progress
(second half of the 20th – beginning of the 21st century)

The topic of WWII and Slovak National Uprising became base for one of the most important literary traditions in Slovakia in the second half of the 20th century. In the development of war prose the peculiarities of development of Slovak literature as a whole and its genres in particular were reflected. Going through changes, gaining different genre and ideological and artistic incarnations, the war prose is keeping up with the contemporaneity.

Key words: *Slovak literature, the topic of war, prose genres, plot and story line*

И. Е. Адельгейм
(Москва)

«Это тема для тебя...»

Проза «второго поколения детей Холокоста» в Польше 2000-х гг.

В статье рассматривается проза так называемого «второго поколения» детей Холокоста (Э. Курылюк, А. Тушиньской, Б. Кефф, М. Тулли) и художественные приемы, с помощью которых польские авторы совершают попытку преодолеть травму, унаследованную от переживших Холокост матерей.

Ключевые слова: *Холокост, пост-память, травма, повествование, аутопсихотерапия*

Военная тема, одна из центральных для польской литературы второй половины XX в., в веке XXI не утратила ни актуальности, ни художественного потенциала. Этому парадоксальным образом способствовало то, что десятилетиями замалчивался ряд вопросов, в первую очередь – проблема Холокоста, сложное сплетение польской «мании собственной невинности»¹ с подсознательным чувством вины. О войне и ее последствиях начинают писать и следующие поколения – уже с позиции пост-памяти², опираясь не на реальные воспоминания, а на воображение, эмпатию, чувство долга.

Середина 2000-х гг. – момент, когда возникает потребность высказаться у так называемого «второго поколения» детей Холокоста. В последние десять лет вышли «Гольди. Апология звероватости» (2004), «Фраскати. Апология топографии» (2009) Эвы Курылюк (р. 1946); «Семейная история страха» (2005) и «Упражнения по утрате» (2007) Агаты Тушиньской (р. 1957); «Произведение о Матери и Отчизне» (2008) Божены Кефф (р. 1948); «Итальянские шпильки» (2012) и «Шум» (2014) Магдалены Тулли (р. 1955). Кроме того, в 2014 г. появилась книга бесед Михала Гринберга (р. 1966) с подобными ему детьми выживших («Я обвиняю Освенцим. Семейные повести»)*.

* Далее произведения цитируются по изданиям: *Kuryluk E. Goldi. Apoteoza zwierzaczkowatości*. Kraków, 2011; *Kuryluk E. Frascati. Apoteoza topografii*. Kraków, 2009; *Tuszyńska A. Rodzinna historia lęku*. Kraków, 2005; *Tuszyńska A. Ćwiczenia z utraty*. Kraków, 2007; *Keff B. Utwór o Matce i Ojczyźnie*. Kraków, 2008; *Tulli M. Włoskie szpilki*. Warszawa, 2011; *Tulli M. Szum*. Kraków, 2014; *Grynberg M. Oskarżam Auschwitz. Opowieści rodzinne*. Wołowiec, 2014. Страницы указываются в тексте статьи в круглых

Эти тексты, повествующие о наследовании травмы, в той или иной степени подтверждают печальные слова психиатра К. Швайца: «Можно сказать, что это посмертный триумф Гитлера, поскольку даже уцелевшие носят Холокост в себе и передают его дальше»³.

Именно второму поколению пришлось в своей личной повседневности столкнуться с проблемой, которую подняли после войны философы, – непостижимости, невыразимости и, по сути, непереживаемости Освенцима. «Правильно, наверное, будет задаться [...] вопросом о том, а можно ли после Освенцима жить дальше⁴, – писал Т. Адорно. Подобную мысль высказывает и бывший узник Освенцима П. Леви: «...те, кто достиг [дна. – И. А.], кто увидел Медузу Горгону, уже не вернулись, чтобы рассказать, или вернулись немymi»⁵. О невозможности жить с чудовищными воспоминаниями говорит и повествовательница Тулли: «Нельзя не признать, что мир устроен довольно милосердно: люди не имеют возможности заранее заглянуть за кулисы, туда, где им суждено испустить дух [...] предполагается, что смерть будет мгновенна [...]. Но тогда [...] главный механизм сцены испортился, и некоторые вернулись из-за кулис, что вовсе не планировалось. То, что они видели, осталось с ними навсегда. [...] И время смерти, не закончившись в должный момент и должным образом, растянулось для них на десятилетия» (ИШ, 69).

Длительные и разрушительные последствия травмы концлагерей изучаются с рубежа 1960–1970-х гг., когда У. Г. Нидерленд ввел термин «синдром выжившего»⁶, а в последние годы были проведены исследования уже среди *детей* уцелевших, результаты которых подтвердили факт переноса травмы Холокоста на следующие поколения⁷ (ср. «В моих жилах течет [...] слишком много Освенцима» и пр.; ЯО, 19, 113, 114).

Доля художественности и документальности в перечисленных произведениях различна (от мемуарно-эссеистских книг Тушиньской и Курылюк до гротескной оратории Кефф, использующей различные стили и культурные коды), однако все они автобиографичны и посвящены, в первую очередь, пережившим Холокост матерям. Однако в центре повествования – последствия для *следующего* по-

---

скобках с пометкой Г («Гольди. Апология звероватости» Курылюк), Ф («Фраскати. Апология фотографии» Курылюк), СИ («Семейная история страха» Тушиньской), У («Упражнения по утрате» Тушиньской), П («Произведение о Матери и Отчизне» Кефф), ИШ («Итальянские шпильки» Тулли), Ш («Шум» Тулли), «ЯО» («Я обвиняю Освенцим» Гринберга).

колениа последствий пережитого первым. В каком-то смысле все эти тексты – наследники знаменитого комикса А. Шпигельмана «Маус. Рассказ выжившего», еще в 1972 г. привлекшего внимание к проблеме наследования травмы Холокоста.

Характерен матрицентризм этих повествований*. Здесь значима биологическая и психологическая связь матери и дочери (подобно связи отца и сына в «Маусе»). Речь идет о симбиотической травме⁸ – «союзе высосанной крови» (П, 60). Отсюда имена героинь Кефф – Деметра и Кора, символизирующие разрушительное единство матери и дочери, и аллюзии с мифологическим похищением Кору, которого, однако, не происходит – та стережет дочь «тенью на стене» (П, 23).

Ребенок нужен пережившим травму матерям прежде всего для имитации нормальной жизни: «Они знали: чтобы удовлетворять завышенным критериям нормальности, полагается иметь детей» (Ш, 97); «Ребенок должен был поддерживать мою мать в ее стараниях, чтобы жизнь выглядела должным образом» (ИШ, 26–27); «родила ребенка // Чтобы иметь семью, чтобы не быть одной, // ребенок – всегда Дитя своей Матери // мать же – МАТЬ. Будучи Матерью // женщина не пропадет в мире // и обретет новую идентичность» (П, 10). Это еще один пласт значений имени дочери у Кефф: Кору называют уменьшительным Уся – «Коруся, Уся, ее дочуся» (П, 20), то есть ей предназначена роль вечного ребенка своей матери. Впоследствии, однако, матери героинь испытывают разочарование (Ш, 97; ИШ, 27; П, 24).

Героиня Кефф рождена еще и для того, чтобы слушать материнские монологи: «я – акустическая кабина»; «несчастье, свидетелем которому ты призвана быть [...] и нет для тебя других предназначений» (П, 19, 25). Опять-таки неслучайно имя героини: Уся одновременно содержит аллюзию с «ухом» («Пара Отличных Ушей», П, 36).

Мать героини Кефф обращается к прошлому непрерывно (ср.: «В нашем доме был Освенцим»; ЯО, 17). Автор использует аллюзию с «Паном Тадеушем»: мать устремлена к временам Холокоста, словно повествователь Мицкевича – к родине (ср. «душа моя перелетает отсюда к этому голоду, взрывам и смерти», П, 39). Дочь воспринимает этот бесконечный монолог как обсасывание и обглаживание пережитой трагедии: Мать «постоянно хочет сосать свою историю, постоянно ее выплакивать»; «терзает свою историю // за шкуру, за

* Материалы, собранные Гринбергом, автор статьи привлекает в качестве контекста.

кишки, погружает руку в нутро падали» (П, 19, 39). Перспектива дочери передана также при помощи различных образов бесконечности и повторяемости (П, 13, 9, 41, 15).

Холокост – стержень не только биографии матери, но и самой ее личности (ср. «в их жизни все связано с Холокостом», ЯО, 232): «вечная история ее страдания, которая не может быть оспорена» (П, 9). Характерно здесь также единство матери и жертвы, удвоение высокого этического принципа: «кто же откажет жертве, кто откажет Матери» (П, 20).

Защитной реакцией может быть, однако, и молчание, диссоциация. Эта немота, впрочем, имела и объективные причины: послевоенная атмосфера в ПНР не способствовала откровениям. «Сразу после войны мама столкнулась с таким сильным антисемитизмом, – говорит Курылюк, – что решила скрываться по-прежнему»⁹. Когда мать героини Тулли вернулась в квартиру, где семья жила до войны, «дверь приоткрылась только на длину цепочки. – Чего надо? – спросил кто-то с той стороны. И она поняла, что внутрь ее не пустят» (Ш, 130). У Кефф Мать во время родов «не совсем в себе, кричит: “Гетто горит!” // Тогда медсестра // сказала: Ну, за этой жидовкой я ухаживать не собираюсь. // Здравсьте вам, а мы-то уж понадеялись, что больше их не увидим» (П, 43). О том же говорит Тушиньская: «Ее [матери. – И. А.] новая судьба должна была отрицать тьму, заслонить прошлое, отсесть источники и причины страха. Новая – чистая, светлая, арийская и польская – судьба не могла быть запятнана страхом, то есть прошлым, то есть памятью о гетто, то есть еврейством. Это должно было остаться секретом» (СИ, 56).

Таким образом, в случае Тулли, Курылюк, Тушиньской это драма в первом поколении вытесняемая, замалчиваемая. «[...] я уцелела, чтобы промолчать» (Ф, 47), – сетует мать Курылюк, всю долгую жизнь прожившая с арийскими документами и почти до самой смерти скрывавшая правду от детей. В романе Тулли фраза «Мать скрывала тайну» – одна из ключевых (Ш, 9, 23, 31, 34). Возникает образ физического бегства из прошлого: мать героини Тулли выскочила из него «словно из рушащегося дома», «выбежала из своего выжженного, разрушенного прошлого» (ИШ, 24). Эта «тайна» словно бы высасывает жизненную энергию: и Тулли, и Курылюк используют образ едва удерживающегося на воде человека (Ш, 9; Ф, 124), у Тулли также постоянно появляется образ проваливающегося пола, уходящей из-под ног почвы (ИШ, 68-69; Ш, 43-44).

Все силы матери уходят на имитацию «нормальности»: «Моя мать понимала, что надо вести себя так, словно никакого прошлого

никогда не было. [...] следовало вести нормальную жизнь» (ИШ, 25–26, а также Ш, 93). Символом этого стремления становятся в романе Тулли, с одной стороны, незримый «трибунал», к которому то и дело обращаются мать и ее сестра за подтверждением их соответствия общепринятой норме, с другой – «воскресенья с шарлоткой, предназначенные для общения с родственниками» (Ш, 8, 94 и пр.) – имитация идиллического ритуала, за которым скрывается драма: «Когда по воскресеньям, предназначенным для общения с родственниками, мы ели шарлотку, вокруг неизменно рассаживались бесчисленные незримые присяжные» (Ш, 94). У героини Тушиньской «воскресенья с шарлоткой» вызывают зависть: «Я не любила воскресенья. [...] Воскресенье было временем, предназначенным для счастливых семей. [...] Все вместе, все на своем месте. Мама, папа, я, как в букваре. Мама мамы – бабушка, папа мамы – дедушка» (СИ, 100–101).

Отрекшиеся от своего прошлого мать и ее сестра («Разве им доводилось ехать в вагоне для скота [...] Эти факты можно с чистой совестью стереть из памяти – как не оказывающие никакого воздействия на нашу жизнь») убеждены, что от него защищены и их дети: «То, о чем умалчивают [...] все равно что не существует. А то, что не существует, не может быть передано другому» (Ш, 96, 120). Матери Курылюк, напротив, кажется, будто она уцелела ценой физического и психического здоровья сына, родившегося уже после войны (Ф, 70, 146). Героиня Кефф страдает от чувства вины по отношению к тем, кого она оставила, спасаясь; однако, в отличие от матери Курылюк, она обременяет чувством вины дочь: «Ты как Адольф Гитлер, который тоже // Превратил мою жизнь в степи одиночества» (П, 15, 27).

Если героиня Кефф придавлена масштабами страдания, которым шантажирует ее мать, то героини Курылюк, Тулли, Тушиньской живут в тени невысказанной трагедии (собеседники Гринберга говорят об агрессивности подобной «тишины»; ЯО, 161, 226).

Девочек мучит смутное ощущение собственной инакости: «[...] она снова начинала раздумывать, что с ней не так и действительно ли она вылеплена из того же теста, что и остальные» (ИШ, 120). У Тулли возникает «удваивающий» эту тему параллельный сюжет с также скрывающими свое прошлое выходцами из Силезии, чьи родственники воевали в гитлеровской армии (ИШ, 134; Ш, 66).

Инакость героинь выражается, в частности, в отсутствии большой семьи (ср. у Гринберга: ЯО, 24, 226, 50, 74, 85, 94, 95, 99, 133, 159, 163, 166, 198, 187, 188, 201, 226 и др.). В рассказе Тулли «Бронек»

многочисленные погибшие родные начинают «возвращаться» в настоящее лишь по мере погружения больной Альцгеймером матери в прошлое: «В квартире появлялись все новые родственники, о которых я понятия не имела» (ИШ, 72).

Девочки сталкиваются с проявлениями антисемитизма, связь которого с их судьбой абсолютно непонятна им, не знающим о своем происхождении. «Слово на букву “Ж” я впервые услышала в нашем детском саду» (Ф, 28), – вспоминает Курылюк. Воспитательные методы в послевоенном детском саду отсылают к реалиям оккупации (ИШ, 14), печью крематория пугают друг друга дети, а детей – взрослые (ИШ, 16, 20; Ф, 29). В рассказе Тулли «Бегство лис» глазами ребенка описана антисемитская кампания 1968 г.: «– Вы едите наш хлеб, – сурово попрекнул он меня [...]» (ИШ, 132–134).

Героиня Тулли – наполовину итальянка, что делает ее вдвойне чужой, поскольку большинство окружающих убеждены, что за итальянца выдает себя польский еврей: «Италия? Возможно – но та, что под Варшавой (то есть район Варшавы, ранее пригород, под названием “Влохи” – “Италия”. – *И. А.*). Они там [...] сочинили липовую историю, но нас-то не проведешь» (Ш, 61, а также ИШ, 137–138).

Жизнь ребенка отравляет бремя невысказанных страхов, висящей в воздухе угрозы, смутное ощущение «белых пятен» в прошлом семьи («Откуда ей было знать, что проблемы, с которыми она не в состоянии справиться, старше нее. Что они [...] берутся из предыдущего мира. Из того, который горел и рассыпался в прах за много лет до ее рождения. Потому что именно в этом мире жила мать, когда что-то в ней погасло», ИШ, 120).

В доме Тулли царят тишина, молчание, мертвенность (Ш, 83–84, 118). Мать словно «заморожена» эмоционально, опустошена (ИШ, 81, 94, 30). Она не умеет улыбаться, а лишь иронически усмехается или смеется «механическим смехом, в котором не было ни грана веселья» и смотрит «прямо перед собой отсутствующим, остекленевшим взглядом» (Ш, 119, 80, 97; ср. также у Гринберга: ЯО, 29, 45–46, 57, 101, 114, 124, 132, 134, 142, 183, 185, 226). Мать избегает физического контакта с ребенком (ИШ, 32; Ш, 82; ср. также у Гринберга: ЯО, 53, 57, 103).

Матери Тулли и Кефф словно баррикадируются своим трагическим прошлым (ср. у Гринберга: «Многие годы отношения были [...] как через толстое стекло», ЯО, 183): «Эта история со мной случилась [...] Ты Не имеешь к этому Никакого Отношения!»; «[...] нет с ней слов, нет слов к ней, ничто не пробьется» (П, 42, 10); «Моя мать не

относилась ни к одному из двух миров, в которых я жила. Она была в третьем, отрезанном, недоступном» (ИШ, 81).

Сознание перенесенных страданий делает матерей равнодушными к заведомо несопоставимым с Холокостом проблемам маленьких дочерей (ср. также: ЯО, 98, 217): «[...] мать пожалала плечами [...] Словно хотела сказать, что она такое или даже похуже видела не один раз [...]» (Ш, 119); «Если бы твоя жизнь была столь же трагической как моя // Я могла бы иногда с тобой поговорить как с тем // кто имеет право на существование // Но тебе неведомы эти страдания» (П, 58). У Тулли мать сознательно отстраняется от дочери: «[...] мои дела – не ее дела и отвечать за них она не намерена» (Ш, 34); «Она надеялась, что каждый ее поймет: она лично не имела с этим всем ничего общего»; «Она не желала моего общества. И любви тоже»; «Я могла бы ею гордиться, если бы нас хоть что-то связывало» (ИШ, 88, 32, 94). Героиня признается, что дома она «была никем, пустым местом» (Ш, 84) и даже «[...] замечала некоторые признаки своего несуществования» (ИШ, 81, 102). Героиня Кефф также говорит о том, что прошлое матери ее уничтожает, сравнивая себя с безмолвной рыбой, трупом, призраком и т. д. (П, 19, 34).

Эта разьединенность выражается также в употреблении терминов родства. У Тулли нет слов «мама» (лишь «моя мать», «мать»), «тетя», «дядя», «двоюродный брат» (лишь «его мать», «отец ее сына», «ее сын»). У героини Кефф, которую Холокост лишил всех родственников, Мать отбирает сами слова, их называющие, исключая из семьи и в очередной раз подчеркивая несоразмерность масштабов выпавших им судеб: «– То есть ты говоришь о моей бабушке [...] ты говоришь о тетке моей. // – Бабушка? [...] Ты что, белены объелась? Что общего имеют с тобой эти герои, дитя мое?» (П, 42). По сути Мать, таким образом, доводит начатое Холокостом до конца: род прерывается на ней, продолжение жизни невозможно.

Мать Курылюк попытки вытеснить воспоминания приводят к психическому заболеванию. Кошмары прошлого врываются в идиллические сценки из мирной жизни: «Корабль! – мама ткнула пальцем в окно. [...] Она рывком задернула шторы и загнала нас в ванную. – Потому что иначе *они* – она сделала жест, как будто перерезает горло, и закрыла нас на ключ, в спешке забыв включить свет. Я на ощупь села у стены, Пётрусь прижался ко мне. Всю ночь мама переругивалась сама с собой разными голосами» (Ф, 5); «Я сидела на балконе у ног мамы, штопавшей [...] носок, и выкладывала из пуговиц-слоников караван [...]. Когда слоники зашагали по газете, я заметила

фотографию. – Зачем им звездочки? – пискнула я и протянула газету маме. – Она глянула на фото и укололась иголкой. [...] побежала к себе, закрылась на ключ и заговорила по-немецки» (Ф, 48). «Запустить» этот механизм может что угодно – найденная черепашка (Ф, 11–14), желтый цвет, невинный вопрос об отношении родственников Грегора Замзы к главному герою (Г, 81) или об острове Мадагаскар (Г, 95–97). Правда о прошлом прорывается в непонятных разговорах о загадочном преимуществе светлых волос и глаз (Ф, 16, 29, 241; СИ, 9). Если матери Курылюк болезнь «дает возможность» бояться наяву, то мать Тулли может позволить себе это лишь во сне (Ш, 33), однако в обоих текстах травма матери оборачивается реальным присутствием эсэсовцев в повседневной жизни ребенка: «– Слышишь? – шептала мама. – Они уже здесь» (Г, 65); «Днем и ночью по всем этажам нашего дома, по всем домам нашей улицы маршировали стройные колонны» (Ш, 44).

В книгах Тушиньской и Курылюк описаны моменты, когда матери раскрывают дочерям тайну своего – и их – происхождения. Тушиньская сталкивается с этим в девятнадцать лет (СИ, 9–10), Курылюк – в тридцать восемь (Г, 78; Ф, 237). В конце жизни мать Эвы начинает «проговариваться», но только после ее смерти дочь обнаруживает на антресолях зимние сапоги со спрятанными в них семейными фотографиями, документами, письмами. И лишь тогда – в пятьдесят с лишним лет – наконец, понимает все. Мать героини Тулли начала говорить, заболев болезнью Альцгеймера, когда «время в ее квартире повернуло вспять» (Ш, 66). Рассказы «Кофейная гуща» и «Бронек» полностью построены на этом обратном календаре матери, благодаря которому «обнаруживались все новые осколки прошлого» (ИШ, 29). Тулли в интервью говорит, что «всегда знала»¹⁰ о еврейском происхождении и лагерном прошлом матери, однако лишь болезнь приоткрыла завесу тайны над масштабом страданий, через которые ей и ее сестре пришлось пройти. И уже только после смерти матери, от незнакомого человека, героиня Тулли узнает, что именно оказалось причиной ее состояния, отравившего детство дочери (Ш, 132). Тулли касается здесь редко затрагиваемой проблемы потрясения *после* освобождения (ср. у Гринберга: «Все думают, что освобождение – это счастье. [...] но это также момент, когда ты понимаешь, что остался один, твоего мира больше нет. Нет ничего и никого»; ЯО, 77), вторичной травмы, связанной с отсутствием эмпатии и необходимостью подавлять свои чувства (Ш, 132).

Каким же оказывается наследство детей, растущих в тени материнской травмы?

Патологическое молчание матери эхом отдается в проблемах маленькой героини Тулли с чтением и письмом. Отсутствие нормальных отношений с матерью приводит к неприятию самой себя: «Я догадывалась, что у меня липкие руки, и начинала догадываться, что столь же неприятны на ощупь могут быть мои чувства»; «он так любезен со мной, потому что ему не сказали, кто я: та, которую никто не любит. Та, которую невозможно любить»; «Я не могла себе представить, что могу для кого-то значить больше, чем для себя самой, а ведь для себя самой я значила так мало» (Ш, 82, 80, 87; ср.: ЯО, 79, 80, 95).

Чудом выжившие передают детям готовность стать жертвой. Тушинская в посвященных памяти мужа «Упражнениях по утрате» объединяет два опыта – гетто и смертельной болезни, – утверждая, что опыт утраты *вписан* в ее судьбу и был лишь отсрочен.

Это не только следствие индивидуальной травмы, но и результат атмосферы скрытого насилия, царящей в послевоенной Польше. «Насилие» – ключевое слово романа «Шум» (Ш, 35, 58, 59, 60, 97, 132 и др.). Дети не просто играют в войну – военными аллюзиями и сценариями наполнена вся их повседневность (ИШ, 9–10). Неслучайно Кефф объединяет мать и отчизну в заголовке и в тексте («повсюду чуждость, как рядом с родной матерью»; П, 33).

Повествовательница Тулли периодически испытывает потребность удостовериться в своей способности выжить: «Она умеет почти все, что могло бы ей пригодиться, если бы... [...] Она может бежать много часов без отдыха [...] Если что-то ее и беспокоит, так только то, что она не поможет бежать своим детям»; «есть ли у меня достаточно близкие друзья, у которых можно спрятать родных. Если не всех, то хотя бы одного сына – но какого выбрать?» (ИШ, 142–143, 75). О подобных навязчивых мыслях рассказывают практически все собеседники Гринберга (ЯО, 21, 119, 145, 48, 219, 95, 82, 54, 243).

Наследуется ощущение непрочности бытия: «Больше всего тяготит отсутствие крепкой веры в существование мира. Это болезнь, передаваемая потомкам через взгляды, вздохи и касания» (ИШ, 73). Отсюда унаследованный от матери, повторяющийся в текстах Тулли образ отсутствия почвы под ногами (ИШ, 142, 73–74), а сцена падения на катке героини «Шума» предстает еще и символом непреодолимой внутренней неуверенности («незримый каток, на котором я не умела удержать равновесие», Ш, 86). Также наследуются образы

опасной воды (ИШ, 31; Ш, 86; Ф, 32), незащищенности (П, 33), тени (СИ, 146), пустоты (П, 9, 33, 60) (ср. у Гринберга: «Это и есть квинтэссенция второго поколения. [...] Унаследованная пустота», ЯО, 79).

Это наследуемый навязчивый страх (ср. заглавие книги Тушинской): «Страх душит ее, круглый и твердый, как шарик» (ИШ, 142). Брат Курылюк, семнадцатилетний Петр, в 1968 г., после смерти отца, подвергнувшегося антисемитской травле, попал в психиатрическую больницу, где провел почти всю оставшуюся жизнь, неоднократно пытаясь совершить самоубийство. Петр «был отмечен страданием мамы, ее знанием о Холокосте. Во “Фраскати” я описала, как это передавалось ему от мамы, исподволь [...]. Мама повторяла: “волосы на матрасе”, “из них делали абажуры”, “вагоны без воды”. Мы не понимали, в чем дело, но мурашки бежали по коже, мы боялись слова “абажур” и волос на полу, парикмахера»¹¹. «Меня увезли в Освенцим» (Г, 31), – говорит брат. Подобные реплики можно найти и у героини Тулли (ИШ, 75, 73, 36, 38). О страхах говорят собеседники Гринберга (ЯО, 96, 35, 39, 163).

Обременительность детского опыта в тени материнского страдания передается через ряд негативных образов. Это разнообразные образы, связанные с наследством (Ш, 55, 19, 66; 64–66, 75), тяжким грузом, шкатулкой (ИШ, 27, 65–66). Это туча и дым как своеобразное *memento* (ИШ, 65–66, 75, 69, 125–128, 140; у Кефф фигурируют также лава и пепел; П, 16). Это нанесенная матери и унаследованная дочерью рана (Ш, 120, 119) (ср.: «рана в мозгу», ЯО, 60). У Кефф это также образы, связанные с рабством и заточением (кандалы, тюремная вышка, Вавилонский плен), а также жертвоприношением и пожиранием ребенка (П, 23, 82, 47, 19, 23, 60, 47).

Какие способы самозащиты избирают дочери?

Это воспроизведение ироничной холодности («Сдержанность, к которой приучила меня мать, казалась мне гарантией безопасности [...] я научилась ироничным взглядам, которые, как я надеялась, отведут от меня всякие подозрения», Ш, 82) или попытка компенсировать унижение агрессией («Мне не раз хотелось совершить что-нибудь ужасное, что уравнесило бы груз унижения, уравнесило бы общий вес всех унижений», Ш, 49).

Это бегство – реальное, но временное (прогулки по городу или сон; Ш, 40, 84; ИШ, 121) или окончательное, но воображаемое («Девочка, сломавшая стул, перебралась жить в лес. [...] Обо всем этом я узнала из раскраски, которую мне привезли из Милана», Ш, 37–38). Младший брат Курылюк мечтает эмигрировать на Луну (Ф, 115). Ге-

роиня Кефф «планировала планы, мечтала мечты [...] удрать от своей Метер» (П, 23).

Это также антропоморфизм и зооморфизм. Повествовательница «Итальянских шпилек» идентифицирует себя и себе подобных с лисами, отталкиваясь от услышанного во время антисемитской кампании выражения «крашенные лисы» (ИШ, 138, 142–143). В романе «Шум» фигурирует лис, олицетворяющий для девочки свободу, независимость и тайну. Лис помогает ей выжить, берет на себя функции воспитателя и советчика. Курылюк рассказывает в интервью, что в детстве они с братом «[...] решили, что люди – это чудовища, и жалели, что не родились зверюшками»¹², мечтали о «планете братства людей, животных и растений»¹³ (ср. «Набросок манифеста» в «Произведении...» Кефф: «Может, род человеческий понял бы наконец, что он один [...] Может, род человеческий [...] счел бы ближними и собаку, и обезьяну, и черепаху», П, 71). Маленький Петр кричал: «Я не буду превращаться в хомо сапеца. Останусь шимпанзе!» (Г, 85). Взрослым он «слышал внутри себя голоса животных и бормотал: “Освенцим, Дахау [...]”» (Г, 140). У отца было прозвище Лапка, у Эвы – Кенгуру, у Петра – Краб. Книга «Гольди» имеет подзаголовок – «Апология звероватости».

Героиня Кефф использует маски, отождествляя себя с персонажами массовой или высокой культуры (Ларой Крофт, Рипли, Фродо, иудеями в Вавилонском плену, Эльфридой Елинек) и гротескно снижая разрушительный для нее пафос материнского дискурса (П, 10, 26, 19, 49).

Однако наиболее действенным способом преодоления унаследованной травмы оказывается процесс творчества. Дочь у Кефф именно «поэтому» – «ПОЭТЕССА, для нее невыразимого не существует» (П, 10). Курылюк цитирует слова матери, сказанные незадолго до смерти: «Ты [...] удержалась на поверхности [...] Пётрусь – нет» (Ф, 107). Эву – не только писательницу, но и художницу, фотографа, перформера – спасло от судьбы брата искусство. Во внетекстовой реальности психотерапией оказывается для самих авторов процесс выстраивания автобиографического повествования.

Всем этим текстам свойственна фрагментарность, прерывность – и как свойство повествования с позиции пост-памяти, и как свидетельство отсутствия цельности самоощущения героинь, и как отсвет прерывности (не)повествования матерей. Мать героини Тушиньской была во время войны ребенком и помнит не все – даже когда решается рассказать. Мать героини Кефф рассказывает непрерывно

но, но беспорядочно, повторяя одни и те же формулы. Мать Курылюк хаотично «проговаривается» при приступах болезни, рассказывать же более упорядоченно начинает лишь в старости. Болезнь матери Тулли заставляет ее не столько рассказывать, сколько неожиданно вовлекать близких в свое прошлое, причем в обратной хронологии (ИШ, 71 и др.).

Дочери вынуждены восстанавливать историю матери, словно «пазл». Повествование неизбежно колеблется между фактами и домыслами. Курылюк сопоставляет увиденное или услышанное в детстве – странные реплики и действия матери – с найденными на антресолях фотографиями, подписями к ним, письмами и т. д. Она соотносит с новой информацией прочитанную ранее в книге памяти отца историю о том, как Кароль Курылюк спас в парке еврейскую девушку, бежавшую из гетто. Этот этап жизни и повествования подобен расследованию: неслучайно Тушиньская называет себя «искателем сокровищ», Курылюк «детективом». У Тушиньской некоторые вопросы повторяются многократно: повествовательница словно бы, во-первых, проверяет достоверность информации, во-вторых, осваивает ее, делает частью собственной судьбы (СИ, 14). Подобным образом у Тулли история о приступе клаустрофобии у сестры матери – «недатированная, из третьих рук» – становится частью повествовательницы: «Этот крик стоит у меня в ушах. Я слышу его внутри, словно это кричала я» (Ш, 28).

У Тушиньской и Курылюк много фотографий, которые присутствуют и опосредованно – через описание, и непосредственно – как иллюстрации и часть повествования. Это и свидетельство существования неведомых родных, и свидетельство необратимости прошлого, невозможности сконструировать связное повествование о нем. Это и результат «расследования», и стремление прикоснуться к прошлому родных. Фотография словно бы заменяет отсутствующие воспоминания (ср. «Теперь у меня есть фотография, где есть их лица. Я почти могу сказать, что их видела»; ЯО, 61). Повествовательница «Шума» противопоставляет истории своих родных, альбомы которых не сохранились («У меня нет тяжелых альбомов, у меня есть только истории, которые могли бы улетучиться, словно дым. Но – не улетучиваются», Ш, 55), историям немцев, чьи семейные альбомы молча и преданно хранят прошлое: «Главные силы, потерпев поражение, отступили в семейные альбомы, хранящиеся не здесь, не у нас» (Ш, 51). У Курылюк, кроме того, присутствует контраст между свидетельствами нормальной семейной жизни (заботливые подпи-

си: «[...] мамина музыкальная шкатулка»; «Титул книжечки “Наши черепахи”, написанной Пётрусем, с моими иллюстрациями»; Ф, 25, 43) – и скрывавшейся за ними трагедией.

Таким образом, сверхзадачей повествования оказывается переработка посттравматического опыта, включающая в себя разные аспекты и уровни.

Это встраивание себя в семью, род, и одновременно семьи, рода – в свое сознание. По словам Л. Лангера, одним из важнейших преступлений нацистов был разрыв родственных связей¹⁴. Об этой неизлечимой травме говорят Тушинская и Тулли: «Они могут черпать из кадров семейной памяти, воскрешают фигуры, чьи черты и силуэты в состоянии распознать. [...] Для меня [...] бабушки и дедушки – лишь след на бумаге, тонкая линия чернил подписи. Эхо тени» (СИ, 146); «Энергия, которая была в семье моей матери, пропала. Моя мать уже не могла из нее черпать, и я тоже не могу»¹⁵. Повествование, заполняющее «белые пятна», дает иллюзию восстановления утраченных звеньев цепи, сломанных ветвей генеалогического дерева (ср. «это был для меня шанс обрести еще хотя бы маленький кусочек семьи»; ЯО 188), призрачностью своей напоминая инсталляции Эвы Курылюк – портреты на шелке, развешиваемые на стенах, стульях, между деревьями, укладываемые на полу и т. д.

Это и чувство долга перед жертвами, потребность оставить о них память: «Я считаю, что по отношению к таким людям [...], измученным, забытым, нужно восстановить справедливость»¹⁶; «[...] меня охватила жалость, а может, даже траур, что я не выразила родителям, а прежде всего маме, восхищения, которого она заслуживала наравне с отцом»¹⁷. Это словно бы работа не только со своей памятью, но и с памятью близких, стремление очистить ее от клейма стыда и страха.

Наконец, это работа с собственно симбиотической травмой, потребность найти в себе силы простить. Одна из финальных сцен «Шума» происходит в «Низшем суде» под председательством лиса: «– Мы все собрались сегодня в Низшем Суде затем, чтобы... – начал лис и сделал паузу. – Чтобы осудить! – подсказал ээсовец. – Чтобы простить, – закончил лис [...]» (Ш, 117).

Однако прощение становится возможным благодаря не просто пониманию, но эмпатическому *воспроизведению* в повествовании тех моментов в опыте матери, которые столь тяжким бременем легли на детство дочери. В «Итальянских шпильках» выросшая героиня пытается взять девочку (то есть себя-маленькую) под защиту: «Я бы сказала ей, что все это [...] не ее вина». Однако на вопрос девочки,

придет ли она завтра, отвечает: «Я бы хотела, но не могу» (ИШ, 122). Освободиться от унаследованной от матери травмы оказывается возможно только *пройдя* путь матери, отыскав последний элемент «паззла» – в следующей книге, романе «Шум»: «Я была уверена, что именно там, в этой большой квартире, она поддалась скрытому насилию жалостливых взглядов, поверила в превосходство молчания, в победную силу холода. И позволила своему сердцу закалиться так, как жизнь на самом деле ни от кого не требует. [...] Я должна была ей сказать, что теперь все знаю» (Ш, 132). Подобный процесс происходит и с Курылюк, которая девочкой испытывала злость на безумную мать (Ф, 116, 242): «Когда мама умерла, я мало о ней знала. С течением времени, когда я ее узнала лучше, она оказалась необыкновенной личностью. И я захотела восстановить справедливость»¹⁸ (ср. у Гринберга: ЯО, 52, 63, 111, 152, 227, 152).

Текст Кефф – свидетельство борьбы за собственную идентичность и собственную историю, против шантажирования этосом жертвы (Мать названа кровопийцей, «из которой выпита кровь»; П, 56). Преодолеть травму помогает дегероизация и деконструкция при помощи многоголосия, использования кодов-масок и пр. Отношения сдвигаются с мертвой точки, когда Мать, комментируя открытие памятника Дмовскому в Варшаве, выходит наконец за рамки своей трагедии. В ответе («Я как Персефона согласна с тобой, Геката, // И должна сказать, что человек ты порядочный», П, 61) дочь впервые называет, во-первых, мать – Гекатой (оказываясь способна увидеть также трагедию польского народа, та перестает быть лишь Матерью и становится Гекатой, высказывающей мрачное пророчество, связанное с неспособностью людей к толерантности, – Геката, как известно, несла ответственность за постигающее людей безумие, помешательство или одержимость идеей, а кроме того, являлась богиней пределов, порогов, перекрестков, тех мест, где смыкается свое и чужое), во-вторых, себя – Персефоновой (Кора означает «Дева», и этим именем неразрывно связана со своей матерью), что знаменует освобождение.

Однако неслучайно, как уже говорилось, в заголовке Кефф фигурируют одновременно и Мать, и Отчизна: речь идет о насилии истории малой и истории большой, насилии над жертвами и насилии жертв, словно бы взаимоотражаемых и подпитывающих друг друга. Авторы повествуют, в сущности, о травмированном послевоенном польском обществе, в котором по-прежнему циркулируют боль и ненависть, поскольку «война, подобно имуществу банкрота, переходит в собственность следующих поколений» (ИШ, 64), а «из одной бойни

проклевывается другая» (Ф, 65). Это демонстрация универсального механизма воспроизведения насилия, действующего как на уровне государственной политики, так и в повседневной жизни.

Неслучайно в воображаемом мире маленькой героини «Шума» – в лесу, где живут «девочка, сломавшая стул» и волшебный лис, – есть третий герой, эсэсовец «со сломанным носом, в грязной военной форме» (Ш, 48). Он, отрицающий уроки лиса и декларирующий «твердость» (Ш, 49) прежде всего воплощает зло (почему девочка с лисом и связывают ему руки). Это не только зло войны и лагерей, но и насилие, переданное следующим поколениям – родственникам, превратившим детство девочки в маленький ад: неслучайно фраза о «твердости» эхом отзывается в конфликте с ними и репликах мужа ставшей взрослой героини, отсылающего к лису своим прозвищем – Рыжий (Ш, 93, 66, 90). Однако здесь есть и еще один план. Как постепенно выясняется, это не абстрактный эсэсовец, а тот, который, переводя узников из одного лагеря в другой, «ежедневно клал в рот каждому по ложечке сахара» (Ш, 48), тот, которого застрелили после освобождения лагеря, тот, которого не спасла мать девочки, хоть и «оказалась в нужном месте и в нужное время, чтобы остановить стрелявшего узника» (Ш, 127). То, что «в памяти матери чернота мундира запятнала белизну сахара», очевидно, мучает ее, потому что момент гибели эсэсовца первым возникает в ее воспоминаниях после начала болезни. Девочка же, которая кормит связанного эсэсовца сахаром с ложечки, сама того не зная, благодарит его вместо матери.

По мысли Тулли, все связаны со всеми: человеческие судьбы, переплетаясь, уравнивают «камни вин» и «воздушные шары обид» (Ш, 120). Именно поэтому в зале Низшего суда появляются и эсэсовцы с простреленными головами, и «совершенно черные люди – люди, сожженные дотла». На восклицание одного из персонажей – «Их нужно прогнать [...] Мы все тут не поместимся, и так уже дышать нечем!» – лис отвечает: «Они останутся здесь [...] Куда нам их девать? Все это одна семья» (Ш, 128).

Тексты второго поколения детей Холокоста оказываются, таким образом, актом аутопсихотерапии. «Второе поколение росло в контакте с родителями, чья психика еще не восстановилась. Оглушенные грохотом невысказанного [...] Многие из этих детей стали художниками, романистами или психоаналитиками»¹², – говорит французский психиатр Б. Цирюльник, сам переживший Холокост. Это объясняется потребностью в диалоге, к которому оказались неспособны родители

большинства из них. Повествование становится одновременно инструментом и результатом осмысления межпоколенческой травмы. М. Гринберг, беседующий с детьми Уцелевших, словно бы инициирует такое повествование для тех, кто не пишет сам.

В процессе повествования второе поколение детей Холокоста получает возможность обрести голос самим и дать его родителям – даже после их смерти. По сути, об этом незадолго до своей смерти говорила Эве Курьлюк мать: «Это тема для тебя [...] – Но я мало знаю о войне. – О ее последствиях для психики ты знаешь много [...]. Дети должны рассказать миру о секретах родителей. [...] Травма – как табу [...] переходит от матери к ребенку, с поколения на поколение. [...] Но это не может продолжаться вечно [...]. Никто не хочет сидеть в подполе до смерти!» (Ф, 113, 136).

По словам Д. Ла Капра, в травматической памяти прошлое никогда «не является просто закрытой и законченной историей»²⁰. Тексты Курьлюк, Тушинской, Кефф, Тулли – свидетельство того, что второе поколение детей Холокоста делает попытку эту историю «закрыть».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Tokarska-Bakir J.* Obsesja niewinności // *Tokarska-Bakir J.* Rzeczy mgliste. Sejny, 2004. S. 14.

2 *Hirsch M.* Family Frames: Photography, Narrative and Postmemory. London, 1997.

3 *Schnepf Z.* Pośmiertny tryumf Hitlera // <http://www.centrum-aniele-wicza.uw.edu.pl/kolo-relacje-schnepf3.htm>

4 *Адорно Т.* Негативная диалектика. М., 2013. С. 324.

5 *Леву П.* Канувшие и спасенные. М., 2010. <http://lib.rus.ec/b/351380/read>

6 *Niderland W. G.* Clinical Observations on the «Survivor Syndrome» // *International Journal of Psycho-Analysis*, 1968, XLIX. P. 313–315.

7 New Israeli study finds signs of trauma in grandchildren of Holocaust survivors. – <http://www.haaretz.com/news/israel/new-israeli-study-finds-signs-of-trauma-in-grandchildren-of-holocaust-survivors-1.424480>

8 *Руннепт Ф.* Симбиоз и автономность. Расстановка при травме. М., 2015.

9 Ktoś dla kogoś jest dobry. Z Ewa Kuryluk rozmawia Dotota Jatecka // *Gazeta Wyborcza*, 06.10.2009 (http://wyborcza.pl/1,75475,7112897,Ewa_Kuryluk__Ktos_jest_dla_kogos_dobry.html).

10 Magdalena Tulli. Ludzik mi padł, więc gram następnym. Rozmawia Katarzyna Kubisiowska // Gazeta Wyborcza, 30.10.2011 (http://wyborcza.pl/duzyformat/1,127291,10548289,Magdalena_Tulli__Ludzik_mi_padl_wiec_gram_nastepnym.html?pelna=tak).

11 Ktoś dla kogoś jest dobry...

12 Ibid.

13 Kuryluk E. Moje książki są z żałoby. Rozmawia Juliusz Kurkiewicz // Gazeta Wyborcza, 23.07.2010 (http://wyborcza.pl/1,75475,8167738,Ewa_Kuryluk__Moje_ksiazki_sa_z_zaloby.html).

14 Langer L. Scena pamięci. Rodzice i dzieci w tekstach i świadectwach Holokaustu // Literatura na Świecie. 2004. № 1–2. S. 127.

15 Magdalena Tulli. Ludzik mi padł, więc gram następnym...

16 Ktoś dla kogoś jest dobry...

17 Kuryluk E. Moje książki są z żałoby...

18 Ibid.

19 Cyrulnik B. Rozmowy o miłości na kraju przepaści. Tł. Ewa Kaniowska. Warszawa, 2011. Цит. по: Chmarzyńska-Golińska J. Było nie minęło – międzypokoleniowy przekaz traum (<http://joannachmarzynska.com/artykuly/8-artykuly/17-bylo-nie-minelo-miedzypokoleniowy-przekaz-traum>).

20 La Capra D. Historia w okresie przejściowym. Doświadczenie, tożsamość, teoria krytyczna. Kraków, 2009. S. 76.

I. Je. Adel'gejm

«This topic is for you...» The prose of «the second generation of Holocaust children» in Poland in 2000s

The article dwells upon the prose of the so-called “second generation” of Holocaust children (E. Kuryluk, A. Tuszyński, B. Keff, M. Tulli) and the artistic methods that Polish authros use to overcome the trauma they inherited from their mothers, who survived Holocaust.

Key words: *Holocaust, post-memory, trauma, narration, autopsychotherapy*

Ю. П. Гусев
(Москва)

Война, победа, поражение. Взгляд с *той* стороны (Вторая мировая война в венгерской литературе)

Венгрия участвовала во Второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии и оказалась на проигравшей стороне, данный факт объясняет особенности отражения этой войны в литературе. До 1989 г. оно было весьма избирательным, однако в последние десятилетия ситуация изменилась. Венгры чувствуют себя жертвой двух столкнувшихся сторон и откровенно пишут об этом.

Ключевые слова: *Венгрия, Вторая мировая война, литература, поражение, соцлагерь, советские солдаты*

Когда все вокруг тебя празднуют годовщину Великой победы (даже независимо от того, кто и сколько видит в этом праздновании идеологической, политической заданности: ведь если ты считаешь себя жителем, тем более гражданином России, то война, о которой идет речь, все равно для тебя сначала Великая Отечественная война, а уж потом – Вторая мировая), у тебя не может не возникать некоторое смущение, или, лучше сказать, неопределенное сомнение: а уместно ли в такой момент говорить о том, что думают об этой – как ни крути, а **нашей общей** – войне, как помнят, как описывают ее дети и внуки (непосредственных участников практически уже не осталось) тех, кто стоял на *той* стороне и, активно или пассивно, противостоял нам в годы кровавой трагедии?

Но если ты хочешь знать и, главное, понимать литературу страны (в данном случае – Венгрии), то есть знать и понимать литературу нашего времени в целом, то от этой темы и связанных с ней вопросов, все еще больных, пускай и отодвинутых современностью с первого плана, – никуда не деться. И неуместными они никак не желают становиться – во всяком случае, пока не ушла в далекое прошлое, не стала сугубо абстрактным понятием **война**, одно из любимых орудий политики, то есть повседневного быта и бытия человечества.

В советской, да во многом и в постсоветской литературе Великая Отечественная война занимает огромное место. Правда, не столько как война сама по себе, сколько как поле битвы против гитлеровской агрессии, грозившей самому существованию России, страны

Советов, родины. Отсюда неудивительно, что изображение войны в таких произведениях в очень большой степени идеологизируется, персонажи – героизируются, очень часто становясь носителями идей патриотизма, верности родине, партии, готовности пожертвовать собой ради советской власти, ради самых правильных принципов, ради Сталина и т. п.

Конечно, под таким изображением войны имелось мощное моральное обеспечение: гитлеризм (нацизм) действительно был опасен для человечества, для гуманистических ценностей, и родину действительно надо защищать, кто бы на нее ни покушался. Но и при этом условии идеологический перекося, или, говоря точнее, диктуемое идеологией искажение реальности, очевидны. Недаром же советское общественное мнение, до предела идеологизированное, не принимало литературных произведений, более или менее свободных от романтической героизации, стремящихся изобразить войну без фальши: например, роман «В окопах Сталинграда» В. Некрасова и т. п. И недаром же в советской литературе, кажется, совсем нет произведений, скажем, о финской войне, когда упомянутое выше моральное обеспечение практически отсутствовало.

Переходя к венгерской литературе периода после Второй мировой войны, нужно иметь в виду три известных, кардинально важных момента.

Во-первых, Венгрия участвовала во Второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии и (несмотря на некоторые предпринимавшиеся попытки «выскочить» из схватки¹) оставалась там до последнего дня. Во-вторых, она разделила участь Германии как побежденной страны. В-третьих, после войны попала в орбиту влияния СССР, вошла в социалистический лагерь и в течение нескольких десятилетий «строила социализм», то есть систему общественного устройства по советской модели.

Отсюда вытекает решающее с точки зрения нашей темы следствие: хотя в войне венгры, несомненно, проявляли героизм и самопожертвование, а к концу войны актуальным для них стал и мотив защиты родины²; однако для того, чтобы строить на этих мотивах литературные произведения, венгерским писателям не хватало того **морального обеспечения**, которым в избытке обладали советские писатели: сознания, что венгерские солдаты совершают подвиги и умирают «за правое дело». Попытки изображать события войны с точки зрения победителей (примером тут может служить роман Белы Иллеша «Обретение родины», 1952–1954, который участвовал

в освобождении Венгрии от немцев, будучи офицером Красной Армии) убедительными для широкого читателя не были, а потому если и становились событием в литературе, то лишь на очень короткое время, а сейчас прочно забыты.

На протяжении 1960–1980-х гг. в Венгрии появилось несколько произведений о войне, в которых делалась попытка противопоставить простых людей: солдат ли, население ли – политике правящих кругов. Так, знаменитая повесть Т. Череша «Холодные дни» (1964) посвящена изображению злодеяний венгерской военщины, быстро осваивавшей идеологию и методы гитлеризма, в оккупированных районах Воеводины. Документальный роман И. Немешкюрти «Реквием по одной венгерской армии» (1972) повествует о печальной судьбе 2-й венгерской армии, которая зимой 1942 г. была брошена командованием – по требованию германских союзников – на Дон и почти в полном составе уничтожена там.

После 1989 г., когда Венгрия вышла из-под советского идеологического влияния и освободилась от собственных коммунистических правителей, вопрос об отношении к войне встал по-новому. Конечно, нельзя сказать, что писатели дружно кинулись осмысливать и переосмысливать тему войны: почти полвека, минувшие с тех пор, почти два поколения, отделяющие нынешних венгров от войны, не могли не притупить остроту вопроса. Но те случаи, когда о войне писали и думали, заслуживают внимания и рассмотрения.

Поскольку даже поворот 1989 года не отменил того факта, что Венгрия как союзник гитлеровской Германии оказалась на стороне тех стран, которые войну проиграли, то и в новой ситуации венграм оставалось лишь размышлять над тем, чем стало для них, что принесло им поражение.

В подходе к этому вопросу есть много моментов, общих для всех венгров, независимо от возраста, пола, общественного статуса и т. д. К этим общим моментам относятся – кроме самой ситуации поражения, которая, очевидно, ни для одного человека не может быть ситуацией со знаком плюс, – такие вещи, как неизбежные в подобных случаях человеческие потери (множество убитых, попавших в плен, депортированных и т. д.), разруха в стране, нищета, голод, безработица и т. п.

Народ победившей страны, по вполне понятным психологическим причинам, в основном отождествляет себя с правителями этой страны. Конечно, и тут бывают разные случаи: солдат, вернувшийся из плена и «без пересадки» отправленный в отечественный лагерь (о подобных вещах много писал Солженицын в своем «Архипелаге»),

скорее всего, не чувствует себя таким уж безусловным победителем. Но все же можно без большого преувеличения сказать, что даже людям безвинно пострадавшим не чуждо ощущение причастности к победе. И пронзительные строки Булата Окуджавы – «Нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим» – способны, на верное, выжать слезу даже у лагерника.

У граждан проигравшей страны ощущения совсем иные. Поражение, как и само участие в войне, целиком лежит на совести тех, кто втянул (или позволил втянуть – разница тут не слишком значительная) народ в войну – и не сумел, с честью или без оной, вовремя или пусть в последний момент, вывести страну из-под удара. Поэтому цена поражения в такой ситуации – категория атомизированная. Цена поражения – это функция идентичности, групповой или даже индивидуальной; функция личного опыта, связанного с войной.

Яркий пример такого рода – книга Алэн Польц «Женщина на фронте» (1991), едва ли не лучшее в венгерской литературе произведение о Второй мировой войне. А. Польц не писатель (правда, она была женой большого писателя Миклоша Месея); она «всего лишь» подробно и почти бесстрастно описывает все, что происходило с ней, девятнадцатилетней, только что вышедшей замуж, за те месяцы, пока по территории Венгрии проходил фронт. Мировая литература о войне – в основном литература «мужская»; может быть, поэтому такое оглушающее впечатление производит эта книга, с непривычной, подчас шокирующей откровенностью рассказывающая о страданиях, испытаниях, унижениях, которым подвергались многие миллионы женщин там, где прокатывались, чтобы уничтожить друг друга, а заодно разрушая, калеча, уничтожая все вокруг, армии мужчин, потерявших человеческий облик.

Самые страшные, леденящие кровь эпизоды книги связаны с прохождением по венгерской территории Красной Армии. Впечатление, которое оставляют эти эпизоды, ошеломляют тем сильнее, что они написаны как бы даже с некоторой отстраненностью. Польц «просто» перечисляет случаи, когда советские солдаты, поодиночке или группами, насильовали ее и всех женщин, которые оказывались под рукой, не делая исключений даже для старух.

«Когда меня увели в первый раз – об этом я узнала позже, – Мама (свекровь. – Ю. Г.) с криком и рыданиями отреклась от Бога, прокляла его. С того дня она порвала с религией»³.

Нужны ли какие-нибудь литературоведческие комментарии к этим словам?

Читать эту книгу русскому человеку (например, мне) – неловко, неудобно. Не то чтобы я отождествлял себя с теми советскими солдатами, которые – при всем героизме и самоотверженности, в которых им никто не может отказать – вели себя в освобождаемых странах как дикие и жестокие дети. Просто беспокоит мысль: где гарантия, что, родись ты лет на пятнадцать раньше, чтобы успеть поучаствовать в боевых действиях, ты вел бы себя по-другому?

Слабое утешение, что немцы на этой войне отнюдь не показали себя более цивилизованными и благородными; разве что – более дисциплинированными, но зато и более методичными (одного упоминания о лагерях смерти тут будет, наверное, достаточно).

Для Алэн Польш (то есть, строго говоря, для ее героини; но в данном случае «зазор» тут минимальный) война однозначно ужасна и враждебна, потому что сама эта героиня – существо в общем цельное, без противоречий. Она – чистокровная венгерка, представительница среднего класса, красивая, хотя красивая, может быть, красотой молодости, в меру умная, в меру сильная, энергичная и предприимчивая, но не авантюристка. Такие женщины в условиях фронта в первую очередь становились жертвой насилия и очень часто были обречены на гибель. Алэн Польш выжила, но это, скорее всего, исключение из правила; выжила как бы специально для того, чтобы засвидетельствовать в своей книге, чем была Вторая мировая война для женщины.

Роман Дёрдя Конрада «Соучастник» (в 1983 г. вышел в венгерском самиздате; лишь в 1989 г. издан был легально) – это уже в полном смысле слова литература, хотя в основе романа и лежат мемуары, написанные вполне конкретными людьми, прошедшими, среди прочего, и войну. Герой книги – личность далеко не столь однозначная, как Алэн Польш. В годы войны он, коммунист-подпольщик, почти закономерно оказывается в застенках тайной полиции. Как неблагонадежного – и как еврея – его отправляют на восточный фронт, в трудовые батальоны, где тысячи и тысячи таких же, как он, роют окопы, хоронят мертвецов, разминируют – в основном своими ногами – минные поля. При первой же возможности он бежит к партизанам, потом, ценой смертельно опасных приключений, переходит линию фронта. После долгих проверок и допросов (ведь для советских политработников он – венгр, то есть, очень возможно, шпион и диверсант) он попадает в антифашистскую школу и через некоторое время становится офицером Красной Армии. То есть – одним из будущих победителей, одним из тех, кто придет на его родину, Вен-

грю, чтобы замирить, «зачистить» (говоря нынешним популярным словом) побежденных и наставить их, хотя бы они того или не хотят, на путь истинный: на тот путь, в истинности которого уверена сила победившая.

О том, что видел и испытал Т. (так, одним инициалом, называет его автор: возможно, эта мелкая деталь призвана подчеркнуть – как в «Процессе» у Кафки – собирательность образа), можно было бы рассказывать долго. Много из того, с чем Т. столкнулся, оказавшись по «эту» сторону фронта, то есть на советской стороне, для нас, нынешних русских читателей, и узнаваемо, и в то же время странно: странно, потому что увидено со стороны, свежим, непривычным взглядом. Прежде всего, это – причудливое, почти гротескное, лишнее всякой логики сочетание равнодушия, почти механической бесчеловечности, присущей советской системе обращения с людьми (как своими, так и чужими), и в то же время жалости, сострадания, которые живут и проявляются в отдельных индивидах – часто совсем простых, ничем не выделяющихся из «серой» массы. Вот, скажем, герой, находящийся в прифронтовом лагере для военнопленных, заболел сыпным тифом, и его, в числе других тифозных больных, грузят в промерзшие товарные вагоны и везут куда-то в тыл. Когда поезд прибывает на место назначения, куда-то на Урал, живых в нем остается, из многих тысяч, не более двух-трех сотен. «От смерти меня уберег рослый труп, который лежал на мне, немного защищая от холода. Русские солдаты, одетые в белые халаты, с косяным стуком выкидывали из вагонов мерзлые тела, словно бревна из-под циркулярной пилы, и складывали их штабелями вдоль насыпи. Я был уже на верху штабеля, но собрал все силы и поднял руку [...]. Мощный, как буйвол, русский санитар, подняв мое еще не совсем остывшее, легкое тело, заплакал и потребовал, чтобы мне сделали укол»⁴.

Этот мотив развивается писателем и дальше. «Госпиталь НКВД, теплое молоко, мясной суп; жизнь у нас, пленных, лучше, чем у многих на воле. Зачем они с нами нянчатся, если так легко, не задумываясь, списали четыре тысячи восемьсот человек, сложив их штабелями, как дрова?»⁵

Т., прошедший антифашистскую школу, попадает на фронт, где его используют как агитатора. Устроившись с громкоговорителем в окопчике на нейтральной полосе, он уговаривает венгерских солдат добровольно сдаваться в плен.

«Мне нравится, что тут, между линиями окопов, из которых нацелено друг на друга заряженное оружие, геройскую смерть я назы-

ваю трусливой глупостью»⁶. В этой фразе – вся безумная диалектика Второй мировой войны: для венгров, которых их национальная история, избилующая катастрофами, войнами, тяжкими усилиями по обретению себя самих как народа, по восстановлению государственности, воспитала патриотами и людьми не трусливыми, умереть за родину – великая честь. Но герой книги пытается (и не без успеха) отнять у них эту возможность: он просто показывает им реальную перспективу войны. Трагикомизм ситуации в том, что, придя на родину с армией-победительницей, он сам через несколько лет убеждается, что его агитация была обманом: слабое утешение, что это был и самообман тоже.

Он, герой книги «Соучастник», был хорошим агитатором и по мере сил делал все, чтобы помочь Красной Армии одолеть Гитлера и его союзников. Но дело в том, что солдаты, которые доверились его словам и сдались в плен, попадали затем в советские лагеря. «Я произносил зажигательные речи, а в это время вереница телег везла к братской могиле плоды моей агитации, тела моих соотечественников с торчащими тазовыми костями, испачканными кровавым поносом»⁷.

Но и те, кто уцелел в лагерном аду, не дают ему ни малейшего шанса почувствовать, что во время войны он служил правому делу. Спустя много лет после войны, вспоминает Т., «на улице ко мне обращались прижимающиеся к стенам, незаметные люди с опущенными глазами. Это я сагитировал их перейти к русским, я встречал их на той стороне, и многие из них только теперь добрались домой из украинских шахт или со строек каналов в Сибири; на лицах у них застыла печать въевшегося в душу неверия и привычки помалкивать. “Если бы я не перебежал тогда, – несмело говорил кто-нибудь, – десять лет уже был бы дома”. И горько махал рукой: что об этом думать теперь!»⁸

И вот совсем недавно мне попалась книга, которая хотя и не посвящена теме войны, но, среди прочего, касается и ее. И касается так, что у меня, например, осталась после этого заноза.

Автор ее – Миклош М. Надь, один из лучших венгерских переводчиков русской литературы (переводил Сашу Соколова, Юза Алешковского, Татьяну Толстую, Булата Окуджаву, Владимира Набокова и др.), человек, можно сказать, влюбленный в русскую литературу и прекрасно знающий ее. Но он – не из тех однолюбков, которые любят что-то потому, что не знают другого: Миклош переводит и с английского, и с испанского, и, кажется, с польского. И вообще знает

чуть ли не все, что писалось и пишется в мире; недаром же он пару лет является директором одного из самых солидных венгерских издательств, «Европа». Но я подчеркиваю, что к русской литературе, даже, можно сказать, к *русскости* (в том числе, например, к русским женщинам), он питает особый интерес, особую симпатию.

Это я к тому, что в его случае нельзя говорить о неприязни к России, к обиде на нее и т. п.

И вот, вспоминая о своем школьном детстве (а прошло оно в кадаровские времена; родился он в 1963 г.), он приводит случай, когда им, пионерам, дали задание: пойти к пожилым людям и собрать впечатления от прихода Красной Армии. Имелось в виду, естественно, что люди эти будут рассказывать, как они были рады, когда их «освободили». Первая же интервьюируемая старушка-крестьянка охотно соглашается ответить.

– Как было-то? Эх, плохо было. Всё у нас забрали.

– Кто, немцы?

– Те – тоже. Но главное – русские⁹.

(Добавлю, что в венгерский язык – именно с тех пор, насколько мне известно – вошел русский глагол «забрать» (zabrálni, elzabrálni). Еще: «davaj-davaj»). Ну и еще кое-какие слова, не предназначенные для интеллигентного слуха.)

Похожие ситуации, в которых, прямо или косвенно, сопоставляются немецкие и русские (советские) солдаты, пришедшие на венгерскую землю, встречаются в произведениях современной венгерской литературы если и не часто, то, во всяком случае, довольно регулярно. И, если говорить начистоту, наши в этом сопоставлении не выигрывают. Да, и немцы совсем не выглядят ангелами; но «русские» (беру это слово в кавычки, потому что – как и сейчас – русскими в глазах тех, кто воспринимает их – нас – со стороны, являются все, кто пришел отсюда, то есть из Советского Союза, из России, из любого ее края, хоть с Чукотки) – более дикие, а часто и более жестокие.

Когда я выступал на эту же тему на конференции, посвященной 70-летию Победы, из зала прозвучал вопрос примерно такого содержания: а такими ли агнцами были сами венгры? Как они вели себя на нашей земле? Что делали с нашими солдатами, когда случалось захватить их?

Я бы удивился, если бы такой вопрос не прозвучал. Наверняка нечто подобное мог бы сказать любой из слушателей; а если не ска-

зал, то лишь потому, что понимал: ответить тут очень легко и одновременно очень трудно.

Война – это такой способ решения международных противоречий и разногласий, который заставляет человека забыть, что он человек, и опуститься на уровень дочеловеческий, зверский. Да, наша страна стала жертвой агрессии и вынуждена была обороняться таким же, то есть зверским, способом. И ценой невероятных жертв отбила агрессию. В этом – реальное величие Победы. Но от этого война не перестает быть войной, то есть стремлением к уничтожению противостоящей стороны. Так же как убийство не перестает быть убийством, если оно совершено, скажем, из обороны; заповедь «Не убий!», насколько я могу судить, имеет смысл абсолютный, ее нельзя воспринимать с оговорками: дескать, не убий, но если то-то и то-то, тогда ладно, убий. Для нас бесчеловечность войны как бы прикрывается, заслоняется фактом нашей победы, однако война остается войною.

Боюсь, что меня затягивает в какое-то схоластическое морализаторство. Тогда как факт – прост и очевиден: пока человек находится на нынешней ступени своего развития, война (то есть стремление к физическому уничтожению оппонента) остается печальным, но неизбежным явлением. Причины, характер, способ, исход могут быть разными, суть же – одна.

Но пора бы все-таки нам научиться видеть в людях, оказавшихся (как правило, не по своей воле, а в результате корыстных интересов правящей верхушки) на противоположной стороне, – таких же людей, как и мы.

А говоря о великой победе над гитлеризмом, о великих жертвах, принесенных на алтарь этой победы, надо бы избегать видеть и изображать все в розовом свете и в глянцевом блеске.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О такой попытке рассказывает, например, Андраш Шимонфи в своем документальном романе «Солдаты страны-парома» (1981). Отец А. Шимонфи, в годы войны высокопоставленный офицер венгерского генштаба, был одним из руководителей делегации, направленной к советскому командованию для ведения переговоров о заключении сепаратного мира. Так что А. Шимонфи, можно сказать, «из первых рук» знает об этой, закончившейся неудачей, попытке. (Книга появилась, в

безобразно урезанном виде, и на русском языке, под названием «Перелет», в 1985 г.

2 Совсем не лишним будет сказать здесь: особенности венгерской истории, и древней, кочевой, и более поздней, вплоть до новейших времен, способствовали тому, что воинская доблесть традиционно считается одной из высших ценностей человека, а многовековая борьба против посягающих на эту землю татар, турок, австрийцев и т. д. воспитала в венграх трепетное отношение к родине, готовность отдать за нее жизнь. Едва ли случайно, что первые великие венгерские поэты: Балинт Балашши (XVI век), Миклош Зрини (XVII век) – были выдающимися воинами, а знаменитый поэт Шандор Петефи, не отличаясь физической силой, стал солдатом революционной армии (адъютантом у генерала Бема) и в августе 1849 г. погиб в бою (кстати сказать, против русских казаков, посланных Николаем II на помощь австрийскому императору).

3 *Польц А.* Женщина на фронте. Глава из моей жизни. Budapest: PONT Publisher, 1999.

4 *Конрад Д.* Соучастник. Роман. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 169–170.

5 Там же. С. 170.

6 Там же. С. 179.

7 Там же. С. 181.

8 Там же. С. 180.

9 *Nagy M. Miklós.* Ha nem is egy bomba nő. Szerelmesregény. Budapest: Cartaphilus Könyvkiadó, 2014.

Ju. P. Gusev

The war, the victory, the defeat. The view from the *other* side
(WWII in Hungarian literature)

Hungary took part in the Second World War on the side of Hitler's Germany, so it was among those who lost. It explains certain ways of reflection of this war in the literature: selective before 1989, it started changing after. The Hungarians feel that they are a victim of two sides that collided and write about it.

Key words: *Hungary, WWII, literature, defeat, Socialist Camp, Soviet soldiers*

Ю. Пихурик
(Сегед)

**Против «советского рая»*.
Заметки венгерских солдат о целях войны и
сталинском Советском Союзе**

В статье рассматриваются дневники и некоторые воспоминания венгерских солдат и офицеров, служащие источником, наглядно отражающим перемену взглядов на фронте относительно целей войны против Советского Союза и роли венгерской армии в ней.

Ключевые слова: *Венгрия, режим Хорти, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Сталинградская битва*

После Трианонского договора 1920 г.¹ в Венгрии в качестве противников рассматривали в первую очередь соседние народы, к которым отошли бывшие венгерские территории. Главной же внешнеполитической задачей являлось осуществление мирной территориальной ревизии. По отношению к Советскому Союзу у Венгрии не было претензий; соотношение сил и количества войск также исключало возможность причисления СССР к потенциальным противникам. Тем не менее он считался таковым исходя из идеологических оснований². Это подкреплялось воспоминаниями о решающей роли России в разгроме венгерской революции и освободительной борьбы 1848–1849 гг., а также тем, что Венгрия и Россия были противниками в Первой мировой войне. Однако благодаря проводимой премьер-министром Иштваном Бетленом (Bethlen István)³ политике консолидации положение настолько стабилизировалось, что дипломатические круги при поддержке премьер-министра, поставив экономические и внешнеполитические интересы страны выше идеологических аспектов, инициировали установление отношений с Советским Союзом. В результате этого осенью 1924 г. между двумя странами были заключены дипломатическое и торговое соглашения. Советский Союз мог стать важным торговым партнером для самостоятельно вышедшей после 1920 г. на мировой рынок Венгрии. При этом Венгрия надеялась получить от не признавшей заключенных после Первой миро-

---

* В источниках это выражение используется в обобщенном ироническом смысле.

вой войны мирных договоров великой державы поддержку в своих внешнеполитических устремлениях. Но в связи с тем, что в Венгрии вновь усилились антисоветские тенденции и правитель Миклош Хорти (1920–1944) был против ратификации соглашений, они так и не вступили в силу. Только десятью годами позднее, в 1934 г., были установлены дипломатические отношения, теперь уже при поддержке главы государства. В начале 1939 г. отношения между двумя странами испортились из-за направленности венгерской политики на проведение территориальной ревизии⁴, присоединения Венгрии к антикоминтерновскому пакту и выхода из Лиги Наций. Однако в 1940 г., после того как обе страны предъявили территориальные претензии к Румынии, между ними были вновь налажены отношения и сделаны жесты навстречу друг другу⁵. Опасения Венгрии относительно Советского Союза, конечно, остались неизменными, но не занимали общественное мнение так, как враждебные настроения по отношению к соседним государствам. Дело в том, что стране не угрожала опасность леворадикального переворота, а воспоминания о временах Венгерской Советской республики уже поугасли. Однако после удачного возвращения Венгрией территорий в изменившейся военной обстановке летом 1941 г. факт вступления в войну против Советского Союза был довольно легко воспринят общественным мнением⁶.

Еще до войны в Венгрии появлялось множество изданий, критически освещавших большевистский режим. Наряду с публикациями о жестокостях сталинизма, начиная с конца 1941 г. стали появляться отчеты о впечатлениях вернувшихся с фронта. Пресса также все больше внимания уделяла освещению военных событий. Характерно, что пропаганда переплеталась с антисемитской политикой внутри страны. В публикациях все чаще встречалась уже известная мысль о том, что за все злоупотребления сталинского режима несут ответственность евреи, а сам большевизм был ими же изобретен и построен.

Для оправдания участия Венгрии в войне в пропагандистских изданиях предлагается два основных аргумента: во-первых, осуждение советского строя, а во-вторых, утверждение, что германское нападение лишь предупредило готовящееся нападение Советского Союза на Европу⁷. Тот факт, что, прежде чем 22 июня 1941 г. напасть на Советский Союз, Германия начиная с 1939 г. также без объявления войны напала на несколько некоммунистических стран, авторами игнорировался. По отношению к этим странам приводимые аргументы

не имели силы, побежденные государства просто не упоминались, и таким образом противоречие замалчивалось. Роль Германии в войне подавалась чаще всего так, будто она при поддержке всех европейских народов вместе с союзниками ведет борьбу с единственным врагом – Советским Союзом. Авторы редко упоминают о военных событиях 1939–1941 гг., нападении на Польшу, нейтральные государства, Францию, бомбардировках Англии, действиях против Югославии. Интересы великой Германии не подвергаются сомнению, авторы замечают злоупотребления лишь одного бесчеловечного режима. Венгерское население пытались убедить в том, что подвергнувшаяся нападению сторона является агрессором. В потоке аргументов неясно, какова же тогда причина нападения на другие государства во имя антидемократической, бесчеловечной идеологии.

Фронтовые дневники и некоторые воспоминания⁸ дают возможность получить более дифференцированную картину, которая не во всем совпадает с тенденциозно отобранными опубликованными материалами. На театре военных действий было запрещено вести дневники, но, несмотря на это, до нас дошло значительное количество рукописей⁹. Важно отметить, что большинство авторов являются офицерами запаса, что и понятно, так как из запаса набиралось две трети офицерского и 80% рядового состава¹⁰. Дневники кадровых офицеров, за некоторыми исключениями, содержат немного личных замечаний, они большей частью посвящены описаниям боевых действий. В то же время офицеры запаса и рядовые сохранили для нас описание фронтовых будней. Эти источники точно отражают перемену взглядов и настроений солдат и офицеров на фронте. По мере накопления опыта у авторов записей появляется все больше сомнений, хотя большинство из них поражалось советским режимом. На основании дневников можно видеть, как венгерские солдаты относились к войне и своей роли в ней, каким видели Советский Союз. Эти источники подтверждают, что большинство солдат в 1942 г. отправлялось на фронт в надежде на быструю летнюю победу в убеждении, что их целью является предупредить советское нападение и уничтожить большевизм. Они были уверены, что население встретит их как освободителей и война скоро кончится, а осенью они смогут вернуться домой¹¹. Со временем для них становилось все яснее, что они имеют дело не с побежденным и мечтающим сдаться противником, а встречают на 200-километровой линии фронта упорное сопротивление.

Чрезвычайно интересно сравнить описания, изданные в пропагандистских целях, и частные записи. Точки зрения современников

тех событий явно противоречат друг другу: бросается в глаза разница между работами, которые концентрируются лишь на жестокостях советского режима (иногда они удивительно прозорливы, но часто описания базируются на предрассудках), и неизданными дневниками, освещающими ситуацию с разных сторон.

В июне 1941 г. Гитлер ссылаясь на угрожающее выдвижение советских дивизий, называя Германию миротворцем, а Советский Союз агрессором. Многие венгерские издания практически дословно приводят его основные аргументы. Венгерская пропаганда переняла немецкую точку зрения по вопросу превентивной войны. Поначалу эти взгляды встречаются и в дневниках, но по мере продвижения по оккупированным территориям, видя нищету и разрушения военного времени, солдаты все реже останавливаются в своих заметках на большевистской угрозе. В большинстве случаев стереотипы сменяются сомнениями, разочарованием и чувством безысходности. Большевизм по-прежнему осуждается, но картина войны становится более дифференцированной. Все меньше находилось солдат, которые верили, что задачей Венгрии должно быть уничтожение сталинского строя. Под влиянием же фронтовых испытаний тезис о том, что на Дону солдаты защищают венгерские границы, окончательно потерял смысл. Разумеется, в отличие от фронтовых дневников, пропаганда внутри страны не отражала эти настроения.

Сначала мы приведем примеры записей, повторяющих аргументы официальной пропаганды. Прапорщик запаса Иштван Шимон (Simon István) в своем дневнике¹² 24 июня 1941 г. описал состояние войны на основании речи Гитлера. Он утверждает, что «симпатии всей Европы направлены против коммунистов», и пишет так, как будто Германия не вела войну почти против «всей Европы», а не только против Советского Союза. В связи с этим он также повторяет немецкие доводы: Гитлеру «необходимо было обеспечить оборону тыла, прежде чем направиться против русских». Он не замечает противоречия: ведь если вся Европа поддерживает Германию, то зачем ей нужно обеспечивать оборону тыла? Характерный для личных источников факт: 1 августа тот же автор в связи с полевой мессой формулирует цели войны для себя и для Венгрии по-другому: «Нас вдохновляет сознание того, что мы боремся за воздвижение креста, вынос его на свет»¹³.

Золтан Ароксаллаши (Árokszállási Zoltán)¹⁴ дает поэтическое описание того, как венгерские воины отправляются в русскую пустыню на защиту своих домов, своего будущего, своих потомков.

Для его работы характерно то, что он ищет доказательства для заранее принятых аргументов, когда таким образом описывает русских военнопленных: «Какие дикие, грубые лица, сколько дикости, животной жестокости таится в этих глазах. Это тоже визитная карточка России, сталинского режима. Настало время стереть его с лица земли»¹⁵. Предвзятость против большевизма не позволяет ему сформировать реальное представление о русском народе, его культуре и традициях. С благоговением пишет автор о жертвующих жизнь за свою родину и всю Европу немцах. Видя могилы, он замечает: «Сколько крови и страданий для того, чтобы осуществить мечту о мировом господстве кучки ослепленных евреев-коммунистов»¹⁶. Таким образом, он однозначно принимает цель войны: «Для этой огромной части земли необходимы оккупанты, которые наведут порядок. Здесь найдется достаточно земли не только для русского народа, но и для всей Европы, и стремление Сталина к мировому господству можно объяснить только его низменной жадной властью. Если на этой земле будет наведен порядок, а он будет наведен, потому что должен быть наведен, каким Ханааном, текущим молоком и медом, каким раем, какой житницей станет она для новой Европы»¹⁷. Ароксаллаши не видит настоящего лица нацизма и Гитлера, он не думает, какой была бы созданная им новая Европа.

Находились и те, кто не принимал подобные доводы. Кадровый офицер Денеш Барани (Bárány Dénes)¹⁸ уже 9 августа 1942 г. приводит критическую, реальную картину: «Люди не принимают бои на Дону с тем воодушевлением, с каким они бы вошли и воевали в Трансильвании. Они не чувствуют, что родину надо защищать здесь. [...] Наши солдаты были бы наверняка на высоте положения в боях за Карпаты, но не здесь, против фанатичного и упорного врага». 19 сентября у него вырываются следующие горькие слова: «Так эти люди действительно преданы политикой? Разве можно в 1942 году отправлять нормальных, здоровых людей в бой с орудиями 5/8 в то время, когда вокруг них разъезжают танки Т-34? Однажды Маньо выстрелил в такой танк и к тому же они попали в ходовую часть, но в танке, к счастью, этого даже не заметили, к счастью, потому что иначе вдавили бы их в землю так же, как находившееся рядом с ними зенитное орудие! Это все равно что идти на охоту с игрушечным ружьем!» По мнению Барани, советские силы не слабее, чем в 1941, более того: «...они себя чувствуют весело, хорошо держатся, страна огромна и природные запасы ее неисчерпаемы. А терпеть лишения они научились в ходе своей истории»¹⁹.

Согласно воспоминаниям Ласло Эсени (Eszenyi László)²⁰, многие офицеры принимали цели войны: «Война против Советского Союза воспринималась как крестовый поход против большевизма. Это было естественное поведение, вытекающее из наших детских воспоминаний и воспитания»²¹.

В мемуарах лейтенанта Шебештьена Коппани (Koppányi Sebestyén)²² высказывается мнение, отличное от точки зрения Ласло Эсени. Ему кажется, что для венгерских офицеров было характерно другое: «Но дух времени, общественное воспитание иногда заставляли этих хорошо подготовленных людей делать такие заявления, которые затруднили бы для современного читателя понимание их духа и настроения, так как большая часть этих солдат верила в бессмыслицу, которую говорила»²³. По его мнению, для всей армии были характерны неосведомленность, самоуверенность, которая часто приводила к тяжелым последствиям, искаженное понимание ситуации, ее не соответствующая обстоятельствам оценка.

В 1942 г. после 800–1000-километрового пешего перехода, который им пришлось сделать после доставки по железной дороге, составлявшие большую часть Второй венгерской армии пехотные части столкнулись с фронтовой реальностью и смогли сопоставить собственный опыт с услышанным во время подготовки и пропагандистскими материалами. С этого момента определяющим элементом дневников становится описание непосредственных впечатлений, а не сформулированные кем-то другим теории. Яркой иллюстрацией этой перемены может служить дневник капрала Петера Пала Кечкеша (Kecskés Péter Pál)²⁴. Кечкеш был призван из запаса в апреле 1942 г. 26 июня его часть отправилась по железной дороге и 1 июля прибыла в Решицу, откуда отправилась дальше пешком и после тысячекилометрового перехода 14 августа прибыла на фронт в район Дона. Оттуда часть немедленно, без отдыха была брошена в бой. В течение почти четырех месяцев, с 26 июня по 19 октября 1942 г., Кечкеш каждый день записывал происходившие события и свои впечатления²⁵. До нас дошло немного рукописей, содержащих столь полную и подробную информацию, сохранивших настроения и впечатления рядового состава. На основании записей капрала можно проследить, как по мере приближения к фронту первоначальное воодушевление сменяется апатией, а затем и разочарованием. 30 июня автор записей увидел первые солдатские могилы. В связи с этим он замечает, что павшие были первопроходцы-мученики нового мира, которые «погибли в борьбе за лучшее будущее»²⁶. Тогда сомнений

еще не было: Кечкеш искренне верит, что задачей венгерской армии является участие в разгроме большевизма и вдали от дома они защищают родину. 6 августа, после 770 километров перехода, в дневнике появляется первая запись, отражающая отчаяние: «Мы чувствуем себя так, что если прилетит самолет, никто не выйдет из палатки, пусть летят осколки. Народ отчаялся, почему – писать не буду»²⁷. Местами в повседневные записи вкраплены потрясающие сообщения, как, например, 12 августа: «Мы на марше, курить запрещено. Один солдат в колонне, Антал Й., застрелился. В 4 часа утра светает, разрешают курить»²⁸. Очевидно, что речь идет не о бесчувственности, кажущаяся безучастность может быть следствием усталости и разочарования. При таких обстоятельствах солдаты прибыли на фронт, где их немедленно отправили в бой. С 15 августа часть Кечкеша в течение пяти дней была на передовой в районе Коротояка, в начале сентября принимала участие в боях за переправу у Урыва. 13 сентября Кечкеш описывает обстановку следующим образом: «Мы начинаем выдыхаться, днем и ночью усиленное наблюдение и огонь, а к тому же голод постепенно нас истощает. Один день в бою можно считать за два, потому что надо бодрствовать и ночью, ночью даже больше работы, чем днем, потому что ничего не видно. [...] Ждем вечера, а с ним еду и воду. Воду надо достать любым путем, потому что дальше так выдержать невозможно. В настоящий момент установилось затишье, собираем силы для дальнейшей борьбы. Невозможно высунуть голову, сразу начинают стрелять. [...] Нашего товарища Йозефа Сората (Szóráth József), который немного высунул голову, тут же застрелили, он умер на месте»²⁹. А 19 сентября капрал подводит горький итог своего опыта: «Эта война – разрушение, уничтожение жизни и добра»³⁰.

После боев за переправу в августе-сентябре 1942 г.³¹ у многих сложилось то же мнение. Для Иштвана Шимона (Simon István)³² настоящей травмой стало 18 августа: «На поле боя трупы валяются грудями. Оценить по-настоящему потери может только тот, кто видел это своими глазами. Конечно, в военных сводках об этом не говорится и дома люди понятия не имеют о том, каких жертв требует эта война, гораздо более кровавых, чем в прошлом году». 13 сентября он записывает мысль, которая встречается во многих подобных источниках: «Только тот знает, что это такое, кто находится здесь. Мы не обедаем и не ужинаем, уже неделю я не мылся». Днем позже: «Хочу только спать и спать». 18 сентября он объясняет падение венгерского боевого духа тем, что война идет далеко от дома. Сходного мнения

придерживался и подполковник Бела Вечеи (Vécsey Béla)³³, который 6 сентября 1942 г. делает следующую запись: «В этих подавленных солдатах не узнать венгров мировой войны. Может быть, не хватает психологической подготовки, но трудно объяснить простым людям, что здесь они защищают границы Венгрии. Они видят только, что сражаются за немецкие интересы, и эта видимость оставляет глубокий след в их душах». Из дневников видно, что тогда, в сентябре 1942 г., солдаты начали понимать, что их никто не сменит. Они начали оборудовать зимние позиции, запастись горючие материалы и продовольствие, так как уже столкнулись с перебоями их поставок.

Из рукописей исследователь может также получить информацию о том, как венгерские солдаты представляли образ врага. Некоторые разделяли народ и представителей власти, большевиков. Многие писали о жителях оккупированных территорий с глубокой симпатией, но были и такие, кто пользовался грубыми стереотипами. Причиной этому служило отсутствие информации, а также сложившиеся под влиянием указанных во введении факторов предрассудки. Авторы большей частью не знали или игнорировали проблемы советского/российского общества, они рисовали однозначно негативную картину не только советской системы, но и народа и армии. Однако интересно отметить, что осуждающие большевистский режим авторы не понимают, почему население не встречает их с распростертыми объятиями.

Фронтовые заметки Бела Шаада (Saád Béla) в 1942 г. вышли отдельной книгой. В ней он описывает историю встречи с русскими крестьянами, которая кажется достоверной, и высказывает мысль, которую разделяли и другие солдаты. Особенно из-за их крестьянских корней их поражало одно и то же: «Посреди плодороднейшей в мире земли стоит русский. Смотрит на нее и при этом действительно ужасно голодает. Это все равно что умереть от голода за накрытым столом. Мы попробовали спросить у них, почему они не обрабатывают землю, почему перебиваются без дела все лето и вступают в длинную зиму без еды. – Большевик, – говорят они и показывают, что у них все забрали». Шаад не понимает, как может быть, чтобы крестьянин не мог спрятать немного картошки. Ответ на его вопрос: «Большевик, – сказал и повторил свой жест русский старик вместе со своей женой, и в их движениях было приятное успокоение в том, что у них все забрали, таким образом, у них есть вполне уважительная причина голодать в нищете и не работать». Автор признает, что, возможно, ошибается, но ему кажется, что огромные пространства

неиспользованной или едва обработанной плодородной земли подтверждают его мысль³⁴.

Образ врага в записях, сделанных на полях сражений, неодинаков. Кишш Миклош Немешкери (Nemeskéri Kiss Miklós)³⁵ заносит свои впечатления в дневник со своеобразным цинизмом: «Наполовину сгоревшие трупы издают жуткое зловоние. Я и не знал до сих пор, что поджаренное в больших количествах человеческое мясо так воняет. Но, может быть, только русское! Во всяком случае, мне понравилось человеческое мясо!»³⁶ 7 июля после авианалета: «Снова проходили мимо обстрелянного “штуками” леса смерти. Огромное число русских раненых стонало, захлебываясь в крови, они лежали вперемежку с трупами. Конечно, они брошены на произвол судьбы, в такую войну нет ни времени, ни людей ими заниматься. Однако зрелище было ужасное. Весь сегодняшний день идем среди чудовищного зловония. Типичный кислый советский запах вперемешку с дымом, запахом пороха и трупным запахом составляют жуткую вонючую смесь, от которой я не могу избавиться несколько дней. К этому я не могу привыкнуть многие дни. Потому что привыкнуть к виду разорванных на куски, с распоротыми животами, вздутых трупов или топтать в крови и грязи можно: глаз становится полностью бесчувственным. Но к запаху привыкнуть невозможно». 8 июля в связи с описанием реактивного миномета «Небельверфер»³⁷ он замечает: «Действие было ужасным. Рядом валялись сотни людей и лошадей с вывалившимися глазами, лошади так, как были запряжены в орудия или телеги, по четыре и по шесть. Листья и трава полностью опалены. Страшное было зрелище. При этом вонь, которую испускают тысячи трупов, – тоже не очень приятна. По моей оценке, за один раз погибло пять-шесть тысяч русских. Ни один не остался в живых!»

В противоположность не содержащим никакого сочувствия словам Немешкери приведем отрывки из записей Иштвана Шимона (Simon István)³⁸, который писал о русских по-другому, восхищался тем, что, несмотря на огромные потери, они оказывали сопротивление. При этом он тоже был поражен увиденным. 17 июля 1942 года он пишет: «Здесь в России человека окружает гигантская тишина. Но это тишина не отдыхающей жизни, а жизни еще не начавшейся. [...] Жизнь перед жизнью. Еще не поднявшиеся до человеческого уровня начальные существа, среди которых, однако, присутствует техника с организацией и средствами, превосходящими воображение современного мира. Самое острое проявление противоречий. До сих пор этот народ не имел запросов, в них жил только страх. И мы пронес-

лись здесь, не обращая внимания ни на что, потому что это не наше. А население смотрит пустым равнодушным взглядом. Что у них в душе? При этом в домах можно видеть иконы и кресты». Месяцем позже, 17 августа, он запечатлевает ужасы фронта: «Нет более жуткого зрелища, чем поле битвы. Кругом разрушение и смерть. Этот город тоже выглядит как разлагающийся труп. В полях полно захороненных трупов. Ими никто не занимается, потому что нет времени. Равнодушно и безучастно проходим мимо. [...] Самым страшным в этой войне является осознание того, что нет снисхождения и милосердия. Мы когда-то слышали о благородстве в бою. Сейчас это только мечты». Неоднократно он подчеркивает, что бои лета 1942 г. гораздо кровопролитнее, чем в 1941 г. 20 декабря, видя трупы четырех русских солдат, он с уважением пишет о них: «Даже если они и враги, они сделали то, что смогли, самое большее. Хотя эта война идет не под знаком взаимного уважения, а в самой дикой ненависти».

Часто противоречащие друг другу приведенные выше отрывки дневников хорошо отражают крайние точки разброса мнений. Вспоминая переговоры 20–22 января 1942 г.³⁹, Кейтель утверждал, что премьер-министр Венгрии Ласло Бардоши (Bárdossy László) в связи с усилением участия в войне называл среди основных сложностей пропагандистскую неподготовленность венгерского народа⁴⁰. Здесь мы, напротив, видим, что влияние антисоветской пропаганды ясно прослеживается как в опубликованных после 1941 г. работах, так и в неопубликованных дневниках.

Представления солдат о Советском Союзе складывались под влиянием многих факторов. На них могли повлиять рассказы побывавших на русском фронте, а может быть и в русском плену во время Первой мировой войны, затем давали о себе знать военная подготовка и пропаганда, наконец, личный фронтовой опыт. Роль Венгрии во Второй мировой войне осталась после 1945 г. необсужденной, так как в сложившейся после войны политической обстановке эти переживания не могли должным образом выкристаллизоваться. Однако дневники сохранили для нас личные впечатления, которые ранее не могли получить известность, не могли стать частью коллективной памяти.

Перевод с венгерского А. Заварзина

ПРИМЕЧАНИЯ

1 К концу Первой мировой войны распалась Австро-Венгерская монархия, и на большую часть территорий ее составной части, многонациональной исторической Венгрии, стали претендовать вновь образовавшиеся государства – Австрия, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, а также Румыния. В 1920 г. Венгрия утратила 57% своей территории и две трети населения.

2 С 21 марта по 1 августа 1919 г. в послевоенной политической и экономической обстановке произошла попытка установления в Венгрии советской республики. В установившемся после падения этой республики режиме, который сам себя называл контрреволюционным, был глубоко укоренен антибольшевизм.

3 1921–1931 гг.

4 В 1938 и 1941 гг. при поддержке Германии и Италии Венгрия возвратила часть утраченных территорий.

5 Венгерское правительство разрешило находящимся в тюрьмах коммунистам вернуться в Советский Союз, а из СССР в Венгрию были возвращены знамена, захваченные при подавлении освободительной борьбы в 1849 г.

6 Премьер-министр Ласло Бардоши (Bárdossy László) объявил о том, что Венгрия находится в состоянии войны с Советским Союзом. Причиной войны он назвал бомбардировку г. Кошице, которая, по его предположению, была произведена советскими самолетами. В 1941 г. в наступательных операциях принимала участие 90-тысячная Карпатская группа, а с весны 1942 г. – Вторая венгерская армия в составе 207 тысяч человек. Венгерское военное руководство рассчитывало на затяжную войну, но не сомневалось в победе немцев. Согласно сводке октября 1941 г., военный крах Советского Союза в ближайшем будущем не ожидался: «В заключение можно констатировать, что большевизм как политический фактор может быть полностью устранен только в том случае, если в дополнение к уничтожению Красной армии вся территория Советского Союза будет оккупирована и советское правительство будет вынуждено потерять власть. Пока это не представляется возможным». – Сводка политического и военного положения Советского Союза в конце октября 1941 г. Военно-исторический архив, 1-й президентский отдел Начальника генерального штаба (далее: HL VKF eln. 1. oszt.) 6687.

7 Приведем несколько примеров: *Faragho G. Szovjetorosország* (Советская Россия. – Ю. II). h. n., é. n. (до апреля 1941 г. Фараго служил военным атташе в Москве, книгу написал, вернувшись на родину); *Reviczky S. A vörös hadi készütség és a tömeg élete* (Боевая готовность

Красной армии и жизнь масс. – Ю. П.). Фронтвые впечатления автора в 1941 г. вместе с другими сходными записками были опубликованы в книге: *Nonvédekink Vörösországról* (Наши воины в Красной стране. – Ю. П.) / Ed. Marjai F. Budapest, 1942. 171–176 old; *Ráasy B. Három év háború 1939–1942* (Три года войны. 1939–1942. – Ю. П.). Budapest, 1943.

8 Ценность дневников как источников выше, чем воспоминаний, однако и последние при достаточно критическом подходе могут дать ценный материал.

9 Значительный объем рукописей находится в Собрании исследований Военно-исторического архива (далее – HL TGY). При этом много записок могло сохраниться и в семьях. Все больше и больше дневников и мемуаров публикуются.

10 В соответствии с Трианонским договором страна могла иметь армию численностью не более 35 тысяч человек. Развитие этой армии началось в 30-е гг., таким образом, к началу войны венгерские вооруженные силы не отвечали требованиям ни по количеству личного состава, ни по подготовке, ни по оснащенности.

11 Венгерское военное руководство не рассчитывало на то, что война завершится в 1942 г. Осенью обстановка оценивалась следующим образом: «Общая боеспособность советских войск все еще высока, и после призыва Сталина в результате усиления террора пока стала только выше. – Они упрямо и упорно сражаются в наступлении, а в обороне лучше, чем в прошлом году. Признаки разложения наблюдаются лишь местами и только в отдельных ситуациях». После подробного описания положения делается вывод: «В итоге можно заключить, что сопротивление Красной армии еще не сломлено». После августовских потерь из 9-миллионной советской армии на европейском театре действовало предположительно 4,5 млн человек, и имеющийся в распоряжении резерв составлял 2,5 млн человек, таким образом, для Советского Союза возмещение людских потерь также не вызывало трудностей. Боеспособность отдельных частей не считалась одинаковой. Однако, согласно общей сводке положения, в 1943 г. ожидалось изменение ситуации: «Советский Союз не может рассчитывать на эффективную помощь со стороны союзников». Из-за этого и из-за внутренних трудностей в 1943 г. ожидалось ослабление Красной армии. См.: *A Szovjetunió politikai és katonai helyzetete 1942. szeptember 1-én* (Политическое и военное состояние Советского Союза 1 сентября 1942 г. – Ю. П.). HL VKF eln. 1. oszt. 5581.

12 *Simon I. Katonai szolgálatom története* (История моей военной службы. – Ю. П.). HL TGY 3208. Автор являлся прапорщиком запаса, в 1941, а затем в 1942–1943 гг. воевал на советском фронте.

13 Для многих венгерских солдат важным фактором была их вера в то, что они возвращают русскому народу (это название употребляли по отношению ко всем живущим в Советском Союзе народам) возможность вести религиозную практику. Во многих дневниках есть описания того, как солдаты с радостью встречали участие местных жителей в полевых мессах.

14 Úttalan utakon. Egy gépkocsizó vonatsoport élete Oroszországban a szovjet elleni hadjáratban. 1942. V. 26. – 1943. IV. 25-ig. A csoportparancsnokság megbízásából írta és összeállította dr. Árokszállási Zoltán karpaszományos őrmester (По дорогам бездорожья. Жизнь моторизированной обозной группы. 26.V.1942 – 25.IV.1943. По поручению командования группы написал и составил вольноопределяющийся фельдфебель д-р Золтан Ароксалаши. – *Ю. II.*). HL TGY 3034.

15 Úttalan utakon... 13 old.

16 Ibid. 19–21 old.

17 Ibid. 26 old.

18 Bárány Dénes tüzérszázados háborús naplója. 1942. Doni hadjárat (Военный дневник артиллерийского капитана Денеша Барань. 1942. Операция на Дону. – *Ю. II.*). HL TGY 3430.

19 Bárány Dénes... 1942. szeptember 30.

20 Eszenyi László magyar királyi vezérkari százados emlékirata (Воспоминания капитана венгерского королевского генерального штаба Ласло Эсени. – *Ю. II.*). HL TGY 3092.

21 Eszenyi László... 377 old.

22 *Koppányi S. Visszaemlékezéseim...* A 4. honvéd gyalogezred harctérre vonulása és tragédiája (Мои воспоминания... Вступление в бой и трагедия 4-го армейского пехотного полка. – *Ю. II.*). HL TGY 3115.

23 Ibid. 3 old.

24 *Kecskés P. P. Honvédnapló a keleti frontról.* 1942. június 26 – október 19 (Дневник бойца с восточного фронта. 26 июня – 19 октября 1942 года. – *Ю. II.*). Szeged, 2002.

25 В октябре 1942 г. П. П. Кечкеш был в отпуске и оставил рукопись дома. Вернувшись на фронт, в январе 1943 г. он погиб при Острогжске, вероятно при прорыве из города.

26 *Kecskés P. P. Honvédnapló a keleti frontról...* 26 old.

27 Ibid. 50 old.

28 Ibid. 53 old.

29 Ibid. 84 old.

30 Ibid. 88 old.

31 С начала августа 1942 г. на Дону идут так называемые «бои за переправу». Зажатые на восточном берегу советские войска перешли в успешное контрнаступление для захвата главных позиций на западном берегу. Основные бои на венгерском участке фронта велись в районе населенных пунктов Коротояк, Урыв, Сторожевое.

32 См. прим. 13.

33 Vécsey Béla alezredes második világháborús naplói. 1941–1944 (Дневники Второй мировой войны подполковника Белы Вечи. 1941–1944. – Ю. П.). HL TGY 2622. В то время он был командиром I батальона 35-го пехотного полка.

34 Saád B. A Dunától a Donig 1942 nyarán (От Дуная до Дона летом 1942 года. – Ю. П.). Budapest, 1942. 84 old. См. также: *Kecskés P. P.* Honvédnapló a keleti frontról... 34 old.; *Galánffy G.* Pillanatfelvétel szovjetről (Моментальный снимок СССР. – Ю. П.). 143–144 old.

35 *Nemeskéri K. M.* Napló az orosz harctérről 1942 (Дневник с русского театра военных действий. – Ю. П.). I–II. HL 2. hadsereg iratai 30. fasc.

36 Ibid. 1942. Július 4.

37 Назывался также «Stuka zu Fuss» («Пехотная “штука”»), реактивный миномет залпового огня, называли также «флейтой Гитлера». С 27 июня до 7 июля 1942 г. Немешкери был командирован офицером для связи к командованию 16-й немецкой моторизованной дивизии в Новоселовскую. По его наблюдениям, здесь из миномета стреляли снарядами со сжатым азотом. Это запрещенное женевскими соглашениями оружие убивает все живое в радиусе 100 метров, так как связывает кислород из воздуха.

38 См. прим. 11.

39 В январе 1942 г. Венгрию впервые посетил министр иностранных дел Германии Иоахим Риббентроп с требованием отправить на фронт все военные силы Венгрии. В переговорах с генерал-фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем венгерскому руководству удалось получить согласие немцев на то, чтобы на советский театр военных действий была отправлена только Вторая венгерская армия.

40 Keitel vezértábornagy visszaemlékezései (Воспоминания генерал-фельдмаршала Кейтеля. – Ю. П.). Budapest, 1997. 127 old.

J. Pihurik

Against the «Soviet paradise»*. Notes of Hungarian soldiers about the goals of the war and the Stalinist Soviet Union

The article dwells upon diaries and some memoirs of Hungarian soldiers and army officers that are a source clearly showing the change in the views on the front line over the aims of the war against Soviet Union and the role of Hungarian army in it.

Key words: *Hungary, Horthy regime, Great Patriotic War, WWII, Battle of Stalingrad*

---

* The sources quote this expression as ironic.

А. Г. Бодрова
(Санкт-Петербург)

«Что нас толкает в путь?» (интенции путешествий в югославских женских травелогах первой половины XX в.)

В статье исследуются константные мотивировки путешествия (познавательная, образовательная, дидактическая, эскапистская, гедонистическая, завоевательная) в травелогах югославских писательниц на сербском, словенском и немецком языках в контексте европейской культурной традиции.

Ключевые слова: *путешествие, травелог, Луиза Песьяк, Марица Стрнад, Марица Грегорич-Стапанчич, Мария Кмет, Альма Максимилиана Карлин, Исидора Секулич, Елена Димитриевич, Шарль Бодлер*

В заглавии статьи использована строка поэмы Шарля Бодлера «Путешествие» («Le voyage»), переведенной Мариной Цветаевой. Переводчица заменила «путешествие» в заглавии на «Плаванье», под этим названием произведение известно русскоязычному читателю. Привлечение текста французского поэта представляется оправданным, поскольку ему удалось обозначить константы мотивов путешествия, а также основные причины, заставляющие человека отправиться в путь. Похожий прием сопоставительного анализа использовал немецкий литературовед В. С. Киссель – в своей обобщающей статье о русских травелогах первой трети XX в. он приводит стихотворение в прозе «Аргонавты» (1904) Андрея Белого и утверждает, что в этом произведении «буквально на нескольких страницах собраны основные мотивы путешествия русского модерна»¹.

Шарль Бодлер называет несколько причин. Самая первая – это бегство:

Что нас толкает в путь? Тех – ненависть к отчизне,
Тех – скука очага...² (Перевод М. Цветаевой).
(«Les uns, joyeux de fuir une patrie infâme;
D'autres, l'horreur de leurs berceaux...»)^{3*}.

* Дословно: «Одни с радостью бегут с постыдной родины, других гонит ужас домашнего очага».

Мотив «постыдной родины», фигурирующий в оригинале, требует отдельного рассмотрения (см. далее), а мотив ужаса перед своим очагом в случае женского путешествия приобретает гендерное измерение. Ведь женское путешествие имеет особый статус в культуре. В патриархальном обществе женщина является хранительницей очага, ей принадлежит пространство дома, а мужчине же – целый мир (социальная, политическая и др. сферы)⁴. Конечно, известны случаи нарушения данной парадигмы, однако самостоятельно путешествующие женщины были еще в XIX в., а на Балканах и в начале XX в., все-таки исключением из правила.

В данной статье пойдет речь о реальных путешествиях и о посвященном им литературном жанре – травелоге, который имеет свою традицию⁵. Интенции путешествия могли быть различные: религиозные (странствия по святым местам), дидактические (путешествия в образовательных целях) и т. д.

Предметом рассмотрения в статье являются травелоги югославских писательниц первой половины XX в. (будут упомянуты также феномены конца XIX в.), созданные на сербском, словенском и немецком языках. Данные тексты находятся на периферии литературного поля и, за редким исключением, не относятся к канону. Процесс поиска югославских женских травелогов не лишен сложности, так как многие из них не выходили отдельными изданиями, а публиковались только в журналах. На сегодняшний день удалось найти тексты авторов-словенок, среди которых Луиза Песьяк (Luiza Pesjak, 1828–1898, хотя это автор XIX в., привлечение ее текстов представляется оправданным), Марица Страд (Marica Strnad, 1872–1953), Марица Грегориич-Степанчич (Marica Gregorič Stepančič, 1876–1954), Мария Кмет (Marija Kmet, 1891–1974) и Альма Максимилиана Карлин (Alma Maximiliana Karlin, 1889–1950), и двух сербских писательниц: Исидоры Секулич (Исидора Секулић, 1877–1958) и Елены Димитриевич (Јелена Димитријевић, 1862–1945).

Наиболее известны И. Секулич в Сербии и немецкоязычная писательница А. Карлин в Словении. В последнее время объектом внимания исследователей (Светланы Слпшак⁶, Магдалены Кох⁷, Слободанки Пекович⁸ и др.) стало также творчество Елены Димитриевич. Другие авторы-путешественницы являются почти забытыми.

Исидора Секулич родилась в Воеводине, работала, как и все исследуемые писательницы (кроме Песьяк и Димитриевич), учительницей, что было знаменем времени. Секулич была знатоком многих европейских литератур, переводила с английского, немецкого,

русского и других (Р. У. Эмерсона, Э. А. По, О. Уайльда, И. В. Гете, Г. Келлера, Ф. М. Достоевского и др.). Она первая сербская женщина-академик, первая женщина, возглавившая Союз писателей Сербии, создательница и почетный председатель Сербского Пен-клуба. Ей принадлежат не только художественные произведения, но и многочисленные эссе, а также критические статьи. Секулич считала, что для расширения кругозора человеку необходимо много путешествовать. Когда ей было девять лет, она посетила Стамбул. Позднее побывала во Франции, Германии, Англии, Скандинавии, Африке, Алжире, Малой Азии (в Бурсе и некоторых других городах).

В 1913 г., когда Сербия была на пике национального подъема, вызванного Балканскими войнами, Секулич отправляется в путешествие по Норвегии, а в 1914 г. издает произведение «Письма из Норвегии»⁹, которое считается одним из лучших образцов травелога в сербской литературе.

Творчество немецкоязычной писательницы Альмы Максимилианы Карлин, родившейся в г. Целье, довольно сложно соотносить с той или иной национальной литературой в силу гибридности его культурного контекста¹⁰. Словенка по происхождению, она родилась в Австро-Венгрии, впоследствии являлась гражданкой Югославии, писала по-немецки. Карлин, владея многими иностранными языками, зарабатывала себе на жизнь уроками и переводами, а также многочисленными публикациями. Осенью 1919 г. писательница отправляется в путь. За время восьмилетнего путешествия она побывала в Перу, Панаме, Гондурасе, Коста-Рике, Мексике, Сан-Франциско, на Гавайях, в Японии, Китае, Корее, Австралии, Новой Зеландии, на Фиджи, Новой Каледонии, Каролингских островах, Новой Гвинее, в Индонезии, Таиланде, Бирме, Индии и других странах. Она путешествовала без сопровождения и сама финансировала свои поездки. В 1929 г. в немецком издательстве Вильгельма Кёлера выходит первая часть травелога под названием «Одинокое путешествие» («Einsame Weltreise»), в 1930 г. – вторая часть «Под чарами Южного моря» («Im Banne der Südsee»). Оба произведения имеют подзаголовок: «Трагедия одной женщины» («Die Tragödie einer Frau»). Тираж был быстро распродан, и книги переизданы.

Писательница и поэтесса Елена Димитриевич¹¹ родилась в княжестве Сербия, впоследствии оказалась гражданкой Королевства сербов, хорватов и словенцев (позднее Югославии). Принимала активное участие в работе сербских женских организаций. В творчестве Димитриевич травелоги широко представлены: «Письма из

Салоник» («Писма из Солуна», 1916), «Письма из Индии» («Писма из Индије», 1928), «Семь морей и три океана» («Седам мора и три океана», 1940), «Новый свет или год в Америке» («Нови свет или у Америци годину дана», 1934) и др.

Интересен тот факт, что ни один текст исследуемых писательниц не переведен на русский язык. Исключением является роман Дмитриевич «Нове» (1912), вышедший на русском языке в 1928 г. под названием «Новые женщины» в переводе Б. И. Ярхо¹².

О словеноязычных женщинах-путешественницах известно меньше.

Луиза Песьяк, самая старшая из всех вышеупомянутых авторов, родилась в Любляне в семье известного адвоката, была знакома со многими словенскими интеллектуалами и писателями своего времени. Писала стихи и прозу на немецком и на словенском, занималась переводами.

Поэтесса и писательница Марица Стрнад родилась в Штирии в семье нотариуса. Публиковала не только стихи, но и полемические статьи, посвященные положению женщин, в частности учительниц. В 1899 г. ее жизнь резко изменилась – она познакомилась с капелланом Алойзием Цизерлем, и они сбежали в Россию, где оба перешли в православие и женились. Однако их брак оказался непрочным. Муж Марицы уехал из России в 1905, а Марица лишь в 1920 г.

Писательница, поэтесса, переводчица Марица Грегориц-Степанчич родилась в крестьянской семье, недалеко от Триеста. Долгое время работала учительницей, пока не вышла замуж, после чего ей пришлось оставить любимую работу. «Учительская профессия, по ее мнению, была несовместима с семейной жизнью женщины и материнством»¹³, – пишет Марта Вергинелла в статье о Грегориц. Однако всю свою творческую энергию Марица переключила на общественную, издательскую и публицистическую деятельность – была редактором ежемесячного издания «Ядранка». Грегориц путешествовала по Европе, Северной Африке и Малайзии.

Писательницу Марию Кмет литературовед К. Михурко-Понич характеризует как «автора депрессивной прозы, писательницу, находившую утешение в религии и умолкнувшую из-за строгой критики»¹⁴. Будучи студенткой педагогического училища, она три раза посетила Боснию, Ассизи и Рим.

Таким образом, всех этих женщин (кроме Песьяк и Дмитриевич) объединяла учительская профессия. Их семейное положение было различным. Секулич, Дмитриевич, Песьяк, Стрнад и Грегориц-Степанчич были замужем, Кмет и Карлин – нет.

По числу написанных травелогов и по количеству увиденных стран в некоторой степени сопоставимы Альма Карлин и Елена Димитриевич. Травелог Секулич обладает особым статусом, поскольку только этот текст, в отличие от других исследуемых произведений, вошел в канон национальной литературы. Произведения остальных авторов значительно скромнее по объему. И совершенные ими путешествия были не такими масштабными (по времени и расстояниям), многие можно назвать короткой поездкой.

Луиза Песьяк написала текст «В Дрездене» («V Draždanih», 1877) и «Путевые воспоминания» («Potopne spomine», 1884), во втором сочинении она рассказывает о поездке по Северной Италии и Швейцарии (озера Комо, Маджоре и т. д.). Марица Стрнад в 1898 г. в газете «Словенски народ» опубликовала травелог «В тумане» («V megli. Potopis») о поездке на корабле из Триеста в Венецию. В 1899 г. она публикует там же «Письмо из России. Воспоминания о путешествии» («Pismo iz Rusije. Spomini s potovanja»), а в 1900 г. «О всяком разном из России» («Marsikaj iz Rusije»). Марица Грегориц-Степанчич писала о Скандинавии: «Путешествие по Скандинавии» («Izprehod po Skandinaviji», 1922, опубликовано в журнале «Ядранка») и другие мелкие путевые заметки. Также ей принадлежит произведение «Поездка по Балканам» («Izlet po Balkanu», 1912, «Наша бодочность»). Мария Кмет написала единственный травелог «Из Боснии» («Iz Bosne», 1914, «Люблянски звон»).

Существенным вопросом является, с кем путешествовали эти писательницы. Ведь для женщины еще в начале XX в. было нетипично путешествовать без сопровождения. Елена Димитриевич путешествовала с мужем, а после его смерти одна. Исидора Секулич путешествовала по Норвегии одна. Луиза Песьяк ездила с дочерью в Дрезден и вместе с другой спутницей по Италии. Марица Стрнад из Триеста в Венецию плывет на корабле вместе с подругой и ее мужем. Интересно, что «Письмо из России» написано от первого лица единственного числа мужского рода и никакие спутники не указаны (хотя известно, что Стрнад бежала в Россию с капелланом). Мария Кмет и Альма Карлин путешествовали в одиночестве. Марица Грегориц-Степанчич по Скандинавии ездит одна, а по Балканам путешествует в группе представителей спортивного общества «Сокол».

Одной из проблем исследования травелога является интенция путешествия. Какие цели преследовали женщины-путешественницы?

Целью путешествия Луизы Песьяк можно обозначить знакомство с красотами мира. Луиза Песьяк восторженно описывает как

культурные памятники, так и природные достопримечательности, иногда ее внимание сосредотачивается на людях, встретившихся на пути. Она успеваешь бросить на спутников «беглый взгляд»¹⁵, не имея возможности предаваться длительным размышлениям о них – ведь цель ее поездки – успеть насладиться красотой мира. Например, на протяжении всего пути ей и ее спутнице несколько раз встречается одна пара: «Дама очень молодая, живая, в самом расцвете своей красоты, господин нестарый, но бледный и худой, постоянно молчит и непрестанно кашляет. Он бедняжка! – подумали мы, но она тоже – бедняжка, она, может, еще больше. Но мы не успели предаться долгим размышлениям и сожалению, ведь все, что природа и искусство представили нашему взору, так пьянило, что нам только и оставалось, что смотреть и смотреть»¹⁶. Путевые воспоминания Песьяк изобилуют восторженными описаниями увиденных красот: «Быстро пролетели два часа до Комо, поднимающегося между зелеными горами на юго-западной стороне озера. Больше, чем когда бы то ни было, меня охватила такая неопишуемая радость, которую я испытываю всегда, когда говорят: путешествуй по свету! И ведь стоило – о, радость! – познакомиться с такими долгожданнами чудесами природными»¹⁷. Так Песьяк, горячая поклонница словенского поэта-романтика Ф. Прешерна, делает акцент на красоте мира, что во многом встраивает ее текст в парадигму романтизма, для которого категория красоты была необычайно важной, также эмоции, чувства ценились не меньше, если не больше, чем рациональное познание.

Альма Карлин, напротив, познание и овладение пространством, информацией, знаниями ценила превыше всего. Целью своего путешествия Карлин считает освоение новых стран и изучение их обычаев. Вот как она описывает свое состояние после того, как она впервые очутилась в тропиках: «Я вернулась домой смертельно усталая и все-таки чрезвычайно довольная. Я приняла первое тропическое посвящение. Наверно, так чувствовал себя Колумб, когда ему, совсем близко от Барбадоса, открылся новый мир. Я не сожалела ни об одной жертве. Учиться хотела я, писать, рисовать, любым способом сообщить другим об испытанном чуде»¹⁸. Количество посещенных Карлин стран обескураживает. Идея освоения пространства становится почти навязчивой – несмотря ни на что, Альма Карлин не могла не продолжать свой путь. Данное стремление связано с ее сознательной интенциональной линией самоидентификации как первооткрывателя. Карлин постоянно сравнивала себя с Колумбом. Димитриевич тоже имплицитно упоминает Колумба: «Я уезжаю из Генуи,

родного города того, что открыл Новый свет», – пишет она в «Семи морях и трех океанах»¹⁹.

В поэме Бодлера имя Колумба не называется, но подразумевается, его слава как первооткрывателя иронически окрашена определениями: «пьяный матрос, выдумщик Америк» («*Ce matelot ivrogne, inventeur d'Amériques*»)²⁰. У Цветаевой мотив опьянения опущен, «пьяного матроса» она заменила «безвинным лгуном»²¹).

В травелогах Карлин возникает тема славы. Так, она нередко, иногда с иронией, сравнивает себя с Колумбом: «...я заболела коварным недугом, называемым “опухшей головой”, проявляла признаки мании величия, видела себя современным Колумбом, открывающим новый мир, и начала готовиться к завоевательной поездке»²². Далее она пишет: «Я стояла на пороге моего триумфального колумбовского будущего»²³. Уже в начале пути она мечтает о своем могуществе и славе: «Через три года я хотела вернуться домой, увенчанная мудростью и славой...»²⁴ В травелогe присутствует эпизод, в котором путешественница радуется, когда узнает, что вышел ее роман; Карлин не скрывает, что ей приятно внимание журналистов. При этом в тексте Карлин чувствует себя самоирония, поскольку ее мечты о славе потребовали от нее много жертв, писательница столкнулась с многочисленными препятствиями (от испытаний голодом, жарой, безденежьем до угрозы жизни – ей чудом удалось спастись от людоедов на Новой Гвинее). В поэме Бодлера также появляется мотив славы, однако жаждущие ее путешественники натываются на препятствие, на риф: ««*Amour... gloire... bonheur!*» Enfer! c'est un écueil!» (««Любовь... слава... счастье!» Дьявол! Это риф!»). Ср. у Цветаевой: «Крик вахтенного: – Рай! Любовь! Блаженство! – Риф!»²⁶). Примечательно, что ни одна из писательниц не пишет о поисках любви и счастья, которые фигурируют в поэме Бодлера.

Карлин готова преодолевать препятствия, с которыми она сталкивалась вдали от цивилизации. Для ее травелогов характерен типично колониальный взгляд на посещаемые страны. Как и другие писатели, создатели колониального дискурса, Карлин изучает традиции местных жителей, собирает этнографический материал. Еще в предисловии она называет свое путешествие учебным. Неслучайно в свете колониальных теорий знание тесно связано с освоением.

Марица Григорич-Степанчич, путешествуя по Скандинавии, тоже мечтает о превосходстве – она хочет быть первой словенкой, оказавшейся за Полярным кругом. До нее, по словам Григорич, там уже побывал первый словенец, некий доктор Книфиц: «Я смирилась

с мыслью, что я буду первой словенкой, ступившей на северный мыс, как я стала первой, переступившей несколькими днями ранее границу Полярного круга»²⁷.

Марицу Стрнад заставили отправиться в путешествие, как уже было сказано, обстоятельства личной жизни. Однако в «Письме из России» повествователь под псевдонимом Карандаш с иронией представляет себя в роли миссионера, достойного восхищения: «...Ох ты, варварская Россия! [...] Восторгайтесь мной как миссионером, продирающимся с крестом в руке – к дикарям! Ха-ха-ха...»²⁸

У Димитриевич совмещается несколько целей. Она тоже путешествует в учебных целях: «В дороге человек учится»²⁹, – пишет она. Также она хочет удостовериться в прочитанном, соотнести полученные знания с реальностью: «Но я еду, чтобы найти не какой-то другой Новый свет, а чтобы отыскать Старый, чтобы увидеть Восток, который всегда меня волновал. Чтобы увидеть Египет!.. Ох! Я увижу Египет, и тот из Истории, и тот из Библии! Особенно тот из Библии»³⁰. Стремление увидеть своими глазами некую страну связано здесь с желанием удостовериться в полученной ранее из книг информации. В травелогах Димитриевич присутствует также интенция увидеть солнце, а также мотивы бегства и бездумного стремления: «Я все еще живу будто в каком-то трансе и действую будто по указаниям какого-то невидимого существа. Я еще бегу от катастрофы, мне угрожавшей, и не верю, что мне удалось сбежать от несчастья, чуть было меня не постигшего. И по указу смертных людей, которые для меня бессмертные боги, я брожу в поисках Зрения, Света, Солнца. Я еще бегу по белу свету, чтобы на него наглядеться. [...] Мне показалось мало солнца в солнечной Испании, в ее Андалузии, горящей на солнце, и вот я еду в Египет искать египетское солнце...»³¹

В конце отрывка повествовательница иронизирует над собой. Димитриевич, безусловно, едет в поисках визуальных впечатлений, что роднит ее тексты с сочинениями других путешественниц. Однако здесь присутствует мотив транса, невладения собой. Можно говорить о стремлении раствориться в солнце, о «потере самого себя»³². Путешественница Димитриевич признается в неутолимой жажде странствий, сопоставимой, по ее мнению, даже с азартными играми: «Нет, это не приключение, эта жажда путешествий, которую не могли утолить ни болезнь, ни годы»³³. В другом месте она пишет: «И чем больше я вкушала этого напитка, тем большую жажду испытывала»³⁴. Писательница признается: «Путешествие – как опиум, табак и алкоголь. Даже как игральные кости!»³⁵.

Примечательно, что мотив опьянения, опиума мы находим и в поэме Бодлера:

Et se réfugiant dans l'opium immense!³⁶.

(в переводе Цветаевой:

«И в опия морей нырнувших без раздумья»³⁷).

Мотив опьянения, растворения в путешествии, в красоте присутствует и у Луизы Песьяк: «Я была опьянена от чуда и блаженства»³⁸. «От радости я временами себя не узнавала, и сколько раз я прикладывала руку ко лбу, чтобы удостовериться, что это я, то счастливейшее существо, которому дано увидеть красоты мироздания»³⁹. Димитриевич тоже не может поверить, что ее мечты наконец осуществляются: «И вот завтра я отправляюсь в Египет! Сон, один из прекраснейших моих снов, завтра станет явью. Но нет! Мне кажется, что это будет опять только сон, навсегда останется сном, желанием, которое никогда не исполнится»⁴⁰.

Несомненно, основной «движущей силой» для многих путешественниц было любопытство*, стремление приобрести свой собственный опыт и удостовериться в полученной ранее информации. Так, Димитриевич, чья биография была связана с Турцией и турецкими гаремами (еще в юности, живя в южной Сербии, она познакомилась с жизнью местных гаремов, чему посвятила книгу «Письма из Ниша о гаремах» – «Писма из Ниша о харемима», 1897), в травелоге «Письма из Салоник» признается, что ее потрясла почерпнутая из газеты информация о Младотурецкой революции 1908 г. В заметке было написано, что турчанки с непокрытыми головами вышли на улицы. Сербскую писательницу это настолько взволновало, что она поменяла планы: «Хотела ехать в Европу, но передумала... более сильная любовь к Востоку победила»⁴¹. Большая часть данного травелога посвящена женскому вопросу в Турции. По словам Димитриевич, она спонтанно поменяла планы, изменила маршрут. Женским капризом писательница называет свое путешествие в другой книге: «В этот момент мне это кажется женским капризом: что хочу – сделаю, любой ценой...»⁴²

Поездку Секулич на север, в Норвегию, с одной стороны, можно связать с распространенным тогда увлечением севером, скандинав-

* И этот мотив мы находим у Бодлера: «Любопытство нас мучит и нас гонит» («La Curiosité nous tourmente et nous goule». P. 109). В своем переводе Цветаева заменила «любопытство» на «лихорадку».

ской культурой⁴³, а с другой стороны, север оказывался во многом созвучен ее индивидуальным особенностям, например, склонности к аскетическому образу жизни:

Ты спросишь меня, тяжело ли мне в стране камня, льда и бедных людей? Ты спросишь меня, почему я опять на севере, если есть места, где, когда ступаешь по цветам, из них вытекает нектар, и где солнце может скалу опалить и человеку светит прямо в сердце!

Почему!

Потому что я люблю тяготы и анафему! Я люблю, когда надо вставать на дыбы в погоне за каждой крошечкой жизни... Я люблю того, кто камень вспахивает, а все же у него есть хлеб⁴⁴.

Секулич признается в любви к северу, который она противопоставляет югу, а Дмитриевич – к Востоку: «У меня две любви, одна к Востоку, другая – к Западу; и перевесила, победила первая, та, что овладела моим существом в ранней молодости...»⁴⁵ «Я вспоминаю, как мы, одна из вас и я, сидели в моей теплой комнатке в белградской крепости – где служил мой муж – и читали о Египте, в то время как за окном бесновался ветер и из снега наметал сугробы. Как мы тогда восторгались сфинксами, пирамидами и солнцем!»⁴⁶ В данном отрывке, как и в предыдущем фрагменте из текста Секулич, присутствует антитеза «солнце, тепло, плодородная земля – сугробы, ветер, холод, скудная природа».

Димитриевич стремилась к солнцу, Секулич – ко льдам, их предпочтения довольно разные. Интересно, что Бодлер в одной строке объединил лед и солнце:

Pour n'être pas changés en bêtes, ils s'enivrent
D'espace et de lumière et de cieux embrasés;
La glace qui les mord, les soleils qui les cuivrent⁴⁷.
В Цирцеиних садах дабы не стать скотами,
Плывут, плывут, плывут в оцепененьи чувств,
Пока ожоги льдов и солнц отвесных пламя⁴⁸.

Многие из исследуемых югославских писательниц-путешественниц преследовали, помимо прочих, дидактические цели. Они стремились не только расширить свой кругозор, но и поделиться знаниями или впечатлениями с читателями. Почти у каждой есть призыв к путешествию: вокруг света, в Скандинавию, в Россию,

в Боснию и т. д. Так, Грегориц, говоря о своем опыте, призывает и остальных последовать ее примеру: «Путешествие по Скандинавии привлекательно не только для тех, кто путешествует ради забавы, но для занимающегося естественными науками, и точно так же для каждого, кто хочет познакомиться со страной и ее экономическими и социальными особенностями. Поэтому я советую каждому, кому позволяют условия жизни, – как только он познакомится со всем самым прекрасным и величественным, чем обладает наша родина, отправиться в путешествие по Скандинавии. Он никогда не пожалеет о такой поездке!»⁴⁹

У Карлин, кроме прочего, присутствует стремление предостеречь женщин, решивших вдруг отправиться в путешествие, она неслучайно очень часто пишет о трудностях в пути, подстерегающих особенно женщин. Во многом то, что она преодолевает такие сложности, повышает ее статус. Получение уникального опыта делает и ее уникальной. Таким образом, в ее тексте присутствует интенция презентации себя как отважной путешественницы.

Секулич также преследует дидактические цели, для нее Скандинавия – это образец для подражания. Неслучайно она сравнивает Сербию и Норвегию. Хотя некоторые современники упрекали ее, что она покинула Сербию в разгар Балканской войны, но в предисловии ко второму изданию она обосновывает свой поступок⁵⁰.

В некоторых из рассматриваемых травелогов присутствует мотив путешествия как бегства. О нем пишет Димитриевич в начале «Семи морей». Привлекая для интерпретации биографические сведения, можно связать данный мотив с пережитым писательницей горем – смертью в 1915 г. во время Первой мировой войны ее мужа. Можно предположить, что она спасалась в путешествии от горя утраты.

У Карлин этот мотив также соотносится с биографической ситуацией – сложные отношения с матерью заставляют ее рано покинуть родной дом и все больше и больше от него удаляться. После распада Австро-Венгрии Карлин считает себя человеком без родины. Возможно, именно эта «неукорененность» гонит ее в путь. В своих воспоминаниях, изданных в переводе на словенский под названием «Одна», она передает свой диалог с матерью. На вопрос, почему она уезжает, Альма отвечает, что она не хочет ехать, но она должна так поступить, что-то внутри гонит ее в путь⁵¹.

Сербскую писательницу Секулич, как уже говорилось выше, даже упрекали в бегстве – она покинула родину в трудный момент.

Однако именно на севере Секулич приобретает уникальный опыт, которым она делится с читателем. Текст писательницы, предпочитающей свету южного солнца лунный свет, содержит фантастические картины севера, непривычные для жителей юга: «Все было хорошо видно от звезд и от трех лун, и от снега...»⁵²

«Сейчас он (месяц. – А. Б.) скроется. А с его заходом погаснут звезды и снега и воды. Придет мрачный день за светлой ночью, а мы будем смотреть друг на друга странными взглядами и говорить друг другу непонятные слова»⁵³.

Именно этим отрывком заканчивается травелог Секулич. Финал, как известно, относится к так называемым «сильным местам» текста. Полученные впечатления оказывают на путешественников настолько мощное воздействие, что их невозможно передать «понятным» языком. В данном случае можно говорить о стремлении получить довербальный опыт, погружающий человека в сферу, находящуюся по ту сторону языка.

Отправившись в путешествие, писательницы получают уникальный опыт, впечатления, открывают для себя новые пространства, что неизбежно оказывает влияние на самих путешественниц. Посредством знакомства с «другим» (с другими странами и народами) формируется самовосприятие. В данном случае правомерно говорить об изменениях в социуме статуса женщины, покидающей привычную среду обитания, – путешествие символизирует переход границы, обретение свободы, стимулирует к поиску своей новой идентичности. Например, Луиза Песьяк пишет о свободе: «Мы надышались драгоценного воздуха свободы»⁵⁴. Женский вопрос, тема свободы женщин нередко фигурирует в данных травелогах и требует отдельного исследования.

Путешественницы преследовали разные цели, иногда сходные, иногда нет. Однако, как известно, путешествие может не иметь цели. Мотив бесцельного странствия мы находим у Бодлера:

Mais les vrais voyageurs sont ceux-là seuls qui partent
Pour partir; cœurs légers, semblables aux ballons,
De leur fatalité jamais ils ne s'écarterent,
Et, sans savoir pourquoi, disent toujours: Allons!⁵⁵.

Но истые пловцы – те, что плывут без цели:
Плывущие – чтоб плыть! Глотатели широт,
Что каждую зарю справляют новоселье
И даже в смертный час еще твердят: вперед!⁵⁶

Мотив Вечного Жида, с которым сравниваются путешественники, появляется в поэме Бодлера: «Comme le Juif errant», «Оно как Вечный Жид» (перевод Цветаевой). К мотиву «le Juif errant» (именно на французском языке) Димитриевич обращается в травелоге «Семь морей» – по ее словам, так называла ее одна из адресаток⁵⁷. Иногда в текстах Карлин появляется мотив путешествия как самоцели. Когда она отправлялась в путь, она собиралась в первую очередь посетить Японию, но обстоятельства сложились так, что Карлин отправилась в Южную Америку. Главным для нее становится продолжение пути. Бывало, во время путешествия ей очень не хотелось покидать понравившуюся страну. Например, покидая Пекин, она пишет о горечи расставания с новыми китайскими друзьями, но при этом «что-то ее постоянно гнало дальше»⁵⁸.

Бесспорно, в поэме Бодлера путешествие может быть интерпретировано как весь жизненный путь, который в конечном итоге приведет к смерти. Именно в смерти человек, находящийся в погоне за неизвестным, получает то новое, к чему стремится всю жизнь.

Plonger au fond du gouffre, Enfer ou Ciel, qu'importe?
 Au fond de l'Inconnu pour trouver du nouveau!⁵⁹
 На дно твое нырнуть – Ад или Рай – едино! –
 В неведомого глубь – чтоб новое обрести!⁶⁰ (перевод Цветаевой).

Для некоторых из исследуемых авторов путешествие стало проектом всей жизни. Особенно ярко связь автобиографии и путешествия проявляется в текстах Карлин – темы многих своих текстов она черпала в поездках. Так и Димитриевич написала не только различные травелоги, но и произведения по мотивам своих путешествий, она размышляет о смерти, старости. Димитриевич, пережившая Первую мировую войну, потеряв мужа, не боится смерти на чужбине, не опасается, что смерть застанет ее в пути, ей совсем не страшно покидать родной дом. «[...] неважно, где будет моя могила – в Индии, в Китае, Японии или на каком-то острове Тихого океана – когда могилы лучших наших сыновей рассеяны по белу свету»⁶¹, – пишет Димитриевич в травелоге «Семь морей и три океана». На момент этой поездки в 1926 г. ее можно назвать опытной путешественницей (ей 64 года). Писательница признается, что со временем она изменилась, что стала бесстрашной: «И вот, бывшая трусиха могла бы встать в ряд легендарных героев своей нации!»⁶² Ей не страшна ни смерть, ни потеря репутации из-за того, что она путешествует без сопровождения: «Прошли времена, когда женщины не путешествовали одни»⁶³.

Рассуждая о смерти, вновь повторяя, что нет никакой разницы, где будет ее могила – «в Европе, Азии или Африке»⁶⁴, так как земля везде одна, Димитриевич проводит параллель между смертью и путешествием: «А если бы пришла (смерть. – А. Б.) по моей воле, это совсем другое дело. Если бы я сказала “я хочу умереть”, для меня это было бы тем же самым, как если бы я сказала: “я хочу путешествовать”»⁶⁵.

Рассмотрение некоторых интенций путешествия в травелогах югославских писательниц делает очевидной необходимость более комплексного изучения не только самого жанра травелога, но и феномена путешествия, рефлексия о котором в изобилии содержится в исследуемых текстах. Иногда сложно провести четкую границу между интенциями травелога как жанра и интенциями путешествия как культурной практики, являющейся многоуровневым феноменом, имеющей разнообразные наполнения (от путешествия-познания, путешествия-завоевания, путешествия в «другие» новые миры до метафоры жизни – пути, приводящего к смерти).

При всем смысловом разнообразии феномена путешествия в нем можно обнаружить некоторые константы в разных национальных традициях. Анализируемые травелоги были созданы писательницами, принадлежавшими к разным культурным традициям, писавшими на разных языках, хотя волею исторических судеб ставшими гражданками одного государственного объединения – Югославия. Их понимание феномена путешествия удивительным образом совпадает с видением французского поэта Бодлера, поэма которого была переведена русской поэтессой Цветаевой, во многом переосмыслившей текст французского оригинала и внесшей в поэтическую картину путешествия иные смыслы; впрочем, сопоставление поэмы Бодлера и перевода Цветаевой представляет собой отдельную исследовательскую задачу. Что касается данного анализа, можно сделать следующие выводы: в травелогах югославских писательниц присутствуют такие константы мотивировки путешествия, как познавательная, образовательная, дидактическая, эскапистская, гедонистическая (у всех авторов), завоевательная (у Карлин, Стрнад, Грегориц-Степанчич). Ряд травелогов содержит представление о путешествии ради самого путешествия, о бесцельных странствиях (Димитриевич, Карлин). Также в сочинениях некоторых писательниц можно обнаружить метафору путешествия как жизненного пути, ведущего к смерти (Карлин, Димитриевич). Эти же константы содержит и поэма Бодлера «Путешествие». Данный факт поддается осмыслению в рамках общности европейской культурной традиции второй половины XIX – первой половины XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Киссель В. С.* Путешествие на солнце без возврата: к вопросу о модернизме в русских травелогах первой трети XX в. // Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. М., 2010. С. 10.

2 *Бодлер Ш.* Цветы зла: Стихотворения. М.; Харьков, 2003. С. 183.

3 *Baudelaire Ch.* Les Fleurs du mal. La Flèche, 1996.

4 *Habinger G.* Frauen reisen in die Fremde. Diskurse und Repräsentationen von reisenden Europäerinnen im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. Wien, 2006. S. 43.

5 Обзор литературы на данную тему см. в работе: *Пономарев Е. Р.* Типология советского путешествия: «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920–1930-х годов. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2014.

6 *Слапшак С.* Хареми, номади: Јелена Димитријевић // «ПроФемина». Београд. 15–16, јесен-зима 1998. С. 137–149.

7 *Koch M.* Гендер дискурс у акцији. Наратолошке трансгресије код списатељица на почетку двадесетог века. Случај: Јелена Димитријевић // Научни састанак слависта у Вукове дане (40; 2010; Београд). Београд, 2011. С. 255–268.

8 *Пековић С.* Јеленина писма // Димитријевић Ј. Писма из Ниша о Харемима. Београд; Горњи Милановац, 1986. С. I–XV.

9 *Бодрова А. Г.* «Письма из Норвегии» Исидоры Секулич // Славяне в неславянских странах. СПб., 2011. Вып. 2. С. 39–46.

10 *Бодрова А. Г.* Между славянским и германским: проблема национальной идентичности в биографии и творчестве Альмы Карлин // *Бодрова А. Г., Бразговская Е. Е., Князькова В. С., Котова М. Ю., Раина О. В.* Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей / Отв. ред. М. Ю. Котова СПб., 2014. С. 49–64.

11 Биографију и краткиј обзор творчства Димитријевић см. в работе: *Стјеља А.* Јелена Ј. Димитријевић – трагом прве признате српске књижевнице // Књижевна историја. 147. Београд, 2012. С. 341–354.

12 *Димитријевић Е.* Новые женщины. М., 1928. 293 с.

13 *Verginella M.* Marica Gregorič Stepančič // Pozabljena polovica. Portreti žensk 19. in 20. stoletja na Slovenskem. Ljubljana, 2012. S. 140–141.

14 *Mihurko Poniž K.* Marija Kmet // Pozabljena polovica. Portreti žensk 19. in 20. stoletja na Slovenskem. Ljubljana, 2012. S. 243.

15 О беглости восприятия увиденного и теме бегства см., например, в статье: *Гроб Т.* Писатель в бегах: путешествие Антона Чехова на остров Сахалин и на окраину литературы // Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. М., 2010. С. 38.

- 16 *Pesjak L.* Popotni spomini // Ljubljanski zvon. 1884. Št. 7. S. 417.
- 17 *Ibid.* S. 416.
- 18 *Karlin A.* Einsame Weltreise. Minden in Westfalen–Berlin–Leipzig, 1930. S. 39.
- 19 *Димитријевић Ј.* Седам мора и три океана. Путем око света. Београд, 1940. С. 11.
- 20 *Baudelaire Ch.* Les Fleurs... P. 110.
- 21 *Бодлер Ш.* Цветы... С. 184.
- 22 *Karlin A.* Einsame... S. 11.
- 23 *Ibid.* S. 11.
- 24 *Ibid.* S. 22.
- 25 *Baudelaire Ch.* Les Fleurs... P. 109.
- 26 *Бодлер Ш.* Цветы... С. 184.
- 27 *Gregorič Stepančič M.* Izprehod po Skandinaviji // Jadranka. 1922. Št. 7. S. 76.
- 28 *Strnad M.* Pismo iz Rusije. Spomini s potovanja // Slovenski narod. 1899. Št. 268. S. 1.
- 29 *Димитријевић Ј.* Седам... С. 13.
- 30 *Ibid.* С. 11–12.
- 31 *Ibid.* С. 9.
- 32 *Киссель В. С.* Путешествие... С. 14.
- 33 *Димитријевић Ј.* Седам... С. 11.
- 34 *Ibid.* С. 18.
- 35 *Ibid.*
- 36 *Baudelaire Ch.* Les Fleurs... P. 112.
- 37 *Бодлер Ш.* Цветы... С. 187.
- 38 *Pesjak L.* Popotni spomini // Ljubljanski zvon. 1884. Št. 10. S. 616.
- 39 *Ibid.* Št. 9. S. 548.
- 40 *Димитријевић Ј.* Седам... С. 11.
- 41 *Димитријевић Ј.* Писма из Солуна. Сарајево, 1916. С. 6.
- 42 *Димитријевић Ј.* Седам... С. 11.
- 43 *Бодрова А. Г.* Миф о севере в творчестве Исидоры Секулич // Serbian Studies Research. 2011. Novi Sad. Vol. 2. № 1. P. 143–152.
- 44 *Секулић И.* Проза. Српска књижевност у сто књига. Нови Сад; Београд, 1971. Књ. 73. С. 87.
- 45 *Димитријевић Ј.* Писма... С. 6.
- 46 *Ibid.*
- 47 *Baudelaire Ch.* Les Fleurs... P. 109.
- 48 *Бодлер Ш.* Цветы... С. 183.
- 49 *Gregorič Stepančič M.* Izprehod po Skandinaviji // Jadranka. 1922. Št. 12. S. 143.

- 50 Бодрова А. Г. «Письма из Норвегии»... С. 39–46.
 51 Karlin A. M. Sama: iz otroštva in mladosti. Celje, 2010. S. 307.
 52 Секулић И. Проза... С. 240.
 53 Ibid. С. 241.
 54 Pesjak L. Popotni spomini // Ljubljanski zvon. 1884. Št. 9. S. 551.
 55 Baudelaire Ch. Les Fleurs... P. 109.
 56 Бодлер Ш. Цветы... С. 183.
 57 Димитријевић Ј. Седам... С. 11.
 58 Karlin A. Einsame... S. 250.
 59 Baudelaire Ch. Les Fleurs... P. 113.
 60 Бодлер Ш. Цветы... С. 188.
 61 Димитријевић Ј. Седам... С. 13.
 62 Ibid.
 63 Ibid. С. 15.
 64 Ibid. С. 16.
 65 Ibid. С. 16–17.

A. G. Bodrova

«What gives us the desire to travel?»: the intentions to travel in Yugoslav women travelogues of the first half of the 20th century

The article shows constant motivation of the travel (comprehensive, educational, didactic, escapist, hedonistic, conquering) in the travelogues of Yugoslav female writers in Serbian, Slovene and German in the European cultural context.

Key words: *travel, travelogue, Luiza Pesjak, Marica Strnad, Marica Gregorić-Stapančić, Maria Kmet, Alma Maximiliana Karlin, Isidora Sekulić, Jelena Dimitrijević, Charles Baudelaire*

Т. В. Волокитина
(Москва)

Советский фактор в литературной жизни Восточной Европы в 40-е гг. XX в.

В статье прослеживаются некоторые особенности внедрения советской культурной модели в странах Восточной Европы, воздействие советского фактора на состояние и развитие литературы региона на этапе позднего сталинизма.

Ключевые слова: *советская культурная модель, советский фактор, социалистический реализм, литературные связи, Союзы писателей*

Развернувшаяся в России в первой половине 1990-х гг. «архивная революция» открыла перед исследователями уникальную возможность работы с ранее недоступными документами, находившимися на «особом режиме хранения», то есть засекреченными. Их публикация положила начало процессу формирования качественно новой источниковой базы по широкому кругу актуальных исследовательских проблем. В полной мере это коснулось и новейшей истории Восточной Европы – региона, перешедшего по итогам Второй мировой войны в сферу влияния Советского Союза. Рассекречивание документальных массивов, несмотря на хорошо известные исследователям издержки и сложности¹, явилось важнейшим условием деидеологизации и деполитизации при освещении ключевых для послевоенной Восточной Европы проблем. К таковым, безусловно, следует отнести и проблему «советизации» региона, то есть внедрения советской экономической и общественно-политической модели и проявления этого процесса в разных сферах жизни общества.

История установления политических режимов советского типа в странах, расположенных по периметру европейских границ СССР, длительное время являлась предметом острых научных и публицистических дискуссий. И сегодня даже среди профессионалов-историков нет однозначного ответа на вопрос, что же хотел «вылепить» Сталин из восточноевропейского региона *непосредственно после войны*. Замечу, что его оценки в тот момент, дававшиеся советской стороной и западными союзниками, удивительным образом совпали. Американский дипломат Дж. Кеннан сравнил Восточную Европу на рубеже войны и мира с «пластичной и податливой мас-

сой»², а нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов подчеркивал, что послевоенный регион находился «в жидком состоянии»³. В этих определениях нет и намека на начавшийся или тем более набиравший ускорение процесс «советизации» Восточной Европы. Более того, отмеченная обеими сторонами своеобразная политическая и идеологическая «аморфность» обуславливала возможность поисков различных решений вопроса о будущем устройстве, появление альтернативных проектов и программ.

Утвердившийся в регионе на этапе народной демократии (1944–1948) коалиционный способ осуществления власти обеспечивал решение главной задачи дня – искоренение фашистских и профашистских сил, наказание военных преступников, проведение демократических преобразований. Все указанные мероприятия осуществлялись под сильным влиянием международного фактора: сотрудничество между союзниками по антигитлеровской коалиции сохранялось, и межсоюзнические отношения экстраполировались на внутривнутриполитическую ситуацию стран региона, рождая оптимистические прогнозы на будущее⁴. Морально-психологическая атмосфера первых послевоенных лет – это колоссальный взрыв «народного радикализма»⁵, небывалый энтузиазм населения, вера в возможность улучшить и усовершенствовать мир, преодоление страха перед социализмом как общественной системой и признание реальной перспективы его утверждения в разных возможных модификациях, включая советскую⁶. «Это были годы, – вспоминал много позднее польский политический деятель М. Раковский, – когда самые светлые умы мира однозначно высказывались за социализм...»⁷ Новые веяния хорошо прочувствовал и президент Соединенных Штатов Ф. Рузвельт, считавший, что «мир идет к тому, чтобы быть после войны гораздо более социалистичным...»⁸ Важнейшей составляющей подобных настроений в послевоенном мире явился и огромный авторитет Советского Союза, вышедшего из глобального конфликта великой державой. Возник небывалый интерес к советской социалистической системе, в условиях которой были организованы победоносные военные усилия. Инерция воздействия этого интереса сохранялась, хотя и в значительно меньшей степени, и в 1949–1953 гг., когда в Восточной Европе отчетливо определился вектор общественно-политического развития – к социализму «по Сталину».

Задача «советизации» региона выдвинулась на повестку дня в качественно иных международных и внутривнутриполитических условиях. Вслед за «первыми заморозками» в отношениях между Востоком

и Западом к 1949 г. грянули «морозы». В обстановке «холодной войны» советский фактор превратился в доминирующий на всем пространстве Восточной Европы, а коммунистические партии в странах региона установили собственную монополию на власть⁹. Внедрение советской модели развернулось в Восточной Европе во всех сферах – экономике, политике, идеологии, культуре. Этот процесс охватил и «межлитературную общность», которую составили литературы региона на основе формационного признака – возникновения однотипных политических режимов.

В современной трактовке советской культурной модели присутствует набор обязательных характерных черт: централизованное руководство со стороны правящей партии; закрытость от внешнего мира; унификация художественного метода социалистического реализма; отсутствие у творцов права выбора творческой и гражданской позиции¹⁰. В представлениях многих людей, как, впрочем, и в исторической науке, бытует мнение о навязанности этой модели странам Восточной Европы. Столь жесткая формулировка существенно сужает возможности исследования, выводит за скобки важные вопросы о готовности или неготовности общества воспринять эту модель, о наличии или отсутствии в нем таких слоев и групп, для которых советский опыт отнюдь не рассматривался как нечто абсолютно чужеродное и неприменимое к национальным условиям. Документальные коллекции российских архивов дают возможность исследовать разные стороны указанного процесса. Не претендуя на исчерпывающий характер, постараюсь проиллюстрировать это в данной статье.

Документы свидетельствуют, что советское политическое руководство в качестве важнейшей сформулировало задачу как можно более тесной привязки стран формировавшегося восточного блока к СССР. С этой целью использовался имевшийся разнообразный арсенал средств и методов, был приведен в действие мощный механизм идеологического влияния. Он включал в себя такие государственные структуры, как Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), Совинформбюро, Издательство литературы на иностранных языках, объединение «Международная книга», «Совэкспортфильм», радиовещание на иностранных языках, общества дружбы, творческие организации и пр. Важнейшим источником информации для советской стороны и одновременно транслятором советских «советов» и рекомендаций национальному партийному руководству в области пропаганды и культуры являлись посольства СССР. Документы обрисовывают их заметную и неоднозначную роль в форми-

ровании политики в сфере культуры в странах пребывания советских дипломатов и советников. Исключительно важны материалы Иностранной комиссии Союза советских писателей (ССП), отражающие обстановку в литературно-художественной среде стран региона, в Союзах писателей и иных творческих организациях, содержащие, помимо прочего, политические и творческие характеристики деятелей культуры.

Механизм изучения советской стороной состояния национальных литератур сложился еще в довоенное время. Главным звеном, несомненно, являлся ВОКС. Действовавшая при нем Литературная секция объединяла около 100 писателей¹¹, которые вели активную переписку с зарубежными коллегами и творческими организациями. Война, однако, потребовала определенных коррективов. Импульс к этому поступил «снизу»: 19 апреля 1943 г. известный специалист по истории Англии и член Союза советских писателей профессор И. С. Звавич обратился с докладной запиской к председателю ССП А. А. Фадееву и заведующему Отделом художественной литературы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. М. Еголину. Звавич указал на необходимость изучать вызванные войной «значительные сдвиги» в литературной и общественной жизни зарубежных стран, как союзных и нейтральных, так и враждебных¹². Он предлагал возложить эту работу на Иностранную комиссию ССП, введя в ее состав специалистов-консультантов, в том числе из членов Союза. Их задачи профессор сводил к «освещению *не для печати* (здесь и далее курсив мой. – Т. В.) литературных и литературно-политических событий; консультациям для оперативных учреждений по тем же вопросам; отбору и рецензированию литературы для перевода». Такая «оперативная работа в нынешних условиях... должна носить практический характер, *без излишнего оглашения*», – отмечал автор записки. Звавич предложил также установить основополагающий критерий при оценке творчества зарубежных коллег-писателей: характер связи и переписки с ними, подчеркивал он, «зависит от их поведения в войне». По сути дела, записка Звавича была направлена на формирование дополнительного канала информации и распространения советского влияния за рубежом.

Судя по материалам Секретариата Иностранной комиссии ССП, предложение Звавича встретило понимание руководства. Группа консультантов-литературоведов впоследствии была создана. Специалисты систематически составляли справки и обзоры литературы и критики Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Болгарии,

Албании, Югославии, анализировали тематику произведений, авторские методы и приемы и пр. Интенсивность такой работы была достаточно высока. Например, в январе–ноябре 1949 г. было подготовлено 14 выпусков обзоров литературной жизни Болгарии¹³, большинство которых принадлежало литературоведу В. И. Злыдневу (впоследствии известному советскому ученому-болгаристу). Ежемесячно составлялись обзоры зарубежной прессы, откликавшейся на произведения «своих» и советских писателей и развитие литературоведения, отслеживались отклики читательской аудитории на советскую литературу¹⁴.

Реализовывалось и предложение Звавича об определении круга писателей, с которыми, следовало контактировать. В послевоенных условиях это были прежде всего писатели-коммунисты. Обсуждаемые в переписке вопросы, как правило, выходили за рамки творческих. Отдельные писатели добровольно сообщали советским «друзьям» сведения о своих коллегах, причем характеристики давались прежде всего политические. Показательны в этом плане оценки коллег по литературному цеху, вышедшие из-под пера болгарского писателя Крума Кюлявкова. Его переписка с заместителем председателя Иностранной комиссии ССП М. Я. Аплетиным пестрит определениями «наш, партиец» или, наоборот, «не из наших», «попутчик», «ни рыба, ни мясо», «большой арап», «скрытая реакция». Выраженная Кюлявковым в некоторых письмах готовность и впредь информировать руководство ССП о настроениях в писательских кругах¹⁵ указывает на то, что подобная информация была востребована советской стороной.

Воздействие советского фактора на развитие и состояние национальных литератур невозможно оценить без изучения попыток соответствующих советских структур влиять на формирование круга чтения и читательских интересов. Здесь новые направления работы соседствовали с традиционными. По-прежнему важное значение придавалось в Москве распространению за рубежом советской литературы и иной печатной продукции и укреплению таким способом позиций СССР. Эта работа шла встречаемыми курсами: удовлетворением заявок, поступавших в ВОКС, и отбором литературы для заграничные в соответствии с представлениями советской стороны. Так, заботясь об идеологической «стерильности» культурной продукции, руководство ВОКС фактически отказало в просьбе венгерских литераторов составить сборник рассказов Андрея Платонова для перевода и публикации в стране. Поскольку в СССР издание Платоно-

ва было под запретом, то вопрос было решено «закрыть», попросту проигнорировав обращение венгров¹⁶. Как показывают документы, подобный метод, равно как и затягивание с ответами, были испытанным орудием в руках аппаратчиков ВОКС. Во многих случаях он действовал как тяжелая и неповоротливая бюрократическая машина, подчас в ущерб делу. Так, без последствий осталась, например, инициатива болгарской стороны подписать с СССР двустороннюю культурную конвенцию, как это имело место с другими странами народной демократии. В современной болгарской исторической литературе вина за это справедливо возлагается непосредственно на аппарат ВОКС¹⁷.

Тем не менее, несмотря на некоторые негативные стороны деятельности ВОКС, в целом его опыт был с готовностью воспринят в странах «социалистического лагеря». В Болгарии, в частности, по его образу и подобию был сформирован в 1948 г. КНИК – Комитет по науке, искусству и культуре, руководимый секретарем ЦК компартии В. Червенковым.

Немалые трудности возникали и при распространении советской литературы. Болгарская сторона, например, не раз выражала претензии к объединению «Международная книга». «Нам присылают гораздо меньше экземпляров журналов, чем мы заказываем. [...] Заказы на книги, изданные в 1948 и 1949 гг., не были выполнены», – говорилось в докладной записке «Об организации распространения советской литературы в Болгарии», подготовленной в Международном отделе ЦК БКП в июле 1950 г.¹⁸ В документе указывалось и на не оправдавшую себя практику «тематических заказов», закрепленную в договорах с «Межкнигой». Данная практика, отразившая право советской стороны самой фактически определять круг чтения болгарского читателя, оказалась неэффективной. «В страну присылают много таких книг, которые не всегда требуются читателям, а книги, на которые есть спрос, посылаются в очень ограниченном количестве», – констатировалось в указанном документе¹⁹. Как следствие, возникало значительное затоваривание советской литературой. Так, в книжных магазинах Союза болгаро-советской дружбы из полученных в апреле 1950 г. 111 тыс. книг удалось распространить только 55 тыс., в мае из 55 тыс. – 24 тыс., в июне из 86 тыс. – 40 тыс. Книжный магазин Союза в Софии к 1 января 1950 г. имел невостребованной советской литературы на сумму 57 млн левов, а к 1 июля – уже на 80 млн левов²⁰.

Болгарская сторона попробовала переломить ситуацию. В аппарате ЦК БКП была выработана подробная программа, направленная

на улучшение распространения советской литературы. Она предусматривала организацию специализированной торговой сети, создание коллектора советской литературы при Государственном торговом предприятии и передвижных книжных магазинов, формирование штата распространителей, проведение ежегодно месячников советской культуры и книги с организацией льготной продажи печатной продукции (скидки в 10–15%), регулярное оповещение в центральной печати и по радио о поступивших новинках и имеющейся в продаже литературе и пр.²¹

Источники указывают на то, что болгарский читатель в конце 1940-х гг. предпочитал русскую классику – А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского. На их труды – «огромный спрос», – писала газета «Отечествен фронт» в феврале 1949 г. Востребованы были также работы В. И. Ленина, И. В. Сталина, Г. В. Плеханова. Из советской литературы наибольшим успехом пользовались «Молодая гвардия» А. А. Фадеева, «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Мужество» В. Кетлинской. Весной 1949 г. были переведены книги прозаиков В. Василевской и В. Пановой, сборники стихотворений К. Симонова, В. Маяковского, В. Инбер, М. Исаковского. Явное преобладание патриотических произведений было понятным в условиях послевоенного времени. Они были популярны и находили отклик не только у советского, но и у болгарского читателя. Как сообщал болгарский поэт и критик А. Тодоров, ему приходилось слышать упрек заводских рабочих – почему наши писатели не пишут таких книг, как «Молодая гвардия», «Мужество»?²²

Хотя официальные отчеты или передовицы официальных газет рисовали довольно благостную картину, подчеркивая, в частности, массовые тиражи переводов, дело обстояло не совсем так, как хотелось бы власть предержащим. Политически ангажированная литературная критика на протяжении 1946–1948 гг. констатировала, в частности, «ненормальную» практику переводов, сравнивая ее с услугой «пятой колонне». При этом речь шла не только о количественных показателях (72% переводов приходилось на западную литературу и только 28% – на «славянскую», включая и русскую), но и о явном качественном «изъяде». Вместо Э. Синклера, Э. Хемингуэя, Дж. Олдриджа, Д. Голсуорси, Д. Пристли, сетовали партийные критики, печатались «полубульварные» романы С. Моэма, «реакционные книги» М. Митчелл и А. Моруа. Особые нарекания вызывала деятельность частных издательств и библиотек, якобы «пропитан-

ная антисоветским духом, ненавистью к новому, которое создается в нашей жизни, шовинистическим чувством к славянским странам, к соседним государствам новой демократии». В стае «черных птиц западной упаднической литературы», отмечали критики, произведения, связанные с борьбой за мир, демократию и особенно против фашизма, выглядят «белой вороной». А официоз компартии журнал «Ново време» в сентябре 1947 г. констатировал, что «современная советская литература изгнана как прокаженная». Автор обзора подкреплял свой вывод статистикой: в 1947 г. в частной серии «Мировые авторы» из 10 книг лишь одна была по русской литературе. Показательно, что в серию оказался включенным классик-сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин, а открывал ее «неизбежный», по оценке журнала, Моэм. В плане 1948 г. из 13 книг значилась лишь одна русская. Это была историческая повесть С. П. Бородина «Дмитрий Донской». Из 14 книг, изданных в 1947 г. в серии «Золотые зерна», только две книги принадлежали перу русских авторов – А. И. Куприну и Н. С. Лескову. В плане 1948 г. в этой серии предусматривалось издание 11 книг, но при этом – ни одной советской современной, и это, негодовал журнал, в то время, как «по всеобщему признанию прогрессивной мировой критики» советская литература «ведет [за собой] мировую литературу»²³.

Сказанное выше не дает оснований считать воздействие советского фактора на формирование круга чтения и вкусы болгарского читателя решающим. На этапе народной демократии национальные структуры как в Болгарии, так и в других восточноевропейских странах имели возможность действовать в этом плане самостоятельно. Подтверждают это факты публикации в одном венгерском художественном журнале двух рассказов опального М. Зоценко, упоминание в другом репрессированного Б. Пильняка и Вс. Мейерхольда, постановка в театре г. Печа скетча по рассказам эмигрировавшего из СССР А. Аверченко. Референты ВОКС не пропустили эти «негативные» и «настораживающие» случаи, дав им в своих справках соответствующие оценки²⁴. Но никакого ответного проявления недовольства и тем более санкций с советской стороны не последовало. Для подобных действий еще не настало время.

Ситуация начала быстро меняться с возникновением весной 1948 г. советско-югославского конфликта. Стремясь не допустить распространения примера Югославии на другие страны восточного блока, советская сторона проанализировала деятельность руководства национальных компартий. Итогом работы стала серия справок,

подготовленных в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б). Оказалось, что ни одна из компартий Восточной Европы не избежала грубых ошибок, повторяя во многом югославский опыт. Провинившимся, по мнению Москвы, предстояло «извлечь уроки»²⁵. В справке от 24 марта 1948 г. «О националистических ошибках руководства Венгерской коммунистической партии и буржуазном влиянии в венгерской коммунистической печати» руководство ВКП подверглось критике за издание годом ранее «Библиографии русской литературы», в которую были включены произведения Пильняка, Зощенко, Ахматовой. При новой политической конъюнктуре этот факт был охарактеризован как проявление «безыдейности и буржуазного влияния», потаkanie «извращенным вкусом»²⁶.

Вопрос о воздействии советского фактора на литературную жизнь стран восточного блока диктует необходимость изучения ситуации в творческих организациях, в частности в союзах писателей. В соответствии с советской общественно-политической моделью они являлись одним из «приводных ремней» в политической системе социализма.

На рубеже 1940-х – 1950-х гг. союзы писателей активно функционировали во всех странах Восточной Европы, подчиняясь непосредственно партийному руководству в лице органов агитации и пропаганды. Положение в союзах писателей, как и отчеты о визитах зарубежных писателей в СССР и пребывании советских литераторов в странах Восточной Европы, их участие в ряде случаев в работе писательских съездов регулярно обсуждались на заседаниях Иностранной комиссии ССП. Внимательно отслеживали обстановку на литературном и, шире, на культурном фронте в целом и сотрудники советских дипломатических представительств. В МИД СССР регулярно поступали записи их бесед с деятелями литературы и искусства, содержавшие важную информацию о положении в творческих союзах. Особую важность для Москвы представляли сведения о состоянии идеологической работы и отношении к советской политике в сфере культуры, о наличии в руководстве союзов «антисоветских элементов», «реакционеров» и «путаников». Большое значение придавалось фактам, свидетельствующим о тяге к «формалистическому искусству» в противовес социалистическому реализму и пр. Из материалов, поступивших в Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), советские «инстанции» узнали, например, о том, что польские формалисты якобы пользовались поддержкой премьер-министра Ю. Циранкевича и заместителя министра культуры и искусства

В. Сокорского, а заведующий Отделом культуры ЦК ПОРП занял «пассивную позицию». От венгерского писателя Ш. Гергея через посла СССР в Будапеште С. Д. Киселева поступила тревожная информация, что крупный партийный руководитель Й. Реваи поддерживает Д. Лукача – «буржуазного эстета и скрытого недруга советской литературы»²⁷. Примечательно, что эти сведения были направлены в ВОКС, где предстояло, помимо прочего, оценить и объективность подобных оценок.

Как звенья сложного идеологического механизма творческие организации не избежали чисток. В Болгарии партийным руководством планка требований была поднята очень высоко. 28 января 1949 г., выступая на партсобрании Союза болгарских писателей, В. Червенков призвал литераторов «хорошенько проверить... собственные ряды», поскольку «не все, кто сидят здесь, – уже марксисты. Не все имеющие партийный билет уже стали большевиками». Основным мериллом было объявлено соответствие произведений советскому образцу, предполагающему написание «образцовых с точки зрения требований социалистического реализма» книг²⁸. Решить эти задачи предполагалось на пути «политического и идейного перевоспитания писателей», не допускающего появления произведений «антимарксистского, ненаучного, вредного содержания». Весной 1950 г. по результатам обследования партийной организации Союза писателей Секретариат ЦК БКП вынес решение № 240, в котором обязал руководство Союза рассмотреть вопрос «о партийном положении» 15 писателей. При этом парторганизации предоставлялось право самостоятельно определить меру наказания, правда, с учетом выводов комиссии²⁹.

Наряду с чистками, проводимыми «сверху», в деятельности зарубежных Союзов писателей отмечалось такое принципиально важное явление, как их «самоочищение». Его, как свидетельствуют документы, инициировали сами литераторы. Так произошло, например, на V съезде польских писателей осенью 1950 г. Отчитываясь о пребывании на съезде, поэт Алексей Сурков заметил: «Нелишне такое ввести и в ССП»³⁰. Волновала проблема самоочищения и болгарских писателей. Об этом говорилось на встрече в Секретариате ССП в ноябре 1949 г. Гости – болгарские литераторы Камен Калчев и Камен Зидаров – рассказали, что из 288 членов писательской организации лишь около 50 человек «активны и работают самостоятельно». Остальные, принадлежа в прошлом к оппозиции, «злостно молчат», прикрываются знаменем Союза, как ширмой. В связи с этим Калчев

поставил вопрос, существует ли практика исключения писателей из ССП в том случае, если они «перестали быть писателями». Явно не готовый к такой постановке вопроса Вадим Кожевников ответил: «Если [писатель] не создал ничего ценного и несколько лет молчит и профессионально перестал быть членом СП, то *можно это организационно оформить. Но мы не прибежали к такой мере. Может быть, надо было пересмотреть* [имеющуюся практику. – Т. В.] *и нескольких человек по этому принципу исключить*». Участвовавший в беседе Леонид Леонов постарался смягчить реакцию коллеги: «К каждому надо подходить индивидуально. [...] *То, что определенная часть не работает, мы считаем это нормальным явлением. [То], что у вас есть 50 членов, которые активно работают, это хорошо*»³¹. Фактически руководители ССП проявили желание отстоять укоренившийся подход к собственной творческой организации как к своего рода «заповеднику», недоступному для критики и «оргвыводов». Замечу еще – и как к щедрому источнику разного рода благ и привилегий. А между тем вопрос об очищении ССП от «молчальников» и «паузников» (то есть тех, чья творческая пауза затянулась), от «прихлебателей» и откровенных «нахлебников», от «активистов окололитературных дел» резко ставился еще на IX пленуме Союза в феврале военного 1944 года. Тогда же в отдельных выступлениях (например, Бориса Горбатова) прозвучало, что ССП как канцелярия, регистрирующая вышедшие книги, не нужен, а как бюро, выдающее по спискам пайки, нужен, но... лишь раз в месяц. Союз писателей, утверждал Горбатов, должен быть «организацией политической, боевой, общественной», собранием писателей – «государственных деятелей». Признав наличие в ССП «живых», «мертвых» и «полумертвых» коллег, Горбатов призвал разобраться, почему многие не пишут, подойти к этому «тонкому делу» внимательно, дифференцированно, но вместе с тем, безусловно, «освободиться от “мертвых”»³². Схожие проблемы не только в организационном функционировании ССП и СБП, но и в творческой деятельности писателей указывают на проявление сущностных черт советской модели, несмотря на разную степень ее зрелости и развертывания в обеих странах.

Советская культурная модель неотделима от метода «социалистического реализма», который в своем догматическом толковании стал обязательным для всех социалистических стран. Любое инакомыслие, как идейное, так и эстетическое, выявлялось и пресекалось партийной литературной критикой и цензурой. В Болгарии усвоение соцреализма (на первых порах его называли «новым» или «художественным»)

ственным), а затем «критическим» реализмом) было в определенной степени подготовлено творчеством писателей 1920-х – 1930-х гг.³³ Небезынтересно, что в декабре 1940 г., готовя рецензию на 4-й том «Тихого Дона», Тодор Павлов упрекал советских писателей в том, что они «до сих пор все еще не дали нам настоящего *социалистическо-реалистического* партийного деятеля – борца и творца». «Настоящий социалистически партийный борец и творец, – писал Павлов, – это что-то высшее, [это] сложнее, ярче, значительнее всех и всяческих прометеев и фаустов». Но для советских прозаиков и поэтов, считал Павлов, создание такого образа «все еще остается не решенной ими творческо-художественной задачей». Автор романа-эпопеи «Тихий Дон» М. А. Шолохов заслужил упрек болгарского критика за то, что не сделал из Григория Мелехова «беспартийного большевика» – представителя современного советского казачества, а образ «большевика-партийца» Михаила Кошевого получился «неправдивым»: перед читателем предстает, подчеркивал Павлов, «не органическая частица великого трудового и героического народа, не творческо-трагическая натура, а какая-то советско-партийная схема, какая-то голая административно-командующая сила...»³⁴ Сам по себе факт критики крупного канонического произведения советской литературы за недостаточность и даже ошибочность воплощения метода соцреализма в литературе, этот метод породившей, весьма показателен. Впоследствии это стало невозможным.

После V съезда БКП (декабрь 1948 г.) социалистический реализм был провозглашен единственным художественным методом, способным создавать произведения «настоящего искусства». Признание марксистско-ленинской идеологии и руководящей роли компартии стало обязательным для всей интеллигенции – научной, технической, художественной. Как следствие, соцреализм становился и дубинкой для непослушных художников, и ширмой для бездарных. Во многом в силу этого с понятием соцреализма в наши дни ассоциируется только порочная практика навязывания нормативов и правил творчества. Гораздо реже говорится о соцреализме как художественной системе (и методе, и направлении) в искусстве XX века. Забывается, что соцреализм даже в узком толковании его как метода выражал определенную историческую реальность жизни и искусства. Достаточно широкие круги литераторов искренне воспринимали ориентированные на социалистический реализм партийные установки, усматривая в них продолжение лучших традиций национальной классики и революционного искусства³⁵.

При этом в литературах всех стран Восточной Европы немало примеров, когда большие художники, отнесенные к представителям соцреализма или сами считавшие себя его адептами, вырывались за «красные флажки» установленных им рамок, создавали творения мирового художественного уровня. Еще и поэтому соцреализм как явление многогранное требует изучения и трезвых, адекватных оценок. Советский скульптор Эрнст Неизвестный писал по этому поводу в перестроечном 1989 году: «Когда-нибудь из архивов достанут картины сегодня проклятых мастеров этого периода и, как Феникс из пепла, из огромного количества дряни возродятся вещи, которые войдут, во всяком случае, в историю социальных отношений, в историю человеческого общества»³⁶.

Никто не спорит, что утверждавшийся нормативно-репрессивный подход, своего рода «кнут», стал способом управления литературой. Но лишь одним. Власти использовали и «пряник». Щедрые финансовые вливания в издательскую деятельность, печать, спецобслуживание писательской элиты, премии, заграничные командировки, почетные звания, обеспечение комфортных условий быта – явление повсеместное. Ответом на лакомую приманку была поддержка писательскими кругами режимов в своих странах. Она выражалась в готовности создавать «понятные народу» произведения в духе официальной советской литературы, безоговорочно следовать указаниям «верхов» о чем, что и как писать.

Изучение воздействия советского фактора в различных сферах общественной жизни Восточной Европы дает основания признать, что он проявлялся как непосредственно – в конкретных «советах» и рекомендациях Москвы, так и опосредованно – путем следования, а подчас и прямого копирования советской модели. В сфере культурной политики именно второй вариант – опосредованного влияния, на мой взгляд, был главным. Но вопрос этот требует дополнительного прояснения, возможного на основе введения в научный оборот новых оригинальных источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Характерный пример – отсутствие в наши дни полноценного архивного фонда И. В. Сталина, его фрагментарность, сознательная дезорганизация хранения материалов. Подробнее см.: *Медведев Ж. А., Медведев Р. А.* Личный архив Сталина – рассекречен или ликвидиро-

ван? // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 21–38; Мальков В. Л. Игра без мяча: социально-психологический контекст советской «атомной дипломатии» (1945–1949) // «Холодная война». 1945–1963: историческая ретроспектива. М., 2003. С. 289.

2 Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в Москве Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 422.

3 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 86.

4 Подробнее см.: Волокитина Т. В. Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: от компромиссов к конфронтации // Сталинское десятилетие «холодной войны». Факты и гипотезы. М., 1999. С. 12.

5 Милибенд Р. Парламентский социализм. Исследование политики лейбористской партии. М., 1964. С. 381–382.

6 Волокитина Т. В. «Холодная война» и социал-демократия в Восточной Европе. Очерки истории. М., 1998. С. 205.

7 Rakowski M. Jak to się stało. Warszawa, 1991. S. 7.

8 Roosevelt E. This I remember... New York, 1949. P. 253.

9 Подробнее см.: Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории. М., 2002; М., 2008 (2-е изд.).

10 См., например: Христова Н. Художествената култура в България след Втората световна война – от европеизация към съветизация // България в сферата на съветските интереси (Българо-руски научни дискусии). София, 1998. С. 208.

11 Подробные сведения о работе секции см.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 5283. Оп. 17. Д. 43. Л. 62.

12 Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 14. Д. 487. Л. 1–2.

13 Там же. Д. 154.

14 Там же. Д. 108 (Албания), Д. 165 (Болгария), Д. 356, 361, 362, 384 (Венгрия), Д. 641, 649, 660, 661, 679 (Польша), Д. 683, 685 (Румыния), Д. 950, 951 (Чехословакия), Д. 1018, 1024, 1031 (Югославия) и др.

15 Там же. Д. 140. Л. 1; Д. 154. Л. 11.

16 Стыкалин А. С. Советский фактор в развитии венгерской культуры (1945 – первая половина 50-х годов) // Власть и интеллигенция. Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы. М., 1993. Вып. 2. С. 18–19.

17 Златева А. «За» и «против» съветския опит в дейността на творческите съюзи в България в края на 40-те и началото на 50-те години //

България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 404.

18 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 575. Оп. 1. Д. 134. Л. 197.

19 Там же. Л. 198.

20 Там же.

21 Там же. Л. 198–200.

22 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Д. 154. Л. 36, 43.

23 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 629. Л. 19–21.

24 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 115. Л. 125; Д. 126. Л. 196–197.

25 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. В 2-х т. М., 1997. Т. 1. 1944–1948. Док. № 267, 269, 272, 274, 289; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. В 2-х т. М., 1999. Т. 1. Док. № 209, 210, 211, 212.

26 Восточная Европа в документах российских архивов... Док. № 269.

27 Советский фактор в Восточной Европе... Док. № 215, 217, 262.

28 Из речта на Вълко Червенков пред събрание на партийната организация при Писателския съюз. София, 28 януари 1949 г. // Архивите говорят. София, 2001. Т. 17; Борби и чистки в БКП (1948–1953). Документи и материали / Съст. проф. д.и.н. Любомир Огнянов. С. 47, 45.

29 Решение № 240 на Секретариата на ЦК на БКП относно предложенията на комисията по обследване на партийната организация на писателите. София, 8 март 1950 г. // Архивите говорят. Т. 17. С. 219.

30 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Д. 90. Л. 2–5.

31 Там же. Д. 152. Л. 12–12 об.

32 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 282. Л. 128; Д. 280. Л. 146–149.

33 *Пономарева Н. Н.* Долгое прощание болгарской литературы с социалистическим реализмом // Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995. С. 177–178.

34 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Д. 487. Л. 15, 17.

35 *Шерлаимова С. А.* Восточная Европа как литературный регион // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. В 2 т. Т. 1. 1945–1960 гг. М., 1995. С. 24.

36 Театр. 1989. № 5. С. 126.

T. V. Volokitina

The Soviet factor in the literary life of Eastern Europe in 1940s

The article dwells upon several peculiarities of the introduction of Soviet cultural model in Eastern Europe, the influence of the Soviet factor over the state and development of the literature of the region during late Stalinism.

Key words: *Soviet cultural model, Soviet factor, socialist realism, literary connections, Unions of Writers*

П. В. Королькова
(Москва)

Мифологическая проза как источник современной чешской литературной сказки (на примере «Словаря нечистой силы» И. Пехи)

В статье на примере «Словаря нечистой силы» чешского писателя Иржи Пехи рассматривается проблема влияния мифологической прозы на современную литературную сказку. Взаимодействие принципов сказки и жанров фольклорной нескказочной прозы (легенды, предания, былички, бывальщины) находит выражение как на уровне заимствования отдельных элементов, так и на уровне глубинного взаимопроникновения жанров, а также в текстах, объединенных рамками одного сборника. Подобное взаимодействие отражает стремление автора представить сказочную действительность как реальность, часть повседневной жизни человека. В этом видится продолжение традиций чешской литературной сказки XX столетия, а также бесспорное влияние на нее фэнтези.

Ключевые слова: *чешская литература, современная литература, Иржи Пеха, литературная (авторская) сказка, фольклорная нескказочная (мифологическая) проза*

Литературная (авторская) сказка – традиционно крайне богатая и разнообразная область в чешской литературе – активно развивается сегодня главным образом на «периферии жанра»¹: растет количество текстов, в рамках которых сказочный канон взаимодействует с канонами других жанров и сфер литературы (фэнтези, научная фантастика, притча, фольклорная нескказочная (мифологическая) проза и др.). В то же время тексты, стилизованные под фольклорный образец и ориентированные на воспроизведение народно-сказочного сюжета, уходят в основном в область детской литературы и составляют меньшинство в области современной чешской авторской сказки.

Многие современные авторы используют в своих сказочных произведениях элементы легенд и преданий, быличек и бывальщин. Однако если «память жанра»² легенды и предания (подобно сказочной «памяти жанра») сохраняется в традиции многочисленных литературных обработок, то «память жанра» былички и бывальщины зачастую осознается рядовым читателем опосредованно, через традицию «страшилок», присутствующую не только в фольклоре, но и в литературе.

Взаимодействие художественных структур фольклорной сказки и фольклорной несказочной прозы уже на раннем этапе отделения сказки от мифа и вплоть до сегодняшнего дня является одним из наиболее распространенных и активных процессов³. Авторская сказка, воспроизводя и переосмысляя элементы «памяти жанра» фольклорной сказки, с одной стороны, впитывает принципы иных жанров, уже ею усвоенных, а потому воспринимаемых как часть ее художественного мира, а с другой стороны, на новом (литературном) уровне бытования вступает с данными жанрами в активный диалог.

В современной чешской литературе существует множество произведений, которые в жанровом отношении представляют собой скорее результат литературного осмысления легенды, предания, былички и бывальщины, но в которых присутствует весьма заметный элемент волшебной сказки; кроме того, в рамках многих современных сборников авторская легенда соседствует со сказкой, быличкой и бывальщиной, вследствие чего определить жанр отдельных произведений, собранных под одной обложкой, оказывается весьма сложной задачей. Ярким примером в этом отношении может послужить «Словарь нечистой силы» (Lexikon strašidel, 2007) современного чешского автора Иржи Пехи (р. 1944), оформленный как энциклопедия, где в алфавитном порядке намеренно наукообразно описаны 40 видов обитающей в Чехии нечистой силы – от Василиска до Упыря.

Каждый раздел содержит детальную характеристику определенного сверхъестественного существа с описанием его нрава, места обитания, черт характера, «рабочего» времени, пристрастий, средств защиты от него и охраны данного вида нечистой силы в современном мире (рубрики «внешний вид», «местообитание», «рабочее время», «увлечения» и т. д.). Так, в разделе об Упыре автор в шутливой форме приводит информацию о том, когда и в каких источниках данный вид нечистой силы упоминается впервые, сколько фильмов ему посвящено, подробно и с энциклопедической точностью описывает творчество Брэма Стокера – автора романа о Дракуле. В конце каждого раздела приводится одна или несколько легенд, пересказанных автором или придуманных по образцу уже существующих, в которых действующим лицом становится данное существо. Некоторые тексты, впрочем, правомернее было бы назвать литературными сказками, поскольку стилистическую доминанту в них составляют носители сказочной «памяти жанра» и диалог с фольклорно-сказочной традицией.

В целом взлет интереса к нечистой силе во многом объясняется интересом современного (и не только чешского) читателя к фэнтези,

потребностью в систематизации предлагаемой сегодня авторами-фантастами информации, общим всплеском интереса к необычному, выражаемым во все более заметном сращении изящной словесности с иными видами искусства (прежде всего кинематографом), компьютерными технологиями и прочими реалиями современной технической эры. В смешении жанров, а также в оформлении книги Пехи как энциклопедии отразилась и присущая современной эпохе потребность в энциклопедических изданиях⁴. В «Словаре нечистой силы» она переосмыслиется в юмористическом духе – в предшествующий период развития чешской литературной сказки (до 1990 г.) мы почти не встречаемся с подобным явлением, по крайней мере в столь явно выраженной форме.

Некоторые тексты из сборника отличаются лаконичностью (1–2 страницы), главное место в них занимает встреча со сверхъестественным существом (например, 4 истории о блуждающих душах – блудичках (чеш. *bludička*)) – такие сюжеты сами по себе могут быть осмыслены в рамках традиции былички, бывальщины и страшилки; в некоторых текстах достоверность события может подтверждаться материальными свидетельствами, что свойственно жанру предания. Однако практически во всех произведениях, составляющих сборник Пехи и близких к легенде, быличке, бывальщине, преданию, присутствуют легко узнаваемые элементы волшебной сказки – отдельные мотивы, сюжетные ходы, традиционные сказочные персонажи и их функции, принципы пространственно-временной организации и т. д.

Так, в повествовании о Василиске писарь Ян, обвиненный в краже сокровищ, спасает город, заставив наводившее ужас на всю округу существо с помощью системы зеркал увидеть собственное отражение и превратив его тем самым в камень. Счастливый конец и мотив награды за пройденные испытания и проявленную смекалку вполне соответствует представлениям о жанре сказки: владелец замка признает Яна невиновным и делает его своим наследником. Похожим образом в сюжете о бабе Яге пространство организовано в соответствии с принципами фольклорной сказки – в нем отчетливо прослеживаются локусы «своего мира» и «условно-географического медиатора» («черный лес за холмом», в котором стоит избушка бабы Яги). Впрочем, на этот раз герой не проходит испытания и соглашается продать дьяволу душу в обмен на богатство (конец, характерный скорее для легенды или бывальщины). Встречаются в книге Пехи и прямые указания на связь со сказочным жанром, свойственные как фольклорной, так и литературной сказке (например, сказка

о ведьме заканчивается словами: «И, как положено в сказках, жили они вместе счастливо до самой смерти»⁵).

Однако в сборнике наравне с легендами и текстами, по форме тяготеющими к быличкам и бывальщинам, присутствуют сказочные произведения «в чистом виде» – например, новеллы о Белой Даме⁶, о драконе, о черте, о ведьме, о русалке и др. В первом случае Белая Дама выступает в роли помощника-дарителя, помогая бедной крестьянской девушке Янинке и награждая ее за проявленную доброту и скромность. В произведении о драконе чародей доктор Юзл, желая взять в жены прекрасную дочь князя Барбору, угрожает, что его дракон уничтожит все княжество; однако умный и находчивый паж Петр убивает волшебника, получает девушку в жены и становится мудрым правителем. Данные тексты ориентированы на воспроизведение канона фольклорной сказки и отчасти легенд, смыкающихся со сказкой.

Важными элементами поэтики произведений, составляющих «Словарь нечистой силы», являются также такие устойчивые элементы преданий, как точное описание места и времени, многочисленные упоминания исторических лиц и событий – например, значимых сражений в чешской истории (осада Вены турками в 1683 г., осада шведами Праги в 1648 г. и т. д.), имен чешских правителей Карла IV, Иржи из Подебрад, Владислава II и др. С подобных упоминаний начинается практически любой текст Пехи вне зависимости от того, тяготеет он в жанровом отношении к сказке, легенде или бывальщине.

В то же время сказка о черте от начала до конца написана в русле традиций «антисказки»⁷ Карела Чапека и Йозефа Лады, но не в русле мифологической прозы. Это единственное произведение, которое не содержит указаний на место и время происходивших событий, а открывается фольклорно-сказочным зачином: «Было – не было, давным-давно жил в аду среди своих коллег черт с поэтическим именем Мащичек»⁸. В целом сюжет сказки Пехи вполне вписывается в канон фольклорных сюжетов об обманутом черте: хитрая крестьянка Милушка загадывает черту загадку, которую он не может отгадать, и черт вынужден стать ее слугой. Однако характеристика положения Мащичека в иерархии чертей, занимающая половину текста, вписывается в традицию Лады и его современных последователей – Яна Тойфеля, Гелены Легечковой, Иржи Кагоуна и многих других. В данном случае, как мы полагаем, автор оказывается под влиянием как традиций фольклорной сказки об одураченном черте, так и традиции чешской «антисказки», героем которой зачастую оказывается черт,

попадающий в комические ситуации и зависимость от человека; именно поэтому тональность сюжета о черте столь сильно отличается от тональности других произведений, составляющих сборник Пехи.

Нечистая сила у Пехи, также в соответствии с традициями современной чешской (и не только) литературной сказки, во многом очеловечена; в отдельных текстах автор заставляет нас сочувствовать не людям, а вымышленным существам, которые оказываются более достойными сострадания и которым вовсе не чужды человеческие свойства. Так, например, русалка Весна, полюбившая рыбака Блажея, готова пожертвовать всем ради него, но герой берет в жены дочь богатого торговца сукном, и русалка превращается в пену. Традиционный сюжет, с которым мы встречаемся не только в сказке Андерсена и философской сказке Оскара Уайльда «Рыбак и его душа», но и в опере знаменитого чешского композитора Антонина Дворжака, становится основой текста современного писателя.

С юмором осмысляет Пеха историю о гноме Вуке, которого родители посылают из далекой Скандинавии на обучение в Чехию. Проказы Вука и его товарищей напоминают поведение непослушных мальчишек, с той лишь разницей, что живут они в сказочном мире: в тесто для волшебных пирогов добавляют песок, в огонь под котлом с грешниками в аду бросают петарды и т. д.

Далеко не во всех произведениях описан непосредственный контакт человека с нечистой силой (как это происходит в быличках и бывальщинах). Так, в сказке о гномах изображен исключительно вымышленный мир – подземное царство, нравы и проблемы его обитателей. Здесь сказочное «двоемирие», как и во многих авторских сказках иных современных чешских писателей, отсутствует, и «память жанра» воссоздается с помощью других носителей – нравственного императива, игровой семантики, а также факультативных носителей⁹, создающих волшебную сказочную атмосферу.

Обращают на себя внимание особенности языка произведений Пехи: в том случае, когда в тексте предлагается шутивное осмысление функции фольклорного персонажа, когда сюжет соответствует скорее жанру литературной сказки, а не легенды, автор может намеренно использовать слова и выражения, характерные для разговорного стиля, или же слова, пришедшие в чешский язык относительно недавно и не соответствующие стилю фольклорных сказок и легенд, а потому вызывающие улыбку у читателя: «Ваше величество, – обращается к королю-гному волшебница, – Вы хорошо знаете, что я

и мои коллеги – существа добропорядочные и толерантные, однако же всему есть границы!.. пугать в таких условиях просто невозможно!»¹⁰ В этом отношении стиль произведений Пехи в значительной мере напоминает язык сказок Чапека, Лады, Вериха и других чешских писателей – классиков чешской литературной «антисказки» XX в. Привычные в повседневном социальном контексте слова и фразы заставляют читателей самых разных возрастов улыбнуться, придают повествованию «достоверность», настраивают сказку на современный лад.

Таким образом, в «Словаре нечистой силы» Иржи Пехи сочетаются элементы и принципы былички, бывальщины, легенды, сказки – как фольклорной, так и литературной (такой ее разновидности, как «антисказка»). Чешский писатель переосмысляет основную функцию фольклорных несказочных жанров – познавательную, ставит их в один ряд со сказкой, изначально ориентированной на вымысел, основная функция которой во все времена была прежде всего эстетической. Это один из самых интересных примеров «жанровой периферии» в современной чешской литературной сказке. «Энциклопедичность», присутствующая в первой части каждой новеллы, резко контрастирует с лирическими, шутивными, подчас драматическими и даже трагическими интонациями второй части, в результате чего внимание читателя не ослабевает на протяжении чтения всей книги, весьма немалой по объему.

Взаимодействие принципов сказки и жанров фольклорной несказочной прозы (легенды, предания, былички, бывальщины) находит выражение как на уровне заимствования отдельных элементов, так и на уровне глубинного взаимопроникновения жанров в области «периферии», а также в текстах, объединенных рамками одного сборника. Пространственная и временная конкретика в чешской литературной сказке, изначально возникающая вследствие переосмысления фольклорно-сказочного канона (принцип «антисказки»), а не в результате взаимодействия с жанрами легенды, предания, былички и бывальщины, в сочетании с появлением все большего количества переосмыслений в художественной структуре жанра заставляет многие тексты, относящиеся к авторской сказке, перемещаться в область «жанровой периферии». Подобная тенденция является весьма устойчивой в современной чешской литературной сказке, данные тексты образуют целый комплекс в области «периферии» жанра.

На рубеже XX–XXI вв. чешские писатели активно используют в своих сказочных произведениях принципы фольклорной несказоч-

ной прозы, видя (а скорее подсознательно ощущая) во взаимодействии этих жанров потенциал для обновления поэтики современной литературной сказки, а также возможности ее функционирования как в области детской литературы, так и в сфере литературы для взрослого читателя. С другой стороны, взаимодействие данных жанров отражает стремление авторов представить сказочную действительность как реальность, часть повседневной жизни человека. Фольклорная «память» о сказочных, а также мифологических персонажах и демонических существах, подобно научному знанию, систематизируется, одновременно подвергаясь пародийному переосмыслению. Фантастический (сказочный) мир предлагается читателю как равноправная часть современной действительности, нуждающаяся в рациональной интерпретации и структуризации, а ощущение присутствия волшебства в реальности рубежа XX–XXI вв., в которой человеческая мысль с трудом успевает за достижениями научно-технического прогресса, оказывается как никогда острым. В этом мы видим продолжение традиций чешской литературной сказки XX столетия, а также бесспорное влияние на нее фэнтези.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Термины «ядро» и «периферия» жанра разработаны в трудах представителей семиотической школы (Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьян и др.). Разнообразные модификации литературной сказки прослеживаются как в области проявления системных жанровых элементов («ядра»), так и в области проявления элементов, отличающихся неустойчивостью, нерегулярностью («жанровой периферии»). «Ядро» формируют тексты, в которых отсутствует активное взаимодействие с иными жанровыми структурами, которое могло бы привести к утрате характерных жанровых признаков. «Периферию» в свою очередь образует комплекс текстов, находящихся на пересечении сказки с другими жанрами; при этом черты других жанров не просто присутствуют в них, но оказывают заметное влияние на их поэтику.

2 Применительно к сказке термин был введен М. Н. Липовецким в трудах: *Липовецкий М. Н.* О чем «помнит» литературная сказка? Семантическое ядро историко-литературных модификаций жанра // Модификация художественных форм в историко-литературном процессе. Свердловск, 1988. С. 5–21; *Он же.* Поэтика литературной сказки / На материале русской литературы 1920–1980-х гг. Свердловск, 1992.

3 Подробнее об этом см.: *Разумова И. А.* Сказка и быличка: (Мифологический персонаж в системе жанра). Петрозаводск, 1993; *Мелетинский Е. М.* От мифа к литературе. Курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика». М., 2001; *Неелов Е. М.* Натурфилософия русской волшебной сказки: Учеб. пособие. Петрозаводск, 1989.

4 Начало чешской традиции «энциклопедий вымышленных существ» положила писательница Витезслава Климтова, издавшая в 1992–1995 гг. трехтомный «Словарь находящихся под угрозой исчезновения духов – лесных, полевых и домашних» (*Lexikon ohrožených druhů strašidel lesních, lučních a domácích*). Огромный успех книг Климтовой привел к появлению в 1998 г. «Призраковедения, или Большого атласа маленьких духов» (*Strašidlopis aneb Velký atlas malých strašidel*) Мирослава Скалы и Милана Зезулы, «Атласа нечистой силы» (*Atlas strašidel*, 2006) Даниелы Кролупперовой и ряда других подобных произведений. Впрочем, тенденцию к ироническому переосмыслению потребности современного человека в четких энциклопедических знаниях, стремление объяснить и структурировать все области знания нельзя назвать уникальной и специфической для чешской литературы. Безусловно, влияние на возникновение подобной тенденции оказала «Книга вымышленных существ» (*El libro de los seres imaginarios*) Хорхе Луиса Борхеса, написанная в 1954 г. (в 1967 и 1969 гг. автор дважды перерабатывал ее), однако на чешском языке опубликованная лишь в 1988 г., а также произведение чешского писателя, поэта, художника, иллюстратора и скульптора Йозефа Вахала «Садик дьявола, или География нечистой силы» (*D'áblova zahrádka aneb Přírodopis strašidel*), опубликованное еще в 1924 г. и переизданное в 1992 г. Схожие описания нечистой силы можно найти в «Бестиарии» (*Bestiariusz*) польского фантаста Анджея Сапковского – части книги «Рукопись, найденная в пещере дракона» (*Rękopis znaleziony w Smoczzej Jaskini*, 2001), в «Фантастической зоологии» (*Zoologia Fantastyczna Uzupełniona*, 1995) Яна Гондовича, пародии «Вся правда о русалках. Полевой определитель» (дословно: «Справочник по эстонским русалкам» – *Eesti näkiliste välimäärja*, 1983) эстонского писателя Энна Ветемаа, в «повести-сказке для научных работников младшего возраста» Аркадия и Бориса Стругацких «Понедельник начинается в субботу» (1965 г.), в конце которой приведено описание различных видов нечистой силы, якобы составленное героем, и др.

5 *Pecha J.* *Lexikon strašidel*. Olomouc, 2007. S. 72.

6 Белая Дама (*Bílá Paní*) – популярный персонаж легенд, быличек и бывальщин (в которых в то же время отчетливо прослеживается влияние фольклорно-сказочной поэтики), чаще всего призрак невинно

умерщвленной хозяйки замка, которая после смерти помогает обиженным и наказывает их обидчиков.

7 «Антисказка» – разновидность литературной сказки, последовательно и существенно переосмысляющей художественный мир народной сказки (помещение в современную реальность, пародирование, доведение до абсурда, буквальное «выворачивание наизнанку»). Данный термин давно используется в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей. См.: *Медриш Д. Н.* Литература и фольклорная традиция: Вопросы поэтики. Саратов, 1980; *Schneeberger I.* Das Kunstmärchen in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. München, 1960; *Pintarić A.* Umjetničke bajke – teorija, pregled i interpretacije. Osijek, 2008; *Šmahelová H.* Návraty a proměny: Literární adaptace lidových pohádek. Praha, 1989; *Genčiová M.* Literatura pro děti a mládež. Praha, 1984. Классиками чешской «антисказки» стали в 1930–1950-е гг. Карел Чапек, Йозеф Лада, Ян Верих и др.

8 *Pecha J.* Lexikon strašidel. S. 96.

9 Носители «памяти жанра» М. Н. Липовецкий делит на *обязательные* («жанровая ситуация» волшебной сказки (ее нравственный императив) и игровая семантика повествовательной структуры – общая игровая атмосфера произведения) и *факультативные* (отдельные элементы сказочной поэтики: мотивы, сюжетно-композиционная организация, система персонажей и их функции, особенности пространственно-временной организации, устойчивые сказочные формулы). Различаются они прежде всего по той роли, которую играют при актуализации жанрового архетипа. Первые удерживают «несущий каркас», «координатную сетку древнего жанрового образа мира» (*Липовецкий М. Н.* О чем «помнит» литературная сказка... С. 20); вторые создают «жанровую атмосферу».

10 *Pecha J.* Lexikon strašidel. S. 275.

P. V. Korol'kova

The mythological prose as a source for contemporary Czech literary tales
(basing on «The Dictionary of Evil Forces» by J. Pecha)

On the basis of «The Dictionary of Evil Forces» by J. Pecha the problem of influence of the mythological prose over the contemporary literary tale is treated. The interrelationships of the principles of tales and folklore non-tale narrative genres (legends, myths and folk non-fairy-tale prose) are expressed not only on the level of loaned elements, but as deep mutual penetration of the genres, as well as in the fact that quite different texts were included into one collection.

Key words: *Czech literature, contemporary literature, Jiří Pecha, literary tale, folk non-fairy-tale prose*

Г. Шуберт
(Йена)

«Тяжесть начала»: строительная жертва в интерпретации Иво Андрича

В статье раскрываются мифологические образы народных баллад, связанные с ритуалами и поверьями при постройке церквей, монастырей, мостов, крепостей, замков, и анализируется их литературное преломление в произведениях Иво Андрича «Мост на Дрине» и «Мост на Жепе».

Ключевые слова: *начало в вере и в жизни, строительная жертва, народные баллады, Иво Андрич, мост и деятельность человека*

Начало имеет чрезвычайно важное значение в жизни человека. Начало определяет то, что последует далее, или, по меньшей мере, влияет на него, как в положительном, так и в отрицательном смысле. Начало может стимулировать движение вперед, но также и стагнацию или упадок. Начало – это одновременно и событие, и процесс (в зависимости от его продолжительности). Множественное число – *начала* – сигнализирует о более длительном процессе, направленном к окончанию. В немецком языке синоним термина *Anfang* (начало) *Beginn* имплицитно включает значение «развитие». Исходя из этого, начало никогда нельзя представлять изолированным. Оно находится в причинной связи и в диалоге как с продолжением, так и с окончанием события, потому что начало предполагает наличие конца, а конец предполагает существование начала. Бесконечным и совершенным является один только Бог; «смерть Бога» по Ницше – это метафора.

Наряду с Богом каждое существо и каждая вещь, даже творение Божие, ограничено и несовершенно. Это прежде всего относится к жизни человека, которому «бытие к смерти», по Хайдеггеру, только дает возможность поиска альтернативного поведения¹.

С другой стороны, всякое начало сопровождается большими ожиданиями: в начале все ново, чисто и свободно для разработки планов. Человек связывает большие надежды с началом: хорошее начало обещает хорошее продолжение; человек в начале не думает о конечности всего бытия, но надеется на успешное окончание своего замысла. Поэтому он предпринимает все возможное, чтобы сделать

начало совершенным и чтобы оградить его от всех опасностей. Это касается начала любого рода во всех областях жизни.

В реальном мире на этих представлениях, среди прочих, основаны строительные ритуалы. Чтобы повлиять на успех строительных работ, повсюду в Европе, в городах известен обычай, по которому перед закладкой фундамента торжественно льют на землю вино или зарывают некий предмет. В деревнях перед постройкой нового дома зарывают в землю голову петуха, деньги или другие символически насыщенные предметы, чтобы будущая жизнь складывалась счастливо². Этот ритуал символизирует принесение жертвы богам, охраняющим жилище. Такие действия особенно важны при строительстве церквей, монастырей, мостов, крепостей, замков или других значимых сооружений. В древности при начале строительных работ нужно было приносить человеческую жертву демонам Иного мира, чтобы предотвратить ущерб от них и обеспечить прочность постройки.

Уже в эпоху неолита в различных частях мира было распространено жертвоприношение, которое заключалось в следующем. При строительстве нового здания человек вторгается в область существа Иного мира. Это воспринимается представителями Иного мира как горделивая заносчивость, которая человеку непозволительна. Чтобы примириться с силами Иного мира, он должен принести жертву. Таким образом человек вступает с ними в контакт и обеспечивает прочность своему творению. Из этого верования следует, что в старое время стены, которые возвышались из недр Матери-Земли, считались святыми и неповторимыми; они были посвящены определенным богам. В качестве жертв богам было принято в фундамент построек замуровывать живых людей или животных³.

Народные предания повествуют о сверхъестественных духах, которые управляют строительством и устойчивостью стен; сюда относятся между прочим и мифы о строительстве стен Иерихона, города Фивы или основ Рима. В аграрных обществах Балкан воспоминание о жертвоприношении при закладке фундамента строений прежде всего сохранено в балладах о строительной жертве.

Баллада о строительной жертве. Как никакое другое предание, баллады о строительной жертве остались в коллективной памяти всех этнических групп Юго-Восточной Европы. Эти баллады распространены в многочисленных вариантах от Кипра и Каппадокии в Малой Азии, во всех странах балканского региона, вплоть до

Трансильвании и Венгрии⁴. Сюжет баллад таков. Начинается строительство значительного сооружения. Тем не менее строители не продвигаются вперед в своей работе: то, что они строят днем, обрушивается ночью. Для решения этой проблемы имеется только единственный способ, о котором сообщает строителям посредница между «этим» и «тем» миром – птица, или же дух реки, голос с неба, старик. Решение проблемы может присниться или показаться в виде определенных знаков. Решение это такое: духи Иного мира требуют человеческой жертвы.

В юго-восточно-европейских балладах строительной жертвой преимущественно является женщина. Жена мастера (иногда самого младшего) должна быть замурована в фундамент сооружения. Только при соблюдении этого условия постройка сможет устоять. Потенциальная жертва, ничего не зная о таком замысле, приходит к месту предстоящих трагических событий, где добровольно позволяет себя замуровать или же ее замуровывают обманным путем. В центре повествования стоит вызывающее ужас описание замуровывания, когда камень за камнем кладется вокруг несчастной женщины (обычно она кормящая мать), до тех пор пока она, наконец, не остается навеки во мраке⁵.

Предполагается, что социальные и культурные обстоятельства балканского патриархата и характерные для него роли полов способствовали тому, что в балладе в большинстве случаев жертвой являлась женщина. Свою роль в этом сыграла и распространенная в аграрной среде матристическая традиция, отношение к земле как к матери (известный культ земли как богини-матери). В центре этой традиции лежит представление, что земля – это Мать. Земля родит, производит и воспроизводит, питает и защищает, и в то же время она и принимает все в себя. В этом контексте замуровывание женщины понимается как возврат женственной жертвы в недра Матери-земли, что должно обеспечить постройке прочность.

В отличие от описанных баллад о замуровывании женщины, в боснийских строительных балладах при закладке здания жертвуются близнецы, девочка *Стоя* и мальчик *Остоя*⁶. Одна из самых известных песен, в которой сообщается об этом, называется «Zidanje ćurije u Višegradu» (Строительство моста в Вышеграде):

В этой песне Махмуд-паша решает построить мост над Дриной и отправляет мастера Митара в Вышеград, чтобы тот нанял 300 мастеров и 1000 подмастерьев для строительства моста. Митар объ-

ясняет паше, что для этого необходимы огромные средства. Махмуд-паша обещает обеспечить строительство всем необходимым. В Вышеград Митар скачет верхом и там заводит коня в воды Дрины, чтобы получить первое впечатление от реки. Вдруг конь останавливается и не двигается с места. Митар вешает ему на шею амулет паши Махмуда. Конь выпрыгивает на берег; вдруг появляется русалка (*вила*), она собирается утопить Митара и его коня. Митар вступает с ней в борьбу и хочет отсечь ей голову, но она заключает с ним союз и обещает помочь ему в строительстве моста. Митар строит мост семь лет, но все, что он строит днем, рушится ночью. Махмуд-паша напоминает ему об обещании русалки, но Митар узнает, что ее сестры запретили ей помогать. Вила советует ему, чтобы он нашел близнецов с именами *Стоја* и *Остоја* и замуровал их в мост. Митар следует совету, и мост достраивают. На девятый год река Дрина становится беспокойной и бурной, и паша опять должен платить дань, чтобы ее успокоить⁷.

Строительная баллада и жертва при постройке в интерпретации Иво Андрича. Мотив моста обладал для Андрича особым притяжением. Его привлекал смысл моста как уникального создания разума и рук человека. В эссе «Мосты» (1933) он пишет следующее:

Од свега што човек у животном нагону подиже и гради, ништа није у мојим очима боље и вредније од мостова. Они су важнији од кућа, светији, општији од храма. Свачији и према сваком једнаки, корисни, подигнути увек смислени, на месту на коме се укрштава највећи број људских потреба, истрајнији су од других грађевина и не служе ничем што је тајно и зло⁸.

Из всего, что человек способен возвести и соорудить, нет ничего лучше и ценнее мостов. Они важнее, чем дома; они более святы, чем церкви, потому что сильнее объединяют; они принадлежат всем и всем в равной мере приносят пользу; они воздвигаются именно в тех местах, где сходится множество человеческих потребностей; они долговечнее других строений и никогда не служат какой-то скрытой или злой цели.

С этой точки зрения специфический боснийский вариант строительной баллады, безусловно, мотивировал Андрича в его литературном творчестве. Баллада служила ему отправной точкой для написания романа, но изображенное им далеко превосходит ее содержание. Мост

находится в центре повествования в двух его произведениях: романе «Мост на Дрине» (1945), за который писатель получил в 1961 г. Нобелевскую премию по литературе, и в рассказе «Мост на Жепе» (1925).

«Мост на Дрине». Роман описывает исторический период, охватывающий около четырех веков – начиная со времени расцвета Османской империи, когда территория вдоль Дрины входила в ее состав, и до начала XX в., когда в 1914 г. произошло Сараевское убийство, ставшее поводом для начала Первой мировой войны. Автор в 24 эпизодах изображает реальные исторические события региона; в повествовании переплетаются легенды и предания, сказки и мифы, родившиеся в этой среде. Мост в романе – интегрирующий центр и в то же время немой свидетель событий. Мост, к тому же, – не только сюжетный, но и смысловой, поэтически возвышенный центр романа.

Роман начинается с подробного географического описания Вышеградской местности и реально существующего, созданного по воле реальной исторической личности моста, который находится недалеко от границы между Боснией-Герцеговиной и Сербией и представляет собой одно из выдающихся сооружений османской архитектуры. О строительстве моста в народе бытует предание, которое Андрич передает следующим образом:

Знали дети также и то, что русалка, хозяйка реки, воспротивилась строительству моста, как спокон веков противятся неведомые силы всякому строительству, – и ночью рушила воздвигнутое днем. Так продолжалось до тех пор, пока Раде Строителю не был голос из воды и не дал ему совет сыскать двух новорожденных близнецов, брата и сестру, Стою и Остою, и замуровать их в средние опорные быки. Тотчас же по всей Боснии начались поиски близнецов. Тому, кто их найдет и доставит зодчему, назначена была награда⁹.

Далее автор сообщает следующее. Люди отправляются на поиски и находят новорожденных близнецов Стою и Остою; но их мать не может расстаться с ними и идет с ними к мосту. Младенцев замуровывают в фундамент, но Раде Строитель, по преданию, сжалившись над матерью, оставляет отверстия в опорных столбах, через которые несчастная может кормить грудью своих принесенных в жертву детей. Напоминая об этих трагических событиях, материнское молоко много веков течет по стенам моста.

Андрич воспроизводит устное предание о строительной жертве, но сразу его демифологизирует и противопоставляет его трезвой, материалистически ориентированной современности:

Соскабливая эти молочные потеки с опорных столбов, люди продают полученный порошок как целебное средство не имеющим молока родильницам.

Мифическое, однако, у Андрича предстает как недостоверное, услышанное как детский рассказ. Литературная критика представляет связь мифического с реальным в этом романе как характерную черту литературного мастерства Андрича¹⁰.

И все же это правильно лишь отчасти, так как связь между мифологическим и реальным не органична. Ядро мифа не просто адаптируется к измененным временным и контекстуальным фактам. В сказание о строительной жертве Андрич, как в фольгу, оборачивает «истинную» историю строительства моста, «тяжесть» начала и жертвоприношение.

Можно согласиться с мнением Клоси, полагавшего, что Андрич в изображении жертвы «избавляется» от мифического: «Кто знает варианты баллады о строительной жертве в записи Караджича или других собирателей фольклора, без сомнения разочаруется в сухом изображении Андрича. У него ничего не говорится ни о необходимости и трагичности хтонического пожертвования, ни о темной поэзии мифа, даже нет указания на то, что здесь речь идет об очень старом мотиве; он словно пересказывает древние мифы Греции в сказочной форме»¹¹.

В романе Иво Андрича мы становимся свидетелями строительных работ гораздо более сложных, проблематичных и мучительных по сравнению с описанными в балладе. Строительство моста является весьма длительным и болезненным процессом, который требует много жертв и плодит скорбь. Оно становится поэтическим воплощением исторической трагедии Боснии, отразившейся в судьбе великого визиря. Работы по строительству начинаются во второй главе романа и завершаются в четвертой главе.

В начале романа рассказывается о том, как в 1516 г. десятилетний мальчик из деревни Соколовичи прибывает в Стамбул, чтобы стать янычаром и получить соответствующее воспитание. Мальчик поднимается в Османской империи до звания великого визиря. Под именем Махмуд-паша Соколович живет в роскоши и с годами

многое забывает, но не забывает, откуда он родом; воспоминание о родине вызывает у него боль в груди. Чтобы избавиться от этой боли, он заказывает строительство моста в Вышеграде – для собственной славы, а также и в дар жителям Вышеграда. Это огромный проект, потому как через Дрину ходят только три парома, которые часто не могут преодолеть течение бурной реки. Обширные подготовительные работы предшествуют началу строительства. Махмуд-паша путешествует с толпой рабочих, архитекторов и рабов в Вышеград. Вскоре после этого прибывают мастера Абид-ага и Тосун Еффенди. Главный мастер Абид-ага – бессовестный и жестокий подстрекатель, который сеет страх не только среди христиан, но и среди турок. Огромные леса вокруг вырубаются; Абид-ага безжалостно принуждает христиан из близкой и дальней окрестности к непосильному труду. А того, кто отказывается, ждет ужасная судьба: его повесят на специально сооруженном для этого помосте или обезглавят.

Вот уже третья осень пошла, как народ батрачит на строительстве, но ничто не говорит о том, что оно подвинулось вперед, и ничто не предвещает конца этому бедствию. Глубокая осень стоит на дворе; листья опали, хлюпает под ногами грязь на размытых дождями дорогах, Дрина поднялась и замутилась, на голой стерне полно отяжелевших ворон. [...] Абид-ага разъярен, он ненавидит весь свет за то, что дни убывают, а работы на строительстве подвигаются не так быстро, как бы он хотел.

Пригнанные на принудительные работы христиане не знают, что делать дальше, и в отчаянии решают под руководством крестьянина Радисава противостоять строительству и разрушать ночью то, что было построено днем. В этом случае строительству препятствуют не силы Иного мира, а поработанные христиане, которые защищаются от произвола и насилия оттоманских носителей команды. Здесь Андрич снова возвращается к балладе о жертвоприношении и использует его мотивы для осознанной подсказки планам Радисава:

Так в первые осенние дни разнесся слух, сначала среди рабочих, а потом и по городу, будто речная русалка вмешалась в эту людскую затею с мостом и ночью рушит построенное днем и что из этого строительства ничего не выйдет. И в самом деле, в это же время ночью на строительстве стали происходить непонятные порчи запруд и даже каменной кладки. Инструменты, до сих пор остав-

ляемые рабочими на крайних столбах, начали исчезать бесследно, а земляные насыпи обваливаться и осыпаться. Слух о том, что мост не может быть поставлен, неудержимо ширился, его распространяли и турки и христиане, и вскоре он принял характер непоколебимой убежденности.

Но, тем не менее, Андрич комментирует этот процесс, дистанцируясь:

Народ с легкостью выдумывает небылицы и тут же пускает их в ход, и при этом реальность неотделимым и непостижимым образом переплетается и перемешивается с вымыслом.

Дистанция становится еще более ощутимой в описании жестокой судьбы душевнобольной и глухой девушки, живущей в деревне над Вышеградом. Забеременев, она рождает мертвых близнецов. Люди ее убеждают в том, что ее детей замуровали в фундамент моста, и она в отчаянии идет к стройплощадке и там ищет своих детей. Миф и реальность в этой сцене словно соревнуются друг с другом и вызывают несказанную скорбь:

Люди смотрели на нее в недоумении или гнали прочь, чтобы она не мешала работать. Видя, что ее не понимают, она распахивала грубую крестьянскую рубаху и показывала свои груди, болезненно набухшие, с потрескавшимися, сочащимися кровью сосками от неумеренного прилива молока. Никто не знал, как ей помочь и втолковать, что дети ее не замурованы в мост; на все уговоры и ласковые уверения, на ругательства и угрозы она отвечала жалобным мычанием и недоверчивым, подозрительным взглядом обшаривала все углы. В конце концов, ее оставили в покое, позволив ей бродить по строительству и обходя ее с глубоким состраданием. Повара соскребали ей со дна котла подгоревшую мамалыгу, которой кормили работников. [...] Так она и осталась жить безобидной дурочкой при строительстве. С ней прижилось и поверье о том, что турки замуровали в мост младенцев. Кто верил в него, кто не верил, но все пересказывали и передавали дальше.

Абид-ага не верит ни в слухи, ни в рассказы о русалке. Он приказывает найти виновников разрушения моста. Радисав арестован и подвергается жестоким пыткам. Рабочих и весь город заставляют присутствовать на зверском спектакле: цыган Мердчан прижимает

раскаленные цепи к груди Радисава и щипцами вырывает ему ногти на ногах. После этого его огораживают кольями и оставляют в вертикальном положении. Его труп должен быть брошен собакам на съедение, но несколько христиан подкупают палача и погребают Радисава тайком на берегу Дрины.

Андрич детально описывает самопожертвование Радисава ради строительства моста, которое напоминает о распятии Христа, во всех фазах страдания, чтобы в конце повествования прийти к его мифическому пониманию. Радисав как мученик становится центром нового мифа:

Сербские женщины с Мейдана рассказывали, будто вилы схоронили тело несчастного Радисава под Бутковыми скалами и будто ночью яркое сияние льется с неба на его могилу – это горят мерцающим светом тысячи и тысячи свечей, протянувшихся длинной вереницей от неба до земли. Они сами видели сквозь слезы.

После этих расправ заканчиваются и злодеяния Абид-аги. Великий визирь получает сведения о его жестоком отношении к рабочим и хищении средств, предоставленных для строительства. Абид-ага выслан и заменен Ариф-бегом. К концу третьего года строительные работы забирают последнюю жертву – рвется канат, опора моста падает и придавливает помощника мастера каменотеса Антонию, разделяя его тело надвое. Нижняя половина тела мертвеца навсегда остается между колонной и основанием; верхняя часть торжественно погребается.

Через пять лет напряженного труда чудо человеческого мастерства, мост на Дрине, окончен: это каменный мост с одиннадцатью арками, длиной в двести пятьдесят шагов. Красота моста превосходит все ожидания и всё, что жители Вышеграда когда-нибудь видели:

Многие спускались вниз по реке, до Калаты или Мезалина – до них было полчаса ходу, и оттуда любовались мостом с его одиннадцатью арками разной величины, легкой белой арабеской повисшим между мрачными утесами над зеленой водой.

С тех пор средняя часть моста – ворота – становится центром жизни в Вышеграде.

Мост в произведении Андрича – самое яркое выражение человеческого стремления к совершенству, изначально, по разным причи-

нам, связанного с большими жертвами. Сверхчеловеческие усилия – вот цена создания моста, мастерства архитектуры. Художественное послание Андрича далеко превосходит микрокосм Вышеграда, а также смысл народной строительной баллады. Его послание касается макрокосма и человеческого поведения в целом: человек должен нести и преодолеть «тяжесть начала», она и ведет к завершению дела.

Мост как символ прочности и вечности в дальнейшем ходе романа между тем противопоставляется реальности, конечности человеческой жизни и всему преходящему в мире. Вскоре после завершения моста совершают покушение на жизнь Махмуд-паши Соколовича, и в 1914 г., в борьбе между австро-венгерскими и сербскими войсками, мост обстреливают из гаубиц. Вначале мост выдерживает, но потом, перед отступлением, австрийцы взрывают седьмой опорный столб моста. Обрушивается пролет между шестым и восьмым столбами.

Иво Андрич в своем романе убедительно описал цель творческого начала в жизни человека, которую ставит и самому себе:

Уверен сам да је већина од нас од почетка ударила себи сувише мален и сувише близ цель, и да је више и боље могла од онога што је желела да удари и постигне. Желите много, тежите смело и далеко и високо, јер високи циљеви откривају и умного стручавај у снаге у нама¹².

Я уверен, что большинство из нас вначале ставят перед собой слишком малую и слишком близкую цель, и что могли бы достигнуть большего и лучшего, чем поставили и хотели достигнуть. Желай много, стремись смело вперед, далеко и высоко, так как высокие цели открывают и умножают в нас силы.

«**Мост на Жепе**». Рассказ был издан в 1925 г. Критики единогласно хвалят это короткое, но очень яркое произведение. Андрич и в этом произведении исследует «тяжесть начала» применительно к строительству моста.

В эпилоге, в котором рассказчик отходит от прежнего аукториального повествования, он говорит о себе в третьем лице, сообщая и о том, как и когда решил записать этот рассказ:

Человек, рассказывающий эту легенду, был первым, кому вздумалось разузнать о происхождении безымянного моста. Однажды под вечер, усталый, он возвращался с гор и присел возле каменного парапета отдохнуть. Стояли жаркие летние дни и прохладные ночи.

Прислонившись спиной к плитам моста, человек ощутил ласковую теплоту дня, которую сохранил камень. Человек вспотел, с Дрины тянуло холодным ветерком, и странно поразило его прикосновение нагретого солнцем обтесанного камня. Человек и камень сразу поняли друг друга. И человек тогда же решил написать его историю¹³.

Это соприкосновение рассказчика с теплотой камня дает почувствовать преходящий характер рассказа, с другой же стороны, оно окрыляет его воображение и вызывает в нем желание оживить историю начала этого моста и описать участвовавших в его строительстве людей.

Рассказчик сообщает о судьбе двух личностей: великого визиря Юсуфа и неизвестного, таинственного итальянца, зодчего в Османской империи. Визирь, по происхождению из Боснии, вследствие интриги попал в немилость и сидел в тюрьме. В это время он начал думать о своей жизни и о родине, откуда его девятилетним мальчиком увезли в Стамбул. Уже здесь соотношение между успехом и жертвой рассматривается как сложное и неоднозначное.

После того, как Юсуф благополучно вернулся из заточения, он решает возвести мост на Жепе и поручает построение моста зодчему, «согбенному и седоволосому, но лицом румяному и моложавому». Зодчий, который строительство моста считает главной задачей своей жизни, не хочет жить ни в Вышеграде, ни в одном из православных домов над Жепой, а строит для себя хижину на высокой скале. Там он ведет аскетическую жизнь, работая днем и ночью. Существенная часть работ уже закончена, как вдруг в горах начался ливень, и вода вышла из берегов. Уже готовая плотина и дамба рушатся. Здесь автор лишь кратко упоминает миф о жертвоприношении, но не приводит дальнейших подробностей:

Среди рабочих и в народе пронесся слух: не потерпит Жепа на себе моста.

Несмотря на это, зодчий не сдается и продолжает работать, чтобы завершить строительство. Работы были приостановлены только зимой. Строители разошлись по домам, но зодчий остается зимовать в своей хижине, где «в шапке из медвежьей шкуры на голове, заматанный весь до горла», синими от холода руками выводит чертежи и расчеты.

В день святого Георгия строители возвращаются, и работы продолжают. К середине лета строительство завершено.

И вот из сети свай и балок возник мост – строгий, белый, изогнутой аркой перекинувшийся через реку. Самая прихотливая фантазия не могла представить себе, что в этом диком и разоренном захолустье появится такое чудесное сооружение. [...] Взор не мог налюбоваться гармонией продуманных и легких выгнутых линий, казалось бы, нечаянно зацепившихся в полете за острые мрачные скалы, обвитые ломоносом и виноградом, и при первом же дуновении ветерка грозивших вспорхнуть и исчезнуть.

Читатель мог бы ожидать, что зодчий отпразднует свой успех, но он рассчитывается с рабочими и, даже не оглянувшись, отправляется назад, в Стамбул. Он получил лишь четверть положенного ему вознаграждения. Жители деревни распространяют слухи, что зодчий – сверхъестественное существо. Между тем зодчий продолжает свой путь и заболевает чумой. Из последних сил он добирается до Стамбула и попадает в больницу итальянских францисканцев, где испускает дух на руках одного их монахов.

Визиря извещают о смерти зодчего и передают ему расчеты и чертежи нового моста. После долгих размышлений он приказывает разделить оставшуюся часть гонорара зодчего, которую жертвует больнице и бедным. Он впадает в депрессию, постоянно спрашивает себя, в чем заключается смысл человеческой жизни. В этом состоянии он читает мостовую надпись, которую ему предлагает молодой духовный наставник из Стамбула:

Когда Добрая Власть и Благородное Искусство
Протягивают руки друг другу,
Рождается такой прекрасный мост
На радость подданным и во славу Юсуфа
Во веки веков.

Под надписью поставлена печать визиря с текстом: «Юсуф Ибрахим, преданный раб божий» и написан его девиз: «В молчании – надежность».

Визирь долго размышляет о тексте и, наконец, перечеркивает стихи вероучителя, печать и девиз. Таким образом, мост остается безымянным.

Андрич и в этом рассказе развивает свои взгляды на творчество и жертву. Зодчий изображает творческого, креативного человека: он живет ради создания и создает ради жизни. Высоких целей нельзя

достичь без жертвы, без самопожертвования, несмотря на знание того, что и успех пройдет. Не случайно и зодчего, и великого визири Андрич оставляет без следов воспоминания: они поняли сущность жизни и необходимость покорности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ср: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8065/%D0%91%D0%AB%D0%A2%D0%98%D0%95.

2 См., например: *Çabej E.* Sitten und Bräuche der Albaner// Südost-Forschungen. XXV. München, 1966. S. 333–387.

3 См.: *Klusemann K.* Das Bauopfer. Eine ethnographisch-prähistorisch-linguistische Studie. Graz-Hamburg, 1919; *Megas G. A.* Die Ballade von der Arta-Brücke. Thessaloniki, 1976. P. 13; *Зеленин Д. К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов //Избранные труды. Статьи по духовной культуре, 1934–1954. М., 2004. С. 145–175.

4 Ср.: *Vargyas L.* Researches into the Mediaeval History of Folk Ballad. Budapest, 1967. P. 174.

5 Более подробно см.: *Schubert G.* Mythos und Realität in südosteuropäischen Balladen vom Bauopfer // Zeitschrift für Balkanologie 38 (2002). 1/2. S. 79–90.

6 Эти имена соотносятся с глаголом *стоять* и, следовательно, символизируют стабильность.

7 Опубликовано в: *Buturović Đ.* Antologija bošnjačke usmeneerpike. Sarajevo, 1997. С. 115–120.

8 *Andrić I.* Staze, Lica, Predeli. Beograd, 2004. S. 63.

9 Все цитаты взяты с сайта: http://www.e-reading.link/chapter.php/71942/1/Andrich_-_Most_na_Drine.html

10 См.: *Klosi A.* Mythologieam Werk: Kazantzakis, Andrić, Kadaré. Eine vergleichende Untersuchung am besonderen Beispiel des Bauopfermotivs. München, 1991. S. 71.

11 *Ibid.* S. 74.

12 *Андрић И.* Знакови поред пута. Београд, 2004. С. 245–246.

13 Все цитаты взяты из русского перевода: *Андрич Иво.* Пытка. Избранная проза (Серия «Библиотека славянской литературы»). М., 2000 (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=266272)

G. Schubert

«The heavy beginning»: Walling up as interpreted by Ivo Andrić

The article analyses the mythical images in the folk ballads that are connected to the rites and beliefs around building of churches, monasteries, bridges, fortresses, castles and focuses on their literary reflection in «The Bridge on the Drina» and «The Bridge on the Žepa» by Ivo Andrić.

Key words: *beginning in life and in beliefs, walling up, folk ballads, Ivo Andrić, bridges and human activities*

Т. А. Агапкина
(Москва)

Сисиниева легенда в фольклорной традиции Южной Славии

Статья посвящена рассмотрению устных пересказов, этиологических легенд и заговоров, известных в фольклоре южных славян, которые в большей или меньшей степени могут быть отнесены к сюжету Сисиниевой молитвы, получившей широкое распространение в том числе в южнославянской рукописной традиции.

Ключевые слова: *Сисиниева легенда, заговоры, фольклор, молитва, южные славяне, этимологическая легенда*

Название «Сисиниева легенда» (или «Сисиниева молитва») используется для обозначения широкого круга преимущественно магических текстов, один из персонажей которых носит имя Сисиний (и его варианты). Сисиниева легенда (далее – СЛ) бытовала в греческой (византийской), славянской, еврейской, коптской, эфиопской, арабской, сирийской, арамейской, армянской и румынской традициях. Ее основная установка – защитить мать (роженицу) и новорожденного от злых сил. Наибольший интерес у исследователей СЛ (а ей посвящена огромная литература) традиционно вызвали такие проблемы, как происхождение легенды, соотношение основных ее сюжетных типов (молитвы св. Сисиния и молитвы архангела Михаила от вештицы), взаимодействие иконографии и текста, связь СЛ с мифологическими верованиями отдельных народов и нек. др. На этом фоне проблема фольклоризации СЛ, ее вхождения в устную традицию, в частности славянских народов, затрагивалась нечасто. Поскольку ранее мы уже писали о фольклоризации восточнославянской версии СЛ (см.: Агапкина 2010: 534–565), то в данном случае мы остановимся на особенностях этого процесса в южнославянской традиции.

Вообще же вопрос о взаимосвязях апокрифических Сисиниевых молитв с фольклорной традицией и верованиями Южной Славии имеет по крайней мере две стороны. В течение XI–XIX вв., когда переводные списки СЛ распространялись по южнославянским землям, молитва впитывала в себя множество местных народных верований, тем и мотивов, мифологических имен и т.д., все сильнее удаляясь

от греческого оригинала, с которого была переведена, и все сильнее сближаясь с местными мифологическими рассказами и верованиями о ведьмах, так называемых вештицах. С другой стороны, очевидно, что имел место и обратный процесс, а именно переход рукописной СЛ в устную традицию, хотя у южных славян подобный переход, по общему мнению, не был массовым явлением. (Поиск переключек и параллелей между древнеславянской книжностью и средневековой литературой, с одной стороны, и балканским фольклором и заговорами в частности, с другой, определяет пафос ряда работ болгарской исследовательницы Д. Петкановой, см.: Петканова 1978; 1991.)

Казалось бы естественным предполагать, что наибольшее количество переключек между Сисиниевыми молитвами и южнославянским фольклором обнаружится в сфере магической поэзии. Оказалось, однако, что это совсем не так. Известны лишь отдельные заговоры, имеющие параллели с Сисиниевыми молитвами, но эти заговоры довольно значительно отстоят от апокрифической молитвы.

Среди сербских заговоров находятся «наследники» молитвы архангела Михаила от вештицы. Сюжет подобных заговоров от вештиц таков: сакральный персонаж встречает по пути множествовил и вештиц; святой ловит и связывает их, намереваясь наказать; вештицы обещают быть ему полезными; святой отказывается, а завершает заговор формула невозможного типа «когда вы пересчитаете песок в море, тогда будете мне полезными / сможете навредить» (Раденковић 1982, № 55, 57–59). Близость этих устных заговоров к апокрифическим молитвам проявляется на разных уровнях: их функции («от вештиц», см. для сравнения название апокрифической молитвы – «Молитва с҃аго архан҃гла Михаила ѿ морѣ и вештици и ѿ вира и ветѣра юже ꙗ(с) ва дьне и ва нощи»), сюжета в целом (встреча святого с демоном; диалог между ними; победа святого над демоном, которого он одолевает или изгоняет), отдельных мотивов (связывание вештиц, погружение их на дно моря или реки: «на дно мора сишле, па отуд не изишле» [на дно моря спустились, оттуда не вышли]), а также деталей, среди которых – упоминание о множестве вештиц (называющих себя «племенем» или «семенем»), описание их ужасающей внешности и мн. др.

Переключки с молитвой архангела Михаила от вештицы обнаруживаются в болгарских заговорах от детского ночного плача, правда, здесь их несравненно меньше, чем в сербских. Приведем основную часть одного такого заговора:

Тръгнъле съ сидимдисе і седем вери злини: авреїци, латинци, изедници, испивници, истровници, пулонишници, самудившници... па срешнаа (името), та му сърце испиѣ, тѣ му джигер испиѣ, тѣ му жили испиатѣ му мозък испиа, тѣ гу ф болес удари, тѣ гу фѣф бълвоч удари, тѣ гу ф страх удари, тѣ гу плашѣт, тѣ му сѣн ни давѣт дѣ заспи. Па викнѣ дете отроче дѣ плаче. Кѣ гу зачу Бужа маїкѣ Бугроїцѣ и свити главен Гѣорги, па ште отроче дѣ запитѣт: «Шту викаш, (името), шту плачиш сѣс глас ду небе, сѣс сѣлди ду земе?» «Кѣк дѣ ни викѣм, кѣк дѣ ни плачѣ? Срешнаа мѣ сидимдисе і седем вери злини: авреїци, латинци, изедници, испивници, истровници, пулонишници, самудившници... тѣ ми сърце испиѣ, тѣ ми джигер испиѣ...» «Иі (името), ни викаі дѣ плачиш, ами иди дѣ седниш нѣ маїкѣ ти нѣ скутѣ, тѣ имѣ жена петупрѣстѣ, тѣ знаа дѣ баа. Да извикате сѣс биле дѣ баа, да а изба...

[Пошли семьдесят и семь злых вер: евреи, латинцы, изъедницы, испивници, истровници, полуночницы, самодившницы... и встретили (имярек), да сердце его выпили, да печень его выпили, да желчь выпили, да из-под ложечки выпили, да кровь его выпили, да жилы его выпили, да мозг его выпили, да в болезнь бросили, да рвоту вызвали, да в страх бросили, да пугают его, да не дают сном забыться. Тогда закричало дитя отроче и заплакало. И услышали его Матерь Божья Богородица и святой главный Георгий и стали отрока спрашивать: «Почему кричишь, (имярек), почему ты плачешь голосом до неба, слезами до земли?» – «Как мне не кричать, как мне не плакать? Встретили меня семьдесят и семь злых вер: евреи, латинцы, изъедницы, испивници, истровници, полуночницы, самодившницы... и сердце у меня выпили, и печень у меня выпили...» – «Эй (имярек), не кричи, не плачь, а иди сядь на колени к своей матери, ведь есть женщина пятипалая, она умеет заговаривать. Позовите ее, пусть с травами заговорит и зашепчет <...>] (СБНУ 1893/9: 138 = Амроян 2012, №235; близкий вариант заговора: СБНУ 1900/16-17/2: 264–265 = Амроян 2012, № 236).

При всей «удаленности» этого заговора от Сисиниевой молитвы нельзя не заметить и параллелей между ними, к каковым относятся: общая ситуация, связанная с причинением вреда ребенку, конкретные детали, напоминающие о действиях вештицы и моры в СЛ: «злые веры» «выпивают» ребенку сердце (*тѣ ми сърце испиѣ*); множество (77 и 77 с половиной) злых сил (названных «верами» и напоминающих сонм вештиц из апокрифической молитвы); наконец, то,

что среди их имен есть те, что по своей форме близки мифонимам вештиц из СЛ (*истровници, испивници, пулонииници*).

В другом болгарском заговоре (в нем действуют *девет сестре Ерменке*, которые мучают рожениц) обнаруживается иная переключка: каждую из демониц называют особым «симптоматическим» именем: «първа – куца, втора – слепа, трета – нема, четвърта – глуха, пета – зъбата, шеста – носата, седма – гърбата, осма – кривоврата, девета – кривоуста» (Раденковић 1996: 203–204), что также напоминает СЛ.

Что касается молитвы св. Сисиния, то на сегодняшний день нам известен единственный болгарский заговор (несколько раз републикованный), который максимально близок ей. В примечании к публикации редактор издания 1893 г. указывал, что этот заговор читается над женщиной, у которой умирают («не держатся») дети. На месте св. Сисиния в заговоре выступает св. Георгий, на месте Мелетины – святая Мария (Богородица?), а на месте вештицы – «сѣтуницѣ-вечерница»; слово «сѣтуницѣ» объясняется через слово «сатана» (в тексте заговора она и называется «сѣтунѣ»); таким образом, на месте вештицы оказывается «сатана – вечерняя звезда». Приведем фрагмент этого заговора (в переводе И.Ф. Амроян):

«Пошел святой Георгий, пошел через поля и межи, пошел к сестре своей Марии, <а день был> дождливый и холодный. А святая Мария недавно родила, и вот святой Георгий пошел и постучался у ворот: – Сестра Мария, встань, открой мне! – Братец Георгий, не могу сейчас тебе открыть, я родила дитя, может прийти звезда-вечерница и забрать у меня ребенка. – Не бойся, сестра Мария, я влашским ножом ее зарежу, конем ее растопчу. – Братец Георгий, она притворится просыным зернышком, спрячется в сбрую коня, придет и дитя возьмет – мы его больше не увидим. – Не бойся, сестра Мария, пока я здесь, ничего не бойся! И встала она, и открыла, а когда вернулась, то увидела, что ребенка нет в его постельке. Вернулась она к брату и сказала: – Братец Георгий, ведь говорила же я тебе, что придет вечерница и украдет его. Святой Георгий съел георгиевскую <деланную в Георгиев день> брынзу и ушел искать ребенка. <По дороге он встретил ежевику, явор и маслину, указавших ему путь, и наконец нашел младенца.> Прошел он еще немного и дошел до моря, закричал он вечернице, чтобы она остановилась посреди моря. Потом он подошел к ней и сказал: – Вечерница, выплунь младенчика! – Как я его выплуну, – отвечает, – попробуй ты

выплюнуть материнское молоко, тогда и я выплуну младенчика. А так как он съел перед этим георгиевской брынзы, то он его и выплюнул на руку и сказал: – Вечерница, я вот выплюнул материнское молоко, выплунь и ты сейчас младенчика! Тогда и она выплунула младенчика святому Георгию на руки и сказала: – Возьми его и отнеси своей сестре Марии, позовите бабу-знахарку, пусть сорвет траву полуночную и пусть ему пошепчет, потому что у него мослы разбиты, кровь выпита. Пусть заговоры пошепчет с травой полуночной, чтобы кровью его наполнить, кости и мослы ему поправить» (СБНУ 1893/7, № 7: 139–140, Перуштица, ныне в Пловдивском крае, центр юж. Болгарии; = БНМ 1999: 205, № 475 = Амроян 2012, № 257).

(Этот заговор записан там же, где и приведенный выше текст о «злых верах», и опубликован в том же издании; поэтому, вероятно, неслучайно, что в обоих заговорах действуют именно Богородица и св. Георгий.)

Лишь на первый взгляд этот заговор представляет собой простой и довольно близкий пересказ Сисиниевой молитвы, дополненный традиционной для болгарских заговоров заключительной фразой (пусть придет знахарка и полечит больного). На самом деле процесс фольклоризации затронул молитву достаточно глубоко. Остановимся на двух, на наш взгляд, определяющих моментах.

Основное изменение касается состава действующих лиц. Включение в заговор святой Марии (вместо Мелетины, которая фигурирует в рукописной молитве) приводит к тому, что сюжет о причинении вреда младенцу (в данном случае сыну Марии) внутренне смещается в сторону евангельских событий. В итоге попытка причинения вреда младенцу (т.е. Иисусу) оканчивается поражением сатаны, и в контексте заговорной традиции это событие приобретает характер прецедента, многократно усиливаемого участием в происходящем сакральных персонажей. Что же касается святого Георгия, занявшего место святого Сисиния (оба они воины и оба всадники), то такая замена тоже неслучайна, учитывая, что святой Георгий – один из самых «сильных» и популярных святых у южных славян, а день его памяти – весенний Георгиев день – по масштабам празднования значительно превосходит Пасху. Благодаря введению в сюжет заговора этих персонажей и апелляции всей ситуации к эпизодам, связанным с рождением Христа (бегство, избиение младенцев, спасение), созданный прецедент распространяется на всех матерей и их младенцев, над которыми этот заговор мог бы читаться.

«Втягивание» пересказов Сисиниевой молитвы в круг нарративов о рождении Христа и о его преследовании затрагивает довольно широкий корпус устных произведений (в том числе легенд) на сюжет Сисиниевой молитвы, и в них место Мелетины (матери похищенных дьяволом младенцев) всегда занимает Богородица. Так, в легенде, записанной на юго-востоке Болгарии, действуют Богородица и ее брат святой Сисой. В ней рассказывается о том, что, когда Богородица родила Христа, дьявол украл у нее ребенка и спрятался под хвостом лошади. Богородица отправилась его искать и встретила по дороге вербу, которая скрыла от Богородицы правду; Богородица прокляла вербу, сказав, что та будет цвести, но никогда не даст плодов. В то же время олива помогла Богородице и получила ее благословение, отчего теперь ее плоды носят в церковь и раздают там. Брат Богородицы св. Сисой поймал дьявола, перевернул его головой вниз и заставил выплюнуть младенца Христа, после чего связал дьявола и снова бросил его в море (Сакар 2002: 241, примеч. 51).

Второй момент, на котором хотелось бы заострить внимание, связан с требованием к св. Георгию выплюнуть материнское молоко. Ответом на требование сатаны – вечерней звезды фактически является плутовство св. Георгия: он лишь имитирует действие, которого от него добивается дьявол, тем самым обманывая последнего (выплевывая остатки молодого «георгиевского» сыра вместо выпитого им в детстве материнского молока). В целом этот эпизод выпадает из стилистики апокрифической молитвы и скорее вписывается в сюжетную стратегию сказок о смекалистом человеке, обманывающем дьявола/черта (сказки о одураченном черте, АТУ 1000–1199).

Южным славянам известны также устные версии Сисиниевой легенды, не имеющие магического назначения¹. Такие народные легенды можно встретить в болгарской, македонской, сербской и хорватской традициях, и они не остались незамеченными специалистами. В статье «Saint Sisinnius in the twilight zone of oral literature» М. Детелич проанализировала молитвы св. Сисиния, сравнив их с поздними устными легендами и сказками, взяв в качестве примеров молитву св. Сисиния XVII в.², восточносербскую сказку «Святая Петка и дьявол» и далматинскую легенду³ (Detelić 2001). Добавим к этому еще несколько нарративов на сюжет СЛ. В итоге при сравнении известных нам вариантов складывается следующая картина.

Сербская сказка (Чажкановић 1927, № 167, с. 404–405), при удержании повествования в целом в рамках апокрифического сюжета молитвы св. Сисиния, тем не менее радикально меняет тот же эпизод,

что и в рассмотренном выше болгарском заговоре от сатаны – вечерней звезды, а именно избавляется от чудесного. Вместо того чтобы уповать на чудо, которое должно помочь брату (его зовут Крстивой) спасти похищенных дьяволом троих сыновей его сестры (по имени Крстана), сказка «выводит» навстречу брату св. Петку, которая, услышав его плач и выслушав его рассказ, предлагает выход – подоить ее правую грудь и представить дьяволу это молоко как выполненное молоко его матери. Крстивой так и поступает, что вынуждает дьявола выполнить и свою часть договора, а именно вернуть детей; отпущенный дьявол зарекается вредить ему.

К. Вроцлавски в 1984 г. опубликовал записанную им в 1968 г. македонскую легенду о св. Сисое (Сисој) и его сестре Милентине⁴, у которой дьявол похитил сначала 11 детей, а затем и 12-го. Этот македонский текст представляет собой классическую народную легенду (близкий пересказ апокрифической молитвы, с сохранением таких деталей, как самоизоляция Милетины; буря, во время которой св. Сисой приходит к дому своей сестры; превращение дьявола в пылинку, спрятанную в гриве коня св. Сисоя, и мн. др.). В отличие от сказочных и полусказочных переделок, о которых речь шла выше, в македонской легенде сохраняется мотив чуда, ниспосланного Богом, участием которого св. Сисою удается выплунуть молоко матери и тем самым заставить дьявола вернуть детей. Вместе с тем легенда несколько «обмирщена» и адаптирована к реалиям жизни – св. Сисой выступает не только как святой-помощник, а и как дядя (дядя по матери, *вујко*) возвращенных дьяволом детей: он одевает их, таким образом возвращая им человеческий облик и подготавливая к возвращению домой: «си њ облече, си њ спрема човекот, овај вујко...» (Вроцлавски 1984: 302).

В книге Г. Минчева опубликована (в переводе на польский язык) легенда-молитва, записанная К. Михайловой в Болгарии (с. Славеево в окр. Ивайловграда). Она очень близка македонской и в деталях, и по ее жанровой принадлежности, хотя, судя по сведениям, полученным от информантки, легенда была известна ей по массовому изданию популярных народных молитв, содержавшему, по-видимому, помимо легенды, еще и Сон Богородицы и потому называвшемуся соответственно. Как и в македонской, в этой легенде основные изменения затронули конец сюжета: св. Сисой не ограничивается тем, что наказывает дьяволу никогда и никому не причинять вреда, а привязывает ему камень на шею и бросает в море (после чего, как сообщает легенда, дьявол сильно присмирел) (Minczew 2003: 134–137). Заметим,

что подобная концовка – отправление дьявола в бездну (правда, без такой «практической» детали, как камень на шее) – имеется и в поздних списках рукописной молитвы св. Сисиния.

Наконец, еще один текст – это записанный в Далмации текст о св. Сисуле и его сестре Милеве (ZNŽO 1905/10/1: 137–138, Далмация). В нем (сохраняющем основные эпизоды рукописной молитвы св. Сисиния) святой Сисуль обращается к Божьей Матери, чтобы та помогла ему выbleвать молоко матери и тем самым вернуть троих детей его сестре Милеве; Божья Матерь помогает ему в этом, и дьявол вынужден вернуть детей. Однако далее этот далматинский нарратив являет слушателю чудо в ином его понимании: дьявол возвращает детей, однако они мертвы; на землю нисходит Божья Матерь, оmyвает детей, одевает их в свои одежды и забирает с собой на небеса; св. Сисуль четвертует дьявола и забрасывает его в море, после чего отправляется к Милеве, чтобы рассказать ей, что Божья Матерь взяла ее детей под свое крыло.

Таким образом, сопоставив эти фольклорные переложения легенды о св. Сисинии и его сестре Мелетине – болгарскую полусказку-полузаговор, сербскую сказку «Святая Петка и дьявол», македонскую устную легенду, болгарский пересказ полукнижной-полународной молитвы, далматинский христианский нарратив и нек. др. тексты, – можно увидеть, что происходит с апокрифической Сисиниевой молитвой при ее попадании в фольклорную традицию. Есть общие и очевидные изменения – сюжет в большей или меньшей степени упрощается, текст укорачивается, теряются отдельные его детали (нет упоминания о братьях св. Сисиния; в большинстве случаев сокращается количество рожденных детей), сюжет подвергается адаптации и «прагматизируется»: периодически упоминается о том, что Мелетина была замужней женщиной, – чтобы «объяснить» наличие у нее детей; в текстах отсутствует упоминание о башне, в которую Мелетина заключила себя, а остается лишь упоминание о доме, как в поздних – XIX века – списках СЛ; прежде чем вернуть детей Мелетине, Сисой одевает их; чтобы утопить дьявола, ему на шею привязывают камень, и т.д. Уход от жанра апокрифической молитвы приводит к тому, что выпадает важнейший ее эпизод – выпытывание у демона его имен. Простой нарратив, в который превращается молитва, завершается кульминацией – поражением дьявола и возвращением детей, но никаких дополнительных «функций» у подобных фольклорных текстов нет (за исключением болгарской сказки-заговора).

Суммируя сказанное в отношении фольклорных переложений сюжета Сисиниевой молитвы и их различий между собой, можно с уверенностью утверждать: особенности этих устных текстов обусловлены их жанровой природой, точнее, той или иной системой смысловых и функциональных доминант, в которую оказывается инкорпорирован апокрифический сюжет – будь то заговор, сказка, легенда или христианский нарратив.

Процесс фольклоризации Сисиниевой легенды затронул не только ее сюжет в целом. Изменения, связанные с переходом легенды в устную традицию, более всего заметны в отдельных ее эпизодах, и прежде всего в рассказе о встрече святого с деревьями. Напомню, что святой Сисиний, который преследует дьявола, похитившего ребенка его сестры Мелетины, встречается на своем пути несколько деревьев, которым он задает один и тот же вопрос, а именно – видели ли это дерево «дьявола бежащего, отрока в зубах носящего». Первые деревья обманывают святого, говоря, что никого не видели, за что святой проклинает их, а последние – подсказывают ему, где найти дьявола, похитившего ребенка, за что святой благословляет их.

Заметим сразу, что в самой СЛ, в ее списках XIII–XIX вв., количество деревьев, с которыми ведет диалог св. Сисиний, колеблется от двух (в самых поздних ее списках) до четырех. В самом раннем списке (в Сборнике попа Драголя XIII в.) речь идет о трех деревьях (вербе, ежевике и оливе), позже, по мере развития самой рукописной молитвы, она увеличивает количество деревьев до четырех, стремясь, как нам кажется, сбалансировать количество «плохих» и «хороших» деревьев: за этим можно усмотреть стремление уравновесить добро и зло (и не дать дьяволу одержать хоть и маленькую, но победу, что вполне отвечает пафосу молитвы) и в конечном счете уравнивать количество благословенных и проклятых деревьев в мире.

В устной традиции эпизод с деревьями меняется, но в некотором смысле в направлении, обратном тому, как он менялся в рукописной традиции. Если в последней преобладают четыре дерева, то в устной фиксируется либо три, либо два.

Что касается перехода к трем деревьям, то, на наш взгляд, он обусловлен обращением сюжета к фольклорной троичности. Обычно в устных нарративах на два плохих, проклятых дерева приходится одно благословенное, как в македонской легенде, где св. Сисой обретаает осину и вербу на бесплодие: «Дрво јасиково... висока многу да растиш, род да немаш... Дрво фрбово... да шириш многу, сенка да држи, плод да немаш» [Дерево осиновое... пусть ты вырастешь

очень высоким, но не будешь иметь плодов... Дерево вербовое... пусть ты будешь расти вширь и будешь давать густую тень, но не будешь иметь плодов] и благословляет оливковое дерево: «Дрво маслиново... бласоена да си... цел народ да те јаит. И во храмот божен да служи» [Дерево оливковое... пусть ты будешь благословенно... весь народ пусть ест тебя (твои плоды). И пусть ты служишь в храме Божиим] (Вроцлавски 1984: 300–302). Так же и в легендах из Странджи Богородица или посланный ею св. Сисиний идут искать украденного вештицей или дьяволом новорожденного Христа и спрашивают по очереди осину, вербу и оливу, не видели ли они ее Сына. Первые два дерева скрывают правду, за что Богородица наказывает их бесплодием, а олива, раскрывшая ей правду, получает благословение (Странджа 1996: 223).

Еще чаще при попадании сюжета в устную традицию он максимально упрощается, и тогда вместо трех или четырех деревьев в легенде появляется всего два – «плохое» и «хорошее». Болгарская легенда рассказывает о том, что у святого Сисоя была сестра Мелетия. Дьявол удушил всех ее детей, обманом украл последнего ее ребенка и убежал. Святой Сисой отправился на его поиски. Когда он проходил мимо вербы, спросил, не видела ли она дьявола, несущего в устах ребенка. Но верба обманула его, и он ее проклял: «Дрво фърбово, цафток да имаш, а плот да не вържеш» [Дерево вербовое, пусть ты будешь цвести, но плода ты не завяжешь!] Потом святой Сисой увидел маслину и спросил ее, не видела ли она дьявола. Она ответила, что тот спрятался с младенцем в морской глубине. Тогда святой благословил ее плод, чтобы ее масло в церкви освещало Бога (Ангелова 1948: 138, Самоковско = БНПП 1983/7: 202; в благословении оливы, видимо, имеется в виду использование елдя для лампад и под.).

При такой переработке в устной этимологической легенде речь практически всегда идет о вербе и об оливковом дереве, которое благословляют не только тем, что его масло будет использовано в церкви, но также плодovitостью, практической пользой и т. д.: «О моја маслино света, од тебе болја маст него од икакве стокe и благословљена била!» [О моя святая олива, пусть от тебя будет лучше масло, чем от какой бы ни было скотины, и пусть ты будешь благословенна!] (ZNŽO 1905/10 1: 137–138, далматинская легенда); «Да Бог да да рода родиш и да бес твога рода нико не може живети» [Пусть, Бог даст, ты будешь приносить плоды и без твоих плодов никто не сможет жить] (Чајкановић 1927, № 167, сербская сказка) и т.п.

Что касается вербы, то этимологические легенды о ее проклятии весьма популярны в южнославянской традиции, и многие из них прямо или косвенно, но восходят к сюжету Сисиниевой легенды: в них вербу наказывают всегда одним и тем же, а именно бесплодием. Так, македонцы считали вербу деревом, проклятым Богом за ее лживость, связывали ее с дьяволом и потому называли *ѓаволска врба*, и потому, например, избегали вешать на ней качели ко дню св. Георгия и использовать растущее дерево в других общественных целях. О связи вербы и дьявола они говорили следующее: «И верба проклята. Одна женщина родила девять детей... Дьявол их взял... Господь рассердился и проклял вербу: “Доныне ты рожала/плодоносила, а отныне будешь цвести, но не плодоносить”. С тех пор от вербы никакого проку нет. Ни огня от нее, только цветет, но не плодоносит» (Вражиновски 2006: 132). Боснийцы Височской Нахии объясняли, что верба трухлява изнутри, поскольку в нее попала стрела св. Сисоя, когда он стрелял в Сатану; святой проклял ее (потому она не дает плодов), а оливу благословил (Филиповић 1949: 200). О сербской редакции этой легенды (юнак проклинает вербу, спрятавшую дьявола, который преследует новорожденного младенца) упоминает В. Чайканович (Чайкановић 1985: 70).

Помимо количества деревьев, фольклорная традиция меняет и смысловые акценты этого эпизода по сравнению с рукописной Сисиниевой легендой. Иногда это касается общей тональности диалога святого с деревьями, в котором все деревья выступают помощниками святого и в итоге получают его благословение. В болгарском заговоре-нарративе из окрестностей Пловдива святой Георгий встречает на своем пути ежевику: она показывает ему дорогу, по которой прошел дьявол с младенцем. Напомним, что в рукописных молитвах ежевика всегда (!) выступает противником святого и скрывает от него правду, за что святой проклинает ежевику, обещая, что там, где у нее корень, там будет и верхушка (у растущей в том числе по каменистым склонам ежевики ветки могут цепляться за землю и даже вращаться в нее)⁵. В противовес этому в устном заговоре-нарративе то же самое (по своему содержанию) проклятие звучит как ее благословение. Святой говорит: «Ежевика... Будь же ты благословенна: если у корня тебя срубят, верхушкой прорастешь!» (СБНУ 1893/7, № 7: 139–140). Тем самым это свойство ежевики оценивается не как ее «ненормальность» (в отличии от других, обычных деревьев и кустарников), а как дарованная ей свыше уникальность, которая обеспечивает ей выживаемость и неприхотливость.

* * *

Этиологические легенды, объясняющие происхождение деревьев и кустарников, а чаще – происхождение отдельных их свойств и особенностей (будь то твердость древесины, колебание листьев, глубина отбрасываемой тени, сладость или отсутствие полезных плодов и т. д.), широко известны в разных этнокультурных традициях. Среди них значительное место занимают легенды, объясняющие эти свойства деревьев вмешательством высших сил. Одни деревья они благословляют и награждают их какими-либо замечательными качествами в благодарность за оказанную помощь, другие, напротив, наказывают за неоказание таковой, за причиненный вольно или невольно вред – тем, что наделяют деревья свойствами неприятными, вызывающими отторжение, приводящими к тому, что дерево оказывается в своего рода изоляции (в рамках местного дендрария), его избегают использовать в культурных целях и т.д. О проклятии и благословении растений написано и сказано немало (из общих работ, активно использовавших южнославянский материал, см.: Вранска 1940: 135–145; Усачева 2010). Значительная часть таких этиологических легенд составляет сюжет ATU 779 «Miscellaneous Divine Rewards and Punishment»⁶.

Подобные этиологические легенды приложимы практически ко всем деревьям и кустарникам, а также ко многим другим растениям и, видимо, составляют тот фон, на котором Сисиниева легенда вошла в южнославянскую традицию. В результате возникли, если так можно выразиться, два «встречных течения». С одной стороны, это была переводная (с греческого) Сисиниева молитва. Напомним, что греческая версия Сисиниевой легенды уже включала в свой состав подобные этиологические мотивы, касающиеся благословения и проклятия деревьев и кустарников. Можно с уверенностью полагать, что эти мотивы в греческой (византийской) версии Сисиниевой молитвы в свою очередь восходили к этиологическим мотивам греческого фольклора (во всяком случае, в других традициях, где были известны Сисиниевы молитвы, – в арамейской, коптской и эфиопской, подобных вставных этиологических мотивов нет). На южнославянской почве эта переводная апокрифическая молитва встретила с другим «течением» – с местными этиологическими легендами, объяснявшими отдельные свойства растений вмешательством и волей сакральных персонажей (часто именно Богородицы, как это показала Ц. Вранска).

При соприкосновении этих двух «течений» – переводной молитвы и устных легенд – они наложились друг на друга, результатом

чего стало постепенное взаимопротекание этиологических мотивов. Этим, по-видимому, можно объяснить тот факт, что в устной традиции широкое распространение получил именно фрагмент о благословении и проклятии деревьев, выделившийся в отдельный нарратив, в то время как сюжет Сисиниевой легенды выполнял обычно функцию «рамки» для этого этиологического нарратива.

Вместе с тем, несмотря на то, что этиологический фрагмент Сисиниевой легенды во многом напоминает народные этиологические легенды о проклятии и благословении деревьев⁷, он четко подчинен замыслу рукописной молитвы и филигранно встроен в ее сюжет, что указывает на его известную «самостоятельность». Обратим внимание и на то, что в устных этиологических легендах нам до сих пор неизвестны мотивы, в которых дерево наказывалось бы за то, что не указало путь святому, – именно этот мотив был, по-видимому, не фольклорным, а скорее «оригинальным», возникшим в рамках самой Сисиниевой легенды.

И последнее. Фольклорные пересказы и переработки на сюжет Сисиниевой легенды, о которых выше шла речь, важны не только сами по себе или как пример фольклоризации рукописных текстов при переходе их в устную традицию, но также и тем, что дают основание для расширения потенциальной «географии» самой Сисиниевой легенды на южнославянской территории. Наличие фольклорных пересказов и переделок легендарного характера, а также соответствующих устных заговоров указывает на то, что списки Сисиниевой легенды могли быть известны значительно шире территорий центральной и западной Южной Славии, откуда происходит большинство списков южнославянской версии СЛ, а именно в восточносербских, болгарских и македонских землях.

Вместе с тем нельзя исключать и того, что определенную роль в распространении Сисиниевой легенды на этих восточнобалканских территориях сыграли популярные и массовые издания народных молитв, выполнявшие в том числе функцию амулета. О популярных сербских «народных» книжечках типа «Сан Матере Божје», включавшей в том числе и легенду о св. Сисиние и выблевывании материнского молока, говорит в комментариях к соответствующей сербской сказке «Дьявол и св. Петка» В. Чайканович (Чайкановић 1927: 546). Г. Минчев упоминает о том, что в низовой болгарской культуре конца XIX – начала XX в. получили хождение массовые издания народных молитв, и приводит названия и содержание некоторых из таких брошюр (неоднократно издававшихся в это время в типогра-

фиях Вены, Свиштова, Пловдива, Софии), в которых публиковалась в том числе и молитва «Чудеса св. Сисоя», хотя сам текст молитвы он не приводит (Minczew 2003: 126–127). «Чудеса св. Сисоя» – это название румынской апокрифической молитвы, повторяющей по содержанию молитву св. Сисиния и издававшейся в Бухаресте по-румынски также в виде небольших брошюр, но только несколько раньше, в 1860–1870 гг.⁸ С учетом того, что молитва св. Сисиния была известна в Румынии (в том числе и на церковнославянском), мы затрудняемся ответить на вопрос о том, каков мог путь распространения этой апокрифической молитвы в ее поздних (XIX – начала XX в.) вариантах, устных и печатных, славянских и румынских, хотя очевидно, что на этом этапе южнославянские и румынские версии могли пересекаться, и молитва могла быть переведена с румынского на болгарский и сербский (или наоборот) и в таком виде попасть в массовые издания начала XX в., а уже оттуда, возможно, и в устную традицию.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Агапкина 2010 – *Агапкина Т.А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М., 2010.

Амроян 2012 – *Амроян И.Ф.* Сборник болгарских народных лечебных заговоров. М., 2012.

Ангелова 1948 – *Ангелова Р.* Село Радуил. Народопис и говор // Известия на семинара по славянска филология при Университета в София. София, 1948. Т. 8–9.

БНМ – Българска народна медицина. Енциклопедия / Ред. М. Георгиев. София, 1999.

БНПП 1983/7 – Българска народна поезия и проза. София, 1981–1983. Т. 1–7.

Вражиновски 2006 – *Вражиновски Т.* Македонска народна Библија. Библиски мотиви во народната традиција. Скопје, 2006.

Вранска 1940 – *Вранска Цв.* Апокрифите за Богородица и българската народна песень // Сборник на Българската академия на науките. София, 1940, кн. 34. С. 1–208.

Вроцлавски 1984 – *Вроцлавски К.* Македонскиот народен раскажувач Димо Стенкоски. Скопје, 1984.

Ђорђевић 1953 – *Ђорђевић Т.* Вештица и вила у нашем народном веровању и предању // Српски етнографски зборник. Београд, 1953. Књ. 67. С. 5–55.

Карановић 2014 – *Карановић З. Ој купино, свиндукињо, суво дрвце силовито* – значење и функција купине у традиционалној култури срба и словена // *Биље у традиционалној култури Срба*. Нови Сад, 2014.

Петканова 1978 – *Петканова Д.* Апокрифна литература и фолклор. Софија, 1978.

Петканова 1991 – *Петканова Д.* Средновековната литература како извор за балкански фолклор // *Старобугарска литература*. 1991. Кн. 25–26. С. 85–89.

Раденковић 1982 – *Раденковић Љ.* Народне басме и бајања. Ниш; Приштина; Крагујевац, 1982.

Раденковић 1996 – *Раденковић Љ.* Народна бајања код Јужних Словена. Београд, 1996.

Сакар 2002 – Сакар. Етнографско, фолклорно и езиково истраживање. Софија, 2002.

СБНУ – Сборник за народни умотворења, наука и книжнина. Софија, 1889–. Кн. 1–.

Страндџа 1996 – Страндџа. Материјална и духовна култура. Софија, 1996.

СУС – Сравнителни указатељ сюжета. Восточнославјанска сказка / Сост. Л.Г. Бараг и др. Л., 1979.

Усачева 1999 – *Усачева В.В.* Ежевика // *Славјанске древности*. Етнолингвистички речник. М., 1999. Т. 2. С. 180–181.

Усачева 2010 – *Усачева В.В.* Судба благословених и проклетих дрвца у традиционалној култури славјана // *Етноботаника: растенија у језику и култури* / Отв. ред. В.Б. Колосова. СПб., 2010. С. 130–163.

Филиповић 1949 – *Филиповић М.* Живот и обичаји народни у Височкој нахији // *Српски етнографски зборник*. Београд, 1949. Књ. 61.

Цонев 2 – *Цонев Б.* Опис на славјанските рѣкописи во Софијската народна библиотека. Софија, 1923. Т. 2.

Чајкановић 1927 – *Чајкановић В.* Српске народне приповетке. 1 // *Српски етнографски зборник*. Београд, 1927. Књ. 41. Српске народне умотворине, књ. 1.

Чајкановић 1985 – *Чајкановић В.* Речник српских народних веровања о билькама. Београд, 1985.

ATU – *Uther H.-J.* The types of international folktales. A classification and bibliography. Parts I–III. Helsinki, 2004.

Detelić 2001 – *Detelić M.* Saint Sisinnius in the twilight zone of oral literature // *Studia Mythologica Slavica*. 2001. N 4. S. 225–240.

Gaster 1900 – *Gaster M.* Two Thousand Years of a Charm against the Child-Stealing Witch // *Folklore*. 1900. Vol. 11. P. 129–162.

Häsdeŭ 1879 – *Petriceicu-Häsdeŭ B. Cărțile poporane ale Românilor in secolul XVI in legatură cu literatură poporana cea nescrisă. București, 1879.*

Minczew 2003 – *Minczew G. Święta księga – ikona – obrzęd. Teksty kanoniczne i pseudokanoniczne a ich funkcjonowanie w sztuce sakralnej i folklorze prawosławnych Słowian na Bałkanach. Łódź, 2003.*

Wrocławski 1978 – *Wrocławski K. Analiza porównawcza bałkańskiej legendy o świętym Sisoie (Sisiniju) // Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1978. Ser. V. S. 357–366.*

ZNŽO – Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В южнославянской мифологической прозе встречаются тексты хотя и не восходящие к Сисиниевой молитве, однако отдельными деталями и даже эпизодами удивительным образом перекликающиеся с ней, что указывает на органичность сюжета СЛ для всей южнославянской традиции, его глубокую укорененность в ней. Такова, в частности, следующая боснийская быличка:

В семье Стевании и Мујо было 20 детей, но все они очень рано умирали. И вот Стевания должна была родить 21-го. Муж уехал на мельницу ночью молоть муку, а она родила мальчика – крепкого, красивого. И вот ночью внезапно открылись двери и в них проникло нечто похожее на курицу, которая тут же налетела на ребенка; Стевания попыталась схватить ее и почувствовала, что схватила человеческую руку, как бы вырастающую из курицы. Раздался голос, попросивший отпустить его, в котором она узнала голос мужа, она начала кричать и ругать его за то, что он делает с их детьми. Наутро муж вернулся с поцарапанной рукой, женщина заставила его признаться в том, что он – вештац и погубил всех детей. На следующий день они позвали священника, которому Мујо признался в том, кто он, и поклялся никогда больше не творить бед. Мальчик остался жив, и Стевания родила еще двоих дочерей (Ђорђевић 1953: 54–55).

2 Видимо, автор имеет в виду список молитвы из рукописи серб. ред.: Часослов XVII в., Народная б-ка Кирилла и Мефодия в Софии, сигн. 631 (102), опубликованный в: (Цонев 2: 149–151).

3 Автор включает в сравнение также румынскую молитву «Чудеса св. Сисоя».

4 Зап. в окр. Охрида в 1968 г., публ. македонского оригинала: Wrocławski 1984; исследование сюжета: Wrocławski 1978.

5 О символике ежевики см.: Усачева 1999; Карановић 2014.

6 Хотя в описании самого сюжетного типа отмечено, что награда и наказание распространяются на лиц, без упоминания животных и растений. По тому же принципу построена соответствующая статья в СУС.

7 В том числе тем, что деревья благословляются и проклинаются в устной и рукописной традиции одним и тем же – верба тем, что бесплодна, олива – тем, что служит церкви; впрочем, надо иметь в виду, что подобные мотивы, объясняющие появление отдельных свойств растений, широко известны в целом в европейском фольклоре и являются едва ли не универсальными.

8 Ее румынское название «Minunile Sfintului Sisoie» (текст опубликован в т.ч. в: Hășdeu 1879: 283–291, в примечании). Молитва приводится Хашдеу по публикации, вышедшей в Бухаресте в 1878 г. (это была небольшая 16-страничная брошюра в 16-ю долю); в ней в качестве деревьев, которых встречает святой Сисой, фигурируют ива (salcie), куст (gugul), клен (paltin) и олива (maslina). Фактически ту же молитву, восходящую к Часослову XVII в. (рук. 631 Народной б-ки Кирилла и Мефодия), в которой упоминаются те же четыре растения (верба, ежевика, явор и олива), приводит М. Гастер в работе 1900 г. в переводе на английский язык, указывая, что она взята из румынской рукописи середины XIX в. Молитва использовалась как амулет, о чем свидетельствует ее название и указание на то, как следует применять такой амулет: «The prayer of the Holy Sisoie for the little children who are killed by the Devil. This is to be placed in the cradle of the child and then the Devil will not come near it» (Gaster 1900: 139).

T. A. Agapkina

Sisinnius' legend in South Slavic folklore tradition

The author focuses on South Slavic oral retelling, etiological legends and charms, that may be connected to Sisinnius' prayer. This prayer was widely spread in South Slavic manuscripts as well.

Key words: *Sisinnius' prayer, charms, folklore, prayer, South Slavs, etiological legend*

В. С. Ефимова
(Москва)

К определению статуса несколькословных наименований лиц в старославянских текстах

Статья посвящена проблеме выявления в старославянских текстах несколькословных наименований лиц, представляющих собой лексические единицы. Автор полагает, что основанием для отграничения несколькословных единиц-обозначений от единиц-описаний является не их конвенциональность и устойчивость в языковом узусе, а функция номинации одного лингвистического концепта.

Ключевые слова: *старославянский язык, древнеславянское письменное наследие*

Функцию номинации выполняют не только слова (то есть однословные наименования), но и наименования несколькословные. При изучении лексического инвентаря первого литературного языка славян (который далее мы будем называть «старославянским», не отрицая возможности именовать его также «древнеболгарским литературным») исследователь сталкивается и с однословными наименованиями, и – хотя и реже – с несколькословными. В тех случаях, когда несколькословные наименования представляют собой лексические единицы¹, они должны бы быть зафиксированы старославянскими словарями – наравне с однословными наименованиями (то есть словами). Действительно, некоторые старославянские несколькословные номинации находят отражение в лексикографической практике, однако не столько на каких-либо теоретических основаниях, сколько благодаря огромному опыту и интуиции лексикографов. Таким образом, чем ближе к нашему времени была проделана лексикогра-

---

Статья написана в рамках работ по проекту сотрудничества Института славяноведения РАН и Кирилло-Мефодиевского научного центра БАН «Лингвистические и текстологические исследования древнейших славянских списков Ветхого Завета». Автор приносит также глубокую благодарность чешским коллегам за возможность пользоваться материалами Греческо-старославянской картотеки, хранящейся в Славянском институте АН ЧР, особенно доктору Эмилиии Благовой за консультации и помощь в интерпретации языкового материала.

фическая работа, чем «свежее» издание словаря или его выпусков, тем больше шансов найти в нем старославянские несколькословные наименования, приписанные, как правило, к словарным статьям на соответствующие опорные слова².

Тем не менее лингвисты-палеослависты на несколькословные наименования внимания почти не обращают. Хотя о необходимости изучения старославянских несколькословных номинаций мы и ранее писали неоднократно, до недавнего времени из палеославистических работ можно было назвать, кажется, только работы Н. Николова, пытавшегося рассматривать несколькословные наименования в древнеболгарском языке в качестве устойчивых словосочетаний³. И лишь в последние годы автор данной статьи вместе с болгарской коллегой В. Желязковой начала исследования старославянских несколькословных номинаций лиц⁴.

Как известно, некоторая часть старославянских текстов сохранилась в «классических» старославянских рукописях, бóльшая же их часть дошла до нашего времени только в более поздних списках. Поскольку эти списки восходят к старославянским протографам, мы изучаем несколькословные наименования как по текстам «классических» старославянских рукописей (древнеболгарских рукописей X–XI вв.), так и, руководствуясь определенными принципами⁵, по старославянским текстам в более поздних списках. Среди последних особенно важны для нас списки Апостола и Ветхого Завета, текст которых в «классических» старославянских рукописях представлен лишь очень небольшими отрывками или цитатами⁶.

В данной статье мы остановимся на проблеме выявления в старославянских текстах несколькословных наименований лиц, представляющих собой лексические единицы. Специфика языкового материала древних текстов делает поставленную задачу непростой во многих отношениях. Следует отметить, что встречающиеся в старославянских текстах несколькословные наименования лиц разнообразны по своим типам. Имеют они также и разную «степень спаянности». В некоторых случаях на степень спаянности влияют отношения опорных слов с зависимыми словами. В первую очередь это касается несколькословных наименований, имеющих в качестве опорных слов слова с глагольной семантикой. То есть в таких случаях степень спаянности в какой-то мере зависит от отношений либо свободной связи, либо сохранения сильного глагольного управления. (Ср., например, несколькословные наименования *женанъ сѧ подъзѣгоуѧ* и *ходанъ въ тѣмѣ: καὶ ὁ ἀπολελυμένῃν γαμῶν μοιχᾶται*⁷ – *и женанъ сѧ*

подъѣгоѡ прѣлюбѣ творѣтъ . Мт 19:9 в Мар, Ас; καὶ ὁ περιπατῶν ἐν τῇ σκοτίᾳ οὐκ οἶδεν ποῦ ὑπάγει – и ходан въ тьмѣ не вѣстѣ камо ѡдетѣ . И 12:35 в Зогр, Мар, Ас)⁸. Самым необходимым, однако, на данном этапе исследований является решение вопроса: на каком основании мы можем считать несколькословное наименование (независимо от его типа и степени спаянности) единицей старославянского лексического инвентаря?

В свое время в статье о разноструктурных единицах номинации Е. С. Кубрякова противопоставила единицы-обозначения, которые фиксируются словарями, и единицы-описания (аналитические дескрипции)⁹. Используя эту терминологию, задачу уточнения словарного состава старославянского языка можно сформулировать следующим образом: мы должны выявить в старославянских текстах несколькословные наименования-обозначения (постольку, поскольку они, наряду с однословными наименованиями, представляют собой единицы старославянского лексического инвентаря) и отграничить их от единиц-описаний (аналитических дескрипций), которые единицами лексического инвентаря не являются.

Несколькословные наименования в современных европейских языках («multi-word lexemes», «phrasal lexemes», «phrasal names») становились предметом внимания в ряде работ представителей разных школ и направлений¹⁰. В поле зрения исследователей при этом попадают в первую очередь устойчивые словосочетания («fixed expressions») – с разной степенью устойчивости, в том числе и идиомы (фразеологизмы). И считается, что именно конвенциональность в языковом узусе таких наименований служит основанием считать их единицами лексического инвентаря. (Ср.: «Phrases used as names are often conventional expressions, and hence lexical units»¹¹.)

Обращение к языковому материалу древнейших славянских текстов заставляет усомниться в том, что для выявления в них несколькословных наименований-обозначений (т. е. словарных единиц, единиц лексического инвентаря) можно пользоваться критерием конвенциональности и устойчивости. Мы предполагаем, что хотя в современных, живых языках свойства конвенциональности и устойчивости часто присущи несколькословным наименованиям – лексическим единицам, в старославянском языковом материале не они должны служить основанием для идентификации несколькословных наименований в качестве лексических единиц. (Видимо, при более внимательном анализе живых языков это окажется верным и для них.)

Как мы неоднократно повторяли вслед за Е. М. Верещагиным, первый литературный язык славян представляет собой литературный язык особого – средневекового – типа. Основная его особенность заключается в том, что этот язык, в том числе и его лексический инвентарь, создавался узким элитарным кругом книжников по мере выполнения переводов (главным образом с византийского греческого) и буквально в процессе этих переводов¹². Лишь в отношении немногих старославянских несколькословных наименований мы можем предполагать заимствование их книжниками из народной славянской речи того времени (например, *παρалуτικός* ‘разбитый параличом’ – *ослабленз(зи)н жнлаин* в евангельских стихах Мт 9,2 и Мк 2,3). Основная же масса старославянских несколькословных номинаций – результат словотворчества славянских книжников: такие наименования были созданы «по потребности» в процессе перевода под влиянием языка греческого оригинала или даже просто калькированы с соответствующих греческих наименований. Очевидно, что ни о какой «устойчивости в языковом узусе» при этом не может быть и речи¹³. Напротив, в некоторых случаях древние славянские тексты сохраняют нам как бы «пробы пера» первых славянских переводчиков, результаты их творческих поисков в создании лучшего варианта передачи соответствующего греческого наименования. Например, композит *οἰκοδεσπότης* в переводе Евангелия передается целым рядом вариантов: *господннз храма, господннз храмннзи, господннз домоу, чловѣкз домовнтз*¹⁴. Ср.: *ὅτι εἰ ἥδει ὁ οἰκοδεσπότης ποία φυλακῆ ὁ κλέπτης ἔρχεται* – *ѣко аште бн вѣдѣлз ГНЗ ХРАМА вѣ кнѣж стражѣ тать прндетз* . (Мт 24:43 в Зогр, Мар, Ас); *ὅτι εἰ ἥδει ὁ οἰκοδεσπότης ποία ὄρα ὁ κλέπτης ἔρχεται* – *ѣко аште бн вѣдѣлз ГНЗ . ХРАМННЗИ . вѣ кзи часз тать прндетз* . (Л 12,39 в Зогр, Мар, Ас); *Τότε ὀργισθεὶς ὁ οἰκοδεσπότης εἶπεν τῷ δούλῳ αὐτοῦ* – *тогда разгнѣвавз сѧ ГНЗ ДОМОУ . рече рабоу своему* . (Л 14:21 в Зогр, Мар, Ас, Сав); *Ὁμοία γάρ ἐστιν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν ἀνθρώπῳ οἰκοδεσπότη* – *подобно естз црѣствне небесное . члѣкоу домовнтоу* . (Мт 20:1 в Мар, Ас, Сав).

Нет сомнений, что варианты *господннз храма, господннз храмннзи, господннз домоу, чловѣкз домовнтз* создавались первыми славянскими переводчиками – свв. Кириллом и Мефодием и их учениками – специально для номинации концепта, в греческом оригинале номинированного композитом *οἰκοδεσπότης*. Мы называем этот концепт (как и другие концепты, стоящие за словами) лингвистическим – имея в виду, что в человеческом мышлении «задействованы» не только концепты, которые могут быть вербализованы, и

последние составляют лишь часть ментального лексикона человека¹⁵.

Довольно много исследований было посвящено различиям в языковой концептуализации мира у разных народов и различиям в разных языках в содержании концептов, сходных на первый взгляд¹⁶. В отношении же старославянского языка следует признать, что различий с греческим языком в содержании стоящих за словами концептов можно ожидать лишь для тех наименований, которые вводились славянскими книжниками в старославянский лексикон из народной славянской речи. Различий же в двух этих языках в содержании концептов, номинированных наименованиями (как однословными, так и несколькословными) – результатами словотворчества славянских книжников, принципиально быть не должно, или они должны бы быть сведены к минимуму. И однословное наименование-комполит *οἰκοδεσπότης*, и несколькословные наименования *господннз храма*, *господннз храмннз*, *господннз домоу*, *чловѣкъ домовнѣ* номинируют один и тот же, причем единственный лингвистический концепт. Следует признать также, что комполит *οἰκοδεσπότης* и несколькословные наименования *господннз храма*, *господннз храмннз*, *господннз домоу*, *чловѣкъ домовнѣ* в качестве наименований функционально равнозначны и в равной мере являются единицами-обозначениями (то есть единицами лексиконов соответствующих языков). Конвенциональность же только «назначалась» переводчиком в процессе перевода и лишь впоследствии в языковом узусе закреплялась или не закреплялась. Так, например, когда в переводе ветхозаветной книги Исход, выполненном, как известно, несколько позже евангельского перевода, мы находим передачу греческого несколькословного наименования *ὁ κύριος τῆς οἰκίας* (с тем же значением ‘хозяин дома’, что и у комполита *οἰκοδεσπότης*) как *господннз домоу* (Исх 22:7), можно уже говорить об обретении наименованием *господннз домоу* некоторой устойчивости.

Таким образом, мы приходим к выводу, что – по крайней мере в отношении старославянского лексического инвентаря – основанием для дифференциации несколькословных наименований на единицы-обозначения и единицы-описания является не их конвенциональность и не устойчивость в языковом узусе, а функция номинации одного лингвистического концепта у наименования-обозначения (и, соответственно, номинации более чем одного лингвистического концепта у наименований, старославянскими лексическими единицами не являющихся).

Определить, один или больше лингвистических концептов номинирует несколькословное наименование в древнем тексте, – не всегда простая задача для исследователя – нашего современника. В некоторых случаях определение концепта (или концептов), стоящего (или стоящих) за несколькословным наименованием, зависит от интерпретации текста, причем интерпретации не только старославянского текста, но в первую очередь интерпретации текста греческого оригинала.

Наиболее «простыми» для интерпретации случаями следует считать, видимо, случаи передачи старославянскими несколькословными наименованиями греческих однословных наименований. Среди наименований лиц здесь особенно характерна передача несколькословными наименованиями греческих композитов: соответствие старославянского несколькословного наименования греческому композиту (то есть однословному наименованию) дает некоторую «гарантию» того, что несколькословное наименование номинирует один лингвистический концепт и, следовательно, является единицей-обозначением в старославянском лексическом инвентаре. Часть таких старославянских наименований представляют собой существительное с атрибутом в виде прилагательного или существительного в косвенном падеже: *ψευδοπροφήτης* – лзжнн пророкз, *οἰκονόμος* – прнставьннкз домоу и под. Ср.: *Προσέχετε δὲ ἀπὸ τῶν ψευδοπροφητῶν* – взнем гѣте отъ лзжннкз пророкз . (Мт 7:15 в Зогр, Мар, Ас); *Εἶπεν δὲ ἐν ἑαυτῷ ὁ οἰκονόμος* – рече же въ себѣ прнставьннкз домоу . (Лк 16:3 в Зогр, Мар). Косвенным свидетельством того, что прнставьннкз домоу является наименованием-обозначением (то есть единицей старославянского лексикона), служит и передача композита *οἰκονόμος*, причем в той же главе, грецизмом нкономз (то есть однословным наименованием): *Καὶ ἐπήνεσεν ὁ κύριος τὸν οἰκονόμον τῆς ἀδικίας* – ι похвалн гнз домоу ѡнома . неправѣдѣнаго . (Л 16:8 в Зогр, Мар). Особенно характерны передачи греческих композитов несколькословными наименованиями-обозначениями для начального этапа становления старославянского языка, так как первые славянские переводчики явно избегали калькирования греческих композитов. Позднее композиты стали калькироваться чаще, и уже преславскими книжниками композит *ψευδοπροφήτης* в толкованиях на книгу пророка Иезекииля передается композитом же лзжепророкз (то есть однословным наименованием): *Πολλοὶ κατὰ τὸν καιρὸν τοῦτου ψευδοπροφήται τοῖς προφήταις ἀντέλεγον* – мнози бо въ то время лзжепрр цн сзпротнвз гѣаакѣ (толкование на Иез 1:3, по F.I.461 л. 227a 20).

Семантической структурой греческих композитов обусловлены некоторые типы старославянских несколькословных наименований лиц с опорными словами, обладающими глагольной семантикой. В состав таких наименований-обозначений входят актанты – как правило, объекты или адресаты действия: *μισάνθρωπος* – ненавистникъ чловекомъ, *ἐνοικηματικός* ‘чародей, умеющий управлять духами’ – чаромъ обрѣтате лъ и др. Ср.: ‘*Ορχίζω σε κατά τοῦ Θεοῦ τοῦ παντοκράτορος... φοβήθητι, φύγε, δραπέτευσον, ἀναχώρησον δαιμόνιον... ὅπου ἂν τυγχάνης, ἢ ἀπέρχη, ἢ αὐτὸς εἶ ὁ Βεελζεβούβ... ἢ ἀστρομαγικόν, ἢ ἐνοικηματικόν...* – заканныѣ та бгомъ в’седрзжнтелемъ... оубон са . бѣжн . отзтыцн . ѡтнѡн . в’сѣкз демонъ... ндеже аще есн . ѡ отзныѣдѣже аще ндешн . ѡн самъ есн вельзѣолъ... нлн звѣздоърецъ . нлн чаромъ обрѣтатель...’ (Евх 54а 18). Опорными словами в такого рода наименованиях-обозначениях чаще служат субстантивно употребленные причастия: *ἡ αἰμορροούσα* ‘женщина, страдающая кровотечением’ – крзвъ точашна, *νομοθέτης* – заповѣдавзын законъ и под. Например: *Εἶδον τῆς αἰμορροούσης σταλείσας τὰς τοῦ αἵματος ρύακας* – видѣша крвь точаштаѣ ставыензи крвьвнзи рѣкзи (Супр 398:27–28); *καὶ ποδηγεῖσθαι πρὸς τὸν νομοθέτην διὰ τὸν νόμον* – н прнблнжати закономъ, кз заповѣдавшомоу законѣ (толкование на Иез 20:20, по F.I.461 л. 267а 10).

Реже встречаются в текстах передачи старославянскими несколькословными наименованиями греческих однословных однокорневых наименований (то есть «простых» слов, не композитов). Например, *ἀλιεύς* ‘рыбак’ – рзыбамъ ловыць (Мт 4:18 в Сав). В данном случае, при возможности передачи *ἀλιεύς* словом *ρζιβнтѣъ* или даже *ρζибарѣ* (так в переводе тетра), в Саввиной книге отражена, видимо, игра слов как художественный прием *ρζιβамъ* ловыць – ловыць чловекомъ: *ἦσαν γὰρ ἀλιεῖς ... ποιήσω ὑμᾶς ἀλιεῖς ἀνθρώπων*. – вѣста бо рзыбамъ ловыца . ... н створѣ ва ловыца чѣкомъ . в Сав л. 32. (Ср.:... лобѣца... ловца чѣкомъ . в Ас 35b; ...рзыбарѣ... чѣкомъ ловыца . в Зогр.) В ряде же случаев передачи греческих однословных однокорневых наименований (то есть не композитов) старославянскими несколькословными наименованиями можно подозревать осознанное намерение переводчика к некоторому «сдвигу» в содержании концепта. Ср.: *βασιλικός* ‘придворный, царедворец’ – цѣсарѣ мѣжъ (И 4:7 в Зогр, Мар, Ас), *αἰρετικός* ‘еретик’ – хоульннкъ вѣрзи (Супр 404:8–9). Такой же осознанный сдвиг в содержании концепта можно предполагать и в довольно редких для старославянских текстов случаях передачи несколькословных греческих наименований старославянскими однословными. Например, *ὁ καθῶς ἔχων* неоднократно передается как болан или недѣжынзын. (Ср. в Мт

8:16: *καὶ πάντας τοὺς κακῶς ἔχοντας ἐθεράπευσεν* – *и всѣм недѣжнѣнѣицѣм* в Зогр, Мар, Ас – *н всѣхъ болащнхъ нѣцѣм* в Сав.) В этом случае, возможно, играет роль стремление переводчиков к использованию уже закрепившихся в старославянском лексиконе слов, так как *болаи* и *недѣжнѣнѣи* многократно передают однословные греческие наименования *ἀσθενῶν*, *ἀσθενής*, *ἄρρώστος*. Однако осознанные, намеренные сдвиги в содержании концептов можно наблюдать в переводе преславскими книжниками толкований на книги Ветхого Завета – где, конечно, допускается бóльшая свобода для переводчика, чем при переводе книг Св. Писания: *ὁ τῷ οἰκείῳ θεράπων* – *рабъ* (толкование на Иез 8:16, по F.I.461 л. 242а 4), *ὁ ἀσθενῶς διακείμενος* – *немоцнѣнѣи* (толкование на Иоил 3:15, по F.I.461 л. 190а 22), *ὁ δεξιόμενος τοῦ βίου τὸ πέρας* – *оумърѣи* (толкование на Иез 19:7, по F.I.461 л. 264б 24). Тем не менее, несмотря на некоторые «сдвиги» в содержании концептов, при передаче однословных греческих наименований несколькословными старославянскими можно утверждать, что старославянское несколькословное наименование номинирует один лингвистический концепт.

Также можно утверждать, что несколькословное наименование, в состав которого входит наречие или предложно-падежная группа с обстоятельственным значением, номинирует только один лингвистический концепт в случаях передачи однословного греческого наименования, представляющего собой субстантивно употребленное прилагательное или причастие (как правило, префигированное, что делает его по формальной и семантической структуре близким к композиту): *οἱ περίοικοι* – *окрѣсть жнвѣштѣн* (Л 1:58 в Мар, Зогр, Ас), *οἱ παράγοντες* – *прѣдъ ндѣштѣн* (Л 18:39 в Зогр, Мар, Ас), *ἀντιλέγων* – *глаголаи сѣпротнѣз* (толкование на Иез 2:8, по F.I.461 л. 230б 25–26) и *сѣпротнѣз глаголаи* (толкование на Иез 4:3, по F.I.461 л. 234а 6) и др. Например: *μηδὲ ζηλώσης τοὺς ἀντιλέγοντας* – *ни вслѣдоун глащнмъ сѣпротнѣз* (толкование на Иез 2:8, по F.I.461 л. 230б 25–26).

Несколько более затруднительной оказывается дифференциация старославянских несколькословных наименований в тех случаях, когда они передают греческие несколькословные наименования. В таких случаях приходится опираться не столько на формальные показатели, сколько на интерпретацию древнего текста, что иногда представляет сложности для исследователя.

Не вызывают сомнений в том, что наименованием номинируется только один лингвистический концепт, несколькословные наименования с семантически недостаточными опорными словами, тре-

бующими зависимых слов (хотя связь может быть как сильной, так и слабой) – с глагольной семантикой ‘делать (что-л.)’, ‘любить (что-л.)’, ‘ненавидеть (что-л.)’ ‘стремиться (к чему-л.)’, ‘жить (обитать) где-либо’ и ‘жить (существовать) каким-либо образом’ и под. Несомненно также, что большинство таких наименований (если не все такие наименования) калькируют наименования греческие. Ср., например: ἀπόστητε ἀπ’ ἐμοῦ πάντες οἱ ἐργάται τῆς ἀδικίας. – отъстѣпнѣте отъ мене всн дѣлате лѣ неправдѣ (Лл 13:27 в Зоґр, Мар, Ас, Остр 108bβ 8–9; неправды в Остр 238аа 9–10). В Саввиной книге находим искаженную передачу ὁ ἐργάτης τῆς ἀδικίας как дѣлате лѣ неправдынзи, свидетельствующую, конечно, о «новоиспеченности» старославянского несколькословного наименования дѣлате лѣ неправдѣ: отъстѣпнѣте отъ мене всн дѣлателе неправдыни в Сав. Особенно часто такие несколькословные наименования лиц имеют опорные слова в виде субстантивно употребленных причастий: ἐργαζόμενος τὴν ἀνομίαν – дѣламан неправдѣ (Пс 63,3), ὁ ἀγαπῶν ἀδικίαν – любан неправдѣ (Пс 10,5), ὁ ποιῶν δικαιοσύνην – творан правдѣ (толкование на Иез 9:6, по F.I.461 л. 243а 3), ὁ τὴν θεραπείαν δεόμενος – цѣлѣв творан (толкование на Иез 18,17, по F.I.461 л. 263а 3), ὁ μισῶν τὰ καλὰ – ненавидан добраа (Мих 3,2, по F.I.461 л. 211а 9), ὁ ζητῶν τὰ πονηρά – въззыщан злаа (Мих 3,2, по F.I.461 л. 211а 9), ὁ πολιτευόμενος ὑπὸ τοὺς νόμους – жнезин по законου (толкование на Иез 17:17, по F.I.461 л. 261а 6) и под. Например: ἐσκέπασάς με ἀπὸ συστροφῆς πονηρευομένων ἀπὸ πλήθους ἐργαζομένων τὴν ἀνομίαν – покрзи мѣ отъ сонзма злбнвзикъ . ѿ отъ множества дѣлажщнкъ неправдѣ (Пс 63:3 Син; ср. выше ὁ ἐργάτης τῆς ἀδικίας – дѣлате лѣ неправдѣ).

В старославянских текстах часто встречаются несколькословные наименования жителей какой-либо города или какой-либо местности с опорным словом в виде субстантивно употребленного причастия жнезин (встречаются, как правило, во мн. ч.). В отношении этих наименований можно говорить об обретении ими некоторой устойчивости в языковом узусе в качестве наименований-обозначений, поскольку они передают греческие несколькословные наименования с опорными словами в виде разных причастий – и ὁ κατοικῶν, и ὁ οἰκῶν, или даже просто с обозначающим лицо артиклем. Ср.: οἱ κατοικοῦντες Ἱερουσαλήμ – жнезщен въ иероусалнмѣ (Иез 11:15, по F.I.461 л. 246а 13–14), οἱ οἰκοῦντες τὴν Ἱερουσαλήμ – жнезщен въ иероусалнмѣ (толкование на Иез 11:20, по F.I.461 л. 246б 17), οἱ ἐν Ἱερουσαλύμοις – жнезщен въ иероусалнмѣ (толкование на Иез 12:20, по F.I.461 л. 248б 9–10), οἱ τὴν Ἰουδαίαν οἰκοῦντες – жнезщен на жндовьсцѣ земан (толкование на

Иез 12:23, по F.I.461 л. 248б 18), *οἱ κατοικοῦντες Χανααν* – жнвѣщен вз ханаанѣ (Исх 15:15, по Барс 57б 17), *οἱ κατοικοῦντες ἐπὶ τοῦ ποταμοῦ Χοβάρ* – жнвѣщен на рѣцѣ ховарѣ (Иез 3:15, по F.I.461 л. 232а 10) и др.

Видимо, можно говорить об устойчивости старославянской формулы жнвѣщен на (в)сен землн – постольку, поскольку она появляется даже там, где в греческом оригинале нет соответствующего наименования *οἱ κατοικοῦντες τὴν γῆν* (τῆς γῆς). Ср., например, пассаж из книги пророка Иеремии, где ἡ γῆ ‘земля’ упоминается в предыдущей фразе, а в наименовании *οἱ κατοικοῦντες ἐν αὐτῇ* ‘земля’ только подразумевается: *ἕως πότε πενήθει ἡ γῆ ... ἀπὸ κακίας τῶν κατοικοῦντων ἐν αὐτῇ ἠφανίσθησαν κτήνη καὶ πετεινά* – доколѣ възплачетъ са земѣ . ... ѿ злогѣ жнвѣщѣхъ на землн . нщезѣ скотѣ птнцѣ . (Иер 12:4, Григ 75а 30–31). Находим эту формулу (жнвѣщен на (в)сен землн) и в переводе наименования *οἱ κατὰ τὴν οἰκουμένην ἄνθρωποι* со словом *ἄνθρωπος* в толкованиях на книгу пророка Иезекииля. Ср.: *Ἀπεικάζεται γὰρ... τῆς τούτων παρανομίας τὸ πλῆθος τῶ πλῆθει τῶν κατὰ τὴν οἰκουμένην ἀνθρώπων* – прнтычетъ б о , законное вавилонѣнско мно-жство жнвѣщѣннѣ на възсен землн (толкование на Иез 7:25, по F.I.461 л. 240а 23). Вариантом этой же формулы следует считать, видимо, несколькословное наименование жнтелн землн, где сущ. жнте лѣ так же семантически недостаточно, как и прич. жнвзын: *περίβλεπτος δὲ γίνεται ἐν πύλαις ὁ ἀνὴρ αὐτῆς ἡνίκα ἂν καθίσῃ ἐν συνεδρίῳ μετὰ τῶν γερόντων κατοίκων τῆς γῆς* (var. *κατοικοῦντων τὴν γῆν*) – въззоренъ възываетъ вратѣхъ мѣжъ еѣ . възнегѣ же аще сѣдетъ въз сѣнзъмнщн . сѣ старѣцѣи н сѣ жнтелн землн . (Притчи 31:23, Григ 66а 15).

В ряде случаев мы можем предполагать, что греческие несколькословные наименования терминологичны. В таких случаях, следовательно, и старославянские несколькословные наименования должны номинировать один лингвистический концепт: *ὁ θεοῦ διάκονος* – вожнн слоуга (Рим 13:4 Христ bis, Охр, Слепч bis, Мат bis, Шиш bis), *ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ* – рабъ вожнн (Супр 524:14), *ὁ ἄνθρωπος τοῦ Θεοῦ* – чловѣкъ вожнн (толкование на Иез 6:2, по F.I.461 л. 237а 30), *ιατρῶν παῖδες* ‘врачи’ – врачевѣстнн отроцн (Супр 430:14), *ὁ ἐπιτήδειος εἰς τὸ κολλάζειν* ‘палач’ – хѣдожнвзын на мѣженне (толкование на Иез 21:11, по F.I.461 л. 270б 3) и под. Также следует, видимо, считать несколькословными наименованиями-обозначениями и, следовательно, единицами старославянского лексикона кальки греческих устойчивых словосочетаний, восходящих к древнееврейским выражениям (в наших текстах встречаются во мн.ч.): *οἱ πτωχοὶ τῶ πνεύματι* – ннщнн доухомѣ (Мт 5:3), *οἱ εὐθεῖς τῆ καρδία* – правн срьдѣцьмѣ (Пс 63:11), *οἱ*

ἀπερίτμητοι ταῖς καρδίαις – необрѣзани срьдѣци (Супр 418, 11–12), οἱ ἀπερίτμητοι καρδίαις καὶ τοῖς ὠσίν – необрѣзани срьдѣци нн оушесзи своннн (Деян 7:51 в Слѣпч, Струм, Гильф)¹⁷.

К древнееврейским выражениям в конечном счете восходят и кальки с греческих несколькословных наименований различных народностей с опорным словом *szinz*, соответствующим греч. ὁ υἱός (в наших текстах встречаются во мн. ч.): οἱ υἱοὶ Ἰσραήλ – сынове нзранлѣвн (Иез 3:1, по F.I.461 л. 230б 30), οἱ υἱοὶ Αἰγύπτου – сынове кѣнпетьскнн (Иез 16:26, по F.I.461 л. 255б 15–16), οἱ υἱοὶ Ἀσσοῦρ – сынове аснрнѣвн (Иез 16:28, по F.I.461 л. 255б 26) и др.

Однако в некоторых случаях исследователю трудно интерпретировать древний текст: стоит ли за несколькословным наименованием один лингвистический концепт или более. Так, например, трудно понять, номинируют ли несколькословные наименования (греческое и соответствующее старославянское) ὁ ἀναγινώσκων τὰς προφητικὰς βίβλους и ѡтъзи пророѡьскыѡ кзыннъзи один концепт (то есть в какой степени они терминологизированы)? Кажется, контекст подсказывает, что ὁ ἀναγινώσκων – ѡтъзи и αἱ προφητικαὶ βιβλοὶ – пророѡьскыѡ кзыннъзи номинируют отдельные лингвистические концепты: οἱ γὰρ τὰς προφητικὰς ἀναγινώσκοντες βίβλους, ἐκ τῶν πραγμάτων τὴν ἔρμηνείαν λαμβάνουσι – ѡтъжщннмъ бо прр ѡьскыѡ кннѣгы . ѡτ дѣлесъ сказанїа разымъ прнѣмлатъ (ὑπόθεσις к Иез, по F.I.461 л. 225а 23). (Ср. также однословные наименования ὁ ἀναγινώσκων – ѡтъзи в евангельском тексте: ὁ ἀναγινώσκων νοεῖτω – ѡтъзи да разоумѣтеъ – ‘читающий да разумеет’ в Мк 13:14 в Зоґр, Мар.) С другой стороны, возможно, наименования шьющей колдовские мешочки мастерицы ἡ συρράπτουσα προσκεφάλαια ἐπὶ πάντα ἀγκῶνα χειρὸς и, соответственно, сзшнѡѡщннѡ дохзторзи подъ вса рѡкы лакзтоу были терминологичны. Ср.: οὐαὶ ταῖς συρραπτούσαις προσκεφάλαια ἐπὶ πάντα ἀγκῶνα χειρὸς ... τοῦ διαστρέφειν ψυχάς – люте сзшнѡѡщнннмъ дохьторы поъ вса рѡкы лактоу... ѡкоже развратн дшѡ (Иез 13:18, по F.I.461 л. 250а 25).

Иногда «подсказку» к тому, что несколькословное наименование номинирует только один лингвистический концепт, дает нахождение его в ряду однословных наименований. Ср., например, несколькословные наименования μὴ οἶνω πολλῷ δεδουλωμένη и не вноу мноґоу порабошѡна в ряду однословных наименований в следующем пассаже из Апостола: πρεσβύτας νηφαλέους εἶναι ... πρεσβύτιδας ὡσαύτως ἐν καταστάματι ἱεροπρεπεῖς, μὴ διαβόλους, μὴ οἶνω πολλῷ δεδουλωμένας, καλοδιδασκάλους – старцемъ трѣзвзшннкомъ бзгїтї... старнцамъ же такожде (то есть бзгїтн. – В. Е.) . вз ѡчен сѡтолѡпнѡ . не наѡадзнїцамъ .

не вноу мноуоу порабощенамз . д̣ брѡоучнтелзвнцамз . (Титу 2,2–3 в Слѣпч, Шиш).

Следует считать, видимо, что и известном случае разнообразной передачи в переводе Евангелия однословного наименования *ὁ σεληνιαζόμενος* (синодальный перевод – «лунатик») варианты старославянских несколькословных наименований – мѣсачьнзѣнъ ззлзи недѣжъзи нмзи (Мт 4:24 в Зогр), бѣсьноуѣнъ са на новзи мѣсаца (Зогр 129b 14), ззлѡдѣѣнъ са на новзи мѣсаца (Мар 43b 18) – номинируют только один лингвистический концепт (хотя в содержании каждого из концептов, стоящего за каждым из старославянских вариантов, наблюдаются «сдвиги», о которых говорилось выше).

Подытоживая сказанное, позволим себе предположить, что, возможно, чем больше старославянских текстов будет вовлечено в подобный анализ, тем меньше будет оставаться трудных для интерпретации случаев. Однако достаточно глубокое проникновение в содержание древних текстов в принципе не должно оставлять сомнений – один или более лингвистических концептов номинирует какое-либо несколькословное наименование.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

Ас – Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Kurz J. Evangeliiâ Assemaniûv. Praha, 1955.*

Гилф – Апостол собр. Гильфердинга № 14, древнесербская рукопись XIV в.; изд.: *Kalužniacki E. Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice ad fidem codicis Christopolitani. Vindebonae, 1896.*

Григ – Григоровичев паремейник, среднеболгарская рукопись XII–XIII в.; изд.: *Рибарова Зд., Хауптова З. Григоровичев паримейник. Скопје, 1998.*

Евх – древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Frček J. Euchologium Sinaiticum, texte slave avec sources grecques et traduction française. Paris, 1933, 1939. Т. I–II.*

Зогр – Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Jagić V. Quattuor evangeliorum codex glagoliticum dim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.*

Клоц – Клоцов сборник, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Dostál A. Clozianus. Praha, 1959.*

Мар – Мариинское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Ягич И. В. Мариинское четвероевангелие. Graz, 1960.*

Мат – Матичин апостол, древнесербская рукопись XIII в.; изд.: *Ковачевић Р., Стефановић Д., Богдановић Д.* Матичин апостол (XIII век). Београд, 1979.

Остр – Остромирово евангелие, древнерусская рукопись 1056–1057 г.; изд.: Остромирово евангелие 1056–1057 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное *А. Востоковым* / *Monumenta linguae slavicae*. Wiesbaden, 1964. Т. I.

Охр – Охридский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.; изд.: *Кульбакин С. М.* Охридская рукопись апостола конца XII века / Български старини. София, 1907. Кн. III.

Сав – Саввина книга, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века / Изд. подг. *О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева*. М., 1999. Ч. I.

Син – Синайская псалтырь, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Северьянов С. Н.* Синайская псалтырь. Graz, 1954.

Слепч – Слепченский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.; изд.: *Ильинский Г. А.* Слепченский апостол XII века. М., 1912.

Струм – Струмицкий апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.; изд.: *Блахова Е., Хаунтова З.* Струмички (Македонски) апостол. Кирилски споменик од XIII век. Скопје, 1990.

Супр – Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Заимов Й., Каналдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. София, 1982–1983. В 2 т.

Шиш – Шишатовачкий апостол, древнесербская рукопись 1324 г.; изд.: *Stefanović D. E.* Apostolus Šišatovacensis anni 1324. Wien, 1989.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Уже столетие тому назад Ш. Балли о словосочетаниях типа *mauvaise foi* в значении ‘нечестность, вероломство’ писал: «Psychologiquement, c’est un mot, une *unité lexicologique* (qu’on peut appeler, si l’on veut *unité composée*)» – *Bally Ch.* *Traité de stylistique française*. 2-e edition. Heidelberg, 1921. P. 69.

2 Обычно палеослависты пользуются следующими словарями: *Slovník jazyka staroslověnského*. Praha, 1958–1997. Т. I–IV; Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994; Старобългарски речник. Т. I. *А – Ш*. София, 1999; Т. II. *Щ – Ъ*. София, 2009. Однако не потеряли своего значения и словари: *Sadnik L., Aitzetmüller R.* *Handwörterbuch*

zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955; *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-greco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.

3 *Николов Н.* Именните (фразеологични) и съставните устойчиви словосъчетания в старобългарския език // Преславска книжовна школа. Шумен, 2003. Т. 7. С. 232–254.

4 Первые результаты этих исследований были изложены в нашей совместной с В. Желязковой статье: *Ефимова В. С., Желязкова В.* Несколькословные номинации лиц в древнейших славянских рукописях // *Palaeobulgarica*. 2014. № 3. С. 33–48.

5 Принципы изучения старославянской лексики по более поздним спискам излагались нами неоднократно – см.: *Ефимова В. С.* Проблема реконструкции лексического фонда старославянского языка // *Славянский альманах*. 2001. М., 2002. С. 462–470; *Она же.* Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006. С. 28–30; *Она же.* Наименования лиц в старославянском языке: Способы номинации и приоритеты выбора. М., 2011. С. 4–11.

6 Названия привлекавшихся к анализу рукописей см. в списке сокращений (указаны только рукописи, примеры из которых приведены в статье). Материал книг Двенадцати малых пророков с толкованиями и книги пророка Иезекииля с толкованиями собирався нами по первым трем томам серии «Старобългарският превод на Стария завет» под ред. С. Николовой (София, 1998; 2003; 2013), где в основу издания положена рукопись F.I.461 конца XIV в.; материал по книге Исход собран В. Желязковой для издания в той же серии, в основу которого будет положена рукопись № 3 из собрания Е. Барсова в ГИМ, датируемая 80–90 гг. XV в.

7 Греческие тексты цитируются по изданиям: *Merk A. S. J.* Novum Testamentum graece et latine: Apparatu critico instructum edidit Augustinus Merk S. J. Ed. 10. Romae, 1984; *Robinson M. A., Pierpont W. G.* The New Testament in the original Greek: Byzantine Textform. Southborough, Mass., 2005; *Septuaginta / Ed. A. Rahlf.* Ed. 5. London, 1952. Vol. I–II; *Migne J.-P.* Patrologia Graeca. Paris, 1864. Т. LXXXI, а также по некоторым изданиям рукописей.

8 *Ефимова В. С.* Наименования лиц в старославянском языке... С. 12.

9 *Кубрякова Е. С.* О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice, 2000. S. 24–31.

10 *Wray A.* Formulaic language and the lexicon. Cambridge, 2002; *Wray A.* Formulaic language: Pushing the boundaries. Oxford, 2008; *Booij G.* Phrasal names: A constructionist analysis // Special issue on Words and Phrases. *Word Structure*. 2009. Vol. 2. № 2. P. 219–240; *Masini F.* Phrasal

lexemes, compounds and phrases: A constructionist perspective // Special issue on Words and Phrases. Word Structure. 2009. Vol. 2. № 2. P. 254–271; *Aleksiejewa M., Ostapczuk O.* Многокомпонентные термины в научном дискурсе и в информационной системе славянского языкознания iSybilaw (на материале русского и польского языков) // *Slavia orientalis*. 2013. T. LXII. № 2. S. 275–284 и др.

11 *Booij G.* Phrasal names... P. 220.

12 *Верещагин Е. М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997; и др.

13 Устойчивость присутствующего в старославянских текстах словосочетания в его последующей жизни в веках не может служить критерием в исследованиях самого старославянского языка. Поэтому, хотя такое издание? как «Фразеологический словарь старославянского языка» под ред. С. Г. Шулежковой (М., 2011) имеет несомненную культурно-познавательную ценность для студентов и широкой общественности, вряд ли стоило называть его фразеологическим словарем именно старославянского языка.

14 Используем этот пример, уже приводившийся в нашей статье 2014 г., ввиду его особой наглядности (древние тексты дают нам четыре варианта передачи греческого наименования). По той же причине используем и некоторые другие примеры из указанной статьи, хотя этим возможным список примеров далеко не исчерпывается.

15 При всем многообразии подходов и множестве определений «(лингвистического) концепта» представителями разных школ, можно принять в качестве рабочего суждение, что (лингвистический) концепт – это некая дискретная единица ментального лексикона носителя языка. См.: *Кубрякова Е. С. и др.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 90; *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Тамбов, 2002. С. 23–24; *Sprenger S. A.* Fixed expressions and the production of idioms. Nijmegen, 2003. P. 4; *Залевская А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст. М., 2005. С. 243–244; *Booij G.* Phrasal names... P. 220–221; *Кубрякова Е. С.* В поисках сущности языка. М., 2012. С. 49–50; 107–108 и мн. др. В сфере номинации лиц мы имеем дело с «конкретными» концептами, которые более традиционно можно бы было называть «стоящими за словами понятиями». См.: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М., 2005. С. 43–62.

16 См., например: *Вежбицкая А.* Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Позна-

ние. М., 1997. С. 231–290; *Goddard C., Wierzbicka A.* Words and Meanings: Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures. Oxford, 2014. P. 46–54; 75–101 и др.

17 Подробнее см.: *Ефимова В. С., Желязкова В.* Несколькословные номинации лиц... С. 42–43.

V. S. Efimova

On the definition of status of multi-word nominations for persons
in Old Church Slavonic texts

The article dwells upon the problem of searching in Old Church Slavonic texts multi-word nominations for persons that behave as lexical units. The author supposes that the base for dividing between multi-word nominations that are units of designation and multi-word nominations that are units of description are not their conventionality and stability in the language usage, but the function of nominating a single linguistic concept.

Key words: *Old Church Slavonic, Old Church Slavonic manuscripts*

С. С. Скорвид
(Москва)

О «культурных диалектах» и переселенческих говорах чехов на Черноморском побережье Северного Кавказа

В статье обсуждается оправданность использования термина «культурные диалекты» применительно к чешской общине на Северном Кавказе, возникшей здесь с конца 1860-х годов. Характеризуя чешские говоры, сохраняющиеся в ряде населенных пунктов в окрестностях Анапы, Новороссийска и Геленджика, с одной стороны, и восточнее, под Туапсе, с другой, автор показывает, что хотя предки их современных носителей прибывали из разных мест, у них в первом случае развился интердиалект на юго-западно-чешской диалектной базе, тогда как более изолированный туапсинский говор с преобладанием северо-восточночешских черт остался в стороне от данного процесса. Это различие сказывается и в культурной сфере.*

Ключевые слова: *чешская община на Северном Кавказе, переселение крестьян, юго-западный и северо-восточный чешские диалекты, интердиалект, языковой контакт*

Недавно в краснодарском ежегоднике «Мир славян Северного Кавказа» вышла статья (Бондарь 2013), ставящая своей целью подвести итоги полутора десятилетий изучения чешской общины в данном регионе. В статье констатируется многогранность изысканий в этой области, предпринимаемых с конца 1990-х гг. уже целым рядом кубанских исследователей. Одна из первых попыток «комплексной характеристики культуры чехов» Северного Кавказа была представлена в очерках (Кузнецов 1998; Кузнецов 1999); правда, по мнению Н. И. Бондаря, «скудость фактологического материала, неравномерная изученность локальных северокавказских чешских традиций, а на тот момент почти полная неизученность большинства из них делали такую работу преждевременной» (Бондарь 2013: 220). Возразив на это, что первый опыт всегда так или иначе ценен, в остальном соглашусь: в тексте И. В. Кузнецова действительно немало суждений

Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (<http://www.ffli.ru>), проект № А-54 «Славянские переселенческие говоры в России (чешские, польские, украинские)».

и выводов, проистекающих из недостаточности сведений о чехах на Северном Кавказе и в России вообще, какие имелись тогда в распоряжении ученого. Так, неточна вторая часть его утверждения, что «в России чехи проживают дисперсными группами в крупных городах, а сельское компактное население образуют ныне только в пределах Северного Кавказа»; не настолько неизвестны, как это казалось автору, даты основания чешских сел на Кавказе и «районы Чехии, откуда шла миграция». Наконец, в наши дни уже не отражает объективного положения дел констатация, что «говоры (диалекты) чехов Кавказа совершенно не изучены» (Кузнецов 1999: 116, 117).

Изучение северокавказских чешских говоров под Новороссийском и Анапой было развернуто рабочей группой РГГУ в 2009 г. Спустя три года география ее полевых исследований расширилась: кроме Северного Кавказа, компактное чешское население обнаружилось еще в трех деревнях в Среднем Прииртышье, на территории Омской области в Западной Сибири, причем между обоими чешскими общинами были выявлены даже отдаленные, опосредованные исторические связи. Лингвистические результаты предпринятых за пять лет экспедиций отражены в ряде статей, в частности (Скорвид, Третьякова 2009; Скорвид, Поляков 2013; Скорвид 2013; Скорвид 2014; Поляков 2014). Представленную в них картину позволила существенно дополнить недавняя экспедиция на Черноморское побережье Северного Кавказа, в ходе которой удалось записать образцы речи одной из последних носительниц чешского говора села Тешевс в окрестностях Геленджика, который был, по всей видимости, весьма близок новороссийско-анапскому идиому, а кроме того, зафиксировать заметно отличный от него – и, напротив, сходный со среднеприиртышским – говор села Анастасиевка под Туапсе. Ввиду недостаточности собранного материала, относящегося к этому говору, который можно условно назвать восточносеверокавказским, в противоположность распространенным между Анапой и Геленджиком западносеверокавказским, он в настоящей статье будет принят во внимание лишь ограниченно. Учитывать его, однако, необходимо, особенно ввиду того факта, что с собственно диалектными (внутриязыковыми) различиями между обоими идиомами оказываются связаны и некоторые культурные особенности.

Н. И. Бондарь на страницах указанной публикации выступает за «территориальный подход в изучении культуры чехов, да и иных малых этнических групп Северного Кавказа, Кубани», каковой «позволит выявить диалектные культурные различия между отдельными

чешскими поселениями или группами родственных сел» и вместе с тем «создаст базу последующих сравнительных исследований и определения метропольных областей Чехии, откуда шло переселение». Разумеется, понятие «культурные диалекты» автор использует не в лингвистическом смысле, понимая под ним территориальные варианты культурной традиции, игнорирование которых в прошлом создавало «ситуацию, когда отдельно зафиксированный факт (например, освящение урожая или “казнь петуха”) начинал восприниматься как признак чешской культуры в целом» (Бондарь 2013: 220, 221). Действительно, в той части полевых материалов из сел Варваровка и Павловка под Анапой, которая в цитированной статье вводится в научный оборот, не отражен обычай «казни петуха», упоминаемый без конкретной локализации в работе (Кузнецов 1999: 122), а позже в книге В. С. Пукиша «Чехи Северного Кавказа» – с оговоркой, что выросшая в Варваровке А. П. Сланец (1913–2010) «лишь смутно припоминает эту традицию», зато она засвидетельствована двумя уроженцами Кирилловки под Новороссийском (Пукиш 2010: 238–239)¹. Следует ли усматривать в этом черту своеобразия «культурного диалекта» Варваровки и Павловки, который Н. И. Бондарь, судя по всему, трактует как единый, хотя первые насельники этих соседних деревень, согласно устному преданию, происходили из разных мест Чехии?

В монографии В. С. Пукиша со слов старожила Павловки В. Я. Швеца (1917–2012) говорится, что ее основали поселенцы из окрестностей города Ческе-Будеёвице в Южной Чехии, тогда как Варваровку – выходцы из западночешских местечек Клатовы и Сушице (Пукиш 2010: 28). Н. И. Бондарь сетует, что «у автора не содержится должной и четкой документации» этих сведений, но в целом подтверждает их, ссылаясь на запись своей беседы с В. Я. Швецом 1997 г., в «первичной расшифровке» которой название города Клатовы передано неточно: «из Клопыла» (Бондарь 2013: 223). Добавлю, что в 2008 г. с этим информантом и еще некоторыми представителями северокавказских чехов беседовал сотрудник чешского интернет-архива устной истории «Память народа» Марек Гавличек. Тогда В. Я. Швец сказал ему (по-русски) следующее: «В Варваровке, вот тут село ниже, там чехи с Клатова, а мы... нет, с Будеё... мы с Будеёвиц чехи, павловские, а Варваровка с Клатова» (к сожалению, при расшифровке записи интервьюером смысл этого несколько сбивчивого сообщения изменился на противоположный)². В то же время окрестности Будеёвиц в качестве «прародины» своих предков с уверенностью называли в беседах с М. Гавличек и в 2009–2010 гг.

с нами уроженка Мефодиевки, ныне вошедшей в черту Новороссийска, Э. И. Краль (1928–2013) и жительница Кирилловки М. В. Сисель (Чехова), родившаяся в 1925 г. в соседней Борисовке.

С другой стороны, живущая в Кирилловке М. В. Коваль, которая родилась в 1935 г. в Варваровке, рассказывала нам в интервью 2009 г., что одна из ее бабушек по фамилии Пехачек приехала со своей семьей из Моравии, конкретно из Брно. Аналогично В. П. Кабрда (1931 г. р.) из Кирилловки убежден, что его дед был из Моравии (*Von ešte spíval písn'ičku: [...] Šavlenka broušená na obje dvje strani, ona mn'e viseká s Uhr do Moravi* 'Он еще пел песню: Сабелька, заточенная с обеих сторон, она проложит путь мне из Венгрии в Моравию' – запись 2009 г.). Недавно его дочь И. В. Третьякова установила, что его дед Франц родился в 1852 г. в местечке Ямы близ города Ждярнад-Сазавоу на Высочине, которая связывает юго-восток Чехии с юго-западом Моравии (причем Ямы находятся с моравской стороны бывшей границы этих земель). Сохранилось Прощение о принятии в российское подданство от 5.3.1896 г., в котором австрийскоподданный чех Франц Кабрда указывает: «Проживаю в России уже около 20-ти лет, и с 1890 года я водворен в России. [...] Со времени водворения моего я живу в деревне Кирилловке Новороссийского участка Черноморского округа...»³ Возможно, что до водворения в Кирилловке, основанной в 1869 г. переселенцами «первой волны», он жил в Глебовке под Новороссийском, где в 1887 г. были похоронены его родители *FRANC i KATEŘINA KABRDA* (надгробие с этой надписью уцелело до наших дней).

Итак, в нашем распоряжении записанные от нескольких информантов устные – пока только в одном случае подкрепленные документально – свидетельства того, что массовое, в конце 1860-х гг., а позже и индивидуальное переселение чешских крестьян в названные деревни под Анапой и Новороссийском происходило из разных местностей Чехии и даже из Моравии. Между тем сколько-нибудь заметные «диалектные культурные различия» между гипотетически западночешской, по происхождению первопоселенцев, Варваровкой и остальными, по преимуществу очевидно южночешскими, поселениями в обоих районах не прослеживаются. Скорее речь может идти о том, что один и тот же набор культурно значимых признаков фиксируется в отдельных населенных пунктах с разной полнотой. То же относится к особенностям говора старших поколений чехов, живущих в окрестностях Новороссийска и Анапы, которые находились в центре внимания исследовательской группы РГГУ.

Существует устойчивое убеждение самих носителей чешского языка в указанных местностях, что Варваровка отличалась особым выговором. Так, И. В. Кузнецов писал: «Информанты отмечают, что речь жителей с. Варваровка более протяжна и медлительна, чем жителей соседнего с. Павловка» (Кузнецов 1999: 117). В 2009 г. в беседе с нами это подтвердила М. В. Малик, родившаяся в 1931 г. в Варваровке, но вскоре вместе с матерью, А. П. Сланец, перебравшаяся в Павловку: *v Varvarofce, tam už jináč mluvějí, tam to táhnou* ‘в Варваровке, там уже по-другому говорят, там тянут’. Почти теми же словами это повторил нам в 2010 г. В. П. Кабрда из Кирилловки. Для примера он даже произнес «по-варваровски» некогда известный в Чехии шуточный диалог крестьянок, растягивая слоги в конце реплик: *Ná-noo! Bila si na funusuu?* ‘Нана! Ты была на похоронах?’ и т. д. В 2011 г. в Варваровке мы зафиксировали подобное растягивание конечных слогов, в частности, в речи М. И. Белоконь (девичья фамилия Машек, 1931 г. р.). С другой стороны, в записи М. Гавличека так же говорит по-русски уроженец Павловки В. Я. Швец: «с Клатоваа» (при ударе на первом слоге) и т. п. В юго-западных чешских говорах, во всяком случае по их состоянию на сегодняшний день, это фразовое продление конечного слога прямой опоры не находит. Скорее всего, перед нами идиолектное явление (если можно понимать под идиолектом совокупность языковых особенностей не только отдельного человека, но и группы лиц), которое распространилось в Варваровке и стало восприниматься как ее яркая речевая характеристика жителями других чешских поселений, где такой выговор представлен не был.

Какие-либо другие «способы маркировки диалектной специфики речи соседних деревень», как это назвал И. В. Кузнецов, у чехов анапской и новороссийской групп не наблюдаются. Можно утверждать, что здесь сформировался достаточно единообразный идиом, в основных чертах возводящийся к южночешскому диалекту – или, шире, с учетом вероятного происхождения по крайней мере части жителей Варваровки из окрестностей Клатов, к юго-западно-чешскому. При этом в речи жителей и уроженцев Варваровки не фиксируются какие-либо специфически западночешские признаки, которые отсутствовали бы у других информантов. Так, в Варваровке не засвидетельствованы преимущественно западночешские наименования семьи (и отдельных ее членов) на *-ojc*, а употребительны южночешские формы на *-ú/-u*; ср. в беседе с М. И. Белоконь: *on’i bili Maškú* ‘они были Машек (по фамилии)’ и т. п. Ожидаемая форма на

-*ojc* встретилась только один раз в записи беседы с Е. Т. Ружечко (1926 г. р.) из Кирилловки, причем эта форма обозначает принадлежность к семье одного из ее членов: *já sem Dušánkojc* ‘я – Душанек’; ср., однако, из разговора 2011 г. с И. К. Викторой (1946–2014) в Кирилловке: *Dušánku strejček, Josi Dušánku táta* ‘дядя Душанек(ов), Ёси Душанека отец’. В Чешском языковом атласе также отмечено лишь спорадическое проникновение форм на *-ojc* на территорию южночешских говоров (СЖА 4: 328–333, в том числе карты 222, 223).

Разумеется, признавая единство западносеверокавказского чешского идиома в его новороссийской и анапской локальных манифестациях, нельзя исключать идиолектного варьирования внутри него как на уровне звукового облика определенных слов или форм, так и в употреблении отдельных лексем. Эти идиолектные различия могут быть связаны с происхождением предков того или иного информанта, но могут объясняться также иначе. Например, только у А. П. Сланец записан глагол *žnout* ‘жать’ в форме на *-l* с сохранением дифтонга перед этим формантом: *taji žnouli skompíji* ‘тут собирали скумпию’ (в Чешском языковом атласе такие формы отмечены в нескольких населенных пунктах на юго-западе Чехии, в том числе в районе Клатов, см. СЖА 4: 565, карта 401); только у Э. И. Краль выступает форма повелительного наклонения глагола *bát se* ‘бояться’ с гласным *u* в корне: *nebujte se* ‘не бойтесь’ (граница распространения этой скорее западночешской формы, по данным Чешского языкового атласа, доходит до района Будеёвиц, см. СЖА 5: 205, карта 198); только М. В. Сисель, в отличие от других информантов новороссийской и анапской групп, употребляет формы модального глагола *muset* ‘быть должным’ последовательно с согласным *-s-* в основе (у остальных чаще с *-š-*: *muším* ‘я должен / должна’, *mušel* ‘должен был’ и др.). Из лексики, например, только у В. П. Кабрды зафиксирован южночешский германизм *šreka* ‘канава’ < нем. *Schräge* ‘скос, уклон’ (СЖА 2: 333, карта 146); другой частый в его речи германизм *bajzík* ‘собака’ < нем. *beißen* ‘кусать’ знаком лишь немногим жителям Кирилловки / Мефодиевки, в Варваровке же он известен с другим суффиксом: *bajzek*; ср. на территории Чехии *bajzek* (Janečková 1995: 21) и *pajsek* (СЖА 3: 479, карта 217). Интересно при этом, что ареалы бытования слов *šreka* и *pajsek* в Чешском языковом атласе не совпадают: первое отмечается северо-западнее, в районе города Писек, а второе юго-восточнее, в широких окрестностях Будеёвиц до района города Йиндржихув-Градец. Конечно, в период переселения предков нынешних северокавказских чехов со старой родины распространение отдельных лексем

в говорах Чехии могло довольно значительно отличаться от современного. С другой стороны, в ряде случаев речь идет, по-видимому, об устойчивых лексических вариантах, которые издавна характеризовали различные микроареалы в Чехии либо даже Моравии, откуда они могли быть перенесены на Северный Кавказ разными группами переселенцев. Здесь такие гетерогенные лексические единицы могли становиться частью идиолектного или более общего узуса.

Так, в основном в районе города Йиндржихув-Градец и еще восточнее, вплоть до Высочины, в Чешском языковом атласе фиксируется обычное в Кирилловке слово со значением ‘ветка’, выступающее в виде *vjetle*; название же распространенного в округе растения *mateřidoušek* (мужского рода) ‘чабрец’, а также ставшее для местных жителей именем собственным название заболоченного места в горах *bařisko*, по данным атласа, вообще предстают как моравские лексемы, характерные для окрестностей Брно (ЃЈА 2: 195, 249, 311, карты 76, 105, 136). То же следует сказать о слове *babinka* в значении ‘повитуха’, которое отмечено в речи В. П. Кабрды; в Чешском языковом атласе оно же засвидетельствовано в виде *bábinka* с обычным значением ‘бабушка’ в ареале от Йиглавы до Брно в Моравии (ЃЈА 1: 79, карта 7)⁴. В Варваровке под Анапой Н. И. Бондарь записал соответствующее слово в более чешском звуковом облике: *бабИчка* (Бондарь 2013: 225). Оба варианта демонстрируют юго-западно-чешский перенос ударения на предпоследний слог (ср. ЃЈА 5: 502–503, карта 369), в первом случае, если считать вариант *babinka* моравизмом, наступивший, по-видимому, уже на Северном Кавказе.

Соглашаясь с критическим суждением Н. И. Бондаря, что высказанное некогда И. В. Кузнецовым «предположение о Моравии как “прародине” кубанских чехов и их культурной (диалектной) близости с такой этнографической группой, как ганаки, является ошибочным» (Бондарь 2013: 221), отмечу тем не менее, что указанные и, вероятно, некоторые иные лексемы могли запечатлеть «моравский след» в западносеверокавказском чешском говоре, хотя и практически теряющийся на фоне юго-западно-чешских черт, которые в нем, безусловно, преобладают.

И. В. Кузнецов утверждал, что о близости северокавказских чехов с населением Моравии говорят «этнографические особенности чехов двух наиболее изученных групп – анапской и геленджикской» (Кузнецов 1999: 116). К сожалению, с диалектологической точки зрения об отличительных признаках речи чехов геленджикской группы уже трудно судить. Впрочем, запись беседы с одной из послед-

них чешскоговорящих жительниц села Тешебс К. Ф. Овсяк (урожд. Крейчик, 1926 г. р.) свидетельствует о принадлежности этого говора к западносеверокавказскому типу; при этом показательно, что даже характерная для ее идиолекта адвербиальная лексема *nejčkin* 'сейчас', неизвестная в говорах под Анапой и Новороссийском, имеет южночешское происхождение (ср. *СЯ* 5, 537, карта 388). Чешский говор еще одного села геленджикской группы – Текос – давно исчез. В. С. Пукиш со ссылкой на материалы экспедиции Геленджикского этнографического музея 1992 г. сообщает, что «до 1870 г. в Текосе было поселено 15 семейств чешских и польских славян из Моравии», которые «заселили нынешнюю улицу Заречную, правую сторону – чехи, левую – поляки» (Пукиш 2010: 32). Более подробную версию колонизации Текоса со слов его уроженки А. И. Малиборской-Петинной изложила в газетной заметке журналист Е. Лазуткина: «Здесь, в долине горной речки, в 1867 г. поселились семь семей чехов и семь семей поляков. Все они были выходцами из Моравии. А переехали в Текос с Кубани, со станицы Крымской, где пять лет работали по найму у зажиточных казаков»⁵. Конечно, поляки в Текосе не могли быть родом из Моравии, для чехов же это не исключено. В любом случае можно констатировать сосуществование представителей обоих этих народов и даже вступление их в межэтнические браки, причем не только в Текосе, но изредка и в других селениях (в частности, отец причисляющей себя к чешской общине М. П. Копервас из Варваровки был поляком). Ввиду этого нельзя безоговорочно отрицать, как это делает Н. И. Бондарь, предполагаемое И. В. Кузнецовым в отношении чешских переселенцев «сближение с другими группами, исповедующими католицизм, например, поляками», хотя, разумеется, это не было сближение «на религиозной платформе», тем более на почве неприязни между католиками и «русским православным большинством» (Кузнецов 1999: 119; Бондарь 2013: 223). Не имело национальной подоплеки и раскулачивание их потомков в 1930-е гг., в результате которого как чешская, так и польская речь в Текосе постепенно перестала звучать.

В справке Государственного архива Краснодарского края за № 26/1-П от 16.08.2011 г., которую получила в ответ на свой запрос А. Н. Платонова, внучка текосского поляка Франца Войтеховича Маркса и чешки Анны Иосифовны Кучеры, сообщается, что «в поселенных списках домохозяев села Текос Джубгской волости Туапсинского отдела Кубано-Черноморской области по итогам переписи 1920 г. имеются сведения о домохозяйствах Маркса Войтеха Никол. (так в

документе) и Кучера Ив. Антонов. (так в документе)»; в том числе указан родной язык обоих: у первого – польский, у второго – чешский. В хранящемся в Архивном отделе Администрации г. Геленджика «Личном деле выселяемого № 97», заведенном в апреле 1933 г. одновременно на Маркса Иосифа Войтеховича и Маркса Франца Войтеховича, родной язык в анкете не приводится – только национальность и подданство («поляк, подд. СССР»). В деле же Кучеры Иосифа Ивановича на основании приложенного донесения «с/о Сидорова» записано, что Кучера «в 1933 году как классово чуждый исключен из колхоза, настроен к соввласти крайне враждебно, был старостой поселка при белых, имел тесную связь с контр-разведкой, выдавал красно-зеленых партизан, использовал постоянно наемную силу, к батракам относился зверски, систематически ведет а/с агитацию, но осторожно, злостно саботирует всехозполиткампании»⁶. Раскулаченные и сосланные в Сибирь как «классово чуждые», многие жители Текоса были впоследствии репрессированы вторично – и эти дела уже приобретали национальную окраску. Так, согласно базе данных «Жертвы политического террора в СССР», в 1938 г. проживавшие на поселении в Томской области Иосиф Иосифович Кучера и его брат Адольф были расстреляны по обвинению в принадлежности к контрреволюционной националистической шпионско-диверсионной немецкой (!) организации, а Иосиф Войтехович Маркс и еще семеро поляков из Текоса – как члены польской организации «Войсковая». В 1957–1958 гг. все они были реабилитированы⁷.

В составленном В. С. Пукишем списке наиболее частых фамилий северокавказских чехов для села Текос наряду с чешскими приводятся и польские, в том числе значащиеся в вышеназванной базе данных: Маркс, Малиборский, Слива, Томасик (Пукиш 2010: 302). Остальные, собственно чешские, фамилии не позволяют с определенностью проследить, откуда прибыли в Россию их носители. В современной Чешской Республике, по данным сайта <http://www.kdejsme.cz/>, некоторые из них – не самые распространенные – действительно встречаются скорее в Моравии, но также на юге, а иногда даже на севере Чехии. Практически исключительно в Моравии представлена лишь одна из этих фамилий: *Kotačka*, происходящая, видимо, от юго-западноморавского названия плода репейника (СЈА 2: 281, карта 118). Характерно, что в России произошло переобразование этой фамилии по более привычной «украинской» деривационной модели на *-ко*: *Котачко*. Носитель данной фамилии Котачко Василий Васильевич, родившийся в 1899 г. в Текосе Азово-Черно-

морского края и сосланный на поселение в Томскую область, чех, в 1938 г. также был расстрелян по обвинению в принадлежности к контрреволюционной националистической шпионско-диверсионной немецкой организации⁸. Остается добавить, что русским именем *Василий* у северокавказских чехов еще в царский период заменялось по созвучию исконное имя *Вацлав*.

В то время как русификация чешских имен и фамилий в России осуществлялась официальным путем, «сверху», сами по себе северокавказские чешские говоры по мере их становления на новой родине переселенцев естественным образом воспринимали многое из языка окружения. Кроме собственно русского языка не столько в его литературной форме, сколько, несомненно, в интердиалектной южной разновидности, свое влияние на них, по-видимому, оказывал распространенный на Черноморском побережье Кавказа и на Кубани смешанный украинско-южнорусский идиом, известный под названием «балачка». Следует полагать, что именно из «балачки» во всяком случае в западносеверокавказские чешские говоры проникали такие фонетические черты, как 1) частая реализация фонемы /i/ после губных согласных и /l/ в виде русского [ы] или, не только в этой позиции, в виде верхне-среднего – «украинского» типа – [i], колеблющегося между [i^е] и [e^л] (вплоть до совпадения с [e]), и 2) губно-губная реализация фонемы /v/, приводящая к отождествлению с /v/ второй части чешского дифтонга [ou]. Обе эти черты отражены в записях этнографически значимых чешских слов как у И. В. Кузнецова (*koblehi* ‘пирожки с мясом’, *košele* ‘длинная рубаша со стоячим воротником’ – чешск. *koblihy* ‘пончики’, *košile* ‘рубашка, сорочка’, Кузнецов 1999: 120), так и у Н. И. Бондаря: (в) *ковтку* ‘в углу’ – чешск. предл. п. ед. ч. *v koutku*; *клыкАнь* ‘колокольный звон’ – чешск. *klekáni* ‘оповещение звоном о времени молитвы’, от *klekat* ‘преклонять колени’; *в кошылы* ‘в рубашке’ – чешск. *v košili*; *лышко/лишко* – чешск. зват. форма *liško* ‘лиса’ (Бондарь 2013: 225, 228–229)⁹.

Анализируя начинающуюся с обращения «*лышко*» ритуальную фразу, которую в Варваровке принято было произносить в связи с выпадением первого молочного зуба у ребенка, Н. И. Бондарь рассуждает: «Для славянской и, шире, индоевропейской мифологии характерно отправление первого выпавшего (нечеловеческого) зуба в нечеловеческое пространство, как правило, животным (мышке, сверчку и т. п.). Вместе с тем его могут переадресовать к мифологическим персонажам: Бабе, Бабе Яге. Судя по всему, это более древние представления-образы. Не исключено, что и в случае с чехами Куба-

ни, особенно в контексте проблемы генезиса образа, мы имеем дело не с лисой, а с “Лышком”, Лихом» (Бондарь 2013: 229). Между тем в книге В. С. Пукиша – однозначное прочтение которым данной фразы как обращенной к лисе Н. И. Бондарь ставит под сомнение – эта трактовка, с одной стороны, основательно документирована ссылками на чешские источники, а с другой – подкреплена также восточнославянскими параллелями, в том числе и кубанскими, причем с опорой на работу Н. И. Бондаря 1998 г. (Пукиш 2010: 241–242)¹⁰. У восточных славян обращение к Лиху нигде не зафиксировано, на чешской же почве оно не могло возникнуть самостоятельно (в чешском языке корень **lich-* не развил значений ‘плохой’ и ‘злосчастный’). В. С. Пукиш, указывая на созвучие чешского слова *liška* (особенно при произнесении /i/ после /l/ как [ы]) и русского *мышка*, рассматривает весь этот ритуал как пример интерференции долго сохранявшихся у северокавказских чехов элементов традиционной обрядности, перенесенной ими со старой родины, с новыми обычаями, перенятыми у соседних этнических групп, живущих на Кавказе. Думается, речь здесь может идти только о межъязыковой интерференции на уровне фонетики.

Не будучи этнографом, не берусь окончательно ответить на вопрос, насколько возможно «создать “карту” чешских культурных диалектов Северного Кавказа» (Бондарь 2013: 230). Как лингвист, соприкоснувшийся с данной проблемой в процессе изучения западносеверокавказского чешского идиома в его сохраняющихся на сей день локальных манифестациях, прежде всего новороссийской и анапской, и пока лишь зондирования восточносеверокавказского чешского говора села Анастасиевка в окрестностях Туапсе, могу, однако, подтвердить, что постулируемые Н. И. Бондарем «культурные различия между отдельными чешскими поселениями» на Северном Кавказе существуют, хотя они, по-видимому, разделяют не относительно близкие друг к другу села западной группы, а противопоставляют всю эту группу более восточному ареалу. Например, в Анастасиевке при описании информантами народного обычая, связанного с Пасхой, был зафиксирован специфический глагол *šmerkuvat* ‘стегать’, неизвестный – как и сам этот обычай – западносеверокавказским чехам: *šmerkuvali – nu, gdiž je Páska... bičem, bičem vajička hon’ili* ‘стегали – ну, когда Пасха, кнутом, кнутом яйца перед собой гнали’. Аналогичное глагольное образование от существительного, обозначающего обычай стегания девушек прутиком в понедельник после Пасхи, которое по происхождению представляет собой типич-

но восточночешский германизм, отмечено в среднеприиртышском чешском говоре в Сибири: это лексема *šmrkustovat* от *šmerkúst / šmerkúst* < нем. Schmeckostern (ср. СJA 2, 456, 458, 461). Впрочем, как видим, восточносеверокавказский и среднеприиртышский глаголы не вполне совпадают по звучанию и по значению, как не совпадают и описываемые ими обычаи. Следует думать, что Анастасиевку (первоначальное ее название – Георгиевские хутора) заселяли выходцы из другой части Восточной Чехии, нежели переселенцы в Сибирь.

Что касается западносеверокавказского идиома, его южночешская или, шире, юго-западночешская основа не вызывает сомнений. То, что первые колонисты прибывали в окрестности Новороссийска и Анапы главным образом из Южной и Западной Чехии, подтверждают и устные семейные предания, передаваемые их потомками. С другой стороны, существуют также устные и отчасти даже документальные свидетельства того, что среди чешских переселенцев на Северный Кавказ были выходцы не только из указанных двух регионов Чехии, но и из Моравии. Можно предполагать, что в зависимости от преобладания в возникших колониях крестьян из той или иной части метрополии говоры в них первоначально не были единообразными. Тем не менее следует заключить, что в условиях достаточно компактного совместного проживания выходцев из разных местностей Чехии и Моравии на территории от Анапы до Геленджика постепенно сложился своеобразный «микроинтердиалект», вобравший черты разных говоров, но с безусловным доминированием юго-западночешских признаков. В этом переселенческом интердиалекте не были полностью нивелированы идиолектные черты, проявляющиеся и поныне, однако развитие привело к установлению здесь в общем единого узуса.

Заметное влияние на его формирование и конечный облик оказало постоянное взаимодействие с языком окружения: южнорусским интердиалектным идиомом и кубанской «балачкой». Результаты этого взаимодействия, в особенности с «балачкой», которая сама по себе составляет важную часть языкового и культурного наследия региона, должны стать предметом пристального дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Бондарь 2013 – *Бондарь Н. И.* Материалы к устной истории и этнографии чехов Кубани (Кавказа) // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. 7. С. 219–233.

Кузнецов 1998 – *Кузнецов И. В.* Чехи (Материалы к изучению западноевропейских колонистов на Кавказе) // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар, 1998. С. 394–401.

Кузнецов 1999 – *Кузнецов И.* Чехи Кавказа // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Краснодар, 1999. С. 116–122.

Поляков 2014 – *Поляков Д. К.* Интерференционные процессы и гибридизация в переселенческих говорах // Гибридные формы в славянских культурах. М., 2014. С. 132–147.

Пукиш 2010 – *Пукиш В.* Чехи Северного Кавказа: годы и судьбы. 1868–2010. Ростов-на-Дону, 2010.

Скорвид, Третьякова 2009 – *Скорвид С. С., Третьякова И. В.* «Тут жил Кирилл, а там – Мефодий...», или Чехи под Новороссийском // Язык, сознание, коммуникация. М., 2009. Вып. 38. С. 40–54.

Скорвид, Поляков 2013 – *Скорвид С. С., Поляков Д. К.* О проницаемости грамматической системы в ситуации межъязыковой интерференции в говоре потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе // Исследования по славянской диалектологии. М., 2013. Вып. 16. С. 305–337.

Скорвид 2013 – *Скорвид С. С.* Говор потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе как пример лингвоареального дрейфа // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 554–568.

Скорвид 2014 – *Скорвид С. С.* Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири // Славяноведение. 2014. № 1. С. 44–58.

ČJA 1 – *Český jazykový atlas 1 / Red. Jan Balhar a kol. Praha, 1992.*

ČJA 2 – *Český jazykový atlas 2 / Red. Jan Balhar a kol. Praha, 1997.*

ČJA 3 – *Český jazykový atlas 3 / Red. Jan Balhar a kol. Praha, 1999.*

ČJA 4 – *Český jazykový atlas 4 / Red. Jan Balhar a kol. Praha, 2002.*

ČJA 5 – *Český jazykový atlas 5 / Red. Jan Balhar a kol. Praha, 2005. S. 205 (карта 198).*

Erben 1864 – *Erben K. J.* Prostonárodní české písně a říkadla. Praha, 1864.

Janečková 1995 – *Janečková M.* Německé přejímky v jihozápadočeské nářeční oblasti // Sborník katedry českého jazyka jihočeského regionu IV. České Budějovice, 1995.

Uherek a kol. 2003 – Uherek Z., Valášková N., Kužel S., Dymeš P. Češi z Kazachstánu a jejich předsílení do České republiky. Praha, 2003.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Добавлю, что обычай «казни петуха», по нашим полевым материалам, был известен до 1950-х годов также чехам в Омской области, а у чехов в Казахстане он сохранялся вплоть до середины 1990-х (Uherek a kol. 2003: 72–73).

2 Интервью М. Гавличека доступны на сайте <http://www.pametnaroda.cz/category/detail/id/64> (в изложении по-чешски, в том числе расшифровка беседы с В. Я. Швецом – на странице [pametnaroda.cz/story/svec-vaclav-janovic-1917-456](http://www.pametnaroda.cz/story/svec-vaclav-janovic-1917-456); зарегистрировавшиеся исследователи могут прослушать эти записи полностью).

3 РГИА. Ф. 1284. Оп. 128. Д. 390.

4 Лишь occasionally слово *bábinka* зафиксировано также в значении ‘повитуха’, причем в районе города Либерец на севере Чехии (ČJA 1: 92).

5 Официальный сайт геленджикской городской газеты «Прибой». 06.04.2009.

6 Архивный отдел Администрации г. Геленджика. Ф. 191. Оп. 1. Д. 210, 182.

7 <http://lists.memo.ru/index11.htm>, <http://lists.memo.ru/index13.htm>, <http://lists.memo.ru/index13.htm>, <http://lists.memo.ru/index18.htm>, <http://lists.memo.ru/index19.htm>

8 <http://lists.memo.ru/index11.htm>

9 К сожалению, в опубликованных автором расшифровках записей очень много просто неточно расслышанных и воспроизведенных слов, в том числе этнографически значимых, ср.: «Девочки на этой же неделе делали куклу “Смертл” и с песней “Смэртл лазэ по воде, / Новли лито к нам едэ / ...” носили ее по селу» (Бондарь 2013: 228). В действительности этот персонаж называется *Smrt* (без конечного *-l*), а песня звучит так: *Smrt plave po vodě, nový líto k nám jede...* «Смерть плывет по воде, а к нам едет “новое лето”» (фольклорное название зеленой ветки или дерева). Полностью эту песню в исполнении А. П. Сланец можно послушать на сайте <http://www.pametnaroda.cz/witness/clip/id/972/clip/2612>.

10 В дополнение укажу на вариант этой фразы с обращением *Liško!* – при основном варианте *Bábo!* – в сборнике К. Я. Эрбена «Простонародные чешские песни и пословицы» (Erben 1864: 5).

Skorvid S. S.

On «cultural dialects» and immigrant patois of Czechs on the Black Sea coast of the Northern Caucasus

The paper discusses the propriety of applying the term “cultural dialects” to the Northern Caucasus Czech community which appeared at the end of the 1860s. In the process, the author characterizes the Czech patois still spoken in several villages in the areas near Anapa, Novorossiysk and Gelendzhik, on the one hand, and near Tuapse, on the other. It is shown that, despite different origins of the 19th century Czech immigrants to the first area, there had developed an interdialectal koiné with mainly Southwest Bohemian features. On the contrary, the patois near Tuapse which can be traced back to the Northeast Bohemian dialect remained apart from this process. This distinction has also certain cultural consequences.

Key words: Czech community in the Northern Caucasus, rural migration, Southwest and Northeast Bohemian dialects, interdialect, language contact

Г. П. Пилипенко
(Москва)

Словенцы в провинции Триест: социолингвистическая и этнокультурная ситуация

В статье рассматривается этнокультурная ситуация словенского национального меньшинства в провинции Триест (Италия). Через лингвистические биографии информантов рассматривается взаимодействие словенцев с мажоритарной этнической группой – итальянцами. Выделены наиболее стойкие диалектные особенности крашского и истрийского диалектов. Рассмотрено функционирование географических названий и итальянизмов в словенском языке информантов.

Ключевые слова: *словенский язык, провинция Триест, итальянский язык, миграции, идентичность*

Данный регион выбран для исследования неслучайно. В провинции Триест культурно-общественная жизнь словенского меньшинства очень активна¹ и имеет давнюю историю. Там существуют многочисленные культурные, научные организации. Работа в данном регионе вписывается в целый ряд экспедиций, которые были проведены нами по всему периметру границы Словении с неславянскими странами (Каринтия (Австрия), Прекмурье (Словения), Порабье (Венгрия)²). Поэтому включение в качестве территории исследования итальянско-словенского пограничья представлялось оправданным и вполне логичным. Особое значение это пограничье приобретает в свете того, что в этих регионах периферия славянского мира (периферия словенского этноса) вступает в контакт с периферией неславянского мира (итальянцы (фриульцы и носители диалектов венецианского типа, так называемых *dialetto veneto coloniale* «колониальных венецианских диалектов»)). При проведении исследований внимание акцентируется не только на одной этнической группе, а, как правило, на двух контактирующих группах, чтобы оперировать в дальнейшем данными, отражающими точку зрения как миноритарного, так и мажоритарного этноса. Во время экспедиций проводится

Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00592а «Актуальные этноязыковые и этнокультурные процессы современности: языковая ситуация – языковой менеджмент – языковая политика» (рук. д.ф.н. Г. П. Нецименко).

комплексное обследование местности, культуры и языка информантов при использовании интердисциплинарных методов исследования.

Исследование в провинции Триест проводилось при организационной поддержке Словенского исследовательского института (*Instituto sloveno di ricerche, Slovenski raziskovalni Inštitut, SLORI*) и при участии председателей культурно-общественных организаций тех населенных пунктов, которые были обследованы³. Во время экспедиции помимо Триеста (*Trst*) удалось посетить Сан-Дорлиго-делла-Валле (*Dolina*), Карезана (*Mačkovlje*), Гродзана (*Gročana*), Сливия (*Slivno*), Ауризина (*Nabrežina*), Базовица (*Bazovica*), Санта Кроче (*Križ*), Препотто (*Praprot*), Сесляно (*Sesljan*). Из самого Триеста информанты были из районов города Сан-Джованни (*Sveti Ivan*), Баркола (*Barkovlje*).

Необходимо сказать несколько слов о социолингвистической ситуации словенцев, проживающих в Италии. Население автономного региона составляет 1,2 млн человек. Словенцы пришли в этот регион в VI в. В разное время эти земли входили в состав империи франков, владений Аквилейского патриарха, Венецианской республики, Австрии. Окончательная граница между Италией и Югославией (СР Словения) устанавливается в 1954 г. На сегодняшний день точных демографических данных о численности словенцев в регионе Фриули-Венеция-Джулия нет, последняя перепись, в которой была указана национальность, проводилась в Италии в 1971 г.⁴ Оценки в численности словенцев разнятся, согласно некоторым исследованиям, их насчитывается около 100 000⁵. Из четырех провинций региона (Порденоне, Удине, Гориция, Триест) словенское меньшинство проживает в трех провинциях – Удине, Гориция и Триест, вытянувшихся вдоль границы со Словенией: от словенско-австрийско-итальянского пограничья на севере до южных предместий Триеста. Исследователи приводят данные, что в провинции Триест проживали в 1980-е гг. 49 000 словенцев, в Гориции – 15 000, в Удине – 21 000⁶.

Словенское меньшинство в Италии неоднородно по своему составу, положению и функционированию языка, что обусловлено различной политико-административной принадлежностью отдельных областей в прошлом. Словенцы проживают повсеместно в сельской местности, в городах они составляют меньшинство⁷. По направлению с севера на юг – первой группой оказываются словенцы Канальской долины (*Val Canale*) – единственной области в Италии, где распространен зильский (*ziljsko narečje*) диалект каринтийского наречия

словенского языка. Далее следует Резьянская долина (*Val Resia*), которая на протяжении долгого времени была закрытой от влияний других словенских диалектов и словенского национального движения, что позволило сформироваться особому типу местного самосознания и уникальному диалекту, привлекавшему внимание таких ученых, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, И. И. Срезневский, Х. Стеенвейк и др. Следующей зоной является так называемая Венецианская Словения (*Slavia friulana, Slavia veneta, Beneška Slovenija*), территория, которая после референдума 1866 г. перешла от Австрии к Италии, ввиду чего осталась в стороне от набиравшего в ту пору популярность словенского национального движения. П. Мерку отмечает, что эта бывшая граница между Австрией и Италией делит словенцев на две группы⁸. Как результат, идентичность словенцев, оставшихся в Италии, не имела возможности развиваться в той степени, как это было в австрийских землях. Здесь распространены терский (*tersko narečje*) и надижский (*nadiško narečje*) диалекты словенского языка. В провинции Гориция проживают носители бришского (*briško narečje*) и крашского (*kraško narečje*) диалектов. В провинции Триест распространены крашский, нотраньский (*notranjsko narečje*) и истрийский (*istrsko narečje*) диалекты. На словенских диалектах в провинции Удине появляются литературные произведения. Р. Дапит объясняет это тем, что у авторов, создающих эти произведения, не было возможности получить образование на словенском языке⁹. Однако и на территориях, где были сильны позиции словенской идентичности, было развито образование на словенском языке, также появляются произведения на местной диалектной основе, например, произведения М. Мийот на светоиванском говоре, «который был ей наиболее близок и который казался ей естественным»¹⁰. Таким образом, на территории Италии распространены диалекты приморской наречной группы, за исключением самой северной части региона, где имеет продолжение каринтийская диалектная группа в виде зильского диалекта.

Территории, на которых сегодня проживают словенцы в Канальской долине, а также в провинциях Гориция и Триест, до окончания Первой мировой войны входили в состав Австро-Венгрии, где была распространена система школьного образования на словенском языке, действовали словенские культурные, экономические, политические организации. Это обстоятельство и обусловило различие в плане витальности языка и формирования общесловенской идентичности между Резией и Венецианской Словенией с одной стороны и

вышеупомянутыми территориями с другой стороны. Однако сегодня для всей словенской общины в Италии характерно сокращение численности. В последнее время были приняты правительственные постановления, имеющие целью поддержку словенского языка, его внедрение в преподавание в тех зонах Венецианской Словении, где он никогда не изучался в школах. В Гориции и Триесте школьное образование на словенском языке регулируется отдельным законом № 1012 от 1961 г.¹¹ Правовой статус словенского меньшинства и использование словенского языка в регионе Фриули-Венеция-Джулия закреплены в законе № 38 от 23.02.2001 «*Norme per la tutela della minoranza linguistica slovena della regione Friuli-Venezia-Giulia*»¹². Несмотря на поддержку в последние годы, словенцы имеют много проблем, которые еще предстоит решить, в частности, одной из них является отсутствие единой административно-юридической терминологии¹³ для словенского языка в Италии.

Межэтническое взаимодействие является составной частью языковой ситуации. На упомянутых выше территориях словенцы контактируют с фриульцами (Удине, Гориция), а также с немцами (*Val Canale*) и итальянцами – носителями венецианских диалектов – в Триесте, а также с так называемыми *esuli*, переселенцами из Словении и Хорватии после Второй мировой войны. Последнее обстоятельство добавило в достаточно напряженные отношения между двумя этническими группами – словенцами и итальянцами – еще больше антагонизма. Причина состоит в том, что места переселения для *esuli* были определены вблизи населенных пунктов со словенским большинством. Так, в провинции Триест были основаны *borghi* районы, например, *borgo San Marco* в общине Ауризина, что способствует размыванию этнической гомогенности в этих районах.

Что касается самой провинции Триест, то словенцы составляют большинство в общинах Монрупино (*Repentabor*), Сан-Дорлигоделла-Валле (*Dolina*), Згонико (*Zgonik*); в общинах Дуино-Ауризина (*Devin-Nabrežina*), Муджа (*Milje*), а также в самом городе Триест словенцы в меньшинстве. С информантами, проживающими в населенных пунктах Грозана, Каредзана, Сливия, Ауризина, а также выходцами из таких районов Триеста, как Баркола и Сан-Джованни¹⁴, проводились интервью на социолингвистические, этнографические темы, отдельное внимание было уделено вопросу миграций и «пустого пространства», сохранения связей между родственниками (известно, что словенцы массово эмигрировали из этих мест в XX в. в Южную Америку, в основном в Аргентину и Уругвай, а также во

внутренние регионы Словении, в частности – в Прекмурье, где они оказались в словенско-венгерской зоне языковых контактов¹⁵). В отличие от ряда других исследователей¹⁶, нашей задачей было считывание кода идентичности и культурного кода через прямые и опосредованные манифестации в языке, культуре, социальных действиях с учетом внутрилингвистического аспекта.

При сборе материала приоритетными были следующие темы: сельское хозяйство, гастрономическая культура (убой свиней, производство пршута, колбас, вина, оливкового масла, выпекание хлеба), местные фольклорные праздники (*majenca* – установка майского дерева в Долине, *praznik čriešenj* – праздник черешен в деревне Мачковле), содержание *wasmic* (лавок по продаже вина и мясных изделий), рыболовство (ловля тунца), лингвистические биографии (обучение итальянскому языку, школьное образование). Все интервью проводились на словенском языке, при этом одни информанты полностью перестраивались на диалект (крашский или истрийский), другие говорили на регионально окрашенном варианте словенского языка. Возрастной лимит не был выставлен: в орбиту нашего внимания попадали как представители молодого и среднего поколения, так и представители старшего поколения. Особенно ценными были интервью с теми информантами, которые занимаются традиционными промыслами и способами ведения хозяйства (так, удалось увидеть оливковые плантации и изготовление масла в Долине). О рыболовстве приходится судить лишь по нарративам, поскольку этот промысел, ранее характерный для всех прибрежных словенских деревень, расположенных к северу-западу от Триеста, практически исчез.

Выбор населенных пунктов был обусловлен тем, чтобы охватить две основные зоны расселения словенцев: Крас и Истрия. Словенские диалекты, распространенные здесь, как уже было отмечено выше, относятся к приморской диалектной группе. В собранном нами корпусе текстов мы выделили следующие фонетические черты, свойственные вокализму и консонантизму данных говоров. Эти особенности фиксируются в диалектной речи информантов, отмечены они и в регионально окрашенной разновидности литературного языка, что свидетельствует об их устойчивости:

– континуант *ě* – дифтонг *ie*: *se je p*ie*lo* (pelo); *ko so r*ie*kuo* (reko) *čistle*; *pəbirat čriešnje* (češnje) (M); *briaskəv* (breskev) (D);

– на месте *o* и *o* носового находим дифтонг (*w*)*uo/ou*; *sej bo tuoča* (toča); *muj nuno, smo kuhali puo*l*'ento* (polento); *k puo*t*le* (potle) *bo pəršw muo*ž** (mož); *pet otrouk* (otrok) *imel je wuoče* (oče); *kr nej blo duosti* (dosti) (G);

– сильная редукция¹⁷ (ə на месте u, o, a, e, i): *je blə* (bila) *bərja* (burja); *zə* (za) *dət* (dati) *nutrə* (noter/notri); *čəjəš* (čuješ) *dəh* (dah) *əd* (od) *mərja* (morja); *ztu k mast je slədka* (sladka) (M); *brat ruodəw* (rodil) (G), *dəmaće wuəljlə* (domaće olje) (D);

– отмечены случаи аканья: *nekatere, ko so ɣavaril'e* (govorile); *ko končal s streho pakrito* (pokrito) *vse; sma šla z wuoćem pabirat* (pobirati) *tisti pesek* (G);

– умялутные *ü, ö* на месте *u, o*: *i za pöst* (pust) – *supe, kruh; je prišew tüdi* (tudi) *sa plesnjo; tü* (tu) *neso mieli kuonja; vel'ika družinjə* (drižina) (G);

– наличие фрикативного *ɣ*: *wədə ɣor* (gor) *se čələ; tisto žezezo zažəno* (zažgano); *hodəw orɣlat* (orglati) *tam w Wəspə; so muoɣle* (mogli) *kupit puotle* (G); *ɣrəh* (grah), *ɣraha* (graha) (D);

– развитие протетического губно-губного *w*: *vidle malo wəćeta* (očeta); *wən* (on) *je rojen, ee, v Trstə; brəz də jəməš v wəbzir* (obzir); *adən je moxəw bit za wəzəm; smo spekli rumeni kruh, ko so meli wəɣnišća* (ognjišća) (G);

– изменение конечного *m* в *n* в глагольных формах (первое лицо ед. ч.) и у существительных (в тв. п.): *jə znən* (znam); *jəs bivən* (bivam) *na ulce; jəs prvo rečen* (rečem); *ne z enən* (enim) *društven* (društvom), *ne z družəw društven* (društvom); *tolko let od teɣa, jaz ne znən* (ne znam) (M); *moralizmeraj z wuožən* (vozom) *jas potaɣat* (G);

– палатальная артикуляция *č*: *čəjš* (čuješ) *dəh; pr mene ɣor w pianə nə čəjen* (čujem), *pero pr matə čəješ* (čuješ) (M); *ker ni bilo sowdow za pwačət* (plačati) (G);

– изменение *k* в *č, s* перед *ć* переходит в *š*: *ćisə* (kislo) *zelə; smo se držale təkə se šćəp* (skupaj); *k so čəple* (kupili) *te hiše* (M); *nej blo nakaj so hodl za ćüpat* (kupiti) (G); *slovenščə* (slovenski) *jəzək; taljanščə jəzek* (talijanski); *wuəlće* (oljke), *wuəlka, šćuta* (skuta), *šćute* (skute) (D).

Интерес для нас представляли *hišna in ledinska imena* (ит. *nome in vulgo della casa e di terra*). Микротопонимы характерны для всей территории распространения словенского языка. К ним относятся названия полей, пастбищ, лесов, водных поверхностей, горных поверхностей, дорог и т. д.¹⁸ Эти названия возникли с целью разграничить сельское пространство, и сохраняются они в основном в устном бытовании¹⁹. *Hišna imena* обозначают имена домов, ферм, а также их владельцев, они функционируют в устной форме, сельские жители знают друг друга в основном по этим именам, при том что у всех есть, конечно, обычные фамилии (*družinska imena*). Анализ «*hišnih imen*» в Вальбруне (*Ovčja vas*) показал, что мотивирующей основой для их

образования могут служить: личные имена хозяев, географические названия, профессии, прозвища, местоположение дома²⁰. Эти имена остаются без изменений при переходе по наследству; при переезде в дом, у которого уже было имя, отмечены случаи, когда новые хозяева перенимают старое название. В результате фамилия и «имя дома» не всегда совпадают. В нашей практике мы столкнулись с несколькими примерами, которые характеризуют межкультурное взаимодействие. Наметившееся в последнее время переселение итальянцев-горожан в окрестные с Триестом села, в которых словенцы составляют большинство, привело к тому, что некоторые новые владельцы, не говорящие по-словенски, перенимают *hišna imena* тех домов, которые они купили у предыдущих словенских хозяев. В данном селе они становятся известными уже под этими словенскими именами.

Приведем примеры из нарративов о данном явлении. Так, информант говорит о том, что *hišno ime* не всегда совпадает с фамилией:

(1) *...Drugačno, ja, recimo, mi smo Pangerc, ne, ampak smo bli Kućci, smo Kućceve, ne, nekatere sovpada, recimo njen nono je Slavec, in se reče Pri Slavcu, Pri Slavčevah, tako da v redkih primerih sovpada, drugače je zmeraj nekaj druga...* (D)

(Другое, да, скажем, наша фамилия Пангерц, но мы были Кучечи, некоторые совпадают, скажем, ее дед Славец, и говорят: У Славца, У Славчевых, так что в редких случаях совпадает, а так – всегда что-то другое)

Для местных жителей наличие этих имен позволяло идентифицировать друг друга, поскольку фамилии часто совпадали, тогда как «имя дома» было уникальным:

(2) *Ker tukaj w Mačkowljah recimo sta dva priimka zelo pogosta, zdaj če bi se samo po priimkih poznali, bi bilo slabo, tule Smotlak, to pomeni da so hišna imena dosti pripomogla k temu da se razume kdo je kdo* (M)

(Здесь в Мачковле, скажем, распространены в основном две фамилии, и если бы только по фамилиям друг друга знали, было бы плохо, здесь фамилия Смотлак, это значит, что эти имена способствовали тому, чтобы понять, кто есть кто)

Информанты сами поясняют происхождение этих имен, их мотивирующую основу:

- (3) *Pr nas Kovačáć, pokojni njegov prinono je bil kovač* (D)
 (У нас имя – Ковачич (кузнец), ее покойный прадедушка был кузнецом)
- (4) *Kúćeć, to smo mi, to je naše* (D)
 (Кучеч, это мы, это наше)
- (5) *Kuvéćeć, to je bilo od kovača* (D)
 (Кувечеч, это было от kovač (кузнец))
- (6) *Săcərblán, iz Socerba* (D)
 (Соцерблянин, из Соцерба)

О том, что и в наши дни эти имена существуют, что ими надеются жители, свидетельствует следующий отрывок, записанный в Долине:

(7) *Čeprav, en par, ki se preselil w eno hišo, kjer so bli Materejce, zdaj kličejo njo, ki nima veze s družino, Materejka, tipo na hiši* (D)

(Хотя одна пара, которая переехала в один дом, где были Матерейцы, сейчас зовут ее, которая не имеет никакого отношения к дому, Матерейка, типа по дому).

Следующий фрагмент показателен с точки зрения характеристики межнациональных отношений в небольших сообществах, деревнях, расположенных около Триеста. Речь здесь не идет о *hišnih imenih*, а о названии ресторана. Информант отмечает, что словенское название ресторана было принято новым итальянским владельцем, что вызывает одобрение у местных словенцев, поскольку в этом видится уважение со стороны переселенцев-итальянцев к местным традициям.

(8) *Ja ja, lasnik je sicer Italijan, to je taka beseda, ki je tudi domača v domačem tržaškem italijanskem narečju, in pomeni strmino, Klanc, na Klancu, ja, samo Talijani pišejo s z na koncu, tukaj pa c, ja, je ohranil originalni zapis, ker se mi je zdelo tako lepo, da je dal gostilni ime Klanc, ma lepo tako, pomeni da razume, kje živi* (D)

(Да, да, владелец итальянец, это такое слово, которое также используется в триестинском итальянском наречии и обозначает крутой склон, крутизна, да, только итальянцы пишут с z на конце, а здесь c, да, он сохранил оригинальную надпись, потому что ему казалась так хорошо, что он назвал ресторан *Klanc*, хорошо так, это означает, что он понимает, где живет)

Среди тех имен, которые нам удалось записать, помимо перечисленных встречаются наименования по этнической принадлежности: *Telján* (Italijan), *Furlán*, (Furlan) (D). Сами активисты культурных обществ стараются возродить *ledinska imena* (микротопонимы) для виноградников, оливковых рощ, полей и устанавливают таблички с надписями на диалекте:

(9) *Zdaj je občina postavila nekaj tabel z ledinskimi imeni, zato da se ohranijo, na podlagi katastrskega zapisa, smo napisali v narečju in književno, vam bom pokazal, imamo zdaj dosti teh tabel, škoda da je tako vreme* (D)

(Сейчас община установила несколько табличек с названиями, для того чтобы они сохранились, на основе кадастра, мы записали на диалекте и на литературном языке, я вам покажу, у нас здесь много этих табличек, жаль, что такая погода)

Однако в современных условиях в связи с мобильностью населения эти имена все чаще сохраняются в речи только представителей старшего поколения. При анализе *hišnih* и *ledinskih* имен можно выяснить социальную и отчасти этническую структуру общества в прошлом, а также проследить трансформацию и инновации подобного наименования на современном этапе.

Отдельного внимания заслуживают названия населенных пунктов. Итальянский вариант названия не всегда совпадает со словенской формой. Существование двух топонимов является отражением языковой политики, проводимой при фашистах с начала 20-х гг. XX в., а именно – итальянизации (*italianizzazione*)²¹. Интересна история с населенным пунктом Долина. Сейчас это единственная деревня, которая даже в официальных документах использует словенское название, хотя еще несколько лет назад преобладал итальянский вариант *San Dorligo della Valle*. В названии фигурирует итальянское имя покровителя Долины св. Ульриха, по которому и названа деревня. В речи информантов вместо словенского названия часто используется итальянское название. Отмечены также случаи параллельного использования названий, когда информант как бы сам себя поправляет (возможно, здесь оказывает влияние присутствие исследователя, с которым информант говорит по-словенски и которому может быть незнакома итальянская форма). Больше всего подобных «сдвигов» в сторону итальянских топонимов фиксируется в речи молодого поколения. В то время была также развернута кампания по замене

словенских имен собственных, фамилий и названий населенных пунктов²². В дискурсе информантов старшего поколения находит отражение период языковой политики 20-х – начала 40-х гг. XX в., многие говорят о том времени сами, без специальных наводящих вопросов исследователя. Можно констатировать, что этот период воспринимается словенцами как национальная травма, ведь словенский язык был запрещен для употребления в официальных местах. Распространенной реакцией чернорубашечников было дать пощечину тому, кто говорит не по-итальянски в их присутствии:

(10) ..... *Ki niso znali, mi smo rekli kaj narobe so nam dali še klofuto, ko so dali tako (показываем), ojej, Non ši parla qua, ... aaa, je bilo trpljenje prva leta, puotle mal se navadde* (G);

(Которые не знали, если мы что-то сказали неправильно, нам давали пощечину, так делали, да, *здесь не говорят* ... да, мы страдали в первые годы, потом немного привыкли)

(11) *Nas niso pustili govorit slovensko, jaz se še spomnim, to si lahko zapišete, kako sem z mojo babuško, nono, šel v Trst s tramvajem, to je, Vi ne poznate še, iz Opčin v Trst gre en tramvaj, zdaj bo začel delovati spet, in smo z nono govorili v tramvaju kot po navadi, po slovensko, ne, in je pršel en fašist, v črni srajci, in je rekel: Qui si parla solo italiano! In je oklafutal mojo nono, pred mano, jaz sem se zgrozil, to samo da Vam povem* (T)

(Нам не давали говорить по-словенски, я еще помню, это вы можете записать, как я с моей бабушкой ехал в Триест на трамвае, это, вы еще не знаете, из Опичины в Триест ходит трамвай, сейчас он снова начнет ходить, и мы с бабушкой в трамвае говорили по-словенски, и зашел фашист, в черной рубашке, и сказал: *Здесь говорят только по-итальянски!* И на моих глазах дал пощечину моей бабушке, я ужаснулся, это я только вам скажу)

В некоторых исследованиях отмечается, что социальная память о фашизме сохраняется в нарративах младшего поколения²³. Подружки говорят о проявлениях нетерпимости в обществе в наши дни по отношению к словенскому меньшинству, что проявляется, в частности, в надписях и рисунках на фасадах словенских школ (отрывок из работы М. Косиц²⁴):

(12) *Molte volte queste scuole, specialmente le superiori, vengono danneggiate da persone che si divertono a scrivere insulti ed a disegnare*

svastiche sui muri dell'edificio scolastico. Ecco un altro motive per cui molte volte noi giovani ci vergoniamo a parlare lo sloveno in publico

(Много раз эти школы, особенно школы со старшими классами, портят те, кто развлекается, рисуя свастику и оставляя оскорбления на стенах учебного заведения. Вот и второй мотив, почему часто молодые люди стыдятся говорить по-словенски в общественных местах)

О замене словенских имен на итальянские говорится в следующих фрагментах:

(13) *To je vse prenařej... preoblikovano več od slovenščine, tipo Nabrežina Aurisina, nima smisla, mislim da ni etimološko nekaj utemeljeno, kot tudi priimki, dosti so jih poitalijančili* (N);

(Это все переделано из словенского языка, например, Набрежина Ауризина не имеет смысла, думаю, что это не имеет этимологической основы, так же как фамилии, много их итальянизировали)

(14) *Se je muoj brat ruodaw, smo dali ime slovensko, nāsmo znali nač, niso ya menjali, ime slovensko, ya ni smeli met slovensko ... je biv rojen Stanislaw, praw Stanko, in so ya naredli da je Luigi ...* (G)

(Мой брат родился, мы дали словенское имя, мы ничего не знали, и его не поменяли, имя словенское, но его нельзя было иметь ... он был Станислав, Станко, и из него сделали Луиджи)

(15) *Poglej, jaz sem se rodil Lisjak, in potem so zahtevali da nardimo tudi italijansko, in so zbrisali Lisjak in jaz sem postal samo Volpi* (T)

(Посмотри, я родился в семье Лисьяк, а затем потребовали, чтобы мы сделали также итальянское, и убрали Лисьяк и я стал только Вольпи)

(16) *Jože Pirjevec je postal Giuseppe, in vse so poitalijančili, in, tudi, preimke, vse* (T)

(Йоже Пирьевец стал Джузеппе, и все они итальянизировали, все)

Словенские географические названия функционируют следующим образом:

(17) *In swā šla z mamo w Duolinwā* (M)

(Мы шли с мамой в Долину)

(18) *Dā Mīljaw, do Rābjeza* (M)

(В Милье, в Рабуезе)

- (19) *Ja, blizu Sesljana je Vižovlje, prav postaja* (N)
 (Да, около Сесляна находится Вижовле, как раз там станция)
 (20) *Če ne tudi v Barkovljah, tam bolj proti Trstu* (N)
 (Если же нет, то в Барковле, туда, в сторону Триеста)

Примеры, когда сами информанты комментируют итальянское географическое название либо употребляют его параллельно, следуют ниже. В некоторых случаях пояснение происходит из-за присутствия исследователя в группе лиц, с которыми ведется диалог, предполагается, что исследователю может быть непонятно итальянское название, ведь сам разговор происходит на словенском языке:

- (21) *Ne, Gradež, Slovenci mu rečemo Gradež* (N)
 (Нет, Градеж, мы, словенцы, называем Градеж)
 (22) *Tam imaš ta četrt, tako Borgo Teresiano, Terezijanska četrt, je zgradila Marija Terezija, tam na Rivah, blizu morja* (N)
 (Там находится этот квартал, Борго Терезьяно, Терезьянский квартал, его построила Мария Терезия, там на Ривах, около моря)
 (23) *Več preseljencev je proti Monfalconu, Tržiču, proti tam* (N)
 (Много переселенцев в сторону Монфальконе, Тржича, больше в ту сторону)
 (24) *Tržaščina pride do, do Nabrežine, recimo, ker Monfal ... Monfalcone Tržič, je že drugače* (D)
 (Триестино [триестинский итальянский говор] доходит до Набрежины, скажем, потому что Монфаль ... Монфальконе, Тржич, это уже другое)

В последней фразе (24) информант не договорил полностью итальянское название города *Monfalcone*, затем его повторил уже полностью, а следом за ним без паузы добавил словенский вариант.

Во фрагменте 25 (диалог информантов из Набрежины (N) и Сливно (S)) видим, что информант из Набрежины при уточнении (с какой стороны лучше видна Венеция в ясную погоду) использует итальянскую форму *Venezia*, вместо распространенного словенского *Benetke*. В его сознании эти формы функционируют параллельно, свободно замещают друг друга. Однако мы не встречали случаев, когда населенные пункты, являющиеся «малой родиной», были бы заменены на соответствующее итальянское название.

- (25) *S. Po dežju se vidi do Benetk.*

N. *Ja, bi mogli bolj, kje se vidi Venezijo?*

С. После дождя видно Венецию.

Н. Да, а вы могли бы (показать), где видно Венецию?

Перспективным нам представляется параллельное исследование неславянского населения, итальянцев, что вписывается в нашу методику комплексного параллельного исследования регионов, уже опробованную в ряде пограничных полилингвальных сообществ (Прекмурье, Воеводина). Среди самих итальянцев можно выделить три группы: автохтонные жители Триеста, носители диалекта венецианского типа – *триестино* (*triestino*)²⁵; переселенцы из других областей Италии, прежде всего с юга страны (в основном из областей Апулия, Калабрия, Кампания); и *esuli*, переселенцы из Истрии и Далмации (о которых уже упоминалось выше). При анализе речи информантов удалось выявить в том числе особенности триестинского итальянского говора. Так, информант на просьбу исследователя привести пример словенских слов в местном итальянском говоре воспроизводит несколько цитат из ситуаций с этим словом (*bubec / bubez*). В этом примере можно зафиксировать такую особенность всех галло-итальянских диалектов, как употребление субъектных клитик при спряжении глагола²⁶ (конкретно – во 2-м лице ед. ч.), свойственную и триестинскому говору:

(26) ... *Recimo, ko sem bla tam za delo v baru, ee, je bla ena sošolka, in je ta profesor .... rekel: ti....Cristina, ti te fai bubez (della situazione), tudi za ženske, ne, vedno bubec* (D)

(Скажем, когда я была там, работала в баре, там была одна одноклассница, и этот преподаватель ... сказал, *ты ... Кристина, твоя работа очень тяжелая*, также используется для женщин, всегда *bubec*)

Здесь нужно несколько слов сказать об особенностях этнического распределения населения. В самом Триесте словенцы проживают на окраинах, бывших когда-то отдельными поселениями; расположены эти районы на холмах. Территория окрестных поселений заселена словенцами вплоть до Монфальконе и Градо, где появляются первые автохтонные итало-венецианские поселения. Такие же поселения возникают в районе Муджи и далее распыленно – по территории Словении. Таким образом, словенский этнический элемент

разрывает целостность итальянского пояса, поэтому поселения для *esuli* строились намеренно в Набережине, Сесляне (*Borgo San Sergio*, *Borgo San Marco*). М. Качич-Баша приводит данные о том, насколько сократилась доля словенцев в результате переселений *esuli*: если в 1945 г. в общине Дуино-Ауризина словенцев было 90%, то в 1971 г. их доля упала до 38%²⁷. Эти переселенцы сохраняют традицию и культуру мест, откуда они или их предки родом (необходимо напомнить, что эти места тоже были зоной контактов с хорватами и словенцами). В речи словенцев функционирует итальянское слово *borgo* для обозначения этих поселений. Информант во фрагменте 27 поясняет исследователю, что означает данное слово, поскольку исследователь до этого никак не выдал, что ему знаком итальянский язык:

(27) *Ker so naselili recimo, po vojni, so bila tam priseljevanja iz Istre, ne, ti esuli, ki so bili, ki so bežali iz Jugoslavije, so jih potem naselili v te, borgo se imenujejo, v borge, pa ta naselja, so potem, ali so tle na Krasu, ali pa v pereferiji Trsta, ne, tako* (D)

(Потому что заселили, скажем, после войны, там были переселения из Истрии, эти *esuli*, которые были, которые бежали из Югославии, их потом поселили в эти, борго называются, эти места, или тут на Красе, или на окраинах Триеста)

(28) *So bili ti borghi, ko so priselili Istrijane, pač z Istre so priselili Italijane, verjetno več* (G).

(Были эти районы, когда переселили переселенцев из Истрии, из Истрии переселили итальянцев, вероятно, ты знаешь)

В лексике фиксируется много немецких заимствований (*cajt*, *tišle*, *taler*), а также итальянских, как старых, так и новых, что является отражением языковой ситуации и последствием широко распространенного словенско-итальянского аддитивного билингвизма. Во фрагменте 30 в словосочетании *neka ruoba nova* заметно влияние итальянского языка в постпозиции прилагательного по отношению к существительному.

(29) *Kelko je deralo?* (*durare*) (G)

(Сколько длилось?)

(30) *Wse pomrlo, devetindvejtȳa wud takrat naprej ... sȳ pršle nove, in tisto poprej ni wstala niti ena, almeno (almeno) pr nas pravijo, ni wstala nobena wȳljka ... je bla tȳljko muoćna zima, dȳ wse uoljke sȳ pȳmȳrle, in zdȳj se jema wȳlja, zatu k zdȳj, petindevedsetȳa, ktereȳa lieta*

naprej se ščelo? S tami waljkmā, je pršw zdaj bum, neka rupa (roba) nova (M)

(Все вымерло, в двадцать девятом году и далее ... появились новые, и потом не оправилось ни одно [оливковое дерево], по крайней мере, у нас говорят, не оправилось ни одно оливковое дерево. ... была настолько холодная зима, что все оливковые деревья перемерзли, а сейчас есть масло, потому что в девяносто пятом году, когда это началось? с этими оливковыми деревьями, случился настоящий бум, какая-то новинка)

(31) *So se naredilo družinsko, ana družina, je bla mejhna, ne kot je mielo dosti otrok, alora (allora) so pršle, so tā pršle al prijatelje, al teta, strice, pomagat, pabirət čriešnje, kadar bil momento (momento) čriešenj, yruozdje, kədər kə sə je, pobralo yrozdje, alora (allora), kəsəd se je lieti to končalo, se j nardilo puotle večerja, al opure (oppure) kadar se je ubilo prasca* (M)

(Все было по-семейному, одна семья, мыла маленькая, итак, пришли или друзья, или тетя, дяди, помогать, собирать черешню, когда черешня созрела, виноград, когда собрали виноград, тогда, когда закончилось, устраивали ужин, или же когда был убой свиной)

(32) *O, pršut, so hdeli pruodat, več trzali ku pa jeli* (улыбка), *pa treba sowdow (soldi), i saj pruodali* (G)

(О, пршут, ходили продавать, чаще продавали, чем ели (улыбка), нужны были деньги и продали)

(33) *Ma kantenja (cantina), kantenja navadna, tako ... je bila kuhnja je noter, noter je bila kantenja, mejčkano wuokence ... dol pa zemlja, je blo hlədno, i tisti je držal ... tisti je bil friyo (frigo), vse smo sprawljale ... tista ruoba (roba) ki je bila vedno frišna, tako smo del* (G);

(Подвал был, обычный подвал, внутри кухня, внутри подвал, маленькое окошко ... внизу земля, чтобы было холодно, и он сохранял ... это был холодильник, все мы туда убирали ... эти продукты, которые были всегда свежие, так мы делали)

Встречаются и примеры саморефлексии информантов по поводу заимствований из итальянского языка в местные словенские наречия. Они отмечают, что в современном языке таких названий становится все больше и больше:

(34) *Recimo kakšne besede povejo v narečju, ampak, v slovenščini, ampak v italijanski obliki, mešajo, ne, s tem da tudi to je narečje, ni, to*

je, recimo, sən špiəgərəla, sem razložila, ne obstaja, to je spiegare, ki je spregano po slovensko, in to je, ogromno tega zdaj (D)

(Скажем, некоторые слова они скажут на диалекте, но по-словенски, но в итальянской форме, они смешивают, это также диалект, скажем, *sən špiəgərəla*, я объяснила, не существует этого, это *spiegare*, которые спрягают по-словенски, и много такого сейчас)

Таким образом, в результате проделанной экспедиционной работы собран большой материал, который можно анализировать с точки зрения диалектологии, социолингвистики, этнолингвистики, этнографии, культурной антропологии. Основное внимание уделяется анализу идентичности информантов, находящей отражение как в фактах языка (диалектные особенности словенского языка, проникающие в модифицированную литературную речь; функционирование географических названий; заимствования из итальянского языка; демонстрация владения триестинским говором итальянского языка; ревитализация интереса к феномену *hišnih* и *ledinskih imen*; восприятие этих названий итальянцами-переселенцами), так и в области материальной и нематериальной культуры (стремление к сохранению фольклорного наследия в виде организации таких мероприятий, как *tajenca, praznik čriešenj* и др.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- D – Долина
- M – Мачковле
- N – Набрежина
- T – Триест
- S – Сливно
- G – Грочана

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Mikolič V. Prostor kulturnega in jezikovnega stika – neznana znanka? // Živeti mejo. Zbornik Slavističnega društva Slovenije 18. Ur Miran Košuta. Slavistično društvo Slovenije. Trst, 2007. S. 211.* О языковой биографии информантов из *Val Canale* см.: *Gliha Komac N. Slovenščina med jeziki Kanalske doline. Ljubljana, 2009. S. 219–226.*

2 Подробнее см.: *Пилипенко Г. П.* Венгры в словенском Прекмурье. Материалы 43-й международной филологической научной конференции «Уралистика». СПб., 2014. С. 57–65; *Он же.* Некоторые аспекты изучения словенской речи прекмурских венгров // *Slovenica II.* Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев. М., 2011. С. 251–257; *Он же.* Сербский язык воеводинских венгров (с учетом функционирования словенского языка прекмурских венгров и порабских словенцев). Saarbrücken, 2011.

3 Особую благодарность за помощь в проведении исследования выражаю др. Девану Ягодицу, др. Заире Видау, др. Богомиле Кравос, др. Кларе Шуменяк, Борису Пангерцу, Маризе Шкерк, Агате Вениер.

4 *Mezgec M.* Funkcionalna pismenost v manjšinskem jeziku. Primer slovenske manjšina v Italiji. Koper, 2012. S. 66–67.

5 *Kavrečič P.* Italijanska narodna skupnost v Republiki Sloveniji in primerjava nekaterih aspektov pravne zaščite in pravic s slovensko manjšino v Italiji // Pre-misliti manjšino. Zvezek 1. Pogledi reprezentativnih predstavnikov Slovencev v Italiji in pravno-politični okvir / Ur. Gorazd Bajc, Devan Jagodic, Borut Klabjan, Maja Mezgec, Zaira Vidali. Koper; Trst, 2008. S. 221–245.

6 *Kaučič-Baša M.* Ohranjane slovenščine med Slovenci na Tržaškem // Živeti mejo. Zbornik Slavističnega društva Slovenije 18. / Ur. Miran Košuta. Slavistično društvo Slovenije. Trst, 2007. S. 195.

7 В словенском национальном самосознании сильны представления о роли словенской общины в Триесте в первой половине XX в., когда в количественном отношении словенцев в Триесте было больше, чем в Любляне, что позволяло Триесту считаться первым городом по количеству словенцев: *Kaučič-Baša M.* Ohranjane slovenščine med Slovenci na Tržaškem. S. 199. Многие общественные и культурные деятели (как в прошлом, так и сейчас) родом из Триеста или его окрестностей. Немаловажным остается и тот факт, что в 1945 г. город освободили именно югославские партизаны.

8 *Merkù P.* Živeti mejo ali meje // Živeti mejo. Zbornik Slavističnega društva Slovenije 18. Ur. Miran Košuta. Slavistično društvo Slovenije. Trst, 2007. S. 167.

9 *Dapit R.* Položaj sodobnega slovenskega jezika na Videmskem. S. 177.

10 *Mijot M.* Otroške pesmi in dramski prizori / Ur. B. Kravos. Trst, 2012. S. 9.

11 Отметим разницу в положении итальянского и словенского меньшинства в Словении и Италии соответственно. В Словении итальянский язык признан официальным в трех общинах (Пиран, Изола, Копер). Самих итальянцев по переписи 2002 г. 2–3 тысячи.

Помимо дублирования на итальянский язык всех официальных вывесок и документов, он преподается в детских садах и школах: *Mikolič V. Prostor kulturnega in jezikovnega stika – neznana znanka?* S. 216. В Италии вывески на словенском языке продублированы только в тех районах, где словенцы составляют большинство, кроме того, словенский язык преподается только в словенских школах: *Duhovnik-Antoni A. Slovenska šola v Italiji – S slovenščino nimam težav // Živeti mejo. Zbornik Slavističnega društva Slovenije 18 / Ur. Miran Košuta. Slavistično društvo Slovenije. Trst, 2007. S. 249.*

12 <http://www.parlamento.it/parlam/leggi/010381.htm> (15.03.2014).

13 *Kaučič-Baša M. Ohranjane slovenščine med Slovenci na Tržaškem.* S. 204.

14 В общей сложности было записано 15 часов аудио- и видеоматериала.

15 Подробнее о миграции приморцев в Прекмурье см.: *Bensa S. Od Soče do Mure. Pot istrskih in primorskih beguncev. Pince Marof, 2011.*

16 Подробнее см.: *Pertot S. V imenu očeta // Živeti mejo. Zbornik Slavističnega društva Slovenije 18 / Ur. Miran Košuta. Slavistično društvo Slovenije. Trst, 2007. S. 255–266* (С. Пертот рассматривает влияние идентичности отца на детей); *Kosic M. Identity Matters: Strategies for Coping with Ethnic Identity Threats among Slovene Minority Adolescents in Italy // Journal of Ethnic Studies. Treatises and documents. December 2012. P. 66–88* (данная работа посвящена восприятию своей идентичности словенскими подростками из Триеста и Гориции).

17 К. Шуменяк пишет, что в диалекте населенного пункта Коприва на Красе, принадлежащего к приморской наречной группе, звук *ə* может появляться на месте гласных *i, a, e, o, u* в ударных и неударных слогах: *Šumenjak K. Opis govora Koprive na Krasu na osnovi dialektološkega korpusa. Doktorska disertacija. Koper, 2013. S. 92–94.*

18 *Šekli M. Zemljepisna in osebna lastna imena v kraju Livek in njegovi okolice. Ljubljana, 2008 (Linguistica et philologica 22). S. 13.*

19 *Koletnik M., Holsedl Z. Zemljepisna lastna imena v Večeslavcih // Jezikovni zapiski. № 1–2. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU, 2009. S. 174.*

20 *Šekli M. Hišna imena v Ovčji vasi // Ovčja vas in njena slovenska govornica. Valbruna e la sua parlata slovena / Ur. Nataša Komac, Vera Smole. Ukve; Ljubljana, 2005. S. 26–27.*

21 Итальянизация географических названий проводилась в Италии задолго до установления фашизма, в частности, в XIX в. были итальянизированы географические названия на территории

Венецианской Словении: *Kaučič-Baša M.* Ohranjane slovenščine med Slovenci na Tržaškem. S. 197.

22 Ibid.

23 *Kosic M.* Identity Matters... P. 73.

24 Ibid. P. 83.

25 *Чельшева И. И.* Диалекты Италии // Языки мира: Романские языки. М., 2001. С. 117.

26 Там же. С. 123.

27 *Kaučič-Baša M.* Ohranjane slovenščine med Slovenci na Tržaškem. S. 207.

G. P. Pilipenko

Slovenians in the Province of Trieste: the sociolinguistic
and ethnocultural situation

The article treats the ethnocultural situation of the Slovenian national minority in the Province of Trieste (Italy). The linguistic biographies of the informants show the interrelationships of the Slovenians with the majority ethnic group, the Italians. The most stable dialectal traits of Kras and Istria dialects are enumerated. Special attention is given to the functioning of geographical names and Italianisms in the Slovene language of the informants.

Key words: *Slovene language, Province of Trieste, Italian language, migrations, identity*

Г. А. Чешко
(Киев)

Наречия, производные от имен числительных, в украинском восточнополесском диалекте

В статье рассмотрены состав и словообразование наречий, образованных от количественных, порядковых и собирательных имен числительных, функционирующих в украинском восточнополесском диалекте.

Ключевые слова: *наречие, имя числительное, восточнополесский диалект, говор*

Участие наречий в словообразовании асимметрично: наречия весьма редко служат для пополнения полнозначных частей речи (малочисленны отадвербиальные образования типа *почемучка, вчерашний*), в то же время сами адвербиальные единицы восходят к формам других частей речи^{1, 2}.

В системе словообразования наречий наиболее развиты суффиксальный и префиксально-суффиксальный способы³. Это касается и наречий, восходящих к формам имен числительных. Как правило, это адвербиализированные, оторванные от парадигмы склонения падежные формы имен числительных в сочетании с предлогами. Наречия, восходящие к именам числительным, сохраняют связи с этими формами. В таких наречиях префиксы омонимичны предлогам. В своей структуре такие наречия имеют «словообразовательные форманты, не употребляющиеся в других семантических категориях наречий»⁴. Н. В. Чурмаева так определила специфику наречий, происходящих от имен числительных: «Числовые наречия, или наречия-числительные, представляют собой образования от именных корней с лексическим значением числа. Общее значение этого класса наречий – повторяемость действия, что в известной степени можно рассматривать как частный случай общего значения меры и степени»⁵.

«Наречий, сопоставимых с числительными, в современном украинском языке немного. В основном их круг ограничивается производными образованиями от числительных первого десятка»⁶. На территории восточнополесского диалекта такие наречия более разнообразны ввиду аффиксации, сохранения архаичных форм, их элементов и влияния других языковых систем (белорусского и русского языков). Поскольку наречия восточнополесского диалекта, образо-

ванные от имен числительных, до сих пор не были зафиксированы и исследованы, их описание и анализ остаются актуальными. Восточное Полесье является территорией, сохранившей архаичные языковые элементы. Диалектное наречие специфично тем, что, образуясь от частей речи, присоединяет различные аффиксы, причем некоторые формы могут развиваться параллельно по нескольким моделям; также возникают семантические разветвления в системе значений. Поэтому анализ наречий исследуемой территории выявляет словообразовательные типы, характерные для этой части речи. Для сохранения целостности общей картины функционирования лексических единиц приводим примеры зафиксированных наречий с сохранением фонетических особенностей (в основном такие изменения характерны для северной половины исследуемой территории, переходных украинских говоров к белорусским (АУМ I, карты 351–356, 363)⁷.

Наречия, образованные от имен числительных, в восточнополесском диалекте немногочисленны. Диалектные наречия этого типа, как и наречия литературного языка, образованы от количественных, порядковых и собирательных имен числительных.

Большинство зафиксированных наречий образовано от числительного *один* (также образования от этого слова наиболее часто употребляются в речи носителей диалекта).

Основа количественного числительного *один* в форме винительного падежа единственного числа с предлогом выступает в наречии *вад'но, уад'но* 'одинаково', например: *уад'но вс'о вр'ємя ад'їеца* (31); *па 'разнаму всі хлопці у'чилис'а, не то шо вад'но* (21).

Территориально ограниченное суффиксальное наречие *од'нац'* функционирует в значении 'все равно': *ме'ні од'нац'* (6); *зах'овали в 'погреб, шчоб ніде їа не 'бачила ні кро'винки, ні'чого, і од'нац' хо'жу, і о'так у'се* (6).

От порядковых числительных наречия образованы путем соединения формы родительного и винительного падежей с приставками.

От беспредложного порядкового числительного в форме винительного падежа единственного числа среднего рода образовались наречия типа *п'ервоіе* со значениями 'во-первых'; 'сначала'; 'прежде всего, раньше'. Н. В. Чурмаева утверждает, что «наречия этого типа по форме совпадают с порядковыми прилагательными среднего рода именительного-винительного падежей единичного числа. Употребляются при обозначении последовательности действия»⁸.

Адвербиализирована форма родительного падежа с предлогом *с* (*ис*): *спер'ва д'воіе 'дали бес'латно, на д'ругий год чи на т'ретій 'чет-*

веро 'дали (17); жили спер'ва у туй 'хаті (16); спер'ва 'вішат' 'вішали, а таді абар'валис' (37); дагл'адали а'вечок іспер'ва (1); 'вишині пазац'вітали спер'ва (8); спер'ва 'вислухала (39); спер'ва було с'куднен'ко, не пла'тили, за'даром ра'били, таді да'вай пла'тит' хара'иен'ко (11); спер'ва виши'вали, таді н'р'али (11); іспер'ва було т'рудно (36); спер'ва не ха'тів, а таді заха'тів (16); іспер'ва, ка'н'ешина, ра'били на 'палачки (24); спер'ва ста'їит', таді ступа'не і п'б'ігло (50); са'ма спер'ва ходила (15); у кол'госпі ро'били – 'грошей не да'вали спер'ва (48); спер'ва 'шохвером ро'бив (6); 'їамку спер'ва разгр'ебуц', так нара'вні землі (41); спер'ва сад, на'н'ер'еді, а па'том 'хата (22); спер'ва вруч'ну, а таді апа'рати бу'ли (11); іспер'ва було зернос'ховище (11); спер'ва було хара'шо, по'ка на'логу не б'рали (17); ісп'ер'ва 'д'орен йа'кий іски'дайут', а па'том са'вочкам да 'торфа (22); 'н'ечі та'кіїе, сп'ер'ва 'д'ер'ево, а па'том кір'піч' насці'лайе-ца (22); ісп'ер'ва 'в'ет'ер був, а па'том 'тіха с'тала, і 'тіха і'д'е 'доцік (22); йа'му п'лоха бу'ло, йон і'ц'е с'н'ер'ва і ні'чога, а таді с'тала п'лоха, раз параліза'вала, в'д'ругий раз параліза'вала (22).

Також зафіксована форма папер'вах: папер'вах ва'зили (17); в се'лі не бу'ла папер'вах (46); на 'вишках с'єно, в с'єні с'пали, і 'долі па-насти'лайем папер'вах (41); йа попер'вах воп'іц'е йо'го 'мову не поні'мала (6); попер'вах і 'ловки був (6); т'рудно бу'ло попер'вах (7).

Адвербиализовались производные от имени числительного формы *перш*, 'перше, с'першу 'спочатку': йа с'першу паи'шла к 'новим са'с'єд'ам (3); *перш* ус'кочив до 'бат'ка (17); бат'ки *перш* йдут' (48); *поски*дали 'ложки о'цим, шо 'їісти, вниз, на'утро чи'йа 'ложка 'перша перевер'нула с'а, той 'перший ум'ре (5); сест'ра с'перша бі'жит' (33).

Також функціонують производные наречия в степени сравнения, например, *п'ер'в'ей*: *п'ер'в'ей* пек'ла хліб: о'це п'роса тов'чут' у с'тупі, 'перше та'ке 'наче луш'пиння, а то пу'шок та'ки (46).

От собирательных числительных наречия образованы: 1) путем использования формы винительного падежа с приставками *в-*, *на-*; 2) путем использования архаической формы предложного падежа с приставкой *в-*.

Форма винительного падежа с приставкой *на-* образует наречия *над'воє*, *над'воє*, *нат'роє*, *'натроє*, *на'четвера*, *'начетвера*, *'нап'ят'еро*, *на'шест'ера*. «Мотивация собирательными числительными *двоє*, *троє* и под. – признак по разделенности на столько частей, сколько названо мотивирующим словом»⁹. Например: *розділиш* *нат'роє* (32); *'натроє* бу'ло 'ділене се'ло (14); 'йаблики на'р'єзала 'на'четвера (21); т'реба *над'вох* на'н'ат' (46); *натро'їїх* т'реба ді'лит', а *він* хо'тів сам заб'рат' (45).

Параллельно с такими наречиями употребляются формы типа *на чоти́р'ох: їа прода́ла 'ту́йу 'хату і на т'ро́йе ді́тей розді́лила; со́бі та́ку част', всі́м на чоти́р'ох* (48).

Формы винительного падежа с приставкой *в-* «обозначают признак как увеличение или уменьшение во столько раз, сколько названо мотивирующим словом»¹⁰. Носители диалекта употребляют наречия *'удва́е, уд'во́йе, вт'ро́йе: їак аста́їес'а у ви́хад'ни́йе ра́бит', так 'удва́йе та́бі пла́тили* (52); *приб́лизно вд'во́йе, вт'ро́йе* (48); *уд'во́йе 'бол'ше* (42); *уд'во́йе 'біл'ше* (25).

Зафиксирована форма *вд'во́йе* 'вдвох': *н'е паа́діночку, а вд'во́йе, по чати́р'ох* (31).

Староукраинские адвербиализованные формы предложного падежа собирательных числительных с предлогом *в-* (*у-*) образуют наречия *вдва́їом, вдво́х, вт'р'ох, ут'р'ох, ут'ро́х, учоти́рох: ут'р'ох жи́ли* (25); *так пра́жили ми вдво́х, шо їа їа́го 'лайала* (13); *їани вдво́х ха́дили в 'церкву і ме́не ма́луйу во́дили* (13); *приї́їжала 'витти́л' вдво́х з жени́хом* (43); *'довга ми жи́ли, аста́лис' 'тики вт'р'ох, всі́ 'вимерли* (36); *'заноч повто́ра гек'тара кар'то́шкі вт'р'ох оберну́ли* (17); *вт'р'ох т'реба кар'ми́ца* (9); *ас'таліс' удва́їом* (22); *ас'таліс'а вдво́х* (44); *паи́ли ра́бит' вдво́х* (39); *із с'естро́й ми 'токо вдво́х* (22); *вдво́х па́дспа́їом 'н'есн'у* (18); *с'тали вдво́х і пла́чемо* (36); *ос'таліс'а вдво́х, бол'ш нико́го* (42); *вдво́х і па'л'еглі* (26); *о'то ва́ни вдво́х паи́ли* (30); *живе́мо вдво́х з 'нейу* (49); *пои́ли вдво́х, се́кре'тарша розпи́сала, і все* (35); *ми ос'таліс'а з 'маті́рїу вдво́х* (51); *ми вдво́х 'пішки пои́ли на ло́синівку* (38); *'роб'лат' 'разом, вдво́х* (25); *уд'во́х з 'матка́їу* (36); *уд'во́х жи́вуть* (42); *уд'во́х із д'ругам* (26); *'їездили уд'во́х* (16); *вс'єгда уд'во́х* (16); *о'но їа з 'сином уд'во́х* (16); *сі́д'ац' уд'во́х на 'п'ерви 'парті* (47); *приї́їхали уд'во́х* (37); *уд'во́х у 'комнаті* (19); *во́на не са́ма, а уд'во́х* (19); *з 'матка́й уд'во́х* (2); *уд'во́х зли́галис'* (11); *уд'во́х ра́били, ут'ро́х* (41); *па'мален'ку уд'во́х ми 'вишли* (21); *на 'дачі по́ходим там уд'во́х дн'ов три* (48); *їак ко́ли приї́їде, то пи́л'айемо уд'во́х чи ру́байемо* (6); *уд'во́х іздру́жили* (45); *уд'во́х 'роб'лат', їак помо́га́йе* (25); *на'в:упередки – це їак'шчо уд'во́х по́спі'шайуть* (25); *ут'ро́х сі́дім* (19); *уд'во́х ра́били, ут'ро́х* (41); *ут'р'ох с'тики т'реба по́порат'* (45); *ут'ро́х жили* (25); *з 'нашай улі́ци ми ха́ділі вт'р'ох* (22); *вт'р'ох т'реба на́грузит' 'кажен ден'* (45); *упа́кат вс'є вчати́р'ох л'еглі* (36).

Такие наречия мотивируются собирательными числительными от *двое* до *десятеро* и обозначают признак группы лиц в соответствии с количеством, названным мотивирующим словом¹¹.

С помощью префикса *на-* образованы наречия *над'во́х, надво'їих, на́тро'їих: на́тро'їих т'реба ді́лит', а він хо́тів сам заб'рат'* (45).

Также в восточнополесском диалекте распространены другие типы наречий.

Так, с формами предложного падежа соотносятся формы наречий *вдвой'ні, втрой'ні; втрой'ні 'біл'ше* (28).

Со значением 'повторно' выступает *вта'річна: та'ді знов вта'річна гром, так йа йа'її знов аб'ратна в'даріла* (9).

Наречия с суффиксом *-жды* обозначают увеличение во столько раз или повторяемость столько раз, сколько названо мотивирующим числительным¹²; раньше «этот суффикс объединял почти все числовые корни»¹³. Спорадическое проникновение наречий с суффиксом *-жды* (*т'рижды*) в речь носителей диалекта (зафиксировано только в двух говорах) можно объяснить влиянием русского языка: *ми були т'рижды міл'йа'н'єри* (40). В современном украинском литературном языке мультипликативы с аналогичным суффиксом *-чи* составляют непродуктивный, изолированный тип, представленный лишь образцами *двічі, тричі*^{14, 15, 16}. В зависимости от семантики они могут функционировать с приставкой или без: *д'вічі, т'ричі; уд'вічі, вд'вічі; уд'вічі 'біл'ше був уро'жай* (25); *хліб привоз'ат' д'вічі на 'тижден'* (25); *д'воє од'інакових, а одне вд'вічі 'біл'ше* (27).

Существительное *крать* восходит к церковнославянскому языку¹⁷. Слово *крать* «употреблялось только в соединении с количественными числительными и количественными словами, указывая на повторяемость действия»: *сток'рат*.

Особенностью наречий со значением 'во-первых', 'во-вторых' (укр. литературное – *по-перше, по-друге*), образованных от порядковых числительных с приставкой, является то, что в исследуемом диалекте большое количество адвербиализованных бесприставочных форм: *ад'но* 'по-перше', *д'руге, дру'ге, дру'гоє* 'по-друге'. Например: *ма'роз же зда'рови – ад'но, д'руге, шо 'хату нап'робуй ната'нит'* (52); *це ад'но, д'руге, шо ка'дас' було, із чер'нігава припли'ла 'човнам по прибут'ни ваді'є да'дому* (10). Конструкция типа *це адно, а друге* аналогична *во-первых, а во-вторых*. Также зафиксированы *раз, два* со значением 'первый раз', 'второй раз': *пата'нц'є'валі раз, два* (3); *раз при'шов с'ватат', вд'руге* (45).

Приставочные формы типа *вперше, вдруге* (нормативные для украинского литературного языка) не получили большого распространения в исследуемых говорах (зафиксированы только в нескольких населенных пунктах южной части исследуемого диалекта): *'бол'ше вд'руг'є н'є при'возів* (22). Вместо них употребляются конструкции типа *первый раз: 'н'єрви раз 'їездила* (11); *'н'єрви раз*

пан'еволе паи'ли (31); мо 'перви раз з'роши в 'руки вз'ала (29); о'це шоб 'перви і пос'л'едні раз було (29); 'полим 'перви раз 'сапками (11); д'руги раз 'замуж 'вишла (8); це ме'ні так у'нала, шо йа ча'тири 'рази ха'дила, раз паи'ла, прии'ла, д'руги раз (41); д'ругий раз ка'жу (45); долж'но вже т'ретій раз 'вибрали (12); раз тер'піла, д'ругий раз, т'ретій раз зай'вила (35); вже д'руги раз зва'ну (39); д'руги раз при'шов, да йа'на вже л'е'жала 'м'ортвайа (22). Также функционирует форма творительного падежа: мала'дих на па'саду са'жат' 'н'ервим 'разам, д'ругим 'разам, т'ретім 'разам (40); на д'руги раз нас'мерт' у'били ча'тир'ох чала'вік (30); пере'дойиш ка'ров, д'ругий раз і'деш і ще па'цівкайеш (43); д'ругий раз Perezво'нила (43); раз па'йхала на храм, уд'руге (4); д'руге 'вишла 'через год (1); 'бац'ко уд'руге же'нивс' (11); ме'ні 'важко ві'дерце внес'ти, йа раз вне'су, вд'руге, і за два 'рази йа нане'су ві'деречко (7); раз по'їехала, уд'руге (7); вд'руге перепи'сав (23).

Часть наречий этого типа являет собой словосочетание, которое, вероятно, зафиксировано на этапе адвербиализации; хотя прослеживается четкая адвербиальная семантика, мы графически отображаем раздельное, а не слитное написание: спа'лілі у д'ругі раз са'ло (22); кар'тошку раз спа'лола, та'ді аб'сипала в д'руги раз (16); 'мама в д'ругий раз не ви'ходила 'замуж (47); раз при'бігла, в д'руги раз (46); 'перший раз так 'виговоривс'а, а в д'ругий раз не міг говори'ти (48); йа це вже ка'зала, це вже в д'руги раз (20); да йак шарбо'не йо'го п'лугойу да і в д'руги раз (6); да'л'ека і'ті да ш'коли, м'е'н'е 'сестра ва'діла у 'н'ерви раз (47); пои'ла раз, в д'ругий раз (25); н'е при'возе' в д'руги раз (22). Полностью адвербиализирована форма одно'разово: одно'разово т'істо замі'сила, 'вечором прото'пила (15).

Широко употребляемы подобные конструкции со значением 'не сейчас, а в другой раз': 'некали, у д'руги раз (29); д'ругий раз ко'лис' при'йидеш (34); д'ругий раз і так було (35); по'дивиц'а д'ругий раз (35); д'ругі раз йак ма'роз, так 'вим'ерзнут' (22); на га'роді д'руги раз (22); д'руги'раз і с'м'ешна (22); д'руги раз 'дівис'а (9); д'ругий раз пови'ходим ста'рен'к'іе та'к'іе на 'лавочку (43); д'руги раз л'ажу (43); при'ходиц' д'руги раз (47); д'руги раз на'лове на 'р'ечк'е, так чут'но 'запах (39); д'ругий раз ка'жу: привези хлі'бину (26).

Также значение 'во-первых' может выражать степень сравнения: 'сами 'первийе 'по-перше' (21).

От числительного два образованы наречия со значением 'по-другому, другим способом': сав'сім дру'ге палу'чилос' (39); вс'е дру'го'е було (44).

Таким образом, система диалектных наречий имеет большее по сравнению с литературной количество аффиксов, словообразова-

тельных и формальных. Также от имен числительных образованы наречия, формально соотносящиеся с ними, но имеющие другую семантику. В общем же восточнополесские наречия, восходящие к формам имен числительных, имеют те же словообразовательные модели, что и аналогичные наречия литературного стандарта. Адвербиальные наречия этого типа оказались консервативными в плане большого количества словообразовательных моделей и, возможно, поэтому не противопоставлены территориально (за исключением фонетических вариантов).

Список населенных пунктов (Черниговская область)

1. Анисово, Черниговский; 2. Бакланова Муравейка, Куликовский; 3. Баханы, Репкинский; 4. Березна, Менский; 5. Великая Дочь, Борзнянский; 6. Вересочь, Куликовский; 7. Веселый, Нежинский; 8. Выбли, Куликовский; 9. Глинянка, Репкинский; 10. Горбово, Куликовский; 11. Горск, Щорский; 12. Дремайловка, Куликовский; 13. Жадово, Семеновский; 14. Жовтнево, Семеновский; 15. Жовтневое, Менский; 16. Жукля, Корюковский; 17. Заречье, Щорский; 18. Ильмовка, Городнянский; 19. Карховка, Черниговский; 20. Копти, Козелецкий; 21. Количевка, Черниговский; 22. Костобобров, Семеновский; 23. Кукшин, Нежинский; 24. Кучиновка, Щорский; 25. Лысогоры, Ичнянский; 26. Ловынь, Репкинский; 27. Макошино, Менский; 28. Марковцы, Бобровицкий; 29. Михайло-Коцюбинское, Черниговский; 30. Наумовка, Корюковский; 31. Неданчичи, Репкинский; 32. Пакуль, Черниговский; 33. Петровское, Бахмацкий; 34. Печи, Борзнянский; 35. Плиски, Борзнянский; 36. Погорельцы, Семеновский; 37. Понорница, Коропский; 38. Ровчак-Степановка, Носовский; 39. Семеновка, Семеновский; 40. Сибереж, Репкинский; 41. Сорокошичи, Козелецкий; 42. Старая Гутка, Семеновский; 43. Сядрино, Корюковский; 44. Тимоновичи, Семеновский; 45. Халимоново, Бахмацкий; 46. Хлопяники, Сосницкий; 47. Хмельница, Черниговский; 48. Хомино, Нежинский; 49. Хорошее Озеро, Борзнянский; 50. Чапавка, Менский; 51. Червонные Партизаны, Носовский; 52. Щимель, Щорский.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М., 1980. С. 219.

- 2 *Евтюхин В. Б.* Наречия // Морфология современного русского языка. СПб., 2009. С. 543.
- 3 Русская грамматика. Т. 1. С. 398.
- 4 *Чурмаева Н. В.* История наречий в русском языке. М., 1989. С. 76.
- 5 Там же.
- 6 *Коломієць Л. І., Майборода А. В.* Прислівник // Сучасна українська літературна мова. Морфологія / За заг. ред. І. К. Білодіда. Київ, 1969. С. 454.
- 7 Атлас української мови: у 3 т. / Ред. кол. : І. Г. Матвіяс, Я. В. Закревська та ін. Київ, 1984. Т. 1. Полісся, Середня Наддніпрянщина і суміжні землі. 498 с. (АУМ).
- 8 *Чурмаева Н. В.* История наречий в русском языке. С. 81.
- 9 Русская грамматика. Т. 1. С. 406.
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 Там же. С. 400.
- 13 *Чурмаева Н. В.* История наречий в русском языке. С. 77.
- 14 *Німчук В. В.* Українські прислівники двічі, тричі // Праці XIII респ. діалектологічної наради. Київ, 1970. С. 122.
- 15 *Булаховський Л. А.* Прислівник // Курс сучасної української літературної мови. Т. 1. Київ., 1951. С. 387.
- 16 *Коломієць Л. І., Майборода А. В.* Прислівник. С. 454.
- 17 *Етимологічний словник української мови: В 7 т.* Київ, 1989. Т. 3. С. 79.

G. A. Češko

The adverbial derivates from numbers in a Ukrainian dialect
of Eastern Polesia

The article dwells upon the adverbial derivates from cardinal, ordinal and collective numbers and their word formation in a dialect in Eastern Polesia

Key words: *adverbs, numbers, the dialect of Eastern Polesia, dialect*

Г. В. Макарова
(Москва)

Проблематика польского национально-освободительного движения середины XIX века в трудах В. А. Дьякова

В статье рассматривается вклад российского историка-полониста В. А. Дьякова в изучение истории польского национально-освободительного движения XIX в.

Ключевые слова: *Дьяков Владимир Анатольевич, польское национальное движение, Польша XIX века, историография*

В этом году исполняется 20 лет, как ушел из жизни Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995), видный отечественный историк-полонист. В 1971–1995 гг. он являлся вице-председателем Комиссии историков России и Польши. Дьяков внес значительный вклад в изучение истории польского национально-освободительного движения конца XVIII – XIX в. Этой проблематике он посвятил несколько монографий, специальных разделов коллективных трудов, а также более 150 статей, сообщений, рецензий и др., которые публиковались как в российских, так и в польских научных журналах, – таков результат его личной авторской деятельности. В. А. Дьяков отличался поразительным трудолюбием, необыкновенной работоспособностью (стремление трудиться не жалея сил вообще было характерно для многих людей его поколения, прошедших Великую Отечественную войну), умением организовать и свою собственную работу, и работу коллективов научных сотрудников, которые он создавал и возглавлял. Все его исследования основывались на изучении большого объема архивного материала. Будучи историком-архивистом по образованию и исследовательскому складу, к архивным поискам он всегда относился с неиссякаемым интересом. Он не избегал и нудной рутинной работы, в частности трудоемкого копирования от руки, переписывая сотни, если не тысячи, листов документов. В. А. Дьяков испытывал искреннюю радость, когда ему удавалось обнаружить в архивах новые исторические источники, которые, как правило, он вводил в научный оборот в короткие сроки. Нередко его авторские исследования сопровождались приложениями в виде публикации найденных им архивных документов. Особо следует отметить внушительный объем археографической работы В. А. Дьякова: по его инициативе и при его непосредственном участии было начато

и частично осуществлено издание многотомной совместной российско-польской публикации документов «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX в. Исследования и материалы»¹ (так называемой «Зеленой серии»), содержащей источники и исследовательские статьи по истории польского общественного движения 30–50-е годы XIX в.

Творческая деятельность В. А. Дьякова, широкий спектр его научных исследований охарактеризованы в двух статьях, подготовленных историками-полонистами С. М. Фалькович и Л. Е. Горизонтовым, которые были опубликованы в «Археографическом ежегоднике». На протяжении многих лет Дьяков входил в редколлегию ежегодника. Главному редактору издания, известному историку С. О. Шмидту, высоко ценившему его научные заслуги, принадлежала инициатива подготовки статьи о коллеге – по случаю его 70-летия². Вторая статья в ежегоднике вышла в связи с кончиной Дьякова³. В 1996 г. Институт славяноведения и балканистики РАН выпустил небольшую книгу «Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995)» как «дань памяти В. А. Дьякова, крупнейшего специалиста по истории России и Польши XIX в., а также истории славяноведения». Центральное место в этом издании занимают написанный Л. Е. Горизонтовым биографический очерк научной деятельности В. А. Дьякова («Путь историка») и хронологический перечень работ ученого, составленный А. Н. Горяиновым⁴. Горизонтов детально, на фоне изменявшихся общественно-политических ситуаций того времени, представил творческий путь ученого, многогранность его исследовательских интересов, и в частности вклад в развитие отечественной полонистики.

Начав свою исследовательскую деятельность как специалист по отечественной истории и занимаясь главным образом военной тематикой середины XIX в., преимущественно историей революционного движения в русской армии, В. А. Дьяков с неизбежностью столкнулся с тем обстоятельством, что история России тесно связана с историей Польши. Его первыми работами по проблематике польского национально-освободительного движения стали статьи и монография о видном польском деятеле-патриоте, участнике восстания 1863 г. Зыгмунте Сераковском⁵. Уже в этих трудах отчетливо проявился интерес историка к внимательному изучению биографии и деятельности отдельной личности. Позднее он нашел выражение в написанных Дьяковым монографиях: в 1968 г. вышла книга (подготовлена совместно с В. Г. Абрамовичусом) о Валерии Врублевском, также участнике восстания 1863 г., деятеле польского, белорусско-

го и международного освободительного движения, а в следующем году – о Ярославе Домбровском, военном теоретике, который после подавления восстания 1863 г. оказался в эмиграции и погиб в ходе боевых действий во время Парижской коммуны⁶. Организованность и скрупулезность в подходе к работе самым благоприятным образом сказались на реализации склонности В. А. Дьякова к созданию биографических и библиографических словарей. В 1967 г. вышел в свет подготовленный им словарь русских и польских военных деятелей, действовавших в период подготовки и проведения восстания 1863 г.⁷ Во введении к словарю Дьяков отмечал, что для изучения истории революционного движения необходимы сведения об отдельных его участниках, «собранные и обработанные по единой схеме, которые дают возможность достоверно представить как их количественный, так и качественный состав» (с. 3). Он подчеркивал: «В 1856–1865 гг. взаимосвязи между русским и польским движениями были настолько значительными, что изучение их в отрыве друг от друга представляется невозможным» (с. 9). При подготовке словаря Дьяков использовал справочные издания на русском и польском языках, в частности полицейские справочники, специальные исследования по соответствующей тематике, мемуары и переписку, однако важнейшими источниками, замечал он, стали архивные материалы (с. 4). Здесь же автор подвел предварительные итоги проделанной работы. Основываясь на статистическом анализе биографических справок примерно 1500 участников движения, он установил, что по месту рождения более 70% из них являлись уроженцами северо-западных и юго-западных губерний империи и Королевства Польского, по вероисповеданию – 57,5% были католиками (конфессиональная принадлежность, как правило, совпадала с национальной: «католик» означало «поляк»), 94% относились к потомственным дворянам, 4,2% – к детям личных дворян, 0,6% были выходцами из духовенства и 1,3% – разночинцы. Однако 69% из числа дворян не имели недвижимости и представляли собой деклассированное дворянство (с. 15).

Заинтересованность проблематикой польского освободительного движения способствовала поддержанию В. А. Дьяковым тесных научных контактов с Институтом славяноведения АН СССР и подключению его к работе по изданию советско-польской серийной публикации документов по истории восстания 1863 г. Статья, написанная им (совместно с Г. В. Богдановым) об «алфавите» участников революционного движения в русской армии в период 1861–1863 гг., была напечатана в институтском сборнике⁸. С 1960 г. Дьяков стал

сотрудником Института славяноведения. У него появилась возможность активно заниматься авторской работой. Во всех сборниках по истории польского освободительного движения, издававшихся институтом, публиковались его исследовательские статьи. Много работ было напечатано и в журнале «Советское славяноведение» (позднее – «Славяноведение»). Приступая к изучению польской тематики, ученый не знал польского языка, но вскоре овладел им и не только читал по-польски, но и выступал с докладами, и общался с польскими коллегами совершенно свободно.

Проблематика, связанная с историей восстания 1863 г., столетний юбилей которого отмечался в СССР и Польше, оставалась в центре внимания ученого. В. А. Дьяков стал составителем и редактором нескольких томов серии «Восстание 1863 года», а с 1978 г. возглавил советскую часть ее редколлегии. В 1988 г. в связи с завершением серийного издания он был награжден золотым знаком Ордена Заслуги ПНР.

На протяжении 1960-х годов Дьяков продолжал углубленно изучать историю офицерских организаций в русской армии и их связи с польским освободительным движением. В двухтомной коллективной монографии «Русско-польские революционные связи» написанные им разделы по этой тематике составили две трети первого тома⁹. Тогда же им была опубликована большая статья об офицерских организациях в Петербурге¹⁰. В. А. Дьяков выступил в качестве составителя и одного из авторов коллективной работы «За нашу и вашу свободу. Герои 1863 г.». Книга вышла в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей». Сборник состоял из десяти очерков, три из которых были написаны Дьяковым: о Ярославе Домбровском, Зыгмунте Падлевском и Валерии Врублевском¹¹. В качестве приложения к сборнику исследователь, как всегда внимательно изучавший жизненный путь своих героев, поместил составленный им краткий «биографический словарик» (с. 426–436).

Фокус исследовательской работы В. А. Дьякова все больше сосредотачивался на изучении контактов и взаимоотношений между польскими и российскими участниками освободительного движения в десятилетие, хронологически связанное с восстанием 1863 г. В изданном в 1964 г. Институтом славяноведения сборнике статей «К столетию героической борьбы “за нашу и вашу свободу”» он поместил материалы о З. Сераковском¹². Им была написана большая статья о контактах видных деятелей российского общественного движения А. И. Герцена и Н. П. Огарева с русскими офицерами в

Польше. Эта тема разрабатывалась Дьяковым с привлечением широкого круга архивных материалов. Тогда же он выступил и в качестве публикатора источников по изучаемой теме¹³.

В соавторстве с И. С. Миллером, руководителем советской части редколлегии документальной серии «Восстание 1863 г.», В. А. Дьяков опубликовал монографию «Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г.»¹⁴. Основной акцент в монографии делался на выявлении фактов российско-польского сотрудничества. История связей офицеров русской армии с деятелями польского освободительного движения освещалась Дьяковым и в других его статьях. В итоге она стала темой его докторской диссертации, защищенной в 1966 г.¹⁵ Этой проблематикой он продолжал заниматься и в дальнейшем.

В 1964 г. вышла книга В. А. Дьякова о контактах украинского поэта Тараса Шевченко с поляками, в том же году в переводе на польский изданная в Варшаве¹⁶. Русско-польскому, а также международному революционному сотрудничеству было посвящено несколько работ ученого. Будучи прекрасным знатоком историографии, он выступил в 1966 г. с докладом о задачах дальнейшего изучения проблематики русско-польского революционного сотрудничества, стоящих перед историками обеих стран¹⁷.

Социальный аспект восстания 1863 г. всегда привлекал внимание советских историков. Для конференции в Вильнюсе, посвященной юбилею восстания, В. А. Дьяков совместно с И. С. Миллером и И. И. Костюшко подготовил доклад «Роль крестьянства в восстании 1863–1864 гг.». Текстом доклада открывался ежегодник по аграрной истории, опубликовавший материалы конференции¹⁸. Авторы заявляли, что в своем исследовании они делают попытку «перейти от иллюстративности к статистическому методу» (с. 14). Их соображения и выводы основывались на статистических таблицах, помещенных в конце текста. Большая часть таблиц была составлена В. А. Дьяковым (некоторые – с участием Л. А. Обушенковой). Таблицы показывали степень участия крестьян на различных территориях, охваченных восстанием. Анализируя их данные, авторы пришли к выводу, что вовлеченность в него крестьянства «зависела от национального и религиозного факторов, но определялась не ими», в прямой зависимости она находилась «от политической линии местных руководителей», от их позиции по аграрному вопросу (с. 21).

В 1968 г. В. А. Дьяков опубликовал очень значимую для того времени книгу, отражавшую марксистский подход к методологическим проблемам польского освободительного движения¹⁹. Позднее

совместно с А. Я. Манусевичем он подготовил статью для журнала «Коммунист», ведущего теоретико-политического органа ЦК КПСС, о позиции В. И. Ленина в отношении польского рабочего движения. Статья вызвала определенный интерес и в польских научных и политических кругах и в том же году была напечатана в Варшаве в журнале «Идеология и политика»²⁰. К ленинской теме В. А. Дьяков обращался не раз²¹.

В конце 1960-х годов наступает новый этап в творческой деятельности ученого: раздвигаются хронологические границы исследовательских работ по истории польского освободительного движения. Центром его научных интересов становится период 1830–1850-х годов. Это впечатляющий по объему комплекс судебно-следственных материалов, возникших в связи с раскрытием антиправительственных «заговоров» (конспиративных обществ), существовавших на территории Королевства Польского в межповстанческий период. Обширный круг новых документов существенно расширил источниковую базу важнейшей для польской истории проблемы освободительного движения в период между двумя восстаниями. Сначала В. А. Дьяков опубликовал небольшую статью «Новые материалы о Петре Сцегенном». В ней он отметил, что изучение политической биографии польского революционного деятеля ксендза П. Сцегенного, возглавлявшего крестьянскую организацию, осложнялось узостью источниковой базы, особенно времени его активной конспиративной деятельности. Автору статьи удалось обнаружить многотомное судебно-следственное дело, общим объемом свыше 5300 листов и 10 книжечек, являвшихся вещественными доказательствами. В. А. Дьяков детально описывает архивные документы. Сопоставив их с имеющимися опубликованными источниками, он пришел к выводу, что новые материалы содержат более полные сведения о жизни и деятельности П. Сцегенного, о его мировоззрении и политической программе. В. А. Дьяков подчеркивал, что «научная ценность обнаруженных материалов [...] настолько значительна, что их публикация является, несомненно, весьма нужным и неотложным делом». Далее он высказывал надежду, что с помощью советских и польских коллег ему удастся осуществить ее в возможно короткие сроки²². С этого времени проблематика польского национально-освободительного движения 30–50-х годов XIX в. становится основной в полонистических исследованиях В. А. Дьякова. Продолжая разработку темы о Сцегенном, он публикует статью «Идейные истоки мировоззрения Петра Сцегенного»²³. И в 1972 г. выходит в свет одна

из важнейших его монографий – «Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890 гг.)». Книга получила широкий отклик и высокую оценку не только в отечественной науке, но и среди польских историков. В том же году, с большим объемом документальных приложений, она была издана престижным «Государственным научным издательством» (в переводе на польский язык Ежи Сковронека)²⁴. Автором предисловия к книге Дьякова был выдающийся польский историк академик Стефан Кеневич. Он подчеркнул значение труда советского ученого, особо отметив публикацию в монографии архивных материалов, которая открывала польским ученым возможность для дальнейшего изучения этой темы. По существу это издание, как по своей теме, так и структуре, стало своего рода томом «Зеленой серии».

С начала 1970-х годов В. А. Дьяков все больше концентрирует свои усилия на главном направлении своей творческой деятельности – издании совместной советско-польской публикации «Зеленая серия». Не случайно в полное название издания («Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX в. Исследования и материалы») включена была «литературная жизнь» – это отражало реальную связь общественного движения, политических группировок, конспиративных организаций и патриотически настроенных писателей и поэтов. Самому В. А. Дьякову не была чужда литературоведческая тематика. Историко-литературные проблемы рассматривались им в целом ряде статей²⁵. О взаимодействии и взаимовлиянии культурно-литературного процесса с польским освободительным движением В. А. Дьяков говорил и в своем выступлении на симпозиуме во Вроцлаве, текст которого позже был опубликован²⁶.

Проект Дьякова по изданию «Зеленой серии» нашел поддержку польских коллег. Очень благоприятной для судьбы нового издания стала поддержка академика Стефана Кеневича: он вошел в состав редакционного комитета серии. К тому времени Кеневич уже издал фундаментальную монографию о восстании 1863 г.²⁷ Согласие Кеневича принять участие в реализации проекта ставило перед изданием высокую научную планку и требовало от авторов статей и публикаторов документов ответственного и квалифицированного подхода к работе.

Тома серии должны были включать как публикацию новых архивных источников, так и исследовательские статьи польских и советских историков и литературоведов. Редакционным комите-

том планировалась серия из десяти томов, издание которых будет осуществляться не по хронологии освещаемых в них событий, а по мере готовности к печати. В работе над изданием «Зеленой серии» В. А. Дьяков проявил себя не только как исследователь, но и как профессиональный археограф-публикатор: он проводил выявление документов в архивных фондах, осуществлял их отбор, комментировал документы. Проявились и организаторские способности В. А. Дьякова, что выразилось в подборе как сотрудников для архивных занятий, так и авторов научных статей. С польской стороны основную нагрузку по работе над серией взяла на себя профессор Виктория Сливовская.

Первым в 1978 г. вышел в свет том о деятельности организации «свентокшижцев», филиала «Содружества польского народа», действовавшего на территории Королевства Польского. Затем был издан том о деятельности Эдварда Дембовского (1981 г.). Через три года – об экспедиции Юзефа Заливского (1984 г.). Спустя шесть лет увидел свет очень важный и чрезвычайно сложный по подготовке биографический словарь участников освободительного движения 1832–1855 гг. в Королевстве Польском. В составлении словаря, кроме В. А. Дьякова, принимали участие В. М. Зайцев (с советской стороны), а также В. Сливовская и А. Галковский (с польской). В 1994 г. появился, наконец, долгое время ожидавший выхода том о событиях «Весны народов» в Королевстве Польском и существовавшей там конспиративной «Организации 1848 года». Затем в связи с политическими обстоятельствами, осложнившими научные контакты между советскими и польскими историками, и возникшими трудностями материального плана наступил пятнадцатилетний перерыв, и том о Шимоне Конарском вышел только в 2009 г. Изменялось и название серии, и ее хронологические рамки²⁸.

В начале 1980-х годов В. А. Дьяков подготовил отдельный том, не входивший в «Зеленую серию», но являвшийся ее своеобразным итогом, который предназначался для русскоязычного читателя. Он включал наиболее важные документы-источники на русском языке, охватывающие весь период между двумя польскими восстаниями. Однако из-за осложнений в отношениях между СССР и Польшей он не был выпущен в свет. Некоторые результаты этой работы нашли отражение в написанной Дьяковым для польского читателя обзорной статье о материалах по истории польского национального движения в 1830–1850-е годы, хранящихся в ЦГВИА (с июня 1992 г. – РГВИА). Статью напечатал журнал «Пшеглэнд Выходни» («Восточное обозре-

ние)), в состав программного совета которого В. А. Дьяков входил с 1991 г. Специальный раздел журнала «Архивы на Востоке» поместил обзор источников по этой проблематике, сделанный российским исследователем. В нем подробно описывались хранящиеся в московских архивах материалы, вплоть до указания отдельных единиц хранения. В 1993 г. в том же журнале вышла еще одна статья Дьякова – о материалах Оренбургского архива²⁹.

Остались нереализованными и другие публикаторские замыслы В. А. Дьякова. Так, совместно с сотрудниками Института славяноведения и балканистики РАН им была подготовлена публикация документов по восстанию Тадеуша Костюшко – «Сподвижники Тадеуша Костюшко в царской неволе» – о судьбе попавших в плен участников польского национального движения. Ее основу составляли материалы из фондов Российского государственного архива древних актов. Обращение к периоду конца XVIII в. еще более расширило хронологический диапазон исследований ученого. «Следы» планировавшегося издания остались в виде статей, опубликованных в 200-летнюю годовщину восстания Т. Костюшко³⁰.

Увлеченность архивными поисками, доставляющие огромное творческое удовлетворение документальные находки, заинтересованно-уважительное отношение к историческому источнику, а также, несомненно, и научные амбиции, естественное стремление заявить о своем приоритете в архивных открытиях вели к тому, что обнаруженные в архиве материалы по проблематике польского освободительного движения 30–50-х годов XIX в. и основанные на них статьи В. А. Дьяков публиковал в периодических изданиях, не ожидая выхода соответствующих тематических томов «Зеленой серии». В 1972 г. в журнале «Советское славяноведение» (№ 6) вышла его статья «Эдвард Дембовский: новые материалы о революционной деятельности» с описанием обнаруженного им в ЦГВИА объемного судебно-следственного дела, материалы которого существенно расширяли документальную источниковую базу о связях Дембовского с варшавскими конспираторами. Ранее эти сведения содержались только в мемуаристке. В следующем году статья Дьякова о Дембовском вышла и в Польше³¹. В очередном томе «Зеленой серии» его работа о конспиративном движении в Королевстве Польском в 1839–1845 гг. была издана лишь спустя почти 10 лет. Также в Польше, в ведущем историческом журнале «Квартальник хисторычны», появилась статья В. А. Дьякова о новых материалах по истории одной из самых крупных конспиративных организаций, действовавших в

межповстанческий период в Королевстве Польском, – «Организации 1848 года». В приложении к ней был опубликован программный документ организации «Символ веры»³². В 1979 г. Дьяков (совместно с А. С. Нагаевым) издал монографию об экспедиции Ю. Заливского³³.

Постепенно в своих исследовательских работах по проблематике польского освободительного движения В. А. Дьяков все больше переходил к изучению всего межповстанческого периода в целом. Он стал автором одного из основных разделов коллективного труда, подготовленного сотрудниками Института славяноведения, о русско-польских революционных связях (рабочее название книги было «Сто лет борьбы “за вашу и нашу свободу”»). В его главе представлено польское патриотическое движение в 1830–1856 гг.³⁴ В следующем году издательство «Политиздат» выпустило первый том двухтомника об исторических связях СССР и Польши, в котором был помещен раздел, написанный совместно В. А. Дьяковым и И. С. Миллером, охватывающий проблему русско-польских контактов в еще более широком хронологическом диапазоне³⁵. Еще через год две работы о русско-польских связях публикуются и в Варшаве³⁶. Вообще в этот период тема русско-польских революционных связей разрабатывалась в отечественной историографии весьма активно, что во многом объяснялось официальными идеолого-политическими установками. Иногда даже не слишком значительным фактам и событиям придавалось усиленное звучание, акценты расставлялись излишне многозначительно.

В. А. Дьяков в своих работах по национально-освободительной проблематике не ограничивался исключительно конкретно-нарративным методом подачи материала, но применял и становившиеся тогда все более популярными приемы статистического анализа. С середины 1960-х гг. он начал публиковать статьи по статистике участников освободительного движения. Этот вид исследований отличается высокой степенью трудоемкости и потому нередко требует сотрудничества с другими коллегами-историками. Вполне понятно, что прежде всего внимание обращалось на вопрос о социальном составе участников движения и его динамике, причем не только польского³⁷. Вступительная статья В. А. Дьякова «Об использовании социолого-статистических методов при изучении освободительного движения», открывавшая сборник «Историко-социологические исследования», носила методологический характер. В ней, в частности, автор, отмечая «плодотворность использования социолого-статистических методов в исторической науке», подчеркивал, что они не

должны превращаться в самоцель, а должны «разумно сочетаться с иными приемами исследования» (с. 3). Относительно специфики источниковой базы таких исследований, об их отличии от статистических оценок современных явлений Дьяков писал, что историки не могут создавать первичную базу сами, на основе «разработанных рецептов», а «должны довольствоваться тем, что есть» (с. 10). Его замечание относилось к архивным документам. Кроме того, еще одним источником для социолого-статистических разработок, отмечал ученый, могут служить биографические словари. В заключительной части статьи Дьяков предлагал пути дальнейших исследований, указывая конкретные архивные материалы и биографические справочники³⁸.

С начала 1970-х гг. в творчестве В. А. Дьякова все более усиливается аналитический подход к трактовке изучаемого материала, происходит переход к теоретической постановке проблем освободительных движений славянских народов.

В 1984 г. в рамках сериального проблемно-тематического проекта, выполнявшегося в Институте славяноведения и балканистики АН СССР «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму: проблемы истории и культуры», выходит коллективная монография «Польша на путях развития и утверждения капитализма», подготовленная историками-полонистами и специалистами по польскому языку, литературе и истории искусств. В. А. Дьяков стал автором раздела (написанного при участии С. М. Фалькович) «Движущие силы освободительной борьбы польского народа (1794–1864)». В нем содержался ряд соображений, возникших в результате проведенной ранее исследовательской работы. Так, в тексте отмечалось, что «на освободительное движение влияли перемены во внутренней и международной обстановке, а также региональные перемены социального и национального характера. Каждый из этих факторов неодинаково воздействовал на позиции различных классов и сословий и даже их отдельных составных частей» (с. 92). В разделе рассматривались особенности развития польского освободительного движения на протяжении значительного отрезка времени. Важный вывод был сделан относительно социальной динамики его участников: «Как в 1794 г., так и на последующих этапах расширение (социальной базы движения. – Г. М.) шло главным образом за счет шляхты и крестьянства, причем для шляхты дополнительные стимулы участия в освободительной борьбе возникали прежде всего в национальной сфере, а для крестьянства – в социаль-

ной» (с. 93). Интересным образом детализировались роли участников движения, отмечалось их различие: «Практически на всех этапах освободительного движения в нем участвовали и такие социальные слои, которые не активизировали, а тормозили революционную борьбу» (с. 105)³⁹. Этот же период освещался В. А. Дьяковым и в коллективном труде, ответственным редактором которого он являлся, вышедшем почти десять лет спустя, – «Краткая история Польши». Как автор он написал три главы, в том числе и главу «Освободительная борьба польского народа против социального и национального гнета в 1794–1894 гг.». Само ее название не было просто вариантом заголовка раздела предыдущей монографии, но, как представляется, свидетельствовало о более точном понимании сущности общественных движений, происходивших на польских землях⁴⁰.

К основному направлению научной деятельности В. А. Дьякова – изучению польского национально-освободительного движения – «примыкает», является его непосредственным продолжением тема судеб бывших участников польских восстаний и конспиративных патриотических организаций. Изучение положения поляков, сосланных во внутренние губернии Российской империи – в «Сибирь» (по представлениям поляков того времени это понятие охватывало территории, расположенные восточнее Москвы) – или забранных в русскую армию, всегда в той или иной степени привлекало внимание ученого. В частности, о жизни польских ссыльных В. А. Дьяков писал в своих биографических исследованиях, были и специальные статьи по этой теме, освещавшие участь отдельных деятелей⁴¹, также и работы общего характера⁴². В их числе можно назвать историко-правовые исследования, например, «Судебно-следственные материалы как источник для изучения польской политической ссылки первой половины XIX в.»⁴³.

Принадлежность народов к различным цивилизационно-религиозным системам в межнациональных отношениях имела особую значимость. Национально-идентификационные и религиозно-конфессиональные убеждения, как правило, отождествляемые между собой, лежали не только на идеологическом, но даже и на подсознательном уровне причин межнациональных конфронтаций и конфликтов. И в польско-русских отношениях это проявлялось совершенно отчетливо. В национально-освободительных движениях именно эти факторы – культурный (прежде всего языковой и литературный) и религиозный – играли далеко не последнюю роль и никоим образом не должны игнорироваться: сам процесс изучения конкретной

истории польских патриотических движений и межнациональных контактов обязательно приводит историка к мысли о необходимости при проведении тщательного причинно-факторного анализа непременно учитывать эти аспекты.

С участием духовенства в национальном движении Дьяков столкнулся вполне явственно уже при изучении истории заговора П. Сцегенного, а также других конспиративных организаций на территории Королевства Польского, в деятельности которых принимали участие священники. Именно с их помощью можно было донести освободительные идеи до более широких слоев населения. О роли и месте католического духовенства в польском национально-освободительном движении В. А. Дьяков написал специальную статью (она была опубликована в 1997 г., уже после его смерти)^{44*}. Отмечая, что российские и польские историки немало сделали для изучения взаимоотношений между нашими народами, В. А. Дьяков подчеркивал, что «тематическое многообразие данного научного направления пока еще охвачено далеко не полностью, причем зачастую не из-за нехватки специалистов и источников, а потому, что определенные внеученные факторы долгое время затрудняли рассмотрение одних и делали практически невозможными изучение других заслуживающих внимания вопросов», имея в виду конфессиональный аспект исследований.

Положительно оценивая «вышедшую в 1983 г. монографию Ханны Дыленговой “Католическое духовенство и национальный вопрос в 1764–1864 годах”», В. А. Дьяков особое внимание обратил на освещение в ней межповстанческой эпохи. «В момент выхода книги содержание главы о периоде 1831–1855 гг. во многом было новаторским. Однако за последние годы вошло в оборот много новых архивных источников, что позволяет, во-первых, значительно увеличить круг рассматриваемых персоналий, а также использовать более богатый биографический материал», – отмечал он. С присущей ему тщательностью Дьяков произвел подсчет лиц духовного звания, показавший, что их численность была намного выше той, которая приведена в монографии польской исследовательницы. «По данным Х. Дыленговой, – писал В. А. Дьяков, – в освободительном движении “паскевичевской эры” участвовало 97 представителей духовного со-

---

*Название этой статьи не приводится в библиографии, составленной А. Н. Горяиновым, так как она вышла после издания книги «Владимир Анатольевич Дьяков».

словия». Далее сообщалось о результатах его собственных исследований: «Составленный мною список связанных с духовным ведомством лиц, участвовавших в освободительном движении или проявивших враждебное отношение к властям в 1832–1855 годах, включает 243 фамилии». В. А. Дьяков называл имена большого числа лиц, проходивших по делам конспиративных организаций. Подробно на конкретном материале он описывал «формы репрессий, применявшиеся царскими властями в отношении духовенства», «условия, сроки и места пребывания лиц духовного ведомства на каторге, в ссылке или на поселении».

В. А. Дьяков подвел также некоторые итоги изучения проблематики польской ссылки, отметив, что она остается слабо исследованной как в отечественной, так и в польской историографии. Он высказал соображения, что ей необходимо уделять большее внимание и включить «в широкую и важную проблематику взаимоотношений между нашими народами». В последние два десятилетия проблема польской ссылки стала активно изучаться, она стала одним из главных направлений исследовательской работы российских и польских историков. По этой проблематике был проведен целый ряд научных конференций, результаты которых публиковались в соответствующих сборниках. Профессор Виктория Сливовская составила словарь, в который вошли имена поляков, которые принимали участие в национально-освободительном движении в Королевстве Польском в 1830–1850-е гг., за что были сосланы в отдаленные губернии Российской империи⁴⁵.

В работах В. А. Дьякова отразился определенный этап развития отечественной исторической науки, детерминированный современной ему эпохой общественно-идеологического и политического развития страны. Зависимость ученого-историка от существовавших условий выражалась и в выборе темы, и в ее освещении с «правильных», соответствовавших основной идеологии, позиций. Национально-освободительные движения, в частности польское, как и социальные революции, – в соответствии с господствовавшей в то время исследовательской парадигмой – всегда оценивались однозначно как положительные. Допускалось определенное спрямление, схематизация исторического процесса: оправдывались все жертвы, все разрушения – во имя великой цели. Согласованность с требованиями времени вела к тому, что при изучении, в частности, восстания 1863 г., а также вообще революционных и национально-освободительных движений их оценка проводилась со знаком «плюс». В истории от-

ношений между Польшей и Россией, особенно в сложные периоды, необходимо было найти положительные факты и факторы, а в проблематике польского и русского освободительных движений – выделить контакты и связи революционного характера, тем более что в прежней историографии этот аспект не только не разрабатывался, но даже почти не затрагивался. Использование прошлого в политических целях является общественно-идеологической константой. Однако если методологические подходы и идеологические оценки в изучении исторических процессов и явлений с течением времени могут меняться, то огромный вклад, сделанный В. А. Дьяковым в расширение источниковой базы истории польского национально-освободительного движения, останется навсегда – это зафиксированная навечно память о прошлом.

Польские коллеги высоко оценивали научные достижения В. А. Дьякова. В 1981 г. Польское отделение Общества европейской культуры присудило ему ежегодную премию за заслуги перед польской культурой за границами страны. Он стал почетным доктором Лодзинского университета (май 1990 г.). А в 1994 г. В. А. Дьяков был избран иностранным членом Польской академии наук.

Отмечая его необыкновенное трудолюбие и высокие творческие достижения, В. Сливовская в своих воспоминаниях писала: «Заслуги Владимира Дьякова для польской историографии – колоссальны, и в первую очередь это относится к его исследованиям и публикациям документов по истории польского национального движения середины XIX века»⁴⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подробнее см.: *Макарова Г. В.* Из истории российско-польского научного сотрудничества: публикация источников по истории общественного движения в Королевстве Польском в 30–50-е годы XIX в. // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. Изучение и публикация источников в России и Польше. М., 2011. В приложении к статье указаны все изменявшиеся названия серии, а также названия шести ее томов, вышедших в 1978–2009 гг.

2 *Фалькович С. М.* Археография и архивное дело в творчестве В. А. Дьякова (К 70-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990.

3 *Горизонтов Л. Е.* Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995) // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1996. В этом же выпуске Л. Е. Горизонтовым были опубликованы мемуары В. А. Дьякова, касающиеся начального периода его жизни, до демобилизации из армии в 1952 г.

4 Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995) / Отв. ред. М. А. Робинсон. М., 1996. Очерк Л. Е. Горизонтова «Путь историка» см. на с. 10–37.

5 *Дьяков В. А.* Новые документальные материалы о С. Сераковском // Исторический архив. 1959. № 2. В том же году издана его книга «Сигизмунд Сераковский» (М., 1959); *Он же.* Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960.

6 *Дьяков В. А., Абрамовичюс В. Г.* Валерий Врублевский. М., 1968; *Дьяков В. А.* Ярослав Домбровский. М., 1969.

7 *Дьяков В. А.* Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов. Библиографический словарь. М., 1967.

8 *Дьяков В. А., Богданов Г. В.* Алфавит участников революционного движения в русской армии за 1861–1863 гг. // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960.

9 Русско-польские революционные связи. М., 1963. Т. 1–2 (разделы В. А. Дьякова: Т. 1. С. 197–581).

10 *Дьяков В. А.* Петербургские офицерские организации конца 50 – начала 60-х годов XIX века и их роль в истории русско-польских революционных связей // Ученые записки Института славяноведения СССР. М., 1964. Т. 28. С. 268–359.

11 За нашу и вашу свободу: Герои 1863 г. М., 1964. Лозунг «За нашу и вашу свободу!» был выдвинут в ходе восстания 1830–1831 гг. польским общественным деятелем и ученым-историком Иоахимом Лелевелем (по другой версии – Домбровским еще в конце XVIII в.) и звучал несколько иначе: «Во имя Бога за нашу и вашу свободу!». В другом варианте («За вашу и нашу свободу!») первое место отводилось русскому народу, свобода которого, по мнению демократического крыла восстания, была невозможна без свободы польского народа. Общей целью, объединявшей демократические силы обоих народов, была борьба против царизма.

12 К столетию героической борьбы «за нашу и вашу свободу». М., 1964.

13 *Дьяков В. А.* Герцен, Огарев и Комитет русских офицеров в Польше // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1963; *Он же.* Неизвестная прокламация «Комитета русских офицеров в Польше»

(1862 г.) // Новая и новейшая история. 1963. № 1; *Он же*. Еще одна неизвестная прокламация Комитета русских офицеров в Польше // История СССР. 1963. № 3.

14 *Дьяков В. А., Миллер И. С.* Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964. Спустя три года она вышла в Польше: *Djakow W. A., Miller I. S.* Ruch rewolucyjny w armii rosyjskiej a powstanie styczniowe. Wrocław, 1967.

15 *Дьяков В. А.* Революционное движение в русской армии и его взаимосвязи с польским освободительным движением. 1856–1865 гг. Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук. М., 1966.

16 *Дьяков В. А.* Тарас Шевченко и его польские друзья. М., 1964; *Djakow W. A.* Polscy przyjaciele Tarasa Szewczenki. Warszawa, 1964.

17 *Дьяков В. А.* Состояние и задачи изучения русско-польского революционного сотрудничества в допролетарский период // Связи революционеров России и Польши XIX – начала XX в. (Материалы симпозиума 1966 г.) М., 1968.

18 Роль крестьянства в восстании 1863–1864 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы [за 1963 год]. Вильнюс, 1964.

19 *Дьяков В. А.* Маркс, Энгельс и польское освободительное движение. М., 1968; в дополненном виде она была издана повторно: *Он же*. Маркс, Энгельс и Польша. Польская тема в творческом наследии основоположников научного коммунизма, их личные контакты с поляками. М., 1989.

20 *Дьяков В. А., Манусевич А. Я.* В. И. Ленин и польское рабочее движение // Коммунист. 1982. № 13; *Djakow W., Manusiewicz A. W.* I. Lenin a polski ruch robotniczy // Ideologia i polityka. 1982. № 11.

21 *Дьяков В. А.* В. И. Ленин о сущности революционного демократизма и основных этапах его истории // Революционно-демократическое движение в странах Восточной Европы второй половины XIX в. и его роль в развитии интернациональных связей. Тезисы докладов и сообщений научного симпозиума. Львов, 1985; *Djakow W.* Lenin o polskim ruchu narodowo-wyzwoleńczym i robotniczym w XIX i na początku XX wieku // Dziedzictwo Włodzimierza Lenina i aktualne problemy współczesności. Wrocław, 1987.

22 *Дьяков В. А.* Новые материалы о Петре Сцегином // Советское славяноведение. 1968. № 3.

23 Исследования по истории польского общественного движения XIX – начала XX в. Сборник статей и материалов. М., 1971.

24 *Djakow W.* Piotr Ściegienny i jego spuścizna. Warszawa, 1972. Спустя два года также в Варшаве вышла еще одна книга о ксендзе-революционере: *Idem.* Piotr Ściegienny, ksiądz-rewolucjonista. Warszawa, 1974.

25 См., например: *Дьяков В. А.* Густав Зелинский и экспедиция Заливского // Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973; *Он же.* Литературные интересы польских конспираторов 30–40-х годов XIX века // Там же; *Он же.* Эмигрантские издания и «потаенная» литература в деятельности конспираторов Царства Польского (30–40-е годы XIX в.) // Федоровские чтения [1975]. М., 1977; *Djakow W.* Literackie zainteresowania konspiratorów polskich z lat trzydziestych i czterdziestych XIX wieku // *Polonistyka radziecka: Literaturoznawstwo.* Warszawa, 1985.

26 *Djakow W.* Polski ruch wyzwolenczy a kultura w latach 1830–1860 // *Kultura polska XVIII i XIX w. i jej związki z kulturą Rosji.* Wrocław, 1984.

27 В. А. Дьяков откликнулся большой рецензией на книгу польского академика: *Wielka synteza powstania styczniowego* // *Kwartalnik Historyczny.* 1973. № 4. [Рец. на:] *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972.

28 Вышедший из печати в 2014 г. том «Зеленой серии» о Валериане Лукасинском повлек изменение прежних хронологических рамок издания: [Серия:] *Polskie ruchy społeczno-polityczne i życie literackie. 1815–1855. Studia i materiały / Польское общественно-политическое движение и литературная жизнь. 1815–1855. Исследования и материалы.* [Том:] *Wolnomularstwo narodowe. Walerian Łukasiński / Национальное масонство. Валериан Лукасинский.* Warszawa, 2014.

29 *Djakow W.* Przegląd dokumentów dotyczących polskich ruchów niepodległościowych z okresu 1830–1855 w zasobach Centralnego Archiwum Wojskowo-Historycznego Rosji w Moskwie // *Przegląd Wschodni.* 1993. №1; *Idem.* Polonica w Państwowym archiwie obwodu Orenburskiego (do 1862 r.) // *Przegląd Wschodni.* 1994. № 2 (10).

30 *Дьяков В. А.* Т. Костюшко и его соратники после сражения при Мацейовице (1794–1798) // *Славяноведение.* 1993. № 5; Тадеуш Костюшко в русской столице // *Родина.* 1993. № 8/9.

31 *Djakow W. A.* Edward Dembowski i rewolucyjne spiski na początku lat czterdziestych XIX wieku // *Pamiętnik literacki.* Wrocław, 1973. Zesz. 2.

32 *Djakow W. A.* Warszawska organizacja konspiracyjna 1848 roku (Edward Domaszewski, Henryk Krajewski, Romuald Świerbiński i inni) // *Kwartalnik historyczny.* 1976. № 2.

33 *Djakow W. A., Nagajew A. S.* Partyzantka Zaliwskiego i jej pogłosy (1832–1835). Warszawa, 1979.

34 *Дьяков В. А.* [Гл. 3] Первые шаги под лозунгом «За вашу и нашу свободу», 1830–1856 гг. // *Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917.* М., 1976.

35 *Дьяков В. А., Миллер И. С.* Традиции русско-польского революционного сотрудничества в период национально-освободительных вос-

станий XIX века // СССР и Польша. Интернациональные связи – история и современность. М., 1977. Т. 1.

36 *Djakow W. A.* Rewolucyjne tradycje współpracy polsko-rosyjskiej w okresie powstań narodowo-wyzwoleńczych XIX wieku // Polska – ZSSR: Internationalistyczna współpraca – historia i współczesność. Warszawa, 1978; *Idem.* Tradycje rosyjsko-polskiej współpracy rewolucyjnej // Ideologia i polityka. 1978. № 11.

37 *Дьяков В. А.* Об использовании социолого-статистических методов при изучении освободительного движения // Историко-социологические исследования (на материалах славянских стран). М., 1970; *Дьяков В. А., Зайцев В. М., Обушенкова Л. А.* Социальный состав участников восстания 1830–1831 гг. (по материалам Западных губерний Российской империи) // Там же; *Дьяков В. А.* Роль социолого-статистических методов при изучении освободительных движений // Вопросы истории. 1970. № 12; *Он же.* Численность и состав участников освободительного движения в русской армии в 1856–1865 гг. (Опыт историко-социологического исследования) // История СССР. 1970. № 1.

38 В частности см.: *Tyrowicz M.* Towarzystwo Demokratyczne Polskie. Przywódcy i kadry członkowskie. Przewodnik biobibliograficzny. Warszawa, 1964.

39 Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVIII – 60-е годы XIX в. М., 1984.

40 Краткая история Польши (с древнейших времен до наших дней). М., 1993. О трудностях, возникавших при подготовке издания, необходимости согласования научных формулировок и оценок с «инстанциями» см. в очерке Л. Е. Горизонтова «Путь историка». С. 29.

41 *Djakow W., Kacnelson D., Szostakowicz B.* Piotr Wysocki na syberyjskiej katordze (1855–1865) // Przegląd humanistyczny. 1988. № 8/9.

42 *Djakow W., Peregudowa Z., Pietrowski L.* Polacy na Syberii – do 1918 roku: Stan badań i perspektywy // Przegląd Wschodni. 1992/1993. № 2 (6); *Дьяков В. А., Горюшкин Л. М., Итенберг Б. С. и др.* Нерчинская каторга в середине 1820-х – начале 1860-х годов // Политическая ссылка в Сибири: Нерчинская каторга. Новосибирск, 1993.

43 Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 182–200; *Djakow W. A.* Polscy zesłańcy w Syberii Zachodniej i Północnym Kazachstanie (1830–1862) // Polacy w Kazachstanie. Historia i współczesność. Wrocław, 1996.

44 *Дьяков В. А.* Карательная политика царизма по отношению к католическому духовенству (1832–1855) // Katolicyzm w Rosji i prawosławie w Polsce (XI–XX w.) / Католицизм в России и православие в Польше (XI–XX вв.). Warszawa, 1997.

45 Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa, 1998.

46 Śliwowska W., Śliwowski R. Rosja nasza miłość. Warszawa, 2008. S. 201–202.

G. V. Makarova

The problems of Polish national liberation movement in the middle of XIX century in the works of V. A. Dyakov

The analysis is dedicated to the contribution of the Russian historian of Poland V. A. Dyakov in studying the history of Polish national liberation movement in XIX century.

Key words: *Vladimir Anatolyevich Dyakov, Polish liberation movement, Poland in the XIX century, historiography*

А. С. Стыкалин
(Москва)

**Секретная миссия Ю. В. Андропова и Б. Н. Пономарева
в Белград в октябре 1957 г. (к истории подготовки
большого московского совещания компартий)**

В научный оборот вводится ценный источник, раскрывающий мотивы отказа Союза коммунистов Югославии поддержать итоговую декларацию совещания компартий (ноябрь 1957 г.), призванного консолидировать мировое коммунистическое движение после ряда пережитых им кризисов.

Ключевые слова: *мировое коммунистическое движение, Югославия, Союз коммунистов Югославии, Й. Броз Тито, Н. С. Хрущев, Ю. В. Андропов*

Предлагаемые вниманию читателей архивные документы относятся к октябрю 1957 г. В это время приоритетной внешнеполитической задачей для руководства КПСС было проведение международных совещаний компартий – более узкого (для компартий социалистических стран) и более широкого, с участием представителей всех коммунистических и рабочих партий, разделявших доктрину КПСС и находившихся под советским влиянием. Эти совещания, намеренно приуроченные к 40-летию октябрьской революции в России¹, были призваны консолидировать мировое коммунистическое движение, перенесшее в 1956 г. два сильнейших потрясения – разоблачение Сталина и его политической практики на XX съезде КПСС (14–25 февраля 1956 г.) и подавление Советским Союзом в ноябре 1956 г. венгерского восстания, негативно воспринятое общественным мнением на Западе и повлекшее за собой массовые выходы из компартий, отход от СССР многих прежних его симпатизантов, не в последнюю очередь из среды творческой и научной интеллигенции левого толка. Большое значение в Москве придавалось участию в совещаниях представителей Союза коммунистов Югославии, не только завоевавшего международный авторитет своим смелым сопротивлением сталинскому диктату после разрыва Югославии с СССР в 1948 г., но и воспринимавшегося как потенциальный источник схизмы, носитель реально существующей альтернативной модели социализма, способной если не бросить вызов КПСС в борьбе за умы и сердца коммунистов, то, во всяком случае, несколько ослабить гегемонию Москвы в коммунистическом движении. Без участия югосла-

вов в совещаниях и их согласия поставить подпись под их итоговыми документами для всего мира становился бы очевидным мнимый характер декларируемого единства в лагере борцов за коммунизм.

Начавшийся после смерти Сталина процесс нормализации советско-югославских отношений, преодоления последствий острого конфликта 1948 г.² застопорился в результате венгерских событий³. В июне 1956 г. югославский лидер Й. Броз Тито был принят с большой помпой в СССР и мало что предвещало новую ссору между Москвой и Белградом, многотысячный митинг советско-югославской дружбы 19 июня на стадионе «Динамо» символизировал полное преодоление взаимного недоверия. Правда, подписанная по итогам визита декларация далеко не в полной мере удовлетворила лидеров КПСС (ведь, как и годом ранее, в ходе встречи в Белграде, югославское руководство не выразило желания к возвращению своей страны в военно-политический блок, возглавлявшийся СССР⁴). Тем не менее в Москве доминировали надежды на то, что поступательное развитие отношений с Белградом продолжится⁵.

Но не прошло и пяти месяцев после подписания советско-югославской декларации, как на рассвете 4 ноября началась решающая советская военная акция по силовому смещению венгерского правительства, оказавшегося неспособным в условиях глубочайшего внутривластного кризиса удержать власть в руках коммунистов. Действующий премьер-министр Имре Надь, осудив перед всем миром эту акцию в своем выступлении по радио, укрылся затем в югославском посольстве в Будапеште⁶. В Москве это восприняли как явное нарушение договоренности, достигнутой буквально накануне на острове Бриони (на Адриатике), где Н. С. Хрушев и Г. М. Маленков всю ночь напролет обсуждали с Й. Брозом Тито, Э. Карделем и А. Ранковичем пути решения венгерского вопроса⁷. Ведь на Бриони речь шла о возможном содействии Белграда в нейтрализации неуютного СССР правительства. Лидеры Югославии, имевшие определенное влияние на венгерских коммунистов-реформаторов из команды И. Нады, фактически, по согласованию с Москвой, взялись за то, чтобы уговорить их добровольно самоустраниться, уступив место у руля другому правительству, которое железной рукой пресекало бы анархию и навело порядок. Об укрытии же в югославском посольстве политиков, перед этим выступивших с антисоветскими заявлениями, отнюдь не договаривались.

Проходит неделя, и 11 ноября Тито на партактиве в Пуле решил сыграть на опережение, информировав публику о секретной брион-

ской встрече, не дожидаясь, когда весь мир узнает о советско-югославской договоренности по свержению венгерского правительства из уст лидеров КПСС (это нанесло бы слишком сильный удар по репутации Югославии как нейтрального, внеблокового государства). Между тем несогласованная утечка информации была воспринята в Москве как грубое нарушение устоявшейся в мировом коммунистическом движении этики межпартийных взаимоотношений. Но мало того, выступая в Пуле, Тито, к острому раздражению Москвы, назвал венгерский кризис в определенной мере следствием политики СССР (неравноправные отношения в социалистическом лагере не могли не вызвать антисоветских настроений). Использование советских войск для подавления демонстрации 23 октября он счел грубой ошибкой. С другой стороны, он осудил И. Надя за уступки реакции и выразил готовность поддержать новое правительство Я. Кадара, сформированное в СССР, – ведь надо было не только отмежеваться от СССР в целях сохранения лица в глазах международного общественного мнения, но и каким-то образом оправдать свое согласие с интервенцией.

Прошло еще три недели, и 7 ноября второе лицо в СКЮ и его главный идеолог Э. Кардель, выступая в Союзной скупщине ФНРЮ, раскритиковал бюрократический социализм советского образца, противопоставив ему венгерские рабочие советы. Тогдашний посол Югославии в СССР В. Мичунович позже вспоминал, что никогда не видел Хрущева столь же взбешенным, как в ходе встречи, состоявшейся в тот декабрьский день 1956 г., когда ему принесли информацию о программной речи Карделя, к тому же распространенной югославской делегацией в ООН⁸. Через считанные дни, на декабрьском пленуме ЦК КПСС, советский лидер дал волю эмоциям: «Тито болтает всякие глупости о новых путях какого-то югославского строительства социализма, а этот путь мы знаем что такое: получать подачки за то, что прислуживаться перед американскими империалистами. Конечно, тут большого ума не требуется для строительства такого югославского социализма, а нам, рабочему классу Советского Союза под руководством Ленина, пришлось самим первыми пробивать дорогу и строить свое государство, накапливать средства, строить свои заводы, свою индустрию, и это действительно достойно подражания для других стран рабочего класса, что Советский Союз, более отсталая по сравнению с другими, западными государствами страна, первый завоевал власть рабочего класса и первый создал самую могущественную индустриальную страну из отсталой и на-

столько поднял промышленность, культуру своего народа, что разбил самого мощного врага во вторую мировую войну, и в результате нашей победы живет сейчас и учит югославскому социализму сам Тито, потому что если бы не было нашей победы, то его бы [войск] не хватило позавтракать гитлеровской армии»⁹. Между КПСС и СКЮ развернулась острая полемика в закрытой переписке¹⁰, дискуссия перекинулась и в прессу¹¹. Правда, при всей жесткости некоторых, главным образом рассчитанных на внутривнутрипартийную аудиторию, заявлений в Москве не хотели создавать видимость возвращения к ситуации 1948 г. В закрытой межпартийной переписке и беседах с советским послом Н. П. Фирюбиным¹² югославские лидеры, рассчитывавшие на продолжение выгодного для них экономического сотрудничества и, конечно, не желавшие вновь оказаться в положении изгоев в мировом коммунистическом движении, получали заверения в том, что возврат к прошлому невозможен – с советской стороны будут приложены усилия для устранения возникших наслоений, но только не за счет «принципиальных идеологических уступок». Та же установка была изложена в ряде писем руководителям «братских партий»: давая отпор «неверным утверждениям» югославов, КПСС считает, однако, необходимым держаться в полемике спокойного тона, не обостряя отношений по государственной линии и продолжая поддерживать контакт по партийной линии¹³.

С югославской стороны, однако, существовали реальные опасения возвращения к ситуации 1948 г. Пригласив 27 января 1957 г. советского посла Н. П. Фирюбина на охоту, Тито много говорил о том, что он «очень обеспокоен нашими теперешними отношениями» и много думает над тем, «каким образом поправить и развивать дальше добрые отношения между обеими партиями и нашими государствами»¹⁴. Обеспокоенность возросла после того, как в конце марта советский премьер Н. А. Булганин на митинге советско-венгерской дружбы публично заговорил о причастности югославов к идейной подготовке венгерской «контрреволюции»¹⁵. В Венгрии в это время уже начали готовить судебный процесс по делу И. Надея, который позже, в июне 1958 г., был обвинен в пособничестве контрреволюции, причастности к антигосударственному заговору и казнен¹⁶. В Белграде очень боялись, что суд над И. Надем сыграет такую же роль, какую сыграл в 1949 г. судебный процесс по делу другого венгерского коммунистического политика, Ласло Райка, – антиюгославская кампания, инициированная Сталиным в 1948 г., взошла после сфабрикованного дела Райка на новый виток: югославов стали назы-

вать уже не просто ревизионистами и националистами, но шпионами и убийцами. «Представители югославского посольства в Будапеште при каждой беседе с венгерскими товарищами пытаются подчеркнуть ненужность организации процесса над Имре Надем», – доносил 21 июня в Москву из Будапешта дипломат В. А. Крючков, будущий председатель КГБ¹⁷. Проявившаяся в этих условиях склонность Белграда к далеко идущим уступкам не укрылась от венгерского лидера Я. Кадара, говорившего 6 июня советскому послу Е. И. Громову о том, что югославы в последнее время предпринимая очевидные попытки улучшить отношения с СССР и его союзниками. Посол, следуя сохранявшейся линии центра на укрепление единства мирового коммунистического движения (а в это время уже была начата работа по подготовке большого совещания компартий, первого после XX съезда КПСС), в ответ заметил, что если эти попытки являются искренними, надо предпринять встречные шаги, не идя вместе с тем на идеологические компромиссы¹⁸. Зная о большом международном авторитете маршала Тито (в том числе и в формирующемся движении неприсоединения) и о популярности югославской модели социализма среди коммунистов-реформаторов всего мира, отлучать СКЮ от мирового коммунистического движения в Москве сочли нецелесообразным, ибо югославская схизма, как уже отмечалось, угрожала более широким расколом в лагере борцов за коммунизм.

Как явствует из документов, 31 мая Президиум ЦК КПСС склонился к принятию определенных шагов в интересах улучшения советско-югославских отношений¹⁹. В ЦК СКЮ было направлено письмо соответствующего содержания. 3 июня Тито принял посла Н. П. Фирюбина, заверив его, что руководство Югославии готово со своей стороны укреплять и развивать двусторонние отношения с СССР²⁰. Провал антихрущевского путча в июне 1957 г. привел к удалению из партийного руководства В. М. Молотова (всегда скептически относившегося к перспективам советско-югославского сближения), что, вне всякого сомнения, благоприятно повлияло на готовность лидеров СКЮ активизировать контакты с КПСС. В июле 1957 г. в СССР по приглашению Хрущева отдыхали и были им приняты наиболее влиятельные соратники Тито – Э. Кардель и А. Ранкович.

Первая после брионских переговоров начала ноября 1956 г. встреча советской и югославской делегаций во главе с Хрущевым и Тито состоялась 1–2 августа 1957 г. на нейтральной территории – в Румынии. Был обсужден широкий круг проблем, предприняты небезуспешные попытки сблизить позиции по спорным вопросам (суть

событий в Венгрии, проблема рабочих советов и т. д.), выражена решимость и дальше работать над устранением препятствий, затрудняющих развитие двусторонних отношений²¹. Москва заверила Белград в отсутствии намерений использовать дело И. Надя для раздувания антиюгославской пропагандистской кампании (а несколько позже настояла на том, чтобы венгерское руководство не проводило судебный процесс до предполагаемого совещания компартий с участием югославы, перенеся его на более поздний срок, и позже также не выпячивало антиюгославских обвинений)²². Руководство СКЮ в принципе выразило готовность принять участие в планируемом на ноябрь совещании компартий социалистических стран – приглашение придавало уверенности в том, что повторения ситуации 1948–1949 гг. не будет, до шумной антиюгославской кампании, а тем более разрыва с советским лагерем дело не дойдет.

Таков был внешний фон поездки в Югославию в середине октября 1957 г. заведующих отделами ЦК КПСС, ведавшими связями с братскими компартиями, Б. Н. Пономарева и Ю. В. Андропова (их отчеты о встречах с югославскими лидерами публикуются ниже). За два дня до их приезда, 12 октября, руководству СКЮ был послан из Москвы для ознакомления проект итоговой декларации предстоящего совещания компартий социалистических стран²³. Для того чтобы узнать югославское мнение об этом проекте, и были командированы в Белград высокопоставленные функционеры КПСС, через которых до Н. С. Хрущева и была донесена позиция Тито и его окружения: ознакомившись с проектом, югославы дали знать советским эмиссарам, что декларации не подпишут. Их аргументы против ее подписания от имени СКЮ подробно излагаются в публикуемых ниже записках Пономарева и Андропова, адресованных в ЦК КПСС²⁴. Деятели СКЮ особенно не понравился в представленном Москвой проекте декларации тезис о борьбе с ревизионизмом. Небезосновательно спроецировав его на свою партию, Кардель заметил, что подписание СКЮ документа подобного содержания может создать во всем мире впечатление, что югославские коммунисты, неоднократно обвинявшиеся в ревизионизме (не только при Сталине, но и позже, в том числе в связи с позицией, занятой ими в отношении венгерских событий), признают свои мнимые ошибки, выступают с самокритикой. В действительности же они отнюдь не считают звучавшую критику справедливой и не собираются сдавать своих позиций. Вообще публикация документа, указывающего на существование социалистического лагеря, по мнению лидеров СКЮ, заставит многих подумать

о возрождении распущенного в апреле 1956 г. Коминформа (теперь уже с участием югославов!), что неизбежно обострит разногласия в рядах коммунистов разных стран и вызовет негативную реакцию в мире. С другой стороны, жесткость некоторых положений декларации (там, где дело касалось, в частности, критики американского империализма), по мнению югославских деятелей, может только сыграть на руку реакционным кругам на Западе, которые, ссылаясь на коммунистическую угрозу, развяжут массированную пропагандистскую атаку на социалистические страны. Не желая связывать себя подписанием каких-либо жестких заявлений от имени социалистического блока, югославы вместе с тем совсем не хотели снова оказаться в положении изгоев в коммунистическом движении. Они высказались за многообразие форм контактов между компартиями, регулярное проведение совещаний и дали принципиальное согласие приехать в Москву в дни празднования 40-летнего юбилея Октябрьской революции не только для участия в самих юбилейных торжествах, но ради встреч с посланцами братских партий всего мира. По их мнению, оптимальной стала бы публикация в прессе по итогам совещания компартий соцстран не амбициозной политической декларации, а только краткой информации о проведении встречи без детализации обсуждавшихся вопросов²⁵.

Тито, насколько можно судить по известным документам, не участвовал в беседах с советскими эмиссарами, но в знак своей доброй воли счел целесообразным публично высказаться перед советской аудиторией о всемирно-историческом значении Октябрьской революции в России. Интервью с ним, взятое молодым журналистом Г. Боровиком, впоследствии одним из корифеев советской журналистики, было опубликовано в журнале «Огонек» 3 ноября²⁶. Впрочем, в те же самые дни настроение югославского маршала было омрачено вестью, пришедшей из Москвы, – маршал Г. К. Жуков, только что побывавший в Югославии и принятый со всеми почестями, был снят с поста министра обороны, а затем выведен из Президиума ЦК с обвинением в ущемлении роли партии в Вооруженных силах²⁷. Отстранение Жукова разом обесценило значение всех его бесед с югославскими лидерами, в ходе которых обсуждался самый широкий круг вопросов. Тито не мог не воспринять как личное унижение (если не насмешку) тот факт, что не был заранее проинформирован о готовящемся отстранении Жукова и соответственно принимал его в Белграде как одного из влиятельнейших советских партийно-государственных лидеров. Ссылаясь на болезнь, он отказался от заплани-

рованного приезда в Москву на юбилейные торжества, передоверив Карделю руководство югославской делегацией. Очевидно, что наряду с «делом Жукова» сыграло роль и нежелание демонстрировать миру чрезмерную близость с советским блоком. Однако противопоставлять себя мировому коммунистическому движению Тито тем более не хотел: об отказе Югославии прислать своих представителей на юбилейные торжества речи не было. И только в Москве, в канун совещания компартий социалистических стран, состоявшегося 14–16 ноября, югославы (вопреки своим обещаниям, данным Пономареву и Андропову) отказались от участия в этом узком совещании, согласившись вместе с тем участвовать в запланированном на последующие дни совещании представителей всех 68 коммунистических и рабочих партий, приглашенных в Москву²⁸. Их отказ вызвал негодование Хрущева. Он безуспешно попытался оказать давление на представителей СКЮ, заставив их все-таки участвовать и в узком совещании, а затем призвал другие партии подвергнуть делегацию СКЮ остракизму²⁹. Не подписав Декларации, довольно жесткой по своим формулировкам, принятой под давлением китайской компартии³⁰, югославы по сути отвергли уже не первую из предпринятых начиная с 1955 г. попыток вовлечь их в советский блок. В то же время делегация СКЮ подписала другой программный документ мирового коммунистического движения – Манифест мира, опубликованный от имени представителей всех приехавших на торжества в Москву компартий³¹.

Хотя попытка Москвы заставить Белград играть по своим правилам уже не в первый раз закончилась полным фиаско, руководство КПСС на этот раз воздержалось от того, чтобы встать на путь конфронтации с СКЮ. В условиях назревающих советско-китайских разногласий, обострявшейся борьбы двух главных коммунистических держав за влияние в мире важно было блюсти хотя бы видимость сохранения единства коммунистического движения. Публичная критика ревизионизма СКЮ развернулась лишь через несколько месяцев после московских совещаний, с принятием на VII съезде СКЮ в апреле 1958 г. новой Программы СКЮ, признанной в Москве ревизионистской (заявленный тезис о неприятии блоковой политики давал повод для обвинений югославы в постановке на одну доску НАТО и Организации Варшавского договора, фактическом проведении знака равенства между политикой СССР и США). К этому времени установки меняются. Зная о крайне негативном отношении лидеров китайской компартии к новой программе СКЮ, руководители

СССР решили принести югославов в жертву сохранению советско-китайской дружбы. Однако в условиях новой антиревизионистской кампании, охватившей все страны советского блока, существовала негласная установка «и в дальнейшем поддерживать нормальные отношения с Югославией, прежде всего по государственной линии, а не вести дело на разрыв с ней», что нашло отражение в материалах майского пленума 1958 г. и решениях Президиума ЦК КПСС, принятых в те же недели. Наша критика, отмечалось в процитированном выше документе, закрытом письме ЦК КПСС парторганизациям, «не должна вылиться в крикливую перепалку; не следует размениваться на мелочи, задевать национальные чувства югославов. Критика должна быть принципиальной, аргументированной и вестись в спокойном тоне, не впадая в крайности 1949–1953 гг.»³². В Кремле и на Старой площади, таким образом, извлекли уроки из прошлого, по пути сталинских агиткампаний принципиально решено было не идти, ведь это работало бы в ущерб влиянию КПСС, учитывая, что несправедливая и грубая критика не казалась многим в мире убедительной, а скорее приносила обратный эффект: лишь способствовала повышению авторитета югославских коммунистов как носителей антисталинской альтернативы в мировом коммунистическом движении³³. С другой стороны, Югославию решили проучить, прибегнув к методам экономического давления. Речь идет об одностороннем пересмотре планов экономического сотрудничества и отсрочке в предоставлении обещанных Советским Союзом Югославии кредитов.

В дальнейшем критика югославского ревизионизма в советской печати явно идет на спад. Как отмечалось в документе ЦК КПСС, относящемся к апрелю 1959 г., «нет необходимости уделять в нашей печати много внимания политике руководства Югославии. Больше того, повышенное внимание к Югославии отвечало бы интересам югославских руководителей, желающих, чтобы о их политике и идеологии много писали, чтобы их политика занимала все более видное место, что не отвечает ни удельному весу Югославии на международной арене, ни влиянию югославских руководителей в международном рабочем и коммунистическом движении»³⁴. Тем не менее дежурная критика югославского «ревизионизма», иногда довольно резкая, звучала с трибуны XXI (январь – февраль 1959 г.) и XXII (октябрь 1961 г.) съездов КПСС, присутствовала в выступлениях Хрущева и других советских лидеров на съездах зарубежных компартий. Эта критика в значительной мере была данью компромиссу между КПСС и КПК. В ноябре 1960 г. КПСС согласилась на вклю-

чение довольно резкого выпада в адрес СКЮ в итоговый документ следующего большого совещания компартий³⁵. Эту цену опять-таки решено было заплатить ради сохранения хотя бы на короткое время дававшего трещину союза КПСС с китайской компартией. Однако принесение югославам «в жертву» единству с КПК оказалось на этот раз совсем не эффективным, достигнутая на совещании 1960 г. компромиссная платформа между двумя великими коммунистическими державами смогла лишь на считанные месяцы отсрочить открытый конфликт между КПСС и КПК.

Решительный сдвиг в советско-югославских отношениях относится к маю 1962 г. Зная, что подходит срок, когда Москва в соответствии со своими прежними декларациями должна вернуться к вопросу о предоставлении Югославии обещанного еще в 1956 г. кредита, Тито 6 мая, выступая на партактиве в Сплите, однозначно заявил о готовности СКЮ при всех его разногласиях с КПСС поддержать ее в идеологических спорах с китайской компартией по наиболее принципиальным вопросам. Всего через 10 дней, 16 мая, Хрущев, находившийся с визитом в Болгарии, в своей речи отметил, что сейчас у СССР сложились с Югославией «нормальные, более того, хорошие отношения»³⁶. В итоговой советско-болгарской декларации от 21 мая критика ревизионизма вопреки сложившейся в предшествующие годы практике обошлась без упоминания югославам.

С одной стороны, в установочных статьях идеологов КПСС, опубликованных в «Правде», критика Программы СКЮ как образца современного ревизионизма и после этого время от времени продолжала звучать³⁷. Тем не менее новая ситуация, сложившаяся в мировом коммунистическом движении, теперь работала на советско-югославское сближение. В условиях глубокого раскола между СССР и КНР в Москве до известной степени смирились (зная о крайне негативном в то время отношении Пекина к белградским «ревизионистам») с особым статусом Югославии среди социалистических стран и несколько притормозили заведомо бесплодные попытки вовлечь нейтральное социалистическое государство, заинтересованное прежде всего в экономическом сотрудничестве с СССР, в советскую сферу влияния. Записи заседаний Президиума ЦК КПСС отражают стремление лидеров КПСС, не отрицая существующих разногласий с руководством СКЮ, вместе с тем защитить югославскую сторону от китайских нападок³⁸. Та же установка проявилась и в публичном выступлении Хрущева на сессии Верховного Совета СССР в декабре 1962 г. в присутствии Тито, после 6-летнего перерыва посетившего Москву с не-

официальным визитом³⁹. 10 февраля 1963 г. в открытой дискуссии с идеологами КПК «Правда» отмечала, что в СКЮ и ФНРЮ «происходят положительные процессы в сторону сближения с социалистическим содружеством, с мировым коммунистическим движением». В Москве, таким образом, осознали, что в условиях разгорающегося советско-китайского спора Югославию было бы целесообразно воспринимать таковой, какова она есть, и не ждать от нее большего, ведь даже дистанцируясь внешнеполитически от СССР, правящий в ней СКЮ может быть тем не менее неплохим союзником КПСС в споре с КПК за лидерство в мировом коммунистическом движении.

В дальнейшем советско-югославские отношения в целом отличались относительной стабильностью и устойчивостью при сохранении некоторой дистанции Югославии от социалистического лагеря и признании со стороны КПСС права этой страны (с 1963 г. СФРЮ) на свой путь к социализму как порождение конкретных и неповторимых специфических условий. Серьезный кризис в двусторонних отношениях в августе 1968 г., когда Югославия не поддержала силовую акцию в отношении Чехословакии, был преодолен совместными усилиями.

В основе публикации лежат хранящиеся в Венгерском государственном архиве тексты записок на языке оригинала (русском), посланные из ЦК КПСС в Будапешт для ознакомления руководства Венгерской социалистической рабочей партии. Автор выражает благодарность своей коллеге к. и. н. Каори Кимура (Япония) за содействие в подготовке публикации.

**Сообщения Б. Н. Пономарева
и Ю. В. Андропова из Белграда
(октябрь 1957 г.)**

I.

Сегодня состоялась встреча, в которой принимали участие со стороны СКЮ гг. Кардель и Влахович. Тов. Кардель сказал, что хотя проект Декларации они получили 12 октября, югославские товарищи еще не обсуждали этого документа и поэтому по существу документа сегодня они еще ничего сказать не могут. Имеется в виду обсудить проект Декларации на заседании Исполкома ЦК СКЮ, которое состоится 17 октября в Словении, где в настоящее время находится т. Тито. После заседания 18 вечером или 19 утром ЦК СКЮ

сможет сообщить свои замечания по Декларации. Тов. Кардель сказал, что если мы можем остаться в Белграде до 19 октября, то замечания будут сообщены лично. Если же не представляется возможным задержаться на такой срок, то замечания будут сообщены ЦК КПСС в письменном виде.

В беседе с нашей стороны указывалось, что желательно как можно скорее получить ответ ЦК СКЮ, учитывая, что до Октябрьской годовщины остается мало времени. На это тов. Кардель ответил, что, к сожалению, ранее 19 октября они ответ дать не смогут.

Мы постарались выяснить хотя бы предварительное мнение югославских товарищей о проекте Декларации. Оговариваясь, что он высказывает личное мнение (хотя и неоднократно упоминал о том, что он разговаривал по содержанию проекта Декларации с тов. Тито по телефону), тов. Кардель изложил следующее:

Югославские товарищи считают, что в проекте Декларации содержится ряд формулировок, касающихся политики западных держав, которые могут осложнить внешнеполитическое положение Югославии. Они не хотели бы, чтобы участие Югославии в совещании компартий и в принятии Декларации было бы истолковано западными державами как включение Югославии в «социалистический блок». Это, по их мнению, могло бы вызвать серьезные осложнения в связях Югославии с западными странами и особенно в экономических связях с ними.

У югославских товарищей вызывает сомнение та часть Декларации, где идет речь о борьбе против догматизма и ревизионизма. Хотя необходимо вести борьбу против оппортунизма, сказал тов. Кардель, однако об этом следует сказать таким образом, чтобы никто не мог понять, что в данном случае речь идет об СКЮ, который в свое время Компартии критиковали за ревизионизм, за отступление от марксизма. Тов. Кардель сказал, что иначе могло бы создаться впечатление, что СКЮ выступает с самокритикой своих позиций и признает ошибки;

Наконец, у югославских товарищей вызывает сомнение указание заключительной части проекта Декларации о необходимости проведения не только двусторонних встреч, но и более широких совещаний Компартий. Могло бы создаться впечатление, что вновь возрождается Коминформ.

На наш вопрос о том, как тов. Кардель относится в целом к проекту Декларации, он говорил, что по существу документ является правильным.

Тов. Кардель сказал, что, может быть, следует подумать о разных формах совещания представителей братских Компартий и о принимаемых ими документах. Возможен и такой вариант, что совещание Компартий примет документ, который не будет опубликован. В таком случае для югославских товарищей предложенный проект Декларации, вероятно, подходил бы. Тов. Кардель также сказал, что совещания представителей Компартий могли бы проходить периодически, но без опубликования об этом в печати.

Из высказываний тт. Карделя и Влаховича создается впечатление, что югославы хотели бы иметь документ менее определенный, с более общими формулировками и значительно более краткий по размерам.

Мы обещали югославским товарищам сообщить в ЦК КПСС о нашей беседе и дать им ответ в соответствии с указаниями, которые будут нами получены.

Пономарев Андропов
15 октября 1957 года

II.

Сегодня, 18 октября, вечером состоялась встреча с югославскими товарищами. С их стороны присутствовали тт. Кардель, Ранкович, Влахович.

Югославские товарищи сообщили, что после обсуждения на заседании Исполкома ЦК они пришли к выводу, что нецелесообразно принимать Декларацию на совещании представителей Коммунистических партий в Москве. Свою точку зрения они мотивировали следующим:

В настоящее время международные отношения переживают переломный момент. Еще недостаточно ясно, намерены ли США вести дело к дальнейшему обострению международной обстановки или, напротив, могут отступить и пойти по пути смягчения международной обстановки. В этих условиях принятие и опубликование данного проекта Декларации может дать повод реакционным кругам в развертывании антикоммунистической кампании, к запугиванию широких слоев трудящихся «угрозой коммунизма».

Вместе с тем участие Югославии в принятии такой Декларации повело бы к осложнению ее международного положения. По словам т. Карделя, Западная Германия намерена уже сейчас разорвать дипломатические отношения с ФНРЮ в связи с установлением Югославией дипломатических отношений с ГДР⁴⁰. Это не пугает нас, сказал югославский товарищ, но мы считаем, что не следует создавать дополнительных политических и экономических затруднений для Югославии.

Кроме того, по мнению югославских товарищей, между Коммунистическими партиями, которые будут участвовать в совещании, еще имеются расхождения и разные точки зрения по некоторым идеологическим вопросам. В этих условиях обсуждение Декларации могло бы вызвать дискуссии и привести к обострению отношений между Коммунистическими партиями.

Хотя Декларация содержит основу для сплочения международного рабочего движения, ее принятие и опубликование в настоящих условиях может дать больше минусов, чем плюсов.

В связи с изложенными мотивами югославские товарищи сказали, что они не считают возможным вносить дополнений, поправок и редакционных изменений в проект Декларации.

В отличие от первой беседы, сказал тов. Кардель, мы не считаем возможным принять эту Декларацию и как закрытый документ совещания.

Учитывая такую позицию югославских товарищей, мы постарались выяснить их отношение к тому, считают ли они вообще целесообразным проведение совещания Коммунистических партий социалистических стран и совещание представителей всех Коммунистических партий. Если такие совещания в Москве в период Октябрьских празднеств возможны, то должно ли быть опубликовано сообщение о таком совещании и в какой форме это следует сделать. На это югославские товарищи ответили, что они считают возможным и полезным провести совещание. На нем могли бы быть обсуждены в товарищеской форме все вопросы, интересующие Коммунистические партии.

Представители Компартий могли бы обменяться информацией о их деятельности и договориться о формах сотрудничества и развития контактов на будущее. О таком совещании может быть опубликовано краткое информационное сообщение без подробного освещения обсуждавшихся вопросов. Югославские товарищи сказали, что они готовы принять участие как в совещании социалистических стран, так и в общем совещании.

В ходе беседы мы спросили югославских товарищей, как они относятся к принципиальным положениям проекта Декларации. На это они ответили, что они согласны с основными положениями проекта, имеются лишь отдельные замечания, о которых уже говорилось во время первой встречи.

Пономарев Андропов
18 октября 1957 г.⁴¹

Magyar Országos Levéltár (Венгерский государственный архив)
288 f. 9/1957/12 ö.e.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О подготовке совещаний в контексте процессов, происходивших в международном коммунистическом движении, см.: *Стыкалин А. С.* КПСС и мировое коммунистическое движение: поиски новых механизмов влияния (весна 1956 – осень 1957 гг.) // *Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений.* М., 2012. С. 390–438.

2 См.: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.

3 См.: *Стыкалин А. С.* Советско-югославские отношения и внутривосточная ситуация в Венгрии в условиях кризиса 1956 г. // *Spoljna politika Jugoslavije. 1950–1961.* Beograd, 2008. S. 139–167.

4 При утверждении текста документа на Президиуме ЦК КПСС было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем». См.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 14. Д. 35. Л. 2.

5 Попытки мягкого увещевания Тито были предприняты Хрущевым в ходе их неформальных встреч на Адриатике и в Крыму в сентябре – начале октября 1956 г. Югославских лидеров особенно просили воздержаться от проявления симпатий к оппозиционерам в восточноевропейских странах советского блока, находившихся под сильным влиянием идеализируемых ими югославских идей социализма. Материалы этих встреч см. в книге: *Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг.* М., 2014. Т. 1. 1946–1964.

6 См.: *Райнер М. Я.* Имре Надь – премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М., 2006.

7 См.: *Едемский А. Б.* Был ли тайный сговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? (Советско-югославские консультации 2–3 ноября 1956 года) // *Славянство, растворенное в крови...* В честь 80-летия со дня рождения В. К. Волкова. М., 2010; *Он же.* По следам конкретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // *Славянский альманах.* 2010. М., 2011. С. 462–488.

8 См.: *Mićunović V.* Moskovske godine 1956/1958. Beograd, 1984. S. 204–208.

9 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 103–104.

10 Письмо ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС от 3 декабря 1956 г. см.: *Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы.* М., 1998. С. 730–737. Ответное письмо от 10 января 1957 г. см.: *Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии...* Т. 1.

С. 703–711. Новое письмо ЦК СКЮ от 7 февраля (РГАНИ. Ф. 89. Пер. 45. Док. 83) осталось без ответа.

11 Правда. 1956. 23 ноября.

12 См. соответствующие документы в книге: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии... Т. 1.

13 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 102.

14 Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии... Т. 1. С. 713.

15 Правда. 1957. 28 марта.

16 См.: *Райнер М. Я.* Имре Надь – премьер-министр венгерской революции 1956 года. С. 194–205.

17 Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 077. Оп. 38. П. 192. Д. 036. Т. 2. Л. 193.

18 Там же. Д. 035. Л. 54.

19 См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 256; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. М., 2006. 2. Постановления. 1954–1958. С. 673.

20 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 131. Л. 2–3, 37–41.

21 Краткое информационное сообщение о встрече было опубликовано 4 августа в «Правде». Подготовительные материалы встречи и отчет делегации КПСС по ее итогам ждут своей публикации на русском языке. О ходе встречи дают также представление записи В. Мичуновича: *Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1956–1959. Dokumentumok. Budapest, 1997. 206–208 о.*

22 См. соответствующую записку зав. новым, созданным в 1957 г. отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Ю. В. Андропова от 29 августа (РГАНИ. Ф. 89. Пер. 45. Док. 75. Л. 1–2).

23 Если верить воспоминаниям Карделя (см. венгероязычное издание, вышедшее в Нови-Саде: *Kardelj E. Visszaemlékezések. Újvidék, 1981. 166. о.*), получение из Москвы этого текста было для югославов полной неожиданностью. Ведь в ходе бесед, состоявшихся в начале августа в Румынии, и речи не было о том, что в результате предстоящего совещания компартий будет принята подобного рода декларация, говорилось лишь о документе более узкого содержания – воззвании к борцам за мир. Иначе трактовал достигнутые в начале августа договоренности Хрущев, выступая на майском пленуме ЦК КПСС 1958 г.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 31–36.

24 На русском языке (языке оригинала) источник публикуется впервые. На венгерском языке опубликован в сборнике: *Top secret. Mag-*

yar-jugoszláv kapcsolatok, 1956–1959. 216–219 o. (ЦК КПСС посылало эти записки для информации лидерам социалистических стран).

25 Как явствует из публикуемых ниже записей бесед, югославская сторона во избежание новых осложнений с СССР поначалу не исключала варианта, при котором декларация, ею подписанная, не будет предана гласности. В дальнейшем этот вариант был отвергнут. Лидеры СКЮ, видимо, поняли, что, будучи подписанным, документ все равно рано или поздно станет достоянием гласности, разоблачив, таким образом, скрытое участие нейтральной Югославии в политических инициативах Москвы; для всего мира окажется очевидным противоречие между публичной и теневой политикой Белграда, уже проявившееся в ноябре 1956 г. в вопросе о нейтрализации правительства И. Надя.

26 Как заявил Тито в своем интервью, «Октябрьская революция открыла новую эру в истории человечества». См.: *Боровик Г.* Сердечные поздравления. Беседа с тов. Тито // *Огонек*. 1957. 3 ноября. В Белграде в те дни проходила выставка, посвященная 40-летию революции в России, а 7 ноября в Белграде состоялось торжественное собрание, на котором выступил сам Тито (см.: *Правда*. 1957. 9 ноября). В Москву за подписью лидера СКЮ было направлено поздравительное письмо, опубликованное в центральной советской прессе 8 ноября.

27 Вышеупомянутая корреспонденция Г. Боровика о беседе с Тито была датирована 28 октября, а за день до этого, 27 октября, «Правда» сообщила об освобождении Г. К. Жукова от обязанностей министра обороны СССР.

28 См. подробно: *Стыкалин А. С.* Большие московские совещания компартий в ноябре 1957 г. и Союз коммунистов Югославии // *Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012*. М., 2014. С. 265–311. См. также публикацию материалов совещаний: *Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.)*. М., 2013.

29 *Zhihua Shen; Yafeng Xia.* Hidden Currents during the Honeymoon. Mao, Khrushchev and the 1957 Moscow Conference // *Journal of Cold War Studies*. Harvard University. Vol. 11. № 4. Fall 2009. Чтобы никому не «мозолить» глаза в Москве, Э. Кардель и В. Влахович отправились на дни проведения узкого совещания в Ясную Поляну почтить память Л. Н. Толстого, вернувшись лишь к самому началу широкого совещания. Сам Хрущев о своих встречах с членами югославской делегации в ноябре 1957 г. (одна из которых была довольно острой) говорил на майском пленуме ЦК КПСС 1958 г.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 31–36. Он выразил удовлетворение тем, что ни одна компартия мира не проявила тогда солидарности с позицией СКЮ.

30 Правда. 1957. 22 ноября.

31 Там же. 1957. 23 ноября. Представитель СКЮ В. Влахович, выступая на широком совещании от имени своей партии, старался избегать постановки острых дискуссионных вопросов, способных вызвать нападки. Он не преминул в то же время сделать акцент на необходимости для компартий мира расширять связи со всеми прогрессивными движениями в борьбе за социализм.

32 Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии... Т. 1. С. 776.

33 Хрущев на майском пленуме ЦК КПСС сам много говорил о нелепости и необоснованности обвинений в адрес югославов, звучавших при Сталине: как можно было Тито и его окружение обвинять в сотрудничестве с нацистской Германией, когда весь мир знал, что уж они-то сражались с нацистами «как дай Бог каждому», вопрошал советский лидер. См.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 31–36. См. также: *Стыкалин А. С.* «Наша критика не должна вылиться в крикливую перепалку». Почему разоблачение югославского «ревизионизма» в советской прессе конца 1950-х годов не достигло остроты сталинских пропагандистских кампаний // *Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А. А. Улуняна. М., 2014. С. 361–381.*

34 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 99. Л. 90.

35 Правда. 1960. 6 декабря.

36 Там же. 1962. 17 мая.

37 Там же. 18 ноября.

38 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 664, 695–696, 700.

39 Доклад Н. С. Хрущева «Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза», зачитанный на сессии 12 декабря, был на следующий день опубликован в «Правде». Главной опасностью для мирового коммунистического движения была названа сектантская. Хотя в качестве ее носителя были названы представители Албанской партии труда, за критикой официальной Тираны явно прочитывалась критика ее пекинских покровителей.

40 В соответствии с так называемой «доктриной Хальштейна», определявшей в этот период внешнеполитическую стратегию ФРГ, одному лишь СССР было позволено поддерживать отношения сразу с обоими германскими государствами, о чем Н. С. Хрущев и канцлер К. Аденауэр договорились в ходе встреч в Москве в сентябре 1955 г. Установление дипотношений Югославии с ГДР вызвало жесткую реакцию официального Бонна, порвавшего отношения с Белградом 18 октября 1957 г.

41 В тот же день, 18 октября, итоги бесед Пономарева и Андропова с югославскими лидерами обсуждались на заседании Президиума ЦК КПСС (см.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 274). Решено было разослать проект декларации компартиям социалистических стран, а также Франции и Италии, и информировать их о югославской позиции, которая, с точки зрения Москвы, ни в коей мере не давала оснований отказываться от планов проведения совещаний.

A. S. Stykalin

The secret mission of Ju. V. Andropov and B. N. Ponomarjov to Belgrade in October, 1957 (on the history of preparation of the big congress of Communist parties in Moscow)

The article represents a new document that discovers the motivation of the League of Communists of Yugoslavia to support the final declaration of the congress of Communist parties (November, 1957), that aimed at consolidation the world Communism after a series of crises.

Key words: *world Communism, Yugoslavia, Leagus of Communists of Yugoslavia, J. Broz Tito, N. S. Xruščjov, Ju. V. Andropov*

В. И. Косик
(Москва)

Из Сербии с любовью: Алексей Борисович Арсеньев

Обзор посвящен трудам Алексея Борисовича Арсеньева в области исследования различных сторон жизни и деятельности русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, прежде всего на территории Воеводины.

Ключевые слова: *Алексей Борисович Арсеньев, Сербия, Россия, Воеводина, русская эмиграция, вклад русских, искусство, культура, история, таланты, мастера*

Бывая в Сербии, всегда испытываешь удивительное чувство, что ты находишься среди своих, где знают, помнят и чтут Россию, Россию былую, ушедшую в историческую память и все же остающаяся живой и величественной силой. В истории наших стран бывали темные и страшные страницы, но, тем не менее, Россия жила и живет в сербской душе, гордой православием и славянством.

И в XIX, и в XX в. выпускалось немало книг с неизменным акцентированием дружбы сербского и русского народов. (Хотя само понятие «народ» нещадно эксплуатировалось от революционеров до ультрамонархистов. Ругали, кляли, критиковали все и вся, кроме народа. Народ – это неприкасаемо. Какая двусмысленность, не правда ли?) Истоки этой дружбы вполне объяснимы: государственность, культура, наука, просвещение сербского народа связаны с Россией, приложившей немало сил к возрождению сербства.

Спасая Сербию, императорская Россия погибла. Да, конечно, о причинах этого сказано и написано много верного, справедливого, научно обоснованного. И все же не будем забывать о той готовности, с какой российский император Николай II откликнулся на призыв Белграда о помощи.

Россия корчилась в огне гражданской войны. Во все четыре стороны света потянулись обозы, двинулись эшелоны, пошли пароходы с людьми, спасавшими свою честь и жизнь, а кто-то бесчестие и бриллианты. Одной из стран, где они нашли сначала временное прибежище, а потом и постоянное место проживания, стала Сербия.

Именно этой теме посвящена вышедшая в 1999 г., на изломе тысячелетия, книга Алексея Борисовича Арсеньева «У излучины Дуная. Очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду».

Теме русских в Сербии Арсеньев посвятил и посвящает немало страниц своих исследований. Он по праву считается лучшим знатоком русских беженцев / эмигрантов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, особенно на сербских землях. Тут же надо добавить, что А. Б. Арсеньев – щедрейшей души человек, всегда приходящий на помощь в розыске русской информации. Много раз его широчайшие познания в этой сфере помогали мне раскрывать те или иные «белые пятна», особенно когда речь касалась биографических данных или раскрытия запутанных сюжетов.

Все это и побудило меня обратиться к трудам А. Б. Арсеньева и написать настоящий очерк о его вкладе в историю Русского зарубежья.

Итак, книга первая. Она полезна не только отечественным «югославистам», занимающимся проблематикой русской эмиграции в Югославии, но и исследователям ее общественной и политической мысли в общемировом контексте, а также историкам культуры. Предлагаемый автором «очерк», в сущности, представляет собой отличную работу, редкостный труд русского краеведа в далеком Новом Саду (так автор называет г. Нови-Сад), где осело значительное количество покинувших Родину наших соотечественников.

Особая ценность книги заключается еще и в том, что ее писал русский человек, помнящий и любящий Россию, ее детей, бежавших, как им думалось, с родной земли «на время...». С. М. Соловьев, находясь на смертном одре, произнес, что история – это «искупление». Слово трудное, скрывающее за собой и в себе множество понятий в зависимости от ситуации, чувства, веры. Думается, что представляемая монография – тоже своеобразное искупление, возвращение долга памяти новосадским русским, тому времени, в которое они жили.

В любом исследовании на тему русской эмиграции в Югославии подчеркивается радушный прием, оказанный ее жителями изгнанникам. Но не везде прочтешь строки, повествующие о трудностях, интригах и прочих «неприятностях» вхождения в новую, хотя и братскую, среду. Алексей Борисович Арсеньев не стремится выстраивать свой текст по принципу: плохое забывается, хорошее остается. Для него важно показать всю гамму бытия с ее радостями и горестями, хотя вторых было несравненно меньше в Нови-Саде, чье название для русских, бежавших от большевистских кошмаров, обрело буквальное значение – Новый Сад.

Будучи своеобразным сколком с русского общества, эмиграция по своему социальному, имущественному, культурному, политическому составу была чрезвычайно пестрой. Хотя тут же необходимо

сказать, что для Сербии она слыла прежде всего «профессорской». Еще живы те, кого учили русские специалисты.

Россия была так богата на таланты, что ее «мастеров» можно было встретить в любой стране русского рассеяния, особенно представителей богемы. Так, культура той же сербской провинции, подчеркивает автор, «проходила под знаком русского искусства».

На страницах книги, наряду с примелькавшимся перечнем «перелетных птиц», которых почти каждый автор старается «привязать» к исследуемой им стране, есть такие имена, как, например, артист и постановщик Александр Александрович Верещагин, педагог Новосадского среднего музыкального училища, выпускница Киевской консерватории Ольга Константиновна Молчанова, чья деятельность теснейшим образом была вплетена в культуру принявшей их страны. Исследователь театрального и музыкального искусства, благодаря разысканиям автора, найдет в книге много нового, ранее неизвестного.

Конечно, тема искусства – благодарная и традиционная почва для историков русского зарубежья; гораздо сложнее обстоит дело с людьми иных профессий и занятий. И первенство здесь принадлежит именно русским краоведам, жившим или живущим в Мельбурне, Париже, Праге, Бизерте, Харбине, к числу коих относится и А. Б. Арсеньев, старания которого нацелены на воссоздание целостной картины профессиональных судеб русских в структуре городской жизни Нови-Сада. Скрупулезность автора позволяет увидеть наших соотечественников и их вклад в самые различные сферы занятости. Представленный срез присутствия русских на городском уровне может служить основой для совершенно нового исследования, связанного с сопоставительно-страноведческим анализом вхождения беженцев в другие культуры.

Читатель встретит в книге и картины будней эмигрантского быта, этого вечного феномена человеческого общежития, который всегда будет любопытен для исследователя времени – историка, социолога, культуролога. Наряду с повседневностью чувств, забот, надежд в тексте «всплывают» необычные и трогательные сюжеты, например, переписка с близкими, оставшимися в СССР. Разномыслие русского люда, его страсть «играть роль», различие профессиональных интересов вели в эмиграции к созданию кружева политических, общественных, национальных и прочих обществ, объединений курсов, союзов. История русской колонии в Нови-Саде блестяще подтверждает тезис о способности русских людей к самоорганизации, их умении не потерять себя, не раствориться в «славянском море».

Безусловно, многие организации эмигрантов в Югославии известны историкам, но А. Б. Арсеньев подает их в биографиях лиц, как, например, в случае с графом В. А. Бобринским, восстанавливает для истории имена руководителей, в сжатой форме представляет первичную информацию о задачах этих институций. Однако меня не оставляет мысль, что автор поведал гораздо меньше, чем та сумма знаний, которой он владеет. Причиной для такого умозаключения послужили, в частности, отличные сюжеты о русских авиаторах, внесших свой вклад в становление и развитие югославского воздушного флота, о казачестве, чьи станицы раскинулись и на землях Воеводины. Замечу, что если бы тогдашнее правительство страны приняло решение о массовом расселении казаков в Косово (такой проект существовал), судьба этого ныне кровавого региона была бы, возможно, иной. На практике же многие из них, не желая идти в батраки, уезжали в далекую Южную Америку. Выскажу предположение, что в этом случае не обошлось без влияния Франции, которая стремилась рассеять эту мощную профессиональную военную силу по разным континентам – «подальше от греха», подальше от пожара послевоенной Европы.

Русские люди всегда или почти всегда уважали печатное слово. Оказавшись в новой стране в непривычном для себя положении эмигрантов, они в число первоочередных задач включали издательскую деятельность, тем более что в то же Королевство сербов, хорватов и словенцев прибыли и обосновались здесь многие журналисты, издатели, типографы. Обычно в трудах по культуре русской эмиграции эту тему обходят вниманием, в лучшем случае отводя ей несколько традиционных строк стандартного содержания об издании русских классиков, религиозных книг, учебников, газет.

Однако у А. Б. Арсеньева, судьба и жизнь которого связана с Нови-Садом – городом, уступавшим в довоенной Югославии только Белграду по количеству выпускаемой литературы, эта тема раскрыта вполне профессионально, живо, интересно. Читатель найдет в его книге новые сведения о русских издателях, типографщиках и их изданиях, о которых в большинстве случаев уже никто не знает и не помнит. Примерами могут служить сборник «В защиту русского языка: Памятка Союза ревнителей чистоты русского языка в Белграде» или выпуск в грозно-печальном 1922 г. 15 элегий Овидия в сборнике «Любовь» (переводчик и издатель – генерал-майор Г. А. Барковский, служивший тогда нотариусом в новосадском окружном суде). Вызовут улыбку сведения о неистребимом племени графоманов, к

коим, видимо, имел честь принадлежать автор трехтомной поэмы «Черт» на 1300 страницах, или информация о курьезных изданиях и стиливых «кляксах» М. А. Сопочько-Сирокомли.

Коротко, но емко рассказывается о русских сотрудниках знаменитого в славянском мире журнала «Летопис Матице Српске», на чьих страницах выступали такие ученые, как М. П. Чубинский, С. В. Троицкий, Л. Г. Захаров, Р. В. Плетнев. Отдельное место уделено новосадскому отделению «Русской матицы», чья культурно-просветительская деятельность в различных странах русского рассеяния все еще не нашла своего благодарного исследователя. Как и ранее, здесь автор стремится «вдохнуть жизнь» в сюжеты прежде всего через конкретные дела, людей, действовавших на этом благодатном поприще. Их богатый опыт по предупреждению денационализации молодежи, сохранению «русскости», укоренению любви к Родине современен и сегодня.

Проблема «отцов и детей» относится к числу вечных, не обошла она и русскую эмиграцию. Нет сомнения, что «отцы» делали все от них зависящее для образования «детей», знания ими «преданий» России, остававшейся для них великой и в изгнании. В частности, среди гимназических учителей, воспитывавших новое поколение, в книге упоминается имя талантливого писателя С. Р. Минцлова, чьи рассказы я читал в свое время взахлеб. В достаточно сжатой, эскизной форме обрисованы молодежные общества, ищущие и находящие свой, отличный от «отцов», путь к России. При этом большое внимание уделено сокольскому движению. Имена, организации, названия различных учебных заведений – все это есть в книге. Безусловно, фактографическая сторона проделанного А. Б. Арсеньевым труда – одна из сильных сторон его исследования, написанного уже только по долгу памяти.

Именно памяти посвящены и отдельные «портреты» русских новосадцев, таких как Александра Анатольевна Сердюкова, богатейшее литературное наследие которой – стихи, драмы, эссе, философские студии – практически неизвестно современному читателю; философ, психолог, поэт Анатолий Игнатъевич Шпаковский, научные труды которого были переведены на европейские языки; режиссер Юрий Львович Ракитин, известный своими постановками в Югославии.

Свежесть монографии А. Б. Арсеньева состоит и в том, что он продолжает историю судеб русских новосадцев и после окончания Второй мировой войны и образования новой Югославии, для которой русские эмигранты и их семьи, случалось, были, мягко говоря,

нежелательным элементом. Одни бывали в тюрьме, другие уезжали из «большевицкой» Югославии, третьи продолжали жить в ставшей родной стране.

В югославской земле обрели вечный покой многие из тех эмигрантов, кто не захотел или не смог перебраться в иные государства. С помощью автора читатель может посетить новосадский русский некрополь и увидеть судьбы своих соотечественников в коротких надписях, узнать от А. Б. Арсеньева некоторые подробности их жизни. Заслуживает глубокого уважения и его труд по составлению обширного «синодика» русских людей, нашедших упокоение на новосадском кладбище.

Река времени уносит все. Остается жить лишь память.

Именно хранителем памяти выступает А. Б. Арсеньев в вышедшей в 2009 г. в Белграде книге «Русские в Сербии», основным автором которой он является. Его перу принадлежат, например, следующие очерки: «Русские монастыри и церковные приходы в Сербии», «Культурные организации русской интеллигенции», «Русская издательская деятельность в Сербии», «Русские библиотеки», «Русские сокола и скаут-разведчики», «Казачи в Сербии», «Русский храм Св. Троицы в Белграде», «Русский дом им. Императора Николая II в Белграде», «Русские театральные труппы в Белграде», «Русское музыкальное общество», «Белградские русские газеты 1920–1944 гг.», «Русское кладбище, Иверская часовня и Памятник русской славы», «Русская эмиграция в Воеводине», «Русская колония в Нови-Саде», «Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде, Зренянине)», «Русская эмиграция в Косово и Метохии», «Вклад русских эмигрантов в культуру, науку, экономику Сербии», «Общества русских в Сербии (1942–1948 гг.)», «Общества югославо-советской дружбы (1945–1948 гг.)», «Общества сербско-русской дружбы (1990-е гг.)», «Сербский литературный журнал “Руски алманах”».

Уже из этого простого перечисления тем, сюжетов, статей видно, насколько широкой информацией владеет А. Б. Арсеньев.

Сюда же следует добавить отличный язык и прекрасное художественное оформление, уникальные фотографии к студиям. Больше всего на меня произвел впечатление очерк «Вклад русских эмигрантов в культуру, науку, экономику Сербии» с его великолепными исполненными в цвете иллюстрациями картин русских мастеров кисти.

В своем роде это «энциклопедия русской жизни» в далекой и близкой Сербии. В то же время не стоит думать, что все сделано, все написано. Многие ждут своих исследователей, прежде всего в части

отдельных русских судеб, их жизни вдали от Родины. Хотя тут же можно сказать, переиначив поговорку, что «где дышит русский, там и Россия». Именно это чувство часто возникает при чтении трудов А. Б. Арсеньева.

Чем еще полезна книга А. Б. Арсеньева? Ответ раскрывается в составлении «Выборочной библиографии книг и статей о русских в Сербии», насчитывающей 142 позиции. По сути дела это ценнейший справочник для любого, кто занимается русской эмиграцией на просторах Сербии.

В 2011 г. в Нови-Саде у А. Б. Арсеньева была выпущена роскошно изданная книга альбомного формата и такого же высокохудожественного оформления с многочисленными уникальными фотографиями «Самовари у равници. Руска емиграција у Војводини» («Самовары на равнине. Русская эмиграция в Воеводине»). Этот объемный труд включает в себя ряд избранных автором студий, написанных ранее и посвященных его русской Воеводине. Как и ранее, основные компоненты связаны с «внутренней жизнью русских колоний», сохраняющих по мере сил свой национальный идентитет и традиции; с общим вкладом русских в развитие и культурную жизнь исследуемой среды; с деятельностью отдельного выдающегося русского специалиста, будь то архитектор, режиссер, артистка балета или военный.

Здесь благодарный читатель найдет и обширный очерк о деятельности русской интеллигенции, прежде всего в сфере культуры и науки. Не забыты и авиация, агрономия, водное хозяйство.

Одновременно автор многие страницы отдал русскому священству и русским приходам, снабдив сюжеты краткими биографическими и иными сведениями. Есть в книге-альбоме и раздел, повествующий о трудах русских педагогов. Стоит сразу отметить и приложенный к тексту список учителей в школах Воеводины, начитывающий свыше двух с половиной сотен фамилий.

Свой раздел посвящен русской эмиграции в Сремских Карловцах, особенно барону А. Н. Врангелю, обосновавшемуся в этом городе, и его семье.

К наиболее интересным текстам книги следует, по моему мнению, отнести и строки, связанные с отдельными представителями русской эмиграции в Сремских Карловцах, например, с Василием Витальевичем Шульгиным, принимавшем в 1917 г. текст отречения последнего российского императора.

В книгу, добавлю, включен и русский некрополь (свыше 60 фамилий) в Сремских Карловцах.

Некоторые новые моменты по сравнению с первой книгой может узнать читатель и о жизни русских людей в Новом Саде, например, о деятельности режиссера Юрия Львовича Ракитина, театрография которого насчитывает многие сотни студий.

Свое место нашел в книге и русский Банат. Здесь и скупые строки об аристократах, вернее, их список, куда вошли и граф Илья Ильич Толстой и Михаил Владимирович Родзянко, и граф Владимир Владимирович Мусин-Пушкин; и разноцветные картины общественной деятельности – от весельного клуба до русского общества филателистов. И списки, списки, списки: от русских педагогов, трудившихся в банатских школах, русских врачей, внесших свой вклад в местное здравоохранение, до русских художников. Самыми известными из мастеров кисти была троица – Александр Иванович Лажечников, Афанасий Иванович Шелоумов, Андрей Васильевич Биценко.

Обрисованы автором и картины угасания русских колоний, начавшегося в годы Второй мировой войны и продолжившегося после ее окончания в новой Югославии.

Традиционно помещен текст об известных русских некрополях в Банате: Великом Бечкереке, Панчеве, Белой Церкви, Вршце, Великой Кикинде.

Сама тема Баната завершается стихами русских поэтов. Одним из них, чрезвычайно точным, я и хочу завершить текст. Итак, Василий Пронин и его стихотворение «Банат»:

Поля, поля, одни поля,
Бегут навстречу вереницы
Живого золота пшеницы,
Рожь, кукуруза, конопля.

Порой цветы и зелень лугом,
Колодца жердь, избушки дым.
Дорога серым полукругом
Уходит к сводам голубым.

Чу! Гам кузнечиков и птицы,
Полет зудящего шмеля.
И, бесконечной вереницей,
Поля, поля, одни поля...

В конце книги-альбома помещена селективная библиография книг и статей по русской эмиграции в Югославии.

И еще раз хочу подчеркнуть изумительное искусство тех, кто вложил свой труд и талант в оформление этого шедевра.

Собственно говоря, эта книга, как, впрочем, все, что выходит из-под пера Алексея Борисовича Арсеньева, представляет собою своеобразный гимн подвигу русской эмиграции, стремившейся и вдали от Родины сохранить свою русскость и внести свой труд на благо принявшей ее страны.

V. I. Kosik

From Serbia with love: Aleksej Borisovič Arsen'jev

The survey is dedicated to the works of Aleksej Borisovič Arsen'jev about life and activities of the Russian emigration in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, first of all in Vojvodina.

Key words: *Aleksej Borisovič Arsen'jev, Serbia, Russia, Vojvodina, Russian emigration, Russian contribution, art, culture, history, talented people, masters*

А. В. Усачева
(Москва)

Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей

В рецензии рассматривается новая коллективная монография, посвященная теме культурной идентичности зарубежных писателей славянского происхождения.

Ключевые слова: *идентичность, культура, самоидентификация, имагология, мигрантология, славяно-германская компаративистика*

Вопрос национальной и культурной идентичности стал интересовать исследователей со второй половины XX в., достигнув пика актуальности в последние десятилетия. Прозрачные границы и простота перемещения приводят к появлению «граждан мира», которые могут родиться в одной стране, жить в другой, а говорить и писать при этом на языке третьей. В данной ситуации остро встает проблема самоидентификации писателей, входящих в культурный фонд нескольких стран сразу. В 2014 г. вышла в свет коллективная монография «Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей» (Санкт-Петербург, издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 142 с.), авторы: к.ф.н. А. Г. Бодрова (гл. 2, 3, 4), д.ф.н. Е. Е. Бразговская (гл. 5), к.ф.н. В. С. Князькова (гл. 6), д.ф.н. М. Ю. Котова (гл. 7, 8), к.ф.н. О. В. Раина (гл. 1), ответственный редактор М. Ю. Котова. Книга посвящена проблемам идентичности и самоидентификации писателей – выходцев из разных славянских стран, творивших за пределами родины, с позиции культурологии и литературоведения. Как говорится во Введении, общей концепцией данная работа связана с двумя выпусками сборников статей «Славяне в неславянских странах» (2010, 2011), в которых частично уже был затронут вопрос о национальной и культурной идентичности славянских авторов-эмигрантов. Каждая из восьми глав труда посвящена отдельному писателю, выбор объектов исследования определялся несколькими факторами: этническая принадлежность к какой-либо славянской стране, вынужденная или добровольная жизнь на Западе и поднимаемая в произведениях проблематика «свой-чужой» либо «я-Другой». В книге также имеется введение, в котором объясняется цель и задачи монографии, заключение, список литературы с

разбивкой по главам, сведения об авторах и краткое резюме глав на английском языке.

Рецензируемый труд – это попытка выявить особенности национальной самоидентификации писателей, живших в разные эпохи, являющихся выходцами из разных стран и писавших на разных языках. В каждой главе дается краткая биография писателя, в той или иной мере отражены поиски идентичности, рецепция творчества на исторической родине, самоидентификация славянских персонажей и языковые особенности произведений (например, вкрапления иностранных слов, кальки с иностранного, заимствования). С точки зрения проблематики идентичности и специфики индивидуальных писательских задач материал книги сгруппирован по трем направлениям: 1) внедрение национальной культуры и мировосприятия соотечественников в англоязычное культурное пространство (глава первая «Джозеф Конрад – англоязычный польский писатель», глава восьмая «Марина Левицкая – украинская или английская писательница?»); 2) творческое «я» между славянским и неславянским мирами (глава вторая «Иван Цанкар – словенский писатель на перекрестке культур и создатель национальной идентичности», глава третья «“Изохимены” в творчестве Исидоры Секулич: диалектика национального и космополитического», глава четвертая «Между славянским и германским: проблема национальной идентичности в биографии и творчестве Альмы Карлин», глава пятая «“Это я или культура, в которой я вырос?”: Чеслав Милош об аутентичности поэта в культуре»); 3) национальная самоидентификация в условиях вынужденной эмиграции (глава шестая «Константа национальной идентичности Ладислава Мнячко в переменном потоке его самоидентификации», глава седьмая «Самопознание и самоощущение чеха в творчестве Йозефа Шкворецкого»).

Анализируя произведения (и приводя многочисленные убедительные цитаты, чаще всего – в собственном переводе), авторы монографии приходят к выводу, что творчество вышеназванных писателей, интегрированное в общемировой художественный процесс и одновременно несущее в себе славянские черты, невозможно изучать в рамках только одной национальной литературы, потому что проблема поиска идентичности всегда актуализируется на фоне чужого (в данном случае – иностранного) присутствия и предполагает осмысление «своего» в «чужом» культурном поле и «чужого» – в «своем» (с. 43). Эту мысль особенно удачно иллюстрируют главы А. Г. Бодровой, посвященные И. Секулич и А. Карлин. И хотя первая никогда не

отказывалась от корней, а вторая приняла немецкую идентичность, их случай показывает, что национальное самоопределение зависит не только от разных внешних факторов, в том числе политических и исторических, но, во многом, и от желания самих определяющихся, зачастую имеющих возможность выбрать, на каком языке писать свои произведения и к какому культурному пространству относиться. Это наблюдение помогает сделать вывод об условности категории нации и подтвердить «перспективность изучения феномена национальности как конструкта – продукта дискурсивных практик» (с. 63).

Несомненную ценность представляет привлечение авторами обширного автобиографического материала (и выявление автобиографических черт в художественных произведениях), поскольку самоидентификация неразрывно связана с определением пространственно-временных границ своего существования. В главе, посвященной Ч. Милошу, Е. Е. Бразговская показывает, что наряду с проблемой национального самоопределения писателя интересует вопрос отделения своего «я» от всего, что есть «не-я». Но хотя эксплицитно поиски ответа на данный вопрос ведет только Милош, очевидно, что многие рассуждения исследовательницы можно отнести и к остальным писателям, ведь «границы, которыми очерчено я художника, проходят между индивидуальным и универсальным [...], соединяя и одновременно разъединяя эти пространства» (с. 66). Отделение своего «я», обретение аутентичности предполагает необходимость определить свое место в глобальных системах – языке и культуре, стараться проживать собственную жизнь, не ассимилируясь с окружением. Помимо самого Милоша, к этому стремились и ставший моряком Конрад, и формировавший национальную идентичность словенцев Цанкар, и налаживавшая культурный диалог между странами Секулич, и объехавшая весь мир в кругосветном путешествии Карлин, и «словако-ориентированный» (с. 100), противоречивый в своих порывах «чехословак» Мнячко, и пишущий для эмигрировавших в англоговорящие страны чехов (так как только они могут полноценно воспринять чешский текст с большим количеством англоязычных вкраплений) Шкворецкий, и знакомящая западных читателей с современной Украиной англичанка украинского происхождения Левицкая, сама впервые побывавшая на исторической родине в возрасте почти шестидесяти лет.

На страницах коллективной монографии исследовательницы пытаются выявить, что для разных писателей означает сохранять аутентичность и автономность, находясь во власти конвенций того

или иного языка и той или иной культуры, и возможно ли это вообще – быть частью языка и культуры и при этом оставаться самим собой. К сожалению, в книге практически не сопоставляются поиски и стратегии идентичности, что, несомненно, представляло бы большой интерес, так как, по мнению авторского коллектива, это – «дело будущего» (с. 127). На наш взгляд, при всех неоспоримых достоинствах рецензируемой работы, без сомнения, внесшей существенный вклад в развитие имагологии и мигрантологии, ей несколько недостает сквозных обобщений, которые, с одной стороны, могли бы связать главы между собой, а с другой – помочь в реализации основной авторской задачи: «выявить общие закономерности процессов самоидентификации писателей, оказавшихся в эмиграции» (с. 126).

Обширная для такого сравнительно небольшого по объему труда библиография (для каждой главы своя) содержит не только перечень исследований, посвященных конкретным авторам, и первоисточников, но и обобщающие философские и филологические работы, что дает возможность научной ориентации всем желающим работать в данном направлении. Монография адресована в первую очередь филологам, занимающимся славяно-германской компаративистикой, она может также быть полезной и более широкому кругу читателей – студентам и преподавателям гуманитарных ВУЗов, культурологам, историкам литературы, специалистам, изучающим вопрос идентичности писателей, являющихся частью культурного пространства более чем одной страны.

A. V. Usačeva

Segments of identity in the works of foreign Slavic writers

The review dwells upon the new collective monograph dedicated to the cultural identity of foreign writers of Slavic origin.

Key words: identity, culture, self-identification, imagology, migrant studies, Slavic-German comparative studies

*А. А. Богдашкин, В. В. Теплухин
(Воронеж)*

Круглый стол «Актуальные проблемы Второй мировой войны и Великой Отечественной войны»

В связи с празднованием 70-летия Великой Победы СССР и других стран антигитлеровской коалиции над нацистской Германией и ее союзниками, а также особой актуальностью, которую приобрела история Второй мировой войны в современной напряженной международной обстановке, военно-историческая научно-исследовательская лаборатория и научно-исследовательский центр (боевого применения и обеспечения ВВС) Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж) (далее – ВУНЦ ВВС «ВВА») приняли решение о проведении «круглого стола» на тему «Актуальные проблемы Второй мировой войны и Великой Отечественной войны». Его работа, в которой приняли участие сотрудники ВУНЦ ВВС «ВВА», Института славяноведения, Института социологии и Института научной информации по общественным наукам РАН, а также профессора и преподаватели высших учебных заведений Воронежа и Петрозаводска, проходила 10–11 марта 2015 г.

В центре обсуждения находились наиболее дискуссионные проблемы эпохального события в истории человечества: причины и предпосылки Второй мировой войны, подготовка СССР к войне (первое направление), значение ряда военных операций на территории Советского Союза (второе направление), освободительная миссия Красной Армии в Европе (третье направление), интерпретация истории Второй мировой и Великой Отечественной войны в общественно-политическом дискурсе и историографии России и зарубежных стран (четвертое направление). Обсуждались и различные аспекты дипломатической истории.

Практически все выступающие говорили о том, что сегодня политические деятели многих стран пытаются интерпретировать историю Второй мировой и Великой Отечественной войны, которую вел советский народ против фашистской Германии и ее союзников, в угоду реализации своих политических целей. В результате в печати и ряде исследований появляется искаженная информация о различных аспектах Второй мировой войны. Задача профессиональных

историков – донести до широкого круга общественности правду об этих событиях.

С приветственным словом к собравшимся обратился начальник научно-исследовательского центра ВУНЦ ВВС «ВВА» доцент, к. воен. н., полковник *Е. В. Ильинов*.

В рамках первого направления с докладом «Цивилизационные аспекты советско-монгольского боевого содружества в период Второй мировой войны» выступил руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН, д. полит. н. *А. С. Железняков*. Основное внимание он сосредоточил на спорах современных монгольских историков относительно роли Советского Союза в конфликте на р. Халхин-Гол в 1939 г. По словам докладчика, большинство современных исследователей Монголии склонно рассматривать этот конфликт в качестве совместной монгольско-советской военной акции против японских милитаристов. Однако другая группа утверждает, что сражение на Халхин-Голе являлось схваткой двух агрессоров – СССР и Японии – над головой Монголии. По убеждению *А. С. Железняка*, этот разброс во взглядах связан с политическими предпочтениями авторов, с их симпатией или антипатией к роли Красной Армии. При сугубо научном, беспристрастном подходе попытки заклеймить СССР как агрессора становятся абсолютно бесперспективными.

В докладе «Споры историков об экономических причинах Второй мировой войны» научного сотрудника военно-исторической научно-исследовательской лаборатории ВУНЦ ВВС «ВВА», к. и. н. *А. А. Богдашкина* было высказано суждение о необходимости детального изучения экономических причин и предпосылок нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. Эта проблема, по его мнению, не получила должного освещения в современной российской историографии, хотя длительное время обсуждается в историографии Великобритании и США. Докладчик подчеркнул, что Гитлер обосновывал нападение Германии на Польшу тяжелой экономической ситуацией, диктующей необходимость использования «военной машины».

С докладом «Советско-финляндская война 1939–1940 гг. и советско-финский участок фронта Великой Отечественной войны: основные проблемы и их современные интерпретации» выступил зав. кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Петрозаводского государственного университета, профессор, д. и. н. *Ю. М. Килин*. Докладчик подчеркнул, что главной целью

Финляндии в Великой Отечественной войне было создание «Великой Финляндии» за счет территорий Советского Союза, а установленный финнами оккупационный режим был жестче немецкого.

В рамках второго направления были заслушаны два доклада. Доклад начальника кафедры истории военного искусства ВУНЦ ВВС «ВВА», доцента, к. и. н. *С. В. Крылова* «Боевые действия советских Военно-воздушных сил на начальном периоде Великой Отечественной войны (22 июня – 15 июля 1941 г.)» был посвящен наиболее трагическому периоду в истории Великой Отечественной войны. Опровергнув позицию авторов некоторых современных публикаций о неготовности ВВС к войне и неумении советских летчиков, он привел примеры, свидетельствующие о том, что уже в первые три дня с момента внезапного гитлеровского нападения советские самолеты наносили удары по немецким объектам за пределами страны. В докладе старшего научного сотрудника военно-исторической научно-исследовательской лаборатории ВУНЦ ВВС «ВВА», к. и. н. *В. В. Гагина* «Битва за Воронеж. Большая стратегическая игра Верховного Главнокомандующего летом 1942 г.» был поднят вопрос об обстоятельствах сражения за Воронеж. Город, по мнению докладчика, был стратегическим пунктом на южном направлении боевых действий.

В рамках третьего направления были заслушаны доклады сотрудников Института славяноведения РАН о положении стран и народов Восточной Европы в годы Второй мировой войны и освободительной миссии Красной Армии в 1944–1945 гг. Младший научный сотрудник *С. М. Слоистов* сделал доклад на тему «Славянская идея на страницах военной прессы Словацкой республики (1941–1942 гг.)». О положении русин в годы Второй мировой войны присутствующим рассказал выступивший с докладом «Русский национализм в среде русинов Словацкой республики (1939–1945 гг.)» научный сотрудник, к. и. н. *М. Ю. Дронов*. В обоих докладах поднимались интересные неизвестные историческому сообществу факты, вносящие важный вклад в понимание славянской идеи в годы Второй мировой войны и при послевоенном переустройстве мира.

Зав. Центром по изучению общественных процессов в Восточной Европе после Второй мировой войны, д. и. н. *Т. В. Волокитина* в докладе «Болгария в советской внешней политике в годы Второй мировой войны» подчеркнула, что в силу своего исключительного геополитического положения в «центре Балкан» Болгария оказалась в эпицентре событий Второй мировой войны. Сначала страна находилась на пересечении интересов Германии, СССР и западных

государств, а затем, по мере нарастания напряженности в рамках антигитлеровской коалиции, она стала одним из объектов противостояния между ее участниками. Для советского политического руководства Болгария являлась важной составляющей общей стратегии безопасности, нацеленной на установление контроля над Черноморскими проливами и обеспечение выхода в Средиземное море. Програв Германии в 1939–1940 гг. сражение за Болгарию, Советский Союз своими военными победами на фронтах Второй мировой войны подготовил реванш. Вступив летом 1944 г. на Балканы, Красная Армия фактически обеспечила защиту собственных стратегических интересов в регионе.

В докладе ведущего научного сотрудника, д. и. н. *А. Ф. Носковой* «Еще раз о Варшавском восстании 1944 г. и советской помощи» вновь были подняты дискуссионные вопросы об одном из трагических событий в истории Польши XX века. В результате поражения восстания 15–17 тыс. польских борцов с нацистами погибли в боях. По приказу Гимmlера в концлагеря было отправлено около 550 тыс. жителей Варшавы, а город был разрушен. Докладчик подчеркнула, что в Польше и многих странах Запада и по сей день не утихают споры о причинах и виновниках поражения восстания. Многие историки, общественные деятели и публицисты возлагают ответственность на Сталина, который якобы приказал остановить войска на подступах к Варшаве. Однако все документы и данные о советских потерях, по убеждению докладчика, не подтверждают эту позицию. Помощь советской стороны восстанию была регулярной и существенной, она облегчала трагическое положение повстанцев и населения, но не могла стать фактором, кардинально изменявшим военно-оперативную обстановку в Варшаве и вокруг нее. Военное поражение восставших было неизбежным. Замысел находившегося в эмиграции политического руководства Польши разгромить немецкий гарнизон в городе, провозгласить власть своего правительства в столице и встретить советские войска в качестве хозяев не мог быть реализован.

Младший научный сотрудник *А. С. Гладышева*, выступившая с докладом «Военнопленные румынской армии в СССР: проблема численности», затронула не менее дискуссионную проблему, которая по-разному трактуется отечественными и румынскими историками. Имеющиеся данные о численности румынских военнопленных, по словам докладчика, не являются достоверными и должны быть пересмотрены. Это позволит получить информацию о количестве граждан Румынии, прошедших советские лагеря системы ГУП-

ВИ, которой исследователи пока не располагают. Работа с учетными делами по каждому военнопленному очень трудна и кропотлива, однако ее результаты позволят более детально изучить проблемы учета военнопленных национальных армий, скорректируют имеющиеся в распоряжении исследователей цифры и снимут ряд претензий к советской системе учета со стороны зарубежных коллег.

Весьма интересной оказалась работа четвертого направления с докладами об интерпретации истории Второй мировой войны в Польше. Круг наиболее обсуждаемых в польском научном сообществе и публицистике аспектов истории Второй мировой войны был очерчен главным научным сотрудником отдела Восточной Европы ИНИОН РАН, ведущим научным сотрудником ИСл РАН, д. и. н. *Л. С. Лыкошиной* в докладе «Историческая политика современной Польши и некоторые дискуссионные проблемы Второй мировой войны». Докладчица отметила, что в современной Польше историческая политика является важной составляющей общественно-политического дискурса, в определенном смысле орудием политической борьбы. В акцентировании некоторых моментов достаточно отдаленных от нашего времени исторических событий весьма ощутимо дыхание современных политических запросов. Применительно к польской трактовке событий Второй мировой войны правомерно заключить, что речь идет о совершенно определенной расстановке акцентов: приравнении СССР к фашистской Германии, отрицании значения освободительной миссии советской армии, переоценке деятельности польского антикоммунистического подполья, неправомерного преувеличения значения деятельности Армии Крайовой в годы войны. В целом речь идет о переоценке самой сущности Второй мировой войны.

В докладе пресс-секретаря Фонда «Российско-польский центр диалога и согласия» *В. П. Мастерова* «Интерпретация истории Второй мировой войны и значение Победы над Германией в 1945 году на страницах современной польской печати» основное внимание было сосредоточено на оценках роли Советского Союза в победе над фашизмом, появившихся в польской прессе на фоне современного международного кризиса, вызванного событиями на Украине.

Доклад начальника военно-исторической научно-исследовательской лаборатории ВУНЦ ВВС «ВВА», к. и. н., майора *В. В. Теплухина* «Интерпретация деятельности Украинской повстанческой армии и Организации украинских националистов в 1939–1945 гг. в постсоветской Украине» продолжил рассмотрение комплекса вопросов, связанных с отрицательным влиянием политической конъюнктуры

на изучение новейшей истории. Многие политические деятели постсоветской Украины, по убеждению докладчика, использовали обсуждение истории Второй мировой войны в целях придания легитимности образованному в 1991 г. независимому украинскому государству. Начиная с 2005 г. тогдашний президент Украины, возглавляемый им блок «Наша Украина» и другие националистические партии, а также многие СМИ попытались реализовать курс, направленный на полную политическую реабилитацию ОУН и УПА. Сотрудничество многих украинских либеральных партий с правонационалистическими организациями способствовало тому, что правый радикализм становится на Украине обыденным элементом общественно-политической жизни.

О трудностях, с которыми в последние годы сталкиваются историки в процессе преподавания истории Второй мировой войны в высших учебных заведениях, в докладе «Интерпретация истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны в современных российских вузовских учебниках» поделилась зав. кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Воронежской государственной академии искусств, профессор, д. и. н. *Л. А. Мерцалова*. В условиях резкого сокращения часов на преподавание исторических дисциплин на неисторических факультетах гуманитарного профиля нынешнее поколение молодежи не обладает должным объемом информации об этом эпохальном событии в истории человечества. Докладчик высказала обеспокоенность и в связи с тем, что существующие учебники и учебные пособия по дисциплине «история» грешат односторонним субъективным подходом к изучению Второй мировой и Великой Отечественной войн.

11 марта 2015 г. участники «круглого стола» посетили памятные места боевой славы Воронежа и возложили цветы к мемориалу Чижовского плацдарма, где летом 1942 г. проходили наиболее ожесточенные бои за город.

Все участники отметили высокий уровень организации мероприятия. Намеченные цели «круглого стола» были достигнуты. Приняты конструктивные решения по дальнейшему взаимодействию между вышеперечисленными организациями. В дальнейшем планируется проведение совместных научно-исследовательских работ по военно-историческому направлению. Были высказаны пожелания по регулярному проведению совместных конференций и другим формам научного сотрудничества на базе организаций, принявших участие в мероприятии. Также было принято решение о публикации сборника статей на основе докладов состоявшегося «круглого стола».

Л. К. Кокунина, Б. С. Новосельцев,
А. В. Усачева, М. В. Ясинская (Москва)

Международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие»

Традиционная конференция Института славяноведения РАН «Славянский мир: общность и многообразие», приурочиваемая к Дням славянской письменности и культуры, в 2015 г. во второй раз прошла в молодежном формате. Параллельно работали секции по истории, языкознанию и литературоведению.*

Секция «История» была разделена на три части и работала 26–27 мая. В ней приняли участие молодые ученые из Института славяноведения РАН, Московского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского аграрного университета, университета им. И. Гуттенберга (Майнц, Германия), а также Института истории Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия).

26 мая утренняя часть секции была посвящена истории славянских народов в Средние века и Новое время. Открыл заседание доклад А. А. Добычиной (ИСл РАН) «Болгаро-византийские отношения конца XII – начала XIII в. в работах Г. Г. Литаврина: трансформация взглядов исследователя», представленный в ознаменование 90-летия со дня рождения выдающегося ученого. Докладчик исследовала изменение концепций Г. Г. Литаврина, связанных с борьбой болгар за национальную независимость: от представлений о «византийском иге» и дуалистическом противостоянии эксплуатируемых болгар и эксплуататоров-византийцев (в 1950–1960-е гг.) к отказу от тезиса об «иге» и исследованию этнического самосознания «новой» болгарской знати, сформировавшейся в период византийского владычества. В докладе Т. А. Беляковой (Университет им. И. Гуттенберга) «Роль женщин в основании монастырей в “контактных зонах” на Балканах (XIII–XIV вв.)» основное внимание было уделено женской ктиторской деятельности на территориях, представлявших «контактные зоны» между православной и латинской или славянской и греческой религиозными традициями – прежде всего в Боснии и Македонии.

---

*С программой конференции можно ознакомиться на сайте Института славяноведения РАН: http://www.inslav.ru/images/stories/conf/2015_molodyh_uchenyh.pdf (дата последнего посещения 1.VI.2015).

Д. Ю. Степанов (МГУ) в докладе «К вопросу об этноконфессиональном сознании духовенства Правобережной Украины в третьей четверти XVII в.» показал взаимообусловленность восточнохристианской и национальной идентичности в среде образованного духовенства Правобережной Украины, подчеркнув, что этноконфессиональный дискурс сохранил много архаичных черт, присущих началу XVII и даже XVI веку.

Два доклада были посвящены вопросам развития школьного образования в поликонфессиональных регионах Юго-Восточной Европы в XIX в. В обоих случаях докладчики признали, что образование было по большей части инструментом решения национальных задач. Так, в докладе *К. В. Мельчаковой* (МГУ) «Просвещение по-сербски: роль и место сербских школ в организации повстанческого движения в Боснии и Герцеговине в 1860–1870-е гг.» речь идет о создании в славяно-турецких областях в Боснии и Герцеговине в 1860-е гг. школ на деньги сербского правительства, которые должны были стать центрами повстанческих чет и обеспечить вхождение этих территорий в состав Сербии в соответствии с планом «Начертание» И. Гарашанина. Доклад *А. М. Дронова* (МГУ) «Языковой вопрос на Военной Границе в Габсбургской монархии в 50–70-е годы XIX в.» посвящен этнолингвистической политике на территориях, входивших в состав Военной Границы, которая была различной для хорватско-славонской и банатско-сербской ее частей.

А. Ичйер (МГУ) в докладе «Сербо-турецкие отношения и Россия в годы младотурецкой революции» осветил недостаточно изученную в историографии проблематику сербско-турецких отношений после обретения Белградом независимости в 1878 г. и роль России в этом вопросе. *Д. В. Вязовцева* (МГУ) в докладе «Чешское прогрессивное движение на этапе его становления по материалам “Журнала чешского студенчества”» проследила процесс политизации прогрессизма в Чехии и его превращения из студенческого движения в политическую силу. Приведя в качестве аргумента съезды славянского прогрессивного студенчества в Праге (1891 г.) и в Вене (1892 г.), докладчик пришла к выводу, что прогрессизм был интернациональным явлением в монархии Габсбургов. Чешскую тематику продолжил *М. В. Ведерников* (МГУ), выступивший с докладом «“Под знаком русских побед”». Отношение чешского общества к России в начале Первой мировой войны (август 1914 – май 1915 гг.)). Докладчик выделил две основные тенденции, существовавшие в чешском обществе, на основе ориентации на Россию или на западные держа-

вы. Кроме того, он поставил вопрос, были ли пророссийские настроения в начале войны естественными или вызванными сиюминутным стремлением разрешить с помощью России противоречия с Веной.

В рамках дневного заседания секции 26 мая прошел круглый стол «Вынужденное соседство – добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной и Восточной Европе, XVIII–XX вв.», организованный при поддержке РГНФ (проект № 15-31-01003а1). Работу круглого стола открыла руководитель проекта *О. В. Хаванова* (ИСл РАН), в кратком вступительном слове обозначившая цели и задачи проекта, его фундаментальность и научную новизну, а также планируемые конференции в рамках его реализации и планируемые результаты. Два доклада были посвящены исследованию формирования стереотипов в общественном мнении. Выступление *Е. С. Сергеевко* (ИСл РАН) «Образ “плохого албанца” в источниках и историографии (конец XIX – начало XX вв.)» было посвящено анализу статей и путевых заметок европейской печати, которые формировали определенные представления в Европе об этом малоизученном народе. Докладчик предприняла попытку выяснить, как и когда сложился негативный стереотип об албанцах. В докладе «Болгары и сербы в русском общественном мнении в период Балканских войн 1912–1913 гг.: данные анализа источников» *Н. С. Гусев* (ИСл РАН) рассмотрел деятельность журналистов – этнических сербов либо сербских ученых, специально приехавших в Россию, направленную на создание определенных образов Сербии и Болгарии в русском общественном мнении. Проведенный анализ источников привел докладчика к выводу о том, что у Софии отсутствовал план противостояния Белграду в этой информационной войне.

Два выступления были посвящены вопросам международных отношений и внешней политики. *Б. С. Новосельцев* (ИСл РАН) в докладе «“Троянский конь капитализма”: югославский пример для государств советского блока. Обзор источников и историографии» предпринял попытку охарактеризовать источниковую и историографическую базу исследования, определить его хронологические рамки, структуру и охват проблематики, указать на существующие лакуны в изучении отношений между Югославией и ее соседями. Тему лавирования и игры на международных противоречиях продолжила *А. С. Гладышева* (ИСл РАН) в докладе «Становление “особого” внешнеполитического курса Румынии, конец 1950-х – середины 1960-х годов: к вопросу об источниковой базе и историографии».

ческих дискуссиях». В центре внимания докладчика – особенности корпуса источников и их интерпретации, а также ряд дискуссионных вопросов, существующих по вопросу истории внешнеполитического курса Румынии, таких как время и обстоятельства начала проведения Бухарестом «особого» курса и отношения с СЭВ. Тематический блок докладов был посвящен межэтническим отношениям и национальным меньшинствам.

А. А. Леонтьева (ИСл РАН) в докладе «К вопросу о применении этнологических терминов в контексте изучения процессов этнокультурной интеграции в болгарских землях в конце XVII – XVIII в.» обратилась к этнологическому научному аппарату применительно к изучению конкретных исторических реалий проникновения османской культуры в различные области повседневной жизни и материальной культуры болгар на основе документов кадийского суда. *Л. К. Кокунина* (ИСл РАН) в докладе «Австро-венгерское Соглашение 1867 г. глазами сербов: источники и историография» отразила две тенденции восприятия Соглашения, существующие в сербской историографии, – негативную оценку, связанную с убеждением в его антисербской направленности, и предпринимающуюся в последние годы попытку пересмотреть тезис об Австро-Венгрии как о «тюрьме народов». Докладчик объяснила эти изменения в первую очередь с расширением источниковой базы исследований. Центральным сюжетом доклада *А. А. Ждановской* (МГУ) «Богемские немцы в последней четверти XIX в.: теория и практика существования “немецких островов в славянском море”» стала историография немецкобогемской национальной политики в конце XIX в. и концепции создания моноэтничных «замкнутых областей». Было отмечено, что на настоящий момент не существует научных трудов, специально посвященных указанной проблематике. В докладе *К. А. Попова* (ИСл РАН) «Трудное соседство: словаки и венгры на рубеже XIX–XX вв.» на основании анализа политической периодики были рассмотрены проблемы словацко-венгерского соседства: общее осмысление их сосуществования в рамках единого государства и частные взаимоотношения носителей разного национального самосознания. Акцент в выступлении был сделан не столько на непримиримости противоречий, сколько на наличии широкого поля для компромиссов.

Завершал работу круглого стола доклад *К. Кимуры* (Институт истории ВАН) «Югославы в южном регионе Венгрии в период конфликта между Сталиным и Тито (1948–1954): степень изученности темы, историография и источники». Объектом исследования стало

положение югославов в Венгрии в качестве национального меньшинства в непростой период разрыва отношений между ФНРЮ и странами, входившими в Коминформ. Докладчик отметила, что в историографии не существует исследований, прямо касающихся заявленной темы, а среди источников назвала официальные документы, материалы СМИ и источники личного происхождения.

27 мая работа секции была посвящена истории славянских народов в XX в. *Е. А. Болдова* (МГУ) выступила с докладом «К политической биографии Ивана Шуштершича», в котором сосредоточилась на деятельности лидера консервативной католической Словенской народной партии в 1917–1919 гг. В период, когда все основные фигуры на словенской политической арене выступали с югославистских позиций, Шуштершич продолжал придерживаться австрославизма, тем самым вызывая определенный общественный резонанс и дискуссии в прессе. Доклад *Н. И. Нечаевой* (МГУ) «Положение Словакии в составе межвоенной Чехословакии» был посвящен обстоятельствам создания этого государства, причинам зарождения в его рамках словацкого национального движения и роли в нем католической церкви. Докладчик пришла к выводу, что словаки так и не получили желаемого статуса государствообразующей нации, оказавшись в Чехословакии, по сути, национальным меньшинством.

Продолжил заседание доклад *А. Е. Кузьмичевой* (МГУ) «Варшава или Москва? Зондажный визит Луи Барту в Польшу в 1934 г.», посвященный внешнеполитической деятельности французского министра иностранных дел в условиях выхода Германии из Лиги наций. Итоги переговоров в Польше докладчик оценила как личный успех Барту, но неуспех французской дипломатии: основные вопросы двусторонних отношений так и остались не разрешены, в дальнейшем было принято решение разыграть советскую карту – началось дипломатическое сближение между Парижем и Москвой. В докладе *Д. С. Парфирьева* (МГУ) «Антипольское сотрудничество Литвы и УВО-ОУН в межвоенный период» речь шла о субсидировании литовскими государственными и военными структурами украинских националистов на территории межвоенной Польши с целью устроить в Виленском регионе «восстание трех народов» и вернуть его в состав Литвы. Кроме того, было рассмотрено влияние подобной политики Каунаса на польско-литовские отношения.

Два доклада были посвящены проблемам взаимоотношений государства и церкви в послевоенной социалистической Польше. *М. Д. Рафаэльянц* (МГУ) выступила с докладом «Причины, заключе-

ние и последствия соглашения 1950 г. между польской католической Церковью и правительством Польши». Этот договор, по мнению докладчика, представлял собой компромисс сторон и был обусловлен невозможностью окончательно искоренить влияние клира на польских граждан. Его подписание стало попыткой поставить духовенство под контроль государства. Вместе с тем сам факт признания церкви со стороны правительства своим политическим партнером уже можно считать большой ее победой. В докладе *А. И. Смирнова* (МГУ) «Динамика взаимоотношений власти и католической церкви в Польше в 1956–1968 гг.» отражен период некоторой «оттепели» в их борьбе за влияние на польское общество. В качестве крайних точек параболы взаимоотношений правительства и духовенства докладчик определил 1956 г. – время беспримерных уступок церкви, связанных с необходимостью легитимации режима Гомулки, – и 1966 г., когда накануне празднования тысячелетия Польши между властью и церковью произошел всплеск конфронтации.

В докладе *Е. А. Колоскова* (СПб. гос. аграрный университет) «НАТО на Балканах в 1991–2008 гг.: особенности восприятия расширения Альянса на примере Македонии и Болгарии» были рассмотрены причины, побудившие политических лидеров Балкан сделать свой выбор в пользу НАТО, а также отношение к этому выбору внутри исследуемых государств и в России. Доклад *А. А. Борейко* (СПб. гос. университет) «История демократизации Украины после “Оранжевой революции” 2004 г.: имел ли место демократический транзит» обратил на себя внимание актуальностью темы и междисциплинарным характером исследования (на стыке истории и политологии). По мнению докладчика, события 2004 г. на Украине нельзя считать революцией, так как они не повлекли за собой смены политической конфигурации, реформирования сознания элит или других фундаментальных изменений. Как следствие, не произошло демократического транзита, режим так и остался неопатримониальным, то есть недемократическим.

Выступления докладчиков встречали у слушателей живой интерес и отклик, нередко порождая плодотворную дискуссию.

Секция «Языкознание» работала 26 мая, в ней приняли участие молодые ученые из Института славяноведения РАН, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета и Воронежского государственного университета. Заседание открыл доклад *Т. Н. Курохтиной* (Исл РАН) «Лингвокреативность в словообразователь-

ных дериватах украинско-русских этнофолизмов», посвященный пейоративным наименованиям представителей этносов (русских и украинцев), получившим в последнее время распространение в связи с обострением конфликта на юго-востоке Украины. Проникая в публичный дискурс, пейоративы не только начинают широко употребляться, но и становятся центром нового словообразовательного гнезда (были проанализированы наиболее продуктивные основы для создания новых лексем).

Социолингвистическая тематика была продолжена в докладе М. М. Алексеевой (ИСл РАН) «Диалекты в Интернете: особенности функционирования (на примере лемковских говоров украинского языка)». Отмечалось, что во «всемирной паутине» появляются сайты, посвященные диалектам, создаются интернет-словари, ведется общение на форумах и в социальных сетях. Интернет дает возможность носителям поддерживать и развивать свой идиом. Спонтанное общение двуязычных лемков в Интернете помогает им преодолеть территориальную разобщенность и дает ученым материал для исследования результатов влияния контактирующих языков (польского и украинского литературного).

И. М. Егоров (РГГУ) в докладе «Переключение языкового кода в речи польских переселенцев в Республике Хакасия и в Красноярском крае» рассказал о потомках поляков, переселившихся в исследуемые села в 1890-х гг. из Восточной Пруссии. Ситуация полного коллективного двуязычия сохраняется у представителей старшего поколения до сих пор. Докладчик рассмотрел условия переключения языкового кода с русского языка на польский диалект и зависимость выбора кода от темы высказывания, а также коснулся проблемы определения места перехода на другой код в потоке речи. Были затронуты явления гибридизации на фонетическом и морфосинтаксическом уровне, возникающие при переключении кода в «переходных зонах».

Закрывало социолингвистический блок докладов выступление Д. Ю. Ващенко (ИСл РАН), посвященное любительской диалектной лексикографии в пространстве словацкого Интернета. Интернет-словари, составленные непрофессиональными носителями диалектов на различных сайтах, представляют собой один из путей фиксации маркеров локальной языковой идентичности. Д. Ю. Ващенко рассмотрела принципы устройства таких словарей, их включенность в последующую интерактивную дискуссию, статус лексем, вошедших в тот или иной словарь. Оставаясь ценным источником для изучения

рефлексии носителей диалекта над своим языком, эти данные, тем не менее, должны подвергаться дальнейшей верификации.

М. М. Громова (МГУ) проанализировала функционирование синтаксических клитик в словенских каринтийских диалектах в сопоставлении с литературным языком, реализующим центральнословенские особенности порядка слов. В отличие от литературного языка, где проклитики допустимы в абсолютном начале только вопросительных предложений, в каринтийских диалектах они частотны также в утвердительных предложениях. Встречающиеся архаичные типы отрицания и наличие в кластере, помимо глагольных и местоименных клитик, иных моносиллабических элементов объединяют каринтийские диалекты с ранним вариантом словенского литературного языка. Непоследовательность отклонений от литературного языка характеризует каринтийский порядок слов как нестабильную систему.

М. М. Василькина (МГУ) на примере произведений Стевана Сремаца «Ивкова Слава» и «Зона Замфирова» сопоставила призренско-тимокский диалект сербского языка (г. Ниш), отраженный в этих произведениях, с современным состоянием говора. Она выявила в нем устаревшие и сохранившиеся до настоящего времени черты с точки зрения различных уровней языка – фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса.

Блок докладов, связанный с македонистикой, открыло выступление *Н. И. Кикило* (МГУ), которая обратилась к анализу оптативных значений независимой *да*-конструкции в македонском литературном языке. В докладе были затронуты семантика оптативной *да*-конструкции (гипотетические и контрфактивные оптативные ситуации), ее значения с различными темпоральными формами, а также некоторые синтаксические особенности ее употребления.

Т. С. Ганенкова (ИСЛ РАН) посвятила свой доклад семантике некоторых предложных единиц в македонском языке. Единицы *меѓу* и *помеѓу* используются синонимично, выражая нахождение или движение между ориентирами, связь между объектами и равноправное положение с другими участниками. Единицы *среде* и *сред* также являются синонимами и используются для выражения значения ‘нахождение в середине локализатора’. Особый статус имеют предложные единицы *насред* и *посред*, *на сред* и *по сред*. В случае если каждый из элементов реализует свое значение, такая предложная единица является сочетанием предлогов, если же значение *насред* и *посред* равно значению *сред*, такая единица является вариантом предлога *сред*.

Завершило блок выступление *А. И. Чиварзиной* (МГУ) «Сравнительные конструкции типа “желтый как” и “зеленый как” в македонском языке в сопоставлении с албанским». Такие обороты – имея общие и особенные черты в этих двух языках – придают речи образность, эмоциональность, с их помощью раскрывается как основной признак предмета, так и ряд дополнительных, увеличивается интенсивность признака, может проявляться авторское отношение, они отражают особенности языковой картины мира.

Доклад *М. В. Лапыгиной* (Воронежский гос. университет) был посвящен методике преподавания студентам-сербам русского как иностранного, а именно комплексу упражнений по предупреждению ошибок на употребление межъязыковых сербско-русских омонимов. Практический опыт докладчика учит: только после рассмотрения явления омонимии на материале русской лексики можно приступать к упражнениям, связанным с межъязыковой омонимией.

М. В. Ясинская (ИСл РАН) выступила с докладом «Зрение и слепота в зеркале славянской диалектной фразеологии», в котором рассмотрела восточнославянские и польские фразеологизмы со значением ‘терять зрение, слепнуть’ и ‘приобретать зрение, прозревать’. Кроме прямых значений физического зрения / слепоты, эти фразеологизмы могут иметь переносные значения, связанные с ментальными состояниями – знанием, пониманием / неведением. Если у фразеологизмов «терять зрение» преобладают значения, связанные с физической слепотой, то в противоположном сегменте доминируют единицы с переносными значениями ‘узнавать’, ‘понимать’.

Доклад *А. П. Якимовой* (ИСл РАН) был посвящен теме отражения жизненного пути в терминологии болгарской народной одежды. Одежда как основной знак выделенности человека из мира природы различными способами отражает его жизненный путь. Докладчица рассмотрела костюм как элемент предметного кода культуры, а также проанализировала терминологию, обозначающую разные виды и части одежды.

Ж. А. Панина (МГУ) обратилась к названиям праздничных гуляний молодежи в архангельских говорах. Были рассмотрены гуляния, проводившиеся на главный приходской праздник деревни (обычно в весенне-летний период), святочные гуляния и еженедельные посиделки молодежи с играми и развлечениями в осенне-зимний период. Докладчица не только проанализировала внутреннюю форму наименований, установила синонимические

соответствия и территориальное распределение синонимов, но и привела основные этнографические сведения о праздничных событиях.

И. С. Правдина (Воронежский гос. университет) посвятила свое выступление судьбе терминов родства, считающихся устаревшими в русском, но активно используемых в других славянских языках. С помощью сопоставительного анализа семантики родственных лексем и опираясь на лингвокультурологический аспект, она попыталась объяснить причины подобного расхождения в функционировании лексики.

Заседание секции завершал доклад *Т. В. Шалаевой* (ИСл РАН) «К этимологии праславянского *gъtьno». Согласно гипотезе, высказанной докладчицей, площадка для молотьбы была названа по ее округлой форме. Здесь уместно сравнить русское литературное *гумно* как ‘помещение, сарай для сжатого хлеба’, ‘площадка для молотьбы; ток’ и диалектное *кружкóм*, то есть ‘гоняя лошадей по кругу» (о способе молотьбы с помощью лошади, которую «гоняли» по разостланным по току снопам); русское диалектное *гумѣнце* как ‘кружок, выстриженный на макушке головы’ и *кружóк* как ‘часть головы – макушка’; *гумѣшки* в значении ‘речная галька’ и *кругляк*, т. е. ‘круглый камень’, и др.

В секции «Литературоведение», работавшей 26 мая, участвовали молодые ученые из Института славяноведения РАН, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Воронежского государственного университета. Заседание началось с доклада *С. Ф. Сафаргалиевой* (МГУ) «Проблемы религии в сербском историческом романе 1970-х годов», в котором рассказывалось об оценке христианства сербскими писателями в указанный период. С одной стороны, религия отрицалась, соотносясь с догмой (М. Марков «Смутное время») или с политическим авантюризмом (Э. Кош «По следам мессии»), с другой – христианство воспринималось как способ сохранения этноса (М. Марков) и в качестве основы морали (Н. Ненадич «Доротей»).

Тему литературы, создающейся во времена кризиса культуры, продолжил доклад *А. В. Усачевой* (ИСл РАН) «Обэриуты и театр абсурда: типологические связи (на примере “Елизаветы Бам” Д. Хармса и “Лысой певичцы” Э. Ионеско)». Эти две пьесы написаны в разные периоды, характеризующиеся, однако, похожей ситуацией творческого и идеологического разочарования. Оба писателя говорят о распаде языка и реальности. Произведения сравниваются с целью вы-

явить типологические связи, на которые первым обратил внимание швейцарский исследователь Ж.-Ф. Жаккар.

Далее прозвучал доклад *А. Ф. Евгеньевой* (МГУ) «Новый формат сербской “новой прозы”». Эта проза пришла в Сербию на смену роману-притче в конце 1960-х гг. и предполагала обращение к обыденной жизни, выбор в качестве главного персонажа человека из народа или героя-аутсайдера. «Новая проза» обращалась к постановке глубоких философских проблем (Б. Пекич «Защита и последние дни»), некоторые произведения обретали исключительную политическую актуальность (Д. Михайлович «Когда цвели тыквы», Д. Попович «Книга о Милутине»), превращаясь в значительное явление общественной жизни.

В докладе *А. В. Амелиной* (ИСл РАН) «Война в утопических видениях межвоенной Чехии» был рассмотрен ряд чешских романов-утопий, по большей части негативных (И. Гауссмана, Я. Вайсса и др.), с точки зрения их композиционных особенностей. Произведения этих авторов также сравнивались с близкими к «классическим» утопиям документальными очерками М. Майеровой и Ю. Фучика.

Н. А. Лунькова (ИСл РАН) сделала доклад «“Одиноким ветряные мельницы” С. Стратиева: метафора детства» о сборнике рассказов болгарского писателя, ставшем его литературным дебютом. В нем автор описывает иррациональный мир детства как архетипическую модель свободы, противопоставляя его метафоре зрелости.

Выступление *С. А. Заболотной* (Воронежский гос. университет) на тему «“Лысая Гора” М. А. Булгакова в пространстве славянских переводов» было междисциплинарным и касалось семантических сдвигов при переводе романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» на чешский, сербский, болгарский языки, обусловленных спецификой коннотативного наполнения понятия в языке перевода.

Междисциплинарный подход лег в основу доклада *Е. В. Куренковой* (МГУ) «Языковые особенности комедии Й. Стерии-Поповича “Тыква, возмнившая себя чашей”» о языковых особенностях произведения сербского комедиографа. В нем была сделана попытка проследить, как процесс формирования сербского литературного языка отразился в стилистике данного автора.

Работа секции завершилась докладом *Е. В. Шатъко* (ИСл РАН) «Миф о Геро и Леандре в романе М. Павича “Внутренняя сторона ветра”», посвященном анализу авторских интерпретаций известного мифологического сюжета и его роли в фабуле и структуре произведения.

Г. П. Филипенко, Е. В. Шатъко
(Москва)

**Второй боснийско-герцеговинский славистический конгресс.
Сараево, 28–30 мая 2015 г.**

В столице Боснии и Герцеговины г. Сараево на философском факультете университета с 28 по 30 мая 2015 г. при поддержке председателя Совета министров Боснии и Герцеговины Д. Звиздича, премьер-министра правительства кантона Сараево Э. Конаковича и Министерства образования, науки и молодежи кантона Сараево прошел второй боснийско-герцеговинский славистический конгресс (Drugi bosanskohercegovački slavistički kongres). В нем приняли участие более двухсот ученых из двадцати стран мира, среди которых были слависты из Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Италии, Польши, России, Словакии, США, Франции, Швейцарии, Японии и всех независимых государств постюгославского пространства. Рабочими языками были объявлены все славянские и английский язык.

Работа велась в двух направлениях: лингвистика и литература и культура, параллельно работали лингвистические и литературоведческие секции. Лингвистическая часть была представлена следующими тематическими узлами: анализ древнейших памятников письменности, диалектология, сопоставительное языкознание и стандартизация боснийского, хорватского и сербского языков в конце XX – начале XXI в. В целой серии докладов рассматривался статус боснийского, хорватского и сербского языков* в современных социолингвистических условиях. Отметим некоторые доклады, которые привлекли наше внимание. В первый день работы конгресса на пленарном заседании выступила В. Миколич (Словения), в докладе которой было проведено сравнение модификаторов интенсивности значения лексем в боснийском и словенском языках. М. Мартынова (Россия) рассказала о сложном взаимоотношении языка и идентичности на Балканах. В. Пожгай-Хаджи и Т. Блажич-Бульц (Словения) представили современную ситуацию в области преподавания хорватского, сербского и боснийского языков на зарубежных кафедрах, в частности – на философском факультете Люблянского университета. Заявленный на пленарном заседании доклад С. Море (Швейца-

---

* В Боснии и Герцеговине распространено название BHS jezici (bosanski, hrvatski, srpski).

рия) был прочитан на следующий день как секционный, что вызывает сожаление, поскольку представленный материал был встречен аудиторией с большим интересом. Докладчик рассматривал взгляды А. Белича на формирование югославянской идеологии и – шире – югославянского дискурса.

Следующий день был посвящен проблематике, связанной с ареальной лингвистикой, славянской диалектологией, социолингвистикой и семантикой. Доклад С. Халиловича (Босния и Герцеговина) знакомил с историей диалектологии в Боснии и Герцеговине – этой лингвистической дисциплиной занимаются здесь уже сто двадцать лет. К. Сугаи (Болгария) осветил функционирование предлога *нэ* в болгарском северо-восточном диалекте в Румынии. М. Шекли (Словения) говорил о развитии западно-южнославянского праязыка. Р. Данум (Италия) представил свое исследование об использовании наречий и предлогов (напр.: *ta-gorë, ta-dole, ta-pod, ta-z*) в западных диалектах словенского языка, функционирующих на территории Италии (докладчик приводил примеры из собственных полевых исследований). М. Менац-Михалич и А. Целинич (Хорватия) рассказали о различных реализациях финального *-l* в причастиях в штокавских говорах на территории Хорватии (варианты реализации: *-a, -o, -ja* и др.). Р. Боньковски (Польша) обратился к проблеме стандартизации боснийского, черногорского, хорватского и сербского языков в польской научной литературе, в которой этой теме в последнее время уделяется большое внимание. М. Тогонал и С. Одак-Красич (Хорватия) рассказали о проведенном среди студентов университета г. Загреб опросе о важности изучения родного и иностранного языков. Г. Филипенко (Москва) представил результаты своего полевого исследования языковой картины среди хорватов и сербов в двуязычной венгерско-словенской общине Лендава на территории Словении.

В последний день конгресса работала только одна лингвистическая секция. Открывал ее М. Ухлик (Словения), который сравнил использование возвратных глаголов в безличных предложениях в русском и южнославянских языках. С. Хаджихалилович (Хорватия) рассказала о своем исследовании грамматических и орфографических норм в смс-сообщениях в русском и хорватском языках. И. Чагаль и В. Шунич (Хорватия) представили проект по сопоставлению словообразовательных подходов в хорватском и словацком языках. Б. Мартинович и М. Матешич (Хорватия) попытались ответить на вопрос, кем является компетентный носитель идиома. Э. Дурмишевич-Церница (Босния и Герцеговина) проанализировала восклицания, передающие

смех в славянских языках, с точки зрения прагматики. *А. Ходжич-Кадич* (Австрия) говорила о культурологической и этимологической гетерогенности в языке градищанских хорватов, особое внимание уделив анализу топонимов на градищанско-хорватском языке.

Литературоведческая часть Второго боснийско-герцеговинского конгресса была ограничена следующими темами: литература народов Боснии и Герцеговины и (южно)славянские литературы в сравнительной, интерлитературной и межкультурной перспективе; 120 лет первого романа Боснии и Герцеговины: история и поэтика романа в литературах народов Боснии и Герцеговины и (южно) славянских литературах; 100 лет со дня смерти М. Ч. Чатича: модерн в литературах народов Боснии и Герцеговины и в (южно)славянских литературах; 90 лет со дня смерти А. Б. Шимича: авангард в литературах народов Боснии и Герцеговины и (южно)славянских литературах; 40 лет со дня смерти И. Андрича: творчество И. Андрича сегодня. Пленарное заседание «Литература и культура» открыл доклад *Н. Стариковой* (Москва) «Проблемы изучения и интерпретации южнославянских литератур», в котором на материале «Лексикона южнославянских литератур» был рассмотрен феномен билитературной (полилитературной) принадлежности творчества писателя, то есть его вовлеченности в литературную жизнь нескольких национальных литератур. *Ш. Джафич* (Босния и Герцеговина) в своем докладе обратила внимание на необходимость выработки нового методологического аппарата для создания наименее политически или национально ангажированных исследований в области литературоведения. *В. Бабич* (Хорватия) рассказала о литературе региона Боки-Которски как о ярком примере интерлитературности и литературной идентификации. Этнограф из США *М. Белявски-Франк* представила аудитории анализ символов цветов, фруктов и еды в боснийских и македонских любовных и свадебных песнях. Особо интересным нам показался доклад *А. Ибришимович-Шабич* (Босния и Герцеговина) о сараевских чтениях «Вишневого сада» А. П. Чехова. *Р.Божич* (Хорватия) представила доклад на тему «Иосиф Бродский как поэт транскультурности». Заключительная часть пленарного заседания была полностью посвящена современным взглядам на творчество И. Андрича. Например, *Л. Мороз-Гжелак* (Польша) представила аудитории доклад на тему «Художественные произведения Иво Андрича в перспективе польских исследований – память или забытьё?».

Тематические литературоведческие секции начали работать во второй день. Одна из секций (свыше двадцати докладов) была пол-

ностью посвящена творческому наследию И. Андрича, выступающие касались различных аспектов андричевской проблематики: от анализа конкретных художественных произведений, рассмотрения особенностей его поэтики и компаративного дискурса до интервью, взятых у нобелевского лауреата. В этот же день состоялись еще две «персонифицированные» юбилейные секции: одна была посвящена творчеству М. Ч. Чатича, другая – А. Б. Шимича. Докладчики касались отдельных аспектов их творчества (*Й. Вуцо* (Хорватия) «Мотивы души и тела в поэзии Шимича»), использовали сравнительный метод (*Х. Перчич* (Хорватия) «И. Андрич и А. Шимич (возможно ли сопоставление)?»), *С. Марьянич* (Хорватия) «Антун Бранко Шимич и Крлежа»). Отдельная секция была посвящена собственно боснийской литературе. Ученые из Боснии и Герцеговины *Д. Кос*, *Р. Буткович*, *А. Пейчинович* говорили соответственно о первом боснийском романе, модерне и символизме в литературах народов Боснии и Герцеговины. Несколько докладов было посвящено взаимодействию литературы и фольклора.

В последний день конгресса обсуждалась литература для детей, рассматривались отдельные произведения югославянских авторов *Б. Шчепановича*, *М. Крлежи*, *Д. Угрешич*, *Д. Киша* в боснийском контексте, в отдельных выступлениях была затронута актуальная гендерная проблематика. Самой интересной, на наш взгляд, была секция, посвященная литературе XXI в. – а именно, творчеству таких выдающихся современных писателей, как *М. Ергович* и *Д. Карахасан*. Последний лично присутствовал на заседании, однако комментировать выступления, интерпретирующие его произведения, не стал.

Завершало работу конгресса выступление ансамбля университета г. Сараево «Этноакадемик». Были исполнены народные песни, в том числе боснийские севдалинки.

Организаторы планируют издать итоговый сборник материалов конгресса.

Сведения об авторах

Агапкина Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, главный редактор издательства «Индрик». indric@mail.ru

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. adelgejm@yandex.ru

Богдашкин Александр Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник военно-исторической научно-исследовательской лаборатории Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина». bogdashkin83@mai.ru

Бодрова Анна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. bodran@rambler.ru

Булахтин Максим Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ). bulachtin@yandex.ru

Вабищевич Александр Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории славянских народов Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина (Беларусь). vabischev@rambler.ru

Валева Елена Любомировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. el.valeva@yandex.ru

Волокитина Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, зав. Центром по изучению общественных процессов в Восточной Европе после

Второй мировой войны Института славяноведения РАН. tanyaslav@rambler.ru

Гром Олег Андреевич – младший научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. gromescu@gmail.com

Гусев Юрий Павлович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. juguszev@yandex.ru

Ефимова Валерия Сергеевна – доктор филологических наук, зав. отделом славянского языкознания Института славяноведения РАН. valeriefimova@yandex.ru

Клопова Мария Эдуардовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. mklopova@yandex.ru

Кокунина Людмила Константиновна – младший научный сотрудник Центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. surfacing91@mail.ru

Королькова Полина Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН. kogolkovapolina@mail.ru

Косик Виктор Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. kosikvictor@mail.ru

Кочегаров Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. kirill_kochegarov@yahoo.com

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, зав. Кафедрой археологии и всеобщей истории, декан факультета истории, философии и искусств Северо-Кавказского федерального университета. Igory5@yandex.ru

Новосельцев Борис Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра по изучению общественных процессов в Восточной Европе после Второй мировой войны Института славяноведения РАН. bnovoseltsev@yandex.ru

Макарова Галина Васильевна – научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. emkirill@mail.ru

Пилипенко Глеб Петрович – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН. glebpilipenko@mail.ru

Пихурик Юдит – PhD, доцент университета в г. Сегед (Венгрия). j.pihurik@gmail.com

Скорвид Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры славистики и центральноевропейских исследований Института филологии и истории РГГУ, старший научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН. slavcenteur@gmail.com

Старикова Надежда Николаевна – доктор филологических наук, зав. отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. nstarikova@mail.ru

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. zhurslav@mail.ru

Субаев Рашид Рахатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. rsubaev@yandex.ru

Теплухин Вячеслав Владимирович – кандидат исторических наук, начальник военно-исторической научно-исследовательской лаборатории Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина». slava.teplukhin@yandex.ru

Усачева Анастасия Викторовна – младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. anastasia.usacheva@gmail.com

Фалькович Светлана Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.

Фединец Чилла – PhD, историк, старший научный сотрудник Института национальных меньшинств Центра общественных наук Венгерской академии наук. fedinec.csilla@tk.mta.hu

Фролова Марина Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. marinafrolova59@mail.ru

Черничко Степан Степанович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Закарпатского венгерского института им. Ференца II Ракоци. csistvan@kmf.uz.ua

Чешко Галина Анатольевна – младший научный сотрудник отдела диалектологии Института украинского языка НАН Украины. galina_cheshko@meta.ua

Шатько Екатерина Викторовна – младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. arendel@ya.ru

Шемякин Андрей Леонидович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн. anshemjakin@rambler.ru

Широкова Людмила Федоровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. shirocco@mail.ru

Шуберт Габриелла – профессор отделения славистики философского факультета Университета Фридриха Шиллера (Германия). G.Schubert@uni-jena.de

---

Ясинская Мария Владимировна – младший научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН.
marusiaya@gmail.com

About the authors

Adel'gejm Irina Jevgen'jevna – a Doctor of Letters, leading research fellow in the Department of Slavic Literatures of Central and South-Eastern Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. adelgejm@yandex.ru

Agapkina Tatjana Alekseevna – a Doctor of Letters, leading research fellow of the Department of Ethnolinguistics and Folklore in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, the chief editor in «Indrik» Publishing House. indric@mail.ru

Bulahtin Maksim Anatol'jevič – a Doctor of History, professor of universal history of Perm' State National Research University. bulachtin@yandex.ru

Bodrova Anna Gennad'jevna – a Ph.D. in philology, assistant professor of Slavic Philology, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University. bodran@rambler.ru

Bogdaškin Aleksandr Andrejevič – a Ph.D. in history, research fellow in the Scientific Research Laboratory of Military History in the Air Force Military Educational and Academic Centre «N. Je. Žukovskij and Ju.A. Gagarin Air Force Academy». bogdashkin83@mai.ru

Černičko Stepan Stepanovič – a Ph.D. in philology, senior research fellow in Ferenc Rákóczi II. Transcarpathian Hungarian Institute. csistvan@kmf.uz.ua

Češko Galina Anatol'jevna – minor research fellow in the Department of Dialectology, Institute of Ukrainian Language, National Academy of Sciences of Ukraine. galina_cheshko@meta.ua

Fal'kovič Svetlana Mihajlovna – a Doctor of History, leading research fellow the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

Fedinec Csilla – PhD, historian, senior research fellow of the Institute for Minority Studies, Centre for Social Sciences, Hungarian Academy of Sciences. fedinec.csilla@tk.mta.hu

Frolova Marina Mihajlovna – a Ph.D. in history, senior research fellow in the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. marinafrolova59@mail.ru

Grom Oleg Andreevič – minor research fellow of the Institute of Social, Economical and Humanitarian Studies of the Southern Academic Centre, Russian Academy of Sciences. gromescu@gmail.com

Gusev Jurij Pavlovič – a Doctor of Letters, leading research fellow in the Department of Slavic Literatures of Central and South-Eastern Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. juguszev@yandex.ru

Jasinskaja Marija Vladimirovna – minor research fellow in the Department of Ethnolinguistics and Folklore in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. marusiaya@gmail.com

Efimova Valerija Sergeevna – a Doctor of Letters, the head of the Department of Slavic Linguistics in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. valeriefimova@yandex.ru

Klopova Marija Ėduardovna – a Ph.D. in history, research fellow in the Department of Eastern Slavic Studies in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. mklopova@yandex.ru

Kočegarov Kirill Aleksandrovič – a Ph.D. in history, senior research fellow in the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. kirill_kočegarov@yahoo.com

Kokunina Ljudmila Konstantinovna – minor research fellow in the Centre of Studies in the History of Multinational Austrian Empire in the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. surfacing91@mail.ru

Korol'kova Polina Vladimirovna – a Ph.D. in philology, research fellow of the Department of Cultural History of Slavic Peoples in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. korolkovapolina@mail.ru

Kosik Viktor Ivanovič – a Doctor of History, leading research fellow in the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. kosikviktor@mail.ru

Krjučkov Igor' Vladimirovič – a Doctor of History, professor, the chair of Archeology and History of the World, the Dean of the Department of History, Philosophy and Arts of North Caucasus Federal University. Igory5@yandex.ru

Makarova Galina Vasil'jevna – research fellow the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. emkirill@mail.ru

Novosel'cev Boris Sergeevič – a Ph.D. in history, research fellow in the Centre of Social Processes Study in Eastern Europe after WWII in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. bnovoseltsev@yandex.ru

Pihurik Judit – PhD, assistant professor in Szeged University (Hungary). j.pihurik@gmail.com

Pilipenko Gleb Petrovič – a Ph.D. in philology, research fellow in the Department of Slavic Linguistics in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. glebpilipenko@mail.ru

Šat'ko Ekaterina Viktorovna – minor research fellow in the Department of Slavic Literatures of Central and South-Eastern Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. arendel@ya.ru

Schubert Gabriella – Prof. Dr., the Institute of Slavic Studies, Department of Philosophy, Friedrich Schiller University (Germany). G.Schubert@uni-jena.de

Skorvid Sergei Sergeevich – PhD, philologist, associate professor at the Chair of Slavistics and Central-European Studies of the Philological Institute of the Russian State University for the Humanities and senior research associate at Department of Typology and Comparative Linguistics in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. slavcenteur@gmail.com

Širokova Ljudmila Fedorovna – a Ph.D. in philology, senior research fellow in the Department of Slavic Literatures of Central and South-Eastern Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. shirocco@mail.ru

---

Starikova Nadežda Nikolaevna – a Doctor of Letters, the head of the Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. nstarikova@mail.ru

Stykalin Aleksandr Sergeevič – a Ph.D. in history, leading research fellow in the Department of Slavic History of the World Wars Period in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. zhurslav@mail.ru

Subaev Rašid Rašatovič – a Ph.D. in history, senior research fellow in the Department of Slavic History of the World Wars Period in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. rrsubaev@yandex.ru

Šemjakin Andrej Leonidovič – a Doctor of History, leading research fellow in the Department of Slavic History of the World Wars Period. anshemjakin@rambler.ru

Tepluchin Vjačeslav Vladimirovič – a Ph.D. in history, the head of the Scientific Research Laboratory of Military History in the Air Force Military Educational and Academic Centre «N. Je. Žukovskij and Ju. A. Gagarin Air Force Academy». slava.teplukhin@yandex.ru

Usačeva Anastasija Viktorovna – minor research fellow in the Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, anastasia.usacheva@gmail.com

Vabiščevič Aleksandr Nikolaevič – a Doctor of History, a chair of the Department of History of Slavic Peoples in «Alexander Pushkin» Brest State University (Belarus). vabischev@rambler.ru

Valeva Elena Ljubomirovna – a Ph.D. in history, senior research fellow of the Department of Modern History of Central and South-Eastern European Countries. el.valeva@yandex.ru

Volokitina Tat'jana Viktorovna – a Doctor of History, the head of the Centre of Social Processes Study in Eastern Europe after WWII, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. tanyaslav@rambler.ru

Правила публикации статей в «Славянском альманахе»

Редколлегия журнала «Славянский альманах» принимает к рассмотрению только оригинальные статьи, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму. В письме необходимо сообщить сведения о себе: фамилия, имя и отчество полностью, ученые степень и звание, место работы (учебы) и должность, телефон и электронный адрес.

Е-mail редакции: slav-almanakh@yandex.ru

Статьи и публикации не должны превышать 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами и с учетом сносок), рецензии – 0,5 п. л. (20 000 знаков), хроника – 7 000 знаков.

Для экспертной оценки рукописей введен институт рецензирования всех поступающих в редакцию материалов. Рецензирование рукописей осуществляется членами редколлегии, специализирующимися по тематике рассматриваемых статей. При необходимости к рецензированию привлекаются сотрудники Института славяноведения РАН или другие специалисты по рекомендации членов редакционной коллегии и редакции. В альманахе введено анонимное рецензирование каждой рукописи двумя (в спорных случаях – тремя) рецензентами. Отрицательные рецензии и отзывы, содержащие замечания, требующие доработки рукописи, обязательно высылаются авторам.

Формат текста

Выравнивание основного текста – по ширине страницы

Фамилия автора, город (в скобках) – по правому краю (курсив)

Название статьи – по центру (полужирный)

Абзац – отступ 1,27 см

Междустрочный интервал – 1,5 (сверху и снизу – 0)

Шрифт – Times New Roman, размер 14

Без переносов

Буква ё ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова или фразы; во всех остальных случаях – только е.

Сокращения

При первом упоминании фамилии обязательно указываются ини-

циалы, которые разделяются пробелом и отделяются пробелом от фамилии.

Годы, обозначающие определенный период, указываются только в цифрах: 1960-е годы, 60-е годы XX в.

Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: 1861 г., 1870–1875 гг.

Век или века обозначаются римскими цифрами с сокращением в. или вв.: XVIII в., IX–XI вв.

НВ: между цифрами ставится короткое тире (не дефис).

Допускаются сокращения: т. д., т. п., др., проч., см.

Писать полностью: так как, так называемый, то есть, например.

Цифры: тысячи от сотен и миллионы от тысяч отделяются пробелом: 1 350, 5 780 462, 2 900 000 000. Нули (000) могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн, млрд

Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст. и др.

Кавычки

Кавычки только «». Если закавыченное слово (слова) находятся внутри цитаты, употребляются кавычки в кавычках: «“...”».

Примечания

Сноски – концевые, автоматические, нумеруются арабскими цифрами.

В конце предложения цифра сноски ставится перед точкой.

Шрифт сносок: Times New Roman, размер 10.

Междустрочный интервал в сносках – 1,5 (выравнивание – по ширине).

Возможны текстовые (пояснительные) сноски внизу страницы, которые обозначаются звездочкой (*).

Ф.И.О. авторов в концевых сносках – курсивом. Если в сноске несколько работ одного автора, вместо Ф.И.О. – *Он же (Она же)*.

Выходные данные: город, год (издательство не указывается, кроме случаев, когда это имеет смысловое значение). Сокращенно даются названия городов Москва, Ленинград, Петроград, Санкт-Петербург – М., Л., Пг., СПб. (остальные полностью).

Номер тома, выпуска, книги, части ставится после выходных данных, перед указанием страниц: М., 2001. Т. 1. С. 25 (каждая позиция отделяется пробелом).

Если сноски на одну и ту же работу идут подряд, пишется: Там же (или Ibid. – для иностранных работ). При повторных упоминаниях работы указывается автор и краткое название с многоточием (без повторения выходных данных) – но не Указ. соч. (или Op. cit.).

Архивные сноски содержат указание на название архива (полное или краткое), номера фонда, описи, дела и листа.

Несоблюдение авторами данных правил может послужить отказом в публикации статьи в альманахе.

Научное издание

Славянский альманах
3-4 2015

Издательство «Индрик»

Корректор *М. Н. Толстая*
Оригинал-макет *Ю. Е. Рычаловская*

Условия публикации и правила оформления статей
помещены на сайте <http://inslav.ru/izdaniya/slavianskiy-almanah>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции (ОКП) – 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
31,0 п. л. Тираж 400 экз.
Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6